HV 1215
.M672
I676
1863
v. 1
Copy 1

ПРИДВОРНЫЙ ФАБРИКАНТЪ
БАРАШЪ
ВЪ МОСКВѢ.

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1918

Class HV 1911
Book .M8 V9

YUDIN COLLECTION

122

Materialy dla Istorij
Imperatorskago Moskovskago vospitatelnago doma

Materials to the History of the Imperial Educational House
in Moscow

part 1st

сут

Materialy dlia istorii Imperatorskago moskovskago vospitatelnago doma

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ИСТОРІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО ВОСПИТАТЕЛЬНАГО ДОМА.

ВЫПУСКЪ 1-й,

изданный ко дню столѣтняго юбилея Воспитательнаго Дома.

1 СЕНТЯБРЯ 1863 г.

26.6

МОСКВА.
Въ типографіи Семена.
1863.

Дозволено цензурой. Москва, Августа 21 дня 1863 года.

СОДЕРЖАНІЕ I-ГО ВЫПУСКА.

	Стр.
Вступленіе.	I—IV
I. СВѢДѢНІЯ МЕДИЦИНСКІЯ:	
1) Объ искуственномъ кормленіи грудныхъ младенцевъ.	1—16
2) Историческій очеркъ оспопрививанія въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ.	17—40
3) О болѣзняхъ и смертности грудныхъ дѣтей въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ.	41—64
Таблица смертности младенцевъ въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ, съ 1764 по 1863 годъ.	
4) О Секретно-Родильномъ Госпиталѣ.	65—85
5) О Законно-Родильномъ Госпиталѣ.	86—89
Приложеніе: Уставъ Родильныхъ Госпиталей и Повивальнаго Института.	90—96
II. РАСПОРЯЖЕНІЯ О ПИТОМЦАХЪ.	
1) Историческій очеркъ воспитанія питомцевъ въ деревняхъ.	1—39
2) Передача питомцевъ на попеченіе родственниковъ.	40—52
3) Усыновленіе деревенскихъ питомцевъ.	53—58
III. РАЗНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ:	
1) О привилегіяхъ Воспитательнаго Дома.	1—14
2) О карточной привилегіи Воспитательнаго Дома.	14—26
3) Аптека Московскаго Воспитательнаго Дома.	26—33
4) О приношеніяхъ въ пользу Воспитательнаго Дома и нѣкоторыхъ другихъ его доходахъ.	33—41
5) Благотворители Воспитательнаго Дома.	42—69
6) Благотворитель Дома Демидовъ.	69—77
7) Угодья, оброчныя статьи и вещи, жалованныя Воспитательному Дому.	78—92
8) Воспитательный Домъ въ 1812 году.	93—113

ЧЕРТЕЖИ:

1) Генеральный планъ Воспитательнаго Дома въ концѣ XVIII столѣтія.
2) Генеральный планъ Воспитательнаго Дома въ 1863 году.
Планы большаго зданія—Корделожи и Квадрата:
3) 1-го этажа.
4) 2-го этажа.
5) 3-го этажа.
6) 4-го этажа.
7) 5-го этажа.
Планы Окружнаго Строенія:
8) 1-го этажа.
9) 2-го и 3-го этажей.

Iap 75

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ БЕЦКОЙ.

По мысли Бецкаго, Манифестомъ Императрицы Екатерины II, подписаннымъ 1-го сентября 1763-го года, учрежденъ въ Москвѣ Воспитательный Домъ съ Госпиталемъ для бѣдныхъ родильницъ. Манифестомъ симъ объявлено, что узаконенію о Воспитательномъ Домѣ опредѣлено быть учрежденіемъ Государственнымъ; Императрица обнадежила за Себя и за Ея Преемниковъ Россійской Императорской Короны, что сіе богоугодное и благочестивое общее государственное учрежденіе будетъ на вѣки подъ особливымъ Монаршимъ покровительствомъ и призрѣніемъ. По особенному довѣрію Императрицы къ учредителю Воспитательнаго Дома, управленіе новымъ заведеніемъ ввѣрено было Бецкому, съ весьма обширною властію, которую онъ сохранилъ до самой глубокой старости. Императоръ Павелъ I передалъ главное управленіе Воспитательными Домами Супругѣ Своей Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. По кончинѣ Императрицы, 14 октября 1828-го года, Императоръ Николай I, указомъ отъ 26 октября, принялъ Воспитательные Домы подъ непосредственное и особенное Свое покровительство и повелѣлъ представлять на Свое усмотрѣніе всѣ дѣла, кои восходили на разрѣшеніе Императрицы Маріи Ѳеодоровны; указомъ же отъ 6-го декабря, по завѣщанію Своей Августѣйшей Матери, велѣлъ Воспитательнымъ Домамъ въ столицахъ состоять подъ покровительствомъ Супруги Своей Императрицы Александры Ѳеодоровны. И нынѣ Воспитательные Дома остаются подъ непосредственнымъ покровительствомъ благополучно Царствующихъ Государя Императора и Государыни Императрицы.

Основной капиталъ Учрежденія составили щедроты Императрицы Екатерины II и Ея Наслѣдника, Всемилостивѣйше пожаловавшихъ и въ ежегодное подаяніе значительныя суммы. Впрочемъ при самомъ учрежденіи Дома имѣлось въ виду основать его „общимъ подаяніемъ“.

Почему въ то время обнародовано было и воззваніе Святѣйшаго Синода къ сынамъ Православной Церкви. Списокъ благотворителей Воспитательнаго Дома весьма длиненъ и продолжается безпрерывно, выражая общее сочувствіе къ Учрежденію. Во главѣ этого списка стоятъ: самъ основатель Ив. Ив. Бецкой, принцесса Гессенъ-Гомбургская, рожденная княжна Трубецкая, княгиня Голицына, Прокофій Демидовъ; за ними слѣдуютъ люди всѣхъ состояній:—князья Кантеміръ, Куракинъ, Шаховской, Долгорукій; архіепископъ Амвросій, епископъ Дамаскинъ, архимандритъ Барановичъ, протоіерей Тимковскій; дворяне—Шубскій, Бородинъ, Собакинъ, Шереметева, Кашкадамова, Спечинская; купцы-Щуровъ, Телѣгинъ, Квасникова, откупщикъ Логиновъ; мѣщанки—Критская, Бочина, служитель Дроздовъ, поселянинъ Сеземовъ; греки—Бубы, Хаджи-Конста и другіе иностранцы также находятся въ числѣ жертвователей.

Съ цѣлью расширить средства Воспитательнаго Дома предоставлены ему были разныя при-

вилегіи и оброчныя статьи. Впослѣдствіи съ учрежденіемъ въ вѣдомствѣ Московскаго Воспитательнаго Дома Сохранной и Ссудной Казны, получаемая отъ нихъ прибыль составила главный источникъ содержанія не только Воспитательнаго Дома, но и многихъ другихъ благотворительныхъ учрежденій.

Кругъ дѣйствій Московскаго Воспитательнаго Дома съ самаго начала былъ весьма обширенъ. Разумѣется, что главнѣйшимъ предметомъ было призрѣніе несчастнорожденныхъ дѣтей и не въ одной Москвѣ, но и въ другихъ мѣстностяхъ Имперіи. До учрежденія Приказовъ Общественнаго Призрѣнія многіе благотворители, называвшіеся попечителями, подъ руководствомъ Воспитательнаго Дома, оказывали призрѣніе подкидышамъ въ С.Петербургѣ, Архангельскѣ, Пензѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Смоленскѣ, Осташковѣ, Черниговѣ и проч. Изъ этихъ мѣстъ младенцы препровождались для дальнѣйшаго воспитанія въ Московскій Домъ. По учрежденіи же Приказовъ, многіе изъ нихъ, за скудостію собственныхъ средствъ, получали вспомоществованіе отъ Московскаго Воспитательнаго Дома. Даже и въ настоящее время, въ силу Высочайшихъ повелѣній, несчастнорожденные младенцы пересылаются въ Москву Орловскимъ Приказомъ Общественнаго Призрѣнія и Комитетомъ, управляющимъ Коломенскою Городскою Больницею.

Воспитательный Домъ не прерывалъ своего благотворительнаго дѣла ни въ моровую язву 1771 года, ни во время занятія Москвы непріятелемъ въ 1812 году, ни въ 1830 году, въ холерную эпидемію. Послѣ этихъ бѣдствій поручено было Воспитательному Дому попеченіе о многихъ изъ оставшихся сиротъ: такъ послѣ 1830 года образовался Александринскій Сиротскій Институтъ, а послѣ холеры 1848 г. учрежденъ былъ временный для сиротъ пріютъ въ самомъ Домѣ.

Собственно несчастнорожденныхъ или покинутыхъ младенцевъ съ основанія Дома по 22 августа 1863 года призрѣно 464.614, въ томъ числѣ 75.726 младенцевъ, родившихся въ Госпиталѣ Дома.

Кромѣ младенцевъ незаконнорожденныхъ, Воспитательный Домъ вскармливалъ младенцевъ законныхъ, которые нуждались въ призрѣніи, по сиротству, или крайней бѣдности родителей.

Отсюда возникло Малолѣтное Отдѣленіе для штабъ и оберъ-офицерскихъ сиротъ, нынѣ существующее въ видѣ особаго заведенія, и состоящее при Московскомъ Воспитательномъ Домѣ Отдѣленіе офицерскихъ малолѣтковъ. Солдатскихъ дочерей, сиротъ и полусиротъ, Воспитательный Домъ призрѣваетъ по установленнымъ правиламъ, впрочемъ по особому о каждой сиротѣ ходатайству военнаго начальства.

Послѣ призрѣнія несчастнорожденныхъ младенцевъ важнѣйшимъ дѣломъ Воспитательнаго Дома было призрѣніе бѣдныхъ родильницъ не только неизвѣстнаго званія, но и законныхъ. Число такихъ родильницъ всегда было значительно; съ 1832 года въ одинъ Секретный Госпиталь поступило беременныхъ по 1 января сего года 53.036.

Отдѣленіе законныхъ родильницъ первоначально учреждено было въ 1805 году собственнымъ иждивеніемъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

При столь обширныхъ Родильныхъ Госпиталяхъ, каковы родильныя палаты Московскаго Воспитательнаго Дома, естественно долженъ былъ возникнуть Повивальный Институтъ. Нынѣ этотъ Институтъ имѣетъ два Отдѣленія: одно для воспитанницъ, содержимыхъ на счетъ казны и назначаемыхъ въ государственную службу, а другое для приходящихъ слушательницъ. Въ разные города Имперіи Московскій Воспитательный Домъ отправилъ въ должности повивальныхъ бабокъ болѣе 800 своихъ воспитанницъ.

Призрѣнныя Воспитательнымъ Домомъ несчастнорожденныя дѣти носятъ названіе питомцевъ и питомокъ, пока не будутъ причислены въ какое либо изъ существующихъ въ Государствѣ сословій.

При воспитаніи питомцевъ, Правительство имѣло въ различное время различныя цѣли, и сообразно этому измѣнялись и способы призрѣнія питомцевъ. Полное изложеніе этого предмета требуетъ весьма многихъ подробностей. Излагая, вмѣсто предисловія, самый сжатый очеркъ исторіи Воспитательнаго Дома, укажемъ

теперь лишь на то, что по первой мысли Бецкаго питомцы назначались къ умноженію въ Государствѣ средняго состоянія людей. Воспитывать изъ питомцевъ будущихъ художниковъ, ремесленниковъ и проч. предполагалось въ самомъ Домѣ, въ обширныхъ его зданіяхъ, гдѣ были устроены различныя фабрики и мастерскія. Впослѣдствіи, при измѣнившемся взглядѣ на этотъ предметъ, отъ Воспитательнаго Дома учреждены были для питомцевъ свои земледѣльческія колоніи. Эта мысль потомъ оставлена и самыя колоніи уничтожены и наконецъ въ 1837 году, Именнымъ указомъ 25-го іюня, питомцевъ вообще предназначено обращать въ сельское сословіе. Такого воззрѣнія Управленіе Воспитательнаго Дома держится и нынѣ, послѣ указанія 25-ти лѣтняго опыта со дня означеннаго постановленія: почти всѣ питомцы воспитываются въ деревняхъ и употребляется стараніе, для водворенія ихъ тамъ же,въ возможно большемъ числѣ.

При такихъ различныхъ въ разное время взглядахъ на дѣло воспитанія питомцевъ, соотвѣтственно онымъ, возникали разныя учрежденія, какъ-то: мужскіе и женскіе учебные классы Воспитательнаго Дома, Ремесленное Учебное Заведеніе, Фельдшерская Школа и Отдѣленія для образованія приготовительной прислуги и т. п.

Съ приведеніемъ въ исполненіе указа 1837-го года, учебные классы Воспитательнаго Дома, для питомцевъ и питомокъ были уничтожены; въ замѣнъ этого въ составъ управленія Воспитательнаго Дома поступили совершенно особыя заведенія, а именно Институты для оберъ-офицерскихъ сиротъ: мужской и женскій; изъ нихъ мужской соединенъ съ бывшимъ Александринскимъ Институтомъ, который въ свою очередь преобразованъ въ Кадетскій Корпусъ. Нынѣ въ вѣдѣніи Управленія Воспитательнаго Дома состоитъ Николаевскій Сиротскій Институтъ для штабъ и оберъ-офицерскихъ дѣтей.

Изъ всего предыдущаго ясно, что въ настоящее время подъ именемъ Московскаго Воспитательнаго Дома разумѣется совокупность нѣсколькихъ обширныхъ учрежденій, а именно: 1. Грудныя Отдѣленія для приносныхъ младенцевъ. 2. Существующія при этихъ Отдѣленіяхъ палаты для вскормленія законныхъ дѣтей и офицерскихъ малолѣтковъ. 3. Управленіе питомцами, воспитывающимися въ деревняхъ; сюда должно отнести и существующія при Домѣ больницы для питомцевъ. 4. Отдѣленіе для приготовленія изъ питомокъ женской прислуги. 5. Родильные Госпитали: Секретный и Законный. 6. Повивальный Институтъ; и наконецъ— 7. Николаевскій Сиротскій Институтъ, составляющій спеціальное учебное заведеніе, съ цѣлью призрѣть бѣдныхъ офицерскихъ дѣтей, образованіемъ изъ нихъ гувернантокъ.

Общее число призрѣваемыхъ Воспитательнымъ Домомъ простирается свыше 35 тысячь человѣкъ. Въ самомъ зданіи Воспитательнаго Дома младенцевъ, кормилицъ, питомокъ, воспитанницъ и другихъ призрѣваемыхъ отъ 3 до 4 тысячь.

При такихъ размѣрахъ Московскій Воспитательный Домъ есть обширнѣйшее благотворительное заведеніе не только изъ всѣхъ Московскихъ, но и вообще изъ существующихъ въ Имперіи.

Манифестъ объ основаніи Дома состоялся 1-го сентября 1763 года; но открытіе Дома и пріемъ младенцевъ послѣдовали 21-го апрѣля 1764 года. Въ декабрѣ 1862 года Государь Императоръ повелѣлъ столѣтній юбилей Дома праздновать 1-го сентября 1863 года, а въ прошедшемъ мартѣ утверждена программа празднованія и ассигнованы деньги, между прочимъ и на расходы по изданію матеріаловъ для исторіи Заведенія, на заготовленіе чертежей и рисунковъ. Послѣ этого безотлагательно приступлено было къ приведенію въ порядокъ собранныхъ историческихъ свѣдѣній и дополненію оныхъ тѣми указаніями, которыя заключались въ старыхъ, времени Бецкаго, дѣлахъ С.Петербургскаго Опекунскаго Совѣта.

Въ Петербургѣ, куда я былъ командированъ по дѣламъ лишь на двѣ недѣли, въ мартѣ текущаго года, не только прочесть, но и ознакомиться съ кипами этихъ дѣлъ, мнѣ было невозможно.

По просьбѣ моей, Его Императорское Высочество Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбург-

скій благосклонно соизволилъ приказать переслать помянутыя дѣла ко мнѣ въ Москву. Разсмотрѣвъ эти бумаги, въ маѣ приступилъ я къ печатанію ряда статей, по мѣрѣ того, какъ онѣ представлялись сколько нибудь полными. Я не имѣлъ въ виду издать ко дню юбилея полную исторію Дома. Пригласивъ моихъ ближайшихъ помощниковъ и нѣсколькихъ служащихъ при Домѣ врачей заняться со мною обработкою нѣкоторыхъ матеріаловъ, я желалъ преимущественно, или извлечь изъ забвенія такіе, которые съ теченіемъ времени могли бы совершенно утратиться, или сгруппировать тѣ, которые и нынѣ имѣютъ ближайшую связь съ прямою цѣлью Заведенія и могутъ освѣтить для самого Управленія Дома такіе предметы, о которыхъ ему всегда должно заботиться и часто представлять Опекунскому Совѣту свои заключенія. Къ начертанію полной исторіи Дома есть и другое препятствіе: въ архивѣ Заведенія дѣлопроизводство сохранилось лишь съ 1812 года и только книги Крестоваго Отдѣленія и нѣкоторыя другія представляются безъ пробѣловъ съ самаго основанія Дома.

Съ дѣлами Московскаго Воспитательнаго Дома по всѣмъ разнообразнымъ его частямъ всѣхъ ближе знакомъ письмоводитель Управленія М. Н. Алексѣевъ: съ нимъ непрестанно я и совѣтовался. Его же стараніями, едва ли не во всей желаемой полнотѣ, составленъ списокъ благотворителей Дома, а по возможности собраны историческія свѣдѣнія о предоставленныхъ Дому въ первое время его существованія оброчныхъ статьяхъ, о привилегіяхъ Дома, и о происшествіяхъ въ 1812 году, Дома касающихся и пр. Весьма любознательные молодые врачи А. И. Клементовскій и Р. Я. Расторовъ написали, по просьбѣ моей, статьи,—первый объ искуственномъ кормленіи грудныхъ дѣтей и объ оспопрививаніи, а послѣдній—о Секретно-Родильномъ Госпиталѣ. В. А. Голицынскій, по указаніямъ главнаго доктора А. И. Блументаля, выбралъ изъ отчетовъ Г. Блументаля за разные годы тѣ любопытныя свѣдѣнія, которыя заключаются въ статьѣ „О болѣзняхъ и смертности грудныхъ дѣтей въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ.“ Г. М. Воздвиженскій, молодой преподаватель Повивальнаго Института, подготовилъ подробную записку объ этомъ учрежденіи; но печатаніе оной я отложилъ до предполагаемаго мною втораго выпуска „Матеріаловъ.“ Административныя распоряженія по воспитанію питомцевъ въ деревняхъ, ихъ усыновленію и возвращенію къ родственникамъ изложены въ хронологическомъ порядкѣ инспекторомъ округовъ Н. М. Горлицынымъ.

При составленіи поименованныхъ статей, всѣ мы пользовались выписками изъ дѣлъ Московскаго Опекунскаго Совѣта, сдѣланными П. В. Шереметевскимъ, уступившимъ ихъ въ мое распоряженіе. — Директоръ Московскаго Архива Министерства Юстиціи П. И. Ивановъ, по дружескому расположенію, сообщилъ мнѣ изъ дѣлъ этого Архива извлеченія, на которыя въ своемъ мѣстѣ и сдѣланы въ текстѣ ссылки.—М. П. Полуденскій доставилъ нѣсколько свѣдѣній изъ дѣлъ бывшей Гофъ-Интендантской Конторы.

Я всячески избѣгалъ перепечатывать то, что уже было напечатано, кромѣ необходимыхъ краткихъ выписокъ. Иначе можно было бы издать нѣсколько томовъ. Перечисленіе всѣхъ извѣстныхъ мнѣ печатныхъ источниковъ, касающихся до исторіи Воспитательнаго Дома можетъ составить особую статью во 2-мъ выпускѣ „Матеріаловъ.“

При изученіи какого бы то ни было предмета, касающагося до Воспитательнаго Дома, нужно восходить къ Бецкому; въ этой мысли, я полагаю, что общій очеркъ его дѣятельности по Воспитательнымъ Домамъ долженъ войти въ составъ статьи заключительной; въ настоящемъ выпускѣ „Матеріаловъ“ такой статьи нѣтъ.

В. Драшусовъ.

I.

СВѢДѢНІЯ МЕДИЦИНСКІЯ.

ОБЪ ИСКУСТВЕННОМЪ КОРМЛЕНІИ

РУДНЫХЪ МЛАДЕНЦЕВЪ.

Если мы скажемъ, что ни одно живое существо не можетъ обойтись безъ пищи и что, слѣдовательно, пища составляетъ первое и необходимѣйшее условіе жизни, то мы повторимъ только слишкомъ уже извѣстную истину, въ которой, конечно, никто и не сомнѣвается. Но если мы прибавимъ, что пища только тогда удовлетворяетъ условіямъ существованія, если она вполнѣ будетъ соотвѣтствовать породѣ того существа, которое ее употребляетъ, и всѣмъ требованіямъ его организма, и что въ противномъ случаѣ не только не поддерживаетъ его, а напротивъ становится источникомъ многихъ болѣзней и нерѣдко причиною самой смерти,— то истина эта дѣлается уже вопросомъ, требующимъ серьезнаго анализа—и тѣмъ болѣе въ настоящемъ случаѣ, когда дѣло идетъ о такомъ предметѣ, какъ искуственное кормленіе новорожденныхъ младенцевъ.

Законы природы требуютъ, чтобы всякое млекопитающее кормило собственнымъ молокомъ новорожденнымъ своихъ дѣтей; для чего послѣднія снабжены пищеварительнымъ аппаратомъ, исключительно приспособленнымъ къ молоку матери, или однороднаго съ ней существа. Теленокъ безопасно питается коровьимъ молокомъ, и желудокъ его перевариваетъ это молоко очень хорошо, тогда какъ ребекокъ, по крайней мѣрѣ въ извѣстномъ возрастѣ, можетъ только питаться молокомъ женщины, —и коровье молоко становится для него источникомъ болѣзней.

Пищеварительные органы травоядныхъ и мясоядныхъ животныхъ разнятся между собою весьма рѣзко. У первыхъ желудокъ и кишечный каналъ больше, шире и несравненно длиннѣе,— такъ что длина кишекъ въ 9—11 разъ превосходитъ длину тѣла; у послѣднихъ же желудокъ малъ, кишки узки и только въ 5 разъ длиннѣе всего тѣла. Кромѣ того у мясоядныхъ желудокъ имѣетъ овальную форму, лежитъ болѣе въ діагональномъ направленіи къ длинѣ тѣла и не имѣетъ тупаго мѣшка, который развивается у всѣхъ животныхъ, питающихся смѣшанною, т. е. животною и растительною, пищею, и у отрыгающихъ жвачку достигаетъ чрезвычайнаго развитія, представляясь въ видѣ сычуга.

Желудокъ грудныхъ дѣтей похожъ на желудокъ мясоядныхъ животныхъ, ибо онъ точно также лишенъ тупаго мѣшка, малъ и имѣетъ діагональное направленіе къ длинѣ тѣла.

Если теперь мы поставимъ его въ параллель съ пищеварительнымъ аппаратомъ теленка, то увидимъ, что въ широкомъ и четверномъ желудкѣ сего послѣдняго и въ его длинномъ и широкомъ кишечномъ каналѣ такъ много отдѣляется необходимыхъ для пищеваренія жидкостей и молоко такъ долго пребываетъ на пути своемъ, что все, что только можетъ, успѣваетъ перевариться и всосаться; слѣдовательно малый желудокъ и короткій кишечный каналъ ребенка очевидно будутъ находиться къ коровьему молоку совершенно въ другихъ отношеніяхъ, нежели желудокъ теленка.

Наконецъ и самый составъ коровьяго моло-

ка отличается отъ женскаго, какъ количественно, такъ и качественно. Достаточно взглянуть на слѣдующую таблицу, дабы убѣдиться, что вещества, входящія въ составъ того и другаго, находятся не въ одинаковой пропорціи. По Беднару:

	женское молоко,	*коровье*
Воды — — —	889,08 —	864,06.
Твердыхъ составныхъ частей —	110,92 —	135,94.
Масла — — —	26,66 —	36,12.
Казеину и экстрактивнаго вещества —	39,24 —	55,15.
Молочнаго сахара —	43,64 —	38,03.
Огнеупорныхъ солей —	1,38 —	6,64.

Качественная разница между женскимъ и коровьимъ молокомъ заключается въ томъ, что казеинъ перваго (по преимуществу питательная часть) свертывается въ желудкѣ ребенка небольшими легкими клочками и представляетъ легко растворимое студенистое вещество; казеинъ же коровьяго молока свертывается въ немъ въ большіе плотные комки. Рыхлые клочки женскаго молока легко перевариваются и потребляются, тогда какъ желудочный сокъ груднаго ребенка не въ состояніи растворить твердыхъ комковъ коровьяго молока; вслѣдствіе этого они, или извергаются обратно со рвотой, или движутся по кишечному каналу, въ видѣ большихъ кислыхъ непереваренныхъ массъ, и раздражаютъ его.

Внѣ дѣтскаго желудка женское и коровье молоко также представляютъ ясныя различія. Такъ казеинъ женскаго молока при 30° Р., отъ прилитія соляной кислоты, свертывается очень медленно, и представляетъ мелко-зернистую, плавающую въ сывороткѣ массу. Коровье молоко напротивъ свертывается въ такомъ случаѣ гораздо скорѣе, и казеинъ его отдѣляется плотными труднорастворимыми клочками; этотъ казеинъ обратно не растворяется, тогда какъ женское молоко легко превращается въ эмульсію (Шарлау).

Къ этому коренному недостатку коровьяго молока, при кормленіи имъ грудныхъ младенцевъ, присоединяются еще недостатки случайные, зависящіе отъ вліянія внѣшнихъ условій. Главнѣйшій изъ этихъ недостатковъ заключается въ слѣдующемъ: извѣстно, что грудной ребенокъ не можетъ долго оставаться безъ пищи, ибо желудокъ его, вмѣщая въ себѣ около двухъ унцій молока, требуетъ для перевариванія его какихъ нибудь два часа времени. Въ слѣдствіе этого, при искуственномъ кормленіи, въ первыя недѣли жизни, по крайней мѣрѣ днемъ и даютъ младенцу рожокъ не рѣже какъ чрезъ два часа. Само собой разумѣется, что доить коровъ черезъ такіе короткіе промежутки времени нельзя; слѣдовательно молоко должно быть приготовляемо для ребенка заранѣе, и вслѣдствіе этой необходимости должно подвергаться болѣе или менѣе продолжительному вліянію воздуха. А какъ только воздухъ приходитъ въ соприкосновеніе съ молокомъ, то въ немъ начинается разложеніе: масло отдѣляется и всплываетъ на верхъ,—молочный сахаръ, при содѣйствіи собственнаго бродила, переходитъ въ млечную кислоту, которая насыщаетъ свободный натръ, что и продолжается до тѣхъ поръ, пока присутствуетъ въ молокѣ таковой сахаръ. Казеинъ растворимый, лишь при свободномъ натрѣ, или при основномъ фосфоро-кисломъ натрѣ, выдѣляется и свертывается.

Полагаемъ, что послѣ всѣхъ приведенныхъ нами здѣсь данныхъ, излишне будетъ объяснять тотъ вредъ, который претерпѣваетъ грудной ребенокъ при кормленіи его коровьимъ молокомъ. Слова наши подтверждаются между прочимъ той страшной смертностью, которая господствуетъ въ иностранныхъ воспитательныхъ домахъ, гдѣ искуственное кормленіе рожкомъ и по сіе время находится въ большомъ употребленіи. И только благодаря кормленію грудью, наши воспитательные дома представляютъ такіе блистательные результаты и такую сравнительно небольшую смертность.

Но не то было при основаніи Московскаго Воспитательнаго Дома. Смертность между приносимыми дѣтьми была въ то время страшная, что однакожь нисколько не должно показаться необыкновеннымъ, если мы скажемъ, что въ сентябрѣ 1764 года во всемъ Воспитательномъ Домѣ было только 14 кормилицъ и лишь къ концу года число ихъ увеличилось до 35.

Между тѣмъ въ этотъ годъ принято въ Воспитательный Домъ 523 младенца. Мудрено-ли что изъ нихъ умерло 424?

Конечно, при сужденіи о такой смертности, нужно брать въ расчетъ и другія условія, подъ вліяніемъ которыхъ находилось только-что возникшее заведеніе; и нельзя отрицать, чтобы на нее не имѣли вліянія скопленіе дѣтей, неопытность врачей и воспитателей; тѣмъ не менѣе недостатокъ кормилицъ былъ самою первою и главнѣйшею причиною этой смертности.

Недостатокъ этотъ, какъ видно, предвидѣлся уже при самомъ основаніи Воспитательнаго Дома, хотя и не въ тѣхъ, можетъ быть, размѣрахъ, въ какихъ оказался на самомъ дѣлѣ. Начальство пріискивало различныя средства, чтобы отвратить, по возможности, это неудобство. Думали что кормилица, у которой нѣтъ собственнаго ребенка, легко можетъ прокормить грудью двухъ младенцевъ, но какъ „многаго числа хорошихъ кормилицъ сыскать трудно", то и положили содержать нянекъ, „которыя младенцевъ должны выкармливать другою приличною пищею, какъ имъ предписано будетъ."

Но какое именно послѣдовало предписаніе на счетъ этого искуственнаго кормленія, мы свѣдѣнія не имѣемъ; извѣстно только, что уже съ самаго начала открытія Воспитательнаго Дома принуждены были кормить грудныхъ дѣтей молокомъ животныхъ посредствомъ рожка. Съ этою цѣлью и были заведены здѣсь свои коровы, козы и овцы. Впрочемъ на то, чтобы овцы держались собственно для молока, прямыхъ указаній не имѣется; скорѣе надобно думать, что ихъ имѣли больше для шерсти, „изъ которой вязались шерстяные чулки дѣтямъ и прислугѣ."

Начальство Воспитательнаго Дома очень хорошо сознавало, что такое кормленіе новорожденныхъ грудныхъ дѣтей вредно и противоестественно,—и было вполнѣ убѣждено, что безъ кормленія грудью менѣе 3 или 4-хъ мѣсяцевъ „обойтись нельзя, а отъ другой пищи упадокъ въ дѣтяхъ бываетъ;" но дѣлать было нечего, потому что кормилицы не являлись. Оставалось улучшить по крайней мѣрѣ искуственное кормленіе и устроить его наиболѣе цѣлесообразнымъ образомъ.

Мы уже сказали, что коровы и козы были заведены почти съ самаго открытія Воспитательнаго Дома, и конечно мѣра эта была очень разумная, ибо если уже приходилось кормить грудныхъ дѣтей искуственно, то нужно же было имѣть хоть пищу хорошаго качества, чего отъ покупнаго въ большомъ количествѣ молока нельзя и требовать.

Но для полнаго успѣха кормленія недостаточно еще, чтобы были свои коровы. Необходимо чтобы молоко для каждаго ребенка было всегда отъ одной коровы, да нужно кромѣ того, чтобы и животное получало хорошую пищу въ стойлѣ и по нѣскольку часовъ въ продолженіе дня паслось бы въ полѣ на хорошей травѣ; ибо, при худой пищѣ коровъ, молоко ихъ, и безъ того много разнящееся отъ женскаго, измѣняется въ своемъ химическомъ составѣ еще болѣе: въ немъ уменьшается во первыхъ количество казеина, масла и солей; а во вторыхъ замѣчается присутствіе бѣлка, свободнаго жира (эланна) и даже свободной кислоты (молочной).

Нельзя сказать, чтобы тогдашнее начальство не заботилось и объ этомъ; коровъ въ стойлахъ кормили сѣномъ; что же касается до травы, то Воспитательный Домъ не имѣлъ сначала своего пастбища, и принужденъ былъ пасти своихъ коровъ въ общемъ городскомъ стадѣ. И если въ то время пригородные луга были также жалки и тощи, какъ въ настоящее время, то бѣднымъ коровамъ едвали было чѣмъ на нихъ поживиться.

Козы были счастливѣе. Конечно онѣ паслись на тѣхъ же лугахъ вмѣстѣ съ коровами, но за то дома ихъ кормили овсомъ. Впрочемъ козъ было всего только двѣ.

Однимъ словомъ надобно полагать, что коровы при началѣ содержались несовсѣмъ хорошо; но впослѣдствіи нашли возможность устранить и эту невыгоду,—и въ 1766 году приступили къ заведенію собственныхъ пастбищъ и къ устройству отдѣльнаго скотнаго двора.

Въ іюнѣ того года экономскій помощникъ Суховъ былъ посланъ для пріисканія казеннымъ коровамъ луговъ и мѣста для постройки скотнаго двора. Въ особенности ему рекомендо-

валось обратить вниманіе на села: Алексѣевское и Черкизово, на Симоновъ монастырь и Тюфелевскіе луга.

Нужные для пастбищъ луга найдены были однако не въ Черкизовѣ, или Алексѣевскомъ, а неподалеку отъ Дорогомиловской ямской слободы по рѣкѣ Сѣтуни до впаденія ея въ Москву-рѣку. Мѣсто это называлось тогда Краснымъ Лугомъ и представляло всевозможныя удобства для задуманнаго заведенія. Начальство Воспитательнаго Дома рѣшилось его арендовать,—и какъ оно принадлежало синодальному селу Голенищеву, и состояло въ вѣдомствѣ Коллегіи Экономіи, то и отнеслось въ нее. Коллегія съ своей стороны согласилась, и отвѣчала, что Красный Лугъ съ садами даетъ ежегодно доходу 33 рубля. Вслѣдствіе чего, журналомъ Опекунскаго Совѣта 8 іюля 1766 года, положено было взять этотъ лугъ въ содержаніе за означенную цѣну.

Однакожъ Воспитательный Домъ недолго владѣлъ Краснымъ Лугомъ на правѣ аренды, потому что 4-го апрѣля 1767 года лугъ этотъ Всемилостивѣйше пожалованъ ему въ вѣчное владѣніе, и съ тѣхъ поръ пріобрѣлъ названіе Загороднаго Двора.

Возведеніе необходимыхъ строеній началось тотчасъ же, по пріобрѣтеніи Краснаго Луга въ аренду, и вмѣстѣ съ тѣмъ приступлено было къ обзаведенію другими хозяйственными принадлежностями; такъ напр. для возки сѣна куплены были 10 телѣгъ, для скопу молока—кувшины, для возки его въ Домъ—боченки, изъ которыхъ 9 были по 2 ведра и 3 по ведру.

Обращено было вниманіе и на улучшеніе породы коровъ, для чего выписанъ былъ холмогорскій рогатый скотъ изъ Архангельска. Тамошній тогдашній губернаторъ генералъ-маіоръ Головцынъ (въ 1766 году), на собранное имъ подаяніе, купилъ 30 коровъ и три быка и отправилъ ихъ для Воспитательнаго Дома въ Москву.

Но не смотря на всѣ эти мѣры и заботы начальства, цѣль его улучшить и обезвредить искуственное кормленіе далеко не была еще достигнута. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ только взглянуть, какимъ образомъ молоко съ Загороднаго Двора доставлялось въ Воспитательный Домъ. Первое уже то, что молоко было не парное и не тотчасъ надоенное, а напротивъ болѣе или менѣе стоялое, т. е. такое, которое отъ дѣйствія атмосфернаго воздуха начинало уже претерпѣвать процессъ разложенія. Особенно это должно было случаться лѣтомъ, въ жаркіе дни, при дальности перевоза и при тряскѣ телѣгъ, на которыхъ его привозили. Если прибавить къ этому, что въ одномъ боченкѣ постоянно смѣшивалось молоко разныхъ коровъ и были другія невыгодныя обстоятельства, неизбѣжныя при кормленіи огромной массы грудныхъ дѣтей, то вполнѣ убѣдимся въ томъ вредѣ, который они должны были испытывать. Нерадѣніе нянекъ и другихъ воспитательницъ тоже вѣроятно играло тутъ не послѣднюю роль. Доказательства тому находимъ мы въ тогдашнихъ актахъ Воспитательнаго Дома за 1764 годъ, въ которыхъ существуетъ между прочимъ распоряженіе начальства пріискать для ухода за дѣтьми деревенскихъ женщинъ, потому что „хотя 4 хожатыхъ женщины (т. е. няньки) и есть, но онѣ никуда не годятся.“

Но все это еще ничто въ сравненіи съ другими условіями, которыя въ свою очередь окончательно портили искуственное кормленіе въ Воспитательномъ Домѣ. Самая главная бѣда заключалась въ томъ, что своего молока нерѣдко недоставало, и нужно было еще кормить дѣтей молокомъ покупнымъ, которое, какъ извѣстно, разбавляется торговцами водой и, для приданія ему необходимой густоты, подмѣшивается мукой.

А какъ извѣстно, что крахмалистыя вещества, по недостатку слюны, всего хуже переносятся грудными дѣтьми, то, стало быть, можно себѣ представить, какъ эти несчастныя страдали отъ такой пищи. Хотя физіологія въ то время и не достигла еще той высоты, на какой стоитъ она теперь,—и многаго не могла еще объяснить, тѣмъ не менѣе вредъ отъ такой подмѣси молока, такъ былъ очевиденъ, что начальство Воспитательнаго Дома не могло не обратить на него вниманія.

Знаменитый Миллеръ, бывшій тогда главнымъ надзирателемъ, строго запретилъ употреблять покупное молоко, выразивъ свое приказаніе слѣдующимъ образомъ: „отъ собственныхъ ко-

ровъ есть молока довольно, которое единственно употреблять должно, потому что купленное смѣшанное молоко очень вредительно."

Не смотря однако на это запрещеніе, молоко продолжали покупать. Дѣло доходило до того, что служащіе при Воспитательномъ Домѣ держали собственныхъ коровъ для кормленія дѣтей. Такъ въ актахъ Дома сохранилось свидѣтельство, что надзиратель Упштетъ, выходя въ отставку, оставилъ во 2-мъ отдѣленіи четырехъ собственныхъ коровъ, молоко которыхъ употреблялось для дѣтей, и просилъ взять ихъ у него за 40 руб., каковая просьба, по журналу Опекунскаго Совѣта, и была исполнена.

Въ наше время, при искуственномъ кормленіи, не даютъ дѣтямъ цѣльнаго коровьяго молока, а разбавляютъ его водой и прибавляютъ сахаръ, стараясь чрезъ то приблизить составъ его къ составу женскаго молока. Мы не могли найти ясныхъ указаній на то, какимъ образомъ приготовлялось коровье молоко для кормленія дѣтей въ первые годы существованія Воспитательнаго Дома, и какой температуры оно употреблялось. Впрочемъ, отъ 12 іюля 1764 года, мы находимъ предписаніе, въ которомъ велѣно, „по вредному вліянію на дѣтей молока разныхъ коровъ, воспитывать дѣтей отъ нарочно заведенныхъ коровъ цѣльнымъ молокомъ." Далѣе въ письмѣ къ Гогелю Бецкой совѣтуетъ разбавлять козье молоко водою и наконецъ въ письмѣ къ доктору Восп. Дома дѣлаетъ наставленіе такого рода: „въ отношеніи чистоты смотрѣть, чтобы посуда и тряпки для доенія были постоянно чисты, для чего должна быть вода всегда подъ руками". Эти два предписанія относятся къ 1779 году.

Все это однакожь не привело ни къ чему, — и громадная смертность грудныхъ дѣтей, бывшая главнымъ образомъ слѣдствіемъ искуственнаго кормленія, поневолѣ заставила подумать о невыгодахъ его и о замѣнѣ естественнымъ, то есть грудью кормилицъ. Извѣстно, что въ 1764 году уже старались сыскать ихъ и привлечь въ Воспитательный Домъ, но сыскали очень немного. Велѣно было обратиться между прочимъ къ князю Сергію Васильевичу Гагарину и просить его, „чтобы находящихся у него въ командѣ по близости Москвы волостяхъ кормилицъ за плату нѣсколько не принужденнымъ образомъ принудить."

Мысль Бецкаго, „что полезнѣе давать младенцамъ хорошее молоко козье, коровье и прочее, нежели женское худое," очевидно сдѣлалась несостоятельною: кормилицъ не только не браковали, но старались привлекать выгодными условіями. Не смотря на это деревенскія кормилицы въ Домъ шли неохотно и еще неохотнѣе брали дѣтей на воспитаніе. Вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства большую часть дѣтей должно было воспитывать въ Домѣ, отчего скопилось ихъ тамъ большое количество, съ неизбѣжными дурными послѣдствіями, какъ то порчею воздуха и т. п.

Впослѣдствіи убѣдились однако, что молоко животныхъ слишкомъ вредно только новорожденнымъ дѣтямъ, тогда какъ болѣе взрослыя, при извѣстныхъ предосторожностяхъ, могутъ переносить его. Конечно въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что для негруднаго ребенка коровье молоко составляетъ очень питательную и легко-удобоваримую пищу. Если двухъ-мѣсячнаго ребенка нельзя сравнить съ одной стороны съ ребенкомъ, отнятымъ отъ груди, то съ другой стороны нельзя сравнить и съ только-что новорожденнымъ младенцемъ. Вообще наблюдатели всѣхъ странъ утверждаютъ, что по истеченіи первыхъ двухъ мѣсяцевъ, дитя можетъ уже безопасно питаться коровьимъ молокомъ. Такого рода обстоятельства и страшная смертность въ деревняхъ заставили Бецкаго въ 1779 году снова высказаться въ пользу искуственнаго кормленія козьимъ молокомъ, съ осуществленіемъ чего онъ видѣлъ между прочимъ и возможность ограничить раздачу питомцевъ по деревнямъ. „Я видалъ,—пишетъ онъ къ доктору Воспитательнаго Дома Янишу,—какъ хорошо кормленная и съ сосцами въ чистотѣ содержанными пріученая коза, входя въ комнату къ ползающимъ младенцамъ довольно на полу простиралась и охотно имъ дозволяла молокомъ нагруженное свое вымя высасывать; ребятишки, ею вскормленные, всѣ бодры и здоровы были. Если содержать,—прибавляетъ онъ,— отъ 15 до 20 здоровыхъ и бодрыхъ кормилицъ, то младенцы, по прошествіи двухъ мѣ-

сяцевъ, не будутъ уже имѣть нужды въ ихъ молокѣ. "Тоже самое почти пишетъ Бецкой къ Гогелю, оговариваясь однако, что самая главная пища для новорожденныхъ дѣтей есть молоко здоровыхъ кормилицъ. Относительно же козьяго молока, онъ утверждаетъ, что одна коза на здоровой пищѣ можетъ кормить 4-хъ дѣтей. „Содержать 6 или 8 козъ вовсе незатруднительно,—можно сдѣлать ихъ до того ручными, что онѣ сами будутъ ходить въ дѣтскія комнаты и давать себя доить. Если же козу доить 6 разъ въ день во́-время, когда молоко будетъ требоваться для дѣтей, то молоко всегда будетъ свѣжее, надо только разбавлять его водою. Это не значитъ—прибавляетъ онъ,—чтобы каждую козу непремѣнно доить 6 разъ въ день, а значитъ, что можно въ случаѣ надобности кормить дѣтей и имѣть молоко всегда свѣжее, если держать 8 козъ." Въ этихъ словахъ Бецкаго, относительно искуственнаго кормленія, мы уже видимъ большій прогрессъ въ этомъ дѣлѣ, потому во первыхъ, что онъ назначаетъ его дѣтямъ не новорожденнымъ, а двухъ-мѣсячнымъ, и во вторыхъ потому, что онъ велитъ употреблять молоко не стоялое, но, или прямо изъ сосцовъ козы, или по крайней мѣрѣ сейчасъ только надоенное. Кромѣ того видно, что Бецкой уже сознавалъ, что при искуственномъ кормленіи необходимы и другія предосторожности. „Но для ухода за дѣтьми при такомъ порядкѣ,—продолжаетъ онъ въ томъ же письмѣ къ Гогелю,—надо такую женщину, которая бы была совершенною матерью для каждаго ребенка; сердце которой было бы вполнѣ предано дѣтямъ,—и такой не нужно уже жалѣть жалованья. Но если такой женщины не найдется, то все будетъ напрасно; на кормилицъ же и нянекъ нельзя положиться." Что Бецкой разумѣлъ въ этомъ случаѣ не новорожденныхъ дѣтей, то это еще яснѣе обнаруживается въ другомъ письмѣ къ Гогелю, которое, какъ надо думать, написалъ по поводу недоразумѣній, заставившихъ предполагать, что онъ хочетъ замѣнить естественное кормленіе искуственнымъ.

„Очень ошибаются тѣ, — говоритъ онъ въ этомъ письмѣ,—кто думаетъ, будто я хочу отнять новорожденныхъ дѣтей отъ материнской груди и тотчасъ же кормить ихъ козьимъ, или коровьимъ молокомъ. Я совѣтовалъ кормить этимъ молокомъ только такихъ младенцевъ, которые пользовались уже мѣсяца два материнской грудью и притомъ по мѣрѣ укрѣпленія ихъ силъ. Распоряженіе въ этомъ отношеніи зависитъ,—прибавляетъ Бецкой,—отъ усмотрѣнія доктора, который долженъ вести своимъ замѣчаніямъ журналъ."

Если мы захотимъ теперь провѣрить, насколько справедливо было убѣжденіе Бецкаго относительно козьяго молока, то должны снова обратиться къ химіи и представить количественный анализъ женскаго и козьяго молока.

Женское молоко, по Леману, на 100 частей содержитъ отъ 3,1 до 3,5 казеина, отъ 2,5 до 4,3 жирныхъ веществъ, отъ 3,2 до 6,2 молочнаго сахара и отъ 0,04 до 0,09 растворимыхъ солей.

Козье же молоко, тоже по Леману, на 100 частей содержитъ отъ 4,5 до 6,3 казеину, 4 жирныхъ веществъ и 4,3 молочнаго сахара.

Ясно, что составъ козьяго молока тоже отличенъ отъ женскаго, и относительно количества казеина коровье молоко стоитъ даже ближе къ женскому, потому что (по Леману) на 100 частей количество это въ коровьемъ доходитъ только до 4, тогда какъ въ козьемъ молокѣ содержится его отъ 4,5 до 6,3 частей.

Съ другой стороны въ качественномъ отношеніи казеинъ козьяго молока представляетъ больше сходства съ женскимъ, нежели казеинъ коровьяго. Такое же свойство замѣчается и въ казеинѣ молока лошадинаго, ослинаго и собачьяго. Отсюда и понятно становится, почему люди съ слабымъ желудкомъ хорошо переваривають ослиное и кобылье молоко, и почему чахоточные надолго поддерживаютъ имъ свои силы.

Что касается до собачьяго молока, то количество казеина въ немъ несравненно больше, чѣмъ въ козьемъ (отъ 8,3 до 13,6 на 100); количество жирныхъ веществъ достигаетъ до 11, количество растворимыхъ солей до 0,45 и нерастворимыхъ до 0,57; но интереснѣе всего то, что при мясной пищѣ въ немъ едва находятъ слѣды молочнаго сахара. Не смотря на все это, были примѣры, что грудныя дѣти выкармливались собачьимъ молокомъ, что заста-

вляетъ думать, что качество казеина дѣйствительно играетъ нѣкоторую роль при искуственномъ кормленіи грудныхъ дѣтей.

Въ доказательство считаемъ нелишнимъ разсказать слѣдующій случай. Въ нынѣшнемъ Николаевскомъ Институтѣ Оберъ—офицерскихъ Сиротъ Императорскаго Московскаго Воспитательнаго Дома воспитывалась не такъ давно дѣвочка, которая была отчасти выкормлена собачьимъ молокомъ. Это случилось такъ: вдова одного лица, умершаго въ Сибири, отправилась въ Москву съ двумя дѣтьми—сыномъ-отрокомъ и съ грудною дочерью; при нихъ находилась ощенившаяся дорогой собака. Къ несчастію мать на дорогѣ захворала и умерла, такъ что бѣдному мальчику поневолѣ пришлось заботиться не только о себѣ, но и о грудной сестрѣ своей. Тщетно отыскивая кормилицу, онъ припустилъ однажды къ соскамъ собаки плакавшую отъ голода малютку,—и былъ въ восторгѣ, что первая охотно это дозволила; а ребенокъ, насосавшись, успокоился и заснулъ. Повторивъ опытъ въ другой разъ, мальчикъ увидѣлъ, что онъ можетъ такимъ образомъ прокормить сестру всю дорогу,—и отправился съ ней въ Москву, куда и прибылъ благополучно. Такой случай не могъ не обратить на себя вниманіе начальства—и дѣвочка была принята въ Воспитательный Домъ. Впослѣдствіи, когда она была уже въ Институтѣ, въ Бозѣ почившій Императоръ Николай Павловичъ при посѣщеніи Воспитательнаго Дома, всякій разъ изъявлялъ желаніе ее видѣть и всегда ласкалъ ее.

Разсуждая строго въ научномъ отношеніи, случай этотъ, конечно, ничего еще не доказываетъ, потому ужь только, что намъ неизвѣстенъ возрастъ дѣвочки, въ которомъ она осталась послѣ матери. Послѣднія распоряженія Бецкаго относительно козьяго молока, если-бы и увѣнчались успѣхомъ, также не могутъ измѣнить взгляда на вредъ искуственнаго кормленія новорожденныхъ младенцевъ, потому что двухъ-мѣсячныя грудныя дѣти могутъ быть успѣшно выкармливаемы и коровьимъ молокомъ.

Съ поступленіемъ Воспитательныхъ Домовъ подъ покровительство Императрицы Маріи Ѳеодоровны, мысль объ искуственномъ кормленіи была вовсе оставлена, и приняты самыя дѣятельныя мѣры для привлеченія въ грудныя отдѣленія кормилицъ. Императрица имѣла полное право недовѣрять искуственному кормленію, потому что сдѣланные, подъ непосредственнымъ Ея наблюденіемъ въ С.-Петербургскомъ Воспитательномъ Домѣ, относительно его, опыты имѣли весьма печальные результаты.

Между тѣмъ недостатокъ въ кормилицахъ въ здѣшнемъ Воспитательномъ Домѣ былъ страшный, такъ что лѣтомъ 1797 года на одну кормилицу приходилось по 4 и 5 младенцевъ. „Отъ безпрестаннаго кормленія,—говоритъ современная записка,—сдѣлались у кормилицъ на грудяхъ раны.“ Понятно, что сообразно съ этимъ и смертность дѣтей была громадная. Въ одномъ изъ донесеній Императрицѣ упоминается, что изъ принесенныхъ 161-го младенца умерло 145. Отъ 24-го августа этого года Государыня предписала „впредь болѣе одного младенца, или въ случаѣ надобности двухъ, одной кормилицѣ не давать, производя ей въ семъ послѣднемъ случаѣ двойное жалованье.“ Кромѣ того приказано было давать двухъ дѣтей одной кормилицѣ на короткое лишь время.

Мы сказали, что для привлеченія въ Воспитательный Домъ кормилицъ, приняты были самыя дѣятельныя мѣры. Считаемъ не лишнимъ коснуться этого предмета.

До апрѣля 1797 года кормилицы получали жалованье по одному рублю въ мѣсяцъ. Съ этого же времени имъ велѣно давать по 1 руб. 50 коп. Но такъ какъ эта мѣра оказалась недѣйствительною, и кормилицы все таки не явились, то жалованье увеличено было до 2-хъ рублей; о чемъ Опекунскій Совѣтъ объявилъ во всѣхъ близлежащихъ въ Москвѣ селеніяхъ и публиковалъ въ Вѣдомостяхъ. Одновременно съ этимъ увеличена была плата до 18 руб. въ годъ за воспитаніе младенцевъ въ деревняхъ; но и эти мѣры оказались недѣйствительными,—и 10 октября Государыня сама уже замѣтила, что смертность отъ того велика, что кормилицъ только 22, а дѣтей 40, и что послѣдніе всѣ до одного страждутъ поносомъ, и узнавши, что не болѣе какъ въ четыре дня умеръ 31 младе-

нецъ, строго объ этомъ замѣтила; тогда Главный Попечитель разрѣшилъ увеличить жалованье кормилицамъ до 3-хъ руб., а Императрица повелѣла производить кромѣ того каждой кормилицѣ при пріемѣ младенца въ видѣ награжденія по 50 коп., прибавивъ, если, по осмотру объѣзжаго надзирателя и лекаря, послѣ 3 мѣсяцевъ ребенокъ окажется здоровъ, то выдавать еще по 1 рублю, послѣ 6 мѣсяцевъ еще 1 рубль, по окончаніи года 2 рубля, а въ концѣ 2-го года еще 2 рубля. За послѣдующіе за тѣмъ года по конецъ пятаго выдавать награжденіе по 2 рубля, а потомъ, по представленіи дѣтей на 6-мъ году жизни въ Воспитательный Домъ, награждать кормилицъ еще 6-ю рублями.

Вслѣдъ за тѣмъ въ 1798 году сдѣлано новое распоряженіе о награжденіи являющихся въ Домъ, во время весенней и осенней распутицъ, деревенскихъ кормилицъ однимъ и двумя рублями въ мѣсяцъ; и кромѣ того послѣдовало Высочайшее повелѣніе, „чтобы объѣзжіе надзиратели, склонивъ кормилицъ къ пріѣзду въ столицу, для принятія на воспитаніе младенцевъ, отправляли ихъ туда, давъ видъ для полученія денегъ за подводы.“ Изъ предписанія, отъ 3-го мая, объѣзжему надзирателю о высылкѣ кормилицъ, видно, что кормилицамъ, находящимся въ Домѣ, кромѣ 3-хъ рублей въ мѣсяцъ жалованья, выдается еще казенное платье, бѣлье, обувь и весьма продовольственная пища, какъ то: булки, полпиво и прочее,—а при поступленіи единовременно—2 рубля. Далѣе 11-го мая приказано платить кормилицамъ за подводы не только во время распутицы, бывающей весной и осенью, но и въ лѣтнюю рабочую пору, еслибы Опекунскій Совѣтъ призналъ это нужнымъ. Кромѣ того изъ актовъ Воспитательнаго Дома видно, отъ 19 октября, что начальство снова ходатайствовало объ увеличеніи жалованья кормилицамъ, чего однако Государыня не разрѣшила; но 29 ноября, по недостатку кормилицъ, приказано было о дачѣ имъ награжденья публиковать.

Въ 1801 году 18-го января повелѣно было производить кормилицамъ плату, соображаясь съ надобностью въ нихъ и принимая во вниманіе времена года и лѣтомъ умножать ее отъ 30 коп. и до 1-го рубля. Это приказаніе подтверждено было 24 февраля, причемъ указано, что назначеніе платы кормилицамъ предоставляется Опекунскому Совѣту, „который въ лѣтнее время можетъ, смотря по обстоятельствамъ, возвысить оную даже до рубля каждой кормилицѣ, ибо дѣло идетъ о спасеніи младенцевъ,—первомъ предметѣ основанія Дома, и издержекъ на сіе щадить не должно.“ Надобно думать, что эти мѣры достигли хоть отчасти своей цѣли, ибо 7-го мая мы встрѣчаемъ уже предписаніе, въ которомъ сказано: „хотя награжденіе по 50 коп. кормилицамъ, при отправленіи ихъ въ деревни, и считается излишнимъ, однакожъ если отмѣна его уменьшитъ въ нихъ желаніе приходить и оставаться въ Домѣ, и онѣ непремѣнно на томъ настаивать будутъ, въ такомъ случаѣ производить оное на прежнемъ основаніи, ибо здѣсь дѣло идетъ объ исполненіи первѣйшаго предмета въ Домѣ, то есть о спасеніи жизни дѣтей.“ Вслѣдъ за тѣмъ, отъ 16 іюля, мы встрѣчаемъ Высочайшее повелѣніе: „безъ всякаго вопроса прибавлять число кормилицъ къ штатному положенію, сколько надобно во всякое время и прибавить имъ жалованье по обстоятельствамъ; но чтобы недостатка въ нихъ не было.“ Отъ 28-го же октября повелѣно было къ штату 100 годовыхъ кормилицъ прибавить еще 50 годовыхъ съ платою по 50 рублей (вмѣсто 36, какъ было прежде), съ тѣмъ, чтобы для пріохочиванія деревенскихъ кормилицъ давать имъ только здоровыхъ дѣтей, а больныхъ отдавать годовымъ кормилицамъ.

Въ числѣ питомцевъ Воспитательнаго Дома были, такъ называемые, пенсіонеры, за которыхъ отдававшіе ихъ вносили по 100 руб. 8 января 1802 года приказано было для такихъ пенсіонеровъ нанимать особыхъ кормилицъ, платя имъ изъ вносимой за нихъ суммы, а изъ штатныхъ кормилицъ назначать для нихъ въ такомъ только случаѣ, когда первыхъ будетъ болѣе, нежели сколько требуется. Вмѣстѣ съ тѣмъ однажды навсегда позволялось держать кормилицъ и сверхъ штата, съ тою цѣлію, чтобы недостатка въ нихъ отнюдь не было, „хотябы и даромъ онѣ жили и плата производилась.“ Далѣе,

23 Октября, для еще большаго увеличенія комплекта кормилицъ, приказано брать ихъ изъ Деревенской Экспедиціи и отпускать неиначе, какъ по извѣщеніи послѣдней.

Вслѣдствіе такихъ распоряженій, въ началѣ 1803 года мы находимъ уже ясное указаніе, что Московскій Воспитательный Домъ не нуждался въ кормилицахъ, ибо отъ 14 января встрѣчаемъ предписаніе, что „по причинѣ излишнихъ издержекъ отъ содержанія большаго числа запасныхъ кормилицъ слѣдуетъ наблюдать принятое въ С.Петербургскомъ Домѣ правило—присылать всякую недѣлю не болѣе 45 деревенскихъ кормилицъ, какъ соотвѣтствующее среднему числу приносимыхъ въ недѣлю дѣтей; домашнихъ же кормилицъ вовсе не надо содержать въ Домѣ излишнихъ, а только имѣть ихъ въ готовности въ городѣ, снабжая ихъ билетами и давая имъ внѣ Дома умѣренную плату, дабы не нанимались у другихъ, и, зная жительство, могли поступать по надобностямъ въ Домъ до прибытія потребнаго числа деревенскихъ, или по надобности въ кормиличное отдѣленіе.“ Но 2-го февраля опять находимъ приказаніе увеличивать число кормилицъ, по мѣрѣ надобности, и въ праздничные дни, а равно и въ прочее время года держаться опредѣленнаго числа 45 запасныхъ кормилицъ.

Дальнѣйшія распоряженія, касательно этого предмета, были слѣдующія:

Въ 1804 году апрѣля 21 дня повелѣно было, „по случаю приближенія праздника св. Пасхи, оставить въ Домѣ 41 кормилицу, изъ опасенія, чтобы въ то время не оказался въ нихъ недостатокъ, и впредь, въ случаѣ нужды, оставлять ихъ въ Домѣ до 100; тѣмъ же, которыя будутъ проситься на нѣсколько времени въ деревни, дабы не потерять молоко, выдавать, по возвращеніи, по 1-му рублю.“

Въ 1809 году (29 ноября) разрѣшено было однако къ получаемому годовыми кормилицами жалованью, 50 рублямъ въ годъ, прибавить еще 10 рублей; а деревенскимъ временнымъ кормилицамъ производить пищу равную съ кормилицами годовыми, давая притомъ кормящимъ 2-хъ дѣтей вмѣсто $\frac{3}{4}$ по одному фунту говядины, „если это медиками будетъ признано за полезное.„

Въ 1810 году повелѣно было каждой кормилицѣ, пришедшей въ Домъ во время рабочей поры, выдавать въ награжденіе по 1-му рублю, „а въ рабочіе мѣсяцы, при отпускѣ ихъ въ деревни съ дѣтьми, выдавать имъ по платку, цѣною отъ 3 до 4 рублей каждый, такъ какъ это будетъ собственность кормилицъ, а не ихъ семейства.“ Приказано было также „кормилицамъ, желающимъ взять дѣтей, не дожидаясь опредѣленнаго для отпуска ихъ десятидневнаго срока, давать тотчасъ же здоровыхъ дѣтей съ выдачею въ награжденіе по платку и денегъ за подводы, соразмѣрно порядку.“

Въ 1811 году было выдано награжденіе двумъ кормилицамъ, пробывшимъ въ Домѣ два года сряду, а равно и впредь кормилицамъ, которыя пробудутъ въ Домѣ болѣе году, разрѣшено давать въ награжденіе отъ 10 до 15 рублей, а болѣе полугода—отъ 6 до 10 рублей.

Въ 1817 году послѣдовало распоряженіе, чтобъ городскимъ кормилицамъ, нанимаемымъ въ Домъ по письменнымъ обязательствамъ, производить: годовымъ по 48 рублей, а полугодовымъ по 42 при казенной обуви, одеждѣ и пищѣ.“

Въ 1819 году состоялось повелѣніе,—поступающихъ въ кормилицы мѣщанокъ, цѣховыхъ и солдатокъ, кромѣ жалованья, награждать по слѣдующему положенію: прокормившихъ младенца въ Домѣ 2 мѣсяца—20-ю рублями, 3 мѣсяца—30-ю и т.д. прибавляя за каждый мѣсяцъ по 10 рублей до истеченія года, съ тѣмъ, чтобы современемъ прекратить двойную плату за кормленіе по 2 младенца и чтобы запасныхъ кормилицъ имѣть неболѣе 25.

Въ 1820 году, остающимся полгода или годъ въ Домѣ кормилицамъ, положена плата по 200 рублей въ годъ.

Изъ приведенныхъ нами данныхъ слѣдуетъ предположить, что хотя увеличеніе жалованья кормилицамъ и назначеніе разнаго рода награжденій и имѣло несомнѣнное вліяніе на привлеченіе ихъ въ Домъ и увеличеніе числа ихъ; но съ другой стороны колебательныя распоряженія, то объ увеличеніи платы, то объ ограниченіи ея, показываютъ, что притокъ кормилицъ былъ непостояненъ. Гораздо бо́льшее

вліяніе на привлеченіе ихъ имѣло возвышеніе платы за воспитаніе дѣтей по деревнямъ.

Въ документахъ за 1822 годъ мы находимъ, отъ 20 февраля, слѣдующее распоряженіе: "какъ вслѣдствіе возвышенія платы за воспитаніе дѣтей по деревнямъ до 5 рублей (*) въ мѣсяцъ, приходъ кормилицъ въ Домъ чрезвычайно увеличился, такъ что число излишнихъ доходитъ до 150, то предоставлено Экспедиціи о воспитанникахъ плату за лѣтнее время, которую дозволено уменьшать до 1 руб. въ день, уменьшать, или увеличивать самой, смотря по обстоятельствамъ.„

Въ томъ же году, отъ 6-го іюня, значится, что Опекунскій Совѣтъ, во исполненіе Высочайшаго повелѣнія „разсмотрѣть, что будетъ признано за лучшее: на прежнемъ-ли основаніи производить деревенскимъ кормилицамъ плату, или постановить, какъ въ С.-Петербургскомъ Домѣ, одну во весь годъ плату по 50 коп. въ день съ награжденіемъ въ лѣтнее время по 15 рублей„—представлялъ, что деревенскія кормилицы, живущія въ подмосковныхъ деревняхъ, привыкли уже къ извѣстной платѣ, производимой имъ за кормленіе въ здѣшнемъ Домѣ младенцевъ, и что нынѣ, при получаемыхъ ими 40 коп. въ день, недостатка въ нихъ нѣтъ; а потому Совѣтъ и полагаетъ за лучшее и выгоднѣйшее—не перемѣнять существующихъ постановленій о производствѣ деревенскимъ кормилицамъ дневной платы, которую, смотря по времени и надобности, возвышать до рубля въ день и понижать безъ всякихъ уже награжденій, кромѣ опредѣленныхъ, т. е. выдачи единовременно каждой изъ нихъ по 1 рублю за приходъ и по платку, при отпускѣ въ деревню съ младенцемъ.

Въ томъ же году послѣдовало Высочайшее утвержденіе на представленіе Почетнаго Опекуна, касательно жалованья годовымъ и полугодовымъ кормилицамъ, „предоставляя Экспедиціи съ согласія Почетнаго Опекуна уменьшать плату имъ по мѣрѣ прихода, равно и возвышать ее въ случаѣ недостатка до 200 рублей, начавъ съ 1-го августа производить жалованье по 150 руб. въ годъ".

Но описаніе наше привлеченія въ Воспитательный Домъ кормилицъ будетъ неполно, если мы, разсмотрѣвши матеріальную сторону этого дѣла, не коснемся стороны нравственной. По нашему мнѣнію дѣло это есть лучшій эпизодъ изъ исторіи Воспитательнаго Дома, лучшій не столько по интересу, который онъ представляетъ, сколько по благотворнымъ послѣдствіямъ для бѣдныхъ дѣтей.

Нравственныя мѣры привлеченія кормилицъ были двоякія: съ одной стороны старались дѣйствовать на нихъ убѣжденіемъ, съ другой—ихъ пробовали познакомить съ тѣми выгодами, на которыя, какъ мы видѣли, Воспитательный Домъ не скупился.

Увеличивая плату кормилицамъ, Опекунскій Совѣтъ объявлялъ о томъ во всѣхъ прилежащихъ къ Москвѣ селеніяхъ и публиковалъ объ томъ въ Вѣдомостяхъ; а для привлеченія кормилицъ разсылалъ по деревнямъ чиновниковъ. И подобныхъ этому мѣръ принималось очень много. Даже сама Императрица принимала въ этомъ дѣятельное участіе. Такъ въ октябрѣ 1798 года писала она къ московскому митрополиту, прося его „о склоненіи кормилицъ къ приходу въ Домъ для воскормленія младенцевъ", а Опекунскому Совѣту повелѣла, въ случаѣ недостатка ихъ, относиться къ московскому военному губернатору. Въ томъ же году снова публиковали о дачѣ кормилицамъ награжденія. Потомъ въ 1799 году приказано было не требовать отъ кормилицъ билетовъ. Предписаніе на этотъ счетъ было такого рода: „а какъ скоро усмотрится недостатокъ въ кормилицахъ, то извѣстить о томъ заблаговременно Экспедицію о воспитаніи дѣтей по деревнямъ, которая тотчасъ разошлетъ по селеніямъ людей для отысканія и приведенія кормилицъ въ потребномъ количествѣ." Въ 1800 году опять было подтверждено, „что всякій разъ, когда будетъ потребность въ кормилицахъ, Экспедиція о воспитаніи дѣтей по деревнямъ должна посылать своихъ чиновниковъ на мѣста для вызова кормилицъ..." и къ этому въ 1801 году прибавлена новая мѣра, чтобы въ случаѣ неуспѣха таковаго вызова, объѣзжіе надзиратели относились къ священ-

(*) Считаемъ не лишнимъ оговориться, что во всѣхъ приведенныхъ нами случаяхъ рубль, какъ единица платы, былъ ассигнаціонный рубль, а не современный намъ серебряный, заключающій въ себѣ на ассигнаціи 3 руб. 50 коп.

никамъ сельскихъ приходовъ, съ тѣмъ, чтобы тѣ объявляли приглашеніе Опекунскаго Совѣта въ церквахъ. А чтобы сдѣлать эту мѣру еще болѣе дѣйствительною, то въ 1810 году повелѣно: священникамъ, которые будутъ высылать кормилицъ изъ такихъ селеній, гдѣ на воспитаніе дѣтей еще не брали, выдавать по 1 рублю за каждую кормилицу.

Мы видѣли, что мѣры привлеченія кормилицъ не всегда были успѣшны. Въ особенности несчастенъ былъ Воспитательный Домъ въ этомъ отношеніи въ 1797—98 годахъ. Современные акты говорятъ объ этомъ слѣдующее: „за всѣми употребленными средствами кормилицы не являются и дѣти помираютъ во множествѣ. Протасовъ придумалъ испытать послѣднее: въ С.-Петербургѣ отдаютъ дѣтей на воскормленіе въ Галерную гавань, а въ Москвѣ можно отдавать по предмѣстіямъ и въ самомъ городѣ.“ Докладъ объ этомъ утвержденъ 18 ноября.

Расчетъ оказался вѣренъ.

Въ 1798 году московскій губернаторъ Архаровъ дѣйствительно увѣдомилъ начальство Воспитательнаго Дома, что въ городѣ будутъ брать на воскормленіе дѣтей солдатскія жены за 3 рубля въ мѣсяцъ; но едвали это случилось: Государыня еще прежде отдала приказаніе размѣщать грудныхъ дѣтей въ Москвѣ и ея предмѣстіяхъ только въ случаѣ крайней необходимости.

Однакожь извѣстно, что С.-Петербургскій Опекунскій Совѣтъ обращался не только къ деревенскимъ женщинамъ, но и къ городскимъ. Такъ въ числѣ распоряженій его встрѣчаемъ слѣдующее: 1) для полученія въ городѣ на 2 или на 4 недѣли кормилицъ, отдѣленіе Экспедиціи разсылаетъ всѣмъ частнымъ надзирателямъ циркулярные ордера, съ приложеніемъ на какихъ основаніяхъ кормилицы принимаются; 2) кормилицамъ, желающимъ идти въ Домъ, частные лекаря даютъ свидѣтельства о здоровьи и исправности домашняго хозяйства. По симъ свидѣтельствамъ кормилицы записываются въ отдѣльной Экспедиціи въ особую книгу, и отъ нея уже препровождаются въ Экспедицію хозяйства; 3) всякой съ аттестатомъ отъ частнаго лекаря являющейся бабѣ дается въ день по 20 коп., а въ лѣтнее время и болѣе, хотя бы она и не получила младенца; кромѣ того она получаетъ все казенное содержаніе.

Какъ бы то ни было, но окончательнымъ результатомъ всѣхъ этихъ распоряженій вышло то, что Воспитательный Домъ, какъ мы уже видѣли, достигъ наконецъ своей цѣли,—и въ 1822 году не страдалъ уже недостаткомъ кормилицъ, а не зналъ куда и дѣваться съ ними. Само собой разумѣется, что къ постоянному искуственному кормленію незачѣмъ стало и прибѣгать; и если скотъ на Загородномъ Дворѣ остается до сихъ еще поръ, то онъ держится вовсе не для грудныхъ дѣтей.

Но избытокъ кормилицъ даже и въ настоящее время не можетъ быть постояненъ: случаются такія времена въ году, когда ихъ не достаетъ и печальнымъ результатомъ постоянно бываетъ усиленная смертность. Несчастныя времена эти: лѣтняя рабочая пора, пасха, святки, масляница и предшествующія имъ недѣли; а въ послѣднее время случались и такіе года, когда недостатокъ кормилицъ былъ почти постоянный. Таковъ былъ напр. 1857-й.

Въ такихъ крайнихъ обстоятельствахъ сплошь и рядомъ приходится одной кормилицѣ кормить двухъ, а иногда и трехъ дѣтей. А такъ какъ дѣти, разумѣется, не насасываются вдоволь, и отъ голода впадаютъ въ сухотку, то въ подспорье къ грудному молоку имъ даютъ арарутъ и манную кашу.

Но мы уже сказали, что для груднаго ребенка нѣтъ ничего вреднѣе, какъ подобная пища; поэтому очень естественно, что попытки ввести наиболѣе цѣлесообразное искуственное кормленіе повторялись и въ послѣднее время.

Къ такимъ попыткамъ принадлежитъ между прочимъ опытъ, сдѣланный главнымъ докторомъ Воспитательнаго Дома А. И. Блументалемъ надъ 32 младенцами въ 1856 году. Приступая къ нему, главный докторъ старался принять всѣ зависѣвшія отъ него мѣры, чтобы кормленіе производилось по правиламъ діэтетики, подъ непосредственнымъ надзоромъ усердной и добросовѣстной надзирательницы. Для того чтобы молоко было самое свѣжее, т. е. надоиваемое тотчасъ же по мѣрѣ надобности, онъ озаботился чтобы съ Загороднаго Двора приведены были двѣ

коровы и помѣщены въ хорошемъ стойлѣ на хорошемъ корму. Для хожденія за дѣтьми онъ выбралъ испытанныхъ женщинъ, которыя неоднократно выкармливали дѣтей на рожкѣ. Наблюденіе за чистотою рожковъ надзирательница приняла на себя, и недовѣряя приставленнымъ къ дѣтямъ женщинамъ, мыла ихъ безпрестанно сама. Чтобы не оставлять, по возможности, ни на минуту безъ присмотра дѣтей, она почти отказалась отъ собственной квартиры и ночевала вмѣстѣ съ дѣтьми въ отдѣленіи.

Назначенное для кормленія молоко разбавлялось на половину водой и къ нему прибавлялся обыкновенный сахаръ.

Изъ сказанныхъ 32 дѣтей было 10 мальчиковъ и 22 дѣвочки. Относительно возраста одно дитя было 21 дня, 3—одного мѣсяца, 6—одного мѣсяца и нѣсколькихъ дней, 10—двухъ мѣсяцевъ, 5—трехъ мѣсяцевъ, 3—четырехъ мѣсяцевъ, 2—восьми, 1—девяти и 1—десяти мѣсяцевъ.

Результатъ таковаго кормленія оказался слѣдующій:

Остались здоровыми и выѣхали въ деревню:

по 1-му мѣсяцу съ нѣсколькими днями. . . .	2
2-мъ мѣсяцамъ.	4
3.	3
4.	2
8.	2
9.	1
10.	1
Итого	15

Умерли:

Моложе мѣсяца.	1
По 1-му мѣсяцу	3
1-му мѣсяцу съ нѣсколькими днями. . . .	4
2-мъ мѣсяцамъ.	6
3.	2
4.	1
Итого	17

Таблица эта подтверждаетъ извѣстный фактъ, что чѣмъ дитя моложе, тѣмъ труднѣе переноситъ коровье молоко. Смертность идетъ здѣсь въ обратномъ отношеніи къ числу мѣсяцевъ,—и мы видимъ, что изъ 10 дѣтей моложе двухъ мѣсяцевъ выходили только двухъ, изъ 10 дѣтей по двумъ мѣсяцамъ—выходили четырехъ, изъ 5 дѣтей по тремъ мѣсяцамъ выходили уже трехъ, а изъ 4 дѣтей по восьми, девяти и десяти мѣсяцевъ выходили всѣхъ.

Впрочемъ самъ главный докторъ не признаетъ приведеннаго нами опыта безукоризненнымъ, такъ какъ въ это дѣло, по независимымъ отъ г. Блументаля обстоятельствамъ, вкрались нѣкоторыя несовершенства. Считаемъ нелишнимъ прибавить, что изъ числа назначенныхъ для опыта дѣтей всѣ были здоровы, за исключеніемъ трехъ, изъ которыхъ одинъ страдалъ сухоткой и двое золотушною сыпью; изъ этихъ послѣднихъ дѣтей умеръ только одинъ, одержимый золотушною сыпью.

Другой опытъ искуственнаго кормленія былъ сдѣланъ А. И. Блументалемъ посредствомъ порошковъ Шарлау. Но такъ какъ изобрѣтатель не открылъ изъ чего состоитъ его средство, то мы для разъясненія опыта кормленія должны руководствоваться только слѣдующими данными.

Въ 1860 году д-ръ Шарлау помѣстилъ въ Oesterr. Allg. Med. Ztg статью, въ которой, указывая на всю несообразность искуственнаго кормленія грудныхъ дѣтей коровьимъ молокомъ, говоритъ, что вопросъ о томъ, что дѣлать при недостаткѣ материнскаго молока, занималъ его почти четверть вѣка, и что онъ рѣшилъ его слѣдующимъ образомъ:

„Нужно уменьшить содержаніе казеина въ данномъ количествѣ коровьяго молока на столько, чтобы количественное его отношеніе уподоблялось женскому молоку; нужно измѣнить казеинъ такъ, чтобы онъ по крайней мѣрѣ, по физіологическому отношенію къ дѣтскому организму, былъ сходенъ съ казеиномъ женскаго молока;—надобно увеличить содержаніе молочнаго сахара въ разжиженномъ коровьемъ молокѣ такъ, чтобы его количество было одинаково съ сахаромъ въ молокѣ женскомъ, и увеличить въ молокѣ масло, или прямо прибавляя сливокъ съ подобнаго же молока, или прибавляя къ нему эквивалентъ тростниковаго сахара. Наконецъ въ это приготовленное молоко необходимо прибавить еще такое количество млеч-

ныхъ солей, какое находится въ молокѣ человѣческомъ. Послѣ этого получится молоко во всѣхъ отношеніяхъ, по своимъ питательнымъ результатамъ, равное женскому молоку."

„Само собою разумѣется, что нужно стараться брать молоко отъ коровъ хорошо кормленныхъ, свѣжее и несцятое, и сохранять его въ чистыхъ сосудахъ. Такъ называемаго слишкомъ жирнаго молока не существуетъ, потому что масла въ коровьемъ молокѣ не содержится болѣе, чѣмъ въ молокѣ человѣческомъ."

„Такъ какъ для питанія дѣтей необходимо молоко безъ всякаго недостатка, и такъ какъ безъ этого невозможно вскормленіе ихъ, то, дабы помочь этому, я сталъ посредствомъ испаренія превращать въ порошокъ приготовленное для сего молоко. Порошокъ этотъ долго можемъ сохраняться не разлагаясь; приготовлять же его можно на большихъ скотныхъ дворахъ и потомъ разсылать въ города, воспитательные дома и проч. Сухое молоко растворяется въ извѣстномъ количествѣ воды и тотчасъ употребляется."

Въ заключеніе Шарлау говоритъ, что большее число наблюденій показало ему, что дѣти, отнимаемыя отъ груди, но не выкормленныя еще и впадающія отъ того въ сухотку, при кормленіи этимъ молокомъ, скоро поправляются.

Мы полагаемъ, что предлагаемой выписки достаточно для того, чтобы показать, что сухое молоко Шарлау приготовляется изъ коровьяго молока, искуственно измѣненнаго такимъ образомъ, что оно, по качеству и по количественному составу своему, дѣлается совершенно сходнымъ съ женскимъ молокомъ, и что для употребленія его груднымъ дѣтямъ достаточно только, какъ и самъ изобрѣтатель говоритъ, растворить его въ извѣстномъ количествѣ воды и тотчасъ употребить.

Между тѣмъ порошки, присланные д-ромъ Шарлау въ нашъ Воспитательный Домъ, по его наставленію, нужно было растворять въ извѣстномъ количествѣ воды; но растворъ этотъ слѣдовало смѣшивать еще съ равнымъ по объему количествомъ коровьяго молока и потомъ прибавлять къ этой смѣси обыкновенный сахаръ. Кромѣ того присланные имъ порошки разнились по нумерамъ: № 1-й нужно было давать ребенку въ первыя двѣ недѣли жизни, № 2-й—во вторыя двѣ недѣли жизни и т. д.

Изъ этого слѣдуетъ заключить, что казеина въ нашихъ порошкахъ не было, иначе не для чего было смѣшивать ихъ съ коровьимъ молокомъ. Слѣдуетъ полагать, что въ нихъ находились только млечныя соли и можетъ быть еще молочный сахаръ, такъ какъ прибавлявшійся къ смѣси обыкновенный тростниковый сахаръ долженъ былъ замѣнять собою недостающее количество жира.

Для кормленія порошками Шарлау были выбраны три новорожденные младенца, которыхъ кормили упомянутою смѣсью посредствомъ рожка. Всѣ они впали въ сухотку и умерли отъ поноса или воспаленія кишекъ; одинъ изъ нихъ впрочемъ жилъ на порошкахъ Шарлау 5 мѣсяцевъ.

Хотя польза, которую изобрѣтатель видѣлъ отъ своего сухаго молока и не можетъ опровергаться этими опытами, потому что казеинъ молока, который смѣшивали съ присланными имъ порошками, былъ простой коровій казеинъ, а неизмѣненный такимъ образомъ, чтобы онъ походилъ по качеству на казеинъ женскаго молока,—тѣмъ не менѣе слова Шарлау, „что его сухое молоко было полезно отнимаемымъ отъ груди, но невыкормленнымъ дѣтямъ", показываютъ, что и то молоко должно преимущественно употреблять для неноворожденныхъ дѣтей. Впрочемъ Берлинскій професоръ Гоппе отвергаетъ, чтобы казеинъ молока Шарлау отличался отъ казеина коровьяго молока потому только, что онъ изъ перваго осаждается въ мелкозернистомъ видѣ. Изъ молока искуственно выпареннаго и снова разведеннаго водой,—говоритъ Гоппе,—казеинъ отъ того осаждается въ мелкозернистомъ видѣ, что здѣсь онъ не находится въ столь полномъ раствореніи, какъ въ молокѣ свѣжемъ. Далѣе Гоппе утверждаетъ, что способъ, предлагаемый д-ромъ Шарлау для предотвращенія броженія коровьяго молока, совершенно невѣренъ съ химической точки зрѣнія, потому что избытокъ масла будетъ скорѣе способствовать разложенію, чѣмъ задерживать его, и сливки нужно разсматривать какъ проводникъ и возбудитель разложенія мо-

лока; равнымъ образомъ и вареніе молока при температурѣ + 30° Р., (при которой Шарлау производитъ выпариваніе), какъ извѣстно, всего больше способствуетъ наступленію разложенія.

Къ попыткамъ искуственнаго кормленія грудныхъ дѣтей въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ можно отнести еще опыты ординатора Клементовскаго надъ употребленіемъ Либихова мяснаго экстракта (бульона). Хотя Клементовскій, употребляя мясной экстрактъ больнымъ дѣтямъ, имѣлъ въ виду преимущественно лечебную цѣль, тѣмъ не менѣе онъ поставилъ себѣ задачею, въ случаѣ удобоваримости этого экстракта, примѣнить его и къ искуственному кормленію.

Причины, почему онъ рѣшился на употребленіе такой несвойственной грудному ребенку пищи, были слѣдующія: 1) малый успѣхъ всѣхъ другихъ питательныхъ веществъ, употреблявшихся въ воспитательныхъ домахъ для искуственнаго кормленія; 2) надежда, что при наружномъ анатомическомъ сходствѣ желудка грудныхъ дѣтей съ желудкомъ мясоядныхъ животныхъ, мясной экстрактъ будетъ лучше переноситься, нежели арарутъ, манная кашка, или другая какая нибудь растительная пища; 3) слова знаменитаго Либиха, удостовѣрявшія, что экстрактъ его переносится даже такими больными, у коихъ пищеварительный аппаратъ такъ слабъ, что совершенно отказывается отъ уподобленія веществъ, считаемыхъ врачами за очень удобоваримыя. Кромѣ того экспериментатора ободряли опыты д-ра Вейссе надъ успѣшнымъ леченіемъ сырымъ мясомъ поносовъ у дѣтей, засвидѣтельствованные такими знаменитыми дѣтскими врачами, каковы напр. Риллье и Бартезъ.

Такъ какъ всякая твердая пища для грудныхъ дѣтей вреднѣе жидкой, то Клементовскій избралъ преимущественно жидкій Либиховъ экстрактъ, который тѣмъ отличается отъ обыкновеннаго бульона, что содержитъ въ растворѣ бѣлковину мяса, которая при вареніи бульона свертывается и не поступаетъ въ него.

Либиховъ мясной экстрактъ приготовляется слѣдующимъ образомъ: берутъ 250 граммъ самаго свѣжаго мяса (говядины), наливаютъ 560 граммами перегнанной воды, къ которой предварительно прибавляютъ 4 капли водохлорной кислоты и отъ 0,6 до 1-2 граммъ поваренной соли. Всю эту смѣсь слабо нагрѣваютъ въ продолженіи часа, послѣ чего выливаютъ ее въ волосяное сито и даютъ стечь жидкости, не выжимая твердаго остатка. Процѣженная такимъ образомъ жидкость бываетъ сначала довольно мутна, поэтому ее снова пропускаютъ черезъ сито, до тѣхъ поръ, пока она сдѣлается прозрачна. Когда такимъ образомъ вся жидкость будетъ процѣжена, то твердый остатокъ, т. е. изрубленное мясо, не вынимая изъ сита, обмываютъ 250 граммами перегнанной воды, которую и приливаютъ въ сито мало по малу. Такимъ образомъ получается около 500 граммъ красной жидкости, которая и есть собственно экстрактъ мяса.

Клементовскій приступилъ къ употребленію Либихова мяснаго экстракта въ 1858 году; но первые его опыты были несовсѣмъ удачны, потому что экстрактъ, противъ ожиданія, переносился пищеварительными органами грудныхъ дѣтей несовсѣмъ легко, возбуждая то тошноту, то рвоту. Это заставило его соединять экстрактъ съ мятной водой, послѣ чего упомянутые припадки стали являться рѣдко. Далѣе—замѣтивъ, что, питаясь экстрактомъ, изнуренныя грудныя дѣти не поправлялись, Клементовскій началъ прибавлять къ экстракту еще сахаръ. Основаніемъ къ этому послужили физіологическіе опыты, изъ которыхъ извѣстно, что если мы будетъ извѣстное животное кормить въ изобиліи мясомъ, то вѣсъ его, достигши наибольшаго предѣла, останавливается наконецъ на одной постоянной величинѣ и начинаетъ увеличиваться въ такомъ только случаѣ, когда мы станемъ къ мясу прибавлять сахаръ. Подвергнувши такимъ измѣненіямъ Либиховъ мясной экстрактъ, Клементовскій замѣтилъ, что результаты его опытовъ сдѣлались гораздо благопріятнѣе.

Но такъ какъ отважиться на подобные опыты было несовсѣмъ безопасно, то Клементовскій и выбралъ для нихъ дѣтей, страдавшихъ уже истощеніемъ въ такой степени, что имъ угрожала смерть. Понятно, что подобный расчетъ не только не представлялъ много риску, напротивъ успѣшные результаты имѣлибы здѣсь боль-

шую цѣну и моглибы быть легко приложены къ случаямъ искуственнаго кормленія.

Всѣхъ грудныхъ дѣтей, употреблявшихъ Либиховъ экстрактъ, было 278 съ слѣдующими болѣзнями:

Съ сухоткою	165
Недоносковъ	65
Съ другими болѣзнями	48

изъ нихъ:

выздоровѣло,	*умерло,*	*переведено въ лазаретъ наслѣдственной болѣзни:*
77	82	6
27	36	2
26	21	1

Изъ числа этихъ 139 умершихъ, 59 человѣкъ умерло собственно отъ изнуренія,—слѣдовательно экстрактъ не принесъ имъ никакой пользы; впрочемъ 34 человѣка употребляли его менѣе 10 дней.

Изъ сравнительной таблицы 53 недоносковъ, неупотреблявшихъ Либихова экстракта и взятыхъ Клементовскимъ наудачу, видно, что ихъ умерло 42 человѣка, слѣдовательно больше чѣмъ употреблявшихъ экстрактъ. Замѣчательно еще то, что изъ этихъ 42 недоносковъ 33 человѣка умерло собственно отъ изнуренія, тогда какъ недоносковъ, употреблявшихъ экстрактъ, отъ изнуренія умерло только 20.

Все это, конечно, много говоритъ въ пользу экстракта; но не менѣе того не слѣдуетъ забывать, что число, взятое наудачу, не представляетъ еще собою постоянной цифры и легко могло бы случиться, что изъ такого же числа другихъ недоносковъ, неупотреблявшихъ экстрактъ, умерло бы отъ изнуренія гораздо меньше.

Надобно кромѣ того сознаться, что въ употребленіи Либихова экстракта для грудныхъ дѣтей есть еще невыгода, которая болѣе всего должна препятствовать распространенію его, какъ средства для искуственнаго кормленія.— Это именно то, что въ такомъ случаѣ очень часто возникаетъ воспаленіе кишекъ.

Конечно, если взять въ расчетъ, что всякое искуственное кормленіе больше или меньше влечетъ за собою разстройство пищеварительныхъ органовъ, то неудивительно, что оно явилось и у дѣтей, употреблявшихъ Либиховъ экстрактъ. Сумма страдавшихъ такими разстройствами простиралась у Клементовскаго до 100 человѣкъ, изъ которыхъ въ 21 случаѣ обнаружились кислоты желудочно-кишечнаго канала, въ 3-хъ случаяхъ кислоты и поносъ, въ 23—поносъ, въ 9—поносъ, за которымъ развилось воспаленіе кишекъ, въ 35—воспаленіе кишекъ, въ 8—кишечное кровотеченіе и въ 1— кровавый поносъ.

Если принять во вниманіе, что разстройства пищевыхъ путей встрѣчаются, вслѣдствіе другихъ общихъ причинъ у грудныхъ дѣтей, очень часто, то нельзя всѣ разстройства этихъ путей у дѣтей, употреблявшихъ Либиховъ экстрактъ, приписать этому послѣднему, потому что на нихъ равномѣрно дѣйствовали и другія общія условія, дѣйствовавшія на дѣтей, неупотреблявшихъ экстракта. И дѣйствительно изъ сравнительной таблицы, приложенной Клементовскимъ, видно, что въ продолженіе 11 мѣсяцевъ, когда онъ дѣлалъ опыты надъ экстрактомъ, на 915 грудныхъ дѣтей, бывшихъ у него въ лазаретѣ и неупотреблявшихъ экстракта, приходилось 590 случаевъ съ разстройствами пищеварительныхъ органовъ, тогда какъ на 278 дѣтей, употреблявшихъ экстрактъ, таковыхъ случаевъ приходилось всего только 100.

Но бѣда въ томъ, что на сказанные 590 случаевъ приходилось всего 184 случая воспаленія кишекъ, тогда какъ на 100 случаевъ, употреблявшихъ экстрактъ, случаевъ воспаленія кишекъ приходится 44.

Если же взять въ соображеніе, что воспаленіе кишекъ есть болѣзнь большею частію смертельная, то окажется, что для кормленія здоровыхъ грудныхъ дѣтей Либиховъ экстрактъ негодится, не смотря даже на то, что онъ помогъ Клементовскому сохранить изъ 278 отчаянно больныхъ дѣтей 130.

Причина, отъ которой зависѣло воспаленіе кишекъ у дѣтей, употреблявшихъ экстрактъ, есть слѣдующая: извѣстно, что остатки пищи, переходя въ толстыя кишки, скопляются тамъ въ большомъ количествѣ и задерживаются въ

нихъ на болѣе или менѣе продолжительное время. Одна изъ главныхъ причинъ этого замедленія заключается въ направленіи восходящей и поперечной части ободошной кишки и въ особенной формѣ третьей ея кривизны. Толстыя кишки, приходя обыкновенно въ соприкосновеніе съ негодными и грубыми частями пищи, подвергаются со стороны послѣднихъ болѣе или менѣе значительному раздраженію. Понятно, что точно также должны дѣйствовать на толстыя кишки и остатки экстракта, назначенные къ изверженію.

Стало быть назначенные къ изверженію остатки экстракта имѣютъ раздражающее свойство,— и очень можетъ быть, что причина этого заключается въ несовершенствѣ перевариванія его дѣтскимъ желудкомъ.

Тотъ же Клементовскій дѣлалъ еще опыты надъ употребленіемъ груднымъ дѣтямъ бѣлочнаго пептона.

Извѣстно, что бѣлокъ, принятый въ пищу, растворяясь въ желудочномъ сокѣ животныхъ, образуетъ бѣлочный пептонъ. Если кормить ребенка обыкновеннымъ бѣлкомъ, то вѣроятно, что желудочный сокъ его не въ состояніи будетъ растворить бѣлокъ, безъ чего невозможно уподобленіе его, не говоря уже о томъ, что и у взрослаго человѣка не весь бѣлокъ, принимаемый имъ въ пищу, растворяется. Чтобы избѣжать этого акта раствореніе и сдѣлать бѣлокъ способнымъ къ воспріятію дѣтскимъ организмомъ, Клементовскій рѣшился кормить дѣтей бѣлкомъ, растворенным въ искуственномъ желудочномъ сокѣ, т. е. въ видѣ бѣлочнаго пептона. Онъ приступилъ къ своимъ опытамъ лѣтомъ, когда былъ недостатокъ кормилицъ, для чего и избралъ 5 сухоточныхъ дѣтей. Опыты были однако неудачны, ибо у всѣхъ больныхъ, за исключеніемъ одного, образовался поносъ, что и заставило Клементовскаго прекратить дальнѣйшіе опыты.

Оканчивая нашъ очеркъ, мы имѣемъ нѣкоторое право сдѣлать слѣдующія заключенія:

1) Искуственное кормленіе никогда не можетъ быть успѣшно въ нашихъ воспитательныхъ домахъ, потому что находящіяся въ нихъ дѣти, большею частію новорожденныя, никогда не остаются въ заведеніи долѣе шести недѣль.

2) Если воспитательные дома наши и отличаются отъ иностранныхъ незначительною смертностію, то обязаны этимъ естественному кормленію грудью. Фактъ этотъ сознали уже и за-границей. Извѣстно, что въ Австріи, по поводу послѣдняго отчета С.-Петербургскаго Воспитательнаго Дома, вновь начали подниматься голоса въ пользу увеличенія числа кормилицъ въ Вѣнскомъ Воспитательномъ Домѣ. Великая заслуга, оказанная русскими заведеніями человѣчеству!

3) Искуственное кормленіе можетъ быть успѣшно только тогда, когда ребенокъ перешелъ за двухъ-мѣсячный возрастъ. Въ этомъ согласны не только ученые, но даже и простолюдины; истина эта въ настоящее время пріобрѣла такое значеніе, что въ Англіи искуственное кормленіе, благодаря счастливымъ результатамъ, входитъ все болѣе и болѣе въ общее употребленіе. Замѣчательно, что простой здравый смыслъ нашего народа давно постигъ эту истину. Крестьянки наши рѣдко кормятъ грудью дѣтей болѣе двухъ мѣсяцевъ. Большая смертность дѣтей въ простонародьѣ не можетъ служить опроверженіемъ этой истины, потому что она зависитъ не отъ одного искуственнаго кормленія коровьимъ молокомъ, а отъ совокупности всѣхъ неблагопріятныхъ гигіеническихъ условій, въ которыхъ живетъ нашъ крестьянинъ. Впрочемъ дивиться мѣткости народнаго наблюденія нечего, потому что оно нерѣдко предупреждало даже самыя изысканія ученыхъ. Такъ напр. въ Италіи народъ открылъ гораздо раньше врачей, что чесотка зависитъ отъ присутствія чесоточнаго клеща, а въ Германіи,—что молочница есть ничто иное, какъ плесень. Возможность искуственнаго кормленія въ извѣстномъ возрастѣ младенцевъ удовлетворяетъ и нравственному чувству тѣхъ матерей, которыя выкармливаютъ своихъ дѣтей при помощи кормилицъ; въ противномъ случаѣ всякая такая мать, спасая собственнаго ребенка, дѣлалась бы убійцею ребенка своей кормилицы, чего законъ не могъ бы допускать.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ОСПОПРИВИВАНІЯ

ВЪ МОСКОВСКОМЪ ВОСПИТАТЕЛЬНОМЪ ДОМѢ.

Исторія нашихъ воспитательныхъ домовъ тѣсно связана съ исторіею оспопрививанія въ Россіи. Первое мѣсто, конечно, принадлежитъ здѣсь Московскому Воспитательному Дому, который, по положенію своему въ центрѣ государства, имѣетъ бóльшую возможность разсылать оспенную матерію въ самыя отдаленныя мѣста Россіи.

Прежде открытія оспопрививанія употреблялись разныя профилактическія средства противъ оспы; но всѣ эти средства были болѣе или менѣе невѣрны; изъ нихъ достаточно упомянуть о сюрьмѣ съ ртутью (Боергавъ), ртути съ сѣрой (Лоббъ), смоляной водѣ (Берклей) и т. д.

Оспопрививаніе дѣйствительно можно назвать величайшимъ благомъ, которое медицина принесла человѣчеству. Прежде нежели Дженнеръ ввелъ прививаніе вакцины, врачи уже нашли возможность прививать настоящую оспу. Причины, по которымъ рѣшились на прививаніе настоящей оспы, были слѣдующія:

Замѣчено, что злокачественность повальныхъ болѣзней не всегда бываетъ одинакова: въ одну эпидемію смертность можетъ быть значительно бóльшая, въ другую—значительно мéньшая. Тоже самое было и съ настоящей оспой: въ одну эпидемію она умерщвляла почти всѣхъ, кого только поражала; а въ другую—щадила большую часть своихъ жертвъ. Также извѣстно, что степень опасности болѣзни зависитъ отъ внѣшнихъ условій и отъ условій, свойственныхъ организму человѣка. Въ послѣднемъ отношеніи весьма важную роль играютъ атмосферическія явленія, возрастъ и предшествующее состояніе здоровья. Всѣ эти обстоятельства, взятыя вмѣстѣ, представляли очень много выгодъ и давали врачамъ возможность, такъ сказать, *управлять* оспой.—Само собой разумѣется, что прививалась только матерія доброкачественной оспы, людямъ здоровымъ, не въ жаркое и сухое время года и не въ такую пору, когда была какая нибудь другая повальная болѣзнь.

Мы не знаемъ положительно, кто ввелъ въ употребленіе прививаніе настоящей оспы, хотя и приписываютъ это Авиценнѣ. Извѣстно только, что съ незапамятныхъ временъ оно существовало въ Индіи, Китаѣ, и введено въ Европѣ уже въ 1675 году. Въ Турціи, откуда оспопрививаніе перешло въ Европу, полагаютъ начало его въ земляхъ, прилегающихъ къ Каспійскому морю, и именно, въ Грузіи и на Кавказѣ—странахъ, входящихъ нынѣ въ составъ нашего отечества.

Очень понятно, что въ Европѣ на первыхъ порахъ оспопрививаніе не пользовалось большимъ довѣріемъ; публика не могла понять—какимъ образомъ можно безопасно производить искуственную прививку болѣзни, бóльшею частію смертельной. Вслѣдствіе этого въ Англіи, по распоряженію правительства, первый опытъ оспопрививанія былъ сдѣланъ надъ шестью преступниками, осужденными на смерть. Они выздоровѣли и чрезъ то избавились отъ смертной

казни. Не смотря на такой благополучный исходъ дѣла, оспопрививаніе не распространялось въ Англіи до XVIII столѣтія; тогда явилась одна достойная женщина, которая разсѣяла существовавшее предубѣжденіе. Это была леди Марія Монтегю; она во время пребыванія въ Константинополѣ велѣла привить оспу своему шестилѣтнему сыну, а по возвращеніи въ 1722 году въ Англію, сдѣлала тотъ же опытъ надъ своею дочерью. Впрочемъ общее довѣріе турокъ къ оспопрививанію не могло не имѣть вліянія на пріѣзжавшихъ въ Турцію иностранцевъ.—Такъ Карлъ XII, живши въ Бендерахъ, приказалъ написать обстоятельную исторію оспопрививанія, о его способѣ и успѣхахъ,—и переслать ее въ Стокгольмъ. Во Франціи въ началѣ XVIII столѣтія оспопрививаніе было почти неизвѣстно, и стало распространяться только около этого времени. Оно нашло горячихъ защитниковъ, какъ во врачахъ, такъ и неврачахъ. Къ первымъ принадлежатъ медицинскій факультетъ и Пети; ко вторымъ—знаменитые писатели Вольтеръ и Руссо.

Не смотря на авторитетъ такихъ лицъ и на факты, говорящіе въ пользу оспопрививанія, оно все-таки встрѣчало антагонистовъ.—Доказывали, что оспопрививаніе почти тоже самое что убійство, потому что человѣкъ можетъ отъ него умереть; говорили, что прививаніе оспы способствуетъ распространенію заразы, потому что въ благополучное время всякій могъ болѣе или менѣе разсчитывать на свою безопасность, тогда какъ при постоянномъ искуственномъ распространеніи болѣзни, легкость зараженія дѣлалась неизбѣжною; наконецъ приводили факты, доказывавшіе, что оспопрививаніе нисколько не предохраняетъ отъ новаго зараженія. Такія невыгодныя мнѣнія распространялись въ обществѣ не только обыкновенными разговорами, но и подметными письмами, какъ то было въ Швеціи.—Духовенство не оставалось въ сторонѣ отъ реакціоннаго движенія и старалось препятствовать оспопрививанію, дѣйствуя на религіозную сторону народа. „Мы не искушаемъ Бога прививаніемъ оспы",—писалъ графъ Тессинъ, сторонникъ оспопрививанія, къ одной шведской принцессѣ;—„не противимся тѣмъ Его волѣ, не отваживаемся чрезъ то просить у Него чудесъ; но надѣясь на милосердую Его помощь, прививаемъ ее со всякимъ раченіемъ, также какъ бы употребляли и другое какое-либо предохранительное средство или лекарство для предотвращенія жестокой, опасной, неизбѣжной и часто смертельной болѣзни. Мы не погрѣшаемъ противъ Провидѣнія, употребляя такое средство, которое Всевышній благоволилъ намъ открыть и помощію котораго многія уже тысячи людей избавлены отъ смерти. Слѣдовательно, въ случаѣ, если кто умираетъ естественною оспой, совѣсть насъ должна изобличать, что мы пренебрегли средствомъ, которое могло бы спасти человѣка отъ смерти" (См. Розенъ-фонъ-Розенштейна—Руководство къ познанію и врачеванію младенческихъ болѣзней).—Къ чести врачей нужно сказать, что они не только старались разсѣять всѣ сомнѣнія, относительно оспопрививанія; но иногда даже на мѣстѣ повѣряли слухи о разсказываемыхъ случаяхъ новаго зараженія послѣ сдѣланнаго оспопрививанія; удостовѣрясь въ несправедливости ихъ, они спѣшили заявить о томъ публикѣ.

Всего болѣе способствовало распространенію оспопрививанія множество накопившихся благопріятныхъ фактовъ.—Увидали, что не смотря на искуственное распространеніе оспы, цифра естественнаго заболѣванія не только не увеличилась, но даже уменьшалась.—Увидали, что число оспинъ при прививной оспѣ бываетъ сравнительно ничтожное и что горячечныя явленія, сопровождавшія ее, не представляютъ ни значительнаго развитія, ни большой опасности. Увѣрились, что подвергавшіе себя прививанію, вторично уже не заражались. Наконецъ даже убѣдились, что если отъ прививной оспы и бываютъ смертельные случаи, то все-таки цифра ихъ сравнительно ничтожна съ смертностью, обыкновенно сопровождающую натуральную оспу.—Скоро эти наблюденія подтвердились указаніями статистическими, которыя обнаружили, что отъ натуральной оспы изъ 300 младенцевъ умираетъ 270, а отъ прививной—изъ 250 или даже 500 всего только одинъ.

Когда въ Россіи появилась оспа, достовѣрно неизвѣстно. Нашъ историкъ медицины Рихтеръ,

ссылаясь на то, что по историческимъ документамъ невозможно съ точностью опредѣлить время ея появленія, думаетъ, что это случилось еще задолго передъ 1630-мъ годомъ; онъ утверждаетъ также, что оспа занесена въ наше отечество отъ другихъ европейскихъ народовъ.

Какія мѣры принимались противъ нея до временъ Петра Втораго, также неизвѣстно. Въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича, въ 1680 году, былъ обнародованъ указъ, чтобы каждый домовладѣлецъ письменно доносилъ въ *Разрядъ* о заболѣвающихъ въ его домѣ горячкой или оспой; но на какой конецъ служили эти донесенія, на то нѣтъ указаній.

Въ первый разъ упоминается о мѣрахъ отдѣленія зараженныхъ оспою отъ людей здоровыхъ въ 1727 году; но и тогда эти мѣры были не общими, а касались исключительно особы Императора. При вступленіи на престолъ Петра Втораго, Меншиковъ запретилъ являться ко Двору и на Васильевскій островъ (тогдашнюю резиденцію Государя) всѣмъ, у кого въ домѣ были дѣти больныя оспою. Съ перваго взгляда можно подумать, что судьба посмѣялась надъ человѣческими усиліями, потому что отъ оспы погибъ именно тотъ, кого отъ нея наиболѣе оберегали. Но исторія указываетъ намъ, что распоряженіе Меншикова существовало только до времени его паденія и за тѣмъ было уничтожено.—Князья Долгорукіе не только не заботились о предохраненіи Императора, но одинъ изъ нихъ, именно князь Сергій Григорьевичъ, продолжалъ являться ко Двору, не смотря на то, что его собственныя дѣти страдали оспой.—Отъ него-ли, или отъ другаго кого заразился Императоръ, но только извѣстно, что онъ умеръ отъ оспы 18-го января 1730 года.

Вслѣдствіе смерти Петра Втораго повелѣніе Меншикова было повторено въ 1742 году, въ царствованіе Елисаветы Петровны. Въ немъ указывалось, чтобы въ С.-Петербургѣ и потомъ въ Москвѣ, по прибытіи Ея Императорскаго Величества, объявить всѣмъ обывателямъ, ежели кто оспою занеможетъ, изъ того дома ко Двору не приходить никому. Въ 1744 году состоялся второй подобный указъ, въ которомъ говорилось, чтобы никто не смѣлъ являться ко Двору въ продолженіе четырехъ недѣль, кто былъ въ оспѣ или кори.—Еще строже были повелѣнія 21-го октября 1754 года и 12 ноября 1755 года; послѣдними предписывалось, чтобы никто не смѣлъ являться ко Двору, у кого въ домѣ свирѣпствовала горячка съ пятнами. (См. Исторію Медицины въ Россіи. Т. 3).

Въ 1755 году приступили къ болѣе общимъ распоряженіямъ для отвращенія оспы. Въ С. Петербургѣ особенный докторъ и два лекаря обязаны были пещись о больныхъ оспою, корью и другими горячками съ пятнами. Въ томъ же году дѣтей больныхъ оспою приказано было пріобщать св. тайнъ только въ извѣстныхъ церквахъ, и то отдаленныхъ.

Наконецъ молва объ успѣхахъ оспопрививанія въ Англіи, Швеціи и Даніи достигла Россіи, и первая услуга, оказанная печатно въ этомъ отношеніи нашему отечеству, принадлежитъ періодической литературѣ. Въ журналѣ, издаваемомъ знаменитымъ Миллеромъ, „Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія“ (часть 1-я стр. 37)—появилась первая, по-русски написанная статья объ оспопрививаніи, а въ слѣдующемъ за тѣмъ году самое оспопрививаніе предпринято Шулиномъ.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что эта заслуга принадлежитъ общей періодической литературѣ, а не медицинской; послѣдней въ то время еще не существовало; она возникла не ранѣе 1792 года. При этомъ нельзя не замѣтить, что въ русской службѣ былъ одинъ изъ врачей-писателей, познакомившихъ Европу съ оспопрививаніемъ, именно—докторъ Яковъ Пеларино, оставившій послѣ себя два сочиненія по этому предмету.—Рихтеръ упрекаетъ его, почему онъ не распространилъ оспопрививанія въ Россіи. Въ защиту Пеларино мы можемъ сказать, что онъ прибылъ къ намъ въ 1690 году, а въ 1692-мъ уѣхалъ обратно. Первое же свое сочиненіе объ оспопрививаніи онъ написалъ въ Константинополѣ въ 1714 году.—Притомъ же извѣстно, что еще въ 1701 году Пеларино былъ противникомъ оспопрививанія и сдѣлался послѣдователемъ его только послѣ многочисленныхъ и успѣшныхъ примѣровъ, которыхъ онъ былъ

свидѣтелемъ. Впослѣдствіи, въ одномъ 1713 году, онъ привилъ оспу 6000 человѣкъ. Общее же распространеніе оспопрививанія послѣдовало въ Россіи при Екатеринѣ II, которая подала высокій примѣръ, прививши оспу себѣ и Наслѣднику Престола. Исполненіе этой операціи поручено было барону Димсдалю.

Одинъ изъ наиболѣе ревностныхъ дѣятелей того времени въ дѣлѣ оспопрививанія былъ пасторъ Іоганнъ—Георгъ Ейзенъ. Онъ родился 19-го января 1717 года во Франконіи, учился въ Іенѣ и въ 1745 году получилъ мѣсто въ Тормѣ въ Лифляндіи. Онъ первоначально занимался политической экономіей и написалъ много сочиненій по этому предмету. Въ 1769 году Ейзенъ обратился къ оспопрививанію и занялся распространеніемъ его въ народѣ; это-то и послужило поводомъ къ вызову его въ С. Петербургъ. Надобно полагать, что въ 1775 году онъ прививалъ оспу питомцамъ Московскаго Воспитательнаго Дома: въ февральскихъ документахъ 1778 года мы находимъ, что Домъ выдалъ ему за *прививаніе оспы дѣтямъ* 100 рублей. Пасторъ Ейзенъ умеръ въ 1779 году, оставивъ послѣ себя нѣсколько сочиненій объ оспопрививаніи; одно изъ нихъ переведено на русскій языкъ.

Питомцы Московскаго Воспитательнаго Дома также страдали отъ натуральной оспы. Мы имѣемъ свѣдѣнія, что оспа свирѣпствовала въ Домѣ въ 1764, 1765 и 1766-мъ годахъ. Въ 1764 году по этому случаю даже прекращенъ былъ въ Домѣ пріемъ питомцевъ, и ихъ отсылали во 2-е отдѣленіе.—Въ этомъ же году Опекунскій Совѣтъ, имѣя съ докторами разсужденіе о физическомъ воспитаніи дѣтей, *предложилъ о способѣ прививанія оспы и кори.*

Въ дѣлахъ однако значится, что прививаніе натуральной оспы начато въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ тотчасъ по введеніи оспопрививанія въ Россіи, т. е. въ 1768 году. Болѣе подробныхъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ мы не находимъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя находятся въ коротенькой выпискѣ сочиненія Бецкаго, „Способъ прививанія оспы,“ напечатаннаго въ 1791 году. Въ сочиненіи этомъ, гдѣ говорится о правилѣ облегчать оспу, „заставляя дѣтей на вольномъ воздухѣ забавляться и пить свѣжую воду во всякое время, а запоръ отвращать слабительнымъ“,—прибавлено: „Сіе правило наблюдено искуствомъ и прилѣжаніемъ господина Доктора Мертенса въ Москвѣ, въ Воспитательномъ для приносимыхъ младенцевъ Домѣ, во время прививанія оспы, которое учинено тамъ 18-го Мая десяти, да 29-го того же мѣсяца двенадцати младенцамъ, отъ 3 до 8 лѣтъ возраста. Тѣ же дѣйствія, успѣхъ и польза произошли отъ прививанія и въ томъ Домѣ, какія оказались и въ Обществѣ Благородныхъ Дѣвицъ и въ Академіи Художествъ, какъ выше показано.“ Содержаніе названнаго нами сочиненія—„Способъ прививаніе оспы“ тѣмъ любопытнѣе, что оно описываетъ оспопрививаніе, сдѣланное воспитанникамъ Академіи Художествъ. Говоримъ такъ потому, что на русскомъ языкѣ, особенно въ старину, немного было оригинальныхъ сочиненій, которыя бы трактовали о наблюденіяхъ, сдѣланныхъ въ Россіи.—Будетъ весьма не лишнимъ, если въ нашемъ историческомъ очеркѣ мы коснемся цитуемаго сочиненія Бецкаго, тѣмъ болѣе, что оно издано Воспитательнымъ Домомъ, какъ сказано, на пользу Общества, вмѣстѣ съ другими сочиненіями Бецкаго: „Краткое предохранительное спознаніе о заразительной язвѣ“ и „О парныхъ россійскихъ баняхъ.“—Всѣ эти три сочиненія изданы въ С. Петербургѣ, какъ уже сказано, въ 1791 году, въ одномъ общемъ томѣ, въ числѣ 10,000 экземпляровъ и поручены для распространенія въ публикѣ Московскому Воспитательному Дому.

Сочиненію-о„ Способѣ прививанія оспы “предпослано слѣдующее предисловіе:

Императорская Академія Художествъ въ пользу Общества объявляетъ.

„Извѣстно, сколь превосходная опасностію между всѣми болѣзнями *Оспа*. Она истребляетъ, изъувѣчиваетъ и безобразитъ четвертую часть рода человѣческаго; жестокія слѣдствія сея болѣзни простираются повсюду, а наипаче въ обществахъ дѣтей, живущихъ вмѣстѣ.“

„Для того Господинъ Бецкой, Президентъ Императорскія Академіи Художествъ, предохраняя отъ смертоносной сей язвы воспитательныя

заведенія, собралъ изъ чужихъ краевъ надежныя извѣстія, о дѣйствіи и пользѣ *прививанія оспы*, и сообщилъ оныя Господину Доктору Медицины І. Г. Енишу, который, употребя особливое къ тому искуство свое, учинилъ *прививаніе* воспитываемымъ дѣтямъ, не только въ училищѣ при сей Академіи, но и въ Обществѣ Благородныхъ Дѣвицъ, съ совершенною пользою."

„А какія обстоятельства *прививанія* показаны въ рапортахъ и дневныхъ запискахъ, поданныхъ Господину Президенту, оныя не приминула Академія Художествъ всему Обществу чрезъ сіе учинить извѣстными."

За тѣмъ слѣдуетъ описаніе самаго оспопрививанія.

„Прививаніе оспы происходило нижеслѣдующимъ образомъ:—"

„1). Оное произведено въ Маіѣ и Іюнѣ мѣсяцахъ, въ Обществѣ Дѣвицъ и въ училищѣ при Академіи Художествъ дѣтямъ, коихъ было сорокъ. Ни одному не было меньше четырехъ, а болѣе десяти лѣтъ. Прежде прививанія дано имъ слабительное лѣкарство для очищенія отъ глистъ, которымъ дѣти почти всегда подвержены. Для опыта не дано сіе лѣкарство одной дѣвочкѣ и двумъ мальчикамъ; и такъ и безъ онаго симъ троимъ привита оспа. За девять или за десять дней до прививанія, воздержаны дѣти отъ грубой пищи. Позволено имъ употреблять телятину, курятину, легкія отъ сего мяса и овсяную похлебку, молочное, кашу всякую, зелень и овощи; а для питья воду свѣжую."

„2) *Прививаніе* дѣлано двумя способами. *Первый*: Собраны за день до прививанія въ стеклянный сосудецъ лучшія оспины, взятыя отъ случившагося тогда въ натуральной оспѣ младенца. Обмоченъ въ оной кончикъ ланцета такъ, что нѣсколько матеріи къ нему прилипло. Сдѣлана симъ кончикомъ дѣтямъ язвинка только сквозь верхнюю тонкую кожу, на обѣихъ рукахъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно фонтанелль ставятъ, и въ ту язвину пущена матерія, которая на ланцетѣ оставалась. Понеже многимъ прививать было надобно, и осторожность требовала, чтобъ привитая матерія отъ рубашекъ не стерлась; для того положено на помянутыя язвинки немного хлопчатой бумаги, обмокнутой въ оспинной ядъ за нѣсколько дней предъ тѣмъ, а сверху пластырь: но на другой день всѣ пластыри сняты и больше не накладываны."

„*Другой способъ:* У приведеннаго въ особливую комнату больнаго, имѣющаго хорошую оспу, взята отъ оной матерія на ланцеты, которыми весьма осторожно прокалывано дѣтямъ, между верхнею тонкою кожицею и исподнею кожею и вкладываны оспины. Тогда ни въ пластырѣ, ни въ бумагѣ нужды не было. Не нужнобъ то было и при перьвомъ способѣ, когдабъ прививаніе слѣдовало дѣлать одному, или по крайней мѣрѣ немногимъ."

„3). На *другой* день всѣмъ острижены волосы, для избѣжанія отъ нечистоты, и въ то же время дано легкое слабительное. Получившіе прививаніе препроводили по большой части шесть дней, не жалуясь на болѣзнь. Нѣкоторые чувствовали уже въ четвертый день легкую боль подъ пахами, а на пятый въ головѣ: потомъ имѣли небольшую лихорадку. У тѣхъ, кои скоро почувствовали боль, оспа была меньше и легче, нежели у другихъ, которые жаловались позже. Но понеже при семъ прививаніи *ни что такъ дѣтямъ не вредно, какъ прискорбный духъ;* для того стараніе употреблено, различными забавами и играми учинить имъ время, сколь возможно, пріятнымъ. Какъ скоро жаловаться стали, уговаривали ихъ быть по цѣлому дню на свѣжемъ воздухѣ. Съ начала сіе казалось имъ чудно, и еще чуднѣе тѣмъ, коимъ дѣтей къ тому побуждать надлежало. Но больные, лишь только одинъ часъ тамъ побыли, сами узнали отъ сего пользу, почувствовавъ облегченіе въ головной болѣзни и въ лихорадкѣ, и нѣкоторую въ себѣ бодрость. На другой день не надобно уже было ихъ уговаривать къ симъ забавамъ: лишь пробуждались, сами добровольно требовали быть на дворѣ. Во время пребыванія ихъ на воздухѣ, давали имъ часто, но не много пить свѣжую воду, а чтобъ умножить имъ увеселеніе, сдѣланы были на дворѣ разныя орудія игры, качели и проч. Во время утомленія отдыхали они лежа подъ тѣнью на тюфякахъ, положенныхъ на земли. Иногда и ѣли они тамъ же въ обѣдъ и ужинъ."

„*Примѣчать* должно, что во время высыпанія и наливанія оспы, весь Май и въ началѣ Іюня было вѣтрено и холодно; но не смотря на то, дѣти были всегда на дворѣ въ тонкомъ одѣяніи: у мальчиковъ шлафорки, кафтаны и штаны изъ холста; головы почти у всѣхъ не покрыты. Нѣтъ причины сему удивляться, ибо дѣти сіи по воспитанію своему не привыкли окутывать себя безъ нужды тяжелою одеждою, которая только жаръ въ сей болѣзни умножаетъ.“

„4). *Симъ* образомъ у нихъ играющихъ выступила оспа. Тогда на волю имъ дано, быть либо на вольномъ воздухѣ, либо въ комнатахъ: но большая часть предпочли первое другому. Ни одинъ младенецъ не имѣлъ припадка отъ простуды, ни насморка, ни кашля.“

„5). *Лѣкарство*, которое они чрезъ все то время получали, было одно легкое чистительное, данное имъ въ первой день лихорадки: въ прочіе два дни не имѣли никакого. *Отъ свѣжаго* только *воздуха* и *отъ свѣжей воды лихорадка была* такъ легка, что можно было кормить каждаго телячьею и курячьею похлебками; чего бы имъ не можно позволить, ежелибы лихорадка хотя мало жестока была.“

„6). *Выступленіе* оспы у большой части продолжалося три дни. Оказалась прежде тамъ, гдѣ привита; по томъ на лицѣ, на рукахъ, на тѣлѣ, а на конецъ и на ногахъ. Сколь безчисленны оспины отъ естественнаго приключенія, столь малое оныхъ число отъ прививанія, наипаче при наблюденіи описываемаго здѣсь способа. У нѣкоторыхъ было отъ 5 до 10, у другихъ отъ 20 до 30, у многихъ отъ 40 до 80, у нѣкоторыхъ отъ 100 до 150 оспинъ.“

„У *тѣхъ*, кои прежде прививанія не принимали слабительнаго, было отъ части больше оспинъ, отъ части происходило отъ оныхъ больше боли, какъ созрѣвали.“

„7). *Оспины* полны стали въ три дни послѣ выступленія, но прежде тамъ, гдѣ сначала появились. Какъ скоро сіе послѣдовало, то вскрывали ихъ остроконечными ножницами для выведенія гноя, дабы въ кровь не вступилъ. Съ сего времени, то есть, какъ оспины наполнялися, а послѣ сохнуть стали, давано легкое слабительное всегда черезъ четыре дни. Наблюденіе обоихъ сихъ случаевъ, весьма споспѣшествовало скорому и удобному леченію оспы.“

„8). На *язвинки*, кои на рукахъ отъ прививанія, не должно класть ни пластыря ни мази. Дѣлано сіе четыремъ питомцамъ, отчего леченіе раны у нихъ гораздо продолжительнѣе было, нежели у другихъ, которымъ оная симъ образомъ не была перевязывана. Для послѣднихъ употребленъ только прилѣжной присмотръ, что бы подъ струпомъ въ ранѣ гноя не было, которой, какъ скоро оказался, выпущенъ былъ, что и неоднократно происходило, покамѣстъ оная засохла. Въ сіе время рана зажила, и наконецъ струпъ отпалъ.“

„9). Въ *20-й день* послѣ прививанія почти все прошло: у большой части оспины отпали, и язвины исцѣлились. Во все то время ни одинъ изъ питомцевъ болѣнъ не лежалъ въ постелѣ. Можно сказать, что три дни только до выступленія оспы больны были легко, какъ выше показано въ § 3; и по выступленіи оной лихорадка гораздо уменьшилась. А какъ оспа наливалась и подсыхала, тогда не было опять лихорадки, какъ при естественной оспѣ съ великою опасностію бываетъ.“

„10). *Должно* здѣсь упомянуть еще объ одномъ опытѣ, сдѣланномъ надъ многими. Въ пятой день послѣ прививанія, приложенъ небольшой тягучей пластырь къ голѣни и къ икрамъ, не для того, что бы произвести пузыри, но чтобъ соки больше стекались къ симъ мѣстамъ, что и сдѣлалось. Оспа по выступленіи высыпала у каждаго около пластыря. И такъ можно симъ образомъ привести къ одному мѣсту больше оспы, и отвести оную отъ лица.“

„11). *Что* касается до оспинъ, употребленныхъ къ прививанію, примѣчается слѣдующее: къ прививанію въ Маіѣ мѣсяцѣ дѣтямъ въ училищѣ при Академіи Художествъ употребленъ оспинной гной не застарѣлой, но по большей части отъ такой оспы, которая лишь только начала наполняться. Къ прививанію въ Іюнѣ мѣсяцѣ при Обществѣ Дѣвицъ, выбраны оспы совершенно созрѣвшія. Въ произшедшемъ отъ сего дѣйствіи разность была та, что у послѣднихъ была оспа больше и толще, нежели у первыхъ.“

„И *такъ* все къ прививанію нужное, состоитъ въ слѣдующемъ: Для глистъ дать проносное; по томъ прививаніе оспы дѣлать, какъ показано. Облегчать оную, заставляя дѣтей на вольномъ воздухѣ забавляться, и пить свѣжую воду во всякое время: запоръ отвращать слабительнымъ.“

Къ этому описанію Бецкой приложилъ чье-то письмо, присланное ему изъ Парижа, о сочиненіи Гатти, изданномъ во Франціи. Въ переводѣ сочиненіе Гатти названо: „Новыя разсужденія къ употребленію при прививаніи оспы.“

Какъ видно изъ письма, сочиненіе это во Франціи было принято неблагопріятно. Автору письма это крайне не понравилось; сдѣланныя автору замѣчанія онъ называетъ „легкомысленными упреканіями“ и хотя самъ не берется опредѣлить достоинство сочиненія, тѣмъ не менѣе изъявляетъ увѣренность, что „чѣмъ ближе придетъ къ совершенству прививаніе оспы въ Европѣ, тѣмъ болѣе почитаема будетъ книжка Господина Гаттія.“

Гатти поставилъ себѣ задачею—исправить бывшій въ употребленіи способъ оспопрививанія, который онъ порочитъ, равно какъ и леченіе лицъ, подвергнутыхъ оспопрививанію. Онъ проводитъ мысль, что оспопрививаніе тогда только принесетъ пользу, когда врачи не будутъ въ него мѣшаться и предоставятъ его самому народу. Всѣ неудачи въ оспопрививаніи онъ также приписываетъ погрѣшностямъ врачей. Авторъ письма прибавляетъ въ скобкахъ, что онъ очень боится, чтобы Гатти не былъ правъ.

Далѣе Гатти утверждаетъ, что паціента никакими лекарствами не слѣдуетъ приготовлять къ оспопрививанію, потому что для этого человѣкъ долженъ быть прежде всего здоровъ, а за пріумноженіе здоровому здоровья не можетъ взяться ни одинъ врачъ. Что касается до леченія, какъ естественной, такъ и искуственной оспы, Гатти признаетъ только два способа, именно: *содержать больнаго въ веселости и сколько можно въ холодѣ*. Оспа, по его мнѣнію, есть болѣзнь благотворная и сдѣлалась смертоносною только отъ способовъ леченія, употребляемыхъ врачами. Г. Гатти,—прибавляетъ авторъ письма,—„не помышляетъ нимало ласкать своей собратіи,—но я долженъ засвидѣтельствовать, что видѣлъ какъ онъ лечилъ по своему способу естественную оспу, и леченіе это сопровождалось самымъ лучшимъ успѣхомъ, даже у такихъ больныхъ, у которыхъ оспа почитается смертельною.—Больнымъ, во время выступленія оспы, Гатти запретилъ лежать въ постели; велѣлъ имъ быть въ веселомъ препровожденіи, прохаживаться по комнатамъ, наполненнымъ свѣжимъ и умѣренно-холоднымъ воздухомъ.“ Авторъ письма очень доволенъ, что успѣхъ оправдалъ такой способъ леченія и „аптекарямъ не было случая, ниже на полушку готовить для больныхъ лекарства.“ „Понимаю,—заключаетъ онъ,—что способъ Гаттія очень простъ и очень справедливъ для большаго въ Обществѣ употребленія. Люди обманутыми быть любятъ, и чѣмъ меньше какое дѣло вразумительно, тѣмъ больше къ обману ихъ служитъ. Ложь, подкрѣпляемая школьными доказательствами, дѣлаетъ надежными дѣйствія и въ простомъ народѣ, который составляетъ $^{19}/_{20}$ доль рода человѣческаго. Не знаю, вылѣчимся ли мы когда нибудь отъ другихъ предувѣреній? Но какіе были употребляемы до сего, останутся рѣдко излечимы.“

Хотя письмо о сочиненіи Гатти само по себѣ и не заслуживаетъ вниманіе—въ немъ только и есть правды, что здороваго не слѣдуетъ лечить, а заболѣвшаго оспой слѣдуетъ держать въ холодной температурѣ,—тѣмъ не менѣе мы привели его потому, что въ немъ выразился болѣе или менѣе современный взглядъ на врачей и на ихъ искуство.—По отношенію къ Воспитательному Дому Бецкой именно держался такого взгляда, и во многомъ лишалъ врачей самостоятельности. Онъ такъ мало думалъ о врачахъ, что даже не удостоилъ главнаго доктора инструкціею, тогда какъ разослалъ ихъ не только всѣмъ управлявшимъ отдѣльными частями Дома, но даже не забылъ швейцара (Родильнаго Госпиталя) и привратника.—Между тѣмъ онъ сдѣлалъ это вовсе не потому, что чувствовалъ себя здѣсь некомпетентнымъ, напротивъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ самъ указываетъ на медицинскія мѣры, которыя нужно было принимать въ извѣстныхъ случаяхъ. Такъ напр. въ инструкціи главной надзирательницѣ онъ говоритъ слѣдующее: „Ко-

гда у дѣтей станутъ рѣзаться зубы, то въ оное время обыкновенно онѣ бываютъ нездоровы— ротъ у нихъ разгорячается, то вмѣсто всѣхъ лекарствъ, которыя имъ больше вредятъ нежели пользуютъ, давать игрушку съ слоновымъ на концѣ зубомъ, или обдѣланнымъ хрусталемъ— для прохлажденія рта, а паче всего пользоваться чистымъ и свѣжимъ воздухомъ.“ Въ другомъ мѣстѣ, въ инструкціи помощнику главнаго надзирателя, онъ говоритъ: „Ежели случится запоръ или головная болѣзнь, то больнаго можно воздержать на сутки отъ пищи, давать ему понемногу чистой воды, а наипаче въ то время не подавать ребенку причины о чемъ-либо прилежно думать или печалиться, но лучше всего заставлять его играть на вольномъ воздухѣ.“— Сообразно такому взгляду, Бецкой подчинилъ главнаго доктора главному надзирателю, сдѣлавъ послѣдняго отвѣтственнымъ за медицинскую часть.

Подобныя распоряженія не могли не принесть горькихъ плодовъ. Тогда только въ леченіи можно ожидать успѣха, когда врачъ не ограничивается однимъ выписываніемъ лекарствъ для больнаго, но и распоряжается его содержаніемъ. Между тѣмъ въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ врачи были даже устраняемы отъ назначенія дѣтямъ лекарствъ; эта обязанность почти исключительно лежала на палатныхъ надзирательницахъ, которыя, не имѣя никакихъ свѣдѣній въ медицинѣ, дѣйствовали по слѣпой, ими самими составленной рутинѣ.—Съ палатнымъ врачемъ совѣтовались только въ случаѣ угрожающей смерти ребенку, т. е. когда уже ничего нельзя было сдѣлать. Въ сущности врачъ былъ не больше какъ медицинскій писарь, на обязанности котораго лежало записывать заболѣвающихъ въ лазаретный журналъ и выписывать по требованію надзирательницъ нужныя для палаты лекарства. Не смотря на такой странный обычай, отвѣтственность за больныхъ, въ случаѣ большой смертности, падала на врачей, и они подвергались выговорамъ и замѣчаніямъ. Однажды даже былъ такой случай, что Главный Попечитель Воспитательнаго Дома Сиверсъ приказалъ объявить докторамъ, „что лишатся мѣстъ, если неуменьшится смертность.“ И вслѣдъ за тѣмъ велѣлъ обоихъ докторовъ и лекарей за нерадѣніе отставить отъ службы, между тѣмъ какъ зналъ, что большая смертность происходитъ отъ недостатка кормилицъ, и самъ принималъ всѣ нужныя мѣры для привлеченія ихъ въ Воспитательный Домъ.

Такъ какъ отъ прививной натуральной оспы, люди, не имѣвшіе ея, также могли заражаться, какъ и отъ возникшей въ самомъ организмѣ, то естественно, что со введеніемъ оспопрививанія, Московскій Воспитательный Домъ позаботился объ отдѣленіи варіолоированныхъ дѣтей отъ здоровыхъ. Съ этою цѣлью былъ пріобрѣтенъ въ Лефортовской части особый домъ, принадлежавшій Балкашину, и названный Оспеннымъ Домомъ. Съ достовѣрностію однако неизвѣстно производилось-ли въ немъ оспопрививаніе.—Въ актахъ Воспитательнаго Дома сохранилось предписаніе, отъ 1-го сентября 1798 года, медицинскимъ чинамъ освидѣтельствовать Загородный Дворъ, относительно удобности его для оспопрививанія.—„Если онъ найденъ будетъ удобнымъ,—сказано въ предписаніи,—то и начать тамъ прививать оспу, а *не въ Домѣ* (Воспитательномъ), *какъ по сіе время дѣлалось къ немалому вреду и опасности всѣхъ питомцевъ.*“

Извѣстно однако, что, по ветхости, Балкашинъ домъ думали передѣлать и даже начальство составляло планъ и смѣту передѣлки. 25-го апрѣля 1799 года получено было изъ С.-Петербурга увѣдомленіе, что поправка Балкашина дома не утверждается, и повелѣно производить оспопрививаніе на Скотномъ или Загородномъ Дворѣ. Должно быть и здѣсь также были своего рода неудобства, потому что 30 іюня 1800 года планъ и смѣта устройства оспенной больницы въ домѣ Балкашина были наконецъ Высочайше утверждены.

Это обстоятельство почти совпадаетъ со введеніемъ въ Россіи прививанія коровьей оспы; а потому если бы и былъ перестроенъ Балкашинъ домъ, то въ немъ уже не могло быть надобности, такъ какъ вакцинированныхъ дѣтей не зачѣмъ было отдѣлять отъ здоровыхъ. Въ 1801 году прививаніе натуральной оспы продолжалось еще на Загородномъ Дворѣ, потому что 8-го февраля того же года состоялось повелѣніе—прибавить

лекарю Козловскому къ жалованью 400 рублей— и еще 100 рублей за прививаніе оспы на Скотномъ Дворѣ, „ибо онъ черезъ то много лишается практики.“

Наконецъ Балкашинъ домъ переданъ въ вѣдомство Военнаго Госпиталя, хотя 5-го апрѣля 1802 года и состоялось Высочайшее утвержденіе о продажѣ его.—Въ этомъ повелѣніи сказано, что Балкашинъ Домъ остается нынѣ пустымъ, по случаю прививанія оспы въ самомъ Воспитательномъ Домѣ, а оставлять его на случай появленія натуральной оспы между питомцами, или на случай нечаяннаго принятія дѣтей съ оспою, не слѣдуетъ, потому что при Воспитательномъ Домѣ есть отдѣленная больница, такъ хорошо расположенная, что въ ней можно помѣщать подобныхъ больныхъ въ особенной комнатѣ.

Отдѣленная больница была устроена еще въ 1799 году для одержимыхъ заразительными болѣзнями. Первоначально она помѣщалась въ Окружномъ строеніи, откуда нарочно переведено кормиличное отдѣленіе въ квадратъ. Въ квадратѣ также устроена была больница для „легкихъ и не совсѣмъ прилипчивыхъ болѣзней.“ Впрочемъ видно, что объ отдѣленной больницѣ думали еще въ 1798 году, ибо въ этомъ году указано было въ нее, а не въ Городской Госпиталь отсылать зараженныхъ *наслѣдственною дурною болѣзнею*. До учрежденія же отдѣленной больницы, одержимыхъ прилипчивыми болѣзнями отдѣляли въ самомъ Домѣ, отправляли на Загородный Дворъ, въ Городской Госпиталь, а въ 1799 году опредѣлено было оспенныхъ дѣтей посылать *куда слѣдуетъ, по желанію Опекунскаго Совѣта*.—Правило объ отдѣленіи здоровыхъ отъ такихъ больныхъ всегда исполнялось строго. Оспенныхъ дѣтей предписано въ Воспитательномъ Домѣ отнюдь не держать; мы даже встрѣчаемъ примѣръ, что по этому поводу выслано было изъ Дома на вольную квартиру семейство лекаря Фишера. Въ 1799 году 10-го января состоялось предписаніе главному надзирателю, какъ хозяину Дома—во всѣхъ случаяхъ появленія заразительныхъ и прилипчивыхъ болѣзней, принимать немедленно мѣры предосторожности и доносить Совѣту.

Загородный Дворъ, какъ мы уже видѣли, также имѣлъ своего рода неудобства, и это очень естественно, потому что, служа оспеннымъ домомъ, онъ въ тоже время помѣщалъ въ своемъ строеніи госпиталь для одержимыхъ прилипчивыми болѣзнями, въ случаѣ накопленія ихъ въ Домѣ, и кромѣ того служилъ мѣстомъ отдохновенія въ лѣтнее время для взрослыхъ питомцевъ.—При самомъ началѣ, въ 1768-мъ году, оспопрививаніе въ Воспитательномъ Домѣ производилось два раза въ недѣлю; въ томъ же году сдѣлано распоряженіе производить его ежедневно. Въ 1798 году, когда запрещено было прививать оспу въ Домѣ, приказано производить его на Загородномъ Дворѣ. По освидѣтельствованіи его, вслѣдствіе замѣченной тѣсноты, Высочайше повелѣно было: „*если въ Скотномъ Дворѣ болѣе 50 воспитанникамъ вдругъ оспу прививать не можно, то начать симъ числомъ, а по выздоровленіи и отправленіи ихъ, ежели погода позволитъ, то привить другимъ пятидесяти человѣкамъ*.—Изъ деревень, какъ видно въ современныхъ документахъ, привозили воспитанниковъ для оспопрививанія не совсѣмъ охотно, почему въ томъ же 1798-мъ году 5-го октября Высочайше предоставлено было на разсмотрѣніе докторовъ, *чтобы по малому числу привезенныхъ изъ деревень дѣтей*, прививать имъ оспу съ сентября по октябрь. Въ 1799-мъ году состоялось Высочайшее повелѣніе дѣлать оспопрививаніе только въ мартѣ и сентябрѣ.— Апрѣля 30-го 1800-го года, по неудобству Оспеннаго Дома и по тѣснотѣ его, снова приказано *прививать оспу разомъ меньше, но чаще возобновлять прививаніе*.

Что касается до возраста, въ которомъ производилось оспопрививаніе, то объ этомъ имѣются свѣдѣнія только за то время, когда Московскій Воспитательный Домъ поступилъ въ вѣдѣніе Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Государыня приказала оспу прививать дѣтямъ по 2-му или 3-му году.—Воспитанниковъ, отданныхъ въ деревни, повелѣно было, по достиженіи назначеннаго возраста, привозить для оспопрививанія въ Москву.

Оспопрививаніе, какъ было принято вездѣ, производилось только надъ здоровыми. Въ 1800-мъ году сентября 18-го, во время свирѣпствованія кори, предписано было прививать оспу только такимъ дѣтямъ, которыя совершенно отъ нея выздоровѣли. 30-го октября того же года приказано, находящимся въ Оспенномъ Домѣ, деревенскимъ питомцамъ вовсе оспы не прививать, потому что они еще не совсѣмъ освободились отъ кори, и у многихъ изъ нихъ кашель и опухоль около шеи. Чтобы не отдавать ихъ на короткое время по деревнямъ, сдѣлано было распоряженіе, не въ примѣръ другимъ, оставить ихъ въ Москвѣ.

Прививаніе натуральной оспы постороннимъ лицамъ не производилось въ Воспитательномъ Домѣ; по крайней мѣрѣ мы не имѣемъ на то указаній.—Тѣмъ не менѣе, для обученія оспопрививанію, допускались въ Домъ и посторонніе. Такъ въ 1769-мъ году 18-го апрѣля было объявлено въ газетахъ, что по прошествіи праздника св. Пасхи, начнется при Воспитательномъ Домѣ *прививаніе оспы* питомцамъ, и желающіе видѣть оное, могутъ приходить въ Домъ по утрамъ и вечерамъ ежедневно.

Отпускали-ли оспенную матерію изъ Воспитательнаго Дома постороннимъ лицамъ—также неизвѣстно; вѣроятно нѣтъ, потому что, при частомъ произвольномъ появленіи натуральной оспы, матерію можно было добыть вездѣ, и не настояло никакой надобности въ устройствѣ центральнаго оспеннаго депо, какимъ стали Воспитательные Дома впослѣдствіи, со времени введенія въ Россіи прививанія вакцины.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о способѣ, которымъ прививали у насъ натуральную оспу, хотя свѣдѣнія наши и объ этомъ предметѣ крайне не удовлетворительны. Въ упомянутомъ уже сочиненіи Бецкаго описаны два метода, изъ которыхъ второй не совсѣмъ ясенъ, за тѣмъ, что нельзя понять, какимъ образомъ между верхнею тонкою кожицею и исподнею кожею *вкладываны* были *оспины?* Кромѣ этихъ способовъ, Общая Исторія Медицины оставила намъ описаніе и другихъ способовъ, въ числѣ которыхъ находится методъ Димсдаля, наиболѣе интересный для насъ уже потому, что Димсдаль прививалъ оспу Императрицѣ Екатеринѣ II.—О другихъ способахъ мы только упомянемъ: жидкій оспенный гной, или прямо переносился кончикомъ ланцета на руку прививаемаго, или на сдѣланный разрѣзъ накладывались напитанныя оспеннымъ гноемъ нитки, или же онѣ прикладывались къ поверхности кожи, лишенной накожицы посредствомъ испанской мушки. Напитанныя нитки имѣли то преимущество, что ихъ можно было сохранять въ сухомъ видѣ, причемъ онѣ долго не теряли своей заразительности. Такъ Тиссотъ сдѣлалъ успѣшное оспопрививаніе ниткой, которая хранилась 26 мѣсяцевъ, а Киркпатрикъ—такою, которая лежала 5 лѣтъ и 11 мѣсяцевъ. При недостаткѣ свѣжаго гноя, прививали также оспу истертымъ струпомъ, насыпаннымъ на ранку; иногда же жидкій оспенный гной, или истертый сухой струпъ прикладывали на здоровую кожу и покрывали это мѣсто на болѣе или менѣе продолжительное время пластыремъ, чтобы оспенная матерія удобнѣе могла всосаться. Бывали примѣры, что для дамъ оспенный гной смѣшивали съ помадой и натирали имъ тѣло. Былъ даже случай, что одинъ англичанинъ намазалъ для своей дочери такой помадой нутръ перчатокъ, и, заставивъ носить, произвелъ ей оспу.

Скажемъ о методѣ барона Димсдаля. У одержимыхъ натуральной оспой онъ бралъ гной изъ оспинъ въ продолженіе сыпной горячки, потому что считалъ его въ то время болѣе дѣйствительнымъ, а у привитыхъ—изъ прививной гноячки. Для совершенія оспопрививанія онъ приводилъ паціента къ больному оспой, и бралъ гной изъ оспины кончикомъ ланцета. Этимъ ланцетомъ онъ дѣлалъ разрѣзъ прививаемому такъ, чтобы онъ проникалъ всю накожицу и достигалъ самой кожи. Разрѣзъ этотъ былъ въ длину никакъ не болѣе восьмой доли дюйма. Послѣ этого онъ расширялъ сдѣланную ранку большимъ и указательнымъ пальцами и обтиралъ объ нее намазанный ланцетъ. Передъ прививаніемъ Димсдаль давалъ своимъ паціентамъ смѣсь изъ сладкой ртути, жерновокъ и рвотнаго камня съ приказаніемъ повторить этотъ пріемъ и на другой день операціи.—Кромѣ того онъ пред-

писывалъ больнымъ быть на открытомъ воздухѣ и въ холодной температурѣ.

Что Димсдаль считалъ необходимымъ приготовлять приступающихъ къ оспопрививанію извѣстнымъ лекарствомъ, это не удивительно, потому что согласовалось съ тогдашними взглядами на болѣзнь; но удивительно то, зачѣмъ онъ приводилъ прививаемыхъ въ комнату больнаго оспой?—Современники придавали такому пріему особенную важность, и хотя изъ предосторожности не соглашались съ Димсдалемъ, однако все-таки утверждали, что если прививаемаго не слѣдуетъ приводить въ ту комнату, гдѣ находится больной, то по крайней мѣрѣ въ ближнюю къ нему, или наконецъ—въ тотъ же домъ. Вѣроятно такъ дѣлалось для того, чтобы оспенная матерія была какъ можно свѣжѣе,—и нѣтъ ничего мудренаго, что оттуда идетъ предубѣжденіе нашей публики прививать коровью оспу непосредственно съ младенца, а не со стекла. Способъ Димсдаля пользовался такою популярностью, что со времени введенія его англичане гораздо охотнѣе стали прививать оспу своимъ дѣтямъ.

Въ 1798 году прививаніе натуральной оспы упало въ Европѣ; оно уступило свое мѣсто болѣе безопасному средству,—прививанію коровьей оспы. Вакцина также давно была извѣстна индійскимъ и персидскимъ врачамъ. Уже въ 570-мъ году епископъ лузанскій Марій описывалъ ее, какъ повальную и опасную болѣзнь, свирѣпствовавшую между рогатымъ скотомъ въ Италіи и Франціи.—И въ Англіи также давно замѣчали, что скотоводы не поражались натуральной оспой, какъ скоро заражались отъ гнойныхъ прыщей, и получали что-то въ родѣ оспинъ съ вымени коровъ. Это явленіе подало поводъ къ тому, что въ половинѣ XVIII-го столѣтія, какъ въ Англіи, такъ и во Франціи начали говорить о возможности прививаніемъ вакцины предохранять людей отъ натуральной оспы. Однако только Дженнеру суждено было ввести вакцинацію во всеобщее употребленіе.—Тринадцать лѣтъ онъ посвятилъ труднымъ изысканіямъ, прежде нежели обнародовалъ первое свое сочиненіе, сдѣлавшее имя его безсмертнымъ. Коровья оспа, встрѣчаясь въ провинціяхъ Великобританіи и особенно Глочестерскомъ графствѣ, до трудовъ Дженнера, была больше предметомъ наблюденія сельскихъ хозяевъ и коноваловъ, которые, занимаясь ея леченіемъ, не имѣли ясныхъ понятій объ ея свойствахъ.—Коровьей оспой они называли всякую сыпь на вымени. Послѣднее обстоятельство служило къ сбивчивости понятій, и было причиною того, что опыты Дженнера часто бывали безуспѣшны и не разъ вынуждали его къ прекращенію изслѣдованій. Только послѣ многочисленныхъ и часто повторяемыхъ наблюденій, Дженнеръ наконецъ убѣдился, что мнимыя противорѣчія, замѣчаемыя въ дѣйствіи коровьей оспы, зависѣли единственно отъ незнанія свойствъ этой болѣзни.

Коровья оспа, по мнѣнію Дженнера, произошла въ Англіи отъ конской болѣзни grease, которая состоитъ въ особенномъ воспаленіи ногъ около копыта. Русскій врачъ Бутацъ, жившій въ Англіи около 1801 года для изученія оспопрививанія, неправильно называетъ эту болѣзнь—подсѣдомъ, потому что подсѣдъ не имѣетъ никакого сходства съ оспеннымъ процессомъ. Впрочемъ этомъ вопросъ такъ теменъ, что еще до сихъ поръ положительно не изслѣдованъ. Если есть несомнѣнные примѣры происхожденія у коровъ вакцины, вслѣдствіе перенесенія ея отъ лошадей, то, съ другой стороны, есть также примѣры безуспѣшнаго прививанія гноя такъ называемаго мокреца на вымени коровъ. Несомнѣнно только то, что здѣсь повторяется таже самая исторія, какая была съ Дженнеромъ, когда онъ дѣлалъ опыты надъ прививаніемъ коровьей оспы; въ обоихъ случаяхъ прививаніе не всегда удавалось отъ того, что съ однимъ болѣзненнымъ процессомъ смѣшивали множество другихъ.

Обстоятельства, подавшія Дженнеру поводъ думать такимъ образомъ, были слѣдующія: на англійскихъ фермахъ работники-скотники занимались двойной работой: перевязывали больныхъ лошадей и доили коровъ. По окончаніи перевязки, они нерѣдко приступали къ доенію коровъ, не вымывши рукъ, и такимъ образомъ конскую болѣзнь переносили на вымя коровъ. Дженнера укрѣпляло въ этомъ мнѣніи еще то обстоятельство, что въ Ирландіи, гдѣ за коро-

вами ходятъ исключительно женщины, ему не случалось наблюдать коровьей оспы. Въ высшей степени замѣчательно пророчество его по этому поводу. „Коровьей оспы,—говоритъ онъ,—скоро не будетъ, потому что мужчины, перевязывающіе лошадей, примутъ предосторожности противу зараженія коровъ нечистымъ прикосновеніемъ.“

Правъ ли былъ Дженнеръ? — покажутъ послѣдующія наблюденія; но во всякомъ случаѣ нельзя не обратить вниманія на совпаденіе рѣдкости оспы у коровъ съ уходомъ за ними женщинъ. Современники Дженнера не согласились однако съ его мнѣніемъ и произвели рядъ опытовъ, которые дали отрицательный результатъ.—Они не могли искуственно произвести у коровъ оспы, черезъ перенесеніе гноя отъ больныхъ лошадей; но мы уже сказали, отчего могъ зависѣть неуспѣхъ подобныхъ опытовъ?

Въ первый разъ Дженнеръ привилъ коровью оспу въ 1796 году одному мальчику, а потомъ уже нѣкоторымъ другимъ. Опыты эти были удачны, и ободрили его къ дальнѣйшему оспопрививанію. Въ 1798 году, какъ мы уже сказали, онъ обнародовалъ свои наблюденія, и съ этихъ поръ вакцинація получила право гражданства, и была введена мало-по-малу въ другихъ государствахъ.

Въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ производилось прививаніе натуральной оспы до 1801 года; тогда уже введена была вакцинація. Матерію коровьей оспы привезла въ Москву сама Императрица Марія Ѳеодоровна и передала въ Воспитательный Домъ.—Первое прививаніе произведено было въ стѣнахъ Дома 1-го октября. По возвращеніи въ томъ же октябрѣ въ С. Петербургъ, Государыня взяла съ собой изъ Московскаго Воспитательнаго Дома дѣвочку, которую передала въ С. Петербургскій Воспитательный Домъ, для прививанія отъ нея оспы петербургскимъ питомцамъ.

Введеніе вакцинаціи въ Россіи совершилось безпрепятственно,—и естественно, что первыми сторонниками его явились врачи.—Въ медицинскихъ сочиненіяхъ того времени можно встрѣтить самыя жаркія похвалы, которыми они превозносили Императрицу.—„Многія тысящи,—говоритъ, напр., Бутацъ, посвящая Государынѣ свое сочиненіе (О прививаніи коровьей оспы),—избавлены отъ преждевременной смерти благотвореніемъ сего божественнаго средства, и безчисленное множество поздыхъ потомковъ будутъ одолжены жизнію единственно Твоему, Великая Государыня, матерпему попеченію.“

Но не одними только похвалами ограничились врачи.—Иногда встрѣчая недовѣріе въ публикѣ, а еще болѣе—въ массѣ простонародья, они старались разсѣять возникающія предубѣжденія,—и плодомъ такихъ усилій были популярныя сочиненія незабвеннаго Мухина, имя котораго навѣки связано со введеніемъ оспопрививанія въ нашемъ отечествѣ.

Мухинъ, по свидѣтельству Войнакуринскаго, (переводчика сочиненія „О дѣтскихъ болѣзняхъ“ Генке), первый началъ прививать въ Москвѣ коровью оспу. Онъ оставилъ послѣ себя по предмету оспопрививанія слѣдующія сочиненія: 1) О прививаніи предохранительной коровьей оспы. Москва, 1804 года; 2) Разговоръ о пользѣ прививанія коровьей оспы. Москва, 1804 г.; 3) Сокращеніе, извлеченное изъ наблюденій надъ прививаніемъ коровьей оспы. Москва, 1807 г.; 4) Прибавленіе къ разговору о пользѣ прививанія коровьей оспы. М. 1807 г.; 5) Краткое наставленіе простому народу о пользѣ прививанія коровьей оспы. М. 1811 г.—Впрочемъ сомнительно—было-ли издано первое означенное нами сочиненіе?—На него указываетъ Войнакуринскій, упоминая, что оттуда онъ почерпнулъ свѣдѣнія о пріоритетѣ Мухина, по введенію оспопрививанія въ Москвѣ. Однако сочиненіе это не обозначено въ спискахъ сочиненій Мухина, ни въ біографическомъ Словарѣ профессоровъ Московскаго Университета, ни въ Исторіи Медицины въ Россіи—Рихтера.

По популярному характеру этихъ сочиненій, наиболѣе важны для насъ:—Разговоръ о пользѣ прививанія коровьей оспы, Прибавленіе къ этому Разговору и Краткое наставленіе простому народу.—Разговоръ о пользѣ прививанія происходитъ между Медикомъ, Филантропомъ, Возражающимъ и Сомнѣвающимся.—Медикъ, разумѣется, отстаиваетъ оспопрививаніе, Филантропъ восхваляетъ его, а послѣдніе два играютъ роль

оппонентовъ; дѣло кончается тѣмъ, что Медикъ убѣждаетъ ихъ въ пользѣ оспопрививанія. Въ Наставленіи простому народу, Мухинъ излагаетъ сперва выгоды прививанія коровьей оспы, а потомъ дѣлаетъ наставленія, какъ производить его.

Если введеніе коровьей оспы въ Россіи и встрѣтило недовѣріе со стороны немалой части народа, то за то были и такіе, которые горячо сочувствовали этому дѣлу, изучали и распространяли его.—Изъ Разговора Мухина о пользѣ прививанія коровьей оспы, мы находимъ указаніе, что кромѣ врачей занимались оспопрививаніемъ нѣкоторые студенты Славяно-Греко-Латинской Академіи. Еще важнѣе для насъ свидѣтельство, что не было ни одного дня, въ который не стекалось бы въ Московскій Воспитательный Домъ множества лицъ для изученія способовъ оспопрививанія.—Лица эти были, по словамъ Мухина: „чадолюбивые отцы, господа подчиненныхъ своихъ и подчиненные, отправленные изъ разныхъ и самыхъ отдаленныхъ мѣстъ Россіи отъ господъ своихъ въ Императорскій Московскій Воспитательный Домъ.“ Замѣчательно, что это было въ 1804 году, т. е. около 3-хъ лѣтъ спустя по введеніи вакцинаціи.

Достовѣрно извѣстно, что со времени введенія прививанія коровьей оспы, Московскій Воспитательный Домъ сталъ мѣстомъ оспопрививанія, какъ для питомцевъ, такъ и для постороннихъ дѣтей, приносимыхъ въ Домъ. Врачамъ-оспопрививателямъ запрещено было съ постороннихъ дѣтей требовать за свой трудъ вознагражденіе.

Съ этого же времени Воспитательный Домъ раздаетъ оспенную матерію всѣмъ желающимъ и разсылаетъ ее по всему государству, какъ по требованію различныхъ начальствъ и управленій, такъ и частнымъ лицамъ. Раздача эта до сихъ поръ производится также безвозмездно, хотя и не возбранялось, кому угодно вносить за нея подаяніе Воспитательному Дому. Такъ, 27 февраля 1830 года, маіорша Панютина, потребовавшая доставить оспенную матерію въ городъ Лукояновъ Нижегородской губерніи, внесла въ пользу Дома 5 рублей.

Такъ какъ прививаніе натуральной оспы производилось болѣе или менѣе медленно, въ извѣстное время года и притомъ ограниченному числу питомцевъ, то очень естественно, что въ деревняхъ оставалось много дѣтей, не подвергнутыхъ оспопрививанію. Если питомцамъ, находившимся въ Воспитательномъ Домѣ, можно было немедленно прививать коровью оспу, то для деревенскихъ питомцевъ требовались по этому предмету особыя распоряженія. Въ этихъ видахъ, ровно черезъ мѣсяцъ, отъ начала введенія вакцинаціи, т. е. съ 31 октября 1801 года, состоялось распоряженіе: привозить изъ деревень дѣтей для прививки коровьей оспы.—Кромѣ того объѣзднымъ лекарямъ предписано было, послѣ достаточной ихъ практики въ Домѣ, распространять оспопрививаніе по деревнямъ. Вслѣдствіе послѣдняго распоряженія ни одинъ питомецъ не миновалъ спасительной операціи, за исключеніемъ развѣ тѣхъ, которымъ оспопрививаніе дѣлано было по нѣскольку разъ, но безуспѣшно. Говоримъ—не могло быть ни одного питомца,—потому что вмѣнено было въ непремѣнную обязанность—имъ всѣмъ прививать оспу еще во время пребыванія ихъ въ Домѣ.

При введеніи вакцинаціи, между врачами господствовало мнѣніе, что прививаніе коровьей оспы совершенно безвредно, какъ для здоровыхъ, такъ и для больныхъ. Увѣряли даже, что нѣкоторыя слабыя дѣти, послѣ привитія оспы, дѣлались здоровѣе—и эту перемѣну приписывали очищенію соковъ.—Въ С-Петербургскомъ Воспитательномъ Домѣ такой способъ дѣйствія увѣнчался успѣхомъ, поэтому 3-го декабря того же 1801 года предписано было Московскому Воспитательному Дому прививать коровью оспу 7-ми и 8-мидневнымъ дѣтямъ, немедленно послѣ ихъ внутренняго очищенія. На молочницу не велѣно обращать вниманія, и приказано производить *прививаніе безпрерывно, дабы всегда сохранялась свѣжая оспенная матерія.*

Однако послѣднее предписаніе, какъ видно, оказалось несовсѣмъ умѣстно,—уже въ 1804 году велѣно было отправлять дѣтей въ деревню неиначе, когда пройдутъ припадки, которымъ обыкновенно подвержено дитя послѣ рожденія, каковы напр.—молочница, такъ называемый

цвѣтъ, коровья оспа.—Эта постепенность въ вычисленіи припадковъ наводитъ на мысль, что коровья оспа считалась тогда, какъ и теперь, конечнымъ актомъ почти неизбѣжныхъ страданій новорожденнаго. Впослѣдствіи, если это распоряженіе и не было отмѣнено de jure, то отмѣнено de facto, т. е. стали считать небезопаснымъ прививать оспу во время молочницы.

Также скоро обратили вниманіе и на снятіе оспы съ больныхъ дѣтей—1806 года 23 апрѣля состоялось распоряженіе: въ излишествѣ не снимать съ больныхъ оспы, такъ какъ отъ этого происходитъ воспаленіе и даже антоновъ огонь. О случающейся же въ теченіи привитой оспы рожѣ, не упоминается ни слова.

Перейдемъ къ изложенію тѣхъ измѣненій, которыя выдержала въ Москвѣ коровья оспа. Иностранные писатели предлагаютъ снимать оспенную матерію въ то время, когда она прозрачна и негноевидна, что, по ихъ наблюденію, бываетъ между 5-мъ и 8-мъ днями. Въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ оспа издавна снималась только на 9-й день, бывая въ это время очень рѣдко гноевидною.

Это обстоятельство заставляетъ думать, что въ Москвѣ вакцина имѣла нѣсколько запоздалое теченіе. Покойный Мухинъ говоритъ объ этомъ предметѣ даже довольно опредѣлительно въ своемъ примѣчаніи къ русскому переводу „Руководство о дѣтскихъ болѣзняхъ“ Генке.—На слова нѣмецкаго автора, утверждающаго, что на 3-й день послѣ оспопрививанія видны первые слѣды, образующагося на мѣстѣ укола, краснаго пятна,—нашъ ученый замѣчаетъ, что въ Москвѣ это пятно является почти всегда не прежде, какъ на 4-ый день. А. И. Блументаль, принявши на себя обязанность главнаго доктора при Московскомъ Воспитательномъ Домѣ, обратилъ особенное вниманіе на оспу. Руководствуясь иностранными писателями, онъ думалъ, что и въ Москвѣ можно снимать оспенную матерію на 8-й день; но вскорѣ увидѣлъ, что въ большинствѣ случаевъ оспенные прыщи къ указанному времени не достигали еще настоящей зрѣлости.

Впослѣдствіи, наблюдая разницу въ теченіи коровьей оспы, присланной въ Воспитательный Домъ изъ Могилевской и Астраханской губерній, врачъ Дома Клементовскій нашелъ достаточныя причины приписать эту разницу вліянію климатическихъ условій,—и вывелъ заключеніе, что первоначальная Дженнеровская вакцина, вслѣдствіе этихъ условій, у насъ въ Москвѣ измѣнила свой ходъ. Впрочемъ позднѣе сдѣланы были Клементовскимъ болѣе точные опыты, о которыхъ мы скажемъ ниже.

Мы уже говорили о приказаніи прививать коровью оспу непремѣнно каждому младенцу, отдаваемому на воспитаніе. Это положеніе впослѣдствіи было подтверждено въ 1807 году. Но такъ какъ инымъ дѣтямъ безуспѣшно прививали вакцину до 6 разъ, то апрѣля 28-го 1802 года было предложено отправлять въ деревни всѣхъ дѣтей, которымъ оспа была привита два раза, но не принялась. Опытъ подтвердилъ,—сказано при этомъ,—что у дѣтей, у которыхъ оспа не принималась въ извѣстное время въ Домѣ, принялась послѣ, когда эти самыя дѣти находились уже въ деревнѣ.—Такъ какъ подобныхъ дѣтей нельзя было оставить безъ оспопрививанія, то въ наставленіи объѣзжимъ лекарямъ, изданномъ въ 1804 году, предписано, въ случаѣ нужды, повторять прививаніе. Впослѣдствіи, когда объѣзжіе лекаря были отмѣнены, по временамъ посылались въ деревни фельдшера для оспопрививанія. Такъ въ 1852 году были посланы два старшіе фельдшера Фельдшерской Школы вмѣстѣ съ окружными надзирателями *для прививанія оспы тѣмъ питомцамъ, коимъ оспа была привита въ грудныхъ отдѣленіяхъ по нѣскольку разъ, но не принялась.*—Этимъ фельдшерамъ давалось 10 руб. на прогоны и порціонныхъ въ день 30 коп. Въ настоящее время, когда при каждомъ окружномъ надзирателѣ назначается постоянный фельдшеръ, въ подобныхъ командировкахъ уже нѣтъ надобности.

Но не объ однихъ только своихъ питомцахъ заботился Воспитательный Домъ. Намъ уже извѣстно, что при самомъ началѣ введенія прививанія коровьей оспы въ Россіи, т. е. въ 1801 году, было предписано Дому: распространять оспопрививаніе по деревнямъ черезъ объѣздныхъ лекарей, послѣ достаточной практики ихъ въ

Домѣ. Есть однако примѣръ (въ 1804 году), что по отношенію управляющаго луганскимъ заводомъ, высланъ былъ къ нему изъ Воспитательнаго Дома лекарь для прививанія оспы малолѣтнымъ заводскимъ дѣтямъ. Впослѣдствіи съ 1848 года многіе питомцы Воспитательнаго Дома, изъ числа переданныхъ Министерству Государственныхъ Имуществъ, служили по этому вѣдомству оспопрививателями.

Нельзя обойти молчаніемъ одинъ изъ любопытныхъ эпизодовъ Исторіи Московскаго Воспитательнаго Дома, именно—погребеніе коровьей оспы въ 1812 году.—Когда французы подвигались къ Москвѣ, то опасаясь, чтобы во время занятія столицы непріятелемъ не перевелась оспенная матерія, старшій врачь Дома штабъ-лекарь Бордовскій зарылъ нѣсколько паръ стеколъ въ землю.

Французы оставили Москву—вмѣстѣ съ другими жителями возвратился и Бордовскій. Онъ отрылъ зарытую оспенную матерію и началъ ее снова прививать дѣтямъ; замѣчательно, что она *не утратила способности приниматься.*— Бордовскій награжденъ былъ за его распоряженіе орденомъ св. Анны.

Было время, когда одно названіе „коровья оспа", возбуждало отвращеніе къ оспопрививанію, и многіе брезгали имъ. Врачамъ и тутъ приходилось бороться противъ предубѣжденій и доказывать ихъ неосновательность. Такъ какъ сознаніе пользы вакцинаціи не могло поколебать предразсудковъ, то приходилось прибѣгать къ уловкамъ, чтобы искоренить ихъ. Въ „Краткомъ наставленіи простому народу" Мухинъ оставилъ намъ, относительно этого предмета, краснорѣчивое свидѣтельство:

„Всѣ люди вообще,—говоритъ онъ,—отъ начала міра и до сего времени поступали такъ, что увидѣвши новую вещь, а особливо совершенно неизвѣстную, называли ее такимъ именемъ, какое приходило имъ въ голову. Я, оставшись съ должнымъ почтеніемъ къ открывшему оспу, долженъ сказать здѣсь, что онъ, назвавши сію предохранительную оспу: коровьей оспою, неумышленно произвелъ въ чувствахъ людей страшныя и нелѣпыя, а особливо въ простомъ народѣ мысли, предразсудки и суевѣрія."

„Безчисленные опыты, въ теченіи весьма многихъ лѣтъ сдѣланные, ясно доказали, что предохранительная оспа *не есть коровья оспа*— ибо капля матеріи предохранительной оспы, привитая человѣку, а отъ него къ другому и такъ далѣе, прошедши рядъ людей, состоящій изъ безчисленныхъ тысячъ, хотя ниже мало не лишилася свойства предохранять людей отъ человѣческой оспы и не ослабѣла въ своей силѣ,— однакоже до того измѣнилася въ составѣ ихъ, что сдѣлалась самою полезною и ближайшею человѣку.—Почему, сообразивши обстоятельства настоящія прививанія оспы сей, я сыскиваю, что гораздо благоразумнѣе будетъ назвать оспу сію *предохранительною* отъ человѣческой оспы."

Пришло однако время, когда обстоятельство, которое сперва служило въ пользу коровьей оспы, стало служить во вредъ ей.—Перенесеніе первоначальной коровьей оспы съ человѣка на человѣка—не только перестало считаться достоинствомъ, но ему начали приписывать причину утраты предохранительныхъ свойствъ вакцины. Случаи появленія натуральной оспы у вакцинированныхъ подали поводъ къ заключенію, что коровья оспа ослабѣла.

Эти обстоятельства вызвали желанія—возобновить коровью оспу.

Конечно всего легче было бы достичь цѣли чрезъ возможно частое прививаніе вакцины, взятой непосредственно съ коровъ; но должно замѣтить, что коровы поражаются оспою рѣдко и притомъ слишкомъ случайно. Это заставило позаботиться о возобновленіи вакцины другими путями.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ инспекторъ Казанской Врачебной Управы Тиле вошелъ въ Медицинскій Совѣтъ съ запискою, въ которой доказывалъ тождество натуральной и коровьей оспы и въ которой представлялъ результаты опытовъ надъ прививаніемъ человѣческой оспы коровамъ. Онъ такимъ образомъ надѣялся, по произволу, возобновлять коровью оспу и сдѣлать ее гораздо дѣйствительнѣе въ отношеніи ея предохранительной силы. Кромѣ того онъ думалъ превращать натуральную оспу въ коровью, чрезъ прибавленіе къ ней, во время при-

вивания, теплаго коровьяго молока. „Медицинскій Совѣтъ, принявъ въ соображеніе опыты Доктора Бодкока и ослабленіе вакцины, перешедшей черезъ милліоны людей, призналъ необходимымъ изслѣдовать столь важный предметъ, обратившій на себя вниманіе иностранныхъ ученыхъ, со всевозможнымъ тщаніемъ.“ Но такъ какъ въ прививаніи оспы тѣмъ или другимъ способомъ Тиле будетъ прививаться натуральная оспа, то Медицинскій Совѣтъ думалъ, что такіе важные и вмѣстѣ опасные опыты могутъ быть дозволены не иначе, какъ по совершенномъ удостовѣреніи въ безвредности прививанія. Почему и полагалъ необходимымъ возложить изслѣдованіе этого предмета на особыя Коммисіи, составленныя при Воспитательныхъ Домахъ изъ врачей этихъ заведеній и изъ самихъ членовъ Совѣта, предоставивъ всѣмъ вмѣстѣ испытать прививаніе оспы матеріею, доставленною докторомъ Бодкокомъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Перовскій, утвердивъ предложеніе Медицинскаго Совѣта, отнесся къ статсъ-секретарю Гофману съ просьбою объ исходатайствованіи назначенія коммисій при С.-Петербургскомъ и Московскомъ Воспитательныхъ Домахъ.

На представленіе статсъ-секретаря Гофмана, Государю Императору благоугодно было повелѣть: собрать свѣдѣнія о мѣрахъ предосторожности, принятыхъ Воспитательными Домами, во время прививанія въ нихъ натуральной оспы. О С.-Петербургскомъ Воспитательномъ Домѣ, по этому предмету никакихъ положительныхъ свѣдѣній не оказалось, за исключеніемъ того, что кромѣ городскаго оспеннаго дома, у него былъ еще другой—оспенный домъ Выборгской части, на малой Невкѣ, при которомъ состояли чиновники для управленія, врачи, наставники, наставницы и даже учителя. Въ этотъ домъ привозили для оспопрививанія питомцевъ изъ деревень.—Въ 1800 году отдѣленіе это было упразднено, по ненадобности, такъ какъ оспопрививаніе производилось въ Ижорѣ, а въ 1802 году оспенный домъ былъ проданъ графу Шереметеву.—По Московскому Воспитательному Дому въ дѣлахъ, уцѣлѣвшихъ послѣ непріятеля, также не найдено требуемыхъ свѣдѣній; открыто только, что и здѣсь былъ *купленъ* домъ въ Лефортовской части, называвшійся оспеннымъ, въ которомъ воспитанники послѣ привитія оспы оставались до совершеннаго выздоровленія, отдѣльно отъ другихъ здоровыхъ дѣтей, „дабы болѣзнь не могла сообщиться этимъ послѣднимъ.“ Вообще о мѣрахъ предосторожности, принимаемыхъ Московскимъ Воспитательнымъ Домомъ, узнать было не отъ кого,—такъ какъ изъ медиковъ-современниковъ никого уже не осталось, а медицинскіе журналы выроятно были истреблены въ 1812 году. *

Представляя эти свѣдѣнія Государю Императору, статсъ-секретарь Гофманъ полагалъ, что и въ настоящемъ случаѣ будетъ необходимо дѣтей, подвергнутыхъ оспопрививанію, отдѣлить отъ прочихъ. Испрашивая разрѣшеніе на производство опытовъ, онъ предлагалъ допустить ихъ не иначе, какъ по совершенномъ удостовѣреніи не только въ ихъ безопасности, но и въ безвредности для здоровья питомцевъ, что и возложить на особенную отвѣтственность врачей, состоящихъ при Воспитательныхъ Домахъ. Государь Императоръ, 16 сентября 1843 года, соблаговолилъ дать свое согласіе. Увѣдомляя о томъ Опекунскіе Совѣты, статсъ-секретарь Гофманъ приложилъ при отношеніи копію съ выписки изъ сочиненія Тиле, доставленной ему графомъ Перовскимъ, „О тождествѣ человѣческой оспы съ коровьей.“

По многократнымъ и отчасти тщетнымъ опытамъ, относительно перевода натуральной и предохранительной оспы на коровъ, Тиле вывелъ слѣдующія правила, чтобы придать оспѣ предохранительную силу:—

1) Коровы, назначаемыя для перевода человѣческой оспы, должны быть не старше четырехъ или шести лѣтъ, дойныя, бѣлыя, или покрайней мѣрѣ съ бѣлымъ выменемъ, потому что на такихъ только удобно видны образующіяся оспины. 2) Не выгонять ихъ въ поле, а содержать „въ комнатѣ“, имѣющей 15° по Реомюру;

* Изъ этой справки видно, что оспопрививаніе производилось въ Балкашиномъ Домѣ; тѣмъ не менѣе мы не можемъ дать ей полной вѣры, уже и потому, что она составлена безъ достаточнаго знанія дѣла. Такъ напримѣръ, въ приведенной выпискѣ сказано, что домъ Балкашина былъ купленъ Воспитательнымъ Домомъ, тогда какъ намъ положительно извѣстно, что онъ не купленъ, а взятъ у владѣльца за долгъ его Опекунскому Совѣту.

пищу можно давать обыкновенную и доеніе ихъ можетъ продолжаться. 3) На задней части вымени, т. е. на мѣстѣ, обыкновенно назначенномъ для привитія, волосы обрить и самую операцію производить обыкновеннымъ образомъ, съ тою разницею, что надрѣзы должны быть нѣсколько глубже; послѣ того вымя завязать, чтобы отвратить треніе и лизаніе привитаго мѣста. 4) Для привитія можно употреблять матерію натуральной оспы, какъ непосредственно изъ оспинъ взятую, такъ и сохраненную отъ 10 до 20 дней на стеклахъ. Въ первомъ случаѣ оспа должна быть жидка, прозрачна и свѣтла, а самыя оспины жемчужнаго цвѣта; бо́льшая же или меньшая злокачественность оспеннаго повала и болѣзни въ человѣкѣ, отъ котораго берется матерія, не имѣютъ существеннаго вліянія на образованіе предохранительной оспы, такъ какъ бывали примѣры, что оспа сливалась, впослѣдствіи чернѣла и дѣти умирали, а прививаніе оспенной матеріи производило совершенно доброкачественную предохранительную оспу. 5) Что же касается до коровы, то на третьи сутки у нея замѣчается на мѣстѣ прививанія маленькая затвердѣлость въ клѣтчаткѣ; на пятые начинаетъ образовываться малый оспенноподобный прыщъ, который между седьмымъ и девятымъ днями наполняется водянистой, прозрачной влагой; въ срединѣ его замѣчается углубленіе; между девятымъ и одиннадцатымъ днями прыщъ начинаетъ подсыхать, превращается въ струпъ и оставляетъ плоскій знакъ. Изъ трехъ и до шести раночекъ, произведенныхъ привитіемъ, образуется отъ одной до трехъ оспинъ.—Хотя между пятымъ и седьмымъ днями замѣчается въ коровѣ ускоренное жилобіеніе и слабый, въ особенности въ рогахъ увеличенный жаръ и нѣкоторое уменьшеніе удоя; но общее состояніе животнаго и позывъ его на ѣду — не измѣняются. 6) Образовавшаяся въ оспинѣ на вымени пасока, можетъ быть также непосредственно перенесена на дѣтей, или же на стекло и потомъ уже на дѣтей; она во всемъ схожа съ предохранительною оспою, только въ первыхъ колѣнахъ дѣйствуетъ нѣсколько сильнѣе и вѣрнѣе. 7) Время, въ которое должно снимать матерію для дальнѣйшаго прививанія, опредѣляется степенью образованія прыща, который подлежитъ нѣкоторымъ измѣненіямъ; однако этотъ актъ обыкновенно совершается между шестымъ и десятымъ днями. Назначенная для сего матерія также должна быть прозрачна и безцвѣтна и снята съ оспинъ жемчужнаго цвѣта. 8) Что касается до видоизмѣненія и превращенія натуральной оспы въ предохранительную, безъ ея перенесенія на корову, то оспины и матерія должны имѣть описанное нами свойство; матерія остается въ теченіи десяти дней на стеклахъ, залѣпленныхъ воскомъ, и потомъ прививается обыкновеннымъ образомъ, но не иначе, какъ разведенная теплымъ коровьимъ молокомъ. Такимъ образомъ произведенная оспа сопровождается дважды обнаруживающеюся лихорадкою: въ первый разъ между третьимъ и четвертымъ, а во второй—между одиннадцатымъ и пятнадцатымъ днями окружающее оспины воспаленіе бываетъ сильнѣе; самыя оспины имѣютъ въ срединѣ также углубленіе; сверхъ привитыхъ оспинъ образуется иногда около привитаго мѣста нѣсколько малыхъ оспинъ; ихъ струпъ совершенно походитъ на струпъ отъ предохранительной оспы; но остающіеся послѣ нихъ знаки несравненно глубже, и составляютъ примѣтныя углубленія съ явными ощутительными иногда острыми краями. Вторичная лихорадка постепенно ослабѣваетъ и, то ранѣе, то позже, но обыкновенно въ десятомъ колѣнѣ совершенно прекращается. Тогда можно уже прививать оспу съ руки на руку и безъ примѣси коровьяго молока и не оставляя матерію нѣкоторое время на стеклахъ. При несоблюденіи же этихъ условій и непосредственномъ перенесеніи съ руки на руку, образуется нерѣдко повсемѣстная натуральная оспа, что также нѣсколько разъ было наблюдаемо. Эту повсемѣстную, сказаннымъ дѣйствіемъ произведенную оспу, однако снова можно обратить въ предохранительную.—

Получивъ предложеніе статсъ-секретаря Гофмана, Московскій Опекунскій Совѣтъ, во исполненіе Высочайшаго повелѣнія, предписалъ Экспедиціи о воспитанникахъ Московскаго Воспитательнаго Дома учредить Коммисію изъ служащихъ при Домѣ врачей и изъ главныхъ докторовъ: Марьинской больницы— Острогожскаго, Голицынской—Блументаля, Павловской — Ле-

венталя, доктора Ремесленнаго заведенія—Трейтера и консультанта Московской Дѣтской больницы—Высоцкаго. Медицинскій Совѣтъ назначилъ съ своей стороны членами Коммисіи главныхъ докторовъ больницъ: Городской — Эвеніуса и Екатерининской—Поля.

Коммисія открыла свои дѣйствія 20 октября 1843 года. Разсуждая о мѣрахъ къ приведенію въ исполненіе порученнаго ей дѣла, она, по тщательномъ соображеніи всего извѣстнаго ей, касательно подобнаго оспопрививанія за-границей, положила руководствоваться слѣдующими правилами:

1) Для болѣе безопаснаго прививанія младенцамъ оспы, снятой съ коровъ, члены считаютъ необходимымъ: по снятіи въ первый разъ привитой коровѣ человѣческой оспы, привить ее послѣдовательно еще нѣсколькимъ коровамъ, дабы такимъ образомъ постепенно ослабить силу первоначально привитой оспы.

2) Для приведенія въ дѣйствіе этихъ опытовъ, просить начальство заведенія объ устройствѣ при зданіяхъ Воспитательнаго Дома, какъ удобнѣйшаго, по причинѣ помѣщенія онаго въ центрѣ города, нужнаго помѣщенія для шести коровъ.

3) Въ числѣ шести коровъ, не старѣе шести лѣтъ, предпочтительно бѣлой шерсти, полагаютъ нужнымъ имѣть двухъ годовалыхъ телокъ.

4) Просить члена Комитета г. штадтъ-физика Острогожскаго о предписаніи врачамъ полиціи, дабы они немедленно извѣщали Комитетъ о появленіи натуральной оспы между жителями столицы, для снятія нужной для прививанія матеріи.

5) Въ заключеніе главный докторъ Дома объявилъ, что по случаю весьма значительнаго недостатка въ кормилицахъ при грудныхъ дѣтяхъ, въ заведеніи находящихся, онъ считаетъ необходимымъ, при такихъ невыгодныхъ для здоровья дѣтей условіяхъ, отложить производство опытовъ прививанія до совершеннаго пополненія комплекта кормилицъ, о чемъ немедленно будутъ извѣщены члены Комитета, на что всѣ единогласно и согласились.

Для помѣщенія дѣтей, избираемыхъ для опытовъ, съ ихъ кормилицами, Коммисія избрала отдѣленную больницу, назначивъ для нихъ двѣ или три отдѣльныя комнаты, въ которыхъ можно было бы помѣстить десять человѣкъ.—Для четырехъ коровъ и двухъ телокъ отдѣлано помѣщеніе въ казенной конюшнѣ на конномъ дворѣ и освидѣтельствовано членами Коммисіи. Передъ этимъ старшій врачъ Воспитательнаго Дома Ресслеръ былъ отправленъ на Загородный Дворъ и выбралъ одну буроголовую корову 5-ти лѣтъ и двухъ бѣлыхъ 4-лѣтъ, одну телку 2-хъ лѣтъ и другую 1-го года.—Штадтъ-физика Острогожскаго Коммисія вторично просила о повѣщеніи полицейскихъ врачей на счетъ случаевъ появленія натуральной людской оспы, поставляя ему на видъ, что для опытовъ все уже приготовлено.

31-го мая 1844 года главный докторъ Воспитательнаго Дома Альфонскій пригласилъ членовъ Коммисіи: Поля, Блументаля и Левенталя собраться въ домъ мѣщанина Обидина, Якиманской части 5-го квартала, въ Іоанно-Воинской слободѣ, для снятія оспенной матеріи съ одной больной натуральной оспой. По снятіи матеріи младшимъ врачемъ Воспитательнаго Дома, штабъ-лекаремъ Голицынскимъ, Коммисія отправилась къ приготовленнымъ коровамъ и присутствовала при первомъ оспопрививаніи, произведенномъ тѣмъ же Голицынскимъ.—Оспопрививаніе было неудачно: хотя казалось, что у одной коровы оспа принялась, потому что на мѣстѣ уколовъ замѣтны были небольшія возвышенія, однако, по прошествіи 10 дней, они совершенно исчезли. За тѣмъ оспопрививаніе не производилось до 22 августа, за недостаткомъ оспенной матеріи. По временамъ хотя и получались извѣщенія о случаяхъ появленія натуральной оспы; но находимая оспа не годилась для снятія, потому что прыщи ея были уже въ періодѣ нагноенія.

Съ 22 августа 1844 года опыты прививанія коровамъ человѣческой оспы начались вновь; но были вполнѣ безуспѣшны.—Тѣмъ временемъ пали двѣ коровы: одна—на другой день привитія, другая—на третій. При вскрытіи, произведенномъ ветеринарнымъ врачемъ Гауптомъ, оказалось, что онѣ пали независимо отъ оспы, вслѣдствіе другой болѣзни. Одинаковымъ образомъ съ павшими, заболѣвшая третья корова, при попеченіяхъ г. Гаупта, выздоровѣла. Этотъ ветеринаръ сообщилъ, между прочимъ, что одной

изъ павшихъ коровъ было 9 лѣтъ и что г. Ресслеръ ошибся въ ея выборѣ. Выслушавъ докладъ г. Альфонскаго по этому предмету, Коммисія (4 октября 1844 г.) положила: опыты продолжать, а взамѣнъ двухъ павшихъ и одной неспособной къ прививанію, просить о покупкѣ 3-хъ другихъ коровъ. Далѣе она положила: просить о приглашеніи г. Гаупта для наблюденія за здоровьемъ коровъ и за покупкою ихъ, чтобы онѣ не были старѣе требуемаго числа лѣтъ. Чтобы вознаградить г. Гаупта за труды, Коммисія положила ходатайствовать о назначеніи ему приличной платы. Эти требованія Коммисіи были исполнены: коровы куплены новыя, а Гаупту назначено жалованье по 14 руб. 28½ коп. въ мѣсяцъ.

Въ продолженіе лѣта 1845-го года сообщались въ Воспитательный Домъ свѣдѣнія о случаяхъ появленія натуральной оспы,—и опыты прививанія человѣческой оспы коровамъ производились постоянно. — Опыты эти продолжались и въ началѣ осени; но во все время были также безуспѣшны, какъ и въ предшествовавшемъ году. На мѣстахъ привитія, вмѣсто ожидаемой правильной воспалительной реакціи, появлялись незначительныя опухлости, величиною въ лѣсной орѣхъ, которыя въ теченіе трехъ или четырехъ дней совершенно исчезали. Увѣдомляя объ этомъ Коммисію (9-го ноября 1845 года), г. Альфонскій указывалъ, что появленіе этихъ опухлостей должно служить яснымъ доказательствомъ, что оспенная матерія всасывалась; но такъ какъ правильной реакціи не было, то и слѣдуетъ заключить, что прививаніе натуральной человѣческой оспы коровамъ не сопровождается тѣмъ успѣхомъ, о которомъ упоминаетъ Тиле. Далѣе г. Альфонскій указалъ, что по собраннымъ свѣдѣніямъ, подтвержденнымъ недавно прибывшими въ Россію ветеринарными профессорами и врачами, для изслѣдованія падежа рогатаго скота, такое прививаніе и въ другихъ странахъ Европы не имѣло благопріятныхъ результатовъ. Почему, во избѣжаніе потери времени въ безполезныхъ опытахъ, члены Коммисіи опредѣлили: для возобновленія въ нѣкоторой степени употребляемой коровьей оспы, привить ее отъ дѣтей коровамъ и о послѣдствіяхъ довести до свѣдѣнія Коммисіи.

1846 года 25 апрѣля Экспедиція о воспитанникахъ Московскаго Воспитательнаго Дома обратилась въ Коммисію съ слѣдующимъ вопросомъ:—Указывая на заключенія Коммисіи, сдѣланныя въ послѣднемъ ея засѣданіи (9 ноября 1845 г.), и на безвѣстность хода опытовъ оспопрививанія, Экспедиція вмѣстѣ съ тѣмъ поставила на видъ издержки на содержаніе коровъ, необходимой для нихъ прислуги и на жалованье ветеринарному врачу. Почему и считала за нужное спросить: находитъ-ли Коммисія нужнымъ дальнѣйшее содержаніе упомянутыхъ коровъ на конюшенномъ дворѣ?

Вслѣдствіе этого, 3-го мая 1846 года, Коммисія собралась въ послѣдній разъ, и главный докторъ Альфонскій довелъ до ея свѣдѣнія, что съ 10-го числа ноября 1845 года по настоящее время, многократно произведенные опыты прививанія *предохранительной оспы* (вакцины, взятой съ дѣтей) всѣмъ коровамъ, рѣшительно были безуспѣшны и что въ одномъ только случаѣ,—на 10-й день послѣ прививанія оказался на мѣстѣ укола нарывчикъ, который впрочемъ на другой же день и засохъ; во всѣхъ же другихъ случаяхъ не было замѣчено ни малѣйшей мѣстной реакціи. Г. Альфонскій думалъ, что и дальнѣйшіе опыты одинаково будутъ безуспѣшны.

Сообразно этому, всѣ члены Коммисіи единогласно положили: прекратить опыты, по безуспѣшности ихъ, и увѣдомить о томъ Экспедицію.—Вмѣстѣ съ тѣмъ ей представлено было, что возобновленіе предохранительной оспы, снятой во время эпидеміи ея на коровахъ и распространеніе ея было бы дѣломъ величайшей пользы. Подобныя эпидеміи должны, безъ сомнѣнія, по временамъ встрѣчаться въ нашей обширной Россіи; но о нихъ не имѣется никакихъ свѣдѣній. Члены Коммисіи нашли удобнѣйшимъ средствомъ, для достиженія частаго возобновленія вакцины назначить незначительную премію тѣмъ лицамъ, которыя донесутъ во-время ближайшему медицинскому начальству о появленіи оспы на коровахъ.—

Такимъ образомъ окончила Коммисія свои занятія, продолжавшіяся болѣе двухъ лѣтъ,

т. е. съ 20 октября 1843 года по 3-е мая 1846 г. Въ продолженіе этого времени Коммисія имѣла 6 засѣданій: 20 октября и 26 ноября 1843 года, 12 мая и 4 октября 1844 года, 9 ноября 1845 года и 3-го мая 1846 года.

Какъ ни практично было послѣднее предложеніе Коммисіи, но къ сожалѣнію оно не было приведено въ исполненіе.—Появленіе оспы на коровахъ дѣйствительно встрѣчается въ Россіи, доказательствомъ чего можетъ служить слѣдующій случай.

7-го октября 1861 года, въ засѣданіи Харьковскаго Медицинскаго Общества было читано директоромъ Харьковскаго Ветеринарнаго училища Галицкимъ разсужденіе „О пользѣ и необходимости возобновленія у насъ вакцины.“ Авторъ утверждаетъ, что употребляемая у насъ вакцина, съ самаго введенія предохранительнаго оспопрививанія, т. е. съ 1800 года, ни разу не была возобновляема, что вслѣдствіе этого она значительно ослабѣла и отчасти потеряла предохранительную силу чрезъ многократное перенесеніе съ одного человѣка на другаго.

Противъ такого крайняго мнѣнія справедливо возсталъ инспекторъ Харьковской Врачебной Управы д-ръ Горбаневъ. Онъ поставилъ на видъ, что Медицинскій Департаментъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, Императорское Вольное Экономическое Общество и С.-Петербургскій Воспитательный Домъ съ давняго времени получаютъ изъ Россіи и изъ за-границы оспенную матерію, прямо снятую съ коровьихъ оспенныхъ прыщей. Далѣе,—говоритъ онъ,—въ одной Харьковской губерніи, коровья оспа не разъ наблюдалась и, снятая съ нея матерія, была съ успѣхомъ прививаема людямъ. Въ доказательство своихъ словъ онъ приводитъ, что въ 1844, 1847 и 1857 годахъ оспа на коровахъ была наблюдаема въ Старобѣльскомъ уѣздѣ, въ 1859 году—въ слободѣ Подгородкѣ и въ 1860 году—въ слободахъ Нищеретовой и Алексѣевкѣ и въ Ахтырскомъ уѣздѣ. (Другъ Здравія 1862 № 45).

Возобновлялась-ли оспенная матерія въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ до 1857 года, намъ неизвѣстно; въ этомъ же году она была возобновлена, хотя и случайно. Въ іюнѣ мѣсяцѣ Медицинскій Департаментъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ прислалъ въ Домъ двѣ пары стеколъ съ оспенною матеріей, снятой съ вымени двухъ молодыхъ коровъ, Могилевской губерніи, Быховскаго уѣзда, въ Смолицкомъ фольваркѣ, принадлежавшемъ графу Толстому. Эта оспа, по увѣдомленію Департамента, была привита въ сказанномъ имѣніи двѣнадцати младенцамъ и имѣла правильный ходъ.

Въ Воспитательномъ Домѣ ее привили тремъ младенцамъ; у двухъ она вовсе не принялась, а у третьяго, по отсутствію всѣхъ признаковъ удавшагося оспопрививанія, думали, что тоже не примется, и на 4-й день подвергли ребенка прививанію старой вакцины. Вторичная вакцинація была совершенно безуспѣшна, а на шѣстѣ первыхъ уколовъ на 7-й день стали обнаруживаться признаки вакцинныхъ прыщей. Прыщи эти развивались очень медленно, и на 9-й день едва только могли сравниться величиною съ шестидневными прыщами старой оспы.—Снятая съ этого ребенка оспенная матерія, съ успѣхомъ была привита другимъ дѣтямъ, а отъ нихъ распространена далѣе.—Ходъ ея вообще, не смотря на правильность, былъ медленный, и впослѣдствіи, хотя она и стала протекать быстрѣе, но девятидневные прыщи ея были довольно долго не больше восьмидневныхъ старой вакцины. Младшій врачъ Дома Клементовскій, который прививалъ въ первый разъ эту вакцину, даже въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1858 года могъ еще у многихъ дѣтей, по меньшимъ прыщамъ, отличить девятидневную могилевскую оспу отъ оспенныхъ прыщей, произведенныхъ другою матеріей.

Въ 1858 году оспенная матерія возобновлена во второй разъ.—Она была прислана въ Воспитательный Домъ, въ концѣ октября, изъ Астраханской Врачебной Управы. Будучи снята въ маѣ съ коровъ, матерія эта привита здоровымъ младенцамъ, распространена въ Астраханской губерніи, и оказалась очень дѣйствительною противъ натуральной оспы, наблюдавшейся тамъ въ значительномъ числѣ случаевъ.

Эта вакцина имѣла противъ могилевской несравненно быстрѣйшій ходъ, который превосходилъ даже ходъ нашей старой вакцины (вѣроятно Дженнеровской), такъ что къ 8-му дню прыщи

ея созрѣвали уже вполнѣ, а на 9-й день начинали подсыхать.

Такъ какъ при разведеніи могилевской коровьей оспы, не была переведена старая вакцина, при разведеніи астраханской—могилевская, то нѣкоторое время, по девятидневнымъ оспинамъ, можно было опредѣлить: какою оспою вакцинированъ извѣстный ребенокъ. Прыщи астраханской оспы были очень велики, плоски, часто желтоваты и въ срединѣ превращались въ струпикъ; прыщи старой вакцины были поменьше, молочно-бѣлаго цвѣта и не представляли еще струпика; прыщи могилевской оспы еще меньше, сухи и давали относительно меньшее количество оспенной матеріи противъ послѣдней.

Врачъ Воспитательнаго Дома Клементовскій, который обнародовалъ эти факты во всеобщее свѣдѣніе, объяснилъ разницу въ теченіи сказанныхъ вакцинъ географическими и соціальными условіями губерній Московской, Могилевской и Астраханской.

Между тѣмъ обстоятельство, что въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ оспа снимается на 9-й день, тогда какъ въ Германіи на 8-й—подало поводъ подвергнуть этотъ вопросъ новому изслѣдованію. Въ 1860 году Клементовскій произвелъ нѣсколько опытовъ надъ прививаніемъ вакцины, снятой на 7 и 8-мъ днѣ. Оказалось, что оспа и въ послѣднемъ случаѣ принимается у насъ очень хорошо, съ тою только разницею, что восмидневные прыщи даютъ относительно меньшее количество матеріи—обстоятельство невыгодное въ томъ отношеніи, что при большомъ требованіи оспы, ее можетъ недостать для снятія.—Впрочемъ у вакцинированныхъ 7-ми и 8-ми дневною матеріею, оспенные прыщи быстрѣе совершили свой ходъ.

Въ этомъ же году тѣмъ же Клементовскимъ и В.А. Голицынскимъ сдѣланъ былъ въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ интересный опытъ, имѣвшій цѣлью повѣрить предположеніе о привитіи вакцины, не черезъ наружные уколы, а черезъ внутреннее ея употребленіе.—Поводомъ къ этому послужилъ отчетъ Вѣнскаго Воспитательнаго Дома за 1857-й годъ, въ которомъ упоминается объ одномъ гомеопатѣ, приготовлявшемъ вакциннъ (смѣсь—изъ одной части свѣжей оспенной матеріи и 9 частей виннаго спирта). Тамъ же сдѣланъ былъ опытъ надъ прививаніемъ вакцины, разведенной равнымъ количествомъ 110-ти градуснаго виннаго спирта, который далъ вполнѣ удовлетворительный результатъ.

Такъ какъ сила оспенной матеріи не разрушилась примѣсью спирта, то авторъ отчета, въ доказательство возможности прививанія ея черезъ внутреннее употребленіе вакцинина, приводитъ слѣдующіе два примѣра. Въ первомъ случаѣ коровья оспа высыпала по всему тѣлу, послѣ принятія человѣкомъ внутрь вакциннаго струпа. Въ другихъ—произошло такое же высыпаніе у двухъ дѣтей, высосавшихъ вакцинные прыщи. Авторъ отчета желалъ, чтобы наблюденія гомеопатовъ подтвердили, или опровергли выставленные имъ примѣры.

Извѣстно, что нѣкоторые животные яды отравляютъ людей только черезъ прививаніе, а принятые внутрь—не имѣютъ никакого дѣйствія. На этомъ основаніи гг. Клементовскій и Голицынскій начали слѣдующіе опыты:

Они сперва давали внутрь невакцинированнымъ дѣтямъ оспенную матерію, смѣшанную съ небольшимъ количествомъ воды, но отъ этого пріема высыпаніе вакцинныхъ прыщей по тѣлу ни у одного не произошло; а привитая вслѣдъ за тѣмъ обыкновеннымъ образомъ вакцина принялась, какъ слѣдуетъ.

За тѣмъ, желая повѣрить: не разрушается-ли оспенная матерія дѣйствіемъ желудочнаго сока?—они смѣшивали ее съ сокомъ, взятымъ у щенка, и прививали дѣтямъ.—Ни въ одномъ случаѣ оспа не принялась.

Это доказало, что желудочный сокъ разрушаетъ силу оспенной матеріи, а потому внутреннее прививаніе оспы совершенно безуспѣшно. Примѣры, приведенные авторомъ отчета, должны быть объяснены другимъ образомъ и скорѣе всего тѣмъ, что моментъ употребленія въ нихъ коровьей оспы случайно совпалъ съ пораженіемъ больныхъ варіолоидомъ (измѣненною оспою).

Въ 1860 году младшимъ врачемъ Воспитательнаго Дома Бутляромъ производились наблюденія, относительно зависимости рожи отъ оспо-

прививанія. Извѣстно, что у дѣтей рожа на рукѣ начинается нерѣдко отъ мѣста уколовъ— и это обстоятельство вызываетъ на вопросъ: имѣетъ-ли она связь съ величиною раненія при оспопрививаніи? — Еслибы это предположеніе подтвердилось, то естественнымъ образомъ отсюда бы вытекала необходимость производить какъ можно меньшее раненіе, т. е. прививать оспу самымъ поверхностнымъ образомъ. Бутляръ дѣлалъ прививаніе не ланцетомъ и не оспопрививательной иглой, а перомъ Горпа, производящимъ не уколы, а разрѣзы, которые могутъ быть дѣлаемы, по произволу, и больше и меньше, и мельче и глубже. Въ первомъ ряду наблюденій Бутляръ прививалъ оспу на одной ручкѣ поверхностными уколами, а на другой— довольно большими, хотя тоже поверхностными разрѣзами. Результатъ былъ тотъ, что рожа иногда начиналась не отъ разрѣзовъ, а отъ уколовъ, не смотря на то, что оспенные прыщи на мѣстѣ первыхъ были гораздо больше и сопровождались большею мѣстною реакціею.

Въ другомъ ряду наблюденій Бутляръ прививалъ оспу разрѣзами, не очень поверхностными и не короткими, и дѣлалъ ихъ въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга,—рожи не являлось.

Въ третьемъ ряду—онъ дѣлалъ разрѣзы поверхностные, короткіе, отставлялъ ихъ на довольно значительномъ разстояніи другъ отъ друга и, не смотря на то, рожа показалась.—Наконецъ Бутляръ замѣчалъ иногда, что рожа послѣ вакцинаціи начиналась не отъ уколовъ и не съ рукъ, а съ нижнихъ конечностей, т. е. съ ногъ. Всѣ эти данныя ясно показываютъ, что величина раненія при оспопрививаніи не имѣетъ непосредственнаго вліянія на происхожденіе рожи, которая зависитъ существеннымъ образомъ отъ другихъ условій, преимущественно отъ госпитальныхъ или эпидемическихъ.

Выше говорено, что иногда подвергаются натуральной оспѣ уже выдерживавшіе вакцинированіе. Это обстоятельство подало поводъ къ предположенію, что коровья оспа, черезъ многократное перенесеніе съ человѣка на человѣка, ослабѣла и утратила предохранительную силу. Тѣже самые случаи повели къ другому предположенію,—что коровья оспа предохраняетъ отъ натуральной, не на цѣлую жизнь, а только на извѣстное число лѣтъ, по прошествіи которыхъ, вакцинированіе должно быть возобновляемо.— Вслѣдствіе такого взгляда, получившаго право гражданства въ наукѣ, Правительство наше предписало въ 1857 году сдѣлать вторичное оспопрививаніе всѣмъ воспитывающимся въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ и даже нижнимъ чинамъ въ войскахъ.—По этому предписанію и сдѣлано было вторичное вакцинированіе всѣмъ учащимся въ учебно-воспитательныхъ заведеніяхъ вѣдомства учрежденія Императрицы Маріи.

Всѣхъ лицъ, подвергнутыхъ ревакцинаціи, было 2077; изъ нихъ у 291-го признаковъ перваго оспопрививанія не было.—Принялась вторично правильная вакцина у имѣвшихъ слѣды перваго оспопрививанія—158 разъ, у неимѣвшихъ этихъ слѣдовъ—30 разъ. Ложная вакцина у имѣвшихъ сказанные слѣды—330, у неимѣвшихъ—95.— Вовсе не принялась—у имѣвшихъ слѣды 1298 и у неимѣвшихъ—166. У двухъ лицъ коровья оспа принялась послѣ прививанія ея въ дѣтствѣ и бывшей за тѣмъ натуральной оспы.

Возрастъ, въ которомъ тѣло оказываетъ еще воспріимчивость къ принятію вакцины, послѣ первичнаго ея привитія, былъ самый младшій— 7 лѣтъ, самый старшій—21 годъ. (У одной няньки, не имѣвшей признаковъ перваго привитія, вакцина принялась на 41 году жизни.) Самый ранній возрастъ къ воспринятію натуральной оспы послѣ перваго привитія былъ 7 лѣтъ; возрастъ, способный къ воспріятію вакцины послѣ первичнаго ея прививанія и бывшей потомъ натуральной оспы, былъ шестнадцатилѣтній (у двухъ сказанныхъ лицъ).—Вообще изъ числа всѣхъ упомянутыхъ лицъ, послѣ прививанія коровьей оспы въ дѣтствѣ (т. е. въ первый разъ), натуральная оспа явилась: у имѣвшихъ слѣды этого прививанія—42 раза, у неимѣвшихъ ихъ—23 раза.

На долю Воспитательнаго Дома къ числу ревакцинированныхъ относятся воспитанницы Николаевскаго Сиротскаго Института и няньки Дома. Изъ 724 первыхъ вторичная вакцина принялась:—у имѣвшихъ слѣды перваго оспо-

прививанія 46 разъ, у неимѣвшихъ этихъ слѣдовъ 6 разъ.—Ложная вакцина принялась—у имѣвшихъ слѣды 10 разъ, у неимѣвшихъ—75 разъ. Безуспѣшно было вторичное оспопрививаніе у имѣвшихъ слѣды первичнаго прививаніе—533 раза и у неимѣвшихъ—54 раза.

Число всѣхъ нянекъ было 204; изъ нихъ вторичная вакцина принялась—у имѣвшихъ слѣды перваго оспопрививанія 6 разъ, у неимѣвшихъ такихъ слѣдовъ—19 разъ. Ложная оспа не принялась ни у одной. Вторичная вакцина не принялась у имѣвшихъ сказанные слѣды 156 разъ и у неимѣвшихъ ихъ—23 раза. Два случая удавшагося вторичнаго вакцинированія, послѣ перваго успѣшнаго оспопрививанія и бывшей за тѣмъ натуральной оспы, относятся къ нянькамъ.

Но гораздо любопытнѣе опыты ревакцинаціи, сдѣланные, по предложенію г. главнаго доктора А. И. Блументаля, ординаторомъ Бутляромъ, любопытнѣе потому, что ревакцинація была сдѣлана вскорѣ послѣ перваго оспопрививанія.—Число всѣхъ опытовъ простирается до 14-ти; изъ нихъ у 6 дѣтей второе оспопрививаніе производилось спустя 5—8 мѣсяцевъ послѣ перваго, у двухъ черезъ 10—15 мѣсяцевъ, у одного черезъ 2 мѣсяца, у двухъ черезъ 1 мѣсяцъ, у двухъ черезъ 2 недѣли и у одного черезъ 11 дней.

Во второй разъ оспа принялась только у четырехъ, при слѣдующихъ обстоятельствахъ:—

а.) У 8-ми мѣсячной дѣвочки здороваго тѣлосложенія, оспа въ первый разъ была привита за $6\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ, но оспенныхъ рубцовъ на тѣлѣ не было видно; второе оспопрививаніе,—по одному уколу на каждомъ плечѣ и предплечіи дало: на правомъ плечѣ и предплечіи и на лѣвомъ плечѣ по одному хорошему прыщу. Прыщи эти употреблены для дальнѣйшей вакцинаціи другому ребенку и произвели хорошую оспу.

в.) У 10-ти мѣсячнаго, крѣпкаго тѣлосложенія мальчика, первое оспопрививаніе, сдѣланное за $8\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ, оставило на каждомъ предплечіи по два рубца; ревакцинація на лѣвомъ предплечіи и на обоихъ бедрахъ по одному уколу, дала прыщъ на лѣвомъ бедрѣ. На 9-мъ днѣ этотъ прыщъ употребленъ для вакцинаціи ребенку, и у него въ свое время произвелъ вакцинные прыщи и реактивную лихорадку.

с.) У 11-ти мѣсячнаго здороваго мальчика, оспа была привита въ первый разъ за 10 мѣсяцевъ и на каждомъ предплечіи оставила по одному рубцу. Ревакцинація сдѣлана на лѣвомъ плечѣ, предплечіи и на лѣвомъ бедрѣ по два укола; на правомъ бедрѣ 1 уколъ. У ребенка въ свое время на лѣвомъ предплечіи образовался одинъ прыщъ, а на бедрѣ два прыща; но эти прыщи не были годны для дальнѣйшей вакцинаціи.

д.) У двухъмѣсячнаго ребенка, слабаго тѣлосложенія, первое оспопрививаніе произведено было за 3 недѣли и оставило на лѣвомъ предплечіи 3 рубца. Ревакцинація сдѣлана по одному уколу на обѣихъ сторонахъ подъ мышками. Прыщъ образовался только на правой сторонѣ.

Такъ какъ первое наблюденіе не доказательно, потому что, по неимѣнію у ребенка рубцовъ на тѣлѣ, остается сомнѣніе въ успѣхѣ первой вакцинаціи; третье потому, что ревакцинація дала въ немъ ложную оспу.—Только второй и послѣдній опыты могутъ считаться доказывающими слабую возможность ревакцинаціи, быстро другъ за другомъ слѣдующими разами. Тѣмъ не менѣе, какъ ни слаба эта возможность и какъ не рѣдки будутъ подобные случаи, они все-таки доказываютъ, что коровья оспа можетъ приняться вновь, вскорѣ послѣ перваго прививанія.

Прививаніе коровьей оспы неоспоримо считается величайшимъ благомъ для человѣчества, не смотря на попытки возстанія противъ него, бывшія въ послѣднее время. Противники его ссылаются на цифры, доказывающія что со времени введенія оспопрививанія количество умирающихъ отъ нѣкоторыхъ болѣзней и въ особенности отъ легочной чахотки—увеличилось. Господа эти забываютъ однако, что средняя продолжительность жизни въ наше время вообще увеличилась, и конечно не малое участіе

принимаетъ въ этомъ оспопрививаніе, сохраняющее милліоны людей, которые въ прежнее время погибли бы отъ натуральной оспы. Увеличившаяся смертность отъ чахотки доказываетъ только то, что многіе люди съ наслѣдственнымъ расположеніемъ къ ней, въ прежнее время умирали еще въ дѣтствѣ отъ натуральной оспы, не доживъ до того возраста, въ которомъ наичаще обнаруживается чахотка. Это благодѣяніе Московскій Воспитательный Домъ оказалъ слишкомъ четыремъ стамъ тысячъ человѣкъ, не говоря уже о томъ множествѣ стеколъ съ оспенною матеріей, которую онъ роздалъ и разослалъ по всѣмъ концамъ обширнаго нашего отечества.

О БОЛѢЗНЯХЪ И СМЕРТНОСТИ ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ

ВЪ МОСКОВСКОМЪ ВОСПИТАТЕЛЬНОМЪ ДОМѢ.

При непостоянствѣ всѣхъ земныхъ вещей и отношеній, каждое учрежденіе человѣческое тѣмъ любопытнѣе, чѣмъ долѣе существуетъ; ибо тогда можно слѣдить за его развитіемъ, и драгоцѣнныя указанія опыта собираются лишь съ теченіемъ времени. Такимъ именно представляется учрежденіе Московскаго Воспитательнаго Дома: уже сближается конецъ перваго столѣтія со времени его основанія Великой Государыней—столѣтія, въ продолженіе котораго это учрежденіе было поддержано благородными друзьями человѣчества и достигло важнаго значенія.

Московскій Воспитательный Домъ, съ начала своего существованія по 1 января 1863 года, принялъ подъ свой кровъ 456.988 дѣтей; цифра приноса младенцевъ въ текущемъ году будетъ вѣроятно около 12.000. И такъ итогъ дѣтей, отданныхъ въ Домъ, въ продолженіе столѣтія, составитъ около 470.000. Вотъ сколько человѣческихъ существъ вступило въ жизнь безъ напутствія родительской любви, материнскихъ попеченій!—Вотъ сколько младенцевъ, рожденіемъ своимъ, принесли матерямъ не радость, а стыдъ, смущеніе, печаль и затрудненія! Вотъ какое было поприще для благотворительности Московскаго Воспитательнаго Дома!

Знаемъ, что эту благотворительность не всѣ оцѣниваютъ одинаково. Знаемъ что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, воспитательные дома, прикрывая слѣдствія порока, потворствуютъ безнравственности; изъ это говыводятъ смѣлое заключеніе, что учрежденіе воспитательныхъ домовъ не должно быть допускаемо. Но такой взглядъ, хотя и имѣетъ нѣкоторую долю истины, далеко не обнимаетъ всего предмета. Учрежденіе Московскаго Воспитательнаго Дома было въ свое время вызвано общественною потребностію дѣйствительною, хотя и печальною, и потребность эта не умалилась: такова практическая точка зрѣнія. Кто же не знаетъ, что однимъ изъ побужденій къ учрежденію Дома было то, чтобы женщинъ, впавшихъ въ проступокъ, отклонить отъ преступленія—отъ дѣтоубійства. Нѣтъ сомнѣнія, что внѣ-брачныя сближенія половъ противны законамъ нравственности: ихъ порицаетъ церковь, не одобряютъ ихъ и гражданскія постановленія. Но правительственныя воззрѣнія не могутъ не принимать въ расчетъ несовершенствъ человѣческой природы и особенно несовершенствъ общественнаго устройства. Пока нравственное воспитаніе народа недостаточно; пока вступленіе въ бракъ способныхъ къ нему молодыхъ людей и дѣвицъ затрудняется множествомъ соціальныхъ условій; пока этотъ союзъ, который долженъ бы освящать и возвышать влеченія сердца, будетъ часто заключаться по совершенно другимъ соображеніемъ;—пока будетъ усиливаться роскошь, а съ нею и жажда наслажденій; пока развитіе промышленности будетъ сопряжено съ непомѣрнымъ обогащеніемъ однихъ и нищенствомъ другихъ—до тѣхъ поръ администрація не можетъ быть безпощадною къ человѣческой слабости, къ жертвамъ несовершенства соціальныхъ отношеній....

Но обратимся къ прямому предмету нашей статьи—къ наблюденіямъ медицинскимъ и дан-

нымъ медико-статистическимъ. Не можемъ однако не сдѣлать предварительно того замѣчанія, что Московскій Воспитательный Домъ не оказался безплоднымъ для медицинской науки. Здѣсь можно наблюдать болѣзни перваго возраста жизни чаще, нежели гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ—и такія наблюденія раскрывали одну изъ самыхъ темныхъ областей патологіи. Великое число призрѣваемыхъ въ Воспитательномъ Домѣ младенцевъ даетъ способы къ пріобрѣтенію вѣрнаго понятія о соотношеніи между числомъ заболѣвающихъ и умирающихъ въ самомъ раннемъ возрастѣ. Нельзя однако не пожалѣть о томъ, что отъ первыхъ десятилѣтій вѣковаго существованія Воспитательнаго Дома осталось весьма мало медицинскихъ замѣтокъ, такъ что при исторической группировкѣ медицинскихъ фактовъ необходимо являются пробѣлы; но за то свѣдѣнія, относящіяся къ послѣднимъ десятилѣтіямъ, полны научнаго интереса.

Если раздѣлить общее число всѣхъ принесенныхъ въ разные годы въ Воспитательный Домъ дѣтей на число лѣтъ, то получимъ среднее число 4.689. Но разсматривая отдѣльные годы, видимъ, что число поступавшихъ дѣтей было чрезвычайно разнообразно. Въ началѣ существованія Дома приносъ былъ очень невеликъ; но потомъ, за незначительными исключеніями, приносъ постепенно возрасталъ. Такъ въ первые три года цифра ежегоднаго приноса дѣтей не составляла 1000; съ 1767-го года, въ продолженіе 30-лѣтъ, она держалось между 1000 и 2000, за исключеніемъ однако 2-хъ лѣтъ—1771-го (года моровой язвы), когда она не достигла до 900, и 1772-го—до 800; съ 1797 г., въ продолженіе 9 лѣтъ, приносъ былъ выше 2000. Съ 1806, въ теченіе 12 л.—выше 3000, исключая 1812 и 1814 гг., въ которые принесено менѣе 3000 въ годъ, и 1813—менѣе 2000. Съ 1818 г. цифра приноса въ продолженіе 6 лѣтъ, выше 4000; съ 1824 г., въ восемь лѣтъ, переходитъ за 5000. Въ этотъ періодъ времени только въ 1830 году (годъ холерной эпидеміи) принесено дѣтей менѣе 5000. Съ 1832 г., въ теченіе 13 лѣтъ, число это то возвышается съ 6 до 8 тыс., то снова уменьшается до 7 и 6 тысячь. Съ 1845 по 1849 г. оно превышаетъ 8000; съ 1850 по 1852 г.—9000; съ 1853 по 1856 г.—10000, съ 1856 г. ежегодно возрастаетъ до 11, 12, 13 и 14 тыс.; но въ 1860, 1861 годахъ снова достигаетъ только 13 тыс., а въ 1862 г.—12 тысячь. Цифру эту, вѣроятно, не превзойдетъ приносъ дѣтей и въ 1863 году.

Хотя число принесенныхъ дѣтей, взятое въ отдѣльные годы, показываетъ болѣе или менѣе значительныя отступленія отъ возрастающей прогрессіи, но если соединить эти числа въ 10-лѣтніе періоды, то прогрессія представится постоянною. Это ясно видно изъ слѣдующей таблицы.

Съ 1764 по 1774 г.	всего принесено	дѣтей	9.457
— 1774—1784 —	—	—	12.537
— 1784—1794 —	—	—	13.442
— 1794—1804 —	—	—	21.074
— 1804—1814 —	—	—	30.617
— 1814—1824 —	—	—	39.179
— 1824—1834 —	—	—	56.877
— 1834—1844 —	—	—	71.709
— 1844—1854 —	—	—	90.184
— 1854—1864 —	—	—	123.912
			468.988.

Со времени открытія заведенія до 1 января 1863 г. въ Воспитательномъ Домѣ умерло 116.504 младенца, слѣдовательно величина смертности между ними обозначается 25,60%. Общій выводъ такого большаго процента представляется результатомъ того исключительнаго состоянія, въ какомъ находилось заведеніе въ первые годы своего существованія, когда былъ значительный недостатокъ въ кормилицахъ, появлялись смертельныя оспенныя эпидеміи и наконецъ—число приносимыхъ дѣтей было несообразно съ величиной помѣщеній, такъ какъ пріемъ ихъ начался прежде нежели окончена была постройка Дома. Если же принять въ разсчетъ число умершихъ дѣтей въ послѣдніе 40 лѣтъ, т. е. въ тотъ промежутокъ времени, когда заведеніе совершенно устроилось и гигіеническія его условія улучшились, то процентъ смертности между грудными дѣтьми, во время ихъ пребыванія въ Домѣ, достигаетъ только 22,39. Дѣти остаются въ Домѣ приблизительно только до конца втораго мѣсяца жизни; потомъ, для дальнѣйшаго воспитанія, отсылаются въ деревни, и, чтобы

найдти величину смертности на первомъ году жизни, что преимущественно имѣетъ интересъ въ медико-статистическомъ отношеніи, нужно имѣть точную цифру смертныхъ случаевъ между дѣтьми по деревнямъ и притомъ по различнымъ возрастамъ. Опредѣлить эту цифру за все столѣтіе чрезвычайно затруднительно. Для такого исчисленія нужно было-бы сдѣлать тщательную выборку изъ книгъ, въ которыхъ, при имени всякаго принятаго ребенка, тотчасъ отмѣчалось время его смерти, какъ получалось свѣдѣніе о томъ изъ деревни. Хотя эта кропотливая работа и была предпринята; но выборка сдѣлана только за 25 лѣтъ. Впрочемъ такой періодъ времени можетъ дать довольно вѣрные общіе выводы. Въ этотъ промежутокъ смертность на первомъ году жизни (включая сюда и число умершихъ въ Домѣ) колебалось между 34 и 56%; средняя же величина смертности выражается 47,24%.

Сравнивая смертность между дѣтьми въ нашемъ Воспитательномъ Домѣ, съ смертностью дѣтей такихъ же заведеній во Франціи и Австріи, она непредставляется неслишкомъ значительною; но если сравнить ее съ смертностью законныхъ дѣтей, остающихся въ своихъ семействахъ, то она будетъ велика. Впрочемъ и послѣдняя очень значительна въ Россіи. Изъ числа всѣхъ умирающихъ ежегодно въ Россіи, 53, 77% составляютъ не перешедшіе 5-лѣтняго возраста, а 31,89% изъ общаго числа умершихъ относится къ окончившимъ жизнь на первомъ году своего существованія.

Отчего происходитъ такая огромная смертность въ дѣтскомъ возрастѣ?—Кажется, здѣсь прежде всего нужно имѣть въ виду общій законъ природы, по которому во всѣхъ странахъ и при всякомъ климатѣ наибольшая смертность замѣчается между самыми юными возрастами. Во всемъ органическомъ царствѣ изъ безчисленнаго множества едва появившихся зародышей большая часть вскорѣ погибаетъ и, относительно, лишь немногіе изъ нихъ достигаютъ полнаго развитія и надлежащей зрѣлости. Природа даетъ жизнь несравненно большему количеству зародышей, нежели сколько нужно для поддержанія родовъ и видовъ. Она творитъ это въ мудромъ предвидѣніи того уничтоженія, которому подвержены юные организмы, не обладающіе, по своему нѣжному строенію, достаточной силой сопротивленія внѣшнимъ разрушительнымъ вліяніямъ. При такомъ общемъ законѣ природы понятна большая смертность въ дѣтскомъ возрастѣ. Впрочемъ она неодинакова въ разныхъ странахъ и, повидимому, зависитъ не столько отъ климатическихъ условій, сколько отъ соціальныхъ отношеній.

Если въ народонаселеніи жизненныя отношенія неблагопріятны, то, обыкновенно, и смертность бываетъ велика и, главнымъ образомъ, относится къ дѣтскому возрасту. Вмѣстѣ съ тѣмъ плодовитость въ этихъ странахъ обыкновенно бываетъ значительна, и количество рожденій идетъ пропорціонально съ смертными случаями. Такъ, наприм; въ Россіи одинъ родившійся приходится на 23,96 жителей, въ Пруссіи лишь на 25,47, въ Англіи на 30,06, въ Норвегіи на 30,35, въ Бельгіи на 32,83, во Франціи даже на 35,82. За то одинъ смертный случай падаетъ въ Россіи уже на 30,97, въ Прусіи только на 33,85, въ Бельгіи на 40,80, во Франціи на 41,75, въ Англіи на 43,79, въ Норвегіи же лишь на 51,77 жителей(*). Эти цифры показываютъ, что тамъ, гдѣ смерть собираетъ обильную жатву, природа старается пополнить убыль избыткомъ въ числѣ раждающихся. Однако въ этомъ еще не заключается истиннаго пополненія народонаселенія страны. Частые роды, конечно, вознаграждаютъ число убывшихъ, но не пополняютъ внутренняго достоинства населенія, потому что обмѣнъ мертвыхъ и живыхъ преимущественно совершается въ раннемъ возрастѣ, цвѣтъ націи рѣдко переживаетъ молодость и государство поэтому остается бѣднымъ производительными элементами.

Подобные факты замѣчаются вездѣ, гдѣ жизненныя условія не могутъ быть устроены надлежащимъ образомъ, для того, чтобы противодѣйствовать вреднымъ вліяніямъ, грозящимъ пре-

(*) Цифры, относящіяся къ Россіи, найдены исчисленіемъ по оффиціальнымъ даннымъ за 7 лѣтъ (1850—1856 гг.) докторомъ А. Блументалемъ. См. Московскую Медицинскую газету 1859 г. №№ 65 и 46 въ статьѣ доктора А. Блументаля «О условіяхъ народонаселенія, въ Россіи.». Цифры, относящіяся къ иностраннымъ государствамъ заимствованы изъ сочиненія профессора S. E. Wappaeus'a—«Algemeine Bevölkerungs—Statistik. Leipzig. 1859 г.»

имущественно молодому поколѣнію. Бѣдность въ этомъ случаѣ играетъ весьма важную роль. Villermé и Casper доказали, что большая или меньшая смертность зависитъ отъ скудости или достаточности средствъ населенія. Первый, разсматривая смертность въ различныхъ округахъ Парижа, нашелъ, что она представляется совершенно въ обратномъ отношеніи съ довольствомъ жителей. Послѣдній сравнилъ смертность между графскими и княжескими родами Европы съ смертностью между бѣдными жителями Берлина, —и пришелъ къ тому результату, что изъ 1000 родившихся у первыхъ умираетъ, не достигнувъ 5 лѣтъ отъ рожденія, 57, а у послѣднихъ—345 человѣкъ. Изслѣдованія англійскихъ статистиковъ показали, что изъ 100 родившихся умираетъ на первомъ году жизни у англійскихъ gentry 10, средняго сословія—21, рабочаго класса—32; по истеченіи же 5 лѣтъ gentry умираетъ 18, средняго сословія—39 и рабочаго класса - 56.

Если смертность въ дѣтскомъ возрастѣ съ одной стороны сама по себѣ значительна, а съ другой можетъ еще усилиться, вслѣдствіе недостатка попеченій, бѣдности и другихъ причинъ, то понятно, почему между незаконнорожденными дѣтьми смертныхъ случаевъ должно быть болѣе, нежели между законными. Первые, не только съ самаго рожденія, или вовсе лишены материнскихъ попеченій, или пользуются ими въ ограниченной степени, но еще во время утробной жизни подвергаюттся вліяніямъ, которыя должны болѣе или менѣе задерживать ихъ свободное и правильное развитіе. Если законная жена съ радостію привѣтствуетъ свою беременность и особенно заботится о томъ, чтобы плодъ достигъ правильнаго развитія, то для женщины, беременной внѣ брака, такое состояніе нерѣдко служитъ источникомъ огорченія и страха. Она старается скрыть свою беременность и потому ни въ одеждѣ, ни въ образѣ жизни не соображается съ своимъ положеніемъ и часто умышленно подвергаетъ себя тѣмъ вліяніямъ, которыя могутъ не только мѣшать правильному развитію плода, но и вредить самой жизни его. Поэтому при внѣбрачномъ союзѣ половъ не только является на свѣтъ большое число мертворожденныхъ дѣтей, но и родившіяся живыми имѣютъ меньшую способность къ жизни и подлежатъ большей смертности. Такъ, по исчисленію Wappaeus'a, въ Берлинѣ величина смертности между законными дѣтьми, рожденными живыми, на первомъ году ихъ возраста, составляетъ 19, 9%, незаконными — 36, 8; въ Стокгольмѣ—законными 22, 2, незаконными— 42, 2; въ Мюнхенѣ — законными 29,2% незаконными—33,8%.

Такъ какъ въ воспитательные дома поступаютъ, главнѣйшимъ образомъ, незаконныя дѣти, то уже въ одномъ этомъ обстоятельствѣ должно искать причины усиленной смертности въ такихъ заведеніяхъ. Но къ этому нужно присоединить другія, свойственныя послѣднимъ обстоятельства, усиливающія смертность. Здѣсь на первомъ планѣ стоятъ затрудненія, при изъисканіи средствъ къ вскормленію, сообразному съ природой. Нерѣдко въ этихъ заведеніяхъ ощущается большой недостатокъ въ кормилицахъ, такъ что или нѣсколько дѣтей поручаются одной кормилицѣ, или дѣти вскармливаются искуственно; въ обоихъ случаяхъ, какъ это извѣстно изъ нашихъ многолѣтнихъ наблюденій, легко и часто развивающіяся болѣзни служатъ источникомъ большой смертности между дѣтьми. Хотя въ наше заведеніе нерѣдко является значительное количество кормилицъ, за всѣмъ тѣмъ число приносимыхъ дѣтей часто превышаетъ число кормилицъ на 10,20 и даже на 50%. Какъ только недостатокъ кормилицъ превышаетъ 10%, тотчасъ замѣчается усиленная смертность между дѣтьми. Потому-то 1857 г., когда недостатокъ въ кормилицахъ достигъ 50%, былъ однимъ изъ тѣхъ годовъ, въ которые, въ послѣднее время существованія нашего заведенія, оказалась наибольшая смертность (32,09). Вѣроятно для избѣжанія этого, а также по финансовымъ соображеніямъ, нѣкоторые воспитательные дома, тотчасъ, по пріемѣ дѣтей, отсылаютъ ихъ въ деревни, гдѣ содержаніе дѣтей обходится несравненно дешевле, и въ Домѣ оставляютъ только слабыхъ и больныхъ. Конечно эта мѣра нѣсколько устраняетъ недостатокъ въ кормилицахъ, за то питаніе дѣтей едва ли ставится въ лучшія условія. Крестьянки,

при необходимости исправленія своихъ ежедневныхъ работъ, начинаютъ очень рано давать дѣтямъ вмѣстѣ съ грудью и другую пищу, какъ напр. кисель, саламату и т. п.; а такая пища не соотвѣтствуетъ самому устройству пищеварительныхъ дѣтскихъ органовъ; почему вскорѣ появляются у дѣтей признаки весьма серьезныхъ болѣзней. У насъ большинство крестьянокъ, по прибытіи изъ Воспитательнаго Дома въ деревни, тотчасъ же отнимаютъ дѣтей отъ груди и воспитываютъ ихъ на рожкѣ. Безъ сомнѣнія отъ этого обстоятельства зависитъ необыкновенно большая смертность питомцевъ, на первомъ году ихъ жизни, и въ иностранныхъ воспитательныхъ домахъ, откуда ихъ отсылаютъ тотчасъ по приносѣ; и, конечно, она была бы у насъ еще значительнѣе, еслибы дѣти отсылались по деревнямъ тотчасъ послѣ ихъ пріема. Гигіеническія условія, при которыхъ живутъ наши крестьяне, еще менѣе благопріятны, чѣмъ за-границею; между тѣмъ незаконныя дѣти, большею частію слабыя, нуждаются, по крайнѣй мѣрѣ въ первые два мѣсяца жизни, въ такомъ тщательномъ уходѣ, какого не могутъ имъ доставить крестьянки, при всей доброй ихъ волѣ.

Дальнѣйшая причина возвышенной смертности между дѣтьми, остающимися въ заведеніи, въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, неизбѣжна при частой необходимой перемѣнѣ кормилицъ. Нерѣдко случается, что въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ изъ огромнаго числа кормилицъ, однѣ заболѣваютъ, другія, по своимъ семейнымъ обстоятельствамъ, выписываются въ деревни, не будучи въ состояніи вывести съ собою питомца, наконецъ нѣкоторыя, большею частію жены солдатъ или мѣщанъ, приходятъ въ Домъ, не имѣя намѣренія взять ребенка съ собою; почему многія изъ дѣтей, какъ въ самомъ Домѣ, такъ и при отправленіи по деревнямъ, по необходимости, должны быть передаваемы другимъ кормилицамъ. Такая перемѣна нерѣдко бываетъ очень вредна для дѣтей, — и нѣсколько разъ наблюденія показывали, что здоровыя дѣти, тотчасъ послѣ передачи ихъ другимъ кормилицамъ, заболѣвали болѣе или менѣе тяжко и даже умирали внезапно въ припадкахъ. Равнымъ образомъ пища, которую употребляютъ кормилицы, не остается безъ вліянія на здоровье грудныхъ дѣтей; такъ, съ наступленіемъ постовъ замѣчались у дѣтей гастрическія разстройства и особенно упорные поносы.

Ко всему этому чрезвычайное скопленіе дѣтей въ относительно тѣсномъ пространствѣ, прибавляетъ еще немаловажную препятствующую причину къ достиженію благопріятныхъ результатовъ для совершенно успѣшнаго воспитанія дѣтей въ такихъ заведеніяхъ. Воздухъ, въ надлежащемъ количествѣ и качествѣ, столь же необходимъ для организма, какъ и пища; чрезъ посредство легкихъ завершается актъ питанія, начавшійся въ пищеварительныхъ органахъ; легкія приготовляютъ кровь, способную для питанія плотныхъ частей тѣла, и сообщаютъ ей необходимый для того химическій составъ. Если емкость легкихъ у дѣтей меньше, нежели у людей взрослыхъ, за то вдыханія у первыхъ совершаются чаще и поэтому количество потребляемаго воздуха у тѣхъ и другихъ почти одинаково. При постоянно большомъ числѣ дѣтей, а по временамъ и при чрезмѣрномъ скопленіи ихъ въ палатахъ, они не всегда получаютъ необходимое количество воздуха. Это тѣмъ болѣе вредитъ ихъ здоровью, что качество вдыхаемаго воздуха при этомъ бываетъ болѣе или менѣе измѣненное. Въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ необходимость издавна заставляла помѣщать по 70, 80 и даже болѣе дѣтей въ палатахъ, разсчитанныхъ на 40—50 дѣтей, что естественно влечетъ за собою вредныя послѣдствія, происходящія отъ ихъ скопленія. При совмѣстномъ жительствѣ подъ одною кровлею столькихъ людей, въ особенности если между ними происходятъ постоянныя перемѣны отъ ежедневнаго прилива и отлива,—дѣти скорѣе заболѣваютъ, удобнѣе развиваются эпидеміи и самый характеръ болѣзней дѣлается злокачественный. Эти обстоятельства, вѣроятно, составляютъ одну изъ главныхъ причинъ, почему дѣти въ воспитательныхъ домахъ погибаютъ скорѣе, чѣмъ въ домахъ частныхъ и почему смертность между ними, если принять всѣ другія условія одинаковыми, вѣроятно будетъ находиться въ прямомъ отношеніи съ величиной

заведенія. Причина такого явленія быть можетъ заключается въ нѣкоторомъ особомъ взаимодѣйствіи индивидуальныхъ организмовъ — взаимодѣйствіи, которое по сіе время еще представляется чѣмъ то таинственнымъ, ибо не разъяснено точными изслѣдованіями.

Указавъ на главныя условія, которыя усиливаютъ смертность въ воспитательныхъ домахъ, остается сказать нѣсколько словъ о тѣхъ значительныхъ колебаніяхъ, которымъ подлежитъ величина этой смертности. Къ этой статьѣ приложено, въ особой таблицѣ, наглядное изображеніе ихъ, въ теченіе 99 лѣтъ. Здѣсь цифры первыхъ десятилѣтій весьма разнятся между собою, для объясненія чего мы не имѣемъ точныхъ историческихъ данныхъ. Такъ напр. 1767 годъ отличался смертностію въ 98, 53°/₀, тогда какъ въ 1786 году она равнялась только 8, 65°/₀. Причиною непомѣрной смертности въ 1767 году можно предположить, существовавшую тогда злокачественную оспенную эпидемію, которая дѣйствительно въ первые годы часто посѣщала наше заведеніе, а въ то время не было еще введено предохранительнаго прививанія коровьей оспы; незначительный же процентъ смертности въ 1786 году, или просто показанъ неправильно по книгамъ за тотъ годъ, или зависѣлъ отъ какихъ-либо совершенно исключительныхъ вліяній, не встрѣчаемыхъ въ новѣйшее время. Въ послѣднія десятилѣтія, когда состояніе заведенія пришло къ постоянной нормѣ, измѣненія въ величинѣ смертности не показываютъ такихъ крайностей, но держатся между 32,09 и 15, 42°/₀. Хотя и можно объяснить причину увеличенія смертныхъ случаевъ въ отдѣльные годы значительнымъ недостаткомъ кормилицъ или, переполненіемъ палатъ, но невсегда, ибо довольно часто встрѣчались значительныя измѣненія въ величинѣ смертности при положеніи заведенія не представлявшемъ никакихъ замѣтныхъ отступленій. За всѣмъ тѣмъ нельзя не признать нѣкоторой правильности въ возвышеніи и пониженіи смертности. Эти колебанія большею частію обнимаютъ періодъ времени отъ 10 до 20 лѣтъ, хотя въ нихъ попадаются отдѣльные годы, въ которые, вслѣдствіе мѣстныхъ причинъ, смертность вдругъ возвышается надъ уровнемъ предыдущаго и послѣдующаго года. Изъ всего сказаннаго довольно ясно, что бо́льшая или меньшая смертность не только зависитъ отъ мѣстныхъ причинъ, но и управляется особымъ закономъ природы, что величина ея измѣняется въ различные постоянные періоды времени и что научнымъ изслѣдованіемъ неудалось еще уловить ту норму, по которой дѣйствуетъ этотъ законъ природы.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію преобладающихъ формъ болѣзней между грудными дѣтьми Московскаго Воспитательнаго Дома. Всего прежде замѣтимъ, что заболѣваемость дѣтей не всегда находится въ прямомъ отношеніи со смертностью. Бывали годы, когда число заболѣвающихъ было очень значительно, а между тѣмъ смертность была умѣренна; напротивъ бывали и такіе годы, въ которые заболѣвало не такъ много, а смертность была велика. Въ отношеніи къ первымъ десятилѣтіямъ существованія заведенія, до насъ не дошло научныхъ наблюденій о господствовавшихъ болѣзняхъ дѣтей. Въ архивахъ Дома находятся лишь отдѣльныя замѣтки, указывающія на то, что иногда, вслѣдствіе губительныхъ оспенныхъ эпидемій, а въ другое время, вслѣдствіе злокачественной молочницы и поносовъ, смертность значительно возвышалась, и что противъ подобныхъ бѣдствій предпринимались различныя медико-полицейскія мѣры. Въ настоящее время мы уже не видимъ такихъ губительныхъ оспенныхъ эпидемій, потому что имъ успѣшно противодѣйствуетъ предохранительное оспопрививаніе, и хотя оспенныя сыпи и теперь еще ежегодно попадаются, однако онѣ не столь уже злокачественны и если иногда бываютъ смертельными, то не сами по себѣ, но лишь вслѣдствіе опасныхъ осложненій. Напротивъ, молочницы и поносы свирѣпствуютъ еще и теперь; въ особенности послѣдніе не мало похищаютъ жертвъ. Вообще въ нѣжномъ дѣтскомъ возрастѣ кишечный каналъ и легкія составляютъ тѣ органы, которые всего чаще поражаются болѣзнями. И это быть можетъ потому, что вмѣстѣ съ рожденіемъ ребенка внезапно пробуждаются отправленія этихъ органовъ, при чемъ они подвергаются такимъ раздраженіямъ, отъ

которыхъ были избавлены во время зародышевой жизни.

Предваряемъ, что, при разсмотрѣніи дѣтскихъ болѣзней, мы будемъ слѣдовать употребительнѣйшей классификаціи, и именно той, которая и нынѣ принимается, при составленіи ежегодныхъ медицинскихъ по заведенію отчетовъ.

I. БОЛѢЗНИ, СЛѢДУЮЩІЯ НЕПОСРЕДСТВЕННО ЗА РОЖДЕНІЕМЪ.

А. По количеству больныхъ, первое мѣсто принадлежитъ младенцамъ *недоношеннымъ* (inf. praematuri), *слаборожденнымъ* и одержимымъ *врожденной* или *первичной сухоткой* (atrophia).

Безошибочно можно принять, что 15% изъ числа всѣхъ приносимыхъ дѣтей именно относятся къ разсматриваемой нами категоріи. Это подтверждаетъ уже высказанное въ этой статьѣ мнѣніе о сравнительной жизнеспособности законныхъ и незаконныхъ дѣтей. Притомъ огромное число этого рода больныхъ дѣтей всегда служитъ какъ бы матеріаломъ, изъ котораго вырабатываются другія, разнообразнѣйшія конституціональныя пораженія. Недоносковъ слаборожденныхъ и сухоточныхъ умираетъ весьма много. Собственно изъ недоносковъ едва сохраняется десятый человѣкъ, изъ слаборожденныхъ—третья часть. Присемъ не должно забывать, что многіе изъ нихъ умираютъ въ Крестовомъ Отдѣленіи, въ теченіе первыхъ сутокъ, прежде осмотра главнаго доктора.

Потери такого рода издавна заставляли изъискивать средства, которыя могли бы поддержать угасающую жизнь этихъ младенцевъ. Къ терапевтическимъ средствамъ относятся вообще возбуждающія, особенно мускусъ,—средство едвали здѣсь замѣнимое чѣмъ нибудь инымъ.—Иногда оказывалось цѣлебнымъ осторожное употребленіе раствора Фовлера, разбавленнаго виннымъ спиртомъ; это средство также повидимому способно поднять упадающую репродуктивную жизнь. Средство, о которомъ идетъ рѣчь большею частью прописывалось въ слѣдующей формѣ:

Rp. Solut. Fowleri gutt. vj.
alcoh. vin. ʒj M. D. S.

По двѣ капли четыре раза въ день.

Атрофическимъ дѣтямъ дѣлались укрѣпляющія ванны съ солодомъ и пѣннымъ виномъ; не безъ успѣха также производились натиранія всего тѣла рыбьимъ жиромъ. При изнуреніи съ сильно выраженнымъ малокровіемъ давался внутрь желѣзистый тресковый жиръ.

Безъ сомнѣнія, для успѣшнѣйшаго развитія тѣла недоношенныхъ дѣтей необходимѣйшее средство есть теплота окружающей среды.—Еслибъ недоношенный младенецъ постоянно находился въ теплѣ, отъ 25—26° R. то это, конечно, было бы всего выгоднѣе для его развитія; ибо замѣняло бы ему до нѣкоторой степени материнскую утробу. Въ этихъ видахъ, въ послѣднее время въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ устроены металлическія люльки доктора Рюле, съ двойными стѣнками, между которыхъ наливается теплая, часто перемѣняемая, вода въ 30—31° R. Эти люльки, при тщательномъ наблюденіи и при употребленіи всѣхъ предосторожностей, дѣйствительно иногда оказывали пользу; но есть невыгодныя обстоятельства: изъ такой люльки необходимо вынимать ребенка по нѣскольку разъ въ день, для кормленія грудью, перемѣны бѣлья, обмываній и пр., при чемъ его окружаетъ только обыкновенное комнатное тепло 15—14°. Такая перемѣна температуры не можетъ оставаться безъ вредныхъ послѣдствій. Къ томуже ночью труденъ надзоръ за тѣмъ, чтобы своевременно перемѣняли воду. Все это наводитъ на мысль, что быть можетъ полезнѣе было бы устроить для недоношенныхъ и слаборожденныхъ дѣтей отдѣльную палату, въ которой температура поддерживалась бы гораздо выше, чѣмъ въ другихъ залахъ. Въ С. Петербургскомъ Воспитательномъ Домѣ такая палата уже существуетъ.

B. Atelectasis легкихъ, синюха

(CYANOSIS, ATELECTASIS PULMONUM).

Это болѣзненное состояніе встрѣчается въ Домѣ весьма часто. Необыкновенная слабость мышечной системы – общая принадлежность новорожденныхъ дѣтей въ нашемъ заведеніи—въ частности выражается слабостью вдыхательныхъ мышцъ; слѣдствіемъ этого необходимо должно

быть недостаточное и неравномѣрное развитіе легкихъ, которыя на нѣкоторыхъ мѣстахъ остаются, какъ говорится, въ своемъ зародышевомъ состояніи. Вообще, при вскрытіи труповъ дѣтей умершихъ на первыхъ дняхъ жизни, рѣдко не попадаются въ легкихъ ателектатическія мѣста, которыя можно посредствомъ трубочки надуть воздухомъ, и сдѣлать приблизительно похожими на прочую здоровую ткань легкихъ. Но такой atelectasis легкихъ на обѣихъ сторонахъ и на большомъ протяженіи встрѣчается не часто, отъ того въ медицинскихъ отчетахъ Дома значится немного одержимыхъ синюхою. Atelectasis чаще поражаетъ задніе отдѣлы легкихъ, и притомъ лѣвое легкое поражается и сильнѣе, и чаще. Изъ этого сами собою вытекаютъ и тѣ явленія, которыми болѣзнь необходимо должна сопровождаться, и то леченіе, которое врачъ долженъ употреблять противъ этого недуга. При маломъ объемѣ легкаго, притекающая къ легкимъ кровь не можетъ достаточно окисляться свободно. Слѣдствіемъ чего бываетъ застой ея въ венахъ и происходящій отсюда синій цвѣтъ кожи ребенка, давшій болѣзни названіе синюхи..

Отъ застоя крови угольная кислота постепенно накопляется въ крови все больше и больше и, въ свою очередь, токсически дѣйствуя на мышцы, парализуетъ ихъ,—парализуетъ въ частности и мышцы вдыхательныя. Такимъ образомъ возникаетъ взаимнодѣйствіе неблагопріятныхъ причинъ, противъ котораго только искуство можетъ бороться съ успѣхомъ.

При леченіи, задача врача естественно состоитъ въ возбужденіи рефлективныхъ движеній дыхательныхъ мышцъ. Это всего лучше достигается вспрыскиваніями лица и груди холодною водою, которыя заставляютъ ребенка кричать и насильно вбирать въ себя воздухъ, что расширяетъ легкія.

Вообще. при леченіи здѣсь, у мѣста весь аппаратъ внутреннихъ и наружныхъ средствъ, употребляющихся противъ асфиксіи новорожденныхъ.

С. ЖЕЛТУХА НОВОРОЖДЕННЫХЪ.

(ICTERUS).

Больныхъ желтухою ежегодно бываетъ 4,2%, или почти 42 на тысячу. Изъ этого числа выздоравливаетъ $\frac{2}{3}$ и умираетъ только $\frac{1}{3}$. Значительная часть этихъ больныхъ бываютъ дѣти новорожденныя, имѣющія простую erythrosin cutis, которая, какъ извѣстно, въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи, при послѣдовательныхъ измѣненіяхъ красящаго начала крови, сообщаетъ желтый цвѣтъ наружнымъ покровамъ. Послѣдній видъ желтухи считается нѣкоторыми даже за физіологическое явленіе. Онъ является постоянно спутникомъ врожденной слабости жизни, и имѣетъ тоже значеніе, что и atelectasis, составляя признакъ неустановившейся правильности кровообращенія.

Желтизна глазъ, окрашеніе мочи и другихъ физіологическихъ и патологическихъ жидкостей (напр. гноя при гноеточивомъ воспаленіи глазъ) характеризуютъ другой опаснѣйшій и, къ счастію, болѣе рѣдкій видъ желтухи, зависящій уже отъ дѣйствительнаго задержанія въ крови желчнаго красильнаго начала.

Больные послѣдняго рода (icterus gravis) составляютъ лишь шестую часть всѣхъ одержимыхъ желтухою больныхъ. Послѣдній видъ желтухи нерѣдко бывалъ выраженіемъ гнойнаго худосочія, въ какомъ случаѣ составлялъ болѣзнь безусловно смертельную. При вскрытіяхъ обыкновенно находились здѣсь воспаленіе пупочныхъ венъ, воспаленія подреберной плевы, брюшины и проч. Иногда замѣчались размягченіе и желчная острая атрофія печени (по Рокитанскому). Въ желчныхъ же протокахъ намъ никогда не удавалось найдти механическаго препятствія для истеченія желчи.

Замѣчательно, что при злокачественной желтухѣ новорожденныхъ, не смотря на воспалительные процессы, находимые во многихъ внутреннихъ органахъ, и на быстрое теченіе болѣзни (среднимъ числомъ 6 дней), бурныхъ лихорадочныхъ явленій не бываетъ и температура тѣла ребенка никогда не возвышается болѣе 30° R. и даже падаетъ на 28, 5°. Служитъ-ли это признакомъ угнетающаго на нервы вліянія задержанныхъ желчныхъ началъ, или не есть-ли это обозначеніе чрезмѣрной слабости организма нашихъ дѣтей, которая и многимъ другимъ жестокимъ воспалительнымъ

болѣзнямъ сообщаетъ такое же тихое, безлихорадочное теченіе?

Неоднократно, при желтухѣ новорожденныхъ, мы предпринимали химическое изслѣдованіе присутствія сахара въ печени, и результатъ всегда былъ отрицательный. И такъ отсутствіе сахара въ печени, еслибы оно было постоянно, не открываетъ-ли новаго взгляда на ближайшую этіологію болѣзни; въ самомъ дѣлѣ изъ опыта извѣстно, что растворъ сахара препятствуетъ диффузіи желчнаго пигмента, и весьма вѣроятно, что угнетающее вліяніе желчи на мозгъ дѣйствуетъ противоположно такъ называемому Клодъ-Бернаровскому сахарному уколу (piqûre glycogènique) и уничтожаетъ сахаротворную способность печени.

Первый видъ желтухи излечивается легко самъ собою, при сообразномъ содержаніи ребенка, и почти не требуетъ лекарствъ; другой же видъ злокачественной желтухи не уступаетъ никакому леченію.

Д. КРОВЯНАЯ ОПУХОЛЬ ГОЛОВЫ.

(CEPHALAEMATOMA).

Болѣзнь эта поражаетъ исключительно новорожденныхъ дѣтей. Мы никогда не видали, чтобы она произошла иначе, какъ въ связи съ родовымъ актомъ. Случаи этой болѣзни рѣдки: въ продолженіе года ихъ бываетъ въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ пять или шесть. Опаснѣйшіе виды этой болѣзни—кровотеченія подъ pericranium и сверхъ твердой оболочки мозга (thrombus internus); менѣе опасна та кровяная опухоль, которая образуется сверхъ galea aponeurotica, вслѣдствіе продолжительнаго и труднаго прорѣзыванія головки во время рожденія ребенка (caput succedaneum). Многолѣтній опытъ научилъ насъ не прибѣгать, при леченіи этой болѣзни, къ хирургическимъ дѣйствіямъ: разрѣзу, проколу, давленію, прижиганію и проч. Мы получали очень счастливые результаты, просто выбривая волосы надъ опухолью и покрывая ее emplastro de galbano crocato cum empl. diachylo composito. Этимъ средствомъ удавалось разрѣшать опухоль въ теченіи 3—4 недѣль.

Е. ЗАТВЕРДѢНІЕ КЛѢТЧАТКИ.

(SCLEROMA NEONATORUM).

Въ парижскомъ и вѣнскомъ воспитательныхъ домахъ затвердѣніе клѣтчатки составляетъ одну изъ самыхъ обыкновенныхъ и ежедневно встрѣчаемыхъ болѣзней: въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ, хотя частная склерома и не составляетъ рѣдкости, но общее затвердѣніе клѣтчатки встрѣчается не болѣе 5—6 разъ въ годъ, т. е. почти у одного ребенка изъ двухъ тысячь дѣтей.

Этою болѣзнью бываютъ одержимы младенцы, или недоношенные, или крайне слабые, и притомъ всегда пораженные желтухою; такимъ образомъ связь между этими тремя состояніями, хотя необъясненная еще патологически, въ отношеніи статистическомъ не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Прогрессивнаго развитія этой болѣзни, начинающейся отъ стопъ, икръ и переходящей постепенно на бедра, животъ, дѣтородныя части и т. д., намъ наблюдать не приходилось, хотя сомнѣваться въ возможности такого хода болѣзни мы права не имѣемъ.

Вскрытія постоянно обнаруживали осложненіе склеромы съ atelectasis легкихъ. Нельзя отвергать здѣсь, что во многихъ случаяхъ играетъ важную роль сифилитическое худосочіе; по крайней мѣрѣ въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ весьма часто замѣчается осложненіе склеромы съ пузырчатой сыпью на ступняхъ и ладоняхъ (pemphygus syphiliticus). Понятно, что общее затвердѣніе клѣтчатки исключаетъ всякую возможность излеченія, тогда какъ мѣстное излечивается нерѣдко, посредствомъ употребленія снаружи средствъ согрѣвающихъ, а внутрь—возбуждающихъ (moschus, camphora и проч.).

Ж. БОЛѢЗНИ ПУПКА.

Воспаленіе пупочныхъ сосудовъ, изъязвленіе и омертвеніе пупка, пупочныя кровотеченія, наконецъ пупочныя грыжи составляютъ, въ отношеніи младенцевъ Воспитательнаго Дома, классъ болѣзней, случающихся весьма часто, патологія которыхъ давно на столько обработана, что уже едва-ли и остается что къ ней прибавить.

Многочисленныя вскрытія труповъ, произведенныя въ Воспитательномъ Домѣ, даютъ поводъ думать, что между изъязвленіемъ пупка и развитіемъ сжатія челюстей у дѣтей не существуетъ никакой связи. Въ самомъ дѣлѣ первая болѣзнь необыкновенно часта, а послѣдняя очень рѣдка.

Причину изъязвленія и омертвенія пупка не всегда можно отыскивать въ механическихъ случайностяхъ. Правда, что дурная и несообразная съ цѣлью епревязка пуповины вызываетъ воспаленіе и нагноеніе остатка пуповины; но съ устраненіемъ вредной перевязки болѣзнь проходитъ легко и скоро. Напротивъ, очень часто можно было наблюдать, что воспаленіе, не ограничивающееся пораженнымъ мѣстомъ, но проникающее въ глубь и въ ширину, производитъ омертвеніе брюшныхъ покрововъ и вызываетъ рожистый процессъ и воспаленіе венъ, со всѣми худыми ихъ послѣдствіями. Піэмическое свойство такой болѣзни очевидно само собою.

Пупочныя же кровотеченія въ большинствѣ случаевъ суть выраженіе кровоточивой наклонности ребенка, и поэтому наблюдаются почти всегда вмѣстѣ съ другими сходными явленіями: съ кровяной рвотой и испражненіями, съ подкожными кровоизліяніями и проч. и даже иногда, — съ кровавой опухолью головы.

G. ВОСПАЛЕНІЕ ГЛАЗЪ.

(CONJUNCTIVITIS BLENORRHOICA NEONATORUM).

Больныхъ съ воспаленіемъ глазъ ежегодно бываетъ въ Домѣ до 15% изъ общаго числа больныхъ. Выздоравливаетъ около двухъ третей, умираетъ около третьей части. У многихъ выздоровѣвшихъ остаются большія или меньшія потемнѣнія роговой оболочки на обѣихъ глазахъ, или на одномъ, вслѣдствіе пятенъ и рубцовъ. Значительная смертность отъ воспаленія глазъ объясняется продолжительнымъ теченіемъ болѣзни, которая даетъ время развиться здѣсь многочисленнымъ и опаснымъ осложненіямъ. Гноеточивое воспаленіе глазъ въ высшей степени заразительно: начавшись съ одного глаза у ребенка, оно переходитъ часто и на другой, а при неосторожности легко сообщается кормилицѣ, прислугѣ и другимъ дѣтямъ. Является оно преимущественно у новорожденныхъ; но происходитъ-ли оно вслѣдствіе зараженія отъ матери (подобно зараженію трипперному), при прохожденіи головки ребенка чрезъ родовые пути, — рѣшить трудно. Нѣкоторые случаи разрушенія глазъ (staphyloma, atrophia bulbi), съ которымъ младенцы рождались на свѣтъ, наводятъ на ту мысль: не совершилась-ли вся болѣзнь еще въ утробѣ матери? — Невозможно также отнести происхожденіе этой болѣзни ко внѣшнимъ причинамъ, подѣйствовавшимъ тотчасъ послѣ рожденія, каковы, напр., слишкомъ яркій свѣтъ, холодъ, нечистота воздуха и проч., потому что эти причины слишкомъ общи, притомъ младенецъ рождается съ плотносомкнутыми глазами. Нѣтъ ничего обыкновеннѣе, какъ видѣть ребенка чрезъ нѣсколько лишь часовъ послѣ его рожденія, и со свѣжею еще пуповиной, но уже страждущаго воспаленіемъ глазъ въ сильнѣйшей степени.

Въ прежнее время больные съ воспаленіемъ глазъ не отдѣлялись отъ другихъ больныхъ; но лѣтъ 7 тому назадъ для нихъ, по заразительности болѣзни, назначена особая палата. Должно сознаться однако, что и соединеніе въ одномъ мѣстѣ этихъ больныхъ также имѣло свои худыя послѣдствія. Въ зимнее время, когда провѣтриваніе залъ не можетъ быть вполнѣ достаточно, по временамъ вспыхивала эпидемія дифтеритическаго воспаленія глазъ, а эта болѣзнь въ прежнее время была въ Домѣ почти неизвѣстна. Въ сильной степени дифтеритъ глазъ въ первый разъ былъ въ октябрѣ 1860 года. Число больныхъ въ глазномъ лазаретѣ внезапно возрасло, и, отъ накопленія больныхъ и отъ порчи воздуха, болѣзнь въ тойже злокачественной формѣ стала распространяться на другихъ находящихся въ палатѣ дѣтей, у которыхъ болѣзнь шла повидимому благополучно.

Безъ сомнѣнія эта эпидемія находилась въ тѣсной связи съ дифтеритическимъ воспаленіемъ горла, часто появлявшимся въ то время въ Москвѣ и отразившимся частію даже у насъ въ Домѣ.

Съ принятіемъ мѣръ противъ чрезмѣрнаго

накопленія больныхъ въ ограниченномъ пространствѣ и при строгой осторожности, чтобы заразительная матерія не могла придти въ соприкосновеніе съ другими дѣтьми, случаи дифтерита глазъ къ декабрю мѣсяцу были много рѣже. Тѣмъ не менѣе въ эту кратковременную, но въ высшей степени злокачественную глазную эпидемію мы потеряли большое количество больныхъ. Съ того времени дифтеритическая форма воспаленія глазъ не переставала по временамъ показываться въ Домѣ, хотя уже въ слабѣйшей степени; впрочемъ болѣзнь эта лишь у немногихъ проходитъ благополучно; большею же частію ведетъ къ проѣдающимъ язвамъ роговой оболочки, къ размягченію и воспаленію всего глазнаго яблока (panophtalmitis).

Послѣднее чаще случалось у дѣтей, одержимыхъ въ тоже время другою какою-либо важною болѣзнію, какъ то: воспаленіемъ дыхательныхъ путей, сифилисомъ и особенно оспою. Иногда дифтеритъ глазъ шелъ вслѣдъ за оспопривитіемъ, вслѣдствіе усиленной общей реакціи. У дѣтей, потерявшихъ зрѣніе, большею частію постепенно развивается малокровіе; разрушенный глазъ, не проводя болѣе оживляющихъ нервную систему лучей свѣта, ставитъ человѣка въ тѣже самыя условія, какъ будто организмъ его совершенно лишенъ свѣта. Въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ всѣми замѣчено, что дѣти рано ослѣпнувшія почти всѣ погибаютъ.

Отсюда очевидна важность немедленнаго распознаванія различія между доброкачественнымъ и дифтеритическимъ воспаленіемъ глазъ. Послѣднее узнается по усиленной припухлости вѣкъ, набухлости подлежащей клѣтчатки, и въ тоже время по блѣдности и малокровію слизистой оболочки, на которой вполнѣ отсутствуютъ грануляціи; слизистая оболочка представляется гладкою, грязною, какъ-бы сальною; отдѣляемое бываетъ жидкимъ, ѣдкимъ, изъязвляющимъ окружность глазъ. Чѣмъ раньше поражается роговая оболочка, тѣмъ больше опасности разрушенія глаза.

При леченіи простаго гнойнаго воспаленія глазъ, способъ, предложенный проф. Грефе, состоящій въ ежедневныхъ прижиганіяхъ лаписомъ (argento nitrico mitigato), вмѣстѣ съ насѣчками соединительной оболочки глазъ, не давалъ столь хорошихъ результатовъ, какъ прижиганіе чистымъ лаписомъ, повторяемое черезъ 3—4 дня и даже рѣже. Послѣ такихъ прижиганій, при отпаденіи струпа, показывается значительное кровотеченіе, замѣняющее кровопусканіе.

Употребляемый нами способъ леченія состоитъ въ слѣдующемъ: а) частое промываніе глазъ легкой струей тепловатой воды изъ аппарата Фробеліуса; б) потрогиваніе соединительной оболочки глазъ лаписомъ, или же потрогиваніе кисточкой, намоченной въ крѣпкомъ растворѣ лариса (10 гр. на ℥j воды); с) за тѣмъ нейтрализованіе излишняго селитрокислаго серебра слабымъ растворомъ поваренной соли; и наконецъ—d) вторичное промываніе глазъ водою.

Легкая степень воспаленія требуетъ введенія въ глазъ по каплямъ лишь слабыхъ растворовъ лариса (1 гр. на ℥j воды).

Употребленіе холодныхъ (снѣжныхъ) примочекъ у дѣтей совершенно непримѣнимо; онѣ производятъ сильный насморкъ, лишающій ребенка возможности брать грудь; также нерѣдко вслѣдъ за тѣмъ развиваются воспаленія дыхательныхъ вѣтвей и самыхъ легкихъ, съ обычными ихъ исходами.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда угрожаетъ дифтеритъ глазъ, или когда эта форма воспаленія развилась уже вполнѣ, непремѣнно должно остерегаться всякаго сильнаго раздраженія глазъ какими бы то ни было веществами, потому что отъ этого глазъ еще скорѣе разрушается. Дифтеритъ глазъ относится именно къ тѣмъ болѣзнямъ, которыя легче предотвратить, нежели излечить.

БОЛѢЗНИ ПИЩЕВАРИТЕЛЬНЫХЪ ОРГАНОВЪ.

А. МОЛОЧНИЦА, ПЛЕСЕНЬ.

(SOOR, STOMATITIS PSEUDOMEMBRANACEA.)

Молочница есть болѣзнь эндемическая въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ, также какъ и во всѣхъ воспитательныхъ домахъ вообще. Отъ легкой молочницы не избавляется

почти ни одинъ ребенокъ; она составляетъ важную болѣзнь лишь при необыкновенно-сильномъ развитіи и переходѣ въ такъ называемую *гнилую молочницу*. Обыкновенно молочница развивается на 4-й или 5-й день, по принятіи ребенка въ Домъ, и среднимъ числомъ продолжается 18 дней; наибольшая продолжительность соорнаго процесса—29 дней, наименьшая—4 дня.

Если условія неблагопріятны, то молочница нападаетъ и проходитъ у одного ребенка по нѣскольку разъ; и тогда большею частію она сопровождается другими важнѣйшими страданіями, какъ то: поносомъ, воспаленіями, эклямпсіею, сухоткой, худосочіями и проч. При такихъ-то осложненіяхъ болѣзнь является гнилою молочницею; продуктъ ея, изслѣдуемый подъ микроскопомъ, при помощи раствора ѣдкаго поташа, въ которомъ распускаются протеинныя вещества, представляетъ, кромѣ разрастанія эпителіальныхъ клѣточекъ и накопленія безформенной мелкозернистой массы, еще разрастаніе нитей и споръ плесени (ooidium albicans) въ чрезвычайно большомъ количествѣ. Послѣ простой молочницы никогда не бываетъ во рту изъязвленій;—гнилая же часто оставляетъ по себѣ обширныя разрушенія слизистой оболочки рта, что и доказываетъ ея эксудативный характеръ, подобный дифтеритическому.

При многочисленныхъ изслѣдованіяхъ труповъ дѣтей, умершихъ отъ гнилой молочницы съ ея многочисленными осложненіями, никогда не замѣчено распространенія соорнаго процесса далѣе окончанія пищепріемника и далѣе надгортаннаго хряща (epiglottis),—и потому можно принять положительно доказаннымъ, что распространеніе молочницы на желудокъ и кишки, равно и на дыхательныя вѣтви, принадлежитъ къ области неосновательныхъ преданій.

Въ прежнія времена для леченія молочницы употреблялась бура (borax) въ растворѣ въ меду или различныхъ сыропахъ. Но извѣстно, что сахаристыя, равно какъ и крахмальныя вещества чрезвычайно благопріятствуютъ развитію плесени, и потому въ Воспитательномъ Домѣ уже въ теченіе многихъ лѣтъ употребляется глицеринъ, какъ растворяющее вещество для средствъ, противопоставляемыхъ молочницѣ. Глицеринъ самъ по себѣ есть средство противугнилостное и растворяющее соорныя образованія; принятый ребенкомъ внутрь, онъ не возбуждаетъ въ желудкѣ, подобно сахаристымъ веществамъ, того кислаго броженія, отъ котораго бываютъ желудочно-кишечный катарръ и поносъ. Въ соединеніи же съ бурой, или еще лучше—съ хлористымъ потассіемъ, глицеринъ составляетъ отличное противугнилостное средство при гнилой молочницѣ. Глицеринъ обыкновенно прописывается такъ:

Rp. Chlorat. potass. ʒj
glycerini puri ℥j. m. d. s.

Мазать во рту 2—4 раза въ день. При гнилой молочницѣ сверхъ сего былъ назначаемъ слабый растворъ aq. oxymuriaticae въ водѣ (ʒj на ℥vj.)

в. КИШЕЧНЫЙ КАТАРРЪ.

(DYSPEPSIA, CATARRHUS INTESTINALIS).

Кишечный катарръ случается съ дѣтьми весьма часто и нерѣдко бываетъ предвѣстникомъ болѣе опасныхъ страданій: серознаго поноса, дизентерій, дѣтской холеры и проч. Болѣзнь эта преимущественно является въ зимніе и осенніе мѣсяцы, и тогда осложняется съ катарромъ дыхательныхъ органовъ. Самый характеристическій признакъ этого страданія—измѣненіе нормальнаго качества испражненій. Они всегда имѣютъ сильно кислую реакцію, большею частію представляются зеленаго цвѣта, или зеленѣютъ отъ прикосновенія съ воздухомъ и бѣльемъ, и содержатъ бѣловатые комочки свернувшагося казеина молока. Зеленый цвѣтъ испражненій зависитъ здѣсь не отъ примѣси крови, какъ полагалъ Голдингъ-Бирдъ, но отъ измѣненія красящаго начала желчи (биливердина), что обнаруживается реакціей селитряной кислоты. Непонятно, почему французскіе врачи (Баронъ, Валле и др.) считаютъ зеленыя испражненія дѣтей за опасное явленіе; противъ этого припадка есть достаточно надежныя средства, особенно при правильномъ кормленіи ребенка, таковы: Гуфландовы дѣтскіе порошки, или легкій растворъ kali carbonici in infuso ipecacuanhae. Если появляются колики

и рвота, и испражненія учащаются, то и это скоро проходитъ отъ небольшаго количества nuc. vomicae.

С. СЕРОЗНЫЙ ПОНОСЪ И ДѢТСКАЯ ХОЛЕРА.

(DIARRHOEA SEROSA ET CHOLERA INFANTUM).

Совсѣмъ другое, чѣмъ предыдущая болѣзнь, даетъ предсказаніе поносъ серозный. Извѣстно, что поносъ есть бичь воспитательныхъ домовъ,— и въ Московскомъ Домѣ изъ числа всѣхъ больныхъ 12, 5°/₀ заболѣваютъ поносомъ, а изъ 100 такихъ больныхъ умираетъ среднимъ числомъ 47, и иногда 55. Серозный поносъ наичаще встрѣчается въ лѣтніе мѣсяцы года: въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ, и во многихъ случаяхъ, по быстротѣ своего теченія и главнымъ припадкамъ, не отличается отъ такъ называемой дѣтской холеры. Появленіе поносовъ постоянно совпадаетъ со временемъ недостатка въ кормилицахъ. Отличительнымъ признакомъ лѣтнихъ поносовъ служатъ: a) сильно выраженная молочница (soor) съ губчатымъ, желто-сѣрымъ, кисло-пахучимъ эксудатомъ, съ обильнымъ на немъ разрастаніемъ растительныхъ паразитовъ, и преимущественно та форма молочницы, которая выше описана подъ названіемъ гнилой; b) быстрый упадокъ силъ и синюха, зависящая здѣсь отъ легочнаго коллапса; c) весьма жидкія, водянистыя, всегда, впрочемъ, окрашенныя желчью испражненія, которыя бываютъ большею частію не столько обильны, сколько часты; d) присутствіе бѣлка въ этихъ жидкихъ испражненіяхъ, которыя отъ прилитія селитряной кислоты свертываются въ видѣ яичнаго бѣлка; подобной реакціи при катарральномъ поносѣ не бываетъ. Рвота при серозныхъ поносахъ случается часто, но не всегда. Серозный поносъ обыкновенно поражаетъ дѣтей уже находящихся въ лазаретахъ и особенно сухоточныхъ; тогда эти послѣднія послѣ 4—5 серозныхъ испражненій уже на краю гибели.

Вообще поносъ легко осложняется съ другими болѣзнями; такъ слишкомъ двѣ трети такихъ больныхъ имѣли молочницу; у 25°/₀ было осложненіе съ воспаленіемъ легкихъ; у 5°/₀ замѣчена эклямпсія (eclampsia); у многихъ развивались послѣдовательно многочисленныя нагноенія; наконецъ—малокровіе и гидроцефалоидныя явленія суть постоянные его спутники.

Быстрый поносъ (cholera infantum), оканчивающійся смертію въ 2—3 дня, оставляетъ въ трупѣ слѣды весьма непостоянные и часто незначительные. Большею частію замѣчается только гиперэмія однихъ органовъ (мозга, легкихъ) и малокровіе другихъ (печени).

Когда болѣзнь была менѣе быстра, тогда въ трупахъ видно: спаденіе тѣла (collapsus), венозная гиперэмія мозга и его оболочекъ, анэмія печени, увеличеніе уединенныхъ сумокъ въ толстыхъ кишкахъ и набухлость Пейеровыхъ бляшекъ, разрыхленіе слизистой оболочки и отслойка эпителія къ кишкахъ на большомъ протяженіи, а также клейкая и безцвѣтная жидкость на серозныхъ оболочкахъ.

Во всякомъ случаѣ мы пришли къ тому общему выводу, что серозный поносъ (сопровождаемый колотьемъ или нѣтъ) не имѣетъ постояннаго анатомическаго субстрата; sedes morbi не находится всегда въ одномъ и томъ же отдѣлѣ кишечнаго канала; напротивъ, этой болѣзни соотвѣтствуютъ разныя измѣненія въ различныхъ частяхъ кишекъ, иногда даже не столько самыхъ кишекъ, сколько сальника.

При леченіи поносовъ мы держались, такъ сказать, разумной эмпиріи. Каковъ бы ни былъ взглядъ врачей на причину дѣтскихъ поносовъ: принимаютъ-ли они теорію кислаго броженія въ кишкахъ—видятъ-ли въ этой болѣзни непомѣрно-усиленное перистальтическое движеніе—принимаютъ-ли здѣсь катарръ, или воспалительное состояніе кишекъ, или простую гиперэмію съ усиленнымъ выдѣленіемъ сыворотки—считаютъ-ли, наконецъ, причиною поносовъ разрушеніе кишечнаго эпителія—рецептъ леченія всегда слагается изъ однихъ и тѣхъ же немногихъ, давно признанныхъ полезными, средствъ; таковы: ипекакуана, ревень, соляная кислота, каломель, челибуха, опій, уксусокислый свинецъ. Въ хроническихъ случаяхъ нерѣдко оказывало хорошее дѣйствіе селитрокислое серебро внутрь и въ клистирахъ.

Нельзя не упомянуть объ особомъ способѣ давать лекарство груднымъ дѣтямъ, желудокъ и кишки которыхъ находятся въ раздраженномъ

состоянiи. Если ребенокъ употребляетъ лекарство растворенное въ водѣ, то нерѣдко тотчасъ же извергаетъ его назадъ рвотой; тоже средство, даваемое въ молокѣ кормилицы, удерживается въ желудкѣ.

D. ВОСПАЛЕНIЕ КИШЕКЪ.

(ENTERITIS).

Отъ формы болѣзни, тотчасъ описанной нами, трудно отличить воспаленiе кишекъ. Часто подъ именемъ воспаленiя кишекъ разумѣется тотъ же процессъ, что бываетъ при серозныхъ поносахъ, но только сопровождаемый болями въ животѣ (коликами, колотьемъ) и протекающiй не такъ быстро. Это объясняетъ, почему относительное число больныхъ воспаленiемъ кишекъ въ разные годы показывалось различно — отъ двухъ до четырехъ процентовъ; изъ заболѣвшихъ умираетъ здѣсь болѣе трехъ четвертей. Болѣзнь обыкновенно начинается какъ желудочно-кишечный катарръ, но здѣсь испражненiя долго остаются дiарройными, прiобрѣтаютъ чесночный запахъ, раздражаютъ и даже изъязвляютъ окружность задняго прохода и внутреннюю поверхность бедръ и даже голеней. Ребенокъ часто вскрикиваетъ; лице выражаетъ безпокойство и страданiе. Къ этому присоединяется лихорадка; температура тѣла возвышается до 31,5 и 32° R. Отличительнымъ явленiемъ здѣсь служитъ быстрое исхуданiе тѣла; подкожный жиръ исчезаетъ, глаза глубоко вваливаются, мышцы истончаются, кожа повисаетъ большими складками на костяхъ, черепныя кости надвигаются одна на другую. Послѣднее явленiе доказываетъ, что, при общей потерѣ жира въ тѣлѣ, онъ исчезаетъ даже въ мозгѣ. Въ этомъ именно перiодѣ болѣзни и являются у ребенка тѣ припадки, которые Маршаль-Галль описалъ подъ именемъ *гидроцефалоида*; это ничто иное, какъ атрофiя и малокровiе мозга. При умѣренной степени и при началѣ воспаленiя въ кишкахъ, часто удается побѣдить болѣзнь, давая внутрь каломель съ небольшимъ количествомъ опiя и съ масляной микстурой. Снаружи очень успѣшно употреблялись согрѣвающiе компрессы на животъ ребенка и Эйзенмановскiе клистиры изъ теплой воды. Морфiй хотя и есть лучшее успокоивающее боли средство, но его не должно давать въ концѣ болѣзни,—при упадкѣ силъ, онъ только ускоряетъ печальный исходъ. Въ этомъ послѣднемъ перiодѣ, повидимому уже близкомъ къ агонiи, при крайнемъ упадкѣ силъ, иногда полезна iодная настойка (gtt. j ad aq. dest. ℥j), даваемая 3 раза въ день по чайной ложечкѣ, попеременно съ мускусомъ gr. $^1/_4$, тоже 3 раза).

E. КИШЕЧНЫЯ КРОВОТЕЧЕНIЯ.

(ENTERORRHAGIA).

Въ Воспитательномъ Домѣ болѣзнь эта встрѣчается рѣдко и никогда не обращается въ эпидемiю. Кишечныя кровотеченiя обнаруживаются преимущественно у худосочныхъ дѣтей. Если болѣзнь эта случалась на первыхъ дняхъ жизни, то составляла мѣстное выраженiе, такъ называемой melaenae neonatorum, при которой, кромѣ кровавыхъ испражненiй, бываютъ еще кровавая рвота и кровотеченiя въ другихъ органахъ, что указываетъ на разжиженiе крови. Но у болѣе взрослыхъ дѣтей, на 2—4 недѣлѣ жизни, эти кровавыя испражненiя составляли побочное явленiе при многихъ другихъ болѣзняхъ: при атрофiи, при долевой и дольцевой пневмонiи, при пiэмiи и пр.

При вскрытiи труповъ, трудно бываетъ указать на мѣсто этихъ кишечныхъ кровотеченiй. Замѣчалось иногда erosio neshaemorrhagicae желудка; но въ большей части случаевъ въ кишкахъ не находилось слѣдовъ разрушенiя.

F. ВОСПАЛЕНIЕ БРЮШИНЫ

(PERITONITIS).

Воспаленiе брюшины съ фибринознымъ и гнойнымъ эксудатомъ нерѣдко бывало замѣчаемо у дѣтей новорожденныхъ, тогда какъ у болѣе взрослыхъ этой болѣзни, какъ извѣстно, почти вовсе не видно. Ежегодно въ Воспитательномъ Домѣ бываетъ до 10 или 15 случаевъ этой болѣзни.

Большею частiю воспаленiе брюшины есть мѣстное выраженiе пiэмiи, и процессъ этотъ часто начинается при ихорозномъ изъязвленiи пупка и воспаленiи пупочныхъ сосудовъ.

При жизни, распознаванiе этой болѣзни у грудныхъ дѣтей не легко. Обыкновенно при

этомъ не замѣчалось никакихъ лихорадочныхъ движеній; больныя дѣти казались совершенно спокойными, лишь неукротимая рвота, упорный запоръ со вздутіемъ живота и, подъ конецъ жизни, рвота каломъ заставляли подозрѣвать воспаленіе брюшины. Болѣзнь недоступна для излеченія и всегда оканчивалась смертію.

III. БОЛѢЗНИ ДЫХАТЕЛЬНЫХЪ ОРГАНОВЪ.

A. НАСМОРКЪ.

(CORUZA).

Насморкъ,—болѣзнь ничтожная у взрослыхъ, составляетъ важное страданіе у грудныхъ дѣтей по своимъ послѣдствіямъ и по своему значенію. Весьма часто онъ бываетъ первымъ проявленіемъ наслѣдственнаго сифилиса, и потому дѣти, пораженныя имъ не должны быть упускаемы изъ вида до полнаго выздоровленія. Но насморкъ и самъ по себѣ, препятствуя ребенку въ должной степени сосать грудь, влечетъ за собою атрофію тѣла.

B. ДИФТЕРИТЪ И КРУПЪ.

(ANGINA MEMBRANACEA, DIPFTERITICA ET LARYNGITIS MEMBRANACEA, CROUPOSA).

Обѣ эти болѣзни составляютъ принадлежность дѣтей старшаго возраста, почему въ Воспитательномъ Домѣ онѣ всегда встрѣчались какъ случаи исключительные. Ими поражались дѣти, отправленіе которыхъ въ деревни замедлилось до 4-го и 5-го мѣсяца отъ ихъ рожденія. Замѣчательно, что въ Воспитательномъ Домѣ дифтеритъ почти всегда предшествуетъ крупу. Въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ однако болѣзнь постоянно оказывалась особенно злокачественною и никогда не допускала излеченія.

C. ВОСПАЛЕНІЕ ДЫХАТЕЛЬНЫХЪ ВѢТВЕЙ И ЛЕГОЧНЫЙ КАТАРРЪ.

(BRONCHITIS ET BRONCHITIS CAPILLARIS).

Эти болѣзни очень часто соединялись другъ съ другомъ и съ воспаленіемъ легкихъ (pneumonia). Катарромъ дыхательныхъ вѣтвей ежегодно поражалось до 5% изъ общаго числа больныхъ; изъ заболѣвшихъ такимъ катарромъ выздоравливаетъ постоянно болѣе половины; капиллярнымъ бронхитомъ поражалось до 2%, и изъ нихъ едвали выздоравливала десятая часть. Воспаленіе дыхательныхъ вѣтвей замѣчалось преимущественно у дѣтей уже болѣе взрослыхъ—одного или двухъ мѣсяцевъ; напротивъ, такъ называемая, катарральная пневмонія встрѣчалась чаще у дѣтей, въ продолженіе первыхъ четырехъ недѣль отъ ихъ рожденія. Бронхитъ чаще всего осложнялся желудочно-кишечнымъ катарромъ (diarrhaea catarrhalis); пневмонія же, какъ замѣчено выше, бывала преимущественно при болѣе тяжкихъ страданіяхъ кишечнаго канала: при серозныхъ поносахъ и при воспаленіи кишекъ. Съ послѣднимъ обстоятельствомъ связывается то, что бронхитъ чаще случался въ холодные и сырые мѣсяцы года: въ декабрѣ, январѣ, февралѣ и мартѣ, и тогда нерѣдко являлся въ видѣ настоящей эпидеміи. Напротивъ пневмонія открывалась въ лѣтніе мѣсяцы и бывала большею частію страданіемъ вторичнымъ; она-то именно и была окончательнымъ страданіемъ, условливавшимъ губительность многихъ другихъ болѣзней. Какъ-бы ни былъ ничтоженъ у груднаго ребенка катарръ легкихъ, имъ ни въ какомъ случаѣ пренебрегать не слѣдуетъ, имѣя въ виду бѣдственную возможность распространенія катарральнаго процесса на легочные пузырьки (bronchitis capillaris) и вслѣдъ за тѣмъ образованіе отека легкихъ, эмфиземы, ателектаза, пневмоніи,—болѣзней, которыя, при нѣкоторой степени развитія, едвали излечимы. Здѣсь особенно важно заблаговременно узнать переходъ безлихорадочнаго, длительнаго катарра въ острый, лихорадочный, потому что наблюденіе научило насъ, что распространеніе бронхита на воздухоносные пузырки происходило всегда при значительномъ повышеніи температуры тѣла. По этому термометрія у грудныхъ дѣтей чрезвычайно важна и необходима. При простомъ лихорадочномъ бронхитѣ температура восходила до 31° R., держалась на этой высотѣ въ продолженіе 2—3 дней, и потомъ съ незначительными колебаніями, чрезъ недѣлю или двѣ, дѣлалась нормальною. При переходѣ же болѣзни въ капиллярный бронхитъ и пневмонію, температура возвышалась до 32—33° R. Послѣдняя цифра всегда служила дурнымъ предсказаніемъ.

При леченіи бронхита, особенно важно вос-

пользоваться временемъ перехода его изъ безлихорадочной болѣзни въ острую. Въ это время лучшими средствами служитъ: ipecacuanha, calomel, natrum nitricum cum vino stibiato, рвотное изъ oxymel. squillae съ ипекакуаной. При анэмическомъ тѣлосложеніи употребляются съ пользою flores salis ammoniaci martiales. Снаружи очень хорошо дѣйствовали согрѣвающіе теплые компрессы на грудь.

Д. ВОСПАЛЕНІЕ ЛЕГКИХЪ И ПОДРЕБЕРНОЙ ПЛЕВЫ.

(PNEUMONIA ET PLEURITIS).

Эти два пораженія, близкія между собою, хотя и отличныя съ анатомической стороны, на практикѣ распознаются очень трудно, тѣмъ болѣе, что выпотѣніе въ подреберныхъ плевахъ необыкновенно легко присоединяется къ пораженію легочной ткани. Можно безошибочно сказать, что изъ общаго числа умирающихъ въ Домѣ дѣтей третья часть страдала пневмоніею, какъ осложненіемъ другихъ болѣзней; въ трупѣ почти каждаго ребенка есть слѣды пневмоніи. А бываютъ и такіе мѣсяцы, что, не смотря на столь частые случаи этой болѣзни, она по отчетамъ показывается рѣдко, потому что большею частію ей предшествуютъ другія страданія,—и сама болѣзнь часто маскируется ими. Вслѣдствіе этого мы, къ сожалѣнію, не можемъ представить точныхъ статистическихъ данныхъ о появленіи двухъ формъ пневмоніи: *катарральной и крупозной*. Сколько рѣшительны признаки пневмоніи долевой, столько же темны и обманчивы явленія при лобулярной пневмоніи. По неопредѣленности или по отсутствію измѣненій въ дыхательномъ шумѣ распознаваніе здѣсь основывается не на физическомъ уже изслѣдованіи, но на присутствіи сильныхъ лихорадочныхъ движеній и на затруднительномъ дыханіи. Ни въ одной, можетъ быть, болѣзни грудныхъ дѣтей температура тѣла не доходитъ до такой высокой цифры, какъ при пневмоніи. Возвышеніе температуры тѣла до 34° часто означаетъ существованіе крупозной пневмоніи вмѣстѣ съ выпотѣніемъ въ подреберной плевѣ. Вскрытіе пневмониковъ не представляло ничего особенно интереснаго; замѣтимъ только, что опечененіе легкихъ у дѣтей чрезвычайно рѣдко достигаетъ до третьей своей степени—образованія сѣраго опечененія и гнойной инфильтраціи. Однако каверны съ гноемъ (vomicae) бываютъ и у дѣтей этого возраста. Эти каверны находились среди отвердѣвшей, воспаленной ткани легкаго. Что касается до леченія пневмоніи грудныхъ дѣтей, то оно оказывалось не напраснымъ только у укрѣпившихся въ силахъ и достигшихъ по крайней мѣрѣ до 2-го мѣсяца жизни; въ отношеніи же къ прочимъ дѣтямъ эта болѣзнь, по своей губительности, опаснѣе даже самой дѣтской холеры.

Иногда очевидную пользу мы замѣчали отъ большихъ пріемовъ наперсточной травы (infus. herb. digit. purp. ex. gr. X. par. ℥jjj, употребить въ теченіи двухъ дней).

IV. БОЛѢЗНИ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ.

Труднѣйшій для діагностики отдѣлъ составляютъ болѣзни мозга у грудныхъ дѣтей. Тутъ распознаваніе всегда неполно и сомнительно, потому что нельзя имѣть показаній самого больнаго. Притомъ, такъ какъ сфера мозговой дѣятельности у грудныхъ дѣтей чрезвычайно ограничена, то первичное заболѣваніе мозга очень рѣдко, и поэтому, исключая цѣлый и огромный классъ болѣзней душевныхъ и нервныхъ, мы ограничимся только слѣдующими двумя формами, рѣзко выраженными и нѣкоторымъ образомъ свойственными груднымъ дѣтямъ.

А. ПРИПАДОКЪ, РОДИМЕЦЪ.

(ECCLAMPSIA).

Припадкомъ ежегодно поражается отъ 4 до 5% изъ общаго числа больныхъ, слѣд. эта болѣзнь является не менѣе часто, какъ и самая пневмонія. Изъ числа заболѣвшихъ припадкомъ едва выздоравливаетъ пятая часть. Полъ дѣтей не имѣетъ никакого вліянія на происхожденіе этой болѣзни, потому что въ общемъ итогѣ ею заболѣваютъ одинаковое число мальчиковъ и дѣвочекъ. Незамѣчено также и вліянія временъ года: въ разные годы наибольшее число заболѣвавшихъ припадкомъ бывало въ разные мѣсяцы. Интересно однако, что вмѣстѣ съ господствованіемъ пуерперальныхъ бо-

лѣзней въ родильныхъ госпиталяхъ и у насъ въ Домѣ возрастаетъ число дѣтей, пораженныхъ припадкомъ, и эта болѣзнь отличается тогда своею жестокостію.

Значительная смертность между больными этого рода доказываетъ, что употребляемый всѣми способъ леченія далеко неудовлетворителенъ, чѣмъ самымъ оправдываются попытки къ пріисканію, или лучшихъ эмпирическихъ средствъ, или къ основанію леченія на прочныхъ физіологическихъ данныхъ. Къ сожалѣнію единственно раціональное, основанное на этіологіи болѣзни, леченіе едвали возможно у грудныхъ дѣтей. Патологическая анатомія также ничего не указываетъ, и то, что замѣчается при вскрытіи труповъ, не объясняетъ ни формы, ни сущности болѣзни. Правда, что постоянно видимъ сильную гиперэмію мозга, переполненіе пазухъ твердой оболочки черною кровью, нерѣдко кровоизліянія въ мозгъ, полнокровіе въ легкихъ, особенно въ среднихъ и заднихъ частяхъ, экхимозы подъ внутренней пластинской подреберной плевы и околосердія; но всѣ эти явленія легко могутъ быть результатомъ асфиксіи. Вѣроятно, что судорожныя движенія, точно также какъ при падучей болѣзни у взрослыхъ, принимаютъ начало отъ узловатыхъ клѣточекъ продолговатаго мозга, которыя, какъ рефлекторныя узлы, по изслѣдованіямъ Шредеръ-фанъ-деръ-Колька, отличаются тѣмъ особеннымъ качествомъ, что будучи однажды приведены въ возбужденіе, разряжаются на подобіе аппарата электрическихъ рыбъ, и сообщаютъ свое дѣйствіе различнымъ нервнымъ нитямъ; а черезъ нѣсколько времени послѣ разряженія снова приходятъ на прежнюю степень возбудительности и получаютъ возможность къ новому заряженію.

Судорожныя движенія у грудныхъ дѣтей никогда не развиваются въ такой степени, какъ клоническія судороги у дѣтей болѣе взрослыхъ. Отъ того между дѣтьми Воспитательнаго Дома припадокъ выражается болѣе тихими судорогами, часто въ отдѣльныхъ лишь группахъ мышцъ: лица, шеи и груди; лицо синѣетъ или блѣднѣетъ, ребенокъ теряетъ сознаніе, коситъ глазами, иногда у рта появляется пѣна, нерѣдко окрашенная кровью: дыханіе дѣлается неровнымъ, прерывистымъ и часто прекращается даже на цѣлую минуту. Спустя 5—10 минутъ такого состоянія ребенокъ снова возвращается къ сознанію, получаетъ нормальное выраженіе лица и большею частію засыпаетъ. Болѣзнь идетъ съ полными перемежками; приступы ея повторяются 4—5, иногда даже 10 разъ въ сутки. Послѣ нѣсколькихъ приступовъ болѣзни бываетъ крайній упадокъ силъ. Въ большей части случаевъ главнымъ мѣстомъ, отъ котораго исходятъ рефлективныя раздраженія, служитъ кишечный каналъ; но нерѣдко также пневмонія, плевритъ encephalitis и др. могутъ принимать внѣшній видъ ecclampsiae.

При леченіи весьма полезна окись цинка (flores zinci); давно извѣстно, что это средство успокоиваетъ раздраженіе нервовъ кишечнаго канала и вообще нервной системы. Въ Воспитательномъ Домѣ пробовали соединять окись цинка съ каломелемъ, а при упадкѣ силъ съ мускусомъ въ слѣдующей формѣ:

Rp. flor. zinci gr $^1/_2$, calomel. gr $^1/_3$ (или mosch. gr. $^1/_8$), sacch. albi gr. jjj m. d. s. quater die pulvj. При такомъ леченіи необходимы и наружныя средства, оживляющія и возбуждающія дыхательныя движенія: ароматическія трепія груди, вспрыскиванія лица и груди водою, холодные компрессы къ головѣ, капанье эфира подъ ложечку, горчичники и проч.

В. СЖАТІЕ ЧЕЛЮСТЕЙ.

(TRISMUS NEONATORUM).

Болѣзнь въ высшей степени губительная, но къ счастію очень рѣдкая въ Воспитательномъ Домѣ. Ежегодно въ продолженіе весьма многихъ лѣтъ мы имѣемъ не болѣе 10 случаевъ этой болѣзни. Признаки болѣзни совершенно ясны и хорошо извѣстны. Tetanus всего тѣла встрѣчался чрезвычайно рѣдко.

Не смотря на точно извѣстный анатомическій субстратъ этой болѣзни: воспаленіе и кровоизліянія въ спинномъ мозгу,—терапія противъ нея безсильна, и болѣзнь могла бы быть названа безусловно смертельною, еслибы не были извѣстны два достовѣрные случая выздоровленія, описанные въ Московской Медицинской Газетѣ.

Правда, что болѣзнь эта находится въ нѣкоторой связи съ какими-то условіями, наступающими вскорѣ послѣ рожденія, потому что болѣзнь никогда не является послѣ двухъ недѣль жизни; но какія эти условія, неизвѣстно.

Причиннаго же соотношенія между тризмомъ новорожденныхъ и отпаденіемъ пуповины не существуетъ. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы сжатіе нервовъ рубцовою тканью пупка было причиною тризма, то эта болѣзнь встрѣчалась бы несравненно чаще. Изъязвленіе пупка также не влечетъ за собою столбняка.

V БОЛѢЗНИ КОНСТИТУЦІОНАЛЬНЫЯ.

A. МАЛОКРОВІЕ И БѢЛОКРОВІЕ.

(ANAEMIA ET LEUCAEMIA).

Малокровіе встрѣчается чрезвычайно часто, однако большею частію оно развивается лишь послѣдовательно, какъ результатъ пораженія органовъ кровотворенія и преимущественно послѣ страданій кишекъ. Отъ того анэмія почти всегда соединяется съ сухоткой. Въ числѣ умершихъ отъ поносовъ почти четвертая часть умираетъ именно вслѣдствіе малокровія и сухотки. Такія дѣти обыкновенно нѣсколько разъ поражаются молочницей, весьма легко вновь подвергаются страданіямъ кишечнаго канала; онѣ блѣдны, и истощеніе ихъ достигаетъ до самой крайней степени, такъ что вѣсъ тѣла уменьшается на половину, причемъ отекаютъ лице и оконечности. Черезъ мѣсяцъ или нѣсколько болѣе отъ первоначальной болѣзни больные умираютъ или отъ пораженія легкихъ (дольцевой пневмоніи), или при явленіяхъ такъ называемой *ложной головной водянки* (hydrocephalus spurius Marshall Halli, hydrocephaloides). Обыкновенными явленіями при послѣдней бывали: безсонница, большая раздражительность, внезапный жаръ въ головѣ, спаденіе родничковъ и иногда надвиганіе костей черепа одной на другую, вскрикиваніе, ускоренное дыханіе и лихорадочное состояніе, усиливавшееся къ вечеру.

При такомъ состояніи ребенка всего благодѣтельнѣе дѣйствуютъ хорошее питаніе и желѣзные препараты, особенно pyrophosphas ferri (по $^1/_6$ гр. два раза въ день), вѣроятно вслѣдствіе содержанія фосфора, столь необходимаго для питанія костей и нервнаго вещества. Къ малокровію можно отнести и бѣлокровіе (leucaemia), но такъ какъ болѣзнь эта открыта лишь въ новѣйшее время, то и не имѣемъ о ней надлежащихъ статистическихъ данныхъ.

B. ЗОЛОТУХА И БУГОРЧАТКА.

(SCROPFULAE ET TUBERCULOSIS).

Обѣ эти болѣзненныя формы ясно обнаруживаются лишь у болѣе взрослыхъ дѣтей, потому въ Воспитательномъ Домѣ онѣ являются рѣдко. Здѣсь золотухою заболѣваетъ лишь одинъ ребенокъ изъ двухъ сотъ, а бугорчатка едва наблюдается у 2-хъ изъ тысячи, и то уже у дѣтей, перешедшихъ за полгода жизни. Формы, въ которыхъ являлась золотуха, были слѣдующія: impetigo achor et larvalis, seborrhoea unisersalis, arthropathiae, eczema, otorrhaea, caries, adenitis, ozaena. Всѣ эти виды болѣзни часто осложняются одна другою.

При леченіи успѣшно употреблялись тресковый жиръ съ іоднымъ желѣзомъ, также aethiops antimonialis cum sulphure, снаружи ванны съ сѣрою.

C. ГНОЙНОЕ ХУДОСОЧІЕ.

(PYAEMIA).

Подъ именемъ піэміи разумѣютъ являющіяся сами собою на разныхъ частяхъ тѣла, или одновременно, или быстро слѣдующія другъ за другомъ отложенія гноя, что сопровождается быстротечнымъ, лихорадочнымъ состояніемъ и пораженіемъ внутреннихъ органовъ. Болѣзнь эта въ Воспитательномъ Домѣ эпдемически не показывалась, хотя это и случается въ большихъ госпиталяхъ. Тѣмъ не менѣе гнойное худосочіе спорадически бываетъ въ Домѣ нерѣдко, и такаго рода больныхъ бываетъ до 2% общаго числа занемогающихъ. Пораженія серозныхъ оболочекъ съ гнойнымъ выпотѣніемъ, pleuritis et peritonitis spontaneae, также должны быть отнесены къ страданіямъ піэмическимъ. Если не принимать въ разсчетъ сомнительныхъ формъ болѣзни, какъ напр. допускаемаго проф. Розеромъ піэмическаго поноса, также бывающаго и у насъ въ Домѣ,—то смертность отъ піэміи

такъ велика, что случаевъ излеченія почти нѣтъ. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ оказывалъ пользу Фовлеровъ растворъ, даваемый въ вышеупомянутой формѣ, а также хининъ въ большихъ пріемахъ (1/2 гр. черезъ два часа).

Въ медицинскихъ отчетахъ Дома, въ число піэмическихъ больныхъ включаются всѣ одержимые болѣе или менѣе обширными нагноеніями. Въ этомъ числѣ около половины больныхъ одержимы такъ называемыми *холодными нарывами*, имѣющими другое значеніе, другое предсказаніе и требующими другаго леченія.

Эти холодные гнойники развиваются также подъ кожею на различныхъ частяхъ тѣла, но въ противоположность съ піэмическими развиваются безъ предшествующаго и сопровождающаго лихорадочнаго состоянія, бываютъ большею частью у дѣтей изнуренныхъ, и главное допускаютъ возможность излеченія. Замѣчено, что они весьма нерѣдки послѣ оспенныхъ процессовъ и злокачественной молочницы, и потому даютъ послѣдней болѣзни значеніе конституціональнаго страданія, сравниваемаго вѣнскими врачами даже съ тифомъ взрослыхъ людей.

Нарывы эти развиваются съ большею постепенностью и бываютъ рѣзко ограничены на своемъ мѣстѣ. Иногда достигаютъ до невѣроятной величины (до 20 дюймовъ въ окружности основанія), и, разумѣется, крайне истощаютъ ребенка. При леченіи этихъ нарывовъ, врачи Воспитательнаго Дома поставили себѣ за правило: опоражнивать ихъ какъ можно позднѣе и не всѣ вдругъ, дабы не возбудить травматической лихорадки, которая мгновенно превращаетъ такіе нарывы въ источникъ ихоррэміи. Иногда нарывы разрѣшались (всасывались), при намазываніи ихъ іодной настойкой.

Для внутренняго леченія приличествуютъ всѣ укрѣпляющія и питающія средства. Между послѣдними оказывалъ большую пользу растворъ поваренной соли и молочнаго сахара (на ℥vj воды ʒjj sal. culinar. и ℥β sacch. lactis, по 2 чайныхъ ложечки 4 раза въ день).

При назначеніи послѣдняго лекарства имѣлись въ виду соображенія теоретическія. Извѣстно, что поваренная соль играетъ важную роль при всѣхъ пластическихъ процессахъ, такъ что при огромномъ образованіи новыхъ клѣточекъ, въ воспаленіяхъ и нагноеніяхъ, выдѣленіе этой соли изъ тѣла посредствомъ мочи почти совершенно прекращается. Доказано также, что голодающія животныя вскорѣ перестаютъ выдѣлять мочею поваренную соль, потому что ткани и соки тѣла упорно удерживаютъ въ себѣ это вещество, какъ необходимое составное начало. Наконецъ, кто не знаетъ, что соль употребляется для откармливанія животныхъ. Съ другой стороны извѣстно и то, что гной содержитъ большое количество поваренной соли, конечно, какъ необходимый для своего образованія элементъ; слѣдовательно гной, похищая хлориды изъ организма, лишаетъ послѣдній образовательнаго матеріала, который не можетъ у дѣтей вознаградиться прибылью соли изъ молока, въ которомъ содержится лишь незначительное ея количество (по анализу Симона въ 1000 частяхъ молока находится только 3 части солей вообще).

Молочный сахаръ прибавлялся въ микстуру съ цѣлью вознаградить сколько нибудь выводимыя изъ тѣла черезъ нагноеніе бѣлочныя вещества, ибо не подлежитъ уже сомнѣнію, что сахаръ, вводимый въ тѣло въ значительномъ количествѣ, сберегаетъ отъ сгаранія азотистыя вещества, и тѣмъ уравновѣшиваетъ животную экономію.

Практика оправдала это предположеніе, и во многихъ случаяхъ изнурительныхъ и обширныхъ нагноеній этому средству должно было приписать успѣхъ леченія. Первымъ и непосредственнымъ явленіемъ замѣчалось то, что ребенокъ начиналъ брать грудь чаще и сосать продолжительнѣе. Далѣе увеличивался и вѣсъ тѣла, который, съ уничтоженіемъ нагноенія, быстро достигалъ до нормальнаго. Снаружи при простыхъ язвахъ употреблялась мазь изъ глицерина (5 частей) и крахмала (1 части); при вялости язвъ производились прижиганія ляписомъ и прикладывалась также глицеринная мазь съ прибавленіемъ къ ней креозота, или камфоры.

Д. Сифилисъ.

(SYPHILIS HAEREDITARIA).

Изъ общаго числа больныхъ ежегодно до трехъ процентовъ бываетъ сифилитическихъ. Съ практической точки зрѣнія важно слѣдующее наблюденіе: дѣти, происходящія отъ сифилитическихъ родителей, или являются на свѣтъ съ признаками наслѣдственной болѣзни, или же она обнаруживается въ первые мѣсяцы жизни. Родившіяся съ признаками сифилиса умираютъ неизбѣжно и скоро, не смотря ни на какое леченіе и уходъ за ними; такихъ рожденныхъ съ сифилисомъ дѣтей оказывается по крайней мѣрѣ половина изъ всѣхъ сифилитиковъ. Этимъ объясняется великая смертность сифилитическихъ дѣтей. Но этого мало! Если наслѣдственный сифилисъ обнаруживается на второмъ мѣсяцѣ жизни, то большая часть дѣтей, пораженныхъ имъ, къ этому времени уже перешли черезъ другія тяжкія болѣзни, каковы: поносъ, сухотка и т. п., а потому бываютъ уже крайне слабы къ тому времени, когда сифилисъ у нихъ обнаруживается,—это другая причина смертности. Наконецъ, когда сифилисъ обозначится несомнѣнно, дѣти Воспитательнаго Дома отнимаются отъ груди для того, чтобы кормить ихъ на рожкѣ: было бы не добросовѣстно подвергать кормилицъ зараженію; искуственное же кормленіе и у здоровыхъ дѣтей рѣдко сопровождается хорошимъ успѣхомъ,—слѣдовательно тѣмъ болѣе подвергаетъ опасности жизнь дѣтей уже ослабѣвшихъ. Это третья причина. Для возможнаго противодѣйствія хотя послѣднему неблагопріятному обстоятельству мы прибѣгали къ способу, давшему хорошіе результаты Петербургскому Воспитательному Дому, а именно: поручали сифилитическихъ дѣтей такимъ кормилицамъ, которыя сами поражены сифилисомъ въ легкой степени, а потомъ и кормилицу и ребенка подвергали должному леченію. Но такую мѣру, къ сожалѣнію, весьма трудно было привести въ исполненіе, потому что не легко убѣдить сифилитическихъ кормилицъ вступить въ заведеніе на сказанныхъ условіяхъ, такъ что не всегда имѣемъ столько сифилитическихъ кормилицъ, сколько по числу дѣтей было бы нужно. Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго, изъ дѣтей, больныхъ наслѣдственнымъ сифилисомъ, умираетъ почти три четверти. Не смотря на богатство фактовъ, все-таки нельзя было обслѣдовать, по какимъ законамъ наслѣдственный сифилисъ передается отъ родителей къ дѣтямъ. Можно однако съ вѣроятностію сказать, что въ большинствѣ случаевъ наслѣдственный сифилисъ происходитъ отъ отца, и что матери, не имѣющія на себѣ признаковъ сифилиса, но произведшія сифилитическихъ дѣтей, при кормленіи послѣднихъ, не заражаются; напротивъ зараженіе обыкновенно передается, когда больной ребенокъ поручается на выкармливаніе посторонней женщинѣ.

У дѣтей съ прирожденнымъ сифилисомъ болѣзнь всего чаще являлась въ видѣ пузырчатой сыпи (pemphygus syphiliticus) преимущественно на ступняхъ и ладоняхъ. У дѣтей же, у которыхъ сифилисъ является лишь черезъ нѣсколько времени послѣ рожденія, самыми характеристическими формами бывали изъязвленія, ссадины, трещины (rhagades) по угламъ рта, у задняго прохода и на дѣтородныхъ частяхъ. Насморкъ (ozaena) часто бывалъ первымъ предвѣстникомъ въ ряду другихъ явленій сифилиса; можно считать, что изъ каждыхъ трехъ больныхъ сифилисомъ у двухъ можно найдти слизистые бугорки. Сифилитическія пораженія костей, мускуловъ, грудной железы, печени, селезенки и почекъ, сколько намъ извѣстно, въ Воспитательномъ Домѣ не были замѣчены.

Почти исключительный способъ леченія состоялъ въ употребленіи внуть protojodur. hydrargyri $^1/_{50}$ грана 1—4 раза въ сутки. Не смотря на такіе малые пріемы ртути, отъ дѣйствія ихъ уже на 4-й день замѣчался возвратный ходъ болѣзни; даже у большей части умершихъ видно было уменьшеніе сифилитическихъ пораженій. Другіе способы леченія оказывались менѣе дѣйствительными. Послѣ втираній ртути развивалось eczema; сулема нерѣдко слишкомъ сильно поражала кишечный каналъ; ванны съ сулемой не оказывали вѣрнаго дѣйствія; леченіе іодистымъ каліемъ совершенно безуспѣшно. Вакцинація, въ дѣлѣ леченія сифилитическихъ дѣтей, ни къ чему хорошему не привела.

VI. НАКОЖНЫЯ БОЛѢЗНИ.

Вообще въ числѣ всѣхъ больныхъ ежегодно бываетъ до 9% одержимыхъ различными накожными болѣзнями. Изъ нихъ приблизительно половина представляли различныя формы хроническихъ сыпей, каковы: чесотка, furunculosis, лишайная сыпь, подопрѣлость (intertrigo) и eczema.

Паразитная натура чесотки также доказана и у младенцевъ; чесоточный клещъ у нихъ весьма быстро распространяется по всему тѣлу. Медленность же теченія болѣзни, послѣ умерщвленія паразита извѣстными средствами, зависитъ отъ вызванной паразитомъ на кожѣ экземы, и нерѣдко бывающихъ вслѣдствіе ея нагноеній и изъязвленій. Въ послѣднемъ случаѣ леченіе, сравнительно съ леченіемъ чесотки у взрослыхъ людей, должно быть видоизмѣнено: употреблялась обыкновенная сѣрная мазь безъ прибавленія углекислаго кали.

Изъ острыхъ сыпей интересны для насъ лишь *рожа новорожденныхъ и оспенныя сыпи*,— интересны по причинѣ того, что нерѣдко онѣ представлялись и теперь еще представляются въ видѣ эпидемій.

А. РОЖА НОВОРОЖДЕННЫХЪ.

(ERYSIPELAS NEONATORUM).

Ежегодно, въ числѣ всѣхъ больныхъ, бываетъ въ Домѣ до 2—3% заболѣвшихъ рожею. Чаще всего эта болѣзнь появлялась въ холодные и зимніе мѣсяцы, а именно: въ сентябрѣ, октябрѣ, ноябрѣ, иногда же въ январѣ и февралѣ. Были годы, когда въ два, три мѣсяца сгрупировывалось наибольшее количество изъ всего числа заболѣвшихъ рожею, такъ что остальные мѣсяцы года, взятые вмѣстѣ, едвали представляли третью часть этого общаго числа. Поэтому въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ оправдывается наблюденіе цюрихскаго профессора Леберта, что обыкновенно первые шесть мѣсяцевъ года представляютъ рожистыхъ воспаленій болѣе, чѣмъ второе полугодіе. Такъ въ Домѣ иногда показывались рожистыя эпидеміи, во время которыхъ всякое ничтожное раненіе кожи,—оспопрививаніе, случайныя ссадины, подопрѣлость, изъязвленіе на пупкѣ и пр. могли сдѣлаться точкой исхода болѣзни. Какъ извѣстно, рожа чаще всего слѣдуетъ за оспопрививаніемъ и развивается во время образованія вакциннаго прыща; поэтому большею частью рожа начинается съ предплечій. Но и это бываетъ только при существованіи эпидемическаго расположенія къ болѣзни (genius epidemicus). Способъ же прививанія самъ по себѣ не имѣлъ вліянія на болѣе или менѣе частое появленіе рожи, потому что, когда въ извѣстные мѣсяцы оспопрививаніе производилось у всѣхъ дѣтей одинаковымъ образомъ: на одной рукѣ обыкновеннымъ ланцетомъ (уколомъ), а на другой перомъ Горна (продолговатымъ разрѣзомъ),—то рожа у многихъ безразлично начиналась то съ одного, то съ другаго предплечія, и иногда даже съ отдаленныхъ отъ ранки мѣстъ. Вообще замѣчено, что произвольно начавшаяся гдѣ либо рожа всегда имѣетъ дурное значеніе. Въ этихъ случаяхъ она зависитъ отъ общаго состоянія организма, и большею частью есть выраженіе піэміи. Французскіе наблюдатели говорятъ, что такая рожа большею частію начинается съ нижней части живота; въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ не менѣе часто болѣзнь начиналась съ лица, затылка и околоушной стороны. Рожистый процессъ у новорожденныхъ всегда имѣетъ характеръ болѣзни странствующей (erysipelas migrans), поражая разныя части тѣла одну послѣ другой. Нерѣдко такое перемѣщеніе рожи совершалось постепенно черезъ все тѣло, иногда же болѣзнь дѣлала скачки съ одного мѣста на другое, оставляя нетронутыми промежуточныя мѣста кожи. Многократно замѣчено, что рожа возобновлялась на прежнихъ мѣстахъ, откуда ходила по тѣлу.

Въ омертвѣніе кожи и клѣтчатки рожа переходитъ нерѣдко, и особенно часто на такихъ мѣстахъ, гдѣ, вслѣдствіе инфильтраціи подкожной клѣтчатки, затрудняется притокъ крови къ питающимъ сосудамъ кожи; это особенно замѣчено на мошонкѣ, на спинѣ, на кожѣ черепа. Вскрытіе труповъ представляло извѣстныя анатомическія измѣненія: отечную инфильтрацію подкожной соединительной ткани, мѣстами содержащей густой, мутный эксудатъ, мѣстами же чистый гной. Такъ какъ рожа часто вызы-

ваетъ воспаленіе внутреннихъ серозныхъ оболочекъ, соотвѣтствующихъ мѣсту ея теченія, то нерѣдко находились серозныя и гнойныя скопленія въ большихъ полостяхъ; рожа, начавшаяся съ пупка, причиняла воспаленіе пупочныхъ венъ. Трупы большею частію представлялись малокровными, кровь жидкою, и если иногда казалась черною, то была лишена фибринозныхъ сгустковъ. Гиперэмія или воспаленіе легкихъ замѣчены были у всѣхъ умершихъ.

Обращаетъ на себя вниманіе постоянное совпаденіе альбуминуріи съ образованіемъ при рожѣ глубокихъ подкожныхъ нарывовъ на нижнихъ оконечностяхъ. Вскрытіе при этомъ обнаруживало гиперэмію мальпигіевыхъ клубочковъ въ почкахъ, иногда даже настоящее брайтово перерожденіе второй степени (nephritis parenchymatosa).

Что рожа чрезвычайно опасна для дѣтскаго возраста, въ этомъ согласны всѣ наблюдатели, но въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ она все-таки была менѣе губительна, чѣмъ разсказываютъ. На самомъ дѣлѣ изъ ста больныхъ рожею среднимъ числомъ умираетъ въ Домѣ около 52. Незнаемъ и ничего не можемъ знать о матеряхъ приносимыхъ въ Домъ младенцевъ, поэтому не имѣемъ возможности ни подтвердить, ни отвергнуть мнѣнія нѣкоторыхъ врачей (Беднара, Бувю и др.), полагающихъ, что существуетъ причинная связь между рожею новорожденныхъ и піэмическими болѣзнями родильницъ, и что при пуэрперальныхъ эпидеміяхъ рожистые процессы бываютъ необыкновенно часты. Во всякомъ случаѣ стоитъ упомянуть о слѣдующемъ обстоятельствѣ: когда въ Родовспомогательномъ заведеніи Воспитательнаго Дома господствовали родильныя горячки, то въ самомъ Домѣ между грудными дѣтьми рожистыя болѣзни усиливались.

Легкая рожа лечилась присыпаніемъ воспаленныхъ мѣстъ магнезіей, или намазываніемъ ихъ мягчительными веществами: ol cerae, axungia porci и др. Коллодій не всегда безвреденъ; онъ, покрывая кожу непроницаемымъ слоемъ, препятствуетъ ея отправленіямъ. При флегмозной рожѣ полезно намазывать пораженныя мѣста іодною настойкою, послѣ чего воспалительная напряженность иногда очень скоро ослаблялась, и верхніе слои кожицы мумифицировались. Но распространенію рожи и это не препятствовало. Въ послѣднее время опытъ указалъ намъ, какъ на средство весьма дѣйствительное, на глицеринъ, который въ смѣси съ каломелемъ и квасцами, намазывается на пораженныя части. Внутреннее леченіе требуетъ средствъ уменьшающихъ лихорадку. Малокровіе, весьма скоро развивающееся при рожѣ, пользуется желѣзомъ. Нагноенія, необыкновенно часто слѣдующія за рожей, требуютъ средствъ, указанныхъ выше.

в. ОСПЕННЫЯ СЫПИ.

(VARIOLA, VARIOLOIDES ET VARICELLA).

Есть факты, доказывающіе, что истинная оспа (variola vera) была когда-то въ Воспитательныхъ Домахъ одною изъ самыхъ частыхъ и жестокихъ болѣзней. Въ настоящее время, когда прививаніе вакцины уничтожило воспріимчивость организмовъ, къ оспѣ уже не могутъ свирѣпствовать прежнія опустошительныя оспенныя эпидеміи; самая болѣзнь лишь въ немногихъ случаяхъ является въ своемъ прежнемъ страшномъ видѣ; она измѣнилась и приняла легчайшую форму ложной оспы (varioloides et varicella). Эпидеміи, по временамъ еще и теперь вспыхивающія въ Домѣ, не даютъ понятія о тѣхъ, какія бывали прежде. Онѣ не заносятся въ Домъ извнѣ, не зависятъ отъ приноса дѣтей, но проникаютъ неизвѣстными путями и служатъ только отраженіемъ повѣтрій, развивающихся въ тоже время въ городѣ.

Извѣстно, что даже самый ранній дѣтскій возрастъ не изъятъ отъ способности заболѣть оспою; извѣстно, что заразительное начало оспы (contagium) необыкновенно подвижно; между тѣмъ оспенныя эпидеміи въ Воспитательномъ Домѣ едва охватываютъ сотую долю наличныхъ дѣтей, и изъ этого числа третья часть поражается лишь оспою ложною. Оспенныя сыпи чаще показываются въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ. Если оспою называть лихорадочную, заразительную, по правильнымъ срокамъ протекающую, пустулезную сыпь, то мы можемъ почти согласиться съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ наблюдателей (Леберта), что между отдѣльными ро-

дами оспенныхъ сыпей различіе существуетъ лишь въ формѣ и степени, но не въ сущности болѣзни, и что одна форма можетъ вызывать всякую другую.

Въ практикѣ чрезвычайно важно знать, что на непривитыхъ организмахъ не только истинная оспа чрезъ зараженіе снова производитъ истинную оспу, но что соприкосновеніе непривитыхъ дѣтей съ варіолоидами и даже съ весьма легкими варицеллами сообщаетъ истинную человѣческую оспу. Притомъ въ одно и тоже время всѣ три вида оспенныхъ сыпей на разныхъ организмахъ являются вмѣстѣ; иногда даже на одномъ организмѣ существуютъ прыщи, похожіе на варицеллу, и вмѣстѣ прыщи истинной оспы; поэтому эти сыпи не отличаются нисколько съ анатомической стороны, и едва-ли различаются съ клинической точки зрѣнія, такъ что посредствующимъ звеномъ между крайними степенями оспенныхъ сыпей есть варіолоидъ, который въ своихъ легкихъ формахъ граничитъ съ варицеллой,—а въ тяжелыхъ едва можетъ быть отличенъ отъ настоящей оспы. Немаловажнымъ наконецъ доказательствомъ того, что сущность этихъ сыпей одинакова, служитъ то, что всѣ онѣ влекутъ за собою одни и тѣже послѣдствія. Изъ опыта извѣстно, что послѣ варіолоида и варицеллы коровья оспа точно также не прививается, какъ и послѣ настоящей оспы,—не прививается по крайней мѣрѣ на первомъ году жизни, и потому мы не вакцинируемъ тѣхъ дѣтей, у которыхъ ложная оспа случилась прежде оспопрививанія. Возрастъ дѣтей, постигаемыхъ оспенными сыпями, колебался между 3 днями и 6 мѣсяцами, но гораздо большая часть этихъ дѣтей не перешла еще за первый мѣсяцъ жизни. У значительно большаго числа (почти у трехъ четвертей) болѣвшихъ этими сыпями вакцинація не была еще произведена. Но самое развитіе истинной и измѣненной оспы у нѣкоторыхъ вакцинированныхъ дѣтей доказываетъ, что прививаніе коровьей оспы не всѣхъ предохраняетъ отъ истинной оспы; она только значительно уменьшаетъ вѣроятность заболѣванія.

Замѣчательно, что когда истинная оспа развивается во время теченія вакцины, то вакцинные прыщи вянутъ, спадаются и дальнѣйшее ихъ теченіе прерывается. Тоже можно сказать и о сильныхъ формахъ варіолоида, приближающагося къ истинной оспѣ. Напротивъ, если во время вакциннаго процесса нападала ложная оспа (varicella), то теченіе перваго не было нарушено и вакцинные прыщи правильно совершали свои фазы.

Патологія истинной оспы, варіолоида и варицеллы слишкомъ хорошо извѣстна; и въ нашемъ Домѣ можно было наблюдать эти процессы во всѣхъ ихъ разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ и степеняхъ, и со всѣми осложненіями. Смертность отъ истинной оспы неизмѣримо превышаетъ смертность отъ оспы ложной. Отъ послѣдней болѣзни самой по себѣ смертныхъ случаевъ не бываетъ; тогда какъ изъ числа заболѣвшихъ истинной оспой умираетъ болѣе половины. Преимущественно опасна та форма оспы, которая называется сливною (variola confluens). Смерть здѣсь слѣдуетъ большею частію на 3, 4 и 5 днѣ, т. е. въ такіе дни, въ которые сыпь находится въ полномъ развитіи, и въ которые отправленія кожи наиболѣе страдаютъ.

Понятно, что оспенный процессъ, совершающійся на наружной поверхности тѣла, мало производитъ разстройства во внутреннихъ органахъ. Вскрытія труповъ представляютъ только измѣненія, относящіяся къ различнымъ осложненіямъ этого процесса, между которыми назовемъ: laryngitis, pleuritis, meningitis, necrosis ossium (особенно necrosis ossis petrosi), подкожныя нагноенія, пораженія глазъ, гангрену, піэмическія отложенія.

Терапія этой болѣзни исключаетъ всякую возможность специфическаго леченія; послѣднее, при развившейся болѣзни, ограничивалось преимущественно выжидательнымъ способомъ и устраненіемъ по возможности непріятныхъ осложненій; главная же сила врачебнаго искуства заключается здѣсь въ предохранительномъ прививаніи коровьей оспы.

Примѣчанія къ таблицѣ смертности дѣтей въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ.

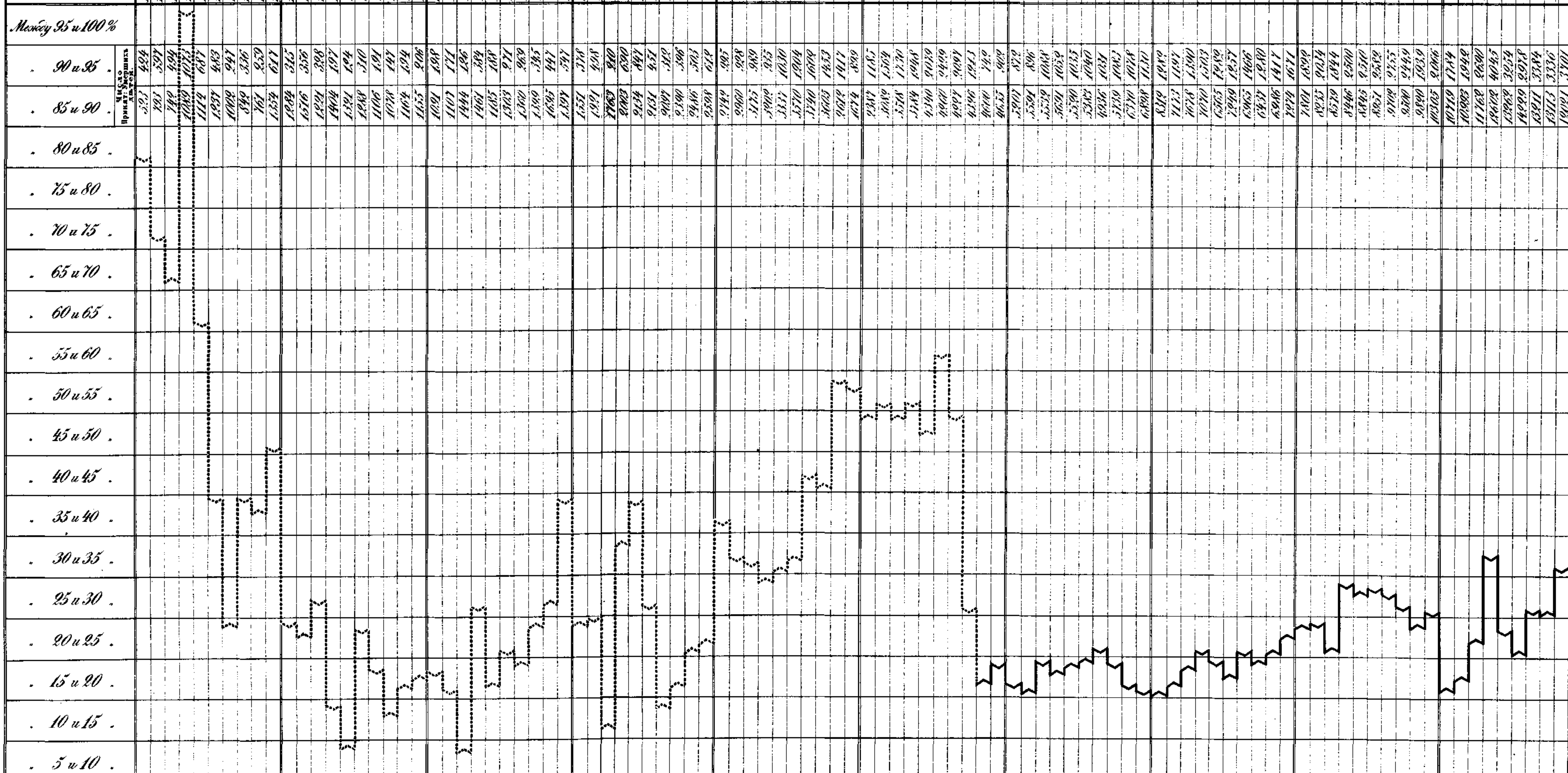
1. Цифры, на основаніи которыхъ начертана линія, показывающая колебанія смертности, заимствованы изъ оффиціальныхъ источниковъ. Процентъ смертности вычислялся съ точностію; дѣти, остававшіяся въ живыхъ отъ года къ году, не присоединялись къ числу принесенныхъ въ каждомъ году дѣтей: чрезъ такое присоединеніе процентъ смертности очевидно понизился бы.

2. Въ строгости, нельзя безусловно сравнивать цифры смертности за первые годы существованія Дома съ цифрами послѣднихъ десятилѣтій, потому что эти величины неоднородныя. Теперь дѣти остаются въ Домѣ лишь первыя шесть недѣль по приносѣ; въ началѣ же учрежденія Дома дѣти воспитывались въ немъ несравненно долѣе (См. въ этомъ же изданіи, въ статьѣ: Историческій очеркъ Воспитанія питомцевъ въ деревняхъ).

3. Чрезвычайная неправильность линіи смертности до 1820 года наводитъ нѣкоторое сомнѣніе на достоинство цифръ до этого года: быть можетъ отмѣтки въ книгахъ о смертности дѣтей не всегда, до 1820 года, дѣлались своевременно.

4. Приносъ дѣтей представляетъ почти постоянно возрастающія цифры. Пониженіе приноса въ нѣкоторые годы объясняется историческими событіями: въ 1771 и 1772—бывшею въ Москвѣ моровою язвою; въ 1812 и даже 1813—нашествіемъ непріятеля; въ 1830—бывшею въ Москвѣ съ сентября мѣсяца холерною эпидеміею; при чемъ столица бы оцѣплена. Пониженіе цифры приноса въ 1860, 1861 и 1862 годахъ—фактъ утишительный. Въ первые шесть мѣсяцевъ 1863, до 1-го іюля, то есть до того времени, когда печаталась эта статья—принесено въ Домъ младенцевъ менѣе противу первыхъ шести мѣсяцевъ 1862 года на 216 дѣтей. Уменьшеніе приноса въ послѣдніе годы можно приписать многимъ причинамъ. Достаточно указать на то, что незаконнорожденные отъ крѣпостныхъ, отданные въ Воспитательные Дома, получая званіе питомцевъ, дѣлались людьми свободнаго состоянія. Этого побужденія отдавать дѣтей въ Домъ уже не существуетъ. Съ той же точки зрѣнія укажемъ на уничтоженіе военныхъ кантонистовъ. Наконецъ, въ послѣдніе годы, повышеніе задѣльной платы увеличило довольство простаго народа. Впрочемъ и во внутреннемъ управленіи Дома принимались мѣры, клонившіяся къ возможному уменьшенію приноса.—Есть однако обстоятельство, которое вѣроятно дѣйствовало неблагопріятно, но вліяніе котораго обнаружить трудно: это открытіе новыхъ линій желѣзныхъ дорогъ отъ Москвы до Нижняго-Новгорода, Троицкой Лавры и Коломны. Эти линіи не могли не сдѣлать длиннѣе того района, изъ котораго младенцы доставлялись въ Домъ.

Таблица смертности питомцевъ въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ съ 1764 по 1863 г.



Десятилѣтіе	Годъ	Число умершихъ дѣтей	Число принят: дѣтей	Истинная смертность каждаго года на 100 дѣтей
1ое Десятилѣтіе.	1764	424	523	84,01 %
	1765	359	493	72,76
	1766	494	742	66,52
	1767	1073	1089	98,53
	1768	687	1114	61,67
	1769	483	1237	39,12
	1770	247	1002	24,65
	1771	336	842	39,92
	1772	259	761	34,03
	1773	617	1354	45,56
2ое Десятилѣтіе.	1774	315	1284	24,53
	1775	356	1516	23,48
	1776	398	1482	26,86
	1777	197	1404	14,03
	1778	124	1312	9,45
	1779	310	1288	24,06
	1780	191	1106	17,26
	1781	147	1078	13,63
	1782	194	1164	16,66
	1783	206	1155	17,83
3ое Десятилѣтіе.	1784	198	1091	18,14
	1785	171	1107	15,44
	1786	126	1444	8,65
	1787	384	1461	26,98
	1788	188	1185	15,85
	1789	271	1303	20,79
	1790	269	1360	19,71
	1791	345	1399	24,66
	1792	447	1695	26,37
	1793	547	1397	39,15
4ое Десятилѣтіе.	1794	378	1551	24,37
	1795	498	1921	25,92
	1796	210	1763	11,91
	1797	690	2003	34,44
	1798	847	2134	39,69
	1799	451	2131	21,16
	1800	342	2300	14,87
	1801	396	2390	16,55
	1802	505	2486	20,93
	1803	612	2598	23,55
5ое Десятилѣтіе.	1804	995	2749	36,21
	1805	928	2960	31,35
	1806	989	3175	31,14
	1807	935	3200	29,20
	1808	1030	3331	30,89
	1809	1204	3570	33,72
	1810	1609	3740	42,83
	1811	1453	3605	40,30
	1812	1417	2614	54,94
	1813	899	1674	53,70
6ое Десятилѣтіе.	1814	1185	2387	49,64
	1815	1564	3082	50,74
	1816	1730	3518	49,17
	1817	1948	3784	51,47
	1818	2029	4340	47,90
	1819	2429	4260	57,01
	1820	2001	4034	49,60
	1821	1243	4836	25,72
	1822	742	4600	16,13
	1823	902	4655	19,37
7ое Десятилѣтіе.	1824	872	5209	16,74
	1825	896	5594	16,02
	1826	1068	5539	19,66
	1827	1052	5691	18,48
	1828	1035	5390	18,75
	1829	1040	5383	19,32
	1830	1031	4936	20,84
	1831	1063	5730	18,87
	1832	1078	6370	16,92
	1833	1130	6898	16,38
8ое Десятилѣтіе.	1834	1289	8349	15,42
	1835	1191	7123	16,68
	1836	1390	7678	18,10
	1837	1503	7070	21,25
	1838	1282	6565	19,54
	1839	1257	7040	17,94
	1840	1466	6965	21,04
	1841	1280	6431	19,88
	1842	1417	6986	20,98
	1843	1671	7294	22,91
9ое Десятилѣтіе.	1844	1892	7801	24,05
	1845	2024	8235	24,09
	1846	1844	8579	21,49
	1847	2500	8446	29,59
	1848	2510	8845	28,37
	1849	2382	8231	28,84
	1850	2155	8409	28,39
	1851	2449	9500	25,77
	1852	1939	9820	19,74
	1853	2066	10305	20,04
10ое Десятилѣтіе.	1854	1744	10449	16,69
	1855	1949	10993	17,66
	1856	2690	11762	22,87
	1857	4045	12608	32,09
	1858	3254	13269	24,53
	1859	2918	14099	20,82
	1860	3384	13211	25,61
	1861	3336	13113	25,44
	1862	3101	10071	30,78
	1863			

СЕКРЕТНО-РОДИЛЬНЫЙ ГОСПИТАЛЬ.

Родильный Госпиталь основанъ одновременно съ Воспитательнымъ Домомъ.

Бецкой, во время своего пребыванія за-границей, осматривалъ подобнаго рода благотворительныя учрежденія,—и первый подалъ мысль Императрицѣ основать въ Россіи заведеніе, въ которомъ бѣдныя беременныя женщины находили бы себѣ убѣжище и помощь.

Въ учрежденіи родовспомогательнаго заведенія Бецкой находилъ средство „спасти новорожденныхъ дѣтей отъ погибели и тѣмъ доставить болѣе выгодъ государству.“ Младенцевъ,рожденныхъ въ Госпиталѣ,Воспитательный Домъ считалъ какъ бы своей собственностью. Онъ заботился о ихъ воспитаніи, съ тѣмъ, чтобъ возрастить изъ нихъ полезныхъ гражданъ. Такъ какъ эти дѣти были большею частію незаконныя, и заведеніе скрывало имена матерей и пребываніе ихъ въ Госпиталѣ, то и *Госпиталь* съ самаго начала назывался *Секретный*.

Первоначальныя правила Родильнаго Госпиталя изложены въ Генеральномъ Планѣ. Этими правилами руководствуются и въ настоящее время, хотя и съ нѣкоторыми измѣненіями.

Въ Планѣ предписано:„ устроить Родильный Госпиталь изъ отдѣльныхъ комнатъ, способныхъ женщинамъ къ разрѣшенію отъ бремени и удобныхъ къ производству въ нужномъ случаѣ операціи.“ Въ гл. III § I сказано о пріемѣ и содержаніи беременныхъ: „принимать привоpотнику тотчасъ всякую беременную женщину какъ днемъ такъ и ночью и отводить ихъ въ пріемную къ повивальной бабкѣ. Во все время ихъ пребыванія въ Госпиталѣ не дозволено спрашивать, кто онѣ и откуда и если которая и не желаетъ лица своего показать, то это ей дозволяется. Всѣ обстоятельства оныхъ женщинъ, если онѣ какимъ нибудь образомъ откроются, свято сохранять въ тайности.“

„Какъ день разрѣшенія беременной женщины опредѣлить не возможно, то дозволяется имъ прибыть въ Госпиталь за недѣлю до предполагаемаго срока родовъ и оставаться двѣ недѣли послѣ родовъ, исключая тѣ случаи, въ которыхъ болѣзнь или другія обстоятельства потребуютъ болѣе этаго срока. Но чтобы этимъ заведеніемъ нѣкоторыя женщины не воспользовались бы во зло, приходя за долго до срока разрѣшенія, то велѣно повивальнымъ бабкамъ,опредѣленнымъ при этомъ Госпиталѣ осматривать всѣхъ приходящихъ беременныхъ женщинъ,и если окажется,что срокъ родовъ еще не близокъ, отказывать этимъ въ пріемѣ и велѣть имъ приходить къ тому времени, въ которое по свидѣтельству бабки разрѣшеніе должно быть“.

„Новорожденный младенецъ тотчасъ по очищеніи его, долженъ быть отданъ въ Грудное Отдѣленіе и записанъ въ число принадлежащихъ Воспитательному Дому. Беременныя и разрѣшающіяся должны находить всякую помощь и надлежащій уходъ, поэтому должны находиться при этомъ заведеніи докторъ, повивальная бабка и служительницы“.

Далѣе слѣдуютъ предписанія должностнымъ

лицамъ, состоящимъ при Госпиталѣ.—„Докторъ долженъ помогать въ трудныхъ родахъ и трудиться въ Госпиталѣ въ предписываніи лекарствъ и въ исполненіи всѣхъ обязанностей, которыя требуютъ его знаніе и должность. Онъ долженъ при опредѣленіи бабокъ на службу выбирать годныхъ и способныхъ и во время оной ихъ учить и имъ наставленія давать. Повивальная бабка должна всегда находиться при Домѣ и не отлучаться изъ онаго безъ позволенія главнаго надзирателя; имъ предписывается крайне бережно обходиться и ласково обращаться съ роженицами и слѣдовать наставленію доктора. Швейцару подъ опасеніемъ лишенія званія и чести предписывается строгое наблюденіе своей должности и возложеннаго на него порядка. Притомъ чтобы онъ при всѣхъ своихъ обращеніяхъ оказывалъ учтивость, ласку и соболѣзнованіе къ ближнему, никогда изъ мысли не выпуская, что онъ хранитель пути, проложеннаго человѣколюбіемъ въ Домѣ, опредѣленномъ для помощи человѣчеству.“

Первоначальныя средства содержанія Родильнаго Госпиталя были тѣже, что и Воспитательнаго Дома, т. е. общее подаяніе,—въ деньгахъ, съѣстныхъ припасахъ, въ недѣланныхъ матеріалахъ и выработанныхъ вещахъ.

Пріемъ беременныхъ начался съ самаго дня открытія Родильнаго Госпиталя — 21 апрѣля 1764 года. За утратою оффиціальныхъ документовъ и другихъ бумагъ того времени, намъ мало извѣстно о первоначальномъ состояніи Родильнаго Госпиталя. Госпиталь сначала помѣщался во флигелѣ, примыкающемъ къ Квадрату. По неимѣнію ученыхъ повивальныхъ бабокъ въ Россіи, для заведенія нарочно выписаны бабки изъ за-границы; но акушера, какъ кажется, не полагалось (*).

При открытіи заведенія, бабокъ было только двѣ. По числу родившихся въ Родильномъ Госпиталѣ дѣтей и отданныхъ въ Грудныя Отдѣленія Воспитательнаго Дома, мы можемъ приблизительно опредѣлить число роженицъ, разрѣшившихся въ Госпиталѣ, и съ каждымъ годомъ возрастающую цифру ихъ. Въ прилагаемой таблицѣ выставлены числа рожденныхъ дѣтей въ Госпиталѣ до 1801 года.

Въ	1764	году	родилось	14	дѣтей.
—	—65	—	—	75	—
—	—66	—	—	76	—
—	—67	—	—	84	—
—	—68	—	—	149	—
—	—69	—	—	178	—
—	—70	—	—	162	—
—	—71	—	—	105	—
—	—72	—	—	34	—
—	—73	—	—	183	—
—	—74	—	—	206	—
—	—75	—	—	256	—
—	—76	—	—	193	—
—	—77	—	—	258	—
—	—78	—	—	232	—
—	—79	—	—	251	—
—	—80	—	—	219	—
—	—81	—	—	205	—
—	—82	—	—	209	—
—	—83	—	—	230	—
—	—84	—	—	212	—
—	—85	—	—	187	—
—	—86	—	—	271	—
—	—87	—	—	249	—
—	—88	—	—	255	—
—	—89	—	—	209	—
—	—90	—	—	227	—
—	—91	—	—	200	—
—	—92	—	—	292	—
—	—93	—	—	205	—
—	—94	—	—	247	—
—	—95	—	—	303	—
—	—96	—	—	252	—
—	—97	—	—	260	—
—	—98	—	—	338	—
—	—99	—	—	328	—
—	1800	—	—	338	—
Въ	37	лѣтъ	—	7592	—

По нѣкоторымъ сохранившимся требованіямъ пищи для родильницъ, можно предполагать, что число ихъ было гораздо большее. Въ 1764 году, 14 октября, требовалось пищи на

(*) Главный акушеръ, состоящій нынѣ при Госпиталяхъ, М. В. Гихтеръ слышалъ отъ акушера Танеенберга, что въ случаѣ крайности прибѣгали къ неслужащему въ Домѣ врачу Бергману, который производилъ только операціи, но не пользовалъ больныхъ.

1 родильницу; въ октябрѣ—на 3, въ ноябрѣ—на 15 родильницъ; въ 1765 г., въ мартѣ—на 6, въ іюнѣ—на 16; въ іюлѣ—на 14, въ сентябрѣ—на 15; въ 1766 г. увеличивается число родильницъ еще болѣе, такъ что въ ноябрѣ уже требовалась 21 порція. Въ требованіяхъ для родильницъ, между прочимъ, мы находимъ полпиво, которое выписывалось бутылками и полштофами, и вѣсовой медъ.

Для рубахъ родильницамъ употреблялся холстъ № 5, по 4 коп. аршинъ. Кровати были съ занавѣсками; вмѣсто матрасовъ употреблялись двойные войлоки въ холщевыхъ наволокахъ.

Для большаго спокойствія въ родильнѣ употреблялись ширмы.

Съ 1766 года Родильный Госпиталь приходитъ въ лучшій порядокъ. Его переводятъ въ другіе покои, болѣе удобные. Опредѣлена повивальная бабка Еллертъ, присланная Бецкимъ. Ей и двумъ, состоящимъ при ней, служительницамъ порученъ надзоръ за младенцами, рожденными въ Госпиталѣ. Въ этомъ же году, для заведенія пріобрѣтены главнымъ надзирателемъ, необходимые для Госпиталя операціонные инструменты за 90 руб.

По прошенію директора Медицинской Коллегіи, барона Алексѣя Ивановича Васильева, дозволено обучаться повивальному искуству у повивальныхъ докторовъ, состоявшихъ при Московскомъ и Петербургскомъ Воспитательныхъ Домахъ, двумъ студентамъ изъ лекарскихъ школъ, находившихся при госпиталяхъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Но такъ какъ не было доктора при Родильномъ Госпиталѣ,—если вѣрить словамъ Таненберга,— то врядъ-ли пользовались этимъ позволеніемъ.

Съ 1774 года средства на содержаніе Родильнаго Госпиталя увеличиваются. Пожертвованная въ 1771 году Демидовымъ, на учрежденіе родовспомогательнаго заведенія въ Петербургѣ, сумма въ 20.000 руб., по Высочайшему повелѣнію, была переведена въ Московскій Опекунскій Совѣтъ, съ тѣмъ, чтобы 6% съ капитала составляли штатную сумму на содержаніе Московскаго Родильнаго Госпиталя. Вмѣстѣ съ переводомъ Демидовскаго капитала послѣдовало и Высочайшее повелѣніе о переносѣ мраморной доски, изъ Петербургскаго родовспомогательнаго заведенія въ Московское (*). Эта доска украшала арку, когда-то соединявшую два флигеля, стоящіе по обѣ стороны проспекта. Во флигелѣ, примыкающемъ къ Квадрату, какъ уже замѣчено, былъ Родильный Госпиталь.

При Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, кругъ дѣйствія заведенія расширяется, учрежденіемъ при немъ Повивальнаго Института, въ 1800 году. Послѣ достаточнаго теоретическаго приготовленія въ повивальномъ искуствѣ, воспитанницы Института поступаютъ по очереди на дежурство. Здѣсь онѣ занимаются практически,—и каждая изъ нихъ, по числу принятыхъ ею дѣтей, имѣетъ случай пріобрѣсти совершенную опытность въ повивальномъ искуствѣ.

Указомъ 1800 года 12 апрѣля, кромѣ воспитанницъ, дозволено было посѣщать Родильный Госпиталь, впродолженіе 4-хъ мѣсяцевъ, четыремъ кандидатамъ Медицинской Конторы, для усовершенствованія въ акушерствѣ. Съ нихъ взята была присяга не открывать тайнъ Родильнаго Госпиталя. Экзаменованныя воспитанницы Повивальнаго Института получали названіе повивальныхъ бабокъ. Получившія воспитаніе внѣ Института и оказавшія слабыя знанія въ повивальной наукѣ, посылались въ Родильный Госпиталь, для усовершенствованія.

Посѣщеніе Госпиталя посторонними лицами, какъ напр. студентами Академіи, для изученія акушерства, дозволено было только до учрежденія Акушерской Клиники (1806 г.). Съ учрежденіемъ Клиники въ общемъ Секретно-Родильномъ Госпиталѣ практическое образованіе получали исключительно только воспитанницы Института. Постороннія лица отстранены были, за тѣмъ, чтобы ими не открывались тайны Госпиталя, и тѣмъ не нарушена была цѣль заведенія. Только съ учрежденіемъ Законно-Родильнаго Госпиталя, допущено было въ немъ изученіе повивальнаго искуства, для повивальныхъ бабокъ, оказавшихъ слабыя познанія.

(*) См. статью «О пожертвованіяхъ Демидова.»

Въ настоящей статьѣ употребляется выраженіе *общій Секретный* Родильный Госпиталь. Для объясненія слова *общій*, приведемъ слѣдующее обстоятельство:—Число разрѣшающихся въ Родильномъ Госпиталѣ быстро возрастало, такъ что въ скоромъ времени, нельзя было, по установленнымъ правиламъ, давать каждой родильницѣ отдѣльную комнату. Тогда раздѣлили Госпиталь на два отдѣленія: общее, въ которое поступаютъ женщины, принадлежащія по видимому къ простому званію; и—особенное отдѣленіе, состоящее изъ отдѣльныхъ комнатъ, куда помѣщаются беременныя, которыя, по происхожденію своему и степени образованія, желаютъ сохранить втайнѣ свой проступокъ и свое пребываніе въ Госпиталѣ.

Принимали въ Госпиталь и такихъ беременныхъ, которыя заражены были сифилитической и другими прилипчивыми болѣзнями, равно какъ подлежащихъ, или уже содержимыхъ въ исправительныхъ мѣстахъ заключенія, даже и лишенныхъ ума. Хотя объ этомъ въ постановленіяхъ и не было сказано, тѣмъ не менѣе начальство Воспитательнаго Дома всегда держалось такого образа дѣйствій, потому что онъ сообразенъ съ самымъ духомъ учрежденія. Впрочемъ такихъ больныхъ принимаютъ только въ крайнихъ случаяхъ, когда, по близости времени разрѣшенія, имъ нельзя болѣе отказывать въ пріемѣ. Всегда впрочемъ принимаются строгія мѣры предосторожности, въ случаѣ прилипчивыхъ болѣзней, или сумашествія.

Начальство Воспитательнаго Дома не находитъ умѣстнымъ слишкомъ держаться первоначальнаго правила о срокѣ пріема,—и въ уважительныхъ случаяхъ допускаетъ пріемъ ранѣе нежели за недѣлю до родовъ, особенно если женщина иногородная, или пришла издалека. Для помѣщенія беременныхъ въ послѣднемъ мѣсяцѣ отведена особенная комната, снабженная, на всякій случай, всѣмъ необходимымъ.

Съ 1801 года мы имѣемъ болѣе точныя свѣдѣнія о состояніи родовспомогательнаго заведенія. По учрежденіи плана Повивальнаго Института, 1800 года 6-го ноября, учреждена и должность директора по Повивальному Институту и акушера по Родильному Госпиталю; при чемъ обѣ должности соединены въ одномъ лицѣ. Первымъ акушеромъ и директоромъ былъ профессоръ Московскаго Университета, Вильгельмъ Рихтеръ, состоявшій на службѣ Воспит. Дома до 1806 года. Однако сомнительно, чтобы это былъ первый акушеръ при Госпиталѣ, и чтобы обо всемъ заботливый Бецкой упустилъ изъ вида ту пользу, которую могъ принести акушеръ.

Въ книгѣ Рихтера „Synopsis praxis medico-obstriciae, quam Mosquae exercuit G.Richter.“ собраны числовыя данныя и описаны замѣчательнѣйшіе случаи, бывшіе во время его госпитальной практики, а также съ совершенною точностію показано за всякій годъ число родовъ, съ раздѣленіемъ на правильные и неправильные и какая при послѣднихъ дана помощь, и число умершихъ. Впрочемъ цифры умершихъ, выставленныя до 1830 года, не соотвѣтствуютъ числу разрѣшившихся. Но это можетъ быть объяснено тѣмъ, что заболѣвшихъ родильницъ переводили въ общую больницу Воспитательнаго Дома, или въ другую городскую больницу. Ибо, какъ разсказываютъ, въ старые годы почитали не благовиднымъ, чтобы родильница умирала въ Секретно-Родильномъ Госпиталѣ. Въ нижеслѣдующей таблицѣ выведены сказанныя цифры по Госпиталю:

ВѢДОМОСТЬ

ПО РОДИЛЬНОМУ ГОСПИТАЛЮ

СЪ 1801 ПО 1807 ГОДЪ.

	Число.			Возрастъ родильницъ.				Число и полъ новорожденныхъ.					Роды правильные.				Роды неправильные.						
	Разрѣшилось.	Выздоровѣло.	Умерло.	Между 14—20.	Между 20—30.	Между 30—40.	Между 40—50.	Дѣтей родилось.	Живыхъ.	Мертвыхъ.	Мальчики.	Дѣвочки.	Вообще.	Преждевремен. роды.	Двойни.	Тройни.	Всего родовъ.	Предлеж. ножки.	Предлеж. колѣна	Предлож. ягодицы	Поворотъ.	Наложеніе щипцовъ.	Проколеніе. головки.
1801	412	410	2	43	231	117	21	422	386	36	226	196	371	5	10	0	26	3	1	12	6	4	0
1802	447	447	0	42	248	139	18	457	426	31	256	201	412	2	8	1	24	2	0	8	8	5	1
1803	394	389	5	36	213	135	10	407	395	12	164	223	356	4	13	0	21	7	0	4	7	3	0
1804	429	421	8	35	267	118	9	436	408	28	217	219	400	6	7	0	16	4	1	9	1	0	1
1805	432	432	0	41	271	100	20	441	416	25	235	206	409	2	9	0	12	5	0	6	0	1	0
1806	457	454	3	27	298	118	14	464	435	29	237	227	426	3	5	1	22	7	0	9	3	2	1
Итого	2571	2553	18	224	1528	727	92	2627	2466	161	1355	1272	2374	22	52	2	121	28	2	48	25	15	3

Итого въ продолженіе 6 лѣтъ разрѣшилось 2571; родилось 2627 дѣтей; изъ нихъ 1355 мальч. и 1272 дѣвоч.; 52 раза двойни и 2-тройни.

Не нарушая первоначальной цѣли и духа учрежденія, Императрица Марія Ѳеодоровна, въ 1804 году 16 сентября, Высочайше повелѣла, въ отношеніи къ условіямъ выписки родильницъ:— „всѣ женщины, пользующіяся помощію въ Родильномъ Госпиталѣ, по разрѣшеніи, могутъ выйдти когда имъ заблагоразсудится, и ни кто неимѣетъ права въ томъ препятствовать. По этому если родильница не смотря на слабость и предвидимую для ея здоровья опасность пожелаетъ оставить Госпиталь вопреки увѣщаніямъ Акушера и повивальной бабки а по донесеніямъ ихъ и самаго Главнаго Надзирателя, то ее и не удерживать, но въ избѣжаніе отвѣтственности записывать въ журналъ Госпиталя, что родильница выпущена изъ оного противу воли Акушера и Главнаго Надзирателя по собственному упорному ея желанію.“ Это постановленіе соблюдается и по нынѣ.

Въ 1808 году разрѣшилось въ Секретно-Родильномъ Госпиталѣ уже до 461; по этому, для удобнѣйшаго помѣщенія былъ надстроенъ этажъ надъ флигелемъ Госпиталя.

Императрица Марія Ѳеодоровна заботилась и о тѣхъ, которыя рождали внѣ Дома. Въ этихъ видахъ, Высочайшимъ повелѣніемъ Опекунскому Совѣту, 1810 года 6 февраля, назначено опредѣлить при Московскомъ Родильномъ Госпиталѣ 4 повивальныя бабки съ жалованьемъ. Изъ нихъ двѣ были дежурныя, обязанныя, при первомъ требованіи, оказывать безденежное вспомоществованіе бѣднымъ родильницамъ, внѣ Воспитательнаго Дома. Онѣ обязаны были присягой не открывать именъ и состоянія тѣхъ, къ которымъ будутъ призваны. Найдя родильницу въ опасномъ положеніи, повивальная бабка прежде всего ее уговаривала переѣхать въ Родильный Госпиталь, чтобы тамъ заблаговременно воспользоваться помощью и искуствомъ акушера. Ребенка, по требованію матери, она обязана была отвезти въ Воспитательный Домъ. Не отозванная дежурная повивальная бабка, должна была трудится по Родильному Госпиталю. Причина этого учрежденія, конечно, объясняется тѣмъ, что нерѣдко привозятъ въ Родильный Госпиталь женщинъ, приведенныхъ въ отчаянное состояніе, или невѣжествомъ простыхъ повитухъ, или собственными вредными предразсудками, а иногда и неимѣніемъ средствъ пригласить ученую повивальную бабку.

Этотъ указъ былъ въ силѣ до 1837 года 22 ноября. Въ это время, по докладу Опекунскаго Совѣта, штатъ повивальныхъ бабокъ, для подаванія помощи стороннимъ родильницамъ, уменьшенъ до 3.; а впослѣдствіи и вовсе отмѣненъ, по улучшеніи устройства города, когда для той же цѣли при каждомъ частномъ домѣ назначены было особыя повивальныя бабки.

Первоначально всѣ дѣти, рождавшіяся въ Секретно-Родильномъ Госпиталѣ принадлежали Воспитательному Дому. Это постановленіе удаляло не только замужнихъ отъ Родильнаго Госпиталя, но и нѣкоторыхъ незамужнихъ женщинъ. Во вниманіе къ материнскимъ чувствамъ, Императрица Марія Ѳеодоровна, въ декабрѣ 1816-го года, дозволила разрѣшившимся въ Секретно-Родильномъ Госпиталѣ, оставлять новорожденныхъ дѣтей при себѣ, если желаніе матери будетъ засвидѣтельствовано акушеромъ Госпиталя и священникомъ Дома. Императрица не ограничилась этимъ; для возбужденія привязанности и любви матерей къ своимъ дѣтямъ, она дозволила платить жалованье всѣмъ тѣмъ роженицамъ такое же, какъ и кормилицамъ въ Грудныхъ Отдѣленіяхъ.

Слѣдствіемъ этой мѣры было особое отдѣленіе, о которомъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ, именно—Отдѣленіе Кормилицъ.

Уже замѣчено, что отъ ежегодно возрастающаго числа приходящихъ родильницъ и потому, за недостаточностію помѣщенія для нихъ, необходимо было въ 1808 году надстроить этажъ. Таже причина требовала и увеличенія числа прислуги. На докладъ почетнаго опекуна Баранова, Императрица соизволила отвѣтить, что слѣдуетъ держать, или нанимать прислугу на время, сколько по числу родильницъ окажется нужнымъ. По штату въ Секретно-Родильномъ Госпиталѣ было 20 кроватей; между тѣмъ въ 1818 г. число родильницъ возрасло до 780; тогда Опекунскій Совѣтъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, отпустилъ 8.625 руб. 3 коп. изъ общихъ доходовъ Воспитательнаго Дома, на прибавленіе 23 кроватей. По вновь утвержденному

штату находилось въ Секретно-Родильномъ Госпиталѣ 43 кровати, состояли одна повивальная бабка и двѣ помощницы, подъ надзоромъ акушера Таненберга. Съ 1807 по 1832 годъ разрѣшилось въ Госпиталяхъ 15.360; изъ нихъ умерло 80; а всего разрѣшившихся со дня учрежденія до 1832 года было 25.523.

ВѢДОМОСТЬ

съ 1807 по 1832 годъ.

Года.	Число разрѣшивш.	Число умершихъ.
1807.	425.	2.
1808.	461.	2.
1809.	475.	1.
1810.	524.	1.
1811.	508.	
1812.	421.	1.
1813.	344.	—
1814.	557.	1.
1815.	681.	3.
1816.	756.	—
1817.	757.	4.
1818.	780.	5.
1819.	720.	3.
1820.	754.	6.
1821.	569.	4.
1822.	757.	5.
1823.	638.	3.
1824.	630.	2.
1825.	638.	3.
1826.	667.	1.
1827.	672.	2.
1828.	691.	4.
1829.	800.	3.
1830.	752.	13.
1831.	743.	11.
А всего за 25 лѣтъ	15360 —	80.

Съ 1833 года директоромъ Повивальнаго Института и акушеромъ Родильныхъ Госпиталей былъ назначенъ М. В. Рихтеръ. Помѣщеніе Родильнаго Госпиталя находилось все еще въ прежнемъ зданіи. Размѣщеніе было слѣдующее: въ правомъ флигелѣ внизу, при входѣ: комната швейцара; въ томъ же этажѣ—квартира бабушекъ и комната для беременныхъ; во 2-мъ этажѣ-родильня; рядомъ-комната дежурныхъ воспитанницъ Повивальнаго Института и палаты родильницъ. Въ лѣвомъ флигелѣ, во 2-мъ этажѣ-отдѣльныя комнаты и больница.

Въ 1837 году, при Секретно-Родильномъ Госпиталѣ состоятъ уже одна старшая повивальная бабка съ тремя помощницами. Это увеличеніе штата вызвано потребностію, потому что съ каждымъ годомъ увеличивалось число родильницъ. Госпиталь не только нуждался въ большемъ числѣ служащихъ, но и въ расширеніи помѣщенія. Болѣе удобное и просторное помѣщеніе нашелъ Родильный Госпиталь въ такъ называемомъ Семеновомъ домѣ, принадлежащемъ Воспитательному Дому, куда онъ и былъ переведенъ въ 1840 году. Домъ этотъ состоитъ изъ главнаго корпуса въ 3 этажа, выходящаго на улицу Солянку, и изъ двухъ двухъ-этажныхъ пристроекъ. Секретно-Родильный Госпиталь помѣщался въ главномъ корпусѣ. Въ нижнемъ этажѣ жили служащіе; во 2-мъ этажѣ находились родильня и палаты для родильницъ; въ верхнемъ этажѣ — особенныя секретныя комнаты. Флигеля были заняты Законно-Родильнымъ Госпиталемъ и Повивальнымъ Институтомъ.

Въ 1849 году родовъ было 1648. Одного врача оказывалось крайне недостаточно; поэтому въ 1849 году назначенъ главному акушеру помощникъ (г. Самсонъ). Въ 1853 году, журналомъ Московскаго Опекунскаго Совѣта, опредѣленъ одинъ сверхштатный врачъ. Этимъ составомъ служащихъ ограничивался Секретный Родильный Госпиталь до 1857 года.

Въ 1857 году разрѣшилось 2623 женщины, т. е. число разрѣшившихся болѣе нежели удвоилось. Это обстоятельство требовало и увеличенія штата служащихъ, и болѣе просторнаго помѣщенія для Госпиталя, тѣмъ болѣе, что излишнее накопленіе роженицъ имѣло вредное вліяніе на ихъ здоровье. Родильные Госпитали вообще требуютъ болѣе просторнаго помѣщенія и болѣе свѣжаго воздуха, нежели другія больницы. Причина та, что родильницы отличаются отъ другихъ больныхъ болѣе обильными отдѣленіями (secretiones), не говоря уже о самомъ родильномъ очищеніи. Отъ этого воздухъ въ комнатахъ занимаемыхъ роженицами, портится гораздо скорѣе; самыя комнаты, при исправной

вентиляціи, нѣкоторое время должны оставаться совсѣмъ порожними. Другая причина заключалась въ томъ, что Секретно-Родильный Госпиталь, по правиламъ своимъ, не имѣетъ права отказывать приходящимъ беременнымъ, въ какое бы время онѣ не пришли. Между тѣмъ какъ другіе госпитали, при недостаткѣ кроватей, отказываютъ больнымъ въ пріемѣ.

Семеновъ домъ и не былъ первоначально построенъ для помѣщенія Госпиталя, поэтому самое внутреннее устройство и расположеніе комнатъ не соотвѣтствовало требованіямъ Родильнаго Госпиталя. Такимъ образомъ, въ случаѣ чрезмѣрнаго накопленія больныхъ и, вслѣдствіе того, частаго заболѣванія родильницъ отъ порчи воздуха, по необходимости, пользовалисьзаломъ Повивальнаго Института, находившимся во флигелѣ. Здѣсь встрѣчалось два неудобства. Первое заключалось въ томъ, что залъ Повивальнаго Института не былъ въ связи съ главнымъ корпусомъ,—и родильницы были переносимы черезъ довольно большое пространство, что не могло не имѣть на ихъ здоровье вреднаго вліянія. Во вторыхъ— залъ былъ назначенъ для класснаго ученья вольныхъ слушательницъ; поэтому, въ случаѣ замѣщенія его больными, ученіе по необходимости должно было хотя на время прекращаться.

Кромѣ того Семеновъ домъ имѣлъ и другія неудобства. Корридоръ былъ малъ и слишкомъ удаленъ, отхожія мѣста не въ достаточномъ количествѣ и въ дурномъ устройствѣ. Палаты выходили на многолюдную шумную улицу; квартиры служащихъ находились въ такомъ близкомъ соединеніи съ Госпиталемъ, что чрезъ это сосѣдство нарушался покой и порядокъ госпитальный.

Помянутыя неудобства побудили въ 1857 году перевести Госпиталь въ теперешнее помѣщеніе, находящееся въ Окружномъ строеніи. Около этого времени прибавленъ сверхштатный врачъ и помощница повивальной бабки.

Въ 1858 году, при утвержденіи новаго штата, для Родильныхъ Госпиталей и Повивальнаго Института въ видѣ опыта на два года, два вновь опредѣленные преподавателя при Повивальномъ Институтѣ, обязаны исполнять должность сверхштатныхъ врачей при Госпиталяхъ.

Въ этомъ же году, вмѣстѣ съ увеличеніемъ помѣщенія Родильныхъ Госпиталей, согласно съ вышеприведеннымъ открылось въ Секретно-Родильномъ Госпиталѣ 15 августа, такъ называемое, Отдѣленіе Кормилицъ. Поступившія оставались въ этомъ Отдѣленіи 9 дней и по истеченіи этого срока, если особенныя обстоятельства не мѣшали имъ продолжать кормленія, отправлялись съ дѣтьми въ Крестовое Отдѣленіе, гдѣ записывались кормилицами.

Окружное строеніе, въ которомъ нынѣ находится Родовспомогательное Заведеніе, расположено въ чертѣ владѣній Воспитательнаго Дома (смотри планъ мѣстности) и удалено отъ шумныхъ проѣзжихъ улицъ—и хорошо приспособлено къ новой цѣли.

Трехъ-этажное зданіе Окружнаго строенія, какъ видно на планѣ, построено глаголемъ. Секретно-Родильный Госпиталь занимаетъ меньшую сторону этого глаголя. Внутреннее устройство зданія, какъ части занимаемой Секретно-РодильнымъГоспиталемъ, такъ и остальныхъ частей слѣдующее: въ двухъ верхнихъ этажахъ по всему протяженію зданія идетъ по одну сторону корридоръ, освѣщенный окнами и занимающій почти одну треть всей ширины зданія, а по другую—палаты больныхъ и разныя помѣщенія. Корридоръ имѣетъ во второмъ этажѣ, въ ширину 4 аршина 12 вершковъ, въ вышину—5 арш.; въ 3-мъ этажѣ въ ширину—4 аршина 6 вершковъ, въ вышину—5 арш. 9 вершк. Изъ корридора отдѣльныя двери соединяютъ его съ палатами. Въ отдѣленіяхъ Секретно-Родильнаго Госпиталя и въ отдѣленіяхъ для особо-секретныхъ комнатъ корридоръ проходитъ среди зданія; вправо и влѣво отъ него идутъ двери въ отдѣльныя комнаты. Палаты въ обще-Секретномъ отдѣленіи не равной длины—отъ 4 арш. 4 вершк. до 10 арш. 13. вершк. и, смотря по величинѣ ставится въ палату соотвѣтственное число кроватей. Потолокъ и верхняя часть стѣнъ выбѣлены, нижняя часть стѣнъ на вышину 2 арш. 2 вершк. отъ пола выкрашена масляною краскою для удобнѣйшей чистки; полъ также окрашенъ масляною краскою. Между кроватями стоитъ столъ,

такъ что разстояніе кроватей между собою и отъ стѣнъ въ $1^1/_2$ арш. На каждую родильницу приходится въ общихъ палатахъ воздуха, по $2^1/_2$ куб.саж., въ отдѣльныхъ комнатахъ и болѣе этого. Въ обоихъ верхнихъ этажахъ находятся ватерклозеты и комнаты съ ваннами, въ которыя проведена вода изъ Москвы рѣки. Отопленіе палатъ производится голландскими печами; въ корридорѣ—духовыми печами. Кромѣ того въ каждой палатѣ—каминъ.

Для очищенія воздуха въ палатахъ, кромѣ каминовъ, сдѣланы отверстія въ нижней части голландскихъ печей. Въ корридорахъ обоихъ этажей, при каждой лѣстницѣ устроены вытяжныя трубы, проведенныя возлѣ дымовыхъ трубъ отъ духовыхъ печей; этими каналами испорченный воздухъ палатъ постоянно вытягивается. Свѣжій же воздухъ въ зимнее время проходитъ въ корридоръ чрезъ оконныя форточки, которыя открываются по нѣскольку разъ въ сутки, при чемъ двери въ палаты остаются закрытыми. Такимъ образомъ корридоръ 2-хъ верхнихъ этажей служитъ резервуаромъ свѣжаго воздуха. Въ Секретно-Родильный Госпиталь устроены 4 входа, по два съ каждой стороны двора, и совершенно скрыты отъ стороннихъ глазъ.

Размѣщеніе Госпиталя слѣдующее (*): въ нижнемъ этажѣ находятся квартиры повивальныхъ бабокъ, швейцара, нянекъ, кухня и комната для беременныхъ. Во второмъ этажѣ—комната для родовъ, выбранная въ самой срединѣ Секретно-Родильнаго Госпиталя, для удобнѣйшаго перемѣщенія родильницъ въ палаты; рядомъ съ родильнею—операціонная комната со всею необходимою мебелью; далѣе—5 палатъ общесекретныхъ родильницъ и больница, отдѣленная двойными стеклянными дверями, состоящая изъ 8-кроватной палаты и изъ 9 отдѣльныхъ комнатъ, для каждой трудной больной. Во 2-мъ же этажѣ устроенъ кабинетъ для врачей съ библіотекой и шкафомъ съ инструментами. Библіотека состоитъ изъ медицинскихъ сочиненій, преимущественно относящихся до родовспомогательной науки. Она пріобрѣтена въ 1854 году изъ частныхъ рукъ. Собраніе инструментовъ, по мѣрѣ необходимости и время отъ времени, ежегодно пополняется. Въ 3-мъ этажѣ находится помѣщеніе для особо-секретныхъ родильницъ, состоящее изъ 9 отдѣльныхъ комнатъ; далѣе—Кормилично Отдѣленіе въ 3 палаты съ 18 кроватями; рядомъ—квартира надзирательницы Повивальнаго Института, которая, сверхъ своей должности, завѣдываетъ этимъ Отдѣленіемъ; квартиры старшей повивальной бабки, хожатой, отпускающей кушанья больнымъ, и комната дежурнаго врача. Наконецъ въ третьемъ этажѣ находится большая зала, которая служитъ для помѣщенія родильницъ обще-Секретно-Родильнаго Госпиталя, если палаты 2-го этажа требуютъ въ зимнее время освѣженія.

Для лучшаго вывѣтриванія, а также для удобнаго выполненія строительныхъ ремонтныхъ работъ, безъ нарушенія спокойствія больныхъ, въ 1860 году выстроены лѣтнія палаты. Онѣ состоятъ изъ деревяннаго строенія, лежащаго противъ Окружнаго зданія. Это строеніе нѣсколько тѣсно, но впрочемъ удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ Госпиталя.

Ближайшее завѣдываніе въ медицинскомъ отношеніи ввѣрено: 1) главному акушеру по Родильнымъ Госпиталямъ (онъ же и директоръ по учебной части въ Повивальномъ Институтѣ); за нимъ слѣдуютъ: 2) помощникъ главнаго акушера, 3) два младшихъ врача безъ жалованья, 4) два преподавателя въ Повивальномъ Институтѣ, назначенные ординаторами по уставу 15 мая 1858 года. Сверхъ того въ настоящее время, согласно проэкту штата, представленному на утвержденіе, исправляютъ должность ординаторовъ, два остальные преподавателя и репетиторъ. Въ Секретно и Законно-Родильныхъ Госпиталяхъ полагаются два фельдшера, одинъ на старшемъ, другой на младшемъ окладѣ.

Въ Секретно-Родильномъ Госпиталѣ полагаются по штату: одна старшая повивальная бабка, двѣ младшихъ и двѣ помощницы. Кромѣ того, изъ общаго числа положенныхъ для Дома хожатыхъ, откомандированы двѣ для Секретно-Родильнаго Госпиталя. Онѣ также повивальныя бабки, обязанность которыхъ состоитъ въ уходѣ

(*) Смотри планъ Окружнаго строенія.

за больными. Для прислуги назначено 12 нянекъ и 18 служительницъ. Кушаньемъ завѣдываетъ особенно для этого назначенная хожатая. Она раздаетъ порціи по суточнымъ требованіямъ. За бѣльемъ смотритъ кастелянша. Кромѣ того при Секретно-Родильномъ Госпиталѣ обще съ Законно-Родильнымъ состоятъ швейцаръ съ помощникомъ и служителями. За порядкомъ надзираетъ смотритель Окружнаго строенія.

Для обще-Секретно-Родильнаго Госпиталя назначено 80 желѣзныхъ кроватей съ соломенными матрасами; для особо-Секретнаго Отдѣленія—матрасы волосяные. Кровати снабжены всѣмъ необходимымъ бѣльемъ для постели и для родильницы.

Пища въ обще-Секретномъ Родильномъ Госпиталѣ для разрѣшившихся слѣдующая: къ обѣду и ужину—супъ овсяный съ говядиной, или манный съ телятиной; ко второму блюду—каша манная молочная, или овсяный кисель; въ постные дни—манный, или овсяный супъ со снятками, или грибами; ко второму блюду—клюковный кисель, или манная каша. Къ завтраку онѣ получаютъ чай и на каждую родильницу полагается одинъ фунтъ пшеничной булки въ сутки. Родильницамъ въ особо-Секретномъ Отдѣленіи—супъ рисовый съ курицей, или манная каша молочная, компотъ къ обѣду и ужину, и на каждую—по 1 фунту бѣлаго хлѣба; въ постные дни: уху, или супъ со снятками, или грибами, манную кашу, или овсяный кисель. Беременнымъ, принятымъ въ обще-Секретно-Родильномъ Отдѣленіи: щи, или супъ съ говядиной, и кашу къ обѣду и ужину; въ праздники пироги, или ватрушки, и каждой по 2 фунта ржанаго хлѣба и по полуфунту пшеничной булки; въ постъ—щи съ рыбою, или грибами, горохъ, кашу. Беременнымъ въ особо-Секретномъ Отдѣленіи столъ разнообразнѣе; къ этому полагается фунтъ бѣлаго хлѣба. Врачь имѣетъ право, соотвѣтственно состоянію родильницы, по своему усмотрѣнію, выписывать больнымъ экстренныя порціи и вино.

Какъ принимались родильницы въ старые годы, о томъ свѣдѣній сохранилось очень мало. Вѣроятно порядокъ пріема былъ тотъ же, что и въ настоящее время, потому что основныя правила Госпиталей сохранились до сихъ поръ. Теперь это дѣлается такъ:

Въ Секретно-Родильный Госпиталь принимаются всѣ приходящія беременныя женщины, во всякое время, днемъ и ночью. Лишенныя ума, одержимыя сифилитическою, или другою прилипчивою болѣзнію, или подвергнутыя исправительному заключенію принимаются неиначе, какъ въ особенныхъ случаяхъ и по усмотрѣнію начальства Воспитательнаго Дома. При поступленіи и во время пребыванія въ Секретно-Родильномъ Госпиталѣ не требуется отъ беременныхъ и роженицъ никакихъ свѣдѣній объ ихъ имени и званіи, даже дозволяется, если пожелаютъ, закрывать лице. Если же почему либо ихъ личности будутъ узнаны, то тайны сохраняются свято.

Поступающую въ обще-Секретно-Родильный Госпиталь встрѣчаетъ нянька, дежурная на звонкѣ (звончиха) и отводитъ ее въ пріемную, или, въ случаѣ болѣзненнаго состоянія беременной, зоветъ звонкомъ на помощь другихъ нянекъ. Дежурная повивальная бабка свидѣтельствуетъ поступающую, и если роды близки, оставляетъ ее въ родильной комнатѣ, а въ противномъ случаѣ назначаетъ приблизительный срокъ, когда ей слѣдуетъ приходить. Только въ особенныхъ случаяхъ принимается беременная въ послѣднемъ мѣсяцѣ беременности, и тогда отводится въ комнату, назначенную для беременныхъ а, въ случаѣ болѣзни,—въ больницу. Каждой принятой, если срокъ родовъ позволяетъ, назначается ванна и промывательное. Она получаетъ чистое бѣлье, и, смотря по времени, зимній или лѣтній халатъ. Платье, въ которомъ беременная поступила, записывается хожатою въ особенную книгу, отдается дежурной нянькѣ на сбереженіе и возвращается, при выхожденіи родильницы изъ Госпиталя. Каждая поступающая въ Госпиталь записывается въ журналъ подъ текущимъ номеромъ, съ означеніемъ времени поступленія.

Въ родильной комнатѣ стоятъ 4 дивана, удобные для родовъ, а по мѣрѣ надобности, приносится и болѣе, которые стоятъ на случай въ корридорѣ. На диванѣ лежитъ кожаный матрасъ, покрытый кожею; на него кладутъ разрѣшающуюся

съ подушкою подъ голову и покрываютъ зимнимъ или лѣтнимъ одѣяломъ. Кромѣ дежурной повивальной бабки въ родильнѣ находятся еще 2 или 4 практикующія воспитанницы Повивальнаго Института, деревенскія ученицы, также упражняющіяся въ принятіи, и двѣ няньки для прислуги. Въ случаѣ неправильности родовъ, увѣдомляютъ дежурнаго врача. По разрѣшеніи, на роженицу, послѣ достаточнаго отдыха, надѣваютъ кофту набивную или канифасовую, миткалевый чепецъ и халатъ, и переносятъ на кушеткѣ въ палату, или, въ случаѣ болѣзненнаго состоянія, въ больницу. Потомъ въ журналѣ записываются подъ ея номеръ положеніе ребенка, ходъ родовъ и время разрѣшенія, и подписывается бабкою, которая принимала. Если была операція, то дежурный врачъ записываетъ, въ чемъ состояла она.

Надъ постелью родильницы привѣшивается доска съ означеніемъ №, подъ которымъ она записана въ журналѣ, времени поступленія въ Госпиталь, времени разрѣшенія и другихъ замѣчаній. Ребенокъ, послѣ обмыванія въ ванной, которая стоитъ среди родильной комнаты, пеленается, и если мать не желаетъ его кормить, или брать съ собой, отсылается въ Грудныя Отдѣленія. Матери выдается контрьмарка, на которой записывается имя ребенка, время принятія его въ Грудныя Отдѣленія и №, подъ которымъ онъ внесенъ въ книгу Крестоваго Отдѣленія. Родильница остается въ Госпиталѣ не болѣе двухъ недѣль, исключая болѣзни и другихъ особенныхъ обстоятельствъ, требующихъ бо́льшаго срока.

Родильницамъ ежедневно мѣняется бѣлье, а въ случаѣ надобности и нѣсколько разъ въ день. Каждое утро и вечеръ врачъ освѣдомляется о здоровьѣ родильницъ, и заболѣвшихъ переносятъ въ больницу. Всѣ предписанія врача передаются хожатой, на обязанности которой лежитъ уходъ за больными.

Въ журналѣ записывается время выбытія родильницы изъ Госпиталя. Если же она, не смотря на слабость и предвидимую опасность, пожелаетъ оставить Госпиталь, вопреки увѣщаніямъ главнаго акушера и повивальной бабки, то хотя она и не удерживается въ заведеніи, но все таки въ журналѣ Госпиталя отмѣчается, что она выпущена противъ увѣщанія начальства, по собственному упорному желанію.

Поступающія въ особо-Секретное Отдѣленіе принимаются по тѣмъ же правиламъ и отводятся въ отдѣльныя комнаты. Въ этихъ комнатахъ находится желѣзная кровать съ ситцевыми занавѣсами, съ волосянымъ матрасомъ, подушками, простынями, съ лѣтнимъ или зимнимъ одѣяломъ и халатомъ. Комнаты снабжены всею необходимою мебелью—диваномъ, кресломъ, стульями, комодомъ, умывальникомъ и зеркаломъ. Здѣсь разрѣшается беременная и не оставляетъ своей комнаты до выбыванія изъ Госпиталя. У разрѣшающихся въ отдѣльныхъ палатахъ принимаетъ та повивальная бабка, которая была дежурной въ день поступленія беременной. О всякой вновь поступившей увѣдомляютъ главнаго акушера, который одинъ и имѣетъ право къ ней входить.

Беременнымъ и роженицамъ Секретно-Родильнаго Госпиталя, находящимся въ опасномъ положеніи, предлагается, для собственной ихъ пользы, объявить о своей личности и нуждахъ директору Воспитательнаго Дома, въ присутствіи священника.

Для крещенія незаконныхъ дѣтей, по желанію матери, приглашается священникъ Православнаго исповѣданія, состоящій при Домѣ. На дѣтей, которыхъ матери берутъ на свое попеченіе, выдается свидѣтельство, по установленной формѣ, за подписомъ главнаго акушера и священника Дома.

Изъ прилагаемой вѣдомости, съ 1832 по 1863 годъ, въ теченіе 31 года, видно, что въ Секретномъ Род. Госпиталѣ разрѣшилось 53.039;

изъ нихъ двойнями	1.011
— — тройнями	13
мертвыми младенцами.	4.116
отослано дѣтей въ Крест. Отдѣл. .	49.696
изъ нихъ мальчиковъ.	25.668
— — дѣвочекъ	24.028
Родильницъ выпущено изъ Госпиталя	51.589
умерло	1.432
Изъ 53.036 родовъ, были неправильные	—2.515

(въ этомъ числѣ оперативные и неоперативные случаи).

Изъ 53.039 родовъ были двойнями 1.011; слѣдовательно—1 изъ 52 родовъ.
Изъ 53.039 родовъ были тройнями—13; слѣдоват. 1 изъ 4.079 родовъ.
Изъ 53.039 разрѣшившихся умерло 1.432; слѣдовательно изъ 100—2,7.
А всего со дня учрежденія Секретно-Родильнаго Госпиталя по 1 генваря 1863 года разрѣшилось . . . . 78.562.

Болѣзни, встрѣчающіяся въ нашемъ Госпиталѣ довольно однообразны; нѣтъ сомнѣнія, что родильницы могутъ заболѣвать самыми различными болѣзнями; но чаще всего подвергаются родильной горячкѣ. Болѣзнь эта, какъ уже показываетъ эпитетъ „родильная", бываетъ у женщинъ только въ теченіе послѣродоваго времени, или, что рѣдко, въ послѣднее время беременности. Подъ именемъ послѣродовой горячки разумѣютъ тотъ процессъ, который проявляется воспаленіемъ половыхъ частей и сопровождается лихорадкой. Въ сущности же эта болѣзнь состоитъ въ недознанномъ еще болѣзненномъ измѣненіи крови, выражающемся воспаленіями большею частію тѣхъ органовъ, которые принимали участіе въ беременности и въ актѣ родовъ.

Разъ пораженные органы имѣютъ наклонность къ значительнымъ выпотѣніямъ, которыя легко превращаются въ дурной гной. Первый признакъ болѣзни большею частію обнаруживается лихорадочнымъ состояніемъ съ значительно учащеннымъ пульсомъ; за этимъ уже слѣдуютъ мѣстныя пораженія. Перемѣны въ пораженныхъ мѣстахъ не всегда соотвѣтствуютъ интензивности лихорадочнаго состоянія и силѣ болѣзни. Именно въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ теченіе болѣзни было очень быстрое, при вскрытіи умершихъ замѣчаются лишь незначительные слѣды, или вовсе никакихъ слѣдовъ мѣстныхъ пораженій.

Причинъ послѣродовой горячки нужно искать во вліяніяхъ атмосферно-теллурическихъ измѣненій, которыя хотя мы и называемъ міазмами, однако они остаются все таки совершенно намъ неизвѣстными. Что причины этой болѣзни міазматическаго свойства, доказывается тѣмъ, что она является эпидемечески, иногда одновременно на огромномъ пространствѣ; иногда является сперва въ городѣ, а потомъ въ госпиталяхъ, требуя себѣ жертвъ, не обращая вниманія ни на сложеніе, ни на лѣта и сословіе, къ которому принадлежитъ больная. Вліяніе внѣшнихъ атмосферно-теллурическихъ перемѣнъ на послѣродовую болѣзнь доказывается еще поразительнѣе наблюденіемъ,—не разъ уже произведеннымъ въ нашемъ Госпиталѣ,—что роженицы, разрѣшившіяся въ теченіе одного дня, всѣ заболѣваютъ родильною горячкою, тогда какъ другія, разрѣшившіяся въ слѣдующій день, остаются здоровыми; между тѣмъ внѣшнія больничныя условія оставались тѣже.

Доказано, что эпидемія развивается въ разныхъ климатахъ и въ разное время года, но сильнѣе и быстрѣе является въ зимнихъ мѣсяцахъ. Неизвѣстныя намъ міазматическія вліянія, проявляющіяся въ заболѣваніи беременныхъ и роженицъ, подвергаютъ и дѣтей тому же вліянію; дѣти часто рождаются во время эпидеміи мертвыми, а иногда хотя и родятся по видимому здоровыми отъ матерей, которыя заболѣли лишь послѣ родовъ, однако гибнутъ отъ изнурительныхъ болѣзней. Мы полагаемъ, что кромѣ атмосферно-теллурическихъ дѣятелей, существуютъ и другія причины послѣродовыхъ болѣзней. Эти причины большею частію встрѣчаются въ родовспомогательныхъ заведеніяхъ, какъ-то: чрезмѣрное накопленіе госпиталя больными, недостатокъ чистаго свѣжаго воздуха и зараженіе его вредными частицами, происходящими отъ болѣзненно-измѣненныхъ послѣродовыхъ отдѣленій. Во всякомъ случаѣ, каковы бы ни были причины болѣзни—міазмы-ли, или специфическая зараза (contagium), онѣ, при извѣстныхъ условіяхъ и на удобной почвѣ, могутъ развить самыя разнообразныя страданія. Такъ въ родильныхъ госпиталяхъ появляется родильная горячка, въ хирургическихъ отдѣленіяхъ—госпитальное омертвеніе, въ другихъ больницахъ—опасное рожистое воспаленіе и т. д.

Есть и другія воззрѣнія, относительно причинъ происхожденія родильной горячки; сюда относится теорія Земмельвейса, высказанная въ 1848 и подтвержденная имъ же въ 1861 году. Мы не можемъ согласиться съ его слишкомъ

односторонним взглядомъ, но и не отвергаемъ вполнѣ мнѣнія этого врача. Говоря о причинахъ появленія родильной горячки, нельзя не упомянуть о нѣкоторыхъ особенно располагающихъ моментахъ къ этой болѣзни; именно: недостаточное сокращеніе матки, неправильное обратное развитіе ея и неправильности послѣродоваго отдѣленія.

Много споровъ было о томъ—заразительна-ли послѣродовая горячка. Для разрѣшенія этого вопроса нужно обратиться къ фактамъ частной практики; но никакъ не искать доказательства того или другаго мнѣнія въ родильныхъ госпиталяхъ, потому что въ госпиталяхъ менѣе всего можемъ слѣдить за ходомъ распространенія болѣзни. Мы придерживаемся того мнѣнія, что родильная горячка можетъ быть передана и распространена; слѣдовательно здоровая роженица имѣетъ возможность заразиться, напримѣръ, посредствомъ бѣлья или губки, принадлежащихъ больной послѣродовою горячкою. Между зараженіемъ и заболѣваніемъ, посредствомъ переноса болѣзненнаго вещества отъ больной на здоровую, нужно дѣлать разницу; и допуская даже послѣднее, и то можно сомнѣваться въ существованіи contagii въ собственномъ его смыслѣ.

Многочисленность жертвъ, похищаемыхъ по временамъ появляющеюся во всѣхъ родильныхъ госпиталяхъ родильною горячкою, обратили въ новѣйшее время все вниманіе на ревностное изученіе загадочной болѣзни. Не только отдѣльныя лица, но цѣлыя ученыя сословія и академіи, въ полномъ составѣ и общими силами, снабженныя богатствомъ наблюденій и опытности, соединились еще въ 1858 г. въ Парижѣ, для разгадки этой таинственной болѣзни. Но эти усилія и старанія ни въ чемъ не объяснили дѣла,—и изъ всѣхъ предложенныхъ методовъ леченія и лекарствъ ни одному нельзя дать преимущества. Между разными мнѣніями и предложеніями на парижскомъ конгрессѣ, для обсужденія этого вопроса, были даже голоса въ пользу уничтоженія родильныхъ госпиталей. На это можно только отвѣчать словами Маттея, высказанными въ его сочиненіи: «Études sur la nature et le traitement des fièvres puerperales. Paris. 1858 p. 45 »—« C'est la fièvre puerperale qu'il faut tacher de chasser de ces établissements et non les malades.„ Нельзя не упомянуть словъ Леберта, который говорилъ, что предложеніе закрыть всѣ большія родовспомогательныя заведенія есть опрометчивое и необдуманное вдохновеніе отчаянной минуты, которое напоминаетъ пословицу: Das Kind mit dem Bade ausschetten (Jahrbuch der practichen Medicin. Tübingen. 1860. p. 769.) И временное закрытіе родильныхъ госпиталей было предложено и испытано нѣсколько разъ не всегда съ успѣхомъ. Такъ у насъ въ Россіи, при развившейся родильной горячкѣ, въ Акушерской Клиникѣ Медико-Хирургической Академіи въ С.Петербургѣ, въ 1849 г., рѣшено было прекратить пріемъ беременныхъ на 4 недѣли. Не смотря на всѣ способы очищенія и вывѣтриванія палатъ, въ это время, съ открытіемъ Клиники одна изъ первыхъ родильницъ снова заболѣла, и болѣзнь продолжалась еще 3 мѣсяца; но послѣ вскрытія Невы уже ни въ Клиникѣ, ни въ частной практикѣ она не встрѣчалась. Но этотъ примѣръ еще не доказываетъ безуспѣшности вывѣтриванія и очищенія палатъ; ибо въ этомъ случаѣ явленіе послѣродовой горячки зависѣло не отъ эндемическихъ, а отъ эпидемическихъ вліяній.

Высказанное мнѣніе о сущности и разнообразіи причинъ, содѣйствующихъ появленію родильной горячки и безуспѣшность леченія при разъ уже развившейся до извѣстной степени болѣзни, заставляютъ тѣмъ строже наблюдать въ здѣшнемъ Родильномъ Госпиталѣ за предохранительными мѣрами для предотвращенія развитія и распространенія этой болѣзни.

Эти мѣры могутъ быть тѣмъ успѣшнѣе, что заведеніе располагаетъ всѣми для того средствами.

Помѣщеніе Родильнаго Госпиталя, если и не соотвѣтствуетъ всѣмъ требованіямъ новѣйшаго времени, то можно отдать справедливость, что оно все таки довольно просторно и пользуется хорошимъ воздухомъ. Достаточныя средства даютъ возможность наблюдать строжайшую чистоту и порядокъ въ больницѣ.

Вообще въ Родильномъ Госпиталѣ обращаютъ вниманіе на отдѣленія родильницъ, въ особен-

ности на правильность послѣродоваго очищенія; а въ родильнѣ смотрятъ за правильнымъ сокращеніемъ матки сейчасъ же послѣ родовъ, и учатъ практикующихъ треніемъ дна матки и другими средствами возбудить сократительность ея.

Лишь только замѣчается частое заболѣваніе, осторожно и по возможности незамѣтно, отдѣляютъ больную отъ здоровыхъ и помѣщаютъ въ особенную комнату, которая имѣетъ свою отдѣльную прислугу. Для каждой трудно больной имѣются въ запасѣ особенныя комнаты. Послѣ смерти родильницы комната довольно продолжительное время остается съ открытыми окнами; солому изъ матрасовъ выбрасываютъ и постельное бѣлье отдается въ стирку. Вскрытіе умершей дѣлается послѣ визитаціи и участвовавшіе при немъ въ тотъ день Госпиталь не посѣщаютъ. Кромѣ окуриванія уксусомъ, въ Госпиталѣ для очищенія употребляютъ ждановскую жидкость, или вывѣшиваютъ тряпки, намоченыя въ растворѣ хлористаго цинка.

Для вывѣтриванія и очищенія палатъ зимою, родильницы переводятся со 2-го этажа на 3-й, въ большой круглый залъ, о которомъ уже упомянуто, при описаніи зданія. Этотъ залъ помѣщаетъ 25 кроватей,—и переведеніе родильницъ туда весьма удобно. Въ концѣ мая или іюня мѣсяца, смотря по погодѣ, въ лѣтнія палаты переводится весь Госпиталь. Этимъ временемъ вывѣтриваются и чистятся зимнія палаты. Стѣны и потолокъ, какъ палатъ, такъ и корридора скоблятся и выбѣливаются; крашеная масляною краскою часть стѣнъ и полъ моются; во все лѣто окна остаются отпертыми. Съ переводомъ Родильнаго Госпиталя въ зимнее помѣщеніе ставятся чистыя кровати; матрасы набиваются свѣжею соломою,—и вообще всѣ принадлежности Госпиталя подвергаются особенной чисткѣ.

Благодаря такимъ предохранительнымъ мѣрамъ, Московскій Родильный Госпиталь менѣе страдалъ отъ эпидеміи родильной горячки, нежели другіе. По наблюденіямъ, которыя совпадаютъ съ наблюденіями въ другихъ родильныхъ госпиталяхъ, число заболѣвающихъ послѣродовою горячкою всегда усиливается въ зимніе мѣсяцы (съ октября до апрѣля), какъ это видно изъ прилагаемой таблицы за тридцать одинъ годъ, т. е. съ 1832-го по 1863 годъ. Изъ 1432 умершихъ въ эти годы приходится на зимнее время, съ октября по апрѣль, 907 умершихъ; а остальныя 525—относятся ко времени, съ апрѣля по октябрь.

Годъ.	Принято.	Умерло	Процентъ смертности.	Число умершихъ за каждый мѣсяцъ.											
				Январь.	Февраль.	Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Іюнь.	Іюль.	Августъ.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.
1832	844	11	1,3	1	1	2	2	"	"	"	"	1		2	2
1833	1013	19	1,8	2	4	3	1	2	1	"			3	2	1
1834	987	25	2,5	2	6	4	1	1	3	4	"	1	1	1	1
1835	883	14	1,5	1	3	3	"	2	1	1	"	1	1	1	"
1836	1035	17	1,6	1	2	"	4	2	5	"	"	"	"	"	3
1837	1129	16	1,4	3	2	1	1	"	1	"	1	2	"	4	1
1838	1164	8	0,6	"	1	1	1	"	2	"	"	"	"	"	3
1839	1217	19	1,5	2	1	1	1	2	1	1	2	"	3	2	3
1840	1097	38	3,4	2	2	2	6	8	5	1	1	1	4	2	4
1841	1001	20	2,0	1	4	4	2	1	3	"	"	1	2	2	"
1842	1186	33	2,6	4	3	3	1	1	2	2	4	3	3	3	4
1843	1255	38	3,0	2	6	9	6	4	1	5	2	2	"	1	"
1844	1479	18	1,2	2	1	1	3	"	1	"	1	"	1	5	3
1845	1651	21	1,2	1	5	1	2	3	2	2	1	"	"	2	2
1846	1894	33	1,7	2	5	4	3	3	"	1	"	2	"	5	8

Годъ.	Принято.	Умерло	Процентъ смертности.	Число умершихъ за каждый мѣсяцъ.											
				Январь.	Февраль.	Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Іюнь.	Іюль.	Августъ.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.
1847	1692	32	1,8	2	5	2	5	4	2	1	2	"	5	3	1
1848	1698	58	3,4	2	1	4	"	8	17	10	1	1	6	4	4
1849	1648	69	4,1	11	6	4	"	4	5	7	6	8	3	8	7
1850	1776	70	3,9	3	3	5	5	7	3	1	3	3	8	13	16
1851	1777	48	2,7	2	7	6	1	3	6	7	1	3	2	4	6
1852	1851	49	2,6	6	6	5	4	2	2	6	1	7	3	7	"
1853	2014	79	3,8	2	6	24	17	5	3	"	1	3	1	3	14
1854	2157	90	4,1	22	18	7	6	3	"	4	6	6	12	5	1
1855	2327	103	4,4	3	19	28	3	2	3	8	3	5	19	7	3
1856	2528	36	1,4	8	2	"	1	4	5	2	2	1	4	4	3
1857	2619	38	1,4	4	3	6	1	5	1	"	3	5	2	4	4
1858	2545	138	5,4	12	16	10	5	5	7	3	4	5	42	20	9
1859	5695	65	2,4	11	1	3	6	4	11	3	6	6	5	3	6
1860	2710	99	3,6	10	14	18	7	19	5	2	2	5	3	8	6
1861	2823	65	2,3	8	23	11	8	"	2	2	2	1	4	3	1
1862	2341	63	2,6	9	17	13	6	3	2	5	1	"	3	1	3
	53036.	1432	2,7.	141.	193.	185.	109.	107.	102.	78.	56.	73.	140.	129.	119
				519			525						388		

Особенно сильна была эпидемія послѣродовой горячки въ Госпиталѣ въ 1853, 1854, 1855 и въ 1858 годахъ. Сильная эпидемія 1858 г. послужила поводомъ составить особенный Комитетъ, для обсужденія этого вопроса. Октября 25 было составлено медицинское совѣщаніе извѣстнѣйшихъ практикующихъ медиковъ и акушеровъ, которые, осмотрѣвши больныхъ и убѣдившись въ характерѣ эпидеміи, обсудили уже предпринятыя мѣры и, нашедши ихъ вполнѣ соотвѣтствующими цѣли, одобрили методъ леченія.

Относительно этой эпидеміи, сопровождавшей свое появленіе большой смертностью, не лишнее сказать нѣсколько словъ. Уже весною 1858 года начало заболѣвать послѣродовою горячкою большое число родильницъ. Характеръ болѣзни былъ воспалительный. Лѣтомъ число больныхъ уменьшилось,—такъ что въ іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ заболѣвшихъ было очень мало. Въ сентябрѣ цифра ихъ значительно увеличивалась,—и уже появилась явная эпидемія. Въ началѣ характеръ ея былъ также воспалительный, и воспалительные припадки показали гораздо болѣе интензивности, нежели весною. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ теченіе болѣзни, при чисто воспалительныхъ припадкахъ, было такъ быстро, что заболѣвшія умирали въ продолженіе 24 часовъ. Въ первыхъ числахъ октября къ воспаленіямъ матки и брюшины присоединилась рвота, поносъ и охлажденіе конечностей; послѣ же въ иныхъ случаяхъ замѣчались чисто холерные припадки, что и было причиною еще бо́льшей смертности. Въ ноябрѣ число больныхъ начало уменьшаться; къ воспаленію матки и брюшины присоединился рожистый процессъ на разныхъ мѣстахъ тѣла, сопровождающійся, такъ на-

зываемымъ, тифоиднымъ состояніемъ,—и теченіе болѣзни сдѣлалось медленнѣе. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, въ исходѣ болѣзни, преимущественно замѣчались гнойныя отложенія на разныхъ мѣстахъ поверхности тѣла. Эти отложенія часто замѣчаются въ Госпиталѣ; въ послѣднихъ годахъ большею частію предшествуетъ имъ воспаленіе органовъ половой сферы, но иногда одно только лихорадочное состояніе.

Изъ 2541 разрѣшившихся въ 1858 году умерло 138; въ томъ числѣ и умершія отъ разныхъ причинъ во время и вскорѣ послѣ родовъ, что составляетъ смертность 5,4%. Эта смертность въ Госпиталѣ самая значительная въ продолженіе 31 года (съ 1832—1863 г.); но сравнивая ее со смертностью въ другихъ европейскихъ госпиталяхъ, она оказывается относительно слабою, ибо въ Парижѣ въ 1831 году, во время эпидеміи, изъ 2907 родильницъ умерло 254, т. е. —8, 73₀/°; въ другомъ году (1829) изъ 2788 родильницъ умерло 252, т.е.—9, 03₀/° ; въ вѣнскомъ 1-мъ госпиталѣ въ 1837 году изъ 4549 родильницъ умерло 375, т.е.—8, 24₀/°; въ томъ же госпиталѣ въ 1842 г. изъ 6306 родильницъ умерло 730, т.е. — 11,57₀/°.

Если взять смертность наименьшую и среднюю въ Московскомъ Родильномъ Госпиталѣ, выведенную за нѣсколько лѣтъ, то и здѣсь, въ сравненіи съ отчетами другихъ госпиталей, получимъ болѣе выгодную цифру. Въ парижскомъ госпиталѣ Maternité считаютъ лучшимъ годомъ 1837-й, въ которомъ изъ 2829 родильницъ умерло 45, т. е. 1, 59₀/°; въ вѣнскомъ госпиталѣ, въ теченіе 22 лѣтъ, былъ лучшимъ годомъ 1848, въ которомъ изъ 7403 родильницъ умерло 91, т. е.—1, 22₀/°. Въ Московскомъ Госпиталѣ самымъ благопріятнымъ годомъ изъ 31 года можно назвать 1838, въ которомъ изъ 1164 родильницъ умерло 8, т. е.—0, 68₀/°. Что касается до средней смертности, то въ парижскомъ госпиталѣ, въ теченіе 19 лѣтъ, изъ 58. 374 разрѣшившихся умерло 2441, т. е.—4, 18₀/°; въ вѣнскомъ госпиталѣ, въ теченіе 22 лѣтъ, изъ 114.737 разрѣшившихся умерло 6151, т. е.—5, 35₀/°. Въ Московскомъ Госпиталѣ, въ теченіе 31 года, разрѣшилось 53.039; изъ нихъ умерло 1432, т. е.—2, 7₀/°.

Не лишнее сказать и о томъ, что въ Москвѣ нѣкоторыя родильницы вскорѣ послѣ разрѣшенія выписываются до принятаго вообще срока и заболѣвши въ послѣдствіи поступаютъ въ другія больницы, что и было предметомъ разсужденій въ медицинской публикѣ.

Секретный Родильный Госпиталь, не имѣя права, по данному положенію удерживать такихъ вопреки ихъ желанія и по усиленнымъ просьбамъ каждый врачъ считаетъ своею обязанностью предварить выходящую о всѣхъ опасныхъ послѣдствіяхъ отъ ранняго выхожденія изъ Госпиталя. Намъ извѣстно, что то же самое допускается и въ родильныхъ госпиталяхъ, существующихъ заграницею, хотя подобное раннее оставленіе госпиталя тамъ встрѣчается рѣже; это зависитъ отъ высшаго умственнаго развитія народа, сознающаго поэтому самому пользу или вредъ своего положенія.

По наблюденіямъ въ Госпиталѣ, какъ при эпидемически появившейся родильной горячкѣ, такъ и въ отдѣльныхъ случаяхъ, встрѣчающихся и теперь, самымъ успѣшнымъ оказался противовоспалительный способъ леченія. Общее кровопусканіе, употребляемое не безъ успѣха прежними врачами въ нашемъ Госпиталѣ, въ послѣднее время не назначалось; ставили піявки всегда въ началѣ болѣзни, при мѣстномъ пораженіи. Піявки были приставляемы на животъ, если при дотрогиваніи его ощущалась сильная боль, т. е. если болѣе была поражена брюшина; если же боль вызывалась внутреннимъ изслѣдованіемъ, т. е. при воспаленіи внутренней поверхности матки и паренхима ея, піявки, по 5 и 6, приставлялись къ шейкѣ матки. Піявки повторялись, если боль не уступала.

Въ мѣстномъ извлеченіи крови мы видимъ лучшее палліативное средство, потому что никакимъ другимъ способомъ намъ не удавалось такъ скоро унимать боли и облегчать больную, даже часто замѣчалось, вслѣдъ за приставленіемъ піявокъ, ослабленіе лихорадачнаго состоянія и вскорѣ уменьшеніе объема матки; въ этихъ случаяхъ піявки оказывались средствомъ радикальнымъ. Съ цѣлью уменьшенія боли и разрѣшенія мѣстнаго воспаленія, кромѣ піявокъ назначалось втираніе ртутной мази съ примѣсью

наркотическихъ средствъ, а сверху теплыя припарки, или разогрѣвающіе компрессы. Послѣднія средства употреблялись всегда, когда больныя были слабы, или истощены маточнымъ кровотеченіемъ, и когда слѣдовательно нужно было остерегаться извлеченія крови. Въ началѣ болѣзни назначаема была внутрь сладкая ртуть попеременно съ успокоивающими средствами. Только въ рѣдкихъ случаяхъ, при долгомъ употребленіи сладкой ртути, или втираніи ртутной мази, замѣчалось пораженіе рта, или слюнныхъ железъ. Если больную не слабило, давали столовую ложку касторовaго масла, или маслянисто-мягчительный клистиръ довершалъ дѣйствіе на низъ. При поносахъ, которые нерѣдко бывали и не вслѣдствіе сладкой ртути, прибавляли опій, или вмѣсто ртути назначали наперсточную траву; при сильныхъ боляхъ прибѣгали къ морфію. Отъ продолжающейся боли внизу живота ставили мушку; при выпотѣніяхъ въ брюшную полость втирали іодовую настойку въ животъ; въ случаѣ сильнаго раздутія живота (tympanites), при горячей и сухой кожѣ, дѣлались холодныя примочки; при этомъ не только не замѣчалось никакого вліянія на послѣродовое очищеніе, но и самыя боли умалялись, даже и тогда, когда піявками нельзя было замѣнить компрессовъ; испытывали и намазываніе живота коллодіемъ, повторяемое ежедневно. При сильномъ запорѣ и скопленіи газовъ въ кишкахъ, назначали клистиры изъ холодной воды, а для удаленія жидкаго выпотѣнія изъ брюшной полости, если природою назначался такой исходъ накопившемуся гною, дѣлали прободеніе живота. Внутрь назначали, для способствованія скорѣйшему всасыванію отложившагося выпотѣнія, мочегонныя средства; при сухости языка прибавляли минеральныя кислоты, особенно часто фосфорную, а при поносахъ хлоровую воду въ слизистомъ отварѣ, съ прибавленіемъ опія, вмѣстѣ съ мочегонными средствами. Съ большою осторожностію назначали слабительныя.

При гнойномъ зараженіи съ часто повторяющимися ознобами съ успѣхомъ давали сѣрнокислый хининъ въ большихъ пріемахъ; при гнойныхъ отложеніяхъ, сопровождающихся сильною болью и особенно при пораженіи сочленій приставляли піявки, или назначали холодныя примочки. Если нарывъ былъ неизбѣженъ, для созрѣванія его прикладывали на пораженныя мѣста теплыя припарки, или согрѣвающіе компрессы. При зрѣлости нарыва, спѣшили вскрыть его, и способствовали выхожденію гноя, вложеніемъ турунды въ мѣсто разрѣза и частымъ выдавливаніемъ.

При неправильномъ отдѣленіи послѣродоваго очищенія всегда назначались впрыскиванія во влагалище, или при открытомъ маточномъ отверстіи въ матку теплой воды, или отвара ромашки; при вонючемъ послѣродовомъ отдѣленіи прибавлялась хлоровая вода. Выздоравливающимъ назначали укрѣпляющія средства: хинный декоктъ, желѣзо и вино и выписывали особенныя порціи пищи, состоящія изъ легко переваримыхъ и питательныхъ веществъ.

Сухость языка, необыкновенная слабость и т. д. и особенное выраженіе лица, свойственное трудно больнымъ послѣродовою горячкою составляютъ тѣ особенности, по которымъ можно предвидѣть печальный исходъ болѣзни, и въ этихъ случаяхъ на мѣсто антифлогостическихъ назначаемы были возбуждающія средства.

Изъ болѣзней, кромѣ спорадическихъ формъ пуерперальной горячки, наиболѣе чаще встрѣчаются въ Родильныхъ Госпиталяхъ:

Конвульсіи (ecclampsia).

Конвульсіями называютъ судорожныя сокращенія произвольныхъ и непроизвольныхъ мышцъ тѣла съ потерею сознанія. Припадки при конвульсіяхъ имѣютъ сходство съ припадками падучей болѣзни. Иногда предшествуетъ имъ головная боль, головокруженіе и измѣненіе въ умственныхъ отправленіяхъ. Конвульсіи, какъ очень опасное явленіе у беременныхъ, разрѣшающихся и разрѣшившихся, требуютъ всего вниманія и знанія врача. Во время беременности мы не имѣли случая наблюдать конвульсіи въ Госпиталѣ, по крайней мѣрѣ разъ пораженныя этою болѣзнію беременныя разрѣшались всегда до нормальнаго срока беременности; но тѣмъ чаще привозятся къ намъ больныя, намѣревавшіяся раз-

рѣшиться дома, уже съ припадками въ разныхъ періодахъ родовъ. Болѣзни этой подвергаются болѣе перворождающія, полнокровныя и крѣпкаго тѣлосложенія. Невсегда мы могли отыскать причины припадковъ въ отравленіи крови мочевиною и продуктами ея измѣненія, вслѣдствіе Брайтовой болѣзни, ибо больныя не страдали отекомъ какихъ либо частей и изслѣдованіе мочи не показывало характеристическихъ измѣненій, свойственныхъ этой болѣзни. Иногда замѣчали прямое отношеніе содержанія бѣлка въ мочѣ съ припадками, такъ что по окончаніи припадковъ исчезали и малѣйшіе слѣды его въ мочѣ.

Леченіе состояло у полнокровныхъ, при сильномъ приливѣ крови къ головѣ, при ціанозѣ и сильномъ напряженіи коротидныхъ жилъ (corrotides), въ кровопусканіи изъ руки, или въ приставленіи піявокъ за уши. Кровоизвлеченіе у полнокровныхъ мы считаемъ необходимымъ, чтобы избавить больную хоть временно отъ великой опасности, т. е. отъ кровоизліянія въ мозгу, или легкихъ. Кромѣ того съ тою же цѣлью, во время припадковъ, назначаютъ холодныя примочки на голову, горчичники, клистиры съ уксусомъ; внутрь, если больная въ состояніи глотать, слабительное. При продолжающихся припадкахъ и малокровнымъ давали опій, морфій и мускусъ, употребляли опій и асафетиду въ клистирахъ; испытывали въ иныхъ случаяхъ хлороформъ—и дѣйствительно оказывалось, вслѣдствіе наркотизаціи, ослабленіе приступовъ. Во всякомъ случаѣ старались,—если обстоятельства это дозволяли, безъ особеннаго насилія,—какъ можно скорѣе окончить роды, надѣясь, что по окончаніи родовъ перестанутъ припадки; но нерѣдко ошибались въ ожиданіи. Конвульсіи у разрѣшившихся, у которыхъ во время родовъ не было припадковъ, были наблюдаемы нѣсколько разъ; леченіе ихъ состояло въ томъ же; всегда только изслѣдовали такую больную, для удаленія остатковъ послѣда, сгустковъ крови, или частицъ оболочекъ яйца, которыя раздраженіемъ могутъ возбудить конвульсіи—и дѣйствительно оказывались нерѣдко причиною припадковъ. Больную конвульсіями всегда отдѣляли отъ другихъ родильницъ и помѣщали въ отдѣльную комнату, стараясь ее защитить отъ ушибовъ, или раненія языка во время припадковъ. При этомъ оправдывалось то наблюденіе, что родильницы, страдавшія конвульсіями и выздоровѣвшія отъ нихъ, легко заболѣваютъ родильною горячкою.

КРОВОТЕЧЕНІЕ.

Кровотеченіе является во время беременности, во время родовъ и послѣ родовъ. Но въ какое бы время кровотеченіе ни явилось, всегда оно опасно, и, вообще говоря, тѣмъ опаснѣе, чѣмъ обильнѣе. Не перечисляя здѣсь всѣ причины кровотеченій, упомянемъ только о кровотеченіи во время родовъ, вслѣдствіе предлежащаго послѣда, какъ о самомъ главномъ по своему вліянію, какъ на мать, такъ и на ребенка. Такое кровотеченіе является и во время беременности; но оно всегда обильнѣе во время родовъ. Внутреннихъ средствъ, для останавливанія этого кровотеченія, не существуетъ. Въ Московскомъ Госпиталѣ, до истеченія водъ, въ этихъ случаяхъ назначаютъ всегда тампонъ; при ослабленіи пульса и при упадкѣ силъ даютъ больной возбуждающія средства и по возможности спѣшатъ, если только со стороны маточнаго отверстія нѣтъ препятствія, окончить роды. Вліяніе обильнаго кровотеченія болѣе представляетъ опасеній, нежели послѣдствіе операціи, предпринятой даже немного рано. Впослѣдствіи, если обстоятельства позволяютъ, назначаютъ больной хинный декоктъ, желѣзо и вино.

Причину кровотеченій послѣ родовъ мы находимъ большею частію въ слабыхъ сокращеніяхъ матки, и треніемъ дна матки, или холодными впрыскиваніями въ полость ея и внутрь спорыньею, стараемся возбудить ея сократительность, удаляя при этомъ и сгустки крови, или оставшіяся частицы послѣда.

Замѣчается, что женщины страдавшія кровотеченіемъ, во время или послѣ родовъ, чаще подвергаются родильной горячкѣ.

Послѣродовое помѣшательство ума (Mania).

Припадки помѣшательства ума въ послѣродовомъ періодѣ ничѣмъ не отличаются отъ припадковъ этой болѣзни, являющейся въ другое время. Причины, обусловливающія умственное помѣшательство, столько же разнообразны, сколько и его формы. По наблюденіямъ въ Госпиталѣ, помѣшательство происходитъ чаще всего отъ нравственнаго потрясенія и выражается большею частію припадками бѣшенства, или меланхоліи.

При леченіи старались устранить отъ больной всѣ сильныя впечатлѣнія на зрѣніе и слухъ; при этомъ отдѣляли ее въ особую комнату съ завѣшанными окнами, и по возможности никого къ ней не допускали. При приливѣ крови къ головѣ, назначали піявки за уши и холодныя примочки на голову, внутрь—слабительное, рвотный камень и ипекуакуанну. Употребляли и холодныя обливанія головы, при одновременномъ употребленіи теплой ванны, и ставили мушки на затылокъ, поддерживая ихъ продолжительное время. Всегда прилагалось стараніе о правильномъ отдѣленіи кишечнаго канала и послѣродоваго очищенія.

При значительномъ числѣ родовъ, понятно, что въ Московскомъ Госпиталѣ случаются разнаго рода операціи, смотря по данному случаю и по показаніямъ; тѣмъ не менѣе индикаціи обсуживаются строго, — и мануальныя операціи предварительно кратко объясняются практикующимъ воспитанницамъ Повивальнаго Института, на сколько это нужно повивальнымъ бабкамъ. Частые оперативные случаи не столько объясняются однимъ только значительнымъ числомъ разрѣшающихся въ Госпиталѣ, сколько тѣмъ, что Родильный Госпиталь Воспитательнаго Дома есть единственное убѣжище (Акушерская Клиника Университета закрыта на время зимнихъ и лѣтнихъ ваканцій) для бѣдныхъ женщинъ, приведенныхъ невѣжествомъ и незнаніемъ повитухъ въ отчаянное состояніе и поэтому требующихъ неотлагательнаго оперативнаго пособія. Къ числу замѣчательныхъ операцій принадлежитъ кесарское сѣченіе, сдѣланное М. В. Рихтеромъ надъ карлицею, въ 1842 году. Беременная была 28 лѣтъ, ростомъ 1 арш. 9 вершк., 30 мая поступила въ Секретный Родильный Госпиталь, въ концѣ первой своей беременности. Нѣсколько разъ повторенныя измѣренія таза показали общее съуженіе его (Pelvis justo minor); прямой размѣръ входа малаго таза имѣлъ $2^1/_4$ парижскихъ дюйма и въ той же степени были уменьшены всѣ діаметры малаго таза. Іюня 3-го было сдѣлано кесарское сѣченіе; ребенокъ вынутъ живой и отправленъ въ Грудныя Отдѣленія, гдѣ умеръ на 4 мѣсяцѣ жизни; мать умерла на 4 день послѣ операціи отъ воспаленія брюшины.

Вскорѣ, по перемѣщеніи Родильнаго Госпиталя въ Окружное строеніе, открыто въ немъ, 15 августа 1850 года, такъ называемое Отдѣленіе Кормилицъ, въ которое поступали тѣ разрѣшившіяся въ Секретно-Родильномъ Госпиталѣ, которыя желали кормить своихъ дѣтей. По правиламъ уже изложеннымъ выше, поступавшія оставались въ этомъ Отдѣленіи 9 дней, если болѣзнь матери или ребенка не требовали большаго срока и, по истеченіи его, если обстоятельства не мѣшали имъ продолжать кормленіе, отправлялись въ Грудныя Отдѣленія. Такихъ матерей поступило: съ 15 августа 1858 года по 1-е января 1859 г. 61

въ 1859 году	. . . . .	300
„ 1860 „	. . . . .	530
„ 1861 „	. . . . .	545
„ 1862 „	. . . . .	421
	итого	1857

Матерей вмѣстѣ съ дѣтьми отправлено въ Грудныя Отдѣленія:

въ 1858 г.	. . . . .	41
„ 1859 „	. . . . .	249
„ 1860 „	. . . . .	472
„ 1861 „	. . . . .	488
„ 1862 „	. . . . .	366
	итого	1616

По болѣзни, или по неимѣнію молока, или по случаю смерти ребенка, матерей выбыло изъ Госпиталя:

въ 1858 г.	19
„ 1859 „	29
„ 1860 „	39
„ 1861 „	54
„ 1862 „	41
итого	182

Двѣ кормилицы оказались законными женами и были выпущены вмѣстѣ съ младенцами изъ Госпиталя.

Къ 1863 году оставалось на лицо 7 кормилицъ.

Дѣтей умерло въ Госпиталѣ:

въ 1858 г.	—
„ 1859 „	8
„ 1860 „	16
„ 1861 „	15
„ 1862 „	11
итого	50

изъ 1616 дѣтей умерло въ первые 9 дней жизни 50, т. е. 3%.

Причиною смерти была большею частію непроходимость легкихъ (atelectasis pulmonum), поэтому обращали особенное вниманіе, при рожденіи ребенка, на громкій крикъ и принуждали его къ крику холодными опрыскиваніями, или окунаніемъ въ холодную воду. Если не удавалось сейчасъ послѣ родовъ сдѣлать легкіе проходимыми воздуху, то впослѣдствіи всѣ средства оказывались безуспѣшными.

Изъ болѣзней новорожденныхъ встрѣчалось чаще всего воспаленіе глазъ (ophtalmia neonatorum) катаральнаго характера; при этомъ употреблялась въ послѣднее время съ успѣхомъ одна только примочка изъ холодной воды и частое промываніе глазъ; другія средства оказывались недѣйствительными. Послѣ утиханія острыхъ воспалительныхъ припадковъ, для прекращенія отдѣленія слизи (Blennorrhoea) назначался слабый растворъ ляписа. Воспаленіе глазъ съ дифтерическимъ характеромъ не было съ апрѣля 1862 года по апрѣль 1863 года; дѣтей съ воспаленіемъ глазъ было 29 – и изъ нихъ только у двухъ замѣчено пораженіе роговой оболочки.

Незамѣчено однако же вреднаго вліянія на ребенка, если его продолжала кормить мать, заболѣвшая родильною горячкою. На здоровье же матери кормленіе, по нашему мнѣнію, могло дѣйствовать лишь благопріятно, потому что оно вызываетъ сокращеніе матки. Черезъ это самое лучше всего совершается ея обратное развитіе, что такъ необходимо для благопріятнаго теченія послѣродоваго времени. Въ этихъ видахъ никогда не полагается препятствія кормленію ребенка матерью, заболѣвшею родильною горячкою.

ВѢДОМОСТЬ СЕКРЕТНО-РОДИЛЬНАГО ГОСПИТАЛЯ

Годъ.	Къ началу года состояло на лицо.		Беременныхъ.	Разрѣшилось.				Отдано въ Крестовое Отдѣленіе		Взято матерями на свое попеченіе.	Родильницъ выпущено.	Родильницъ умерло.	Изъ 100 умирало	Осталось на лицо.	
	Беременныхъ.	Родильницъ.	Поступило.	Живыми.	Двойн.	Тройн.	Мертвыми, въ томъ числѣ выкидыши и недоношенные.	Мужескаго.	Женскаго.					Беременныхъ.	Родильницъ.
1832	3	15	844	765	10	»	68	406	379	«	834	11	1,3	4	13
1833	4	13	1013	935	14	»	67	511	450	1	989	19	1,8	1	21
1834	1	21	987	895	16	»	71	478	446	2	957	25	2,5	6	21
1835	6	21	883	808	17	»	59	482	378	4	876	14	1.5	5	15
1836	5	15	1035	942	19	1	76	515	467	1	1026	17	1,6	2	10
1837	2	10	1129	1017	24	»	90	567	496	2	1117	16	1.4	»	8
1838	»	8	1164	1045	20	1	96	561	526	1	1153	8	0.6	2	9
1839	2	9	1217	1110	20	»	89	557	590	3	1186	19	1,5	»	23
1840	»	23	1097	990	25	»	82	540	495	5	1062	38	3,4	»	20
1841	»	20	1001	920	21	»	54	472	490	»	974	20	2,0	6	21
1842	6	21	1186	1060	21	1	96	560	539	6	1151	31	2,6	14	15
1843	14	15	1255	1115	16	»	125	596	547	4	1216	38	3,0	13	17
1844	13	17	1479	1321	23	»	130	695	667	5	1451	18	1,2	18	22
1845	18	22	1651	1438	30	»	120	796	748	4	1621	21	1,2	31	18
1846	31	18	1894	1735	18	»	139	905	862	4	1852	33	1,7	33	25
1847	33	25	1692	1556	35	1	115	845	783	1	1679	32	1,8	18	21
1848	18	21	1698	1519	36	1	145	872	722	»	1641	58	3,4	15	23
1849	15	23	1648	1505	30	1	114	767	801	»	1584	69	4,1	13	20
1850	13	20	1776	1594	40	1	141	837	839	1	1709	70	3,9	13	17
1851	13	17	1777	1603	40	1	133	890	796	»	1716	48	2,7	13	30
1852	13	30	1851	1658	37	»	152	854	878	»	1805	49	2 6	17	23
1853	17	23	2014	1808	45	»	162	995	905	5	1943	79	3 8	16	16
1854	16	16	2157	1965	37	»	160	1057	974	8	2063	90	4,4	11	25
1855	11	25	2327	2130	46	»	156	1129	1092	1	2225	103	4,4	6	29
1856	6	29	2528	2302	52	»	174	1294	1102	10	2496	36	4,4	6	25
1857	6	25	2619	2378	48	1	196	1266	1205	6	2578	38	4,4	2	32
1858	2	32	2545	2264	56	1	223	1218	1151	7	2400	138	5,4	6	35
1859	6	35	2695	2420	50	1	229	1299	1197	5	2625	65	2,4	1	45
1860	1	45	2710	2423	50	1	237	1270	1230	8	2616	99	3,6	»	41
1861	»	41	2823	2505	68	»	249	1393	1237	8	2743	65	2,3	1	25
1862	1	25	2341	2126	47	1	168	1161	1036	4	2271	63	2,6	»	33
	Итого	. . . .	53,036	47,899	1011	13	4,116	25,668	24,028	106	51,589	1432	2,7		

ЗАКОННО-РОДИЛЬНЫЙ ГОСПИТАЛЬ.

Въ 1805 году, марта 6 Императрица Марія Ѳеодоровна дала повелѣніе Московскому Опекунскому Совѣту учредить въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ на Ея иждивеніе Госпиталь на 20 кроватей, для замужнихъ женщинъ свободнаго состоянія.

Въ запискѣ Государю Императору, Императрица писала такъ: „Многія бѣдныя честныя и порядочнаго поведенія женщины въ Москвѣ, не имѣя способовъ призвать при разрѣшеніи своемъ въ помощь искусныхъ бабокъ, охотно прибѣглибы къ учрежденному при Московскомъ Воспитательномъ Домѣ Госпиталю, если-бы узаконенное правило, что всѣ, рожденные въ семъ заведеніи, младенцы должны отданы быть въ Воспитательный Домъ и что пріемъ и разрѣшеніе происходятъ секретно, ихъ не удерживало; и такъ по симъ причинамъ, по любви къ дѣтямъ и по бѣдности, онѣ нерѣдко подвергаютъ жизнь свою опасности отъ незнанія простыхъ бабокъ.“

Госпиталь былъ открытъ 22 іюля 1805 года, и объ этомъ было публиковано въ общее свѣдѣніе.

Въ тотъ-же день, о томъ, какъ должны вести себя беременныя и родильницы, данъ слѣдующій наказъ:

„Поелику сія благотворная родильня для однихъ замужнихъ женъ, съ Высочайшаго согласія Всеавгустѣйшаго нашего Монарха, заведена Всемилостивѣйшею нашею Императрицею Маріею Ѳеодоровною, то всякая, въ оной находящаяся, беременная женщина должна первѣйшимъ и священнѣйшимъ долгомъ себѣ поставлять, въ знакъ своей признательности, ежедневно поутру и ввечеру молить Всевышняго, какъ о сохраненіи здравія Его Императорскаго Величества Всеавгустѣйшаго нашего Государя Императора, Супруги Его Ея Величества Государыни Императрицы Елизаветы Алексѣевны, Ея Императорскаго Величества Всемилостивѣйшей Основательницы оной родильни, такъ и о благоденствіи всего Императорскаго Дома.— Беременныя и роженицы, коимъ въ разсужденіи ихъ здоровья отъ профессора не позволено лежать въ постели, должны, вставъ поутру въ 7 часовъ, причесать себѣ голову, умыть лице и руки и потомъ, одѣвшись чисто и порядочно, собраться на утреннюю молитву; тѣ, кои Греческаго Исповѣданія, совершаютъ молитву свою вкупѣ и громогласно, а иновѣркамъ предоставляется молиться тихо или про себя.“

„За завтракомъ обѣдомъ и ужиннымъ столомъ имѣютъ онѣ наистрожайше наблюдать опрятность и вообще должны онѣ быть осторожны, а равнымъ образомъ чтобъ не марать и не портить постельный приборъ, завѣсы и прочее, что къ домовымъ украшеніямъ принадлежитъ.“

„Въ разговорахъ ихъ должны господствовать скромность и благопристойность, и всѣ ихъ поступки должны знаменовать благонравіе и совершенную покорность во всемъ, что имъ приказывается. Да не отважится ни которая изъ нихъ заводить какія либо ссоры, но имѣетъ

основательную свою жалобу приносить профессору или доктору."

„Каждый день обязаны двѣ беременныя женщины дневать у роженицъ и дѣтей ихъ пеленать такимъ образомъ, какъ имъ показано будетъ и съ такою при томъ осторожностью, какъ бы онѣ обходились съ своими собственными дѣтьми, поелику та услуга, кою онѣ оказываютъ роженицамъ, замѣняется имъ черезъ короткое время другими беременными, кои послѣ нихъ вступятъ. Въ ночное время онѣ отъ сего освобождаются, а пеленаютъ дѣтей уже дежурныя ученицы. Беременнымъ не позволяется быть въ залѣ роженицъ, а имѣть имъ только въ случаѣ надобности проходъ чрезъ оный."

„Съ дозволенія профессора, а во время отсутствія его съ дозволенія бабушки, можетъ беременная или роженица принять посѣщеніе, но деньги, съѣстное, домашнія лекарства, бѣлье и сему подобное ни подъ какимъ видомъ принимать имъ не позволяется."

„Въ 8 часовъ вечера собираются онѣ на вечернюю молитву, по совершеніи которой, должна каждая въ тишинѣ ложиться спать, дабы не нарушать покой другихъ."

„Таковая-же изъ беременныхъ и роженицъ, которая нарушеніемъ сего наказа или невыполненіемъ въ точности, предписанныхъ въ немъ правилъ, содѣлается высокихъ милостей Основательницы сей благотворной, и только для благонравныхъ честныхъ и бѣдныхъ замужнихъ женъ учрежденной родильни, недостойною, будетъ, не взирая ни на что, изъ оной выслана и никогда въ оную принята не будетъ."

При Высочайшемъ повелѣніи, данномъ 6-го марта, присланы были Императрицею правила родовспомогательнаго заведенія, находящагося при Институтѣ Повивальнаго Искуства въ Петербургѣ, съ тѣмъ, чтобъ ими руководствовался и Московскій Законно-Родильный Госпиталь. Вотъ три основныя правила, выраженныя въ этомъ уставѣ:

1. „Въ Законно-Родильный Госпиталь принимаются только бѣдныя замужнія женщины, по представленіи, въ удостовѣреніе брачнаго ихъ состоянія, свидѣтельства, вѣнчавшаго ихъ священника или достовѣрныхъ особъ."

2. „Онѣ принимаются не иначе какъ на девятомъ мѣсяцѣ беременности, дабы болѣе раннимъ приходомъ въ Госпиталь не занимать напрасно мѣстъ, на которыя имѣютъ право требующія скорѣйшей помощи."

3. „Онѣ должны обязаться младенца, ими рожденнаго, не отдавать въ Воспитательный Домъ, а содержать онаго у себя."

Изъ этихъ правилъ видно, въ чемъ состояла особенность Законно-Родильнаго Госпиталя; что-же касается до прочихъ правилъ пріема содержанія и выпуска родильницъ изъ Госпиталя, то, сколько извѣстно руководствовались преимущественно тѣми-же правилами, какъ и въ Секретно-Родильномъ Госпиталѣ.

Первоначальное помѣщеніе Госпиталя было въ двухъ-этажномъ флигелѣ, примыкающемъ къ Квадрату со стороны главнаго въѣзда, гдѣ уже помѣщались Секретно-Родильный Госпиталь и Повивальный Институтъ. Здѣсь Госпиталь имѣлъ вѣроятно гораздо менѣе двадцати кроватей, такъ какъ въ первые годы число разрѣшавшихся въ немъ было очень незначительно и потому занималъ небольшое помѣщеніе въ нижнемъ этажѣ съ лѣвой стороны. Для помощи при родахъ была опредѣлена младшая повивальная бабка; для ухода за родильницами—достаточное количество прислуги.

По указу 1800 года учившіяся на сторонѣ и экзаменующіяся на званіе повивальныхъ бабокъ, въ случаѣ неудовлетворительныхъ свѣдѣній, должны были для усовершенствованія посѣщать Секретно-Родильный Госпиталь. А по учрежденіи Законнаго, съ 1805 года они назначались въ сей послѣдній, для лучшаго соблюденія тайны Секретнаго Госпиталя. Впрочемъ по преданію извѣстно, что это правило рѣдко примѣнялось и въ Госпиталѣ; по большей части дежурили казенныя воспитанницы Повивальнаго Института. Такъ было до 1842 года, когда по Высочайшему повелѣнію дозволено было слушать лекціи въ Повивальномъ Институтѣ вольноприходящимъ слушательницамъ всѣхъ свободныхъ состояній, которыя и замѣнили въ скоромъ времени казенныхъ воспитанницъ. Кромѣ того производили помощь при родахъ въ Госпиталѣ дежурныя изъ бабокъ, назначенныхъ въ 1810 году для помощи

родильницамъ внѣ Воспитательнаго Дома, когда онѣ были свободны отъ этой прямой своей обязанности. Впослѣдствіи, когда по штату на время утвержденному 1858 года мая 5, онѣ были зачислены въ штатъ бабокъ при самомъ Родовспомогательномъ Заведеніи, то двѣ изъ нихъ поступили на вновь открытыя вакансіи помощницъ повивальной бабки при Законно-Родильномъ Госпиталѣ.

Составъ медицинскаго штата, какъ при основаніи Госпиталя, такъ и впослѣдствіи былъ общій съ Секретно-Родильнымъ Госпиталемъ.

Изъ правилъ, которыми руководствовался Госпиталь, измѣнилось лишь то, которое требовало, чтобы родильницы содержали дѣтей у себя, когда стали принимать въ Домъ на вскормленіе въ продолженіе года дѣтей бѣднѣйшихъ родителей, тогда законныя родильницы получили возможность отдавать дѣтей въ Грудныя Отдѣленія.

Перемѣны въ помѣщеніи Госпиталя происходили вмѣстѣ съ Секретно-Родильнымъ Госпиталемъ и Повивальнымъ Институтомъ. Въ 1840 году, послѣ предварительныхъ передѣлокъ въ домѣ, бывшемъ Семеновой, въ него были перемѣщены всѣ три учрежденія, при чемъ Законно-Родильный Госпиталь былъ помѣщенъ во флигелѣ, находящемся съ правой стороны. Въ немъ было опредѣлено по штату 10 кроватей, причемъ было обращено вниманіе на малое число родовъ, бывавшихъ до того времени; такъ въ первые 34 года, съ 1806 по 1840 включительно, число ежегодныхъ родовъ никогда не превышало 46. Наконецъ въ 1857 году Госпиталь и другія два учрежденія были переведены въ Окружное строеніе, что было необходимо, по тѣснотѣ и неудобству прежняго помѣщенія. Здѣсь, вслѣдствіе увеличенія въ послѣдніе годы числа разрѣшавшихся въ Госпиталѣ, уже было положено по штату 15 кроватей.— Вскорѣ найдено было нужнымъ занять еще 6 запасныхъ кроватей, а въ 1861 году число разрѣшавшихся увеличилось еще болѣе, вслѣдствіе перехода крѣпостныхъ людей въ свободное состояніе, причемъ они уже имѣли право пользоваться пособіемъ въ Госпиталѣ,—и по распоряженію директора Воспитательнаго Дома на время отдѣлены были отъ Лазарета деревенскихъ питомцевъ 2 комнаты съ 14 кроватями, что, замѣтимъ, не потребовало особыхъ расходовъ, такъ какъ бѣлье и прислуга здѣсь полагались и прежде.

Госпиталь содержался съ самаго дня основанія и теперь содержится на суммы, жалованныя въ разное время Августѣйшею его Основательницею. (Объ этомъ подробнѣе изложено въ статьѣ о благотворителяхъ Дома стр. 63).

Въ настоящее время Законно-Родильный Госпиталь помѣщается во второмъ этажѣ Окружнаго строенія, между Секретно-Родильнымъ Госпиталемъ и Госпиталемъ деревенскихъ питомцевъ, и занимаетъ 15 кроватей по штату, утвержденному 1858 года. Кромѣ того 6 кроватей запасныхъ и еще 14 отдѣленныхъ взяты на время отъ Лазарета деревенскихъ питомцевъ. Слѣдовательно въ Госпиталѣ всего 35 кроватей, которыя помѣщаются въ шести комнатахъ. Кромѣ того имѣется: комната для разрѣшенія отъ бремени (съ тремя кушетками, приспособленными для акта родовъ, ванной для очищенія дѣтей и шкафомъ для необходимѣйшихъ лекарствъ; въ ней также находятся 2 кровати дежурныхъ ученицъ); другая комната, назначенная для окончанія трудныхъ родовъ, устроена отдѣльно, чтобы производимыя операціи не могли тревожить другихъ роженицъ (въ ней кушетка и кровать, на которую роженица помѣщается послѣ операціи на болѣе или менѣе долгое время, за тѣмъ чтобы ее не утомить болѣе далекимъ переносомъ въ другую палату).—Въ этомъ Госпиталѣ устройство комнатъ и корридора, а также и мебель такія-же, какъ и въ Секретно-Родильномъ Госпиталѣ, съ тою только разницею, что 15 кроватей, назначенныя по послѣднему штату, имѣютъ ситцевыя занавѣсы, которыя были и прежде. Бѣлье тоже въ этомъ Госпиталѣ лучше нежели въ общемъ Секретно-Родильномъ и матрацы набиты гривою. Замѣтимъ здѣсь, что двѣ комнаты, которыя взяты отъ Лазарета деревенскихъ питомцевъ, нѣсколько отдѣлены отъ прочаго помѣщенія Госпиталя комнатами, принадлежащими Повивальному Институту.

Въ настоящее время пріемъ и содержаніе

въ Госпиталѣ производятся почти также, какъ и прежде:

По прибытіи беременной, дежурная акушерка удостовѣряется изъ ея бумагъ, что она имѣетъ мужа или что лишилась его недавно, потомъ ее осматриваетъ, и если роды уже начались, то роженица оставляется въ родильной комнатѣ, а если нѣтъ, но время разрѣшенія близко, такъ что можно ожидать родовъ не далѣе какъ черезъ недѣлю, то беременная оставляется въ Госпиталѣ и отводится въ комнату беременныхъ. Должно замѣтить, что если есть свободныя кровати, а беременная нуждается въ пріютѣ, то пріемъ дѣлается даже и за мѣсяцъ до родовъ.

Въ случаѣ, если беременная явившаяся въ Госпиталь не принесла свидѣтельства о своемъ замужнемъ состояніи, но обѣщаетъ вскорѣ его доставить, то она временно помѣщается въ Секретно-Родильный Госпиталь, откуда, по полученіи нужнаго свидѣтельства, перемѣщается въ Закопно-Родильный.

Каждая изъ принятыхъ въ Госпиталь женщинъ, тотчасъ по вступленіи, надѣваетъ казенное платье, а то, въ которомъ она прибыла, записывается въ книгу и сохраняется до ея выхода изъ Госпиталя. Каждая изъ поступившихъ беретъ ванну, исключая случаевъ, когда близость родовъ тому препятствуетъ.

Женщины, уже разрѣшившіяся, въ Госпиталь не принимаются, такъ какъ это было бы несогласно съ цѣлью Госпиталя; но въ случаѣ, если женщина разрѣшилась на дорогѣ къ Госпиталю, то ее принимаютъ.

При нормальномъ теченіи послѣродоваго періода, родильница можетъ оставаться въ Госпиталѣ послѣ своего разрѣшенія еще двѣ недѣли. Впрочемъ не всѣ пользуются этимъ правомъ; многія выписываются, по истеченіи 9 дней, что имъ и дозволяется, если палатный врачъ и главный акушеръ находятъ ихъ довольно здоровыми. Бываютъ случаи, что, по неотступной просьбѣ родильницы, отпускаютъ ее и прежде 9 дней, но уже никакъ не ранѣе, какъ на четвертые сутки послѣ родовъ. Замѣтимъ, что во время пребыванія женщины въ Госпиталѣ часто семейство ея остается безъ надзора. Кромѣ того многія изъ нихъ, находясь въ услуженіи, боятся потерять свое мѣсто.

И беременныя и родильницы имѣютъ право ежедневно видѣться съ родными и знакомыми, для посѣщенія которыхъ назначено время отъ 12 до 4 часовъ по полудни, а въ исключительныхъ случаяхъ свиданія дозволяются и въ другое время.

Беременныя получаютъ столъ воспитанницъ Николаевскаго Института, состоящій изъ трехъ блюдъ въ обѣдѣ и двухъ въ ужинѣ. Родильницы, какъ въ обѣдѣ, такъ и въ ужинѣ, пользуются тѣмъ-же столомъ, какъ и родильницы въ особо-Секретномъ отдѣленіи. Какъ беременныя, такъ и родильницы получаютъ 2 раза въ день по кружкѣ чая и по фунту бѣлаго хлѣба. Столъ можетъ быть видоизмѣняемъ по предписанію врача и, въ случаѣ необходимости, больныя получаютъ пиво и виноградное вино.

Что касается до пособія при родахъ, то оно исполняется вольноприходящими ученицами Повивальнаго Института, подъ непосредственнымъ надзоромъ дежурной повивальной бабки, которая находится безотлучно въ родильной комнатѣ. Въ случаѣ же неправильности, роды оканчиваются дежурнымъ врачемъ (который, должно замѣтить, есть дежурный врачъ только для одного Родовспомогательнаго Заведенія и находится при немъ безотлучно въ продолженіе сутокъ).

Уходъ за беременными и родильницами, а также и дѣтьми, т. е. приложеніе лекарствъ предписанныхъ врачемъ, поддержаніе чистоты тѣла младенцевъ, ихъ пеленанье и т. п. исполняется также дежурными ученицами; кромѣ того находится при Госпиталѣ достаточное количество прислуги.

При Госпиталѣ состоятъ: младшая повивальная бабка и двѣ помощницы, которыя и дежурятъ попеременно.

Въ случаѣ болѣзни или смерти родильницы, по свидѣтельству палатнаго врача и главнаго акушера, Воспитательный Домъ даетъ младенцу кормилицу. Если-же родильница, по бѣдности или по болѣзни, которая продолжается и по выходѣ ея изъ Госпиталя, не можетъ кормить своего ребенка, то по представленіи въ первомъ

случаѣ свидѣтельства отъ полиціи, а во второмъ-отъ врача, можетъ просить Управленіе Воспитательнаго Дома о принятіи ребенка на вскормленіе до достиженія имъ возраста одного года, что и исполняется, но не иначе, какъ съ строгимъ разборомъ.

При Госпиталѣ съ самаго его основанія заведены книги, гдѣ записывается время вступленія женщины въ Госпиталь, ея имя и званіе, свидѣтельство, по которому она поступила, возрастъ и число беременностей, положеніе младенца, время разрѣшенія, правильны роды или нѣтъ, легки или трудны и почему, образъ отдѣленія послѣда; въ чемъ состояла помощь при родахъ, благопріятны-ли были роды для матери и младенца, кто окончилъ роды, полъ и имя младенца, болѣзненные припадки послѣ родовъ, если они были, и пользованіе и наконецъ—время выхода родильницы изъ Госпиталя.

Крещеніе новорожденныхъ, равно какъ и другія духовныя требы, совершаются въ самомъ Госпиталѣ однимъ изъ священниковъ Дома и родильница можетъ пригласить въ воспріемники кого желаетъ. Для неправославныхъ приглашается священникъ того исповѣданія, къ которому онѣ принадлежатъ.

Изъ слѣдующей за симъ таблицы видно, сколько поступило въ Законно-Родильный Госпиталь и сколько въ немъ умерло родильницъ, а также и процентъ смертности съ 22 іюля 1805 года по 1-е января 1863 года.

годы.	поступило.	умерло.	процентъ.
1805	5	»	»
1806	20	1	5,00
1807	30	»	»
1808	37	1	2,70
1809	28	»	»
1810	32	»	»
1811	31	»	»
1812	36	»	»
1813	17	»	»
1814	21	»	«
1815	12	»	»
1816	20	»	»
1817	14	»	»
1818	10	»	»
1819	10	»	»

годы.	поступило.	умерло.	процентъ.
1820	10	»	»
1821	13	»	»
1822	11	»	»
1823	12	»	»
1824	15	»	«
1825	8	»	»
1826	25	»	»
1827	24	1	4,16
1828	19	»	»
1829	27	»	»
1830	18	»	»
1831	31	2	6,05
1832	27	3	11,11
1833	33	3	9,09

годы.	поступило.	умерло.	процентъ.
1834	40	2	5,00
1835	35	1	2,85
1836	38	1	2,63
1837	35	«	»
1838	46	«	»
1839	43	2	4,65
1840	40	2	5,00
1841	54	1	1,85
1842	74	5	6,75
1843	74	2	2,70
1844	98	3	3,06
1845	102	4	3,92
1846	131	4	3,05
1847	159	3	1,88
1848	175	16	9,14
1849	160	5	3,12

годы.	поступило.	умерло.	процентъ.
1850	161	5	3,10
1851	170	12	7,05
1852	196	5	2,55
1853	222	7	3,15
1854	250	8	3,20
1855	230	10	4,34
1856	232	5	2,15
1857	315	10	3,17
1858	367	15	4,08
1859	381	19	4,98
1860	387	18	4,65
1861	458	22	4,80
1862	566	29	5,12
58 лѣтъ	5834	227	3,89

Общій процентъ смертности 3, 89; если же исключить годадо 1831-го,когда родильницъ было очень мало, цифры за послѣднія 32 года будутъ такія: разрѣшившихся 5330, умершихъ 224, процентъ смертности 4,20. Въ Секретно-Родильномъ Госпиталѣ въ эти 32 года разрѣшилось 53779, умерло 1441; процентъ смертности 2,68.—Такой избытокъ смертности Законно-Родильнаго Госпиталя противъ Секретно-Родильнаго объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что въ первомъ роженицы остаются долѣе; тогда какъ изъ послѣдняго они выходятъ нерѣдко на 2-й и 3-й день послѣ родовъ, когда родильные процессы—главный бичь родильницъ—еще не успѣютъ развиться, и нерѣдко случается видѣть выписавшихся изъ Госпиталя родильницъ, которыя заболѣваютъ и умираютъ дома, или въ другой больницѣ. Что же касается до господствующихъ болѣзней, то они общи съ Секретно-Родильнымъ Госпиталемъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Высочайше утвержденный 15 марта 1858 года, въ видѣ опыта на два года, Уставъ Повивальнаго Института и Родильныхъ Госпиталей при Московскомъ Воспитательномъ Домѣ.

ГЛАВА I.

ПОЛОЖЕНІЯ ОБЩІЯ.

1) Повивальный Институтъ и Родильныя Госпитали Московскаго Воспитательнаго Дома, находясь въ вѣдомствѣ Московскаго Опекунскаго Совѣта, состоятъ подъ начальствомъ почетнаго опекуна, завѣдывающаго Воспитательнымъ Домомъ и управляются директоромъ сего Дома.

2) Въ медицинскомъ отношеніи Институтъ и Госпитали подчиняются наблюденію Медицинскаго инспектора московскихъ учрежденій Императрицы Маріи; непосредственное же завѣдываніе медицинскою и учебною частію поручается главному акушеру.

3) Число служащихъ при Институтѣ и Госпиталяхъ лицъ обоего пола, равно суммы, отпускаемыя на содержаніе заведеній изъ доходовъ Воспитательнаго Дома *опредѣляются штатомъ*; обязанности же служащихъ обозначены въ особыхъ инструкціяхъ.

4) Относительно исправнаго содержанія Института и Госпиталей, снабженія ихъ необходимыми потребностями, расходованія суммъ и отчетности, какъ денежной, такъ и матеріальной, равно опредѣленія и увольненія служащихъ, а также ихъ правъ и преимуществъ соблюдаются общія по Московскому Воспитательному Дому правила.

ГЛАВА II.

О ПОВИВАЛЬНОМЪ ИНСТИТУТѢ.

Отдѣленіе 1.

ЦѢЛЬ И СОСТАВЪ ИНСТИТУТА.

5) Цѣль Повивальнаго Института заключается въ теоретическомъ и практическомъ образованіи повивальныхъ бабокъ.

6) Повивальный Институтъ состоитъ изъ: 1) Казенныхъ воспитанницъ, пользующихся содержаніемъ на счетъ суммъ заведенія. 2) Крестьянскихъ ученицъ, принимаемыхъ за особую плату. 3) Приходящихъ ученицъ, посѣщающихъ лекціи повивальнаго искуства.

Отдѣленіе 2.

О КАЗЕННЫХЪ ВОСПИТАННИЦАХЪ ИНСТИТУТА.

7) Въ число казенныхъ воспитанницъ принимаются недостаточныя дѣвицы, жены и вдовы безъ различія званій.

Примѣчаніе. Въ Повивальный Институтъ допускаются въ особо уважительныхъ случаяхъ и питомки Московскаго Воспитательнаго Дома.

8) Преимущественное право на пріемъ въ число казенныхъ воспитанницъ Повивальнаго Института предоставляется воспитанницамъ Московскаго Николаевскаго Сиротскаго Института, по собственному ихъ желанію и съ согласія

родителей, родственниковъ, опекуновъ, или вообще лицъ, попеченію коихъ онѣ ввѣрены.

Комплектъ казенныхъ воспитанницъ Повивальнаго Института опредѣляется въ 40 ученицъ.

10) Желающія поступить въ число казенныхъ воспитанницъ подаютъ о пріемѣ ихъ прошеніе въ Общее Управленіе Воспитательнаго Дома съ приложеніемъ свидѣтельствъ о рожденіи и крещеніи, о поведеніи своемъ и о согласіи родителей или опекуновъ, если просительница не достигла совершеннолѣтія, либо мужей, если онѣ въ замужествѣ.

11) Сущность занятій повивальныхъ бабокъ требуетъ, чтобы при опредѣленіи воспитанницъ строго обращаемо было вниманіе на необходимыя тѣлесныя и въ особенности нравственныя ихъ качества; почему онѣ подвергаются предварительно освидѣтельствованію и испытанію главнаго акушера, мнѣніе коего вмѣстѣ съ заключеніемъ директора Воспитательнаго Дома о пріемѣ въ число воспитанницъ представляется на утвержденіе Опекунскаго Совѣта.

12) Казенныя воспитанницы принимаются не моложе 18 и не старѣе 29 лѣтъ.

Примѣчаніе. Воспитанницы Сиротскаго Института, кончившія ученіе въ общихъ классахъ сего заведенія, принимаются на казенное содержаніе въ Повивальный Институтъ и ранѣе 18 лѣтъ.

13) Дѣвицы, не достигшія полнаго совершеннолѣтія, т. е. 21 года, и опредѣляемыя въ число казенныхъ воспитанницъ, поступаютъ на полное содержаніе Института и остаются тамъ во все время установленнаго учебнаго курса. Прочія изъ принятыхъ въ казенныя воспитанницы живутъ внѣ заведенія; но посѣщая уроки и исполняя всѣ установленныя обязанности, получаютъ въ пособіе на содержаніе ту сумму, въ какую обходится полное продовольствіе воспитанницъ въ заведеніи, а именно по 96 рублей въ годъ.

Примѣчаніе. Потребная на сей расходъ сумма, не входя въ штатныя по Воспитательному Дому издержки, отпускается сверхъ штата изъ общихъ его доходовъ.

14) Опредѣляемыя въ казенныя воспитанницы должны знать четыре правила ариѳметики, равно умѣть читать и писать по-русски, въ чемъ и производится имъ предварительно испытаніе.

15) Главный предметъ ученія въ Институтѣ есть повивальное искуство, преподаваемое теоретически въ классахъ и практически въ Родильныхъ Госпиталяхъ. Сверхъ того казенныя воспитанницы обучаются Закону Божію, если до поступленія въ заведеніе не успѣли пріобрѣсти надлежащихъ въ семъ предметѣ свѣдѣній, а желающія и нѣмецкому языку.

16) Учебный курсъ для казенныхъ воспитанницъ продолжается 3 года. Оказавшія слабыя успѣхи могутъ быть оставляемы и далѣе сего срока, исключая лишь тѣхъ, кои оказались бы неспособными къ продолженію ученія.

17) Въ Институтѣ установляется опредѣленный порядокъ распредѣленія времени занятій воспитанницъ и производства имъ ежегодныхъ испытаній.

18) Живущія въ заведеніи воспитанницы ввѣряются надзору особыхъ надзирательницъ и сверхъ учебныхъ упражненій, по распоряженію мѣстнаго начальства, посвящаютъ свободные часы уходу за дѣтьми въ Грудныхъ Отдѣленіяхъ Воспитательнаго Дома, занимаясь тамъ практически и оспопрививаніемъ.

19) Поведеніе и нравственность казенныхъ воспитанницъ, живущихъ на наемныхъ квартирахъ, подвергается надзору начальства заведенія и онѣ обязываются подписками къ исправному посѣщенію уроковъ и точному исполненію всѣхъ обязанностей по Институту, равно должны являться на лекціи и дежурство въ Госпиталяхъ въ платьяхъ, по одинакой формѣ.

20) Въ случаѣ неблагопріятныхъ свѣдѣній о поведеніи или неисполненіи обязанностей и нерачительнаго пользованія уроками, онѣ исключаются изъ числа воспитанницъ.

21) По окончаніи казенными воспитанницами полнаго учебнаго курса, имъ производится публичное испытаніе, въ присутствіи начальства заведенія, депутатами Медицинской Конторы и Медицинскаго факультета Московскаго Университета. Къ сему испытанію приглашаются и другіе извѣстнѣйшіе медики.

22) По свѣдѣніямъ, требуемымъ отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ объ имѣющихся

въ губерніяхъ вакансіяхъ повивальныхъ бабокъ, воспитанницы, выдержившія испытаніе, распредѣляются на открывшіяся мѣста, по усмотрѣнію институтскаго начальства. Въ случаѣ же недостатка такихъ вакансій, повивальныя бабки обязаны нести службу ученыхъ фельдшерицъ при Грудныхъ Отдѣленіяхъ Воспитательнаго Дома.

23) За неимѣніемъ вовсе казенныхъ мѣстъ, воспитанницы Повивальнаго Института опредѣляются въ частные дома или помѣстья и деревни на особыхъ установленныхъ уже условіяхъ.

24) По выдержаніи выпускнаго испытанія, назначается воспитанницамъ изъ суммъ Опекунскаго Совѣта денежное награжденіе по 75 р. сер. каждой; сверхъ того имъ раздаются поучительныя книги и особые ящики съ инструментами и лекарствами къ ихъ искуству относящимися.

25) Каждая воспитанница, выдержавшая съ успѣхомъ испытаніе, получаетъ отъ Института аттестатъ о способности къ исполненію обязанностей повивальной бабки. На основаніи этого аттестата выдается ей отъ Московскаго Университета дипломъ на сіе званіе.

26) Каждая повивальная бабка, получившая назначеніе, принимаетъ установленную присягу.

27) Отправленіе повивальныхъ бабокъ къ мѣстамъ ихъ назначенія возлагается на попеченіе начальства Воспитательнаго Дома, а деньги прогонныя и на путевыя издержки требуются Опекунскимъ Совѣтомъ, откуда слѣдуетъ.

28) Повивальныя бабки, воспитанныя на казенномъ иждивеніи, обязаны прослужить въ семъ званіи не менѣе 6 лѣтъ по назначенію правительства, за исключеніемъ только случаевъ нахожденія уже въ замужествѣ, или вступленія въ бракъ до истеченія сего срока.

29) Повивальнымъ бабкамъ, обязаннымъ исправлять казенную службу, въ первые 3 года послѣ выпуска производится опредѣленное жалованье вдвое, при чемъ половина отпускается изъ суммъ Воспитательнаго Дома, въ видѣ пособія, для безбѣднаго ихъ существованія.

30) До опредѣленія къ мѣстамъ, кончившія ученіе повивальныя бабки, оставаясь постоянно при Грудныхъ Отдѣленіяхъ Воспитательнаго Дома, отпускаются временно, для оказанія помощи родильницамъ въ частные дома съ вѣдома директора Воспитательнаго Дома, равно по наставленію главнаго акушера и старшей повивальной бабки.

Отдѣленіе 3.

О крестьянскихъ ученицахъ.

31) При Повивальномъ Институтѣ учреждается особое отдѣленіе, для обученія практическому повивальному искуству 15-ти крестьянокъ, поступающихъ, по распоряженію казенныхъ мѣстъ и помѣщиковъ, входящихъ о томъ въ сношеніе съ Общимъ Управленіемъ Воспитательнаго Дома.

32) Отъ ученицъ сихъ требуются слѣдующія условія: 1., возрастъ не моложе 20 и не старѣе 30 лѣтъ, 2., здоровое тѣлосложеніе безъ физическихъ недостатковъ и 3., надлежащая понятливость. Умѣющія читать и писать преимущественно предъ другими допускаются къ пріему.

33) Крестьянки, оказавшіяся въ теченіе первыхъ 3 мѣсяцевъ неспособными къ обученію, или по дурному поведенію немогущія быть терпимы въ заведеніи, отсылаются обратно на счетъ тѣхъ мѣстъ и лицъ, отъ коихъ опредѣлены въ Институтъ.

34) Плата за полное содержаніе и обученіе крестьянокъ полагается по 50 руб. сер. въ годъ.

35) Содержаніе ихъ полагается самое простое, дабы онѣ не отвыкали отъ крестьянскаго быта; въ свободное же отъ занятій время на нихъ возлагается исполненіе обязанностей наравнѣ съ няньками и другою женскою прислугою, по ближайшему усмотрѣнію начальства Воспитательнаго Дома.

36) Срокъ ученія крестьянокъ продолжается не менѣе 2 и не болѣе 3 лѣтъ; при чемъ ученіе полагается исключительно практическое, хотя повивальнымъ бабкамъ заведенія не воспрещается передавать имъ, по мѣрѣ возможности, и

нѣкоторыя необходимѣйшія теоретическія свѣдѣнія.

37) По окончаніи срока ученія, онѣ снабжаются установленными свидѣтельствами о степени обученія, по которымъ дозволяется имъ заниматься практикою, по ближайшему распоряженію тѣхъ мѣстъ и лицъ, коими онѣ отданы были въ Институтъ.

Отдѣленіе 4.

о приходящихъ ученицахъ.

38) Въ Повивальномъ Институтѣ два раза въ недѣлю, отдѣльно отъ казенныхъ воспитанницъ, преподается ученіе о повивальномъ искуствѣ приходящимъ ученицамъ изъ дѣвицъ и женщинъ безъ различія званія.

39) Приходящія ученицы допускаются къ посѣщенію лекцій съ разрѣшенія директора Воспитательнаго Дома, по предъявленіи ими свидѣтельства о званіи, поведеніи, лѣтахъ и о неимѣніи недостатковъ, препятствующихъ быть повивальною бабкою, равно по выдержаніи испытанія въ умѣніи читать и писать по-русски.

40) Вольныя слушательницы должны быть не моложе 20 и не старѣе 40 лѣтъ.

41) Число сихъ слушательницъ опредѣляется возможностію помѣщенія; пріемъ же производится только два раза въ теченіе года, именно предъ открытіемъ въ Институтѣ полугодичныхъ курсовъ въ декабрѣ и іюлѣ.

42) Вольныя слушательницы обязаны исправно посѣщать лекціи; въ случаѣ же отсутствія по уважительнымъ причинамъ извѣщать объ нихъ главнаго акушера.

43) По выслушаніи теоретическаго курса повивальной науки, оказавшія въ ономъ успѣхи, приходящія ученицы, допускаются по очереди на дежурство въ Родильный Госпиталь и Грудныя Отдѣленія, гдѣ обучаются практическому оспопрививанію.

44) Курсъ ученія для приходящихъ продолжается 3 года.

45) По выслушаніи ими полнаго учебнаго курса, имъ производится испытаніе при депутатахъ отъ Медицинской Конторы и Московскаго Университета, также какъ и казеннымъ воспитанницамъ.

46) Выдержавшимъ испытаніе выдается свидѣтельство отъ начальства Института и за подписаніемъ депутатовъ, производившихъ испытаніе.

47) По симъ свидѣтельствамъ онѣ получаютъ отъ Университета дипломы на званіе повивальныхъ бабокъ съ правомъ практики во всей Имперіи.

48) Каждая изъ нихъ, при вступленіи въ званіе повивальной бабки, даетъ установленную присягу.

ГЛАВА III.

о родильныхъ госпиталяхъ.

Отдѣленіе 1.

цѣль и составъ родильныхъ госпиталей.

49) Родильные Госпитали назначаются для пріема беременныхъ женщинъ, ожидающихъ близкаго разрѣшенія и вынужденныхъ искать въ семъ положеніи призрѣнія, равно въ доставленіи имъ безъ всякой платы полнаго содержанія и возможнаго въ родахъ, а также вообще врачебнаго пособія, до ихъ выздоровленія.

50) При Московскомъ Воспитательномъ Домѣ состоятъ два Родильныхъ Госпиталя: 1) Секретно-Родильный и 2) Законно-Родильный.

51) Беременныя допускаются въ Госпитали на 9-мъ мѣсяцѣ беременности, для чего онѣ осматриваются предварительно дежурною повивальною бабкою, которая, если убѣдится, что время разрѣшенія еще не близко, отказываетъ въ пріемѣ, объявляя около какого времени оный можетъ послѣдовать.

52) Въ чрезвычайныхъ случаяхъ дозволяет-

ся начальству Воспитательнаго Дома, при пріемѣ беременныхъ, срокомъ разрѣшенія не стѣсняться.

53) По разрѣшеніи родильницъ отъ бремени, дозволяется имъ пробыть въ Госпиталѣ до двухъ недѣль, кромѣ случаевъ опасной и продолжительной болѣзни, равно другихъ особенно уважительныхъ обстоятельствъ.

54) Всѣ принятыя въ Родильные Госпитали беременныя, по осмотрѣ ихъ дежурною бабкою, немедленно записываются въ пріемную книгу, которая ведется по установленной формѣ.

55) Всѣ беременныя и родильницы, вступившія въ Госпитали, подвергаются безотговорочно установленнымъ тамъ правиламъ и порядку, равно должны вести себя благопристойно, согласно существующему наказу.

56) Еслибъ родильница, не смотря на слабость и предвидимую для здоровья опасность, пожелала оставить Госпиталь, вопреки увѣщаніямъ главнаго акушера и повивальной бабки, то за симъ хотя она не удерживается въ заведеніи, но въ журналѣ Госпиталя отмѣчается, что такая-то выпущена противъ увѣщанія начальства, по собственному упорному желанію.

Отдѣленіе 2.

о секретно-родильномъ госпиталѣ.

57.) Въ Секретно-Родильный Госпиталь принимаются по желанію всѣ приходящія беременныя женщины, для разрѣшенія отъ бремени, во всякое время дня и ночи.

Примѣчаніе. Лишенныя ума, одержимыя сифилитическою или другою прилипчивою болѣзнію, или содержимыя въ тюремномъ заключеніи беременныя женщины принимаются въ Госпиталь не иначе, какъ въ чрезвычайныхъ случаяхъ и по усмотрѣнію начальства Воспитательнаго Дома.

58) Ни при поступленіи, ни во время пребыванія въ Секретно-Родильномъ Госпиталѣ не требуется отъ беременныхъ и родильницъ никакихъ свѣдѣній о ихъ имени и званіи; дозволяется имъ, если пожелаютъ, скрывать лице, а если-бъ какія либо ихъ обстоятельства почему либо и сдѣлались извѣстными, то оныя сохраняются въ строжайшей тайнѣ.

59) Поступающія въ Секретно-Родильный Госпиталь размѣщаются по 2 отдѣленіямъ: въ *общее*, куда принимаются беременныя, принадлежащія по видимому къ простому званію, и въ *особенное*, состоящее изъ отдѣльныхъ комнатъ, куда помѣщаются женщины, по происхожденію своему и степени нравственнаго развитія, желающія сохранить въ тайнѣ свой проступокъ.

60) Беременнымъ и родильницамъ Секретно-Родильнаго Госпиталя, въ опасномъ положеніи находящимся, предлагается, для собственной ихъ пользы, объявлять о свой личности и нуждахъ директору Воспитательнаго Дома, въ присутствіи священника.

61) Разрѣшающимся отъ бремени въ Секретно-Родильномъ Госпиталѣ предоставляется на волю—новорожденныхъ дѣтей отдавать въ Воспитательный Домъ, или брать на свое попеченіе.

62) Въ томъ и другомъ случаѣ однако онѣ обязаны, при возможности, сами кормить новорожденныхъ младенцевъ во все время пребыванія ихъ въ Госпиталѣ, и особенно, если физическое ихъ положеніе тому не препятствуетъ; за время кормленія ими дѣтей производится имъ таже плата, какая положена кормилицамъ Воспитательнаго Дома.

63) Для крещенія незаконныхъ дѣтей, по желанію матери, въ заведеніи, приглашается священникъ Православнаго исповѣданія, состоящій при Воспитательномъ Домѣ. На таковыхъ дѣтей, коихъ матери возьмутъ на свое попеченіе, выдаются свидѣтельства по установленной формѣ.

Отдѣленіе 3.

о законно-родильномъ госпиталѣ.

64) Въ Законно-Родильный Госпиталь принимаются только бѣдныя замужнія женщины, по предъявленіи ими надлежащаго свидѣтельства о состояніи ихъ въ бракѣ.

65) Разрѣшающіяся въ семъ Госпиталѣ замужнія женщины обязываются рожденныхъ ими дѣтей не отдавать въ Воспитательный Домъ, а содержать на своемъ попеченіи.

66) Для крещенія законныхъ дѣтей приглашается, по желанію матери, священникъ того исповѣданія, къ коему онѣ принадлежатъ.

67) Въ Законно-Родильномъ Госпиталѣ дежурятъ приходящія ученицы Повивальнаго Института, равно туда же посылаются, для усовершенствованія подъ руководствомъ опытныхъ повивальныхъ бабокъ, тѣ изъ экзаменующихся на сіе званіе женщинъ и дѣвицъ, кои на испытаніи оказались бы недостаточно приготовленными въ знаніи повивальнаго искуства.

II.

РАСПОРЯЖЕНІЯ О ПИТОМЦАХЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

ВОСПИТАНІЯ ПИТОМЦЕВЪ ВЪ ДЕРЕВНЯХЪ.

I.

(1764—1797).

При учрежденіи Московскаго Воспитательнаго Дома, первоначально имѣлось въ виду приносимымъ дѣтямъ давать воспитаніе въ самомъ Домѣ, до того возраста, когда они, получивъ образованіе, сообразное своимъ наклонностямъ и способностямъ, наконецъ достигнутъ возможности своими трудами снискивать себѣ пропитаніе.

Такое воспитаніе представлялось, съ перваго взгляда, соотвѣтственнымъ предположенной цѣли, ибо въ намѣреніяхъ Бецкаго было—обратить питомцевъ на усиленіе средняго сословія.

Бецкой высказалъ эту цѣль и въ Генеральномъ Учрежденіи о воспитаніи обоего пола юношества, конфирмованномъ Императрицей 12-го марта 1764-го года, и въ *Генеральномъ Планѣ Воспитательнаго Дома*.

Мысль Бецкаго еще яснѣе выражена въ предисловіи къ *Генеральному Плану Воспитательнаго Дома*, названному имъ: *предъувѣдомленіе къ читателямъ*. Здѣсь Бецкой прямо говоритъ, что Воспитательный Домъ долженъ образовать изъ дѣтей, которыя будутъ ввѣрены его попеченію, хорошихъ мастеровъ, художниковъ и ученыхъ.

Въ этихъ видахъ Генеральнымъ Планомъ постановлено, чтобы каждый питомецъ, по изученіи своего мастерства, оставался въ Домѣ и послѣ совершеннолѣтія. Тогда, вступивъ въ бракъ съ воспитанницею Воспитательнаго Дома, онъ обязанъ былъ три или четыре года работать въ мастерскихъ при Домѣ, впрочемъ получая за труды свои нѣкоторое вознагражденіе.

Однако воспитаніе дѣтей въ самомъ Домѣ скоро оказалось неудобнымъ. Скопленіе дѣтей въ палатахъ и недостатокъ въ кормилицахъ имѣли послѣдствіемъ чрезвычайную смертность между дѣтьми.

Въ 1764-мъ году, въ которомъ открытъ Воспитательнымъ Домомъ пріемъ дѣтей, изъ числа принесенныхъ 523-хъ младенцевъ, въ томъ же году умерло 424, то есть 81 изо 100.

Въ 1765-мъ году всѣхъ младенцевъ было въ Воспитательномъ Домѣ 892; умерло въ этомъ году 598, т. е. 67 изо 100.

Въ 1766-мъ году число находившихся въ Домѣ младенцевъ простиралось до 1036-ти; изъ нихъ умерло въ теченіе года 494, т. е. 47 изо 100.

Наконецъ, въ 1767-мъ году число принесенныхъ въ Домъ младенцевъ, съ поступившими въ него изъ Родильнаго Госпиталя и оставшимися отъ 1766-го года, простиралось до 1631; изъ нихъ къ концу года осталось въ живыхъ 557, умерло 1074, т. е. 65 изо 100.

Такимъ образомъ отъ 3147-ми младенцевъ, ввѣренныхъ попеченію Воспитательнаго Дома, по истеченіи 4-хъ лѣтъ, осталось въ живыхъ только 557, а 2590 умерло; слѣдовательно число умершихъ составляло 82 процента.

Такіе неудовлетворительные результаты заставили обратить вниманіе на причины смертности.

Опекунскій Совѣтъ, въ собраніи 10-го мая 1768 года, призналъ самою лучшею мѣрою, для

предупрежденія значительной смертности дѣтей, раздавать ихъ на воспитаніе по деревнямъ.

Впрочемъ мысль о сельскомъ воспитаніи явилась еще прежде: въ іюнѣ 1764 года, по письму Бецкаго, сдѣлано было распоряженіе о помѣщеніи 10-ти младенцевъ, въ видѣ опыта, къ деревенскимъ кормилицамъ, съ платою за воспитаніе каждаго по 1-му руб. 25 коп. въ мѣсяцъ. Результатовъ этой попытки мы не знаемъ; но только извѣстно, что впослѣдствіи самъ Бецкой былъ противъ деревенскаго воспитанія.

Въ ноябрѣ 1764-го года, крестьяне, сосѣдніе съ тѣми деревнями, по которымъ розданы были питомцы, изъявили желаніе брать на воспитаніе дѣтей, съ условіемъ получать за каждое дитя по 2 руб. въ мѣсяцъ вознагражденія.

Впрочемъ раздача дѣтей для воспитанія въ деревняхъ установилась не ранѣе 1768-го года. Въ теченіе менѣе чѣмъ осьми мѣсяцевъ (съ мая 1768 года по январь 1769-го), 432 младенца изъ числа 1671, бывшихъ въ Домѣ, вывезены кормилицами въ деревни. Въ дѣлахъ Коммиссіи, учрежденной въ 1796-мъ году, для разсмотрѣнія происшествій по Воспитательнымъ Домамъ, есть записка главнаго надзирателя Гаврилова, изъ которой видно, что съ 6-го мая 1768-го по іюнь 1769-го года младенцы раздавались по деревнямъ для вскормленія только на девять мѣсяцевъ. Впослѣдствіи они возвращались въ Домъ, для окончательнаго воспитанія и образованія, по достиженіи 3-хъ, 4-хъ и даже 5-лѣтняго возраста. По 2-му же или 3-му году ихъ привозили въ Воспитательный Домъ для привитія предохранительной оспы.

При первоначальной раздачѣ дѣтей по деревнямъ, въ 1768-мъ году, отъ приходящихъ кормилицъ требовались письменныя свидѣтельства, удостовѣряющія ихъ личность. Гавриловъ въ запискѣ своей говоритъ, что когда кормилицы были крѣпостныя, то въ пріемѣ ими младенцевъ требовалась росписка грамотныхъ людей, уполномоченныхъ отъ помѣщиковъ вѣрющими письмами. Они удостовѣряли личность кормилицы и получали, для передачи ей, жалованье, слѣдующее за вывезеннаго младенца. За воспитаніе каждаго изъ нихъ въ томъ году положено было выдавать по 2 руб. въ мѣсяцъ, и, сверхъ того, по 2 рубля награжденія, при возвращеніи младенца въ Домъ, по истеченіи 9-ти мѣсяцевъ. Съ іюня 1769-го года награжденія выдавали по 1-му рублю; а съ 21-го мая 1771-го года изъ 2-хъ рублей ежемѣсячнаго жалованья удерживалось по 50-ти копѣекъ. Сумма, собранная такимъ вычетомъ, выдавалась кормилицѣ, по вскормленіи ребенка и возвращеніи его въ Воспитательный Домъ.

Въ 1770-мъ году постановлено было: всѣмъ кормилицамъ, которыя брали дѣтей, отпускать на каждаго: 2 рубашки, 3 пеленки—одну байчатую и двѣ холстинныхъ—и по одной шапочкѣ. Приходя ежемѣсячно въ Воспитательный Домъ за жалованьемъ, кормилицы обязаны были приносить и всѣ эти вещи для освидѣтельствованія. За утраченныя у нихъ вычиталось изъ жалованья.

Въ 1777-мъ году 8-го іюня подтверждено назначеніе платы, опредѣленной деревенскимъ кормилицамъ за воспитаніе дѣтей, по 1 рублю 50 коп. въ мѣсяцъ, и назначено выдавать по прежнему 1 рубль серебромъ награжденія, при возвращеніи ребенка въ Воспитательный Домъ.

Но выдача кормилицѣ 50 коп. прибавочныхъ за каждый мѣсяцъ, по окончаніи деревенскаго воспитанія ребенка, отмѣнена. Въ журналѣ Опекунскаго Совѣта сказано, что такая прибавочная плата назначалась для поощренія крестьянскихъ женщинъ вывозить младенцевъ изъ Воспитательнаго Дома. А какъ въ деревенскихъ кормилицахъ уже недостатка не было, то и въ поощрительной прибавочной платѣ надобности болѣе не представлялось. При этомъ Совѣтъ принялъ во вниманіе, что изъ-за прибавочныхъ денегъ кормилицы иногда питомцевъ возвращали въ Домъ *„безвременно.“*

Тѣмъ же журналомъ Опекунскаго Совѣта вновь опредѣленъ былъ возрастъ, до котораго дѣти должны были оставаться у деревенскихъ воспитателей: положено оставлять ихъ въ деревняхъ до 2-хъ и 3-хъ лѣтъ, смотря по обстоятельствамъ и по усмотрѣнію главной надзирательницы и доктора.

Въ запискѣ Гаврилова сказано, что съ 1779 года выдача кормилицамъ награжденій отмѣне-

на.—И жалованье кормилицы получали не одинаковое: такъ главный надзиратель Ковалинскій иногда уговаривалъ ихъ брать младенцевъ за мѐньшую плату, и многія изъ нихъ, какъ видно изъ росписокъ въ книгахъ, безъ всякаго награжденія получали только по 1 рублю въ мѣсяцъ.

Въ 1779-мъ году утверждено новое положеніе: за воспитаніе младенцевъ въ деревняхъ назначено платить по 1 руб. 25. коп. въ мѣсяцъ.

Въ 1797-мъ году Опекунскій Совѣтъ призналъ полезнымъ, въ видахъ улучшенія содержанія дѣтей въ деревняхъ, увеличить, какъ количество отпускаемыхъ на нихъ вещей, такъ и вознагражденіе кормилицамъ:

Во 1-хъ, назначено было на каждаго ребенка, отправляемаго съ кормилицею въ деревню, выдавать 6 рубашекъ, 6 холстинныхъ пеленокъ и 3 пеленки каразейныя.

Во 2-хъ, на второй годъ воспитанія выдавать на каждаго ребенка по 13-ти аршинъ полотна и по $2\frac{1}{2}$ аршина каразеи; а на слѣдующіе годы—по 13-ти же аршинъ полотна и по 3 аршина каразеи.

Въ 3-хъ, жалованье назначалось по 1-му руб. 50 коп. въ мѣсяцъ, и сверхъ того положено выдавать каждой кормилицѣ по 50 коп., при пріемѣ ею младенца.

Въ 4-хъ, кормилицамъ, у которыхъ дѣти, при осмотрѣ ихъ объѣздными надзирателями и лекаремъ, окажутся здоровыми, выдавать сверхъ жалованья, по одному рублю награды за 3-й и 6-й мѣсяцы воспитанія, а потомъ ежегодно по 2 рубля, при полученіи жалованья за послѣдній мѣсяцъ года. При возвращеніи же ребенка въ Воспитательный Домъ на 6-мъ году—выдавать воспитательницѣ 6 руб. награжденія.

Еще въ 1768-мъ году, спустя нѣсколько дней послѣ первой раздачи младенцевъ для воспитанія деревенскимъ кормилицамъ, опредѣленъ Опекунскимъ Совѣтомъ особый чиновникъ, который долженъ былъ каждую недѣлю объѣзжать тѣ селенія, гдѣ находились питомцы. Онъ обязанъ былъ лично удостовѣряться, какъ они содержатся, нѣтъ-ли между ними больныхъ и вести наблюденіямъ своимъ журналъ. О всемъ замѣченномъ во время объѣздовъ на обязанности его лежало рапортовать каждую субботу главному надзирателю. Въ должность эту опредѣленъ былъ отставной конюшенный ясельничій Михаилъ Евреиновъ съ жалованьемъ по сту тридцати рублей въ годъ и по пятидесяти руб. на разъѣзды. Въ это время въ деревняхъ находилось всего только тридцать питомцевъ.

Не далѣе какъ черезъ мѣсяцъ, Опекунскій Совѣтъ снова обратилъ вниманіе на это дѣло, потому что число дѣтей въ деревняхъ возрастало,—и объѣзжать ихъ одному лицу было трудно. Тогда еженедѣльные объѣзды замѣнены были ежемѣсячными, и Евреинову увеличено жалованье 20-ю рублями.

Между тѣмъ, значительные расходы на раздачу дѣтей по деревнямъ, и усилившаяся между ними смертность въ 1779-мъ году навели Бецкаго на мысль воспитывать дѣтей въ лѣтнее время на Загородномъ Дворѣ, а на зиму перевозить ихъ въ палаты Дома. Когда же до Бецкаго дошло, что деревенскіе питомцы нерѣдко обращаются въ крѣпостное состояніе, тогда, какъ видно изъ переписки его съ оберъ-директоромъ Воспитательнаго Дома Гогелемъ, онъ намѣревался не только прекратить раздачу дѣтей по деревнямъ, но и возвратить въ Домъ находившихся уже у деревенскихъ воспитателей. Гогель представилъ ему новые *распорядки*, по предмету воспитанія питомцевъ въ деревняхъ; вслѣдствіе чего намѣреніе Бецкаго и не было приведено въ исполненіе. Но въ чемъ именно заключались эти *распорядки* Гогеля,—изъ переписки не видно. Видно только настояніе Бецкаго, чтобы плата кормилицамъ производилась ежемѣсячно и чтобы онѣ при этомъ для осмотровъ привозили питомцевъ въ Домъ.

Взглядъ Бецкаго на надзоръ за воспитаніемъ питомцевъ въ деревняхъ изложенъ въ его *предварительномъ объясненіи*, присланномъ имъ въ Опекунскій Совѣтъ, въ декабрѣ 1788-го года. "Какъ въ разсужденіи великаго множества приносныхъ дѣтей здѣсь (въ С.Петербургѣ) и въ Москвѣ,—сказано въ *объясненіи*, — оные всѣ не могутъ быть помѣщены въ Домѣ, а изъ нихъ самаго крѣпкаго сложенія отдаются по деревнямъ на вскормленіе до трехъ и четырехъ

лѣтъ, и для того, сверхъ предписанныхъ въ Планѣ, учрежденъ новый чиновникъ, по исправленію своему весьма важный, подъ названіемъ *Разъѣздный надзиратель.* Должность его, о которой, въ данной ему особой инструкціи подробно изъяснено, въ томъ состоитъ, чтобы по деревнямъ разъѣзжать, и съ крайнимъ попеченіемъ стараться о сохраненіи здоровья дѣтей, подавая крестьянамъ наставленіе, какимъ образомъ поступать; тѣхъ же, которыя больны, брать въ Домъ и, по выздоровленіи, отвозить назадъ, а послѣ всякаго разъѣзда объявлять письменно Совѣтамъ о состояніи каждаго младенца подробно. Такого человѣка, который, хотя не лекарь, но былъ бы искусенъ опытами въ части физическаго воспитанія, а наипаче совѣстенъ, честенъ и человѣколюбивъ, выборъ, зависящій отъ Опекунскихъ Совѣтовъ, долженъ быть безпристрастенъ и безошибоченъ; ибо они ему ввѣряютъ свое собственное попеченіе о жизни человѣческой. А потому, для большей твердости, оберъ-директоръ-ли, или кто изъ господъ опекуновъ обязаны нѣсколько разъ въ годъ ѣздить не въ извѣстное время, для надзиранія объ успѣхахъ физическаго воспитанія по деревнямъ."

Въ слѣдующемъ году, на вновь учрежденную должность чиновника для разъѣздовъ по деревнямъ, опредѣленъ былъ *одобренный въ способностяхъ и честности Докторомъ Янишемъ*, какъ сказано въ журналѣ Опекунскаго Совѣта 1-го мая 1789-го года, уволенный изъ морской службы флотскій штабъ-лекарь Ремизовъ. 26-го мая Ремизову дана инструкція, которой онъ долженъ былъ руководствоваться при осмотрѣ дѣтей.

Инструкція эта помѣщена въ приложеніи къ настоящему очерку.

Принятую на себя обязанность Ремизовъ исполнялъ только до декабря того же 1789-го года. Съ тѣхъ поръ должность эта оставалась никѣмъ незамѣщенною, за неотысканіемъ, какъ сказано въ совѣтскомъ опредѣленіи, 2-го апрѣля 1791-го года, *человѣка соотвѣтственныхъ таковой должности качествъ и способностей.* Наблюденіе за воспитаніемъ дѣтей до 1791-го года ограничивалось осмотромъ ихъ въ самомъ Воспитательномъ Домѣ, куда ихъ нарочно для того привозили.

Изъ бумагъ Коммиссіи, учрежденной въ 1796-мъ году, для разсмотрѣнія дѣлъ и происшествій по Воспитательнымъ Домамъ, видно, что нѣсколько времени чиновники не посылались по деревнямъ для осмотра питомцевъ, изъ опасенія притѣсненій кормилицамъ и во избѣжаніе разныхъ неблаговидныхъ послѣдствій. Вмѣсто того три раза въ годъ привозили питомцевъ въ Домъ, для осмотра ихъ медиками. Такъ, по крайней мѣрѣ, отозвался оберъ-директоръ Гогель на замѣчанія по этому предмету графа Миниха.

При этомъ нельзя не замѣтить, что осмотръ въ самомъ Домѣ могъ удостовѣрить только въ состояніи здоровья привозимаго ребенка; но никакъ не въ томъ, что воспитательница содержитъ его хорошо.

Далѣе—въ 1791-мъ году, назначенъ былъ для надзора за деревенскими питомцами коллежскій ассесоръ Владычинъ, съ званіемъ *разъѣзднаго надзирателя за воспитаніемъ дѣтей въ деревняхъ.* Однако постояннаго надзора за ихъ воспитаніемъ и съ опредѣленіемъ Владычина все-таки установлено не было. Въ положеніи Опекунскаго Совѣта, 2-го апрѣля 1791-го года, сказано, что Владычинъ опредѣляется для командировокъ, по случающимся въ томъ надобностямъ; прочее же время онъ долженъ заниматься при Совѣтѣ, по усмотрѣнію контролера, по письменнымъ дѣламъ вмѣстѣ съ экспедиторомъ, и исполнять другія порученія. Опредѣленнаго количества разъѣздныхъ денегъ Владычину также не положено, а выдавались ему прогоны, въ случаѣ командировокъ. Изъ записки Гаврилова видно, что до 1795 года питомцевъ, какъ и прежде, привозили для осмотра въ Воспитательный Домъ.

Главный Попечитель графъ Сиверсъ, первый призналъ необходимымъ усилить надзоръ за содержаніемъ дѣтей въ деревняхъ. Поэтому въ 1797 году, въ пособіе объѣзжему надзирателю Отяеву опредѣленъ былъ для исполненія тѣхъ

же обязанностей подпоручикъ Средній-Комашевъ, съ жалованьемъ и на лошадей для объѣздовъ по 500 рублей въ годъ. Объѣзды между Отяевымъ и Среднимъ-Комашевымъ предоставлено главному надзирателю распредѣлить поровну.

Въ томъ же году объѣздному надзирателю дана была для руководства особая инструкція, состоявшая изъ шести пунктовъ наставленій.

Эта инструкція помѣщена въ приложеніи.

Для оказанія пособія больнымъ питомцамъ графъ Сиверсъ полагалъ полезнымъ, чтобы при надзирателяхъ, во время ихъ объѣздовъ, находился надежный подъ-лекарь, который въ дѣйствіяхъ своихъ руководствовался бы наставленіями главнаго доктора Воспитательнаго Дома.

Въ спискахъ, представленныхъ въ 1796-мъ году главнымъ надзирателемъ въ Коммиссію для разсмотрѣнія происшествій по Воспитательнымъ Домамъ, мы находимъ свидѣтельство, что питомцы воспитывались тогда въ 11-ти уѣздахъ Московской губерніи, а именно:

УѢЗДЫ:	Во сколькихъ селеніяхъ	Сколько было питомцевъ.			У сколькихъ кормилицъ.
		муж.	жен.	итого	
Звенигородскій . .	89	260	383	643	543
Воскресенскій . .	61	199	254	453	377
Верейскій	24	114	175	289	221
Дмитровскій. . . .	30	89	153	242	203
Рузскій	8	49	69	118	84
Богородскій . . .	21	55	58	113	102
Подольскій . . .	22	41	35	76	68
Московскій . . .	5	26	30	56	39
Никитскій . . .	6	13	23	36	30
Бронницкій . . .	2	3	4	7	7
Клинскій	1	1	5	6	6
Всего	269	850	1189	2039	1680

Изъ этихъ 269-ти селеній только 5 было экономическихъ, а остальныя 264— помѣщичьи.

Слѣдующая таблица показываетъ прибыль и убыль питомцевъ въ деревняхъ съ 1768 по 1698 годъ.

	Въ теченіе года поступило изъ Воспитательнаго Дома въ деревни.		Всего съ остаткомъ отъ предъидущаго года было въ деревняхъ.		Изъ нихъ убыло				Оставалось къ слѣдующему году.	
					Умерло		Возвращено въ Воспитательный Домъ.			
	мальч.	дѣвоч.	мальч.	дѣвоч.	мальч.	дѣвоч.	мальч.	дѣвоч.	мальч.	дѣвоч.
Въ 1768-мъ году	157	275	157	275	54	171	»	«	103	104
» 1769 «	806		1013		459		» »		554	
» 1770 «	934		1488		577		» »		911	
» 1771 «	663		1574		607		287		680	
» 1772 «	405		1085		196		272		617	
» 1773 «	1092		1709		715		331		663	
» 1774 «	1108		1771		862		107		802	
» 1775 «	1329		2131		839		240		1052	
» 1776 «	1078		2130		785		218		1127	
» 1777 «	1258		2385		982		139		1264	
» 1778 «	1190		2454		974		60		1420	
» 1779 «	1011		2431		792		285		1354	
» 1780 «	998		2352		767		274		566	745

	Въ теченіе года поступило изъ Воспитательнаго Дома въ деревни.		Всего съ остаткомъ отъ предъидущаго года было въ деревняхъ.		Изъ нихъ убыло. Умерло.		Изъ нихъ убыло. Возвращено въ Воспитательный Домъ.		Оставалось къ слѣдующему году.	
	мальч.	дѣвоч.	мальч.	дѣвоч.	мальч.	дѣвоч.	мальч.	дѣвоч.	мальч.	дѣвоч.
» 1781 «	498	546	1064	1291	316	363	53	95	695	833
» 1782 «	527	537	1222	1370	321	350	108	143	793	877
» 1783 «	504	609	1297	1486	347	332	56	87	894	1067
» 1784 «	439	573	1333	1640	277	334	80	98	976	1208
» 1785 «	452	574	1428	1782	278	346	149	204	1001	1232
» 1786 «	599	738	1600	1970	388	448	35	46	1177	1476
» 1787 «	592	738	1769	2214	305	408	81	116	1383	1690
» 1788 «	438	604	1821	2294	291	378	97	173	1433	1743
» 1789 «	526	645	1959	2388	351	375	99	135	1509	1878
» 1790 «	531	738	2040	2616	681	908	18	15	1341	1693
» 1791 «	582	722	1923	2415	509	575	145	224	1269	1616
» 1792 «	567	737	1836	2353	596	739	83	145	1157	1469
» 1793 «	448	547	1605	2016	303	371	71	126	1231	1519
» 1794 «	507	635	1738	2154	471	594	22	33	1245	1527
» 1795 «	668	789	1913	2316	890	931	10	6	1013	1379
» 1796 «	757	904	1770	2283	817	986	87	113	866	1184
» 1797 «	526	722	1392	1906	754	942	85	166	553	1798
Итого	32823		—		26055		5417		1351	

Цифры, приводимыя нами, взяты изъ книгъ Крестоваго отдѣленія Воспитательнаго Дома. Въ этихъ книгахъ обыкновенно отмѣчается время отправленія питомцевъ для воспитанія по деревнямъ, оффиціальныя извѣстія о смерти ихъ и другія происходящія съ ними перемѣны.

II.

(1797—1837 г.)

Въ 1797 году Императоръ Павелъ 1-й ввѣрилъ высшее управленіе Воспитательными Домами, со всѣми принадлежавшими къ нимъ заведеніями, Супругѣ своей, Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Въ именномъ указѣ, данномъ Правительствующему Сенату, 2-го мая 1797 года, сказано, что Императрица принимаетъ на себя главное начальство надъ Воспитательными Домами изъ сроднаго ей человѣколюбія и желанія споспѣшествовать общему добру.

Съ этого времени начинается для Московскаго Воспитательнаго Дома новый періодъ существованія. Подъ управленіемъ Императрицы Маріи по Воспитательнымъ Домамъ измѣнено назначеніе питомцевъ и, сообразно тому, самый характеръ ихъ воспитанія.

До сихъ поръ всѣ мѣры, которыя принимаемы были въ отношеніи ихъ, клонились къ достиженію цѣли, указанной Бецкимъ—образовать изъ нихъ городское сословіе. Самая раздача (съ 1768 года) питомцевъ, для первоначальнаго воспитанія, по деревнямъ, въ сущности не измѣнила ихъ назначенія. Изъ деревень дѣти возвращались по шестому году въ Воспитательный Домъ, для образованія изъ нихъ мастеровыхъ, фабричныхъ и разнаго рода ремесленниковъ.

Число приносимыхъ дѣтей, между тѣмъ, годъ отъ году возрастало: вмѣстѣ съ тѣмъ возрастали и затрудненія въ пріисканіи для нихъ приличныхъ помѣщеній на фабрикахъ, заводахъ и у частныхъ ремесленниковъ. Быть можетъ, что самое образованіе изъ питомцевъ городскаго сословія не соотвѣтствовало болѣе видамъ Правительства. Поэтому Высочайше учрежденной, 28-го октября 1796-го года, Коммисіи поручено было опредѣлить число питомцевъ, назначаемыхъ для обученія ремесламъ въ Домѣ. Предполагалось отдавать ихъ въ ученье къ частнымъ мастерамъ въ столицахъ и губернскихъ городахъ, съ осьмилѣтняго возраста, мальчиковъ на 16, а дѣвочекъ на 12 лѣтъ, и, по выучкѣ ихъ мастерствамъ, выдавать имъ на обзаведеніе: первымъ—по 300, а послѣднимъ—по 150 рублей. Прочихъ же питомцевъ Правительство находило болѣе полезнымъ изъ деревень не брать въ Домъ, а поселять способныхъ изъ нихъ въ многоземельныхъ губерніяхъ.

Въ 1797 году 24-го декабря, С. Петербургскому и Московскому Воспитательнымъ Домамъ дано было Установленіе, существенныя черты котораго заключались въ слѣдующемъ:

Въ каждомъ Воспитательномъ Домѣ назначено было воспитывать пятьсотъ питомцевъ обоего пола. Прочихъ младенцевъ, приносимыхъ въ Воспитательные Дома, разсылать по деревнямъ, оставляя ихъ у деревенскихъ воспитательницъ до трехлѣтняго возраста. За тѣмъ брать ихъ въ Домъ и, по привитіи имъ предохранительной оспы, вновь размѣщать по деревнямъ, по назначенію Экспедиціи Государственнаго Хозяйства. Экспедиція обязана была пріискивать для питомцевъ воспитателей изъ крестьянъ благонадежныхъ и добраго поведенія,—и имѣть надлежащій надзоръ за воспитаніемъ этихъ питомцевъ.

Воспитательные Дома отпускали въ Экспедицію Государственнаго Хозяйства по 18 руб.

въ годъ на содержаніе каждаго питомца отъ 3-хъ до 17-лѣтняго возраста, а питомки отъ 3-хъ до 15-лѣтняго, кромѣ того по 2 р. въ годъ награжденія воспитателямъ какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ отъ 3-хъ до 7-ми лѣтъ. При выходѣ питомки за-мужъ положено выдавать ей 25 руб. на приданое; а питомцу, при водвореніи его на особый участокъ земли—18 рублей, т. е. годовое его содержаніе, на покупку земледѣльческихъ орудій.

По достиженіи питомцемъ 17-лѣтняго возраста, назначено было отводить ему, для обработыванія, участокъ земли и луговъ, и перечислять его въ казенные крестьяне того селенія, гдѣ онъ водворенъ.—При этомъ водвореннаго питомца на первый разъ снабжали сѣмянами изъ сельскихъ запасныхъ магазиновъ, по указанію Экспедиціи Государственнаго Хозяйства.

Съ цѣлью постепеннаго приспособленія 3-лѣтнихъ дѣтей къ сельскому быту и за тѣмъ къ окончательному обращенію въ сельское сословіе, первоначально полагалось размѣщать ихъ только по казеннымъ селеніямъ. 13-го сентября 1798-го года, послѣдовало разрѣшеніе, въ случаѣ невозможности поселить всѣхъ питомцевъ въ казенныхъ деревняхъ, отправлять ихъ въ имѣнія удѣльныя, въ окрестностяхъ Москвы. 17-го января 1799 года, указано было дѣлать это размѣщеніе чрезъ сношеніе Опекунскаго Совѣта съ гражданскимъ правительствомъ и Департаментомъ Удѣловъ, причемъ велѣно отправлять дѣтей подъ надежнымъ надзоромъ.

Такимъ образомъ, согласно установленному вновь порядку, въ 1799-мъ году съ Высочайшаго разрѣшенія, послѣдовавшаго 9-го мая того года, размѣщено изъ Московскаго Воспитательнаго Дома по казеннымъ селеніямъ 169 питомцевъ; не лишнее замѣтить, что имъ привита была предохранительная оспа.

Однако это распоряженіе вскорѣ найдено неудобнымъ,—и Высочайшимъ повелѣніемъ, 8-го іюня 1799-го года, указано—назначаемыхъ къ размѣщенію по казеннымъ селеніямъ воспитанниковъ, въ Москву не привозить, а оставлять въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ они воспитывались, увѣдомляя о каждомъ гражданскаго губернатора, для распредѣленія по казеннымъ деревнямъ.

Въ 1800 году послѣдовало распоряженіе размѣщать по казеннымъ селеніямъ преимущественно мальчиковъ, которые, какъ сказано было въ Высочайшемъ повелѣніи 7-го февраля 1800 года, и для себя собственно, и для государства могутъ быть полезнѣе дѣвочекъ.

Существенное измѣненіе въ назначеніи питомцевъ, по законоположенію 24 декабря 1797 года, вызвало многія мѣры, какъ въ отношеніи устройства надзора за воспитаніемъ ихъ въ деревняхъ и управленія этою частію, такъ касающіяся и самого воспитанія и обезпеченія участи деревенскихъ питомцевъ.

Высочайшимъ рескриптомъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, 24 декабря 1797-го года, на имя Главнаго Попечителя графа Сиверса, назначены были въ Москвѣ и въ С.Петербургѣ особые члены Опекунскихъ Совѣтовъ, для надзора за воспитаніемъ питомцевъ въ деревняхъ.

Въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ управленіе ими и надзоръ за ихъ воспитаніемъ возложенъ былъ на почетнаго члена и опекуна дѣйствительнаго статскаго совѣтника Александра Васильевича Салтыкова. Онъ не замедлилъ признать полезнымъ назначеніе особыхъ медицинскихъ чиновниковъ, для ближайшаго надзора на мѣстахъ воспитанія за деревенскими питомцами.

Мнѣніе Салтыкова удостоилось Высочайшаго утвержденія Императрицы,—и 19-го марта 1798 года Опекунскій Совѣтъ сдѣлалъ распоряженіе о вызовѣ, чрезъ публикацію въ вѣдомостяхъ, желающихъ занять должности объѣзжихъ лекарей. Вслѣдъ за тѣмъ оба Опекунскіе Совѣта получили Высочайшій рескриптъ Императрицы, данный въ С.Петербургѣ, 23-го марта 1798-го года, на основаніи котораго объѣзжіе лекаря замѣняли объѣзжихъ надзирателей. Въ рескриптѣ, между прочимъ, поручалось Опекунскимъ Совѣтамъ объяснить объѣзжимъ надзирателямъ, что должности ихъ упраздняются не по неудовольствію на нихъ, а вслѣдствіе одной необходимости. До прінсканія же другихъ мѣстъ за объѣзжими надзирателями сохранено было присвоенное должностямъ ихъ жалованье.

Слѣдственная Коммисія, учрежденная для разсмотрѣнія дѣлъ и происшествій по Воспитательнымъ Домамъ, между прочимъ, открыла,

что изъ 40.600 принесенныхъ дѣтей, въ началѣ 1797 года, состояло всего на́всего 4711 человѣкъ. Остальныя умерли, или были утаиваны, или наконецъ—пропали безъ вѣсти (*). Императрица Марія, въ отвращеніе разныхъ злоупотребленій, по воспитанію питомцевъ въ деревняхъ, въ докладѣ (5 октября 1797 г.) Своему Августѣйшему Супругу, просила Высочайше указать "Преосвященнымъ Митрополитамъ и начальствующимъ по гражданской части, какъ въ С.Петербургѣ такъ и въ Москвѣ, дабы первые предписали находящимся въ деревняхъ священникамъ въ окружности сихъ столицъ, а послѣдніе Нижнимъ Земскимъ Судамъ—о доставленіи вѣрныхъ о приносимыхъ и изъ нихъ умирающихъ младенцахъ вѣдомостей для отмѣтки по книгамъ Воспитательнаго Дома и о присмотрѣ за содержаніемъ ихъ.„ Государыня полагала, что, получая о питомцахъ свѣдѣнія изъ разныхъ источниковъ, можно будетъ сличать ихъ между собой и черезъ то обнаружить причины великой смертности между дѣтьми.

Согласно желанію Императрицы, Императоръ Павелъ I послалъ указы митрополитамъ петербургскому и московскому, отъ 9-го октября 1797 года. Митрополиты, сообразуясь съ Высочайшей волей, предписали священникамъ тѣхъ селеній, въ которыхъ воспитывались питомцы Дома, *пастырскими наставленіями убѣждать* воспитателей *должность свою исполнять рачительно*. Кромѣ того, священники обязаны были надзирать за содержаніемъ дѣтей, доставляя въ тоже время въ Воспитательный Домъ полугодовыя или третныя вѣдомости объ нихъ, съ показаніемъ умирающихъ. Вмѣстѣ съ этими повелѣніями посланъ указъ московскому военному губернатору князю Долгорукову, которымъ предписывалось, чтобы Нижніе Земскіе Суды также въ своихъ уѣздахъ имѣли наблюденіе надъ образомъ содержанія и призрѣнія питомцевъ и доставляли бы о нихъ въ Воспитательный Домъ, какъ и сельскіе священники, третныя или полугодовыя вѣдомости, съ показаніемъ умирающихъ.

Мѣра эта въ скоромъ времени оказалась неудобною. Деревенскія воспитательницы находили весьма затруднительнымъ ѣздить въ уѣздные города, для объявленія о смерти питомцевъ, какъ того требовали Земскіе Суды. Почему, 27-го сентября 1798 г., Московскій Опекунскій Совѣтъ просилъ устранить капитанъ-исправниковъ и Нижніе Земскіе Суды отъ вмѣшательства въ воспитаніе деревенскихъ питомцевъ. Наблюденіе же за тѣмъ, чтобы деревенскимъ воспитателямъ не платили за умершихъ, Совѣтъ полагалъ оставить на отвѣтственности объѣздныхъ надзирателей и мѣстныхъ приходскихъ священниковъ. На этотъ конецъ онъ просилъ вмѣнить въ обязанность священникамъ отмѣчать о смерти питомцевъ на билетахъ, выдаваемыхъ деревенскимъ кормилицамъ, для полученія изъ Воспитательнаго Дома за воспитаніе ихъ платы. Кромѣ того они записывали о смерти питомцевъ въ метрическихъ книгахъ и доносили Духовной Консисторіи, которая отъ себя уже пересылала эти донесенія въ Совѣтъ.

5-го октября 1798-го года Императрица одобрила такое предположеніе Московскаго Опекунскаго Совѣта—и съ того времени земская полиція не вмѣшивалась болѣе въ надзоръ за воспитаніемъ деревенскихъ питомцевъ.

По публикаціи въ газетахъ, сдѣланной Опекунскимъ Совѣтомъ, о замѣщеніи вновь учрежденныхъ должностей объѣзжихъ лекарей явились, оставшіеся въ баталіонахъ гарнизоннаго Генералъ-Лейтенанта Архарова полка за комплектомъ, лекаря Данилевскій и Ястребцовъ.

Въ журналѣ Опекунскаго Совѣта, 17 мая 1798 года, записано, что на всеподданнѣйшемъ докладѣ Совѣта, объ опредѣленіи Данилевскаго и Ястребцова, Государыня написала: „Принять ихъ, а старыхъ объѣзжихъ надзирателей оставить до опредѣленія къ другой должности; чинить имъ вмѣстѣ объѣзды по деревнямъ."

Съ назначеніемъ особаго члена Совѣта, для надзора за воспитаніемъ въ деревняхъ, вѣдомство деревенскихъ питомцевъ еще не получило отдѣльнаго управленія. Полное раздѣленіе деревенскаго управленія и управленія Домомъ послѣдовало лишь девять мѣсяцевъ спустя послѣ назначенія Салтыкова. 23-го сентября 1798-го года Императрица повелѣла:" отъ вѣдомства

(*) Предложеніе Главнаго Попечителя графа Сиверса, записанное въ журналѣ Моск. Опек. Совѣта 20 апрѣля 1797 г.

Экономіи въ Домѣ отдѣлить въ вѣдомство Почетнаго Опекуна Салтыкова все относящееся до воспитанія въ деревняхъ младенцевъ, и слѣдовательно приходъ и расходъ денегъ, на нихъ употребляемыхъ, за исключеніемъ отправленія ихъ по деревнямъ и зависящей по прежнему отъ Экономской Конторы при отпускѣ ихъ выдачи по 50-ти копѣекъ на каждаго младенца, на основаніи положенія по сей части, въ С.Петербургскомъ Домѣ учрежденнаго."

Такое отдѣленіе управленія деревенскими питомцами отъ управленія Домовъ признано было Императрицею необходимымъ, во первыхъ потому, что главный надзиратель Воспитательнаго Дома не имѣлъ никакой возможности смотрѣть за воспитаніемъ дѣтей въ деревняхъ; во вторыхъ—вслѣдствіе необходимости имѣть, для раздачи платы крестьянамъ за воспитаніе деревенскихъ питомцевъ, особую Экспедицію.

Почетный опекунъ Александръ Яковлевичъ Протасовъ привезъ изъ С. Петербурга бумаги, относившіяся до отдѣленія управленія деревенскою частію отъ управленія Домомъ, и представилъ ихъ 18-го октября въ Совѣтъ. Изъ этихъ бумагъ видно, что все, касающееся воспитанія дѣтей въ деревняхъ, поручалось, подъ главнымъ смотрѣніемъ почетнаго опекуна Салтыкова, одному изъ двухъ объѣзжихъ надзирателей, должность которыхъ велѣно сохранить; для письменныхъ же занятій при объѣзжихъ надзирателяхъ назначенъ былъ одинъ писарь.

Въ слѣдующемъ 1799 году, 7-го октября, Салтыковъ получилъ отъ Императрицы Высочайшій рескриптъ, которымъ учреждалась особая должность директора Экспедиціи о воспитаніи дѣтей по деревнямъ. Тѣмъ же рескриптомъ въ должность эту назначался коллежскій ассесоръ Вангерсхеймъ, которому и поручалось устроить Московскую Деревенскую Экспедицію, по примѣру С. Петербургской.

Впослѣдствіи всѣ предписанія и распоряженія, по предмету воспитанія дѣтей въ деревняхъ, членами Опекунскихъ Совѣтовъ, Московскаго—Лунинымъ и С. Петербургскаго—Тепловымъ, собраны были въ одно цѣлое, изъ котораго и составлено наставленіе, по Высочайшему повелѣнію Императрицы, 24 мая 1804 года, принятое Московскимъ Опекунскимъ Совѣтомъ въ руководство.

Наставленіе это заключало въ себѣ:

1) Штатъ Московской Деревенской Экспедиціи, по которому положены въ ней: почетный опекунъ, директоръ, объѣзжій надзиратель, экспедиторъ, канцеляристъ, два писаря, присяжный, два сторожа и десять лекарей.

2) Наставленіе объѣзжему надзирателю, или экзекутору, и

3)—наставленіе объѣзднымъ лекарямъ.

Всѣ селенія, въ которыхъ воспитывались питомцы, раздѣлены на десять частей, или округовъ, соотвѣтственно числу объѣздныхъ лекарей. Части эти были: Можайская, Боровская, Калужская, Каширская, Коломенская, Троицкая, Дмитровская, Рогачевская, Пятницкая и Воскресенская. Названія этихъ частей заимствованы отъ названій дорогъ, около которыхъ расположены отнесенныя къ каждой части селенія; но всѣ они заключались въ предѣлахъ Московской губерніи.

Между тѣмъ ощущался постоянный недостатокъ въ деревенскихъ кормилицахъ. Въ видахъ устраненія этого недостатка, дозволено было, съ 19-го октября 1798 года, отдавать младенцевъ, кромѣ Московской, и въ сосѣднія губерніи; а 29-го ноября того же года разрѣшено даже давать дѣтей на вскормленіе въ самой Москвѣ и ея предмѣстіяхъ,—но въ случаяхъ только крайней необходимости. 9-го же декабря, Совѣтъ, основываясь на этомъ разрѣшеніи, дозволилъ отдавать младенцевъ солдатскимъ женамъ, съ платою по 3 рубля въ мѣсяцъ. Вѣроятно, по ходатайству начальства Воспитательнаго Дома, московскій гражданскій губернаторъ Аршеневскій и рузскій уѣздный предводитель дворянства князь Грузинскій въ тоже время склоняли помѣщиковъ дозволить своимъ крестьянкамъ брать на воспитаніе младенцевъ изъ Воспитательнаго Дома. Аршеневскому и князю Грузинскому за такую ревность объявлена благодарность.

Не смотря на приведенныя мѣры, дѣло, какъ видно, не двигалось: Воспитательный Домъ, для привлеченія кормилицъ, долженъ былъ, въ ви-

дахъ обезпеченія деревенскихъ воспитателей въ средствахъ къ содержанію вывозимыхъ дѣтей дать разнаго рода удобства и выгоды.

Такимъ образомъ, чтобы избавить кормилицъ отъ необходимости ходить въ Воспитательный Домъ для полученія платы за питомцевъ, 14-го января 1799-го года вновь подтверждено дозволеніе присылать за полученіемъ денегъ постороннихъ грамотныхъ людей.

Для покрытія издержекъ на погребеніе умирающихъ питомцевъ, 3 марта 1799-го года положено выдавать деревенскимъ воспитателямъ по десяти копѣекъ на покупку гроба.

Намъ уже извѣстно постановленіе, что за здоровыхъ дѣтей, съ 14-го ноября 1797 года, выдавалось, по особымъ билетамъ объѣздныхъ надзирателей и лекаря, сверхъ положеннаго по 18 руб. въ годъ жалованья, по одному рублю въ награду, по окончаніи 3-хъ и 6-мѣсячнаго воспитанія, а по окончаніи каждаго года по 2 руб., и 6 руб., при возвращеніи ребенка въ Воспитательный Домъ на 6-мъ году. По отдѣленіи же Деревенской Экспедиціи отъ управленія Домомъ, съ 9-го мая 1799-го года, эта награда увеличена: выдавали по 4 руб. за первый годъ воспитанія и по 2 руб. за слѣдующіе годы до 7-лѣтняго возраста.

Съ 24-го января 1801-го года размѣръ обыкновенныхъ наградныхъ денегъ еще болѣе увеличенъ: сверхъ жалованья, кормилицамъ назначено выдавать, за особенно рачительное содержаніе младенцевъ, по особымъ свидѣтельствамъ, за первый годъ шестнадцать рублей, а именно: за январскую и сентябрскую трети по 4 руб., а за майскую, какъ рабочую пору, 8 руб., за второй и третій годы воспитанія наградныхъ полагалось по четыре рубля, а за тѣмъ, до семи лѣтъ по 2 руб., за каждый годъ.

Вскорѣ оказалось, что наградными деньгами стали пользоваться всѣ кормилицы, у которыхъ питомцы были живы. Такая безразсчетность вызвала распоряженіе, послѣдовавшее 11 апрѣля 1803 года, чтобы награды деревенскимъ воспитателямъ выдавались по свидѣтельствамъ лекаря и объѣзднаго надзирателя, утвержденнымъ докторомъ и почетнымъ опекуномъ Деревенской Экспедиціи. Съ 1-го іюня того же года замѣчается еще бо́льшая осторожность въ раздачѣ наградъ.— Предписано было: 1) Выдавать награжденіе кормилицамъ, у которыхъ дѣти здоровы и, что главное—хорошо содержатся. 2) Выдавать тѣмъ, у которыхъ дѣти хотя и нездоровы, но содержатся хорошо; потому что, при хорошемъ содержаніи, болѣзнь скорѣе зависитъ отъ случая, нежели отъ недостатка ухода. 3) Тѣ кормилицы, которыя не пеклись о ввѣренныхъ имъ дѣтяхъ и только впослѣдствіи перемѣнили за ними уходъ, также получали награжденіе, но не иначе, какъ по удостовѣреніи въ хорошемъ содержаніи ребенка, и только со времени улучшенія его содержанія.

Небрежность кормилицъ въ воспитаніи ввѣренныхъ имъ питомцевъ заставила Правительство дать имъ новыя выгоды. 16 февраля 1809-го года, по докладу Опекунскаго Совѣта, Императрица приказала увеличить размѣръ награжденій, выдаваемыхъ деревенскимъ кормилицамъ за хорошее содержаніе дѣтей: за 4-й и 5-й годы воспитанія назначено давать въ награду по четыре рубля, за 6-й, 7-й, 8-й и 9-й—по два.

Въ томъ же году, 29 ноября, послѣдовало Высочайшее повелѣніе, чтобы денежное награжденіе Московскаго Воспитательнаго Дома сравнять съ награжденіемъ, производившимся по С.Петербургскому Воспитательному Дому. Положено награждать рачительныхъ кормилицъ, сверхъ жалованья, за второй, третій, четвертый, пятый, шестой и седьмой года воспитанія по шести рублей, производя выдачу одной трети награды, то есть двухъ рублей, за время съ 1-го октября по 1-е апрѣля, а остальныя двѣ трети, то есть четырехъ рублей—за время съ 1-го апрѣля по 1-е октября, по тому уваженію, что "въ лѣтнее время хорошо содержать дѣтей затруднительнѣе."

Тѣмъ же Высочайшимъ повелѣніемъ дозволено отдавать 4-хъ и 5-мѣсячныхъ дѣтей въ лѣтнее время на рожковое воскормленіе, по усмотрѣнію объѣзжаго лекаря. Но при этомъ платили за хорошій уходъ только двѣ трети того денежнаго награжденія, какое назначено за хорошее содержаніе младенца при кормленіи грудью.

Съ цѣлью обезпеченія кормилицъ въ средствахъ къ хорошему содержанію вывозимыхъ изъ Дома дѣтей, почетные опекуны Лунинъ и Тепловъ написали наставленіе, въ которомъ обращено особенное вниманіе на снабженіе младенцевъ бѣльемъ, какъ при отпускѣ ихъ изъ Воспитательнаго Дома, такъ и въ первые годы деревенскаго ихъ воспитанія. Положено было выдавать каждой кормилицѣ, при вывозѣ ею изъ Дома младенца, на первый годъ по 6-ти рубашечекъ, 6-ти бѣлыхъ холстинныхъ и 3 каразейныхъ пеленки, а потомъ, до шестаго года воспитанія, ежегодно по 13-ти аршинъ холста и по 2 аршина каразеи. Это наставленіе, въ 24-й день мая 1804-го года, удостоено Высочайшаго утвержденія Императрицы и предложено Московскому Опекунскому Совѣту къ руководству.

Не смотря на всѣ поощрительныя мѣры, Воспитательный Домъ часто терпѣлъ недостатокъ въ кормилицахъ. Къ такимъ мѣрамъ привлеченія кормилицъ, для вывоза изъ Дома младенцевъ, слѣдуетъ отнести, послѣдовавшія 15-го января 1801-го года и 16-го февраля 1809 года, Высочайшія дозволенія: оставлять дѣтей у кормилицъ до шести, семи и даже осьмилѣтняго возраста и не отнимать ихъ безъ достаточныхъ къ тому причинъ.

Въ тѣхъ же видахъ, 24-го января 1801 года, сдѣлано распоряженіе, чтобы каждая кормилица, приходящая для вывоза питомца въ деревню, послѣ двухъ, трехъ, или четырехъ-недѣльнаго пребыванія въ Домѣ, отправлялась въ свою деревню съ тѣмъ ребенкомъ, котораго кормила этимъ временемъ.

Собственно съ одною гигіенической цѣлію съ 1797 по 1810 годъ мѣръ принято было немного.

Не касаясь оспопрививанія, описаніе и исторія котораго изложено особо въ этомъ же изданіи, здѣсь слѣдуетъ упомянуть о распоряженіи, сдѣланномъ 29-го ноября 1809-го года— чтобы всѣхъ младенцевъ съ наслѣдственными болѣзнями отдавать на рожковое вскормленіе.

Скажемъ нѣсколько словъ о увѣчныхъ питомцахъ, которые болѣе другихъ имѣли нужду въ призрѣніи. — Между тѣмъ какъ начальство Воспитательнаго Дома принимало всѣ мѣры къ водворенію питомцевъ въ казенныхъ и удѣльныхъ селеніяхъ, съ цѣлью обратить ихъ въ сельское сословіе, и воспитывало нѣкоторыхъ въ самомъ Домѣ, чтобъ сдѣлать, какъ тѣхъ, такъ и другихъ, полезными себѣ и обществу,— одни увѣчные требовали милосердія. Представлялось возможнымъ имъ дать пожизненное призрѣніе, или въ деревенскихъ семействахъ, въ которыхъ они первоначально воспитывались, или въ богадѣльнѣ. Первое было дешевле, и конечно удобнѣе для Дома, но никакъ не для деревенскихъ воспитателей. Они не имѣли возможности содержать взрослыхъ увѣчныхъ, которые не могли имъ приносить никакой пользы въ хозяйствѣ, за ту плату, которую они получали за содержаніе ихъ до 7-ми и 8-лѣтняго возраста. Поэтому, 11-го февраля 1800 года, установлено, чтобы кормилицамъ, которыя пожелаютъ оставить у себя увѣчныхъ и слѣпыхъ питомцевъ, производить плату по 2 руб. въ мѣсяцъ, вмѣсто 1 руб. 50 коп., назначенныхъ за содержаніе дѣтей до 7-ми и 8-лѣтняго возраста; въ противномъ случаѣ помѣщать ихъ въ богадѣльню.

Надзоръ за воспитаніемъ дѣтей, съ водвореніемъ ихъ на *вѣчное* житье въ казенныхъ имѣніяхъ, 24 декабря 1797-го года, возложенъ былъ на Экспедицію Государственнаго хозяйства. На дѣлѣ этого не было. Въ сентябрѣ 1798 года, какъ выше замѣчено, земская полиція также устранена отъ всякаго вмѣшательства въ надзоръ за воспитаніемъ деревенскихъ питомцевъ. Въ томъ же году, 22-го ноября, и въ такомъ же родѣ былъ отказъ Императрицы бывшему московскому гражданскому губернатору Аршеневскому, который бралъ на себя раздачу денегъ деревенскимъ воспитателямъ.

Болѣе дѣйствительный надзоръ за воспитаніемъ начинается съ 1799 года. Въ этомъ году, 5-го ноября, послѣдовало Высочайшее повелѣніе, которымъ, почетному опекуну Деревенской Экспедиціи вмѣнялось въ обязанность объѣзжать питомцевъ, помѣщенныхъ въ казенныхъ селеніяхъ, и тѣхъ дѣтей, которыя находились на вскормленіи грудью у деревенскихъ кормилицъ. Первое распоряженіе зависѣло главнымъ образомъ

отъ того, что питомцы, по привитіи оспы, хотя и перемѣщались въ казенныя селенія на вѣчное житье, но все еще содержались на счетъ Воспитательнаго Дома. Въ слѣдующемъ году, питомцы, водворенные въ казенныхъ деревняхъ сравнены были съ находившимися на вскормленіи, какъ въ отношеніи подчиненія ихъ Деревенской Экспедиціи, такъ и выгодъ, какія предоставлены были деревенскимъ кормилицамъ. 11-го февраля 1800 года, водвореннымъ питомцамъ положено было точно также, какъ и дѣтямъ, находившимся на временномъ вскормленіи, отпускать изъ Воспитательнаго Дома бѣлье до 6-лѣтняго возраста. А воспитателямъ выдавать, до 7-ми лѣтъ, наградныя деньги, и въ случаѣ смерти питомца,—10 коп. на гробъ и 5 коп. на погребеніе. Изъ книгъ и отчетовъ Крестоваго отдѣленія видно, что младенцевъ вывезено было деревенскими кормилицами изъ Воспитательнаго Дома:

	мальчиковъ:	дѣвочекъ:	итого:
Въ 1798 году	605	761	1366
— 1799 —	829	982	1911
— 1800 —	805	954	1759
— 1801 —	682	803	1485
— 1802 —	631	827	1458
— 1803 —	636	843	1479

За послѣдующіе годы, по 1809-й годъ включительно, подобныхъ свѣдѣній въ Крестовомъ отдѣленіи, къ сожалѣнію, не сохранилось, точно также какъ и свѣдѣній о смертности питомцевъ въ деревняхъ съ 1798-го по 1810-й годъ. Отчеты, изъ которыхъ можно было бы почерпнуть эти свѣдѣнія, по всей вѣроятности, утрачены въ смутное время 1812 года.

Мы знаемъ только, что приносъ младенцевъ возрасталъ,—потому что начальство Воспитательнаго Дома заботилось о раздачѣ младенцевъ на воспитаніе въ тѣ селенія, гдѣ ихъ не было. Почетный опекунъ Лунинъ подалъ въ Опекунскій Совѣтъ записку, въ которой изложилъ свои соображенія по этому предмету. Совѣтъ представилъ записку Императрицѣ,—и въ 16-й день февраля 1809-го года, послѣдовало Высочайшее повелѣніе: 1) присоединить къ десяти частямъ, въ которыя отпускались на воспитаніе питомцы, новую часть въ Волоколамскомъ округѣ; 2) образовать изъ нѣкоторыхъ деревень, принадлежавшихъ къ частямъ Коломенской и Троицкой, новую часть Каширскую; 3) части Боровскую и Калужскую распространить за предѣлы Московской губерніи, въ уѣзды Малоярославскій и Боровскій.

Распространеніе частей требовало и усиленія надзора за первоначальнымъ воспитаніемъ приносныхъ дѣтей. Высочайшимъ повелѣніемъ, 16-го февраля, указано, для надзора за воспитаніемъ въ новыхъ частяхъ, опредѣлить еще двухъ лекарей, сверхъ назначенныхъ по штату десяти, съ жалованьемъ каждому по семисотъ рублей; а для наблюденія за дѣйствіями лекарей—еще одного объѣзжаго надзирателя, съ тѣмъ же содержаніемъ, какое получалъ объѣзжій надзиратель Ватулинъ.

Отдѣльное управленіе деревенскими питомцами отъ управленія Домомъ существовало до 1810-го года. Десятилѣтній опытъ доказалъ все неудобство такого распорядка. Безпрестанная переписка, которая, по тѣсной связи между Экспедиціями внутренняго хозяйства и о воспитаніи дѣтей въ деревняхъ, должна была между ними возникнуть, замедляла ихъ дѣйствія, а между тѣмъ была совершенно необходима для единообразія мѣръ, по снабженію Дома кормилицами и распредѣленію по деревнямъ дѣтей. Нѣтъ сомнѣнія, что между двумя частями управленія, во многомъ соприкасавшимися, легко возникали и столкновенія. 4-го февраля 1810-го года, Императрица подписала Высочайшее повелѣніе обоимъ Опекунскимъ Совѣтамъ соединить Экспедиціи внутренняго хозяйства и о воспитаніи дѣтей въ деревняхъ въ одну Экспедицію о воспитанникахъ обоего пола. Соединеніе это указано было произвести на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Экспедиція о воспитанникахъ обоего пола подчинялась почетному опекуну, управляющему Воспитательнымъ Домомъ; и, подъ начальствомъ главнаго надзирателя, должна была завѣдывать всѣми питомцами, безъ изъятія, какъ воспитывавшимися въ Домѣ, такъ и находившимися въ деревняхъ, въ разныхъ заведеніяхъ и мѣстахъ.

2) По случаю расширенія черезъ это занятій главнаго надзирателя, назначенъ ему помощ-

никъ, который долженъ былъ раздѣлять съ нимъ труды его, по обстоятельствамъ, удобности и благоусмотрѣнію главнаго надзирателя. Въ случаѣ отсутствія, или болѣзни главнаго надзирателя, помощникъ его обязанъ былъ завѣдывать всѣми дѣлами, заступать во всемъ управленіи его мѣсто и присутствовать въ Опекунскомъ Совѣтѣ.

3) Въ Экспедиціи положенъ экономъ съ помощниками. Сверхъ обязанностей по Дому, онъ долженъ былъ заботиться о снабженіи питомцевъ въ деревняхъ бѣльемъ и одеждой, о наймѣ лошадей для развоза изъ Дома дѣтей по деревнямъ, о содержаніи для этого повозокъ и проч.

4) Веденіе книгъ и вѣдомостей о всѣхъ вообще питомцахъ, повѣрка вѣдомостей о дѣтяхъ, воспитывающихся въ деревняхъ и находящихся въ разныхъ мѣстахъ, и составленіе генеральной вѣдомости о числѣ ежемѣсячно приносимыхъ дѣтей—возложено было на коммисара, которому назначено два помощника.

5) Бухгалтеру съ его помощникомъ указано было вѣдать всѣ денежные счеты, какъ по хозяйственной части Дома, такъ и по содержанію питомцевъ въ деревняхъ, а также счеты расходовъ на кормилицъ—и вообще всѣхъ приходовъ и расходовъ по Экспедиціи.

6) Для денежныхъ выдачь назначенъ казначей съ двумя присяжными. Вѣдѣнію казначея поручалась денежная казна, которую указано было хранить за печатями его и главнаго надзирателя, или его помощника.

7) Медицинскіе чиновники Экспедиціи о воспитаніи дѣтей по деревнямъ, могли осматривать дѣтей никакъ не болѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ. Поэтому, въ случаѣ болѣзней, они не имѣли возможности всякій разъ пользовать ихъ, такъ какъ это дѣлалось по С.Петербургскому Воспитательному Дому, гдѣ лекаря жили среди округовъ и, по мѣрѣ надобности, отправляли дѣтей въ госпитали; кормилицы же, высылаемыя въ Москву, свидѣтельствовались въ самомъ Домѣ.

Вслѣдствіе этого, для осмотра дѣтей въ деревняхъ, высылки изъ деревень кормилицъ и исполненія другихъ обязанностей, лежавшихъ на лекаряхъ Деревенской Экспедиціи, непризнано болѣе нужнымъ имѣть медицинскихъ чиновниковъ. Разрѣшено было, по мѣрѣ открытія вакансій, замѣщать эти вакансіи надежными не медицинскими чиновниками, которые могли довольствоваться мѣньшимъ жалованьемъ. Чиновникамъ этимъ присвоено названіе надзирателей округовъ.

8) Имъ вмѣнено въ обязанность дѣтей, заболѣвающихъ въ деревняхъ, отправлять въ больницу Воспитательнаго Дома.

9) Въ случаѣ появленія въ деревняхъ повальныхъ, прилипчивыхъ и заразительныхъ болѣзней, больныхъ неудобно было отправлять въ Воспитательный Домъ; поэтому усиленъ штатъ медицинскихъ чиновниковъ Воспитательнаго Дома тремя врачами. По распоряженію управляющаго Экпедиціей, они командировались, для пользованія больныхъ питомцевъ, на мѣстахъ ихъ воспитанія.

10) Хотя повѣрка дѣйствій надзирателей округовъ главнымъ образомъ лежала на объѣзжихъ надзирателяхъ, тѣмъ не менѣе управляющему Экспедиціей предоставлено право отряжать для этой цѣли и другихъ чиновниковъ Экспедиціи, даже изъ врачей и надзирателей за питомцами, находившимися въ Домѣ,—съ возложеніемъ должности командированнаго чиновника на объѣзжаго надзирателя.

11) „Помощникъ Главнаго Надзирателя",—сказано было въ Высочайшемъ повелѣніи,—а иногда и самъ Главный Надзиратель также осматривать имѣютъ дѣтей, въ деревняхъ воспитывающихся, и тогоже ожидаю я отъ усердія Почетнаго Опекуна, Экспедиціею управляющаго, по крайней мѣрѣ два раза въ годъ."

12) На всѣ такіе разъѣзды, а также на расходы экстраординарные, назначена одна общая сумма. Начальники Экспедиціи обязаны опредѣлить способъ расходованія денегъ, потребныхъ на покрытіе издержекъ по объѣздамъ округовъ деревенскихъ питомцевъ.

13) На обязанности акушера и главнаго доктора Воспитательнаго Дома съ подчиненными ему медицинскими чиновниками лежало наблюденіе за тѣмъ, чтобы не вывозили изъ Дому дѣтей слабыхъ.

Тѣмъ же Высочайшимъ повелѣніемъ въ должность помощника главнаго надзирателя назначенъ былъ статскій совѣтникъ Янишъ, бывшій директоромъ Экспедиціи о воспитаніи дѣтей въ деревняхъ.

По соединеніи обѣихъ Экспедицій въ одну, управленіе деревенскою частію возложено на помощника главнаго надзирателя. Обязанности его опредѣлились сами собою, изъ сущности самого дѣла. Кромѣ ревизіи, отъ времени до времени, дѣйствій объѣзжихъ и окружныхъ надзирателей, онъ долженъ былъ присутствовать при раздачѣ деренскимъ воспитателямъ ежемѣсячной платы, разбирать разнаго рода жалобы, какъ питомцевъ, такъ и ихъ воспитателей; принимать отъ послѣднихъ просьбы и вообще давать направленіе дѣлопроизводству по воспитанію дѣтей въ деревняхъ.

Всѣ сношенія по дѣламъ, относившимся до деревенскихъ питомцевъ, производились отъ лица помощника главнаго надзирателя, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда нужно было войти съ представленіемъ въ Опекунскій Совѣтъ. О такихъ дѣлахъ онъ докладывалъ главному надзирателю.

Два объѣзжихъ надзирателя обязаны были безпрерывно наблюдать за дѣйствіями подчиненныхъ имъ окружныхъ надзирателей и за пресѣченіемъ безпорядковъ, упущеній, или злоупотребленій, какія могли по ихъ вѣдомству оказаться. На нихъ, кромѣ того, возлагалась обязанность вступать во временное исправленіе должностей подчиненныхъ имъ лицъ, въ случаяхъ ихъ отсутствія, или болѣзни;—исполнять особыя порученія по дѣламъ слѣдственнымъ и отыскивать для Дома кормилицъ, когда въ нихъ оказывался недостатокъ.

Кромѣ этихъ существенныхъ обязанностей, объѣзжіе надзиратели, по недостаточному числу чиновниковъ, должны были находиться при раздачѣ платы воспитателямъ деревенскихъ питомцевъ. На ихъ обязанности лежало повѣрять при этомъ сдѣланныя окружными надзирателями надписи на платежныхъ билетахъ о времени осмотра питомцевъ. Они должны повѣрять разсчеты слѣдующихъ воспитателямъ денегъ; выдавать имъ на полученіе денегъ особые ярлыки и наконецъ,—повѣрять денежныя выдачи.

При новомъ устройствѣ управленія деревенскою частію, число питомцевъ, находившихся въ деревняхъ, было уже весьма значительно. Къ 1-му января 1810-го года ихъ числилось 6202; въ 1810-мъ году вывезено въ деревни еще 1975 младенцевъ; такимъ образомъ въ теченіе 1810-года считалось въ деревняхъ 8177 питомцевъ. Для такихъ значительныхъ отпусковъ дѣтей изъ Дома требовалось и соотвѣтственное число кормилицъ, въ которыхъ по прежнему встрѣчался недостатокъ. Поэтому начальство Воспитательнаго Дома прежде всего озабочено было ихъ привлеченіемъ, для вывоза изъ Дома дѣтей. Оно обратилось, въ этомъ случаѣ, къ содѣйствію сельскихъ священниковъ, которымъ назначило по одному рублю за каждую кормилицу, явившуюся въ Домъ, по ихъ убѣжденіямъ,—но изъ такого селенія, куда дѣтей еще не вывозили. Особенный недостатокъ въ кормилицахъ былъ ощутителенъ въ рабочую пору, лѣтомъ,—и каждой кормилицѣ, которая являлась въ лѣтнюю пору положено было выдавать по одному рублю награжденія.

Этими мѣрами Воспитательный Домъ надѣялся пополнять недостатокъ въ кормилицахъ. Когда, въ 1810-мъ году, по Петербургскому Воспитательному Дому плата кормилицамъ, по случаю дороговизны съѣстныхъ припасовъ, была увеличена, и по Высочайшему повелѣнію предложенъ былъ на разсмотрѣніе Московскаго Опекунскаго Совѣта вопросъ о томъ, не слѣдуетъ-ли принять туже мѣру и по Московскому Воспитательному Дому?— Опекунскій Совѣтъ представилъ Императрицѣ, что не находитъ нужнымъ дѣлать какую либо прибавку къ положенному кормилицамъ жалованью, пока не окажется, какими послѣдствіями будутъ сопровождаться означенныя двѣ мѣры (*).

Дороговизна припасовъ въ Москвѣ и въ С.Петербургѣ, а вслѣдствіе того и недостатокъ приходящихъ кормилицъ, понудили Опекунскій Совѣтъ къ увеличенію платы кормилицамъ. 20-го декабря 1810-го года Императрица утвердила докладъ Совѣта, которымъ назначалось

(*) Высочайше утвержденный докладъ Моск. Опек. Совѣта 13-го окт. 1810 года.

1) Плату за первый годъ воспитанія вывезеннаго изъ Дома въ деревню ребенка оставить безъ измѣненія, то есть платить за первый годъ воспитанія по 18 рублей въ годъ.

2) Со 2-го и по 7-й года воспитанія плату кормилицамъ увеличить шестью рублями въ годъ и выдавать по 2 рубля въ мѣсяцъ, вмѣсто 1 рубля 50 копѣекъ.

3) Награжденіе за хорошее содержаніе дѣтей оставить въ прежнемъ размѣрѣ, т. е. за первый годъ воспитанія 18 рублей, а со 2-го и по 7-й года—по 6-ти рублей.

4) Бѣлье для дѣтей выдавать деревенскимъ кормилицамъ по прежнему.

Въ слѣдующемъ 1811-мъ году количество бѣлья, назначеннаго на каждаго младенца, при отпускѣ его изъ Дома, измѣнено. 6-го марта Императрица приказала на каждаго ребенка, вмѣсто положенныхъ трехъ каразейныхъ и шести холщевыхъ пеленокъ, отпускать по двѣ пеленки изъ сѣраго сукна и по четыре холщевыхъ, нетребуя уже отъ деревенскихъ воспитателей возврата этихъ вещей, въ случаѣ смерти питомцевъ. Годъ спустя признано болѣе удобнымъ, вмѣсто холста и каразеи на дѣтей свыше годоваго возраста, давать деньгами по три рубля. Отпускъ пеленокъ сохраненъ былъ тотъ же при отправленіи младенцевъ изъ Дома (*).

Вскорѣ встрѣтилась необходимость увеличить плату деревенскимъ воспитателямъ и за содержаніе дѣтей старѣе семилѣтняго возраста. 11-го января 1812 года, по докладу Опекунскаго Совѣта, Императрица разрѣшила платить за воспитаніе дѣтей 8-ми, 9-ти и 10-ти лѣтнихъ тоже самое, что платилось за дѣтей до 7-ми лѣтъ, то есть по два рубля въ мѣсяцъ. Награда за хорошее содержаніе оставлена по прежнему, т. е. выдавалось по 2 рубля въ годъ.

Наступило тяжкое время для Россіи—1812 годъ. Шествіе непріятеля на Москву и занятіе ее сопровождалось повсемѣстнымъ раззореніемъ. Многіе изъ жителей селеній, сосѣднихъ съ нашей столицей, остались не только безъ хлѣба, но и безъ крова. Общее бѣдствіе вызвало и со стороны Воспитательнаго Дома разныя мѣры; одною изъ нихъ было Высочайшее повелѣніе, 12-го ноября 1812-го года, вновь принимать въ Домъ дѣтей отъ тѣхъ сельскихъ воспитателей, которые, вслѣдствіе раззоренія, не найдутъ средствъ ихъ воспитывать. Разрѣшено было впрочемъ, уговаривать ихъ, чтобы они оставляли дѣтей у себя, за особое вознагражденіе. Другимъ Высочайшимъ повелѣніемъ, 16-го декабря того же года, назначено оказывать пособіе пострадавшимъ отъ непріятельскаго нашествія крестьянамъ, которые рѣшались оставить у себя питомцевъ, вывезенныхъ ими изъ Воспитательнаго Дома питомцевъ: погорѣвшимъ на каждаго питомца выдавали по пяти рублей, ограбленнымъ—по три, а тѣмъ, которые, во время нашествія, укрывались въ лѣсахъ—по одному рублю.

Жители Москвы и окрестныхъ селеній большею частію бѣжали отъ непріятеля и уже, по отступленіи его, возвращались къ своимъ раззореннымъ жилищамъ. Для Воспитательнаго Дома результатомъ такого событія было уменьшеніе приноса младенцевъ и числа вывозимыхъ изъ Дома дѣтей деревенскими кормилицами.

За время съ 1810-го по 1818-й годъ включительно приносъ младенцевъ въ Воспитательный Домъ, вывозъ ихъ въ деревни, общее количество деревенскихъ питомцевъ и смертность ихъ представляются въ слѣдующемъ размѣрѣ:

Годъ.	Принесено въ Воспитательный Домъ.	Вывезено изъ Дома въ деревни.	Всего въ теченіе года было въ деревняхъ.	Умерло изъ нихъ.	Процентъ смертности внѣ Дома.
1810	3740	1975	8177	1471	почти 18%
1811	3605	2004	8443	1642	болѣе 19%
1812	2612	1396	7967	1647	болѣе 20%
1813	1674	764	6974	1259	болѣе 18%
1014	2387	1035	6674	815	болѣе 12%
1815	3082	1341	7145	1057	болѣе 14%
1816	3518	1610	7569	1130	болѣе 14%
1817	3784	1552	7857	1222	болѣе 15%
1818	4340	2088	8547	1506	17%

(*) Высочайше утвержденный докладъ Опекунскаго Совѣта 8-го мая 1812 года.

Изъ этихъ цифръ видно, что приносъ дѣтей въ 1912 году былъ почти на 1000 младенцевъ менѣе противъ предшествовавшаго года; въ слѣдующемъ 1813-мъ году 1000-ю младенцами принесено менѣе 1812-го года; но съ 1814-го цифра ежегодно возростала—и въ 1818 году уже превысила приносъ 1811-го года.

Соотвѣтственно сему, вывезено было изъ Дома младенцевъ деревенскими кормилицами въ 1812-мъ году менѣе, чѣмъ въ 1811-мъ, на 608; въ 1813-мъ менѣе, чѣмъ въ 1812 мъ, на 632; но съ 1814-го число вывозимыхъ младенцевъ увеличивалось—и въ 1818-мъ году превысило цифру вывоза 1811-го года.

Смертность между деревенскими питомцами въ 1812-мъ году возвысилась и составляла болѣе 20%, что легко можетъ быть объяснено тѣми матеріальными лишеніями и неудобствами, какія должны были испытывать деревенскіе воспитатели, а вмѣстѣ съ ними питомцы, подвергаясь со стороны непріятеля грабежу и нерѣдко скрываясь отъ него въ лѣсахъ.

Общее число питомцевъ въ деревняхъ съ 1812-го года значительно уменьшалось, и это уменьшеніе продолжалось до 1815-го года, т. е. до того времени, когда отпускъ младенцевъ изъ Дома въ деревни превысилъ цифру процента смертности изъ общаго числа питомцевъ, находившихся въ деревняхъ.

По оставленіи непріятелемъ Москвы, большаго недостатка въ кормилицахъ, какъ кажется, не было.

Во избѣжаніе же такого недостатка, въ сентябрѣ 1814-го года, Опекунскій Совѣтъ вновь испрашивалъ Высочайшее разрѣшеніе о раздачѣ питомцевъ на воспитаніе по деревнямъ, сосѣднимъ съ Московской губерніей. Разрѣшеніе по этому предмету было Императрицею на время пріостановлено.

Вскорѣ представилась необходимость увеличить плату деревенскимъ кормилицамъ. 5-го мая 1814-го года, по ходатайству Опекунскаго Совѣта, назначено платить за содержаніе питомцевъ, со втораго года до десятилѣтняго возраста, шестью рублями въ годъ болѣе прежняго. Вмѣстѣ съ тѣмъ выдача наградныхъ денегъ за осьми и девятилѣтнихъ питомцевъ, по 2 рубля въ годъ, была прекращена. За прочіе годы воспитанія плата оставлена прежняя.

Въ 1817-мъ году плата за содержаніе деревенскихъ питомцевъ вновь увеличена. 3-го декабря Императрица, по докладу Московскаго Опекунскаго Совѣта, назначила производить плату въ слѣдующемъ размѣрѣ:

Вмѣсто прежняго положенія, по которому выдавалось жалованья за первый годъ кормленія 18 рублей, а потомъ до 10-ти лѣтъ—по 30-ти рублей въ годъ, назначено до десятилѣтняго возраста ежегодно платить кормилицамъ по 36 рублей. За содержаніе питомцевъ съ 10-ти до 17-ти, а питомокъ до 15-лѣтняго возраста сохранено прежнее положеніе, по 18-ти рублей въ годъ.

Сверхъ жалованья выдавать кормилицамъ: въ награду за хорошій уходъ 15 рублей, вмѣсто 18-ти, какъ было прежде, и, сверхъ того, по прежнему давать по 2 рубля за приходъ въ Домъ и платокъ въ 2 рубля 75 копѣекъ, а за двадцатидневное пребываніе въ Домѣ (по 70-ти копѣекъ въ день) 14 рублей. Начиная со втораго и по пятый годъ воспитанія назначено по 9-ти рублей, вмѣсто 6-ти, которые уже выдавались въ награду, и 3-хъ рублей—на бѣлье; за шестой и седьмой года—по 6-ти рублей, какъ было и прежде.

При отправленіи младенца изъ Дома, положено выдавать бѣлье въ томъ размѣрѣ, какой полагался и прежде.

Въ случаѣ смерти кормилицы, слѣдующія ей по разсчету деньги, велѣно отдавать ея семейству; а за тѣмъ дальнѣйшую плату производить той кормилицѣ, которая возьметъ оставшагося послѣ умершей ребенка и докормить его до году.

Въ случаѣ смерти младенца до годоваго возраста, кормилица теряла право на полученіе награжденія.

Награды выдавать, наконецъ, велѣно было

не иначе, какъ въ Экспедиція, по представленіи кормилицею ребенка.

Каждая деревенская кормилица, при такомъ усиленіи окладовъ, получала болѣе противъ прежняго въ первый годъ кормленія 15-ю рублями, а со втораго года и по одиннадцатый—6-ю рублями.

Но скоро и это увеличеніе окладовъ оказалось недостаточнымъ. Опекунскій Совѣтъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, 20-го октября 1820-го года, опредѣлилъ платить деревенскимъ воспитателямъ до 10-лѣтняго возраста ребенка по 5-ти рублей въ мѣсяцъ, а награду отмѣнить; сохранена была одна выдача каждой кормилицѣ за приходъ въ Домъ по 1-му и по 2 рубля, и по платку. Впрочемъ положили по 3 рубля тѣмъ деревенскимъ кормилицамъ, которыя не пожелаютъ остаться въ Домѣ, а возьмутъ только младенца на вскормленіе. Плата за содержаніе питомцевъ отъ 10-ти до 17-ти и питомокъ до 15-лѣтняго возраста оставлена прежняя—18 рублей въ годъ.

Въ такомъ размѣрѣ шло жалованье деревенскимъ воспитательницамъ до 1834-го года. Въ этомъ году Совѣтъ испросилъ Высочайшее разрѣшеніе, по случаю общаго неурожая, впредь до возстановленія прежнихъ цѣнъ на съѣстные припасы, выдавать за воспитаніе дѣтей до 10-лѣтняго возраста по 7-ми рублей 50 копѣекъ, вмѣсто 5-ти рублей въ мѣсяцъ; а свыше 10-лѣтняго—по 5-ти рублей, вмѣсто 1-го рубля 50 копѣекъ (*).

Однако, въ ноябрѣ тогоже года, плата за воспитаніе питомцевъ съ 10-лѣтняго возраста понижена. Журналомъ 8-го ноября, Совѣтъ назначилъ за такихъ питомцевъ платить по 4 рубля въ мѣсяцъ, до 1-го января 1835-го года, полагая, что къ тому времени цѣны на хлѣбъ понизятся.

Съ января 1835-го года по 1-е сентября, по необходимости, эта плата оставлена безъ измѣненія (**).

(*) Высочайше утвержден. докладъ Моск. Опек. Сов. 3 марта 1834 года.

(**) Журналъ Совѣта, 24 января 1835 года.

Въ теченіе тридцати семи лѣтъ цѣны на хлѣбъ и всѣ жизненные припасы постепенно возвышались. Поэтому, къ концу 1835-го года, Опекунскій Совѣтъ вошелъ въ разсмотрѣніе, до какой степени вознагражденіе за содержаніе питомцевъ соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ расходамъ.

Вслѣдствіе этихъ соображеній, 7-го декабря 1835 года Опекунскимъ Совѣтомъ признано было необходимымъ платить за каждаго питомца, отъ 10-ти до 17-ти, а за питомку до 15-лѣтняго возраста по 3 рубля въ мѣсяцъ.

Какъ о мѣрѣ привлеченія изъ деревень кормилицъ, для вывоза изъ Дома младенцевъ, слѣдуетъ упомянуть о дозволеніи съ 1831 года обоимъ Воспитательнымъ Домамъ, Московскому и С.Петербургскому, принимать кормилицъ (кромѣ полугодовыхъ) безъ письменныхъ видовъ, не записывая ихъ въ обывательскую книгу (*).

Плата за увѣчныхъ питомцевъ въ промежутокъ времени—отъ 1798-го по 1837 годъ—не подвергалась такимъ измѣненіямъ, какъ за содержаніе здоровыхъ питомцевъ.

20-го декабря 1811-го года назначено платить за содержаніе увѣчныхъ, малоумныхъ, слѣпыхъ, глухихъ, нѣмыхъ и калекъ по 2 рубля 50 копѣекъ въ мѣсяцъ, вмѣсто 2-хъ рублей, какъ опредѣлено 11-го февраля 1800 года. Замѣчательно, что при усиленіи платы (5-го мая 1814 года) за здоровыхъ питомцевъ, плата за увѣчныхъ сохранена была въ томъ же размѣрѣ.

Въ слѣдующемъ году, 29-го декабря, по ходатайству Совѣта, Императрица разрѣшила за увѣчнаго питомца, *послѣ урочныхъ лѣтъ*, какъ сказано въ журналѣ Совѣта, т. е. вѣроятно, послѣ достиженія питомцемъ возраста, въ которомъ плата прекращается, платить воспитателямъ его по 36-ти рублей въ годъ.

Такую же плату Совѣтъ испрашивалъ за со-

(*) Высочайшее повелѣніе, внесенное въ журналъ Московскаго Опекунскаго Совѣта 31 января 1831 г.

держаніе достигшей урочныхъ лѣтъ, увѣчной и малоумной воспитанницы (въ 1819-мъ году), принимая во вниманіе, что содержаніе такой питомки въ богадѣльнѣ обойдется дороже. 14-го мая сообщена была Совѣту Высочайшая резолюція такого содержанія: „апробовано, если воспитанница сама того желаетъ и не предпочтетъ богадѣльню.“

Въ 1822-мъ году, Опекунскій Совѣтъ испрашивалъ разрѣшенія Императрицы помѣстить трехъ увѣчныхъ воспитанниковъ въ деревню и назначить за содержаніе ихъ по 5 рублей въ мѣсяцъ. А такъ какъ въ Петербургскомъ Воспитательномъ Домѣ за содержаніе увѣчныхъ питомцевъ мѣсячная плата доходила даже до 10-ти рублей, то вмѣстѣ съ тѣмъ Совѣтъ испрашивалъ разрѣшеніе за содержаніе всѣхъ увѣчныхъ питомцевъ установить единообразную плату по 60-ти рублей въ годъ.

Помѣщеніе въ деревню трехъ увѣчныхъ воспитанниковъ, съ платою по 5 рублей въ мѣсяцъ, Императрица разрѣшила. Чтоже касается до назначенія за содержаніе въ деревняхъ вообще всѣхъ увѣчныхъ питомцевъ по 5-ти рублей въ мѣсяцъ, то Императрица на это не изъявила своего согласія. Въ письмѣ къ почетному опекуну Саблину Она объяснила, что такая плата можетъ быть назначаема только за тѣхъ увѣчныхъ, которые хотя и были прежде въ деревняхъ, но потомъ взяты въ Домъ, или помѣщены были въ богадѣльню. Назначеніе единообразной платы по 5-ти рублей въ мѣсяцъ за всѣхъ безъ исключенія увѣчныхъ питомцевъ, находившихся въ деревняхъ, могло, по мнѣнію Императрицы, вести къ злоупотребленіямъ. Къ томуже въ возвышеніи платы не предвидѣлось никакой надобности, потому что сами воспитатели не выражали неудовольствія на недостаточность ея. „Еслиже когда либо случится, — писала Императрица, —что воспитатель не захочетъ держать у себя увѣчнаго питомца, то такое особенное обстоятельство можетъ быть тогда предметомъ и особеннаго договора съ воспитателемъ, который, можетъ быть, согласится взять и менѣе полагаемой теперь платы (5 рублей въ мѣсяцъ), имѣя уже питомца у себя и привыкши къ нему.“ Обо всякомъ такомъ случаѣ Императрица приказала себѣ докладывать.

Такимъ образомъ плата за увѣчныхъ питомцевъ полагалась различная. Такъ, по докладу Совѣта 2-го августа 1822 года, назначено за содержаніе осьмнадцати увѣчныхъ питомцевъ платить по 5-ти и по 4 рубля въ мѣсяцъ. По другому докладу 18 февраля 1828-го года, плата за содержаніе пяти увѣчныхъ питомцевъ положена по 5-ти рублей, даже послѣ достиженія ими совершенныхъ лѣтъ. При утвержденіи этого распоряженія, Императрица однако приказала, при испрашиваніи впередъ платы за увѣчныхъ питомцевъ, представлять ихъ списки за подписомъ медицинскихъ чиновниковъ.

Скажемъ нѣсколько словъ о распространеніи грамотности между деревенскими питомцами. Еще въ 1804-мъ году почетный опекунъ Лунинъ представилъ Императрицѣ планъ обученія питомцевъ на мѣстѣ ихъ воспитанія. Къ плану своему Лунинъ приложилъ проэктъ наставленія сельскимъ учителямъ, списокъ питомцевъ, избранныхъ имъ для обученія, пріисканныхъ учителей и свое соображеніе о расходахъ на ученіе. Планъ Лунина переданъ былъ въ Московскій Опекунскій Совѣтъ, которому Императрица поручила изыскать способы къ обученію питомцевъ закону божію, чтенію и письму, и дать имъ черезъ это нѣкоторое нравственное образованіе. Докладъ Совѣта утвержденъ Императрицею 22-го ноября 1804 года. Согласно плану Лунина, питомцевъ предположено было учить закону божію, чтенію церковной и гражданской печати, начиная съ послѣдней, какъ болѣе легкой, и письму. Учебныя книги, для руководства, назначено выдавать изъ Воспитательнаго Дома. Отъ обученныхъ питомцевъ указано было требовать знанія наизусть нѣкоторыхъ молитвъ. Учителямъ обѣщано платить за выучку питомца чтенію 2 рубля, письму—2 рубля, катихизису и молитвамъ—1 рубль. За особые успѣхи питомца прибавлялось 1 рубль 50 копѣекъ. На учебныя пособіи назначено 98 копѣекъ. Въ случаѣ смерти питомца, до окончанія обученія, учителямъ платы не полагалось; а за недоученныхъ и отобранныхъ отъ

учителя назначено было выдавать плату, соразмѣрно успѣхамъ учениковъ. Расходъ этотъ Императрица указала отнести на общіе доходы Воспитательнаго Дома, а съ 1805-го года включить въ штатъ Московской Деревенской Экспедиціи.

Въ представленномъ Лупинымъ спискѣ, о избранныхъ имъ для обученія питомцахъ и приглашенныхъ для того учителяхъ, назначено было 24 мальчика и 58 дѣвочекъ, всего 82 питомца, въ возрастѣ отъ 5-ти до 12 лѣтъ; всѣ учителя были изъ церковнослужителей, кромѣ одного конторщика.

Почетному опекуну Деревенской Экспедиціи, директору и объѣзжимъ надзирателямъ вмѣнено въ обязанность, при объѣздахъ селеній, въ которыхъ воспитывались питомцы, дѣлать грамотнымъ изъ нихъ испытаніе въ успѣхахъ. 26 го января 1806 года вновь послѣдовало Высочайшее повелѣніе о принятіи мѣръ къ большему распространенію грамотности между деревенскими питомцами. А въ 1807-мъ году, по докладу Опекунскаго Совѣта, Императрица разрѣшила увеличить плату за обученіе дѣтей въ деревняхъ, „дабы болѣе пріохотить обучающихъ,—какъ сказано въ Высочайше утвержденномъ 29-го ноября 1807 года, докладѣ Совѣта, — къ упражненію, требующему много терпѣнія и не мало трудовъ.“ Назначено было за выучку каждаго питомца читать, писать и закону божію по краткому катихизису, платить учителямъ по 10 рублей 60 копѣекъ, съ тѣмъ, чтобы они употребляли свои бумагу и перья.

Вопросъ о распространеніи между деревенскими питомцами грамотности снова возникъ въ 1819-мъ году. Для обученія питомцевъ, предполагалось привозить ихъ изъ деревень на Загородный Дворъ, какъ можно заключить изъ письма, писаннаго 13-го ноября 1819-го года, къ почетному опекуну Саблину статсъ-секретаремъ Вилламовымъ. Въ этомъ письмѣ Вилламовъ, по волѣ Императрицы, спрашивалъ Саблина, сдѣланы-ли распоряженія къ привозу изъ деревень питомцевъ на Загородный Дворъ, для обученія ихъ грамотѣ?—Саблинъ нашелъ, что привозить питомцевъ для обученія на Загородный Дворъ было бы затруднительно, и писалъ объ этомъ къ Вилламову, который отвѣчалъ ему, отъ 10-го декабря 1818-го года, что Императрица признала замѣчанія его основательными и поручила ему заняться учрежденіемъ обученія питомцевъ на мѣстахъ ихъ воспитанія сельскими священниками.

11-го ноября 1820-го года Саблинъ представилъ Московскому Опекунскому Совѣту о желаніи Императрицы, чтобы обоего пола воспитанниковъ, находящихся въ деревняхъ Московской и другихъ губерній, обучать: мальчиковъ— закону божію, церковному и гражданскому чтенію, чистописанію, цифири и выкладкамъ на счетахъ; а дѣвочекъ—закону божію и чтенію.

Сдѣлано было распоряженіе о пріисканіи изъ священноцерковнослужителей и другихъ званій людей, желающихъ принять на себя обученіе питомцевъ.

За выучку каждаго питомца назначено было отъ 20-ти до 30-ти рублей; выдавать же учителямъ эти деньги—не прежде, какъ по испытаніи обученныхъ питомцевъ въ успѣхахъ.

Питомцевъ предполагалось обучать грамотѣ въ возрастѣ отъ 8-ми до 12-ти лѣтъ. Саблинъ доносилъ Совѣту, что имъ пріисканы учителя въ разныхъ селеніяхъ, которые будутъ обучать 124 мальчика и 81 дѣвочку.

На покупку книгъ и прочихъ учебныхъ пособій назначалось на первый разъ 200 рублей (*).

По волѣ Императрицы, Саблинъ озаботился распространеніемъ грамотности не только между питомцами, находившимися подъ непосредственнымъ надзоромъ Воспитательнаго Дома въ селеніяхъ Московской и смежныхъ съ нею губерній, но и между питомцами, состоявшими въ вѣдомствѣ приказовъ Кіевскаго и Вологодскаго, для чего и относился къ кіевскому и вологодскому гражданскимъ губернаторамъ. Из-

(*) Высочайше утвержд. докладъ Сов. 20 ноября 1820 года.

держки по обученію этихъ питомцевъ отнесены были тоже на счетъ Воспитательнаго Дома (*).

По требованію Экспедиціи о воспитанникахъ обоего пола, Контора Московской Сѵнодальной Типографіи выслала въ ноябрѣ 1820-го года въ Экспедицію 250 букварей, изданныхъ для обученія юношества, за которые Воспитательный Домъ заплатилъ Конторѣ по 35 копѣекъ за каждый экземпляръ, а всего 88 рублей 75 копѣекъ. Буквари эти розданы были сельскимъ учителямъ.

Съ того времени обученіе граматѣ производилось разными лицами, которымъ за выучку каждаго питомца плата производилась на счетъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго Норовой.

Въ видахъ воспитанія питомцевъ въ правилахъ Православія, въ 1834 году послѣдовало распоряженіе, чтобы дѣтей не отдавать на воспитаніе женщинамъ, принадлежащимъ къ расколу, и чтобы они не усыновлялись раскольниками. Также строго велѣно было слѣдить за деревенскими кормилицами, не принадлежатъ-ли онѣ къ какой-либо раскольничьей сектѣ.

Въ 1836-мъ году устройство управленія деревенскими питомцами и надзора за ихъ воспитаніемъ подверглось нѣкоторымъ измѣненіямъ.

Бывшимъ помощникомъ главнаго надзирателя г. Озеровымъ, при помощи объѣзжихъ надзирателей Щепотьева и барона Ферзена, сдѣлана была повѣрка наличности питомцевъ. При этомъ оказалось, что изъ числа почти двадцати четырыхъ тысячь питомцевъ, которые числились въ деревняхъ, двадцать три человѣка давно уже померли, а сто два питомца пропало безъ вѣсти.

Управлявшій Воспитательнымъ Домомъ, почетный опекунъ Штеръ замѣтилъ, по поводу этого, что объѣзжіе надзиратели отвлекаются отъ прямыхъ своихъ обязанностей—занятіями совершенно посторонними, которыя отнимаютъ у нихъ возможность слѣдить за питомцами на самыхъ мѣстахъ ихъ воспитанія—въ продолженіе тринадцати дней, въ теченіе которыхъ за содержаніе деревенскихъ питомцевъ воспитателямъ ихъ раздается плата.

Опекунскій Совѣтъ согласился съ мнѣніемъ Штера, и, вслѣдствіе доклада Совѣта, 6-го іюня 1836-го года, послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи по управленію деревенскими питомцами новыхъ должностей: помощника экспедитора, помощника бухгалтера и двухъ писарскихъ вакансій.

Вновь учрежденнымъ должностямъ присвоены слѣдующія обязанности: помощникъ экспедитора долженъ былъ повѣрять подписи, дѣлаемыя окружными надзирателями на билетахъ, выдаваемыхъ воспитателямъ для полученія за питомцевъ платы; въ случаяхъ какихъ-либо при этомъ сомнѣній удостовѣряться въ подлинности подписей, чрезъ сношеніе съ окружными надзирателями; вносить въ объѣздныя книги имена всѣхъ отправляемыхъ въ деревни питомцевъ; дѣлать нужныя противъ имени каждаго питомца отмѣтки; свѣрять объѣздныя книги съ ревизорскими; отмѣчать переводъ питомцевъ изъ одной деревни въ другую; сличать раздаточныя книги съ главными книгами, которыя ведутся въ Крестовомъ отдѣленіи. Помощникъ бухгалтера долженъ былъ дѣлать разсчеты по представляемымъ воспитателями билетамъ; повѣрять нумерацію билетовъ и питомцевъ по раздаточнымъ книгамъ экспедиторскаго помощника; по окончаніи ежемѣсячной раздачи платы деревенскимъ воспитателямъ, вести счетъ выданныхъ суммъ и наблюдать за ихъ точностью и сходствомъ съ суммами, которыя значатся въ книгахъ бухгалтерскихъ.

За объѣзжими надзирателями оставлены были обязанности: наблюдать за дѣйствіями подчиненныхъ имъ окружныхъ надзирателей и за пресѣченіемъ безпорядковъ и упущеній на самыхъ мѣстахъ воспитанія. Кромѣ того, во время отсутствія, или болѣзней окружныхъ надзирателей—исправлять ихъ должности; отыскивать и приглашать, въ случаѣ нужды, въ Домъ кормилицъ и вообще исполнять разнаго рода, по

(*) Письма Вилламова къ Саблину отъ 11-го сентября 1819-го года, 5 и 8 февраля 1820 года.

воспитанію въ деревняхъ, обязанности, какія могли быть на нихъ возложены.

Общее управленіе деревенскою частію по прежнему было предоставлено помощнику главнаго надзирателя.

Данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы сдѣлать какіе нибудь выводы объ успѣхахъ нравственнаго и умственнаго воспитанія деревенскихъ питомцевъ въ этотъ періодъ времени, къ сожалѣнію не сохранилось. О степени матеріяльнаго благосостоянія, въ которомъ находились деревенскіе питомцы, можно судить по тѣмъ измѣненіямъ, какія представляетъ процентъ смертности питомцевъ въ деревняхъ.

Въ прилагаемой таблицѣ помѣщены цифры отпуска дѣтей изъ Дома къ деревенскимъ воспитателямъ, общаго числа питомцевъ въ деревняхъ и ихъ смертности съ 1819-го по 1837-й годъ.

Цифры, помѣщенныя въ этой таблицѣ, взяты изъ книгъ и отчетовъ Крестоваго отдѣленія.

Въ которомъ году.	Вывезено питомцевъ изъ Дома въ деревни.		Всего съ остаткомъ отъ предъидущаго года находилось въ деревняхъ.		Изъ нихъ въ теченіе года умерло.		Процентъ смертности
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	
							болѣе.
1819	803	884	3735	4675	553	660	14%
1820	871	1020	4010	4924	566	638	13%
1821	1325	1457	4657	5584	763	827	15%
1822	1623	1794	5026	5988	986	1049	18%
1823	1561	1771	5542	6538	975	1101	17%
1824	1840	2000	6305	7293	909	986	13%
1825	1937	2168	7239	8304	1265	1324	16%
1826	1853	2121	7615	8876	1240	1340	15%
1827	1751	2084	7987	9428	1000	1073	11%
1828	1961	2170	8761	10.241	1072	1147	11%
1829	1832	2071	9369	10.930	1176	1238	11%
3830	1709	1963	9737	11.494	1189	1254	11%
1831	2072	2437	10.243	12.322	1283	1362	11%
1832	2464	3736	11.217	13.523	2191	1296	10%
1833	2468	2723	12.020	14.523	1811	2008	14%
1834	3056	3421	12.979	15.494	1843	1788	12%
1835	2515	3113	13.446	16.598	1820	1963	12%
1836	2567	3142	13.893	17.532	1756	1945	11%

III.

(1837—1863 г.)

Именнымъ указомъ 25-го іюня 1837 г. Императоръ Николай повелѣлъ: всѣхъ безъ изъятія приносимыхъ въ Воспитательные Дома грудныхъ младенцевъ и принимаемыхъ по разрѣшеніямъ Опекунскихъ Совѣтовъ незаконнорожденныхъ дѣтей и круглыхъ сиротъ отсылать на воспитаніе въ деревни. Только по особымъ повелѣніямъ допускалось причисленіе кого-либо изъ воспитанниковъ къ учебнымъ классамъ. Обратно изъ деревень въ Воспитательные Дома питомцевъ брать запрещено. Дозволено лишь отправлять ихъ, по мѣрѣ надобности, для пополненія положеннаго числа семействъ, въ Маріинскую колонію; отдавать на Александровскую Мануфактуру и въ Ремесленное Учебное Заведеніе; опредѣлять на казенные и частные заводы и фабрики, въ Земледѣльческую Школу, въ Институты для услугъ, въ самые Воспитательные Дома съ подвѣдомственными имъ заведеніями, и въ другія мѣста, въ няньки, хожатыя, фельдшера, кучера и прочія служительскія должности.

Всѣхъ прочихъ деревенскихъ питомцевъ, по достиженіи семнадцатилѣтняго возраста, въ сообразность съ Установленіемъ по Воспитательнымъ Домамъ 24-го декабря 1797-го года, указано приписывать къ казеннымъ селеніямъ. Такимъ образомъ питомцевъ приписывали, или къ тѣмъ деревнямъ, въ которыхъ они воспитывались, или перемѣщали въ другія казенныя селенія, даже въ другіе уѣзды и губерніи, съ причисленіемъ къ крестьянскимъ семействамъ, или водворяя инымъ образомъ. При этомъ они пользовались 3-лѣтнею льготою отъ податей и повинностей. Самое размѣщеніе производилось по усмотрѣнію Главнаго Управленія Государственными Имуществами. Калекъ, ни къ какимъ работамъ неспособныхъ, велѣно оставлять по прежнему въ деревняхъ на иждивеніи Воспитательныхъ Домовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, разрѣшено возвращать питомцевъ на попеченіе родственникамъ и отдавать въ усыновленіе казеннымъ крестьянамъ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда у усыновителей есть свои дѣти мужескаго пола.

Предоставлено питомцамъ право, по достиженіи семнадцатилѣтняго возраста, вступать въ военную службу, если окажутся къ ней способными.

Воспитанницъ велѣно оставлять по прежнему въ деревняхъ до замужства, или до совершеннолѣтія, по достиженіи котораго снабжать вѣчноувольнительными свидѣтельствами и выдавать имъ въ обоихъ случаяхъ положенное денежное награжденіе.

Наконецъ, всѣхъ питомцевъ, находившихся на временномъ воспитаніи въ столицахъ, по мѣрѣ ихъ возращенія въ Воспитательные Дома, велѣно отсылать въ деревни, кромѣ тѣхъ, разумѣется, которые взяты будутъ на попеченіе родственниками. На будущее время раздавать питомцевъ на временное воспитаніе жителямъ столицъ воспрещено.

Поводомъ къ такому распоряженію былъ умножавшійся годъ отъ году приносъ дѣтей въ Воспитательные Дома и возраставшая вмѣстѣ

съ тѣмъ потребность въ кормилицахъ; вслѣдствіе чего обнаружилось, „особенно при послѣдней народной переписи—сказано въ указѣ—вредное вліяніе, которое имѣетъ на народонаселеніе ежегодное удаленіе такого множества крестьянокъ отъ естественныхъ материнскихъ обязанностей. Съ другой стороны, долговременный опытъ доказалъ, что многіе родители отчуждаютъ и законнорожденныхъ дѣтей своихъ отъ родительскаго попеченія и семейнаго быта, не по причинѣ нищеты, лишающей способовъ къ ихъ содержанію, а для того, чтобы этимъ подлогомъ вывести дѣтей своихъ изъ сословія, къ которому принадлежатъ, освободить ихъ отъ общественныхъ обязанностей, на томъ сословіи лежащихъ, или доставить выгоды по гражданской службѣ выше своего состоянія, или которыхъ бы они прямымъ путемъ медленнѣе достигали.“

Плата за воспитаніе деревенскихъ питомцевъ оставалась безъ измѣненія до 1840-го года, до времени переложенія денежнаго курса на серебро.

8-го іюня 1840-го года, установлено платить за содержаніе въ деревняхъ питомцевъ до 10-лѣтняго возраста по 1 руб. 44 коп. серебромъ въ мѣсяцъ, а съ 10-ти лѣтъ, за мальчиковъ до 17-ти, а дѣвочекъ—до 15-лѣтняго возраста—по 86 коп. въ мѣсяцъ; на похороны питомцевъ положено выдавать по 5 коп. По дороговизнѣ хлѣба и другихъ жизненныхъ потребностей назначено тогда же, впредь до пониженія цѣнъ, выдавать за питомцевъ до 10-ти лѣтъ по 2 руб. 10 коп., а старѣе 10-лѣтняго возраста—по 1-му руб. 50 коп. въ мѣсяцъ (*).

Въ слѣдующемъ году цѣны на хлѣбъ нѣсколько понизились, что дало возможность плату за воспитаніе питомцевъ въ деревняхъ уменьшить: до 10-ти лѣтъ за питомцевъ назначено было платить въ мѣсяцъ по 1 руб. 80 коп., вмѣсто 2 руб. 10 коп., а съ 10-лѣтняго возраста—1 руб. 40 коп., вмѣсто 1 руб. 50 коп. (**).

(*) Высочайше утвержденный докладъ Московскаго Опекунскаго Совѣта, 8 іюня 1840 г.

(**) Журналъ Московскаго Опекунскаго Совѣта, 30-го октября 1841 года.

Наконецъ, въ 1854-мъ году представилась возможность плату за воспитаніе понизить до размѣра, установленнаго въ 1840 году, т. е. до 10 лѣтъ по 1 руб. 44 коп., а старѣе—по 86 коп. въ мѣсяцъ (*).

Въ 1858 году, „въ видахъ уменьшенія смертности питомцевъ въ деревняхъ“, плата повышена.

Съ августа этого года положено платить: за дѣтей до 3-хъ лѣтъ по 2 руб. 40 коп. въ мѣсяцъ; въ возрастѣ, отъ 3-хъ до 7-ми лѣтъ—по 1 руб. 90 коп; отъ 7 до 10 лѣтъ — по 1-му руб. 60 коп ; старѣе этого возраста за питомокъ до 15 лѣтъ, а за питомцевъ до 17-ти по 1-му руб. въ мѣсяцъ (**).

Въ такомъ размѣрѣ плата производится и въ настоящее время.

Случалось, что за особыя услуги выдавались воспитателямъ награжденія. Такъ въ 1837 году, за спасеніе деревенскаго воспитанника, унесеннаго волкомъ, воспитательницѣ его, крестьянкѣ Аксиньѣ Ивановой, Опекунскимъ Совѣтомъ выдано въ награду 200 рублей ассигнаціями и о поступкѣ ея публиковано въ газетахъ; Императоръ же пожаловалъ ей, сверхъ этого, 500 рублей ассигнаціями и медаль за спасеніе погибавшихъ.

Другая кормилица, крестьянка Дарья Петрова, въ 1842 году во время пожара въ ея домѣ, сгорѣла, желая спасти своего питомца. Оставшемуся семейству Государь пожаловалъ 150 рублей серебромъ.

За питомцевъ увѣчныхъ плата производилась различная ; они отдавались на попеченіе не только крестьянамъ въ деревни, но даже и жителямъ Москвы. Такъ въ 1839 году отдана была московскому купцу Пѣтухову болѣзненная деревенская воспитанница Ольга Ильина; за содержаніе ея назначено было платить по 10 руб. лей въ мѣсяцъ (***).

(*) Журналъ Московскаго Опекунскаго Совѣта, 9 декабря 1854 года

(**) Журналъ Московскаго Опекунскаго Совѣта, 25 августа 1858 года.

(***) Журналъ Моск. Опек. Сов. 6-го февраля 1839 года.

Вообще плата за увѣчныхъ питомцевъ назначалась не иначе, какъ по предварительномъ медицинскомъ освидѣтельствованіи питомца въ самомъ Воспитательномъ Домѣ, и каждый разъ съ разрѣшенія Опекунскаго Совѣта.

Съ 1860 года начальству Воспитательнаго Дома предоставлено назначать за увѣчныхъ питомцевъ особую плату до 5 руб. серебромъ въ мѣсяцъ, не испрашивая разрѣшенія Совѣта (*).

Къ 1-му января 1863 года увѣчныхъ питомцевъ было:

мужск.	женск.;	за нихъ	платится	въ мѣсяцъ:
190 —	234	— —	—	— 2 руб.
70 —	94	— —	—	— 3 —
18 —	13	— —	—	— 4 —
2 —	—	— —	—	— 5 —

Итого 280 мужскаго пола, 341 женскаго, всего 621 увѣчныхъ.

Управленіе деревенскою частію и надзоръ за воспитаніемъ питомцевъ въ деревняхъ имѣли свои недостатки. Такъ окружные надзиратели жили въ Москвѣ и отсюда только по временамъ ѣздили въ деревни осматривать питомцевъ. Самые округа, для удобства разъѣздовъ, распредѣлены были несообразно съ раздѣленіемъ губерніи на уѣзды, а по дорогамъ, ведущимъ изъ Москвы въ уѣздные города. Селенія, лежащія по одну сторону дороги, отнесены были къ одному округу, по другую—къ другому. Такимъ образомъ селенія одного и того же уѣзда, въ отношеніи надзора за воспитаніемъ въ нихъ питомцевъ, подчинены были разнымъ лицамъ. Границы каждаго округа также не могли быть съ точностію опредѣлены. При каждомъ отпускѣ дѣтей въ такое селеніе, гдѣ питомцевъ еще не было, возникалъ вопросъ,—къ какому округу удобнѣе отнести это селеніе.

Въ маѣ 1857 года, Высочайше повелѣно: „для ближайшаго наблюденія за положеніемъ питомцевъ, поселить окружныхъ Надзирателей въ самыхъ округахъ, начертавъ для нихъ подробнѣйшія инструкціи, съ тѣмъ однако, чтобы впослѣдствіи къ должностямъ симъ опредѣляемы были, по мѣрѣ возможности, врачи, такъ какъ попеченіе о физическомъ воспитаніи дѣтей и сохраненіи ихъ здоровья должно составлять главнѣйшій предметъ обязанностей Надзирателя (*).“

Для исполненія такого Высочайшаго повелѣнія, приглашаемы были медицинскіе чиновники къ занятію открывавшихся вакансій окружныхъ надзирателей; но съ 1857 года врачей, желающихъ занять эти должности, явилось только трое, которые и были помѣщены на открывшіяся вакансіи въ округа Богородскій, Коломенскій и Рузскій. Изъ нихъ врачъ, занявшій должность окружнаго надзирателя въ Коломенскомъ округѣ, оставилъ ее въ началѣ 1860 года. На мѣсто его переведенъ врачъ изъ Рузскаго округа, такъ что въ настоящее время должности окружныхъ надзирателей заняты медиками только въ округахъ Богородскомъ и Коломенскомъ.

Причина неуспѣха въ прінсканіи врачей къ занятію должности окружныхъ надзирателей заключается въ недостаточности присвоеннаго этимъ должностямъ содержанія. Трудно встрѣтить врача, который нашелъ бы для себя выгоднымъ за 200 руб. въ годъ жалованья поселиться въ уѣздный городъ, гдѣ частная практика едва-ли для него возможна, по причинѣ непрерывныхъ разъѣздовъ по округу.

Опытъ доказалъ при томъ, что опредѣленіемъ врачей къ должностямъ окружныхъ надзирателей не достигается та цѣль, которую при этомъ должно бы имѣть въ виду: возможное сохраненіе здоровья питомцевъ. Окружный надзиратель изъ врачей, встрѣтивъ больнаго питомца, при осмотрѣ своего округа, и подавъ ему совѣтъ, по необходимости долженъ обратиться къ той же мѣрѣ, къ которой прибѣгнетъ и окружной надзиратель неврачь, т. е. отправить питомца въ больницу, гдѣ лечить его будетъ уже не окружный надзиратель, а больничный медикъ.

На окружномъ надзирателѣ, кромѣ обязанности имѣть попеченіе о сохраненіи здоровья

(*) Журналъ Моск. Опек. Сов., 17 окт. 1860 г.

(*) Отношеніе г. статсъ-секретаря Гофмана къ предсѣдательствующему въ Опек. Совѣтѣ, отъ 13 мая 1857 года за № 3299-мъ.

питомцевъ, лежитъ много другихъ обязанностей: приписка въ сословіе; устройство участи питомца, чрезъ усыновленіе его въ крестьянское семейство, совершаются по совѣтамъ воспитателей съ окружными надзирателями и при ихъ содѣйствіи; законная защита питомца, въ случаѣ прикосновенности его къ какому нибудь слѣдствію, и множество другихъ случаевъ относятся до прямой обязанности окружныхъ надзирателей. Опытъ доказалъ, что обязанности эти гораздо удовлетворительнѣе и съ большими успѣхами исполняются гражданскими чиновниками, чѣмъ врачами, мало знакомыми съ гражданскими законами.

Между тѣмъ, по возраставшему годъ отъ году числу селеній, въ которыя вывозились изъ Воспитательнаго Дома младенцы, сдѣлалось необходимымъ увеличить число чиновниковъ для надзора за ихъ воспитаніемъ. Въ штатѣ Московскаго Воспитательнаго Дома 1857 года положено 15-ть окружныхъ надзирателей, вмѣсто 13-ти, какъ было прежде, и для повѣрки ихъ дѣйствій—3 надзирателя объѣзжихъ. Тѣмъ же штатомъ помощникъ главнаго надзирателя, завѣдывавшій деревенскою частію, переименованъ въ инспектора округовъ.

Каждому окружному и объѣзжему дано по фельдшеру, для оказанія больнымъ деревенскимъ питомцамъ, во время осмотра ихъ въ деревняхъ, первоначальнаго медицинскаго пособія.

Со введеніемъ новаго штата, дано деревенскому управленію новое устройство.

Всѣ селенія, въ которыхъ воспитываются питомцы, раздѣлены на 15-ть округовъ, не по дорогамъ, какъ было прежде, а по уѣздамъ. Округа эти расположены были слѣдующимъ образомъ:

1-й округъ заключалъ уѣздъ:			Московскій
2-й —	—	—	Дмитровскій
3-й —	—	уѣзды	Александровскій Влад. губ.
			Юрьевскій — —
			Переяславскій — —
			Калязинскій и
			Корчевской Тверск. губ.
4-й —	—	уѣздъ	Бронницкій
5-й —	—	—	Богородскій
			Покровскій Влад. г.
			Егорьевскій Ряз. г.
			Верейскій
7-й —	—	—	Подольскій
8-й —	—	—	Коломенскій
			Каширскій Тульск. губ.
			Веневскій — —
			Зарайскій Ряз. губ.
9-й —	—	—	Серпуховской
			Алексинскій Тул. г.
10-й —	—	—	Боровскій Калуж. губ.
			Малоярославец. —
			Тарусскій — —
			Медынскій — —
11-й —	—	—	Рузскій
12-й —	—	—	Звенигородскій
13-й —	—	—	Можайскій
			Гжатскій Смол. губ.
14-й —	—	—	Клинскій
			Тверской
15-й —	—	—	Волоколамскій
			Зубцовскій Тверск. губ
			Старицкій — —

Плату за воспитаніе питомцевъ положено было раздавать по каждому округу въ то число мѣсяца, которое соотвѣтствовало цифрѣ округа: такъ по 1-му округу плата раздавалась 1-го числа, по 2-му—2-го, и такъ далѣе.

Окружнымъ надзирателямъ назначено жить въ уѣздныхъ городахъ; а именно:

2-го округа	въ		Дмитровѣ,
4—	—	—	Бронницахъ,
5—	—	—	Богородскѣ,
6—	—	—	Вереѣ,
7—	—	—	Подольскѣ,
8—	—	—	Коломнѣ,
9—	—	—	Серпуховѣ,
10—	—	—	Малоярославцѣ,
11—	—	—	Рузѣ,
12—	—	—	Звенигородѣ,
13—	—	—	Можайскѣ,
14—	—	—	Клину,
15—	—	—	Волоколамскѣ.

Надзирателю 1-го округа предоставлено жить въ Москвѣ, а надзирателю 3-го округа—въ Сергіевскомъ посадѣ.

Изъ всѣхъ 15-ти округовъ составлено три участка, по пяти округовъ въ каждомъ: одинъ на востокъ и сѣверо-востокъ, другой на югъ, третій—на западъ и сѣверо-западъ отъ Москвы. Въ первомъ участкѣ заключаются первые пять округовъ, во второмъ—вторые пять и, наконецъ, въ третьемъ—пять остальныхъ.

По первому участку раздача платы деревенскимъ воспитателямъ производилась въ первые пять дней каждаго мѣсяца, по второму—во вторые пять дней, по третьему—въ послѣдніе пять дней первой половины мѣсяца, такъ что 15-го числа каждаго мѣсяца раздача оканчивалась.

Каждый округъ ввѣренъ окружному надзирателю, съ непосредственнымъ подчиненіемъ директору Воспитательнаго Дома. Каждый участокъ порученъ наблюденію одного изъ трехъ объѣзжихъ надзирателей, которымъ дано значеніе ревизоровъ.

Объѣзжимъ надзирателямъ предоставлено избирать постоянное мѣсто жительства среди ввѣренныхъ имъ участковъ. Надзиратель 1-го участка поселился въ Сергіевскомъ посадѣ, 2-го —въ Звенигородѣ; 3-й объявилъ своимъ мѣстомъ жительства Подольскъ.

На объѣзжихъ надзирателей возложена, кромѣ того, обязанность присутствовать въ теченіе пяти дней при раздачѣ платы за питомцевъ, ввѣренныхъ имъ участковъ, и исполнять, въ отсутствіи, или во время болѣзни окружныхъ надзирателей, ихъ обязанности.

Инспекторъ округовъ освобожденъ отъ всякихъ обязанностей, какія возложены были на помощника главнаго надзирателя по управленію деревенскою частію. Ему дано значеніе общаго ревизора дѣйствій окружныхъ и объѣзжихъ надзирателей.

Всѣмъ этимъ чинамъ даны инструкціи.

Опытъ доказалъ, что такое устройство управленія деревенскою частію имѣло также свою невыгодную сторону. Инспекторъ округовъ, будучи слишкомъ устраненъ отъ всякаго участія въ управленіи, не могъ производить ревизію съ желаемой пользой.

Съ 1860 года посему признано полезнымъ кругъ дѣятельности инспектора округовъ расширить.

4-го ноября 1860 года, съ опредѣленіемъ новаго инспектора округовъ, въ замѣнъ инструкціи 1857 года, начальство Воспитательнаго Дома возложило на его обязанность:

1) Присутствовать въ продолженіе первой половины каждаго мѣсяца при раздачѣ платы воспитателямъ деревенскихъ питомцевъ.

2) Разбирать при этомъ жалобы, въ которыхъ объѣзжіе надзиратели найдутъ необходимымъ имѣть его разрѣшеніе.

3) Принимать прошенія: отъ крестьянъ—объ отдачѣ имъ въ усыновленіе и удочереніе питомцевъ и питомокъ, а отъ родственниковъ питомцевъ—объ отдачѣ имъ сихъ послѣднихъ на ихъ попеченіе и содержаніе. При этомъ изъяснено, „что на причисленіе къ крестьянскимъ семействамъ слѣдуетъ имѣть въ виду согласіе и воспитателя, и усыновителя, а если питомецъ уже на возрастѣ, то и самаго питомца; а при увольненіи питомцевъ на содержаніе и попеченіе родственниковъ обращать вниманіе на всѣ обстоятельства, могущія разъяснить настоящую пользу питомца въ каждомъ частномъ случаѣ.“

4) Выслушивать просьбы питомокъ о дозволеніи имъ вступать въ бракъ и разрѣшать заготовленіе на это свидѣтельствъ, по личномъ отъ самихъ питомокъ удостовѣреніи, что онѣ вступаютъ въ замужство не по принужденію воспитателей, а по собственному желанію.

5) Питомцамъ, обученнымъ граматѣ, производить испытанія и назначать количество вознагражденія за ихъ обученіе.

6) Давать направленіе письменному дѣлопроизводству по деревенской части.

7) Наблюдать, наконецъ, за исполненіемъ чиновниками деревенскаго управленія возложенныхъ на нихъ обязанностей.

Общая ревизія дѣйствій объѣзжихъ и окруж-

ныхъ надзирателей, по прежнему, оставлена на обязанности инспектора округовъ.

Въ 1860-мъ году дозволено объѣзжимъ надзирателямъ жить въ Москвѣ; пріѣзжать ежемѣсячно изъ уѣздовъ для присутствованія при раздачѣ деревенскимъ воспитателямъ платы, при скудости разъѣздныхъ денегъ, было для нихъ стѣснительно. Къ томуже на объѣзжихъ надзирателей, кромѣ обязанности производить ревизію дѣйствій надзирателей округовъ, нерѣдко возлагаются порученія, для успѣшнаго исполненія которыхъ имъ необходимо получать лично указанія отъ начальства (*).

При этомъ, для удобства объѣздовъ, округа распредѣлены на части такимъ образомъ, чтобы каждый объѣзжій надзиратель по каждому тракту выѣзжалъ изъ Московскаго уѣзда прямо въ округа своего участка и не проѣзжалъ по округамъ участковъ чужихъ. Объѣзжему надзирателю, въ участкѣ котораго находится Московскій уѣздъ, даны тѣ округа, которые находятся въ уѣздахъ, прилегающихъ къ границамъ Московскаго уѣзда отъ Москвы отдаленнѣйшимъ, такъ чтобы прочимъ двумъ объѣзжимъ надзирателямъ оставалось какъ можно менѣе проѣзжать по Московскому уѣзду.

Распредѣленіе округовъ по участкамъ соглашено и съ порядкомъ раздачи платы деревенскимъ воспитателямъ. Этотъ порядокъ былъ неудобенъ въ томъ отношеніи, что плату по самымъ населеннымъ питомцами округамъ приходилось раздавать сряду въ послѣдніе пять дней раздачи. Въ особенности въ зимнее время, когда раздача производится до поздняго вечера, нельзя было повѣрять, хотя на другой день, выданную сумму. Притомъ, по округамъ расположеннымъ въ Звенигородскомъ и Клинскомъ уѣздахъ, гдѣ число питомцевъ постоянно возрастаетъ, выдача жалованья воспитателямъ въ одинъ день сдѣлалась невозможною. Напротивъ, въ округахъ, заключающихъ въ себѣ уѣзды Богородскій, съ Покровскимъ и Егорьевскимъ, и уѣзды Владимірской и Тверской губерній, число питомцевъ въ 1860 году не превышало 650-ти, и потому раздача платы по обоимъ этимъ округамъ могла быть оканчиваема въ одинъ день.

Въ настоящее время округа распредѣлены такъ:

1-й участокъ.

1-й—округъ въ Звенигородскомъ уѣздѣ.—Раздача платы производится 1-го и 2-го числъ каждаго мѣсяца, для чего и самый округъ раздѣленъ на двѣ части.

2-й—въ Можайскомъ, съ Гжатскимъ. Раздача—3-го числа.

3-й—въ Рузскомъ. Раздача—4-го числа.

4-й—въ Волоколамскомъ, съ Зубцовскимъ и Старицкимъ. Раздача—5 числа.

5-й—въ Верейскомъ. Раздача—6-го числа.

2-й участокъ.

6-й—въ Серпуховскомъ уѣздѣ, съ Алексинскимъ.

7-й—въ Коломенскомъ, съ Каширскимъ, Веневскимъ и Зарайскимъ.

8-й—въ Подольскомъ.

9-й—въ Боровскомъ, Малоярославецкомъ, Тарусскомъ, и Медынскомъ.

10-й—въ Бронницкомъ.

Раздача платы по каждому изъ этихъ округовъ производится въ одинъ день, съ 7-го по 12 число.

3-й участокъ.

11-й—въ Клинскомъ уѣздѣ, съ Тверскимъ.

12-й—въ Московскомъ.

13-й— въ Дмитровскомъ.

14-й— въ Александровскомъ, Юрьевскомъ, Переяславскомъ, Калязинскомъ и Корчевскомъ.

15-й— въ Богородскомъ, съ уѣздами Покровскомъ и Егорьевскимъ.

Для раздачи платы по 11-му округу назначены 12 и 13 числа каждаго мѣсяца; по 12-му раздача производится 14-го числа, по 13-му—15-го, по 14-му и 15-му—16-го числа (*).

Такъ какъ при этомъ измѣненіи въ распре-

(*) Журналъ Опек. Совѣта, 12 декабря 1860 года.

(*) Тотъ же Журналъ Опекунскаго Совѣта.

дѣленія округовъ, нумера округовъ не показываютъ уже болѣе числъ дней раздачи, то округа именуются нынѣ по уѣздамъ.

Питомцевъ всего больше въ округахъ Звенигородскомъ, Клинскомъ и Подольскомъ; самые малолюдные округа: Коломенскій, Александровскій и Богородскій.

По отчетамъ за 1862-й годъ, къ 1-му января 1863-го года, питомцевъ въ деревняхъ показано 32.101; изъ этого числа, какъ видно изъ раздаточныхъ книгъ, было 28.645 питомцевъ, за которыхъ производится плата, а именно: въ округахъ:

	мальч.		дѣвоч.
Звенигородскомъ. . . .	1812	—	2061
Можайскомъ.	887	—	1046
Рузскомъ.	1244	—	1441
Волоколамскомъ. . . .	619	—	667
Верейскомъ	1328	—	1419
Серпуховскомъ	875	—	1004
Коломенскомъ.	248	—	352
Подольскомъ.	1396	—	1639
Малоярославецкомъ. . .	844	—	940
Бронницкомъ.	497	—	591
Клинскомъ.	1525	—	1691
Московскомъ.	550	—	663
Дмитровскомъ.	1216	—	1425
Александровскомъ . . .	194	—	237
Богородскомъ.	96	—	138
Всего.	13.331	—	15.314

Младенцы, отправляемые въ Коломенскій округъ, поступали большею частію на воспитаніе въ селенія уѣздовъ Коломенскаго, Каширскаго и Зарайскаго. Въ уѣздѣ Веневскомъ воспитывается дѣтей немного. Въ іюлѣ 1861 года открыто, что младенцы, отправляемые въ Веневскій уѣздъ, привозятся большею частію въ селеніе Беззубово, лежащее близь границъ Зарайскаго и Каширскаго уѣздовъ, и передаются вывозящими ихъ женщинами за нѣкоторую плату на воспитаніе женщинамъ изъ уѣздовъ Каширскаго и Зарайскаго. Надзоръ за воспитаніемъ въ Веневскомъ уѣздѣ, между тѣмъ, по отдаленности, затруднителенъ.

Съ августа 1861-го года отпускъ младенцевъ въ Веневскій уѣздъ прекращенъ.

Въ уѣздахъ Каширскомъ и Коломенскомъ замѣчены были случаи двукратной отдачи въ Воспитательный Домъ одного и тогоже младенца и полученія платы за родныхъ дѣтей по билетамъ на умершихъ питомцевъ. Преслѣдованіе всѣхъ этихъ злоупотребленій въ каждомъ частномъ случаѣ порядкомъ слѣдственнымъ вовлекло бы Воспитательный Домъ въ значительную переписку; а какъ между коломенскими и каширскими кормилицами укоренились привычки къ отступленію отъ установленныхъ по Воспитательному Дому правилъ, то съ августа 1861-го года отпускъ младенцевъ въ уѣзды Каширскій и Коломенскій, впредь до указанія опыта, временно пріостановленъ.

Хотя указомъ 25 іюня 1837 года питомцы и предназначены къ обращенію преимущественно въ сельское сословіе, однако младенцы отпускались съ кормилицами не только въ деревни, но и въ уѣздные города. Съ октября 1861 года сдѣлано распоряженіе, чтобы дѣтей въ города на воспитаніе не отпускать.

Въ томъ же году, въ видахъ облегченія надзора за воспитаніемъ въ деревняхъ, прекращенъ отпускъ младенцевъ въ уѣзды: Зубцовскій, Старицкій, Тверской, Юрьевскій, Покровскій, Алексинскій, Зарайскій и Егорьевскій. Вывозилось туда младенцевъ мало, а осмотръ ихъ требовалъ дальнихъ разъѣздовъ.

Случаи самовольной передачи кормилицами другъ другу дѣтей замѣчались издавна, и безнаказанности такихъ поступковъ особенно способствовало то обстоятельство, что кормилицы (кромѣ полугодовыхъ) принимаются безъ всякихъ видовъ.

Начальство Дома не рѣшалось требовать отъ приходящихъ изъ деревень кормилицъ удостовѣренія ихъ личности, изъ опасенія, чтобы отъ этого не произошелъ недостатокъ въ кормилицахъ.

Такое опасеніе оправдалось и тѣмъ, что потребность въ кормилицахъ постоянно возрастала, такъ какъ до 1860-го года возрастало ежегодно число приносимыхъ дѣтей. Но въ 1860-мъ году принесено было менѣе, чѣмъ въ 1859-мъ; а въ 1861-мъ менѣе даже и противъ 1860-го. При такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, можно

было безопасно, хотя въ одинъ уѣздъ, отпускать дѣтей только съ тѣми кормилицами, которыя представятъ письменный видъ.

Для опыта избранъ уѣздъ Бронницкій, между прочимъ и потому уваженію, что онъ лежитъ на пути изъ Москвы въ Коломну и Каширу, куда вывозъ питомцевъ прекращенъ (*).

Послѣдствія видны изъ слѣдующихъ цифръ. Въ Бронницкій округъ, изъ общаго числа розданныхъ младенцевъ, вывезено:

Въ 1858-мъ году	—	258	изъ	9.846.
— 1859 — —	—	392	—	11.312.
— 1860 — —	—	356	—	9.948.
— 1861 — —	—	284	—	9.646.
— 1862 — —	—	226	—	8.396.

При раздачѣ платы за воспитаніе питомцевъ въ деревняхъ, у воспитателей, по полученіи уже отъ счетчиковъ денегъ, иногда возникали сомнѣнія, относительно правильности количества выданной имъ суммы. При этомъ представляется обыкновенно два случая: или воспитатель сомнѣвается въ вѣрности бухгалтерскаго разсчета, или же полагаетъ, что ему выдано счетчикомъ денегъ менѣе назначеннаго въ полученной отъ бухгалтера контрамаркѣ. Первое недоразумѣніе легко устраняется повѣркою бухгалтерскаго разсчета. Разъясненіе же случаевъ втораго рода нерѣдко бываетъ затруднительно, такъ какъ сомнѣнія обыкновенно заявляются, спустя уже нѣкоторое время послѣ полученія платы, а иногда и чрезъ нѣсколько дней.

Для устраненія этого, съ 1862-го года воспитателямъ питомцевъ выдаются бухгалтеромъ, при разсчетѣ, сколько слѣдуетъ по представленному билету выдать денегъ, двойныя контрамарки, съ обозначеніемъ на каждой изъ нихъ слѣдующей къ полученію суммы. Одна изъ этихъ контрамарокъ, при выдачѣ денегъ, остается, какъ документъ, у счетчика, выдающаго деньги, а другая представляется воспитателемъ, для повѣрки выданной ему суммы, объѣзжему надзирателю, къ которому воспитатели обращаются непосредственно по полученіи платы, не выходя изъ комнатъ, гдѣ производится раздача.

Пособіе заболѣвающимъ деревенскимъ питомцамъ до 1858 года ограничивалось привозомъ больныхъ въ Воспитательный Домъ и помѣщеніемъ ихъ въ учрежденную при Домѣ больницу. На мѣстахъ воспитанія первоначальное пособіе питомцамъ оказываемо было сопровождающими окружныхъ надзирателей фельдшерами, лишь въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда надзиратель, во время разъѣздовъ по округу, встрѣчалъ въ какомъ нибудь селеніи больнаго питомца.

Въ 1856-мъ году, по Высочайшему повелѣнію, объѣзжалъ округа деревенскихъ питомцевъ Московскаго Воспитательнаго Дома бывшій товарищъ статсъ-секретаря, по дѣламъ управленія Учрежденіями Императрицы Маріи, нынѣ почетный опекунъ С.Петербургскаго Опекунскаго Совѣта, Е. П. Вонлярлярскій и нашелъ, что питомцы въ деревняхъ содержатся вообще удовлетворительно. Съ особенной теплотою г. Вонлярлярскій описывалъ ту взаимную привязанность, какая образуется между питомцами и ихъ деревенскими воспитательницами.

Въ запискѣ о состояніи питомцевъ въ деревняхъ г. Вонлярлярскій изложилъ нѣкоторыя предположенія къ лучшему устройству питомцевъ. Московскій Опекунскій Совѣтъ, разсматривая эти предположенія, призналъ, между прочимъ, полезнымъ принять мѣры къ скорѣйшему оказанію заболѣвающимъ питомцамъ врачебнаго пособія.

Всего лучше было бы учредить въ деревенскихъ округахъ особые лазареты, еслибы такое учрежденіе не требовало значительныхъ издержекъ. Высочайшимъ повелѣніемъ, объявленнымъ Опекунскому Совѣту, въ маѣ 1857-го года, указано было по этому предмету ограничиться на первый разъ такими распоряженіями: 1. выдавать воспитателямъ за привозъ больныхъ питомцевъ въ лазаретъ Воспитательнаго Дома вознагражденіе по числу верстъ, ничего не вычитая изъ производящейся имъ платы за время пребыванія питомцевъ въ лазаретѣ; 2. учредить въ больницахъ казенныхъ и помѣщичьихъ имѣній, а также въ городскихъ Московской и Калужской губерній, особыя кровати и люльки, гдѣ окажется это удобнымъ, съ назначеніемъ врачамъ тѣхъ больницъ платы за леченіе питомцевъ; наконецъ—3. опредѣ-

(*) Журналъ Опек. Совѣта, 9-го ноября 1861 года.

лить во всѣ деревенскіе округа опытныхъ фельдшеровъ.—Относительно младенцевъ, зараженныхъ наслѣдственнымъ худосочіемъ, велѣно сохранить прежній порядокъ, съ тѣмъ однако же, чтобы на врачей возложена была обязанность строжайшимъ образомъ наблюдать за неотсылкою въ деревни тѣхъ дѣтей, отъ которыхъ сифилитическая болѣзнь могла бы получать развитіе на мѣстѣ ихъ пребыванія (*).

Согласно этому, на первый разъ учреждены были, для пользованія заболѣвающихъ деревенскихъ питомцевъ, отдѣленія при уѣздныхъ городскихъ больницахъ вѣдомства Попечительнаго Совѣта Заведеній Общественнаго Призрѣнія въ Москвѣ. 1-го апрѣля 1858 года, открыты отдѣленія во всѣхъ уѣздныхъ городахъ Московской губерніи, кромѣ Вереи, гдѣ не отыскано удобнаго для больницы дома.

25-го января 1858 года, Высочайше утверждены для этихъ отдѣленій, въ видѣ опыта, на два года, правила. Въ каждомъ отдѣленіи устроено по пяти кроватей и по столькуже люлекъ, съ платою отъ Воспитательнаго Дома Попечительному Совѣту ежегодно впередъ за каждую кровать по 100 рублей, а за каждую люльку по 60-ти и, сверхъ того, по 5 рублей въ годъ съ каждой кровати и люльки прибавочнаго жалованья смотрителю и врачу больницы, то есть каждому по 50 руб. за всѣ кровати и люльки, и по 25 руб. въ годъ больничной прислугѣ. Такимъ образомъ содержаніе каждаго отдѣленія стоило Воспитательному Дому 925 руб. въ годъ, а всѣхъ открытыхъ въ 11-ти городахъ отдѣленій—10.175 руб.

На эти кровати и люльки указано принимать взрослыхъ и грудныхъ питомцевъ, одержимыхъ острыми болѣзнями, будутъ-ли эти питомцы присылаемы съ свидѣтельствами отъ окружныхъ надзирателей, или доставляемы состоящими при надзирателяхъ фельдшерами, или же наконецъ приводимы самими воспитателями, отъ которыхъ требовать при этомъ лишь предъявленія билетовъ на доставляемыхъ питомцевъ.

Врачамъ больницъ поставлено въ обязанность не отказывать въ совѣтахъ тѣмъ питомцамъ, которыхъ болѣзнь не требуетъ помѣщенія въ больницу, точно также какъ и ихъ воспитателямъ.

Такъ какъ плату за кровати и люльки положено было производить постоянную, не принимая въ разсчетъ, были-ли онѣ заняты въ теченіе всего года, то указано увеличивать, или уменьшать число кроватей и люлекъ въ одной больницѣ на счетъ другой, соразмѣрно съ числомъ и возрастомъ питомцевъ, поступающихъ въ ту, или другую больницу.

Выздоровѣвшихъ питомцевъ назначено выпускать: взрослыхъ—по собственному ихъ желанію, а малолѣтныхъ и младенцевъ—по явкѣ за ними воспитателей, или когда окружный надзиратель найдетъ возможнымъ отправить ихъ на мѣсто воспитанія.

О пріемѣ и выпускѣ больныхъ питомцевъ вмѣнено больницамъ въ обязанность вести списки съ обозначеніемъ именъ и нумеровъ питомцевъ, именъ воспитателей и мѣстъ воспитанія, и доставлять Воспитательному Дому срочныя свѣдѣнія. Смотрителямъ больницъ велѣно свидѣтельствовать на билетахъ о времени смерти питомцевъ; а священникамъ, производящимъ погребеніе, удостовѣрять объ этомъ на тѣхъ же билетахъ, съ приложеніемъ церковной печати. Самые билеты возвращаются лицамъ, доставившимъ питомцевъ въ больницы.

На состоящихъ при окружныхъ надзирателяхъ фельдшеровъ возложена обязанность, во время, свободное отъ занятій по округу, быть при городскихъ больницахъ.

Начальству Воспитательнаго Дома и чиновникамъ по деревенской части предоставлено осматривать отдѣленія городскихъ больницъ для питомцевъ во всякое время.

На тѣхъ же основаніяхъ, 1-го іюля 1858 года, открыто было отдѣленіе на пять коекъ и пять люлекъ, для больныхъ деревенскихъ питомцевъ въ Сергіевскомъ посадѣ, при Домѣ Призрѣнія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры(*).

При самомъ открытіи отдѣленій, воспитатели питомцевъ повѣщены были объ этомъ печатными объявленіями. Этими объявленіями поставлялось

(*) Журналъ Опек. Совѣта, 11 іюня 1857-го года.

(*) Журналъ Опек. Совѣта, 23 мая 1857-го года.

въ извѣстность, между прочимъ, что за время нахожденія питомца въ больницѣ не только не удерживается жалованье кормилицы, но даже выдается ей отъ Воспитательнаго Дома вознагражденіе за доставленіе питомца въ больницу.

Но какъ всякое учрежденіе тогда только можетъ принести дѣйствительную пользу, когда въ благой цѣли его убѣждаются тѣ лица, для которыхъ оно назначается; сельскіе же обыватели къ научнымъ медицинскимъ средствамъ, какъ извѣстно, большаго довѣрія не имѣютъ, то въ учрежденныя больничныя отдѣленія питомцевъ доставлялось немного. Къ томуже плата за доставленіе ихъ въ больницы и сохраненіе жалованья за время, проведенное въ больницахъ питомцами, не достаточно вознаграждало воспитателей за трату времени, и притомъ для такого дѣла, въ пользѣ котораго они не убѣждены.

Самое большое число питомцевъ лечилось въ больницѣ Клинской. Съ 1-го апрѣля 1858-го года, т. е. со дня открытія отдѣленій по 1-е декабря 1859 г., пользовалось въ этой больницѣ 77 питомцевъ, и при нихъ продовольствовано на счетъ больницы 20 кормилицъ, для которыхъ израсходовано 1278 порцій.

Самое меньшее число больныхъ питомцевъ пользовано было, въ теченіе тогоже времени, въ больницѣ Богородской, именно 6 питомцевъ; всѣ они въ сложности пробыли въ больницѣ 95 дней.

При такомъ незначительномъ числѣ лечившихся въ уѣздныхъ больницахъ и отпускѣ на нихъ одинаковой суммы, безъ различія, сколько лечилось больныхъ, содержаніе и пользованіе питомцевъ обошлось Воспитательному Дому слишкомъ дорого. По числу лечившихся, за содержаніе и леченіе каждаго больнаго, въ день заплачено: больницѣ Клинской, гдѣ лечилось больше питомцевъ. . . . . 1 р. 40 к.

Богородской, гдѣ лечилось ихъ наименьшее число. . . . . 16 — 22 —

Несоразмѣрность уѣзднымъ больницамъ платы съ дѣйствительной стоимостью леченія и содержанія больныхъ, заставила обратиться къ другимъ началамъ.

Въ мартѣ 1861 года, Высочайше повелѣно: „1. Оставить въ дѣйствіи еще на два года открытыя въ 1858-мъ году, въ видѣ опыта, при нѣкоторыхъ уѣздныхъ городскихъ больницахъ Московской губерніи и при Домѣ Призрѣнія Троицко-Сергіевской Лавры Отдѣленія, для пользованія питомцевъ, находящихся въ деревняхъ, съ упраздненіемъ однако Рузскаго, Богородскаго и Дмитровскаго Отдѣленій, оказавшихся вовсе безуспѣшными, и съ дозволеніемъ Совѣту закрывать, по его усмотрѣнію, тѣ изъ остальныхъ Отдѣленій, въ которыхъ и впредь будетъ пользуемо ничтожное число дѣтей. 2. Даруемую отсрочку считать со дня окончанія перваго двухлѣтія; а какъ за малымъ поступленіемъ питомцевъ въ Отдѣленія, мѣра эта доселѣ недостигла своей цѣли и допускается лишь по неимѣнію въ виду въ настоящее время другихъ болѣе соотвѣтственныхъ способовъ, то поставить Совѣту и Медицинскому Инспектору въ непремѣнную обязанность приступить нынѣже къ изысканію средствъ для успѣшнѣйшаго пользованія деревенскихъ питомцевъ, съ соблюденіемъ возможной экономіи, о чемъ соображенія представить заблаговременно, не ожидая истеченія отсрочки и не касаясь вопроса объ учрежденіи въ сельскихъ округахъ особыхъ лазаретовъ, которые, по отзыву Опекунскаго Совѣта, потребовали бы огромныхъ издержекъ. 2. Для оказанія первоначальнаго пособія на мѣстѣ, снабжать походными аптеками только надзирателей изъ врачей, отнюдь не давая такихъ аптекъ, состоящимъ при Окружныхъ Надзирателяхъ не медицинскаго званія, фельдшерамъ, кои не могутъ имѣть надлежащихъ свѣдѣній для назначенія лекарствъ.“

Отдѣленіе при Дмитровской городской больницѣ закрыто было 1-го іюня 1861 года, при Рузской—12 іюня и при Богородской—21 іюня.

Походными аптеками снабжены надзиратели Богородскаго и Коломенскаго округовъ, гдѣ должности эти занимаются врачами.

Вскорѣ обнаружилось, что и оставшіяся девять отдѣленій не приносили пользы, соотвѣтственной съ издержками; а при нѣкоторыхъ больницахъ содержаніе отдѣленій было

совершенно безполезною тратою денегъ. На основаніи вышеприведеннаго Высочайшаго повелѣнія, по распоряженію Опекунскаго Совѣта, всѣ эти отдѣленія въ 1862 году были закрыты, кромѣ отдѣленій при Клинской и Волоколамской больницахъ. Въ этихъ двухъ послѣднихъ питомцевъ лечилось больше, а потому была еще надежда, что устроенныя при этихъ больницахъ отдѣленія принесутъ со временемъ достаточную пользу. Въ этихъ видахъ, а также для продолженія опыта леченія въ уѣздныхъ больницахъ питомцевъ, хотя въ двухъ мѣстностяхъ, изъ которыхъ Клинскій уѣздъ болѣе другихъ уѣздовъ населенъ питомцами, а Волоколамскій есть одинъ изъ отдаленнѣйшихъ отъ Москвы, Опекунскій Совѣтъ испрашивалъ разрѣшенія продлить существованіе этихъ двухъ отдѣленій еще на два года.

Въ іюлѣ 1862 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе: „продолжить еще на два года существованіе при Клинской и Волоколамской Городскихъ Больницахъ отдѣленій для леченія деревенскихъ питомцевъ Московскаго Воспитательнаго Дома, съ предоставленіемъ Совѣту права закрыть эти отдѣленія и прежде истеченія означеннаго срока, еслибы они оказались безполезными.“

Въ іюнѣ 1863-го года Опекунскій Совѣтъ представилъ на Высочайшее воззрѣніе предположеніе Начальства Воспит. Дома о возобновленіи пріема для пользованія въ уѣздные больницы питомцевъ, на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ лечатся больные казеннаго вѣдомства, наприм. нижніе воинскіе чины, за которыхъ Коммисаріатское вѣдомство платитъ именно столько, сколько содержаніе и леченіе больныхъ дѣйствительно стоило въ предшествовавшемъ году.

Исполняя возложенное на него порученіе, инспекторъ по медицинской части московскихъ учрежденій Императрицы Маріи, А. Е. Эвеніусъ, съ своей стороны занялся разсмотрѣніемъ вопроса о леченіи питомцевъ. Предположивъ устроить это леченіе чрезъ особыхъ врачей, по округамъ, г. Эвеніусъ исчислилъ, что для этого дѣла нужна единовременная издержка въ 7.500 р. и ежегодный расходъ около 60.000 р.

По поводу такого предположенія начальство Воспитательнаго Дома довело до свѣдѣнія Опекунскаго Совѣта слѣдующее свое мнѣніе.

Опредѣленіе особыхъ медицинскихъ чиновниковъ и учрежденіе особыхъ лечебницъ, собственно только для питомцевъ, нельзя признать мѣрами удобоисполнимыми и практичными, и именно по обширности всего того края, гдѣ питомцы воспитываются. Питомцевъ въ деревняхъ болѣе 30 т.; они разсѣяны въ населеніи, заключающемъ нѣсколько сотъ тысячь крестьянскихъ дѣтей. Принимать мѣры для медицинскаго пользованія первыхъ, не распространяя этихъ мѣръ на послѣднихъ, было бы и несправедливо и едвали исполнимо, а къ тому же сопряжено съ большими на каждаго больнаго издержками. Воспитательный Домъ можетъ желать, чтобы въ уѣздныхъ городахъ, деревняхъ и селахъ лечебницы учреждались, и чѣмъ больше ихъ будетъ—тѣмъ лучше. Еслибы въ каждую изъ такихъ лечебницъ принимались питомцы, то Воспитательный Домъ могъ бы платить за нихъ соразмѣрную поденную плату, подобно тому, какъ согласилось наконецъ лечить питомцевъ за подобную плату въ уѣздныхъ городскихъ больницахъ вѣдомство Московскаго Попечительнаго Совѣта. Точно также въ извѣстномъ участкѣ—будетъ ли то волость, или еще большее пространство—всякому врачу, который занимался бы за жалованье подачею пособія больнымъ, Воспитательный Домъ могъ бы платить, соразмѣрно числу питомцевъ, относительно остальнаго населенія участка. Еслибы наконецъ, къ должному устройству медицинской части въ селеніяхъ различныя вѣдомства принимали мѣры, основанныя на одинаковыхъ соображеніяхъ и видахъ, то Воспитательный Домъ, съ своей стороны, могъ бы также въ двухъ, или трехъ мѣстностяхъ на свой счетъ открыть лечебницы, на тѣхъ же основаніяхъ, лечить въ нихъ и питомцевъ, и всякихъ другихъ дѣтей: первыхъ безвозмездно, а прочихъ за соразмѣрную поденную плату.

По мнѣнію начальства Дома, слѣдовало бы поставить вопросъ не о томъ, какъ устроить по деревнямъ медицинское пользованіе питомцевъ, не дѣлая огромныхъ издержекъ, а о томъ, ка-

кія могли бы приняты быть успѣшныя мѣры, чтобы вообще населеніе селъ и деревень не оставалось безъ медицинскихъ, въ случаѣ нужды, пособій. Съ своей стороны Воспитательный Домъ, обязанный пещись о питомцахъ, разсѣянныхъ среди сельскаго населенія, могъ бы принять въ этихъ мѣрахъ участіе, какъ надзоромъ, такъ и денежными взносами.

Эти соображенія сообщены были Опекунскимъ Совѣтомъ Его Императорскому Высочеству Главноуправляющему IV Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи—и уже имѣется въ виду отзывъ г. министра внутреннихъ дѣлъ, что предположенія начальства Воспитательнаго Дома согласуются съ видами правительства по устройству медицинской части среди сельскаго населенія.

Общихъ мѣръ по обученію питомцевъ грамотѣ принимаемо не было. Для поощренія грамотности употребляется самый простой способъ: когда приведутъ въ Управленіе питомца, знающаго грамоту, ему дѣлается краткое испытаніе,—и за тѣмъ учителю выдается денежная награда, соразмѣрная съ успѣхами воспитанника. Обыкновенно отъ питомцевъ требуется при этомъ знаніе важнѣйшихъ молитвъ, заповѣдей Господнихъ и умѣнье выкладывать на счетахъ.

Въ прежнемъ опытномъ штатѣ Воспитательнаго Дома на обученіе грамотѣ питомцевъ никакой суммы назначено не было; а процентовъ съ капитала, пожертвованнаго Норовою, около 300 рублей въ годъ, постоянно не доставало на уплату сельскимъ учителямъ, которые являлись въ Воспитательный Домъ съ обученными питомцами, для полученія вознагражденія. Выдавалось обыкновенно по 8 руб. 57 коп. за выучку мальчика и по 7 руб. 14¼ коп. за выучку дѣвочки, по мѣрѣ полученія процентовъ съ капитала Норовой изъ Опекунскаво Совѣта, при чемъ Воспитательный Домъ постоянно находился въ долгу у сельскихъ учителей (*).

Въ 1854-мъ году испрошено было Высочайшее разрѣшеніе поручить въ самыхъ деревняхъ мѣстнымъ священникамъ, или другимъ лицамъ, которыя изъявятъ на то согласіе, обученіе 50-ти, или 60-ти питомцевъ, 9-ти и 10-лѣтняго возраста, молитвамъ, письму и началамъ счисленія, съ платою за полную выучку каждаго питомца отъ 15-ти до 20-ти рублей. На покрытіе этого расхода ассигновано по 1000 руб. въ годъ. Обученнымъ питомцамъ велѣно производить испытаніе, и лучшихъ изъ нихъ отправлять въ Ремесленное Учебное Заведеніе, а прочихъ возвращать въ деревни.

По штату 1857-го года на обученіе грамотѣ питомцевъ назначено 2000 рублей.

Въ инструкціяхъ, данныхъ въ 1857-мъ году окружнымъ надзирателямъ, вмѣнено имъ въ обязанность склонять деревенскихъ воспитателей къ обученію питомцевъ грамотѣ и объяснять грамотнымъ людямъ въ селеніяхъ, преимущественно священникамъ, что за выучку каждаго питомца они будутъ получать отъ Воспитательнаго Дома плату; убѣждать воспитателей, чтобы они посылали питомцевъ въ существующіе сельскіе школы, а о вновь открывающихся школахъ доносить начальству Дома. Наконецъ,—обученныхъ питомцевъ высылать въ Воспитательный Домъ, вмѣстѣ съ ихъ воспитателями и учителями, для испытанія питомцевъ и выдачѣ платы за ихъ обученіе.

Въ послѣдніе пять лѣтъ на обученіе питомцевъ грамотѣ израсходовано:

	Грамотныхъ питомцевъ, за которыхъ выдана плата, являлось.		Выданная за обученіе ихъ сумма.
	муж.	жен.	муж.	Руб.
Въ 1858-мъ году	58	4	62	629
1859	75	5	80	848
160	91	11	102	954
1861	97	14	111	1075
1862	143	14	157	1281

(*) Объяснительныя записки къ проэкту штата Воспитательнаго Дома 1857-го года.

Въ 1862 году, въ видѣ опыта, предложено сельскимъ священникамъ, дьяконамъ и причетникамъ Рузскаго уѣзда учреждать у себя школы для обученія питомцевъ, съ платою за выучку каждаго мальчика и каждой дѣвочки по 8-ми руб., и изъявившимъ на то готовность дана программа тѣхъ свѣдѣній, какія будетъ требовать отъ обученныхъ питомцевъ начальство Воспитательнаго Дома.

Цифры отпуска младенцевъ изъ Дома, общаго числа питомцевъ въ деревняхъ и смертности ихъ съ 1837-го по 1863-й годъ помѣщены въ прилагаемой у сего таблицѣ:

Въ которомъ году.	Вывезено питомцевъ изъ Дома въ деревни.		Всего съ остаткомъ отъ прошлаго года находилось въ деревняхъ.		Изъ нихъ умерло.		Процентъ смертности.
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	
							болѣе.
1837	2850	2936	14.644	18.110	2029	2097	12
1838	2598	2814	14.275	17.751	2089	2276	13
1839	2827	3146	13.960	17.217	2003	2085	13
1840	2716	2957	13.867	16.980	2026	2254	13
1841	2431	2672	13.634	16.576	2153	2309	14
1842	2647	3053	13.867	17.035	1899	2099	12
1843	2724	2984	14.237	17.248	1973	2140	13
1844	2735	3030	14.660	17.489	2078	2242	13
1845	3085	3264	15.307	17.928	2172	2137	12
1846	3175	3532	15.001	18.014	2345	2394	14
1847	2797	3135	14.987	18.092	2350	2510	14
1848	2897	3335	15.055	18.176	2584	2894	16
1849	2984	3548	14.672	18.000	2110	2431	13
1850	3312	3616	14.784	18.495	2473	2735	15
1851	3375	3710	15.251	18.588	2695	2729	16
1852	3698	4148	15.077	19.306	2810	2944	16
1853	3938	4253	15.616	19.587	3096	3340	18
1854	4284	4735	16.312	20.166	3336	3716	19
1855	4282	4633	16.905	20.484	3754	3940	20
1856	4343	4743	16.815	21.103	3525	3560	18
1857	3910	4515	16.628	21.720	3406	3625	18
1858	4784	5074	17.495	22.299	4189	4432	21
1859	5469	5866	18.447	22.887	4254	4473	21
1860	4862	5117	18.240	21.795	4182	4380	21
1861	4735	4929	18.289	21.478	3689	3847	18
1862	4029	4367	18.136	21.530	3497	3497	17

Условія воспитанія питомцевъ въ деревняхъ подлежатъ, безъ всякаго сомнѣнія, многимъ улучшеніямъ. Но всякія въ этомъ отношеніи мѣры, по самому существу дѣла, могутъ быть принимаемы лишь съ крайней осмотрительностью и неиначе, какъ по указаніямъ опыта. Не должно забывать, что младенцы передаются на руки постороннимъ женщинамъ, въ чужія семейства, въ томъ нѣжномъ возрастѣ, когда для нихъ особенно необходима вся материнская заботливость.

Московскій Воспитательный Домъ не отпускаетъ по деревнямъ младенцевъ ранѣе мѣсячнаго, а иногда шестинедѣльнаго и болѣе возраста — и черезъ это младенцы остаются по крайней мѣрѣ первое время своей жизни на грудномъ вскормленіи. По отправленіи ихъ въ деревни, строгое за этимъ наблюденіе невозможно: окружные надзиратели, по обширности округовъ и скудости средствъ на разъѣзды, могутъ осмотрѣть ввѣренныхъ ихъ надзору питомцевъ едвали болѣе двухъ разъ въ годъ. Прекращеніе отпуска дѣтей въ уѣзды отдаленные, сокративъ размѣры округовъ, доставитъ возможность осматривать питомцевъ въ деревняхъ чаще. О предоставленіи на это средствъ окружнымъ надзирателямъ начальство Дома предполагаетъ ходатайствовать.

Перевозка дѣтей изъ Дома въ деревни, съ женщинами, отъ которыхъ видовъ не требуется, производится подрядчикомъ два раза въ недѣлю, по средамъ и субботамъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда не позволяетъ погода. Подрядчикъ доставляетъ въ эти дни потребное число одноконныхъ крытыхъ повозокъ, съ наемными возчиками, которые и сопровождаютъ кормилицъ до ихъ селеній. На каждую отправляемую кормилицу съ младенцемъ возчику выдается квитанція, которую онъ, по возвращеніи въ Москву, долженъ представить черезъ подрядчика начальству Дома, съ надписью мѣстнаго приходскаго священника, или сельскаго начальства, удостовѣряющею, что кормилица дѣйствительно изъ того селенія, какъ показала при вступленіи въ Домъ, и прибыла домой съ вывезеннымъ ею младенцемъ благополучно. Деньги за развозъ кормилицъ подрядчикъ получаетъ лишь по предъявленіи этихъ квитанцій. За всякое со стороны возчиковъ притѣсненіе кормилицамъ, во время пути, взыскивается съ подрядчика штрафъ.

Опытъ доказываетъ, что такой способъ развоза кормилицъ по деревнямъ имѣетъ свои недостатки. Нерѣдко случается, что кормилицы являются въ Домъ подъ чужими и вымышленными именами, и, по вывозѣ изъ Дома младенцевъ, передаютъ ихъ за нѣкоторую плату другимъ женщинамъ. Послѣднее дѣлается при участіи возчиковъ. Но отстранить подобные сдѣлки не легко. Отъ казны содержаніе особыхъ повозокъ и лошадей, для развоза кормилицъ съ дѣтьми по деревнямъ, и назначеніе для сопровожденія ихъ особыхъ приставовъ со стороны Воспитательнаго Дома потребовало бы значительныхъ издержекъ и едвали обезпечило бы Воспитательный Домъ въ томъ, что младенцы поступаютъ для вскормленія именно къ тѣмъ кормилицамъ, которыя ихъ вывезли. Окружные надзиратели не могутъ удостовѣряться въ этомъ безотлагательно по привозѣ дѣтей въ деревни, безъ ущерба въ надзорѣ за воспитаніемъ въ другихъ частяхъ округовъ, объѣзжаемыхъ надзирателями по впередъ составленнымъ маршрутамъ. Всего желательнѣе было бы, въ этомъ случаѣ, имѣть содѣйствіе со стороны сельскихъ обществъ, къ которымъ принадлежатъ кормилицы. Начальство Воспитательнаго Дома имѣетъ въ виду нѣкоторыя по сему предмету предположенія.

Вообще не слѣдуетъ упускать изъ виду, что питомцы, по своему воспитанію и образу жизни, принадлежатъ къ сельскому сословію. Всякая поэтому мѣра, будетъ-ли то въ видахъ оказанія врачебнаго пособія питомцамъ, или вообще какого бы то ни было измѣненія въ условіяхъ воспитанія, находится въ прямой зависимости отъ быта и устройства сельскаго сословія.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Инструкція Разъѣздному Надзирателю за воспитаніемъ дѣтей по деревнямъ, данная въ 1789 году.

1.

Сей чиновникъ, коего исполненіе отдалено отъ надзиранія Опекунскаго Совѣта, посему есть весьма важенъ, ибо Совѣтъ ему ввѣряетъ свое собственное попеченіе о сохраненіи жизни человѣческой и здоровья, такъ что отъ него единственно зависитъ и спасеніе и погибель младенцевъ, коихъ начинающіяся дни всегда ближе къ смерти нежели жизни, и часто отъ небреженія сущей бездѣлицы теряются и такъ

2.

Изъ сего явствуетъ какія добродѣтельныя честныя и совѣстныя качества ему потребно имѣть, и какою великою чувствительностію сердце его должно наполнено быть къ дѣтямъ, кромѣ его прямо отеческаго попеченія никакихъ способовъ къ жизни неимѣющихъ всѣ сіи свойства хотя ему необходимо нужны, однако онѣ еще когда не совсѣмъ никакого, по крайней мѣрѣ весьма малое дѣйствіе произведутъ ежели онъ небудетъ имѣть точнаго разума своего дѣла и для того нѣтъ нужды въ томъ чтобы онъ лекарь былъ, ибо доказано, что искуство медицины а особливо дѣтямъ не столько пользуетъ, сколько вредитъ младенцевъ выходящихъ изъ рукъ натуры нечеловѣческимъ мудрованіемъ но правилами самой натуры въ здоровье и жизни укрѣплять надлежитъ и потому

3.

Разъѣздный Надзиратель располагая свое человѣколюбивое стараніе съ изысканіемъ всевозможныхъ къ лучшему способовъ имѣетъ безпрестанно разъѣзжать по деревнямъ, наставляя крестьянъ какимъ образомъ имъ поступать и строго наблюдать всели исполнено по его наставленіямъ въ случаѣ же неисправности содержателей дѣтей отбирая отъ нихъ отдавать другимъ и отмѣчая въ спискѣ Совѣту доносить учреждая на мѣстѣ все что къ лучшему усмотрѣно будетъ равно какъ по возвращеніи представлять вѣрныя увѣдомленія о состояніи каждаго ребенка.

4.

Какъ главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобы со стороны крестьянъ въ разсужденіи ввѣряемыхъ имъ дѣтей не было никакихъ обмѣнъ, подлоговъ и обмановъ, то паче всего свидѣтельствовать всегда клеймы на нихъ при рожденіи надѣваемыя которымъ при семъ образцы надежныя прилагаются. И если примѣтитъ хотя какое малѣйшее попущеніе о томъ доносить Совѣту стараяся всѣми силами истреблять могущіе случиться ползновенія отъ крестьянскаго коварства.

5.

Впрочемъ какъ сія должность требуетъ человѣка прямо для оной рожденнаго, который будучи одаренъ здравымъ разсудкомъ и со внутреннимъ по чистой совѣсти сердечнымъ расположеніемъ зная, что малѣйшее его опущеніе наводя погибель есть то же что смертоубійство поступалъ бы въ силу своей строгой присяги, то для сего исполненіе сей его толь священной обязанности къ спасенію человѣчества и поручается сколько дѣйствію предписанныхъ физическихъ правилъ, а болѣе неусыпному его проницанію въ истинный разумъ дѣла.

Инструкція Разъѣздному Надзирателю за воспитаніемъ дѣтей по деревнямъ, данная въ 1797 году.

1.

Опекунскій Совѣтъ ввѣряетъ вамъ самоважнѣйшую часть по дому сему: надзираніе за воспитаніемъ дѣтей малолѣтныхъ по деревнямъ; ибо оное совершенно удалено отъ обозрѣнія и личнаго попеченія онаго, и которой долженъ основывать и утверждать себя въ разсужденіи ихъ содержанія и воспитанія на вашихъ рапортахъ; то и должно вамъ имѣть человѣколюбивое и сострадательное сердце при осмотрѣ сихъ несчастныхъ и безгласныхъ младенцевъ, какъ въ разсужденіи должнаго ихъ прокормленія, на какомъ они основаніи берутся, такъ и въ разсужденіи чистоты въ содержаніе ихъ, дабы со всѣхъ сторонъ сбережены они были отъ слѣдствій къ болѣзнямъ, а паче еще къ смерти; и для того:

2.

При каждомъ отправленіи своемъ въ объѣздъ имѣете брать изъ крестовой довольное количество тесьмы, на которой номера и кресты накладываются на младенцевъ, дабы въ объѣздъ вашъ небыло вамъ въ нихъ недостатка; по пріѣздѣ въ каждое селеніе вы должны осмотрѣть, во избѣжаніе подлога и каковыхъ либо злоупотребленій, тотъ ли на каждомъ воспитанникѣ номеръ и тесьма, и крѣпка ли она, и какъ скоро найдете оную изопрѣвшею—тотчасъ имѣете перемѣнить новою тесьмою, со всѣми тѣми жъ осторожностями, чтобъ никакого подлога и впредь быть не могло; если же что найдете въ семъ случаѣ сомнительное, стараться дойти до истины, поколику возможно будетъ, и обо всемъ подробно доносить и объяснять въ рапортахъ Совѣту.

3.

Раздѣвать каждое дитя до-нога и осматривать, нѣтъ ли на тѣлѣ какихъ открытыхъ болѣзней, или нечистоты въ содержаніи оныхъ, и если то или другое найдено будетъ, по первому стараться узнать причины, отъ чего, и означить оныя въ вѣдомостяхъ противу каждаго; если же все что отъ небреженія и непризору кормилицы, отъ чего и нечистота, то велѣть ребенка при себѣ вымыть и избавить отъ нечистоты, а между тѣмъ и подтвердить кормилицамъ, чтобъ онѣ какъ возможно то чаще дѣлали; въ противномъ же случаѣ, ежели еще въ такомъ положеніи воспитанникъ, или воспитанница, найдены будутъ, то лишены будутъ совсѣмъ дѣтей и слѣдующаго имъ жалованья за питомство ихъ, и таковыхъ нерадивыхъ смотрительницъ означать въ вѣдомостяхъ, для вѣдома, чтобы впредь уже имъ не отдавать болѣе на воспитаніе дѣтей.

4.

Замѣчать, не имѣетъ ли кормилица на воспитаніи у себя болѣе одного воспитанника Воспитательнаго Дома, и чѣмъ она питаетъ: грудью, или рожкомъ; сіе равно означать въ вѣдомостяхъ противу каждаго питомца.

5.

Больныхъ означать въ вѣдомости, кто именно какою болѣзнію боленъ; и если возможно будетъ—и съ физическими замѣчаніями, отъ чего въ какомъ селеніи больны, для сужденія и предположенія средствъ господами Докторами и Штабъ-Лекарями къ спасенію сихъ несчастныхъ; ибо изъ вѣдомостей замѣчено уже, что въ иномъ селеніи болѣе умершихъ и больныхъ,

чѣмъ здоровыхъ; а потому и объ умершихъ въ большемъ количествѣ противу здоровыхъ имъ въ равномъ дѣлать подобное замѣчаніе, и объяснять въ рапортахъ, дабы Совѣтъ тотчасъ могъ брать мѣры къ спасенію оставшихся; сверхъ сего, объ умершихъ и не полагаться на одни показанія крестьянъ, или крестьянокъ, но справляться съ метрическими книгами священниковъ, гдѣ тѣ крестьяне прихожане, и гдѣ воспитанникъ, или воспитанница показаны будутъ похоронены, и потомъ отбирать кресты и номера, для отмѣтки въ крестовой по книгамъ, и наконецъ:

6.

Объѣзды свои дѣлать какъ наивозможно скорѣе и чаще, дабы усердіемъ таковымъ соблюсти довѣріе на васъ возложенное, и заслужить важное вниманіе Начальства, паче же отвращать и самомалѣйшія небреженія о дѣтяхъ, спасать ихъ отъ нечистоты и приводить къ должному призору кормилицъ, яко слѣдствіи ведущихъ къ болѣзнямъ, а можетъ быть и самой смерти; исполняя все вышеписанное въ точности, вы не столько соблюдете присягу свою, но и Совѣтъ будетъ стараться по заслугамъ вашимъ воздать вамъ; въ противномъ же случаѣ, за всякую отъ небреженія вашего погибшую душу вы будете отвѣтствовать Богу и подвергнетеся отрѣшенію отъ должности и всей строгости Гражданскаго Суда. 14 Апрѣля 1797 года.

ПЕРЕДАЧА ПИТОМЦЕВЪ НА ПОПЕЧЕНІЕ РОДСТВЕННИКОВЪ.

Въ Генеральномъ Планѣ Воспитательнаго Дома не упоминается о порядкѣ возвращенія питомцевъ къ родственникамъ.

Сколько можно судить по дѣламъ, въ первые тридцать три года существованія Воспитательнаго Дома такихъ случаевъ дѣйствительно было немного.

Извѣстно, что Воспитательный Домъ отдавалъ нѣкоторыхъ изъ приносимыхъ дѣтей на вскормленіе ихъ матерямъ, съ опредѣленною за это платой. Такъ еще въ 1764-мъ году отданъ былъ на воспитаніе матери младенецъ Алексѣй, записанный по книгамъ подъ №306-мъ, съ платою по 80 копѣекъ въ мѣсяцъ. Но воспитаніе это было лишь временное, до извѣстнаго возраста, по наступленіи котораго мать обязана была представить ребенка обратно въ Домъ.

Съ званіемъ воспитанника сопряжено было право личной свободы. Поэтому въ тѣхъ случаяхъ, когда ребенокъ, принятый въ Домъ былъ крѣпостнаго состоянія, его не только не отдавали матери, но даже вносили за него выкупъ помѣщику. Такъ въ 1766-мъ году заплачено 25 руб. выкупа подпоручику Михайлѣ Волкову за питомца Ѳому, рожденнаго бѣжавшею отъ Волкова крѣпостною женщиной (*).

Бывали однако случаи, что помѣщики не соглашались отказаться отъ своихъ правъ. Тогда ребенокъ возвращался—и отъ помѣщика требовалось вознагражденіе. Такъ въ 1765-мъ году взялъ изъ Дома питомца, рожденнаго въ крѣпостномъ состояніи, прапорщикъ Чебатаевъ, внеся за него 2 руб.

Въ 1796-мъ году поступило прошеніе отъ итальянца Бастіо, о возращеніи ему сына, который отданъ былъ въ Воспитательный Домъ. Бастіо вносилъ за сына 500 рублей. Опекунскій Совѣтъ представилъ объ этомъ обстоятельствѣ Главному Попечителю Бецкому, который отвѣчалъ: „Какъ сіе дѣло съ уставомъ Воспитательнаго Дома никакого примѣра не имѣетъ и дабы впредь образцомъ служить не могло, то словесно Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйше мною донесено было, на что Высочайше повелѣно учинить, какъ лучше польза быть можетъ. Вслѣдствіе чего, согласуясь принять деньги, сына ему, Бастію, отдать; но съ такою обязательною подпискою, чтобъ оный Бастіо воспитывалъ его, какъ онъ уже въ вѣру греческаго исповѣданія крещенъ, пристойнымъ сей вѣрѣ образомъ, и въ настоящія лѣта обучалъ порядочно, въ чемъ отъ Дома свидѣтельство чинить должно; въ противномъ же случаѣ онъ, Бастіо, принужденъ будетъ того своего сына лишиться. Сверхъ же сего, ежели тотъ сынъ когда заболитъ, то ему Бастію, немедленно объявлять Совѣту, почему и пользованъ быть можетъ, да и прочее сему предписанію подобное, что къ лучшему обязательству Совѣтъ найти изволитъ включить (*)."

Общій вопросъ о возвращеніи родственникамъ

(*) Журн. Оп. Совѣта, 19 октября 1766 года.

(*) Письмо Бецкаго, отъ 17 февраля 1769 года.

законнорожденныхъ дѣтей возбужденъ только въ 1798-мъ году почетнымъ членомъ Московскаго Опекунскаго Совѣта Протасовымъ.

На поданное Главному Попечителю по этому дѣлу 27-го января объясненіе, Протасовъ получилъ такой отвѣтъ: „Приводимыхъ сиротъ для помѣщенія ихъ на содержаніе въ Домъ не инако принимать должно, какъ по точному удостовѣренію, что онѣ подлинно совершенныя сироты, неимѣющія никакого пропитанія, ни родителей, ни родственниковъ, и таковымъ по законамъ Дома въ принятіи ихъ отказывать не можно. Ея Императорскому Величеству таковые пріемы не иначе угодны, развѣ по совершенному изслѣдованію крайняго сиротства. Относительно же отдачи таковыхъ, которыя не суть незаконнорожденныя, и отданы только за бѣдностію ихъ родителями, отдать ихъ можно, однако съ крайней осторожностію, ибо тутъ можетъ быть злоупотребленіе, чтобы таковая отдача была съ надлежащими поруками (*).“

Годъ спустя Протасовъ объявилъ Опекунскому Совѣту о полученномъ имъ, чрезъ возвратившагося изъ Петербурга главнаго надзирателя Тутолмина повелѣніи Императрицы отдавать питомцевъ ближайшимъ ихъ родственникамъ: отцамъ, матерямъ, дѣдамъ и бабкамъ (**).

Въ томъ же году возвращаемымъ на попеченіе родныхъ питомцамъ установлено выдавать, вмѣсто вѣчноувольнительныхъ, особыя свидѣтельства, въ которыхъ прописывалось, что возвращаемые питомцы не пользуются отъ Дома никакими преимуществами (***).

Такимъ образомъ, для возвращенія питомца на попеченіе родственниковъ, постановлена была первымъ условіемъ близость родства.

На этомъ основаніи, 19-го сентября 1799-го года, Императрица Марія Ѳеодоровна не разрѣшила отдать одного питомца на попеченіе его двоюродной тетки, „которая, какъ недовольно близкая родственница, не можетъ по правиламъ требовать его обратно (*).“

Въ 1801-мъ году поступило прошеніе отъ мѣщанина Александра Михайлова и жены его, объ отдачѣ на ихъ попеченіе родной племянницы, которая воспитывалась въ деревни и записана была по книгамъ подъ № 1458—1801-го года. На докладѣ объ этомъ, 15-го ноября 1801-го года, Императрица написала: „Какъ дядя и тетка извѣстны, то ея отецъ, или мать также должны быть извѣстны; стараться узнать отъ нихъ, согласны ли они на отдачу дѣвушки просителямъ—тогда и Я позволяю (**).“

Съ того времени принято за правило, при возвращеніи родственникамъ питомца, требовать на то согласія его матери, если она извѣстна.

Въ 1812-мъ году, 10-го іюня, при отдачѣ воспитанника Павла, №512—1812 года, на попеченіе надворнаго совѣтника Муслякина, Императрица приказала: предварительно доклада объ отдачѣ питомцевъ родственникамъ, а не родителямъ, брать съ просителей подписки въ томъ, что они возвратятъ взятаго питомца, въ случаѣ явки его родителей (***).

Основное правило возвращенія питомцевъ лишь самымъ близкимъ роднымъ, каковы: отецъ, мать, дѣдъ и бабка — не было исполняемо безусловно.

Такъ Опекунскій Совѣтъ испрашивалъ разрѣшеніе на отдачу шестнадцатилѣтней воспитанницы, турчанки Надежды Васильевой, № 1230—1795 г., на попеченіе и содержаніе генералъ-маіорши Моложаниновой. 24-го марта 1803 го года почетный опекунъ Петрово-Соловово представилъ Совѣту письмо надворнаго совѣтника Вилламова, въ которомъ было изъяснено, что Государыня желаетъ, чтобы Моложанинова объявила Совѣту, на какихъ именно основаніяхъ желаетъ она взять къ себѣ означенную воспитанницу, и чтобы сама воспитанница подписала на томъ объявленіи о согласіи своемъ поступить къ Моложаниновой (****).

(*) Журн. Оп. Сов., 15-го февраля 1798 го года.

(**) Журн. Оп. Сов., 1-го марта 1799-го года.

(***) Высочайшее повелѣніе почет. оп. Маслову, 18 августа 1799 года, и Высочайше утвержд. докладъ С. Петерб. Оп. Совѣта, записанный въ журн Москов. Оп. Сов., 22-го августа 1799-го года.

(*) Журн. Оп. Сов., 10-го октября 1799-го года.

(**) Журн. Оп. Сов., 5-го декабря 1801-го года.

(***) Журн. Оп. Сов., 17-го іюня 1812 года.

(****) Журн Оп Сов., 13-го апрѣля 1803 года.

Въ поданномъ объявленіи Моложанинова изъяснила, что она беретъ воспитанницу Надежду Васильеву на свое попеченіе и содержаніе, опредѣляетъ ей въ награжденіе 2000 рублей, будетъ стараться объ устройствѣ ея судьбы выдачею за мужъ, а до того времени займется обученіемъ ея иностраннымъ языкамъ. Воспитанница Надежда Васильева подписала свое согласіе на этомъ объявленіи. 25 апрѣля 1803 года Государыня разрѣшила отдать питомку Моложаниновой (*).

13 сентября 1806-го года, Совѣтъ испрашивалъ разрѣшеніе на отдачу семнадцатилѣтней воспитанницы, № 688—1796 года, двоюродному ея дѣду, синодальному пѣвчему Ивану Петрову, который хотѣлъ выдать ее, съ согласія ея, за мужъ за регистратора Московской Консисторіи Савву Смирнова и давалъ ей на приданое 3500 рублей. Поданная имъ просьба подписана была и Смирновымъ, который изъявлялъ желаніе жениться на воспитанницѣ. 20-го сентября 1806 года, на докладѣ Совѣта Государыня написала: „апробовано, если воспитанница сама на сіе согласна, а не слѣдуетъ ее выпустить изъ Дома прежде полученія брачнаго благословенія.“— Воспитанницу обвѣнчали со Смирновымъ въ домовой церкви Воспитательнаго Дома и за тѣмъ отпустили къ дѣду (**).

19-го іюня 1813 года послѣдовало Высочайшее соизволеніе на докладъ Опекунскаго Совѣта объ отдачѣ воспитанника, № 2576—1812 года, на попеченіе его крестнаго отца.

21-го іюня 1815-го года Высочайше разрѣшено отдать воспитанницу Екатерину, № 2775—1811 года, на попеченіе дядѣ, иностранцу Лудовику Шавану, съ подпискою воспитывать ее въ Православіи и возвратить родителямъ, если отыщутся (***).

Коллежская совѣтница Мельгунова просила отдать на ея попеченіе крестнаго сына ея, воспитанника № 2207—1803 года; а жена канцеляриста Голубинская — роднаго племянника № 1778—1810 года. Императрица поручила почетному опекуну Баранову узнать отъ Мельгуновой: „какую она предполагаетъ ему (крестнику) участь и какое дастъ въ томъ удостовѣреніе.“ Мельгунова объявила, что располагаетъ обучать его разнымъ языкамъ, а потомъ зачислить въ службу, вноситъ въ пользу его 500 рублей, а что со временемъ дастъ ему и больше. Барановъ написалъ объ этомъ Вилламову—и 8-го мая 1818-го года Императрица докладъ Совѣта по этому дѣлу утвердила (*).

Въ іюнѣ 1821-го года, по повелѣнію Императрицы, статскій совѣтникъ Новосильцевъ прислалъ на разсмотрѣніе Совѣта прошеніе коллежской совѣтницы Адамсъ, объ отдачѣ на ея попеченіе шестилѣтней воспитанницы Екатерины, № 2086—1815 года. Г-жа Адамсъ взяла ее у кормилицы Агафьи Петровой, крестьянки, принадлежавшаго г-жѣ Адамсъ въ Верейскомъ уѣздѣ сельца Землина, еще въ декабрѣ 1816-го года, когда воспитанницѣ было 13 мѣсяцевъ и съ тѣхъ поръ ее воспитывала, какъ родную дочь. У г-жи Адамсъ дѣтей своихъ не было и она обѣщалась въ просьбѣ своей дать питомкѣ Екатеринѣ благородное воспитаніе и сдѣлать ее наслѣдницей всего своего имѣнія. Опекунскій Совѣтъ, принявъ во вниманіе, что дѣвочка жила у г-жи Адамсъ уже слишкомъ шесть лѣтъ, и между ними образовалась взаимная привязанность, что возвращеніе ея въ крестьянское семейство можетъ сопровождаться вредными послѣдствіями для нея, представилъ этотъ случай Императрицѣ, полагая оставить дѣвочку у г-жи Адамсъ, а плату за нее до 15-лѣтняго возраста вносить въ ея пользу, для приращенія процентами, въ Сохранную Казну. 23-го августа 1821-го года Императрица написала на докладѣ Совѣта: „справедливо и апробовано, но дать примѣтить, что Экспедиція должна бы имѣть свѣденія о перемѣщеніи воспитанницы отъ кормилицы къ г-жѣ Адамсъ и довести до свѣденія Совѣта, ибо кормилица по сіе время получала плату, хотя не имѣла уже давно ребенка у себя (**).“

(*) Журн. Оп. Сов., 4-го мая 1804-го года.
(**) Журн. Опекун. Сов., 27 сентября 1806-го года.
(***) Журн. Оп. Сов., 1-го іюля 1815-го года.

(*) Журн. Оп. Сов., 13-го мая 1818-го года.
(**) Журн. Оп. Сов., 1-го сентября 1821 года.

Въ 1826-мъ году обратилась съ просьбою статская совѣтница Елагина о возвращеніи на ея попеченіе воспитанницы Матрены Ѳедоровой, №1207—1823 года, которая была къ ней подкинута и отдана ею въ Воспитательный Домъ, гдѣ принята пенсіонеркою въ приготовительный классъ; но черезъ два года изъ классическихъ выключена въ ремесленныя. Елагина просила при этомъ, внесенные ею въ Домъ, при отдачѣ Матрены Ѳедоровой, 100 рублей обратить въ пользу этой дѣвочки.

На докладѣ Опекунскаго Совѣта 10-го мая 1826-го года, Императрица написала: „прежде отдачи ей воспитанницы Ѳедоровой слѣдуетъ узнать отъ нея, какимъ образомъ обезпечитъ судьбу ея, а внесенные 100 рублей по закону принадлежатъ Дому (*).“

Елагина изъявила согласіе внести въ Сохранную Казну, для обезпеченія участи воспитанницы Матрены Ѳедоровой, 500 рублей, съ тѣмъ, чтобы сумма эта до совершеннолѣтія дѣвочки обращалась изъ процентовъ, а въ случаѣ смерти ея, возвращена была Елагиной.

9-го іюня 1826-го года докладъ Совѣта утвержденъ (**).

11-го апрѣля 1827-го года, Высочайше утвержденъ докладъ Опекунскаго Совѣта о предоставленіи статскому совѣтнику Лужину воспитывать до 17-ти лѣтъ, находившагося, съ 31 января 1824-го года, въ имѣніи его, Дмитровскаго уѣзда, въ деревнѣ Григорьевой, у крестьянки Авдотьи Кузьминой, воспитанника Сергѣя Ѳедорова, № 124-1824 года. Въ пользу Ѳедорова Лужинъ внесъ въ Сохранную Казну 2500 рублей, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ смерти воспитанника, капиталъ этотъ возвращенъ былъ вкладчику, а проценты оставлены въ пользу Воспитательнаго Дома,—и обѣщалъ отдѣлить ему часть своего имущества. Слѣдующую кормилицѣ плату опредѣлено вносить въ Сохранную Казну, въ пользу воспитанника, котораго, по достиженіи 17-лѣтняго возраста, когда плата за воспитаніе его прекратится, оставить совсѣмъ на попеченіи Лужина, который обязался, въ случаѣ отысканія у Сергѣя Ѳедорова родныхъ, желавшихъ бы взять его къ себѣ, поступить, какъ рѣшитъ Совѣтъ (*).

Въ 1828-мъ году поручикъ Болтинъ также обращался съ просьбою объ отдачѣ на его попеченіе воспитанника Александра Николаева, № 4911—1827 года, изъясняя въ просьбѣ своей, что онъ желаетъ доставить этому воспитаннику образованіе, и сдѣлать его полезнымъ членомъ государства, въ память признательности къ родителямъ этого питомца. Въ пользу его Болтинъ изъявлялъ готовность внести 500 руб., а впослѣдствіи отдѣлить ему часть своего имущества.

Опекунскій Совѣтъ нашелъ, что такою суммою участь воспитанника Николаева не довольно обезпечивается, и въ просьбѣ Болтину отказалъ. 26-го февраля 1828-го года опредѣленіе Совѣта утверждено (**).

Въ слѣдующемъ году Болтинъ вновь просилъ Совѣтъ отдать ему воспитанника Александра Николаева, на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, на какихъ отданъ былъ воспитанникъ Сергѣй Ѳедоровъ статскому совѣтнику Лужину. Въ обезпеченіе участи питомца, онъ вносилъ 2500 рублей. На это Опекунскій Совѣтъ согласился (***).

31-го октября 1833-го года, Императрица Александра Ѳеодоровна утвердила докладъ Опекунскаго Совѣта объ отдачѣ, оставшихся послѣ одного служившаго въ Сохранной Казнѣ бухгалтера, круглыхъ сиротъ Михаила и Настасьи, помѣщенныхъ по Высочайшему повелѣнію въ классы Воспитательнаго Дома,—на попеченіе жены поручика, Кондратьевой, которая желая исполнить волю покойнаго своего мужа, бывшаго въ родствѣ съ матерью сиротъ, внесла въ Сохранную Казну на имя дѣвочки 10000 руб., а мальчика—5000 рублей. При этомъ разрѣшено сиротамъ по прежнему обучаться въ классахъ Дома.

(*) Журн. Оп. Сов, 10 мая 1826 года.
(**) Журн. Оп. Сов. 14-го іюня 1826 года.

(*) Журн. Оп. Сов., 18-го апрѣля 1827-го года.
(**) Журн. Оп. Сов., 5-го марта 1828 года.
(***) Журн. Оп. Сов. 21-го января 1829 года.

Изъ приведенныхъ случаевъ слѣдуетъ, что при отдачѣ питомцевъ на попеченіе родственниковъ обращаемо было вниманіе не столько на близость родства, сколько на обезпеченіе участи отдаваемыхъ питомцевъ.

Установленное въ 1799-мъ году правило, объ отдачѣ питомцевъ на попеченіе однихъ ближайшихъ родственниковъ, отмѣнено однако не было. Въ 1803-мъ году Вилламовъ сообщилъ почетному опекуну графу Толстому Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы „въ вѣдомостяхъ въ статьѣ о выбылыхъ—вмѣсто отданныхъ по Высочайшему повелѣнію просителямъ, писать родственникамъ, поелику, выключая случай усыновленія, никому именно кромѣ родственниковъ дѣти не возвращаются(*).“

14-го сентября 1800-го года Высочайше повелѣно объ отдачѣ питомцевъ родственникамъ представлять не прежде, какъ по собраніи достовѣрныхъ свидѣтельствъ(**). Въ слѣдующемъ году, одинъ частный случай послужилъ поводомъ къ подтвержденію этого правила. Воспитанница С.Петербургскаго Воспитательнаго Дома, обучавшаяся повивальному искуству, отдана была на попеченіе отставнаго офицера, который, при неоднократныхъ посѣщеніяхъ ее, называлъ себя ея отцемъ. Но впослѣдствіи отъ взятой имъ на попеченіе воспитанницы этотъ офицеръ отрекся и своею дочерью не призналъ.

По поводу этого случая, 17-го декабря 1801-го года, послѣдовало Высочайшее повелѣніе Императрицы: „не прежде представлять о возвращеніи воспитанниковъ и воспитанницъ ихъ отцамъ, матерямъ и родственникамъ, какъ по формальнымъ о томъ прошеніямъ ихъ и по предъявленіи вѣрнѣйшихъ и точнѣйшихъ о родствѣ ихъ доказательствъ, съ изустнымъ о семъ объявленіемъ въ присутствіи Совѣта, а равномѣрно и по письменномъ согласіи самихъ взрослыхъ воспитанниковъ (***).“

Въ апрѣлѣ 1810-го года, дѣйствительный статскій совѣтникъ Вилламовъ сообщилъ Московскому Опекунскому Совѣту повелѣніе Императрицы о требованіи, при возвращеніи питомцевъ на попеченіе родителей и родственниковъ, коммисарскихъ билетовъ, или контрмарокъ, которыя выдаются, при пріемѣ въ Домъ младенцевъ, приносящимъ ихъ лицамъ, по примѣру С.Петербургскаго Воспитательнаго Дома (*).

17-го декабря 1801-года, Высочайше повелѣно о возвращеніи взрослыхъ воспитанниковъ родителямъ и родственникамъ представлять не прежде, какъ по отобраніи отъ питомцевъ на то письменнаго согласія.

Основываясь на Высочайшемъ повелѣніи, Опекунскій Совѣтъ взялъ подобную подписку отъ находившейся, въ числѣ пенсіонерокъ Ея Императорскаго Величества, въ Воспитательномъ Домѣ дочери прапорщика Ольги Андреевой Боголюбовой, при отдачѣ ея на попеченіе двоюродному дядѣ, титулярному совѣтнику Толченову. На донесеніи по этому предмету почетнаго опекуна Лунина, 16-го апрѣля 1810-го года, Императрица написала: „По сему донесенію Я апробовала докладъ, но впредь подписку 15-лѣтней дѣвушки требовать не надобно, ибо она не имѣетъ законныхъ лѣтъ, которыя полагаются въ 18 лѣтъ(**).“

Въ ноябрѣ 1821-го года, Совѣтъ испрашивалъ разрѣшенія на отдачу воспитанниковъ: Семена № 2058—1812 отцу его, капитану, Аполлона № 120—1804 г.—родному дядѣ, поручику, и Варвары № 2213—1806 года,—родной теткѣ, московской мѣщанкѣ. 13-го ноября, на докладѣ Совѣта Государыня наложила резолюцію: „О первомъ и послѣдней апробовано, а какъ другой воспитанникъ имѣетъ уже 17 лѣтъ, то нужно напередъ удостовѣриться, согласенъ ли онъ самъ поступить къ называющемуся дядею его, и о томъ Мнѣ доложить (***).“

20-го ноября тогоже года, на докладѣ Совѣта, объ отдачѣ двухъ питомцевъ и двухъ питомокъ къ родственникамъ, послѣдовала такая резолюція: „апробовано, но съ тѣмъ, что если

(*) Журн. Оп. Сов., 5 января 1804-го года.
(**) Журн. Оп. Сов., 5 го января 1803 года.
(***) Журн. Оп. Сов., 2-го января 1802 года.

(*) Журн. Оп. Совѣта, 25-го апрѣля 1810-го года.
(**) Журн. Оп. Совѣта, 25 го апрѣля 1810-го года
(***) Журн. Оп. Сов. 24-го ноября 1821 года.

послѣдняя, имѣющая уже 16 лѣтъ отъ роду, сама согласится быть у тетки (*).“

Такимъ образомъ, возрастъ, въ которомъ нужно имѣть согласіе взрослаго питомца на отдачу его родственникамъ, въ точности не опредѣленъ.

При возвращеніи питомцевъ на попеченіе родныхъ неоднократно было предписываемо удостовѣряться въ томъ, что отдаваемые питомцы будутъ воспитываемы въ правилахъ Православія и доброй нравственности.

Такъ въ 1808-мъ году, на докладѣ Совѣта, по просьбѣ одного иностранца, о возвращеніи ему сына, который находился въ числѣ питомцевъ Воспитательнаго Дома и значился подъ № 2350—1807-го года,—24-го января Императрица написала: „Позволяю, если отецъ обяжется письменно сына своего воспитывать въ нашемъ законѣ (**).“

Въ 1822-мъ году, Опекунскій Совѣтъ испрашивалъ разрѣшеніе на отдачу 16-лѣтней воспитанницы, № 3039—1816-го года, двоюродному дядѣ, титулярному совѣтнику, а другой 14-лѣтней воспитанницы, № 632—1807-го года,—родному брату ея, губернскому секретарю. На докладѣ Совѣта, 30 января 1822 года, послѣдовала такая резолюція: „Позволяю, если оба просителя женаты; въ противномъ случаѣ сіе невозможно (***).“

Подобная же резолюція состоялась 12-го января 1823-го года, на докладѣ Совѣта, объ отдачѣ одиннадцатилѣтней воспитанницы Натальи, № 1006—1813 года, родному дядѣ ея, титулярному совѣтнику: „Если онъ женатъ, то позволяю, и о томъ Мнѣ донести (****).“

Въ 1822-мъ году поступило прошеніе отъ вдовы, солдатки Дарьи Ивановой, объ отдачѣ на ея попеченіе двоюродной племянницы ея, пятнадцатилѣтней воспитанницы, №1845—1809-го года, находившейся на воспитаніи въ деревнѣ. Опекунскій Совѣтъ вошелъ объ этомъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ. При выслушаніи этого доклада, Императрица замѣтила, что „по извѣстной весьма сомнительной нравственности солдатокъ, опасно отдавать къ таковой взрослую 15-лѣтнюю воспитанницу, особливо когда не весьма близкая родня, и для бо́льшаго удостовѣренія, хотя и сказано въ докладѣ Совѣта, что означенная солдатка Иванова содержать и воспитывать оную воспитанницу въ состояніи и представила свидѣтельство за подписаніемъ четырехъ оберъ-офицеровъ, нужно однако знать напередъ, отъ какого промысла оная солдатка имѣетъ свое пропитаніе и сколько примѣрно въ годъ, или въ мѣсяцъ вырабатываетъ, или получаетъ дохода, какъ то въ С.Петербургѣ въ подобныхъ случаяхъ показывается, а при томъ также какого помянутая солдатка поведенія.“

Московскій оберъ-полиціймейстеръ Шульгинъ увѣдомилъ почетнаго опекуна Саблина, что солдатка Иванова занимается рукодѣльемъ, вырабатываетъ въ мѣсяцъ по 20-ти рублей, поведенія хорошаго. Съ своей стороны Экспедиція о воспитанникахъ обоего пола собрала свѣдѣнія, что Иванова живетъ на наемной квартирѣ, состоянія никакого не имѣетъ и пріискиваетъ мѣста въ работницы; воспитанницу же, рожденную родною ея сестрою, проситъ къ себѣ, имѣя намѣреніе отдать ее въ ученье мастерству. Совѣтъ заключилъ изъ этого, что если воспитанница отдана будетъ теткѣ, то участь ея не улучшится. Императрица согласилась съ мнѣніемъ Совѣта, и 5-го августа 1822 года на докладѣ его написала: „справедливо, а для улучшенія состоянія сей воспитанницы взять ее въ Домъ, въ число нянекъ, и, смотря по способностямъ, обучить рукодѣлью (*).“

Подобный случай встрѣтился и въ 1827 году. Утвердивъ докладъ Опекунскаго Совѣта объ отдачѣ воспитанницы, № 1298—1815 года, на попеченіе тетки ея, солдатки, Императрица приказала тайному совѣтнику Вилламову сообщить почетному опекуну Саблину, для ближайшаго разсмотрѣнія, такое примѣчаніе: „какъ солдатки бо́льшею частію поведенія неодобрительнаго,

(*) Журн. Оп. Сов., 1-го декабря 1821 года.
(**) Журн. Оп. Сов., 3-го февраля 1808-го года.
(***) Журн. Оп. Сов., 6 февраля 1822 года.
(****) Журн. Оп. Сов., 18-го января 1823 года.

(*) Журн. Оп. Сов., 14 августа 1822 года.

а часто даже весьма распутнаго, то не подвергается ли опасности разврата нравственность воспитанницъ, имъ по просьбамъ ихъ возвращаемыхъ, особливо когда, какъ въ настоящемъ случаѣ, отдаются не родной матери, и не лучше-ли избѣгать подобныхъ возвращеній воспитанницъ, или какія на сіи случаи принимать предосторожности, или установить правила."

Саблинъ отвѣчалъ на это замѣчаніе, что въ случаяхъ, когда просимыя дѣти старше 12 лѣтъ, Опекунскій Совѣтъ не прежде подноситъ доклады свои, какъ по собраніи, чрезъ оберъ-полиціймейстера и особыхъ чиновниковъ Воспитательнаго Дома, справокъ о состояніи и поведеніи просителей. Если по собраннымъ свѣдѣніямъ окажется, что проситель поведенія неодобрительнаго, или состоянія бѣднаго, то въ просьбѣ его отказывается. Совсѣмъ же прекратить отдачу питомцевъ на попеченіе родителей, или родственниковъ недостаточнаго состоянія значило бы лишить родителей права на ихъ дѣтей. Впрочемъ чрезъ отдачу питомцевъ на попеченіе родныхъ надзоръ за ними не прекращается, такъ какъ въ выдаваемыхъ питомцамъ свидѣтельствахъ говорится, что они вступаютъ въ права своихъ родственниковъ, и слѣдовательно подлежатъ попеченію того общества, къ которому принадлежатъ ихъ родные. Если Государынѣ будетъ угодно, то справки о поведеніи и состояніи просителей можно дѣлать и въ тѣхъ случаяхъ, когда просимые питомцы моложе 12-ти лѣтъ.

Отъ 5-го іюня 1827 года, Вилламовъ увѣдомилъ Саблина, что Императрица признала совершенно справедливымъ его мнѣніе и приказала, при собираніи справокъ, не ограничиваться возрастомъ отдаваемыхъ дѣтей.

Съ этого времени Опекунскій Совѣтъ началъ дѣлать представленія объ отдачѣ питомцевъ Воспитательнаго Дома на содержаніе и попеченіе родственниковъ лишь по предварительномъ собраніи свѣдѣній о состояніи и поведеніи просителей, и нерѣдко отказывалъ имъ въ просьбахъ.

Такъ, въ 1827-мъ году, Совѣтъ отказалъ московской мѣщанкѣ Петровой въ просьбѣ объ отдачѣ на ея содержаніе и попеченіе роднаго ея племянника, № 3985—1824 года, и не представлялъ по этой просьбѣ доклада, такъ какъ просительница, по собраннымъ о ней свѣдѣніямъ, оказалась состоянія бѣднаго.

Были случаи, что Опекунскій Совѣтъ, получивъ свѣдѣніе о неблагонадежности помѣщенія воспитанниковъ, отданныхъ на попеченіе и содержаніе родныхъ, возвращалъ этихъ воспитанниковъ въ Домъ.

Такъ въ 1835-мъ году, узнавши, что родственники питомки, № 1702—1825 года, взявшіе ее на свое попеченіе, принадлежатъ къ расколу, Совѣтъ взялъ у нихъ эту питомку и велѣлъ воспитывать ее въ Домѣ наравнѣ съ подкидышами, находимыми на раскольничьихъ кладбищахъ (*).

Въ 1822-мъ году, Опекунскій Совѣтъ испрашивалъ разрѣшенія на передачу воспитанниковъ Дмитрія, № 2513—1821-го года, родному дядѣ, губернскому секретарю, и Виктора Николаева, № 3417—1822-года,—родной теткѣ, иностранкѣ. 24-го октября 1822 года, на докладѣ Совѣта Императрица написала: „Ларіонову позволяю возвратить племянника; а какъ.... иностранка, то надлежитъ напередъ удостовѣриться, состоитъ ли она въ подданствѣ и обязуется ли она содержать племянника въ Грекороссійской вѣрѣ, и потомъ Мнѣ доложить (**)."

Подобный случай встрѣтился въ 1827-мъ году. Испрашивая разрѣшеніе на возвращеніе питомцевъ роднымъ ихъ, Опекунскій Совѣтъ представилъ Императрицѣ, что, по мнѣнію его, слѣдуетъ отказать въ просьбѣ московскому цѣховому Ш. о возвращеніи ему сына, пятнадцатилѣтняго воспитанника, № 3024—1824 года, потому что Ш. не русскій, а датскій подданный. 26-го октября 1827 года, Императрица дала резолюцію, „чтобы отдать сына ему, долженъ обязать себя не выѣзжать изъ Россіи (***)."

Сынъ возвращенъ былъ Ш. не прежде, какъ по взятіи съ него такой подписки, которая и препровождена была въ Московское Губернское

(*) Журн. Оп. Сов., 16-го сентября 1835 года.
(**) Журн. Оп. Сов., 2-го ноября 1822 года.
(***) Журн. Оп. Сов., 3-го ноября 1827 года.

Правленіе, для распоряженія о запрещеніи выѣзда Ш. за границу (*).

Такимъ образомъ, для передачи питомцевъ на попеченіе родныхъ, требовались слѣдующія условія:

Во 1-хъ. Близость родства просителя съ питомцемъ, въ доказательство чего представляется контрмарка, выдаваемая изъ Крестоваго Отдѣленія еще при пріемѣ ребенка, и удостовѣреніе трехъ благородныхъ свидѣтелей.

Во 2-хъ. Непринадлежность къ расколу.

Въ 3-хъ. Если проситель вѣроисповѣданія неправославнаго, то письменное обязательство воспитывать питомца въ Православіи.

Въ 4-хъ. Удостовѣреніе въ доброй нравственности и достаточномъ состояніи просителя.

Въ 5-хъ. Если питомецъ на возрастѣ, то согласіе его на поступленіе къ роднымъ.

Въ 6-хъ. При отдачѣ питомокъ, обращать вниманіе на семейное положеніе просителей.

Въ 7-хъ. При передачѣ питомца родственникамъ—письменное отъ нихъ обязательство возвратить его, въ случаѣ, если явятся родители и пожелаютъ взять питомца на свое попеченіе.

Наконецъ—въ 8-хъ. Принадлежность просителя къ числу русскихъ подданныхъ, или же, въ случаѣ подданства иностранному государству, обязательство не выѣзжать изъ Россіи—правило, отъ котораго въ позднѣйшее время было впрочемъ отступленіе.

Въ прошломъ 1862-мъ году, французскій сенаторъ баронъ Г. обратился къ русскому послу въ Парижѣ съ письмомъ, объ оказаніи содѣйствія находившемуся у барона Г. въ услуженіи, французскому подданному Ш., къ отысканію и полученію изъ Московскаго Воспитательнаго Дома, отданнаго имъ въ Домъ 17 декабря 1857 года, сына Ш., Карла Михайлова. При письмѣ онъ приложилъ просьбу Ш. и контрмарку Крестоваго Отдѣленія, въ принятіи, 17-го декабря 1857 года, въ Домъ младенца, Карпа Михайлова № 12.177-й.

Оказалось изъ книгъ, что 17-го декабря 1857 года дѣйствительно поступилъ изъ Секретно-Родильнаго Госпиталя въ Грудныя Отдѣленія, рожденный неизвѣстною женщиною, младенецъ, но не Карлъ, а Карпъ Михайловъ, окрещенъ въ Православную вѣру, записанъ подъ № 12.177—1857 года, и отправленъ на воспитаніе въ Верейскій уѣздъ, къ кормилицѣ деревни Труханихи, Варварѣ Ивановой.

Начальство Воспитательнаго Дома, отъ котораго Опекунскій Совѣтъ требовалъ свѣдѣнія объ этомъ младенцѣ, въ отзывѣ своемъ изъяснило, что, по его мнѣнію, Ш. не представилъ доказательствъ о родственныхъ отношеніяхъ своихъ къ питомцу Карпу Михайлову, такъ какъ приложенная къ письму его контрмарка есть только квитанція Воспитательнаго Дома въ принятіи младенца, выдаваемая всякому приносителю. Еслибы даже Ш. представилъ и доказательства, и подписку въ томъ, что будетъ воспитывать ребенка въ Православіи, то и тогда, по жительству Ш. за границей, наблюденіе за исполненіемъ этой подписки едва ли было бы возможно. Наконецъ—просьба Ш. возбуждала вопросъ: должны ли быть удовлетворяемы просьбы иностранцевъ, присылаемыя изъ за-границы, о возвращеніи на ихъ попеченіе питомцевъ, которые до того времени призрѣны были Воспитательнымъ Домомъ, воспитывались нѣсколько лѣтъ въ одномъ и томъ же семействѣ, пользуясь въ немъ попечительнымъ уходомъ, и сами не изъявятъ желанія поступить къ родственникамъ, до того времени имъ неизвѣстнымъ.

Отъ 21-го іюня 1862 года, IV-е Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи увѣдомило Опекунскій Совѣтъ, что просьба Ш. и ходатайство сенатора барона Г. представлены были на Монаршее Его Величества воззрѣніе—„и Государь Императоръ удостоилъ принять во вниманіе, съ одной стороны, что предъявленіе требуемыхъ при отдачѣ питомцевъ удостовѣренія трехъ лицъ въ дѣйствительности родства и засвидѣтельствованіе Полицейскаго Начальства въ благонадежности просителя, сопряжено для иностранца съ непреодолимыми затрудненіями, съ другой—что всякій надзоръ за исполненіемъ данной подписки вос-

(*) Журн. Оп. Сов., 24-го ноября 1827 года.

питывать ребенка въ Православіи становится невозможнымъ, коль скоро иностранецъ проживаетъ внѣ Россіи—Всемилостивѣйше соизволилъ на возвращеніе Ш. означеннаго его сына, безъ соблюденія съ его стороны требуемыхъ уставомъ Воспитательнаго Дома формальностей (*).“

Кормилица питомца получила отъ Ш. достаточное денежное вознагражденіе.

Въ 1819-мъ году представился случай, въ которомъ препятствіемъ къ возвращенію воспитанницы матери было сословіе, къ которому мать принадлежала.

Поступила просьба отъ дворовой графа Салтыкова Настасьи Аѳанасьевой, о возвращеніи ей трехмѣсячной дочери, которая унесена была у нея 25-го августа изъ села Средникова, московскаго уѣзда, дворовою дѣвкою г. Алексѣева, сельца Коростова, Ивановою и отдана ею въ Воспитательный Домъ.

По книгамъ значилось, что принесенъ былъ 27-го августа въ Домъ младенецъ Авдотья Сергѣева и записанъ подъ №2895; а по свѣдѣніямъ, собраннымъ въ сельцѣ Средниковѣ объѣзжимъ надзирателемъ, можно было заключить, что младенецъ этотъ точно принадлежитъ Аѳанасьевой.

Опекунскій Совѣтъ представилъ объ этомъ Императрицѣ, а ребенокъ отданъ былъ, между тѣмъ, на временное вскормленіе Аѳанасьевой.

На докладъ Совѣта, 19-го октября 1819 го года, Императрица написала: „какъ нельзя полагать никакого рѣшенія, пока не опредѣлена судебнымъ приговоромъ подлинность похищенія младенца, то отослать все дѣло куда слѣдуетъ, для приговора судебнымъ мѣстомъ, до котораго оное относится, и Мнѣ о послѣдствіи донести; между тѣмъ ребенокъ останется на вскормленіи матери впредь до рѣшенія судьбы его (**).“

Въ 1820-мъ году Совѣтъ вновь входилъ съ докладомъ объ окончательной отдачѣ питомки Авдотьи матери.

(*) Журн. Оп. Сов., 25-го іюня 1862 года.

(**) Журн. Оп. Сов., 20-го октября 1819 года.

8-го іюля почетный опекунъ Львовъ словесно объявилъ Совѣту, что имъ полученъ отъ Государыни рескриптъ, отъ 27-го іюня, въ которомъ изъяснено, что дѣло это недостаточно приведено еще въ ясность, чтобы рѣшиться отдать младенца въ крѣпостное состояніе и лишить его выгодъ, сопряженныхъ со званіемъ воспитанницы Дома. — Уѣздный Судъ еще не утверждаетъ подлинности похищенія, а напротивъ того объясняетъ, что обвиняемая въ похищеніи дѣвка Иванова еще прежде этого происшествія бѣжала и не сыскана,—слѣдовательно и не допрашивана. Послѣ этого нельзя ни обвинить Иванову, ни положиться на показаніе Аѳанасьевой. Младенецъ принесенъ въ Домъ 27-го августа, у Аѳанасьевой дитя пропало 25 го, а Иванова бѣжала 22-го августа. Самую принадлежность младенца Аѳанасьевой подтверждаетъ только повивальная бабка. Кромѣ того, нельзя оставить безъ вниманія и того обстоятельства, что объ отцѣ младенца вовсе не упоминается. Поэтому Императрица поручила Львову объявить Совѣту, что покуда не доказано будетъ неоспоримо судебнымъ мѣстомъ, до котораго касается что младенецъ Авдотья Сергѣева точно принадлежитъ женкѣ Аѳанасьевой, у нея похищенъ и отданъ въ Домъ, слѣдовательно поступилъ въ оный безъ ея вѣдома и согласія, до тѣхъ поръ никакого рѣшенія объ исключеніи сего младенца изъ числа воспитанницъ Дома, или оставленія въ ономъ полагать не можно, и что ребенокъ между тѣмъ долженъ остаться на воспитаніи у Аѳанасьевой (*).

Дѣло поступило въ Московскую Уголовную Палату. Мужъ Аѳанасьевой, дворовый человѣкъ Александръ Денисовъ, призналъ младенца Авдотью Сергѣеву за свою дочь. Шесть крестьянокъ подъ присягою показали, что у Александра Денисова точно въ 1819-мъ году унесена была дворовою г-жи Алексѣевой дѣвкою Ивановой дѣвочка Лукерья, которая отыскана матерью въ Воспитательномъ Домѣ и отдана ей подъ именемъ воспитанницы Авдотьи Сергѣевой. Уголовная Палата рѣшила оставить ребенка у матери.

(*) Журн. Оп. Сов., 8 іюля 1820 года.

На докладъ Совѣта, объ исключеніи этой дѣвочки изъ числа воспитанницъ, Императрица, 22-го декабря 1820-го года, написала: „Позволяю (*).“

Въ 1825-мъ году поступило прошеніе одной крѣпостной женщины объ отдачѣ ей дочери ея, воспитанницы № 1556—1825 года. Государыня на докладѣ Совѣта положила резолюцію:“ какъ мать крѣпостная, то по силѣ Учрежденія Воспитательнаго Дома 1-й части главы VI § 4-го, воспитанница возвращена быть не можетъ(**).“

Въ приведенномъ здѣсь постановленіи сказано: „Всѣ воспитанные въ семъ Домѣ обоего пола, и дѣти ихъ и потомки въ вѣчные роды останутся вольными, и никому изъ партикулярныхъ людей ни подъ какимъ видомъ закабалены или укрѣплены быть не могутъ.“

Въ томъ же Генеральномъ Планѣ Воспитательнаго Дома, въ § 12-мъ Главы II-й книги 1-й, говорится: „надѣяться можно, что взирая на Высочайшее Ея Императорскаго Величества, учрежденіемъ сего Дома, милосердіе, многіе христолюбивые люди въ другихъ городахъ, по человѣколюбію спасенія ради своего, разнымъ образомъ оставленныхъ родителями младенцевъ принимать и воспитывать до нѣсколько лѣтъ не оставятъ; по прошествіи же двухъ, трехъ лѣтъ и болѣе, не свыше пяти, могутъ ихъ, для совершеннаго воспитанія и обученія, привозить въ удобное лѣтнее время, и отдавать въ Москвѣ въ Воспитательный Домъ въ число принадлежащихъ къ оному на основаніи Плана, съ показаніемъ, когда принятъ, крещеной ли, или по пріемѣ которой церкви крещенъ, и другихъ случающихся при томъ обстоятельствъ, *исключая изъ онаго, по яснымъ доказательствамъ, крѣпостныхъ, отданныхъ подъ видомъ обмана.*“

Сближая эти два постановленія, можно заключить, что вопросъ о возвращеніи питомцевъ родителямъ и родственникамъ крѣпостнаго состоянія положительнымъ образомъ разрѣшенъ не былъ.

Въ 1843-мъ году состоялось Высочайшее повелѣніе, по предмету того, на какихъ условіяхъ могутъ быть обращаемы въ помѣщичье владѣніе рожденныя отъ крѣпостныхъ матерей питомцы, въ случаѣ поступленія о томъ отъ помѣщиковъ просьбъ. Но при этомъ не былъ разсмотрѣнъ вопросъ о возвращеніи такихъ питомцевъ на попеченіе ихъ родителей или родственниковъ (*).

Въ частныхъ случаяхъ начальство Воспитательнаго Дома, руководствуясь рѣшеніемъ Императрицы Маріи Ѳедоровны въ 1825 году, отклоняло домогательства крѣпостныхъ родителей или родственниковъ объ отдачѣ имъ питомцевъ, если о возвращеніи этихъ питомцевъ не поступало просьбъ отъ самихъ помѣщиковъ.

Мѣры обезпеченія судьбы питомцевъ, возвращаемыхъ родственникамъ, невсегда однако достигали своей цѣли. Случалось, что воспитанники, переданные роднымъ, оставались безъ призрѣнія, и Воспитательный Домъ вынужденъ былъ опять принимать ихъ подъ свой кровъ.

Такъ осмилѣтняя питомка Ульяна Сергѣева, № 272—1797 года, отданная матери, рекрутской женѣ Екатеринѣ Тимофеевой, по смерти ея, осталась безъ пристанища. Опекунскій Совѣтъ, узнавши о безпріютномъ положеніи воспитанницы, довелъ объ этомъ до свѣдѣнія Императрицы, которая на докладѣ Совѣта, 3-го сентября 1810 года, написала: „Взять ее обратно въ Домъ не въ примѣръ другимъ (**).“

3-го октября 1817 года разрѣшено было принять обратно въ Домъ одиннадцатилѣтняго питомца, № 1686—1807 года, который, по смерти одного московскаго купца, взявшаго его на свое попеченіе, остался безъ пристанища(***).

4-го іюля 1818 года Императрица Опекунскому Совѣту повелѣла: „бывшую воспитанницу Московскаго Воспитательнаго Дома, отданную матери на собственное попеченіе, а по смерти ея оставшуюся въ сиротствѣ, Марію Ѳедорову, принять опять въ Воспитательный Домъ и содержать съ прочими ея возраста воспитанницами (****).“

(*) Журн. Оп. Сов., 3 января 1821 года.

(**) Журн. Оп. Сов., 22 іюня 1825 года.

(*) Журн. Оп. Сов., 4-го апрѣля 1843 года.

(**) Журн. Оп. Сов., 10-го сентября 1810 года.

(***) Журн. Оп. Сов., 4-го октября 1817 года.

(****) Журн. Оп. Сов., 11-го іюля 1818 года.

На попеченіе родныхъ питомцевъ было отдано въ 1796 году 5 мальчиковъ и 11 дѣвочекъ, въ 1797 г.—2 мальчика и 1 дѣвочка. Съ 1798 по 1810 годъ свѣдѣній по этому предмету нѣтъ. За тѣмъ возвращены родственникамъ:

	муж.	жен.
Въ 1810 году	3	6
— 1811 —	12	8
— 1812 —	10	7
— 1813 —	3	9
— 1814 —	3	1
— 1815 —	5	7
— 1816 —	3	—
— 1817 —	7	5
— 1818 —	4	6
— 1819 —	4	9
— 1820 —	5	14
— 1821 —	8	7
— 1822 —	5	13
— 1823 —	3	8
— 1824 —	7	3
— 1825 —	5	4
— 1826 —	8	4
— 1827 —	3	7
— 1828 —	1	2
— 1829 —	9	6
— 1830 —	8	3
— 1831 —	5	8
— 1832 —	4	13
— 1833 —	—	4
— 1834 —	1	3
— 1835 —	6	15
— 1836 —	8	10
— 1837 —	1	15
— 1838 —	3	25
— 1839 —	4	20
— 1840 —	14	16
— 1841 —	11	14
— 1842 —	13	7
— 1843 —	13	18
— 1844 —	20	17
— 1845 —	17	19
— 1846 —	30	18
— 1847 —	29	41
— 1848 —	18	17
— 1849 —	14	31
— 1850 —	14	25
— 1851 —	8	23
— 1852 —	9	33
— 1853 —	5	22
— 1854 —	8	8
— 1855 —	3	22
— 1856 —	9	23
— 1857 —	4	22

Въ 1857 году почетный опекунъ, управлявшій Московскимъ Воспитательнымъ Домомъ, нынѣ предсѣдательствующій въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ, князь Николай Ивановичъ Трубецкой, по порученію Совѣта, препроводилъ къ статсъ-секретарю, по дѣламъ управленія учрежденіями Императрицы Маріи, для доклада Государю Императору, записку о мѣрахъ къ обезпеченію судьбы питомцевъ, возвращаемыхъ родственникамъ. Записка эта слѣдующаго содержанія: „процедура возвращенія питомцевъ къ родственникамъ, по недостаточности принимаемаго въ доказательство родства свидѣтельства трехъ оберъ-офицеровъ, приводила къ различнымъ недоразумѣніямъ. Не рѣдко были случаи, что послѣ такого возвращенія питомцевъ просителямъ открывалось, или что питомецъ отрекался отъ своего родственника, или на оборотъ родственникъ отказывался отъ питомца, или наконецъ свидѣтели отвергали прежнія свои показанія, отзываясь, что дали ихъ безъ всякой формальности, изъ одного угожденія къ просителямъ. Подобныя недоразумѣнія ставили въ немалое затрудненіе правительственныя мѣста, которыя, производя въ такихъ дѣлахъ законное изслѣдованіе, требовали всегда объясненій отъ Управленія Воспитательнаго Дома; а оно съ своей стороны не могло давать имъ дальнѣйшихъ свѣденій, кромѣ тѣхъ, которыя обыкновенно указываются въ прошеніяхъ и притомъ печатныхъ, отъ лицъ, объявившихъ себя родственниками питомцевъ, и благонадежность коихъ въ отношеніи къ поведенію и состоянію удостовѣрена Управленію не рѣдко тѣми же правительственными мѣстами и лицами, которыя въ послѣдствіи производятъ точнѣйшее о нихъ дознаніе, такъ что вся эта переписка никогда не могла объяснить дѣла Управленію, а между тѣмъ набрасывала на него какъ бы тѣнь сомнѣнія въ непредусмотрительности его при возвращеніи питомцевъ къ родственникамъ. Изъ этой переписки видно также: 1., что питомцы, возвращенные родственникамъ, не рѣдко были оставляемы лицами, объявившими свое къ нимъ родственное отношеніе, въ такомъ беззащитномъ положеніи, что необходимо было опять принимать ихъ подъ покровъ Воспитательнаго

Дома; 2., что нѣкоторые изъ такихъ питомцевъ, какъ показываютъ то запросы о нихъ полицейскихъ и судебныхъ мѣстъ, оказываются не совсѣмъ одобрительнаго поведенія, отъ чего дурная молва можетъ пасть и вообще на питомцевъ и 3., что отъ лицъ, называвшихъ себя ихъ родственниками, пользуются попеченіемъ не совсѣмъ благонадежнымъ. Всѣ эти неблагопріятныя послѣдствія побудили Управленіе въ послѣднее время обратить вниманіе при возвращеніи питомцевъ къ родственникамъ на слѣдующія обстоятельства: 1., требовать удостовѣренія полицейскаго начальства въ личности и подписи тѣхъ благородныхъ свидѣтелей, которые завѣряютъ родственное отношеніе просителя къ требуемому питомцу и 2., ограничить возвращеніе къ родственникамъ питомцевъ свыше 10-лѣтняго возраста строжайшимъ разборомъ обстоятельствъ просителей, и въ случаѣ оказавшихся сомнѣній, отказомъ въ принятіи самыхъ прошеній, каковой разборъ производится лично и постоянно самимъ Директоромъ Дома; наконецъ 3., предлагалось просившимъ о возвращеніи питомцевъ свыше 10-ти лѣтъ, внести въ пользу ихъ нѣкоторое денежное обезпеченіе, примѣры каковыхъ взносовъ уже и были. Добрыя послѣдствія такихъ распоряженій не замедлили обнаружиться. Число прошеній о возвращеніи къ родственникамъ уменьшилось, и въ этомъ отношеніи участь питомцевъ въ дальнѣйшемъ ея устройствѣ не только не потерпѣла, но даже выиграла; ибо съ уменьшеніемъ случаевъ отдачи питомцевъ къ родственникамъ, большею частію мѣщанскаго сословія, увеличились случаи усыновленія питомцевъ казенными крестьянами, то есть питомцы водворялись въ томъ состояніи, въ которомъ воспитывались, равнымъ образомъ усилилось число питомокъ, вышедшихъ за мужъ за людей сельскаго состоянія; а съ другой стороны перестали встрѣчаться случаи обратнаго возвращенія въ Домъ питомцевъ, отданныхъ родственникамъ, что и доказываетъ, что питомцы стали быть возвращаемы родственникамъ болѣе благонадежнымъ. Изъ всего вышеизложеннаго вытекаетъ необходимость опредѣленія: 1., самаго свойства доказательствъ родства просителей къ требуемымъ питомцамъ и 2., способа обезпеченія питомцевъ, возвращаемыхъ родственникамъ. А., Въ отношеніи къ первому вопросу питомцы, коихъ просятъ къ возвращенію, должны быть раздѣлены на двѣ категоріи, а именно: 1., на принесенныхъ въ Домъ некрещеными и 2., на принесенныхъ въ Домъ крещеными. Вслѣдствіе такого различія полагается: питомцевъ, принесенныхъ въ Домъ некрещеными, возвращать родственникамъ по прежнимъ правиламъ, довольствуясь, какъ крайнимъ средствомъ, свидѣтельствомъ трехъ лицъ благороднаго званія о родствѣ просителя съ питомцемъ, съ удостовѣреніемъ личности и подписи сихъ свидѣтелей: въ Москвѣ отъ частнаго пристава, а въ прочихъ городахъ отъ городничихъ. Если же будутъ просить о возвращеніи питомца, принесеннаго въ Домъ крещенымъ, то уже требовать отъ просителя выписки изъ метрическихъ книгъ о его рожденіи и крещеніи, ибо иначе, безъ такого требованія, могутъ произойти важныя недоразумѣнія. За тѣмъ въ свидѣтельствахъ питомцевъ, возвращаемыхъ родственникамъ, прописывать обстоятельства принятія питомца въ Воспитательный Домъ и то доказательство, по которому онъ возвращенъ просителю. Само собою разумѣется, что всѣ прежнія постановленія о представленіи просителями контрмарокъ Крестоваго Отдѣленія на требуемыхъ питомцевъ, сношенія съ высшимъ гражданскимъ или полицейскимъ начальствомъ просителя о благонадежности его поведенія и состоянія и непринадлежности его къ расколу должны остаться въ своей силѣ. Б., По вопросу о способѣ обезпеченія питомцевъ, возвращаемыхъ родственникамъ, полагается отъ просителей, желающихъ взять на свое попеченіе питомцевъ свыше 10-ти лѣтъ, требовать взноса въ пользу возвращаемыхъ имъ питомцевъ мальчиковъ въ количествѣ 50-ти рублей, а дѣвочекъ 30-ти рублей, съ тѣмъ, чтобы эти суммы служили для первыхъ пособіемъ на обзаведеніе при совершеннолѣтіи, а послѣднимъ на приданое. Требованіе такого пособія отъ просителей на питомцевъ старѣе 10 лѣтъ имѣетъ своимъ основаніемъ то различіе въ чувствахъ привязанности и попеченія, которое предполагается въ родителяхъ или родственникахъ, про-

сящихъ о возвращеніи имъ дѣтей еще въ младенческомъ ихъ возрастѣ, когда они требуютъ еще ухода и заботъ, отъ тѣхъ родителей или родственниковъ, которые просятъ возвращенія питомцевъ въ томъ уже возрастѣ, когда они, требуя меньшей о себѣ заботливости родителей, сами могутъ быть имъ помощниками въ хозяйствѣ или употреблены на какія либо работы или мастерства; а между тѣмъ эти питомцы, о которыхъ родители такъ поздно вспомнили, отрываются отъ попечительнаго призрѣнія Воспитательнаго Дома, который вѣрнымъ образомъ обезпечилъ бы ихъ судьбу либо въ сельскомъ быту, либо помѣщеніемъ ихъ въ различныя учебныя или образовательныя заведенія. Наконецъ при отдачѣ питомцевъ къ родственникамъ будетъ обращаемо вниманіе на предшествовавшія до сего отношенія просителей къ питомцамъ; свѣденія же о семъ могутъ быть доставляемы окружными надзирателями, коимъ постановлено инструкціей въ обязанность наблюдать за родственными отношеніями къ питомцамъ лицъ ихъ посѣщающихъ, особенно въ младенческомъ возрастѣ. Въ свидѣтельствахъ питомцевъ, возвращаемыхъ родственникамъ со взносомъ денежнаго въ ихъ пользу обезпеченія, прописывать о такомъ взносѣ или выдавать особыя удостовѣренія, дабы питомцы мальчики, по приходѣ въ совершеннолѣтіе, а дѣвушки, при выходѣ въ замужство, знали о предоставленномъ въ ихъ пользу капиталѣ и могли бы имъ воспользоваться."

Въ декабрѣ 1857-го года г. статсъ-секретарь Гофманъ увѣдомилъ князя Николая Ивановича Трубецкаго, что „по всеподданнѣйшемъ докладѣ Государю Императору сего дѣла, Его Императорскому Величеству благоугодно было изъявить Высочайшее соизволеніе на принятіе всѣхъ изложенныхъ въ этой запискѣ мѣръ къ руководству по Московскому Воспитательному Дому."

Послѣ введенія изложенныхъ мѣръ въ дѣйствіе, число случаевъ отдачи питомцевъ на попеченіе ихъ родителей и родственниковъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	Отдано родственникамъ.	
	мальч.	дѣвоч.
Въ 1858-мъ году . .	8	34
— 1859 — — . .	13	36
— 1860 — — . .	30	40
— 1861 — — . .	15	38
— 1862 — — . .	54	76

На основаніи правилъ, установленныхъ въ 1857-мъ году, Воспитательный Домъ возвращалъ питомцевъ на попеченіе ихъ родственниковъ, къ какому бы сословію эти родственники не принадлежали, кромѣ помѣщичьихъ крестьянъ и крѣпостныхъ дворовыхъ людей.

По уничтоженіи крѣпостнаго права, Опекунскій Совѣтъ не призналъ возможнымъ дѣлать какія либо измѣненія въ правилахъ возвращенія питомцевъ прежде двухъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ манифестомъ, 19-го февраля 1861-го года, указано было составить въ помѣщичьихъ имѣніяхъ уставныя грамоты и должны были уясниться отношенія между помѣщиками и бывшими крѣпостными людьми (*). По минованіи же двухлѣтняго срока, въ силу 21-й статьи Общаго Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, распространены на нихъ общія постановленія законовъ гражданскихъ о правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ. При томъ Высочайшимъ повелѣніемъ, въ октябрѣ 1861-го года, разрѣшено принимать въ Домъ младенцевъ незаконнорожденныхъ отъ лицъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Принявъ все это въ соображеніе, въ мартѣ текущаго года Опекунскій Совѣтъ разрѣшилъ возвращать питомцевъ на дальнѣйшее попеченіе и содержаніе родственниковъ изъ временнообязанныхъ крестьянъ и бывшихъ дворовыхъ людей, на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ передаются питомцы на попеченіе родныхъ изъ лицъ другихъ свободныхъ сословій(**).

(*) Журн. Оп. Сов., 19-го іюля 1861 года.
(**) Журн. Оп. Сов., 11-го марта 1863 года.

УСЫНОВЛЕНІЕ ДЕРЕВЕНСКИХЪ ПИТОМЦЕВЪ.

Порядокъ усыновленія питомцевъ Московскаго Воспитательнаго Дома установленъ въ первый разъ Высочайше утвержденнымъ, 14-го марта 1803 года, докладомъ С.Петербургскаго Опекунскаго Совѣта, который переданъ былъ въ Московскій Совѣтъ для руководства.

Усыновленіе питомцевъ дозволено было однимъ казеннымъ крестьянамъ, при такихъ условіяхъ:

1) Чтобы проситель имѣлъ на усыновленіе питомца дозволеніе отъ своего сельскаго начальства;

2) Чтобы представилъ удостовѣреніе въ хорошемъ поведеніи, благонадежности и состояніи содержать питомца;

3) Чтобы не имѣлъ родныхъ сыновей и обязался, въ случаѣ еслибы у него родились дѣти мужскаго пола, послѣ усыновленія питомца, уравнять его въ правахъ наслѣдства съ родными сыновьями.

Усыновленіе допускалось по достиженіи питомцевъ 8-лѣтняго возраста. За усыновленнаго разрѣшено производить до 17-ти лѣтъ туже плату, какая выдавалась до этого возраста на содержаніе питомцевъ неусыновленныхъ. Въ видахъ скопленія для усыновленнаго питомца нѣкоторой суммы на обзаведеніе потребностями сельскаго быта и на случай разстройства дѣлъ усыновителя, эту плату велѣно вносить, для приращенія процентами, въ Сохранную Казну и выдавать усыновленному, по достиженіи имъ 17-лѣтняго возраста; въ случаѣ же смерти питомца прежде достиженія 17-лѣтняго возраста, внесенную на имя его въ Сохранную Казну плату причислять къ капиталамъ Воспитательнаго Дома.

Въ маѣ 1805-го года разрѣшено отдать казеннымъ крестьянамъ въ удочереніе двухъ воспитанницъ (*).

Съ того времени удочереніе питомокъ производилось на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ усыновляются питомцы.

Въ сентябрѣ 1817-го года было установлено, чтобы усыновляемыхъ казенными крестьянами обоего пола питомцевъ, по усыновленіи, изъ вѣдомства Воспитательнаго Дома исключать, и считать ихъ до того возраста, когда плата за воспитаніе ихъ прекращается, въ числѣ питомцевъ потому только, что на имена ихъ вносится въ Сохранную Казну сумма, слѣдующая за ихъ воспитаніе; когда же питомцы эти достигнуть возраста, съ котораго плата за воспитаніе прекращается — изъ числа питомцевъ ихъ исключать (**).

Резолюціею Императрицы Маріи Ѳедоровны, 13-го сентября 1817-го года, на докладѣ Московскаго Опекунскаго Совѣта, разрѣшено отдавать въ усыновленіе питомцевъ крестьянамъ удѣльнаго вѣдомства, на тѣхъ же основаніяхъ, которыя приняты для усыновленія питомцевъ казенными крестьянами.

(*) Высочайше утвержденный докладъ Моск. Опек. Совѣта, 16-го мая 1805 года.

(**) Высочайше утвержденный докладъ Моск. Опек. Совѣта, 11-го сентября 1817 года.

Въ 1824-мъ г. передано было, по Высочайшей волѣ, на разсмотрѣніе Московскаго Опекунскаго Совѣта отношеніе почетнаго опекуна Саблина къ тайному совѣтнику Вилламову, о желаніи свободныхъ хлѣбопашцевъ Московской губерніи, Богородскаго уѣзда, сельца Сѣркова, принадлежавшаго прежде штабсъ-капитану Алмазову, усыновить питомцевъ Воспитательнаго Дома.

Въ докладѣ своемъ Совѣтъ представилъ, что по разсужденію его неудобно допустить усыновленіе питомцевъ свободными хлѣбопашцами, пока сіи послѣдніе не выполнили всѣхъ обязанностей въ отношеніи къ помѣщикамъ, давшимъ имъ свободу; когда же крестьяне эти обязанности свои исполнятъ, тогда можно позволить имъ усыновлять питомцевъ съ тѣмъ, чтобы они, при прошеніяхъ объ усыновленіи, сверхъ надлежащаго свидѣтельства, требуемаго отъ усыновителей изъ крестьянъ казенныхъ, представляли еще удостовѣреніе Казенной Палаты въ томъ, что всѣ обязанности, возложенныя на нихъ бывшими помѣщиками, при увольненіи ихъ въ свободные хлѣбопашцы, ими совершенно выполнены (*).

16-го февраля 1824 года, на докладѣ Совѣта Императрица написала: „теперь слѣдуетъ отказать; а впредь, когда встрѣтится случай, согласный съ мнѣніемъ Совѣта, то мнѣ представить—и я испрошу на то рѣшеніе Императора, любезнаго Моего сына.“

Въ декабрѣ 1826-го г., разрѣшено отдать восемь воспитанниковъ въ усыновленіе не воспитателямъ ихъ, а стороннимъ казеннымъ крестьянамъ. На докладѣ Опекунскаго Совѣта Императрица написала: „апробовано; но не лучше ли было бы, какъ въ семъ случаѣ, такъ и въ подобномъ впредь, гдѣ питомцы оставляютъ своихъ воспитателей и переходятъ въ другія деревни, чтобы они сами въ присутствіи Совѣта объявили, что сіе согласно съ ихъ желаніемъ (**).“

(*) Журналъ Моск. Опек. Совѣта, 11-го февраля 1824 года.

(**) Высочайше утвержденный докладъ Моск. Опек. Сов., 16 декабря 1826 г.

Усыновленіе питомцевъ допускалось съ того времени преимущественно ихъ воспитателями; усыновленіе же сторонними крестьянами дозволялось лишь въ видѣ исключеній изъ общаго правила и, между прочимъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда воспитатели принадлежали къ сословію помѣщичьихъ крестьянъ.

Въ 1827-мъ году разрѣшено отдать одного воспитанника въ усыновленіе ямщику, на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ усыновляются питомцы казенными крестьянами.

Наконецъ, 25 іюня 1837 года, Опекунскимъ Совѣтамъ данъ Высочайшій указъ, 7-ю статьею котораго разрѣшено было отдавать питомцевъ обоего пола въ усыновленіе и такимъ казеннымъ крестьянамъ, у которыхъ есть дѣти мужескаго пола.

Послѣ того, собственно въ порядкѣ усыновленія питомцевъ до 1862 года перемѣнъ не послѣдовало. Въ 1845-мъ году измѣненъ только способъ обращенія принадлежащихъ усыновленнымъ питомцамъ капиталовъ. Московскій Опекунскій Совѣтъ, 1-го марта 1845 г., призналъ полезнымъ распространить на Московскій Воспитательный Домъ предположеніе Петербургскаго Опекунскаго Совѣта, чтобы всѣ мѣста и лица, вносящіе въ Сохранную Казну принадлежащіе питомцамъ Воспитательнаго Дома капиталы, вносили ихъ съ 1-го января 1845 года въ Сберегательную Кассу.“

Съ того времени до 1854-го года ежегодная плата за содержаніе усыновленныхъ питомцевъ до 17-ти, а питомокъ до 15-лѣтняго возраста поступала въ Сберегательную Кассу.

Такой способъ выдачи платы за содержаніе усыновленныхъ питомцевъ оказался однако неудобнымъ и недостигающимъ своей цѣли. Въ Казначействѣ Общаго Управленія Воспитательнаго Дома скопилось множество принадлежащихъ усыновленнымъ питомцамъ книжекъ Сберегательной Кассы. Вызывать питомцевъ и питомокъ, которые, за достиженіемъ 17-ти и 15-лѣтняго возраста, имѣли право получить по этимъ книжкамъ принадлежащія имъ деньги, было весьма затруднительно. Между тѣмъ, многіе изъ питомцевъ, усыновленные въ раннемъ возрастѣ, не имѣли никакого понятія о суще-

ствованіи въ Воспитательномъ Домѣ принадлежащаго имъ капитала; другіе, находясь по своимъ промысламъ далеко отъ Москвы и не имѣя о своихъ деньгахъ опредѣленныхъ свѣдѣній, не рѣшались оставлять свои промыслы, для отысканія не вполнѣ извѣстной имъ незначительной собственности. Наконецъ внесеніе платы за усыновленныхъ питомцевъ въ Сберегательную Кассу нисколько не обезпечивало самыхъ усыновителей, лишая ихъ, въ случаѣ смерти усыновленнаго питомца, прежде достиженія того возраста, когда онъ имѣлъ бы право получить изъ Сберегательной Кассы принадлежащій ему капиталъ, вознагражденія за издержки по воспитанію.

Все это было поводомъ къ отмѣнѣ взносовъ въ Сберегательную Кассу платы за воспитаніе усыновленныхъ питомцевъ.

Съ ноября 1854-го года эта плата выдавалась ихъ усыновителямъ точно на томъ же основаніи, какъ за воспитаніе питомцевъ неусыновленныхъ ихъ воспитателямъ: за мальчиковъ до 17-ти, а за дѣвочекъ до 15-лѣтняго возраста (*).

Въ 1856-мъ году разсматривался вопросъ о поощреніи усыновленія питомцевъ крестьянами свободныхъ состояній, выдачею усыновителямъ премій, подобно тому, какъ это установлено положеніемъ 6-го мая 1844 года по С.Петербургскому Воспитательному Дому, гдѣ существуютъ преміи трехъ родовъ, каждая въ 30 рублей серебромъ: первая премія выдается усыновителю, при усыновленіи имъ питомца, въ поощреніе; вторая—ему же, при достиженіи питомцемъ совершенныхъ лѣтъ, въ награду, и третья—самому усыновленному питомцу, при водвореніи его на особомъ участкѣ земли, на первоначальное обзаведеніе.

По Московскому Воспитательному Дому, съ 28-го сентября 1856 года, признано полезнымъ выдавать крестьянамъ свободныхъ состояній, усыновляющимъ питомцевъ, мужескаго пола двѣ преміи, каждую въ тридцать рублей: при усыновленіи питомцевъ въ поощреніе, и по достиженіи усыновленнымъ питомцемъ полнаго гражданскаго совершеннолѣтія—въ награду (*).

Причисленіе питомцевъ къ семействамъ казенныхъ или удѣльныхъ крестьянъ совершается такимъ порядкомъ:

При прошеніи объ усыновленіи питомца усыновитель представляетъ начальству Воспитательнаго Дома приговоръ односельныхъ крестьянъ о согласіи принять того питомца въ свое общество. Этотъ приговоръ, для удостовѣренія въ его подлинности, препровождается въ Палату Государственныхъ Имуществъ, или Удѣльную Контору, смотря потому, къ какому вѣдомству принадлежитъ усыновитель. По возвращеніи приговора въ Воспитательный Домъ, съ отзывомъ Палаты или Удѣльной Конторы, о подтвержденіи крестьянами согласія на принятіе питомца въ свое общество, дѣлается распоряженіе объ исключеніи его изъ числа питомцевъ, и, для зачисленія усыновляемаго питомца въ казенные или удѣльные крестьяне, препровождается въ Казенную Палату, или Удѣльную Контору вѣчноувольнительное на него свидѣтельство.

Въ 1863-мъ году, по случаю уничтоженія крѣпостнаго состоянія, допущено усыновленіе питомцевъ бывшими помѣщичьими крестьянами. При этомъ установлено: по поступленіи отъ временнообязаннаго крестьянина къ начальству Воспитательнаго Дома просьбы объ усыновленіи питомца, представляемый при просьбѣ этой приговоръ сельскаго общества, къ которому принадлежитъ усыновитель, о согласіи міра на причисленіе питомца къ семейству усыновителя, вмѣстѣ съ увольнительнымъ отъ Воспитательнаго Дома свидѣтельствомъ, отсылать въ Волостное Правленіе, для представленія этого приговора и свидѣтельства волостнымъ старшиною къ Казенную Палату, отъ которой зависитъ уже распоряженіе о припискѣ усыновляемаго питомца къ сельскому обществу, къ которому принадлежитъ усыновитель. Для удостовѣренія въ подлинности представляемыхъ временнообязанными крестьянами приговоровъ,

(*) Отношеніе статсъ-секретаря по дѣламъ управленія учрежденіями Императрицы Маріи, отъ 23 ноября 1854 года за № 7622

(*) Отношеніе статсъ-секретаря Гофмана, отъ 28 сентября 1856 года № 7119-й, и журналъ Московскаго Опекунскаго Совѣта, 8-го октября того же года.

Волостнымъ Правленіямъ вмѣнено въ обязанность, съ выдачею приговоровъ въ руки крестьянъ-усыновителей, увѣдомлять объ этомъ начальство Воспитательнаго Дома (*).

Такимъ образомъ усыновленіе питомцевъ обоего пола допускается крестьянами всѣхъ состояній.

За воспитаніе усыновленныхъ питомцевъ и питомокъ, первыхъ до 17-ти, а вторыхъ до 15-лѣтняго возраста, до настоящаго года производилась усыновителямъ таже самая плата, какая выдается воспитателямъ питомцевъ не усыновленныхъ. Наконецъ крестьянину, усыновляющему питомца мужескаго пола, выдавалась два раза премія въ 30 рублей: при самомъ усыновленіи и при достиженіи питомцемъ полнаго гражданскаго совершеннолѣтія. Первой преміи лишались тѣ усыновители, которые просили объ усыновленіи питомцевъ, уже достигшихъ 21-го года. При удочереніи питомокъ, преміи не выдаются; но предоставлено начальству Воспитательнаго Дома назначать крестьянамъ, удочеряющимъ совершеннолѣтнихъ питомокъ, то пособіе, которое, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 31-го декабря 1824-го года, выдается питомкамъ при припискѣ ихъ къ городскому сословію, то есть 21 рубль $42^3/_4$ коп., съ положенными въ награжденіе 7 руб. $14^1/_4$ коп. при выдачѣ вѣчноувольнительныхъ свидѣтельствъ, съ тѣмъ, чтобы о выдачѣ этихъ денегъ Управленіе Воспитательнаго Дома каждый разъ испрашивало разрѣшеніе Опекунскаго Совѣта (**).

Въ 1862-мъ году разрѣшено, въ тѣхъ случаяхъ, когда усыновитель умеръ и усыновленный остается послѣ усыновителя своего единственнымъ наслѣдникомъ, выдавать обѣ преміи усыновленному питомцу (***).

Свѣдѣнія о числѣ усыновленныхъ питомцевъ въ Крестовомъ Отдѣленіи сохранились съ 1810-го года. Изъ нихъ видно, что усыновленныхъ питомцевъ, за достиженіемъ совершеннолѣтія, исключено было изъ вѣдомства Воспитательнаго Дома:

	муж.пола,	жен.пола,	итого.
въ 1810-мъ году	3	—	3
1811 —	4	—	4
1812 —	2	6	8
1813 —	3	—	3
1814 —	4	—	4
1815 —	5	—	5
1816 —	6	—	6
1817 —	16	23	39
1818 —	20	2	22
1819 —	25	4	29
1820 —	86	17	103
1821 —	47	2	49
1822 —	21	13	34
1823 —	51	10	61
1824 —	—	—	—
1825 —	98	1	99
1826 —	34	1	35
1827 —	50	2	52
1828 —	40	—	40
1829 —	33	1	34
1830 —	33	2	35
1831 —	28	1	29
1832 —	21	12	33
1833 —	8	5	13
1834 —	18	11	29
1835 —	35	15	50
1836 —	42	23	65
1837 —	54	47	101
1838 —	71	70	141
1839 -	69	100	169
1840 —	136	216	352
1841 —	24	21	45
1842 —	104	129	233
1843 —	80	148	228
1844 —	26	43	69
1845 —	180	202	382
1846 —	74	192	266
1847 —	127	207	334
1848 —	136	292	428
1849 —	194	347	541
1850 —	235	520	755
1851 —	112	391	503
1852 —	169	534	703
1853 —	171	530	701
1854 —	148	367	515
1855 —	11	5	16

(*) Журн. Моск. Опек. Совѣта, 20 декабря 1862 года.
(**) Журналъ Опек. Совѣта, 20 февраля 1858 года.
(***) Журналъ Опек. Совѣта, 8 января 1862 года.

		муж.пола,	жен.пола,	итого.
1856	—	33	14	47
1857	—	257	493	750
1858	—	162	521	683
1859	—	619	1444	2063
1860	—	344	634	978
1861	—	223	207	430
1862	—	98	78	176
	Итого	4590 муж.	7903 жен.	
Всего.	. . . . .			12.393.

Съ 1861-го года всѣхъ питомцевъ, совершеннолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ, вмѣстѣ съ причисленіемъ ихъ къ крестьянскимъ семействамъ, начали исключать и изъ вѣдомства Дома. Цифры этой таблицы за 1861-й и 1862-й годы показываютъ посему дѣйствительное число случаевъ усыновленій въ эти года.

Съ 1856-го года случаи усыновленія питомцевъ крестьянами сдѣлались нѣсколько чаще. Можно полагать, что поощрительная премія, которая съ 1856 года выдавалась крестьянамъ, усыновляющимъ питомцевъ, имѣла на то свою долю вліянія. Но предполагать, чтобы въ значительной части случаевъ усыновленіе производилось только вслѣдствіе матеріальныхъ интересовъ, едвали было бы справедливо. Преміи выдаются не въ такомъ размѣрѣ, чтобы могли заставить крестьянина принять къ себѣ въ домъ питомца, если этотъ питомецъ ему не нуженъ, и не представляютъ достаточнаго вознагражденія за ту часть всего имущества усыновителя, которую сей послѣдній обязуется при самомъ усыновленіи выдѣлить усыновляемому питомцу наравнѣ съ своими родными дѣтьми. Побудительную причину, которая заставляетъ воспитателей желать причисленія находящихся у нихъ питомцевъ къ своимъ семействамъ, слѣдуетъ искать не въ корыстолюбивыхъ расчетахъ получить поощрительную и наградную преміи. Извѣстно, что большая часть первой, то есть поощрительной преміи, идетъ на покрытіе издержекъ по соглашенію міра принять въ свое общество усыновляемаго питомца и выдѣлить ему особый участокъ земли. Издержки эти производятся усыновителемъ изъ собственныхъ, нерѣдко скудныхъ средствъ, до полученія еще поощрительной преміи, которая выдается лишь по окончательномъ причисленіи усыновляемаго питомца къ сельскому сословію. Первая премія покрываетъ слѣдовательно только затрачиваемую усыновителемъ сумму—и ему отъ преміи этой нерѣдко не остается почти ничего. Поэтому поощрительная премія можетъ служить и служитъ на самомъ дѣлѣ пособіемъ, которое даетъ воспитателямъ возможность усыновлять воспитываемыхъ ими питомцевъ, безъ лишенія нѣкоторой части собственныхъ трудовыхъ денегъ; но ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить цѣлью усыновленія.

Чтоже касается до второй, то есть наградной преміи, то премія эта выдавалась усыновляющимъ крестьянамъ не прежде, какъ по достиженіи питомцами полнаго гражданскаго совершеннолѣтія, то есть 20-ти лѣтъ съ годомъ. Усыновленіе же питомцевъ въ большей части случаевъ производится въ весьма раннемъ возрастѣ. Едвали вѣрно будетъ предположеніе, чтобы крестьянинъ рѣшился принять въ свое семейство новаго члена единственно въ видахъ полученія за то черезъ 10—12 лѣтъ 30-ти рублей серебромъ, и притомъ лишь въ случаѣ, если усыновленный питомецъ чрезъ эти 10—12 лѣтъ останется въ живыхъ. Можно посему, кажется, безошибочно сказать, что вторая премія неимѣла никакого вліянія на побужденіе деревенскихъ воспитателей къ усыновленію.

Не одинъ разъ было замѣчено, что между питомцами и деревенскими ихъ воспитателями образуется та нравственная связь, та взаимная привязанность, вслѣдствіе которой питомецъ смотритъ на своихъ воспитателей какъ на отца и мать; родныя дѣти ихъ дѣлаются ему братьями и сестрами; воспитатели, съ своей стороны, привыкаютъ смотрѣть на своего питомца, какъ на родное дитя,—и отъ родныхъ дѣтей своихъ ничѣмъ его не отличаютъ. При возвращеніи питомцевъ родственникамъ, на основаніи существующихъ правилъ, разставанье питомца съ его воспитателями бываетъ часто самое печальное. Эта-то нравственная связь и заставляетъ крестьянина желать прикрѣпленія питомца къ своему семейству.

Усыновлять питомцевъ поэтому заставляетъ крестьянъ не поощрительная премія,—она служитъ имъ лишь подспорьемъ для приписки питомца къ семейству. Въ этихъ видахъ начальство Воспитательнаго Дома находило полезнымъ сохранить первую премію. Чтоже касается до преміи, которая выдавалась въ награду усыновителю, по достиженіи питомцемъ полнаго гражданскаго совершеннолѣтія—то премія эта, нисколько не содѣйствуя къ увеличенію числа случаевъ усыновленія, составляла лишь безполезный въ этомъ дѣлѣ расходъ, который представлялось весьма возможнымъ отмѣнить безъ ущерба устройству участи питомцевъ чрезъ причисленіе ихъ къ семействамъ ихъ воспитателей.

Усыновленные питомцы, вступая въ сословіе своихъ усыновителей, изъ вѣдомства Воспитательнаго Дома исключаются, а вмѣстѣ съ тѣмъ начальство Воспитательнаго Дома лишается всякой возможности за ними слѣдить. По званію сельскихъ обывателей, усыновленные питомцы не обязаны оставаться всегда безотлучно въ тѣхъ селеніяхъ и семьяхъ, къ которымъ принадлежатъ, подобно питомцамъ неусыновленнымъ; они нерѣдко отлучаются далеко отъ селеній, къ которымъ приписаны, для заработковъ—и надзиратели округовъ не могутъ удостовѣрять управленіе деревенскихъ питомцевъ, живъ-ли усыновленный питомецъ, за котораго усыновителю его производится плата или нѣтъ. Требовать же отъ усыновителя каждый разъ, при выдачѣ ему платы, удостовѣреніе вотчиннаго начальства въ томъ, что усыновленный имъ питомецъ живъ,—также было бы неудобно для самого усыновителя, потому что вводило бы его въ хлопоты и, можетъ быть, издержки, которыя иногда принесутъ хозяйству его ущербъ гораздо значительнѣйшій, чѣмъ самая плата, какую слѣдуетъ получить изъ Воспитательнаго Дома.

Начальство Воспитательнаго Дома находило посему возможнымъ прекратить выдачу платы за содержаніе усыновляемыхъ питомцевъ, не распространяя этого однако на тѣхъ питомцевъ, которые уже были усыновлены.

Московскій Опекунскій Совѣтъ призналъ такую мѣру полезною; Петербургскій же Совѣтъ, съ своей стороны, нашелъ возможнымъ прекратить выдачу не только платы за содержаніе усыновляемыхъ питомцевъ и наградной преміи, но даже и преміи поощрительной.

Мнѣнія обоихъ Совѣтовъ, С.Петербургскаго и Московскаго, въ маѣ текущаго года доведены были до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества,—и Государю Императору угодно было Высочайше повелѣть: не отмѣняя окончательно дѣйствующихъ правилъ объ усыновленіи питомцевъ, дозволить каждому изъ Опекунскихъ Совѣтовъ привести у себя въ дѣйствіе предполагаемую имъ мѣру, въ видѣ опыта, на 2 года, съ тѣмъ, чтобы по прошествіи сего срока обсудить, которая изъ нихъ наиболѣе достигла цѣли, и за тѣмъ уже приступить къ составленію новыхъ общихъ, для обоихъ Совѣтовъ, правилъ объ усыновленіи питомцевъ (*).

(*) Журналъ Моск. Опек. Совѣта, 30 мая 1863-го года.

III.

РАЗНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ.

О ПРИВИЛЕГІЯХЪ ВОСПИТАТЕЛЬНАГО ДОМА.

При учрежденіи Воспитательнаго Дома даны были ему различныя привилегіи, которыя должны были усилить средства его содержанія и возвысить самое учрежденіе.

Привилегіи эти исчислены въ 6-й главѣ 1-й части Плана, а именно:

„1) Какъ весь сей Домъ безпосредственно состоитъ въ Высочайшей Ея Императорскаго Величества протекціи, и содержанъ будетъ отъ доброхотныхъ подаяній, управляемъ Главнымъ Попечителемъ и Опекунами по собственному ихъ благоизобрѣтенію, и по ихъ совѣсти соотвѣтствующей той довѣренности, которая на нихъ полагается, не слѣдуя обыкновеннымъ приказнымъ обрядамъ; почему и никакому мѣсту не подчиненъ и отчету дать не долженъ: такъ всѣ вышнія и нижнія присудственныя мѣста во всемъ Государствѣ имѣютъ оному показывать всякое защищеніе и вспомоществованіе.“

„2) Весь оный Домъ со всѣми своими принадлежностьми свободенъ отъ всѣхъ Полицейскихъ должностей, какого бъ званія оныя ни были, и отъ всякаго постою, которою вольностію Главный Попечитель и настоящіе Опекуны въ собственныхъ своихъ домахъ или въ чьемъ домѣ жительство имѣть будутъ, пользоваться имѣютъ; однако сіе разумѣется только единственно о тѣхъ собственныхъ или наемныхъ домахъ, въ которыхъ сами живутъ, или хотя и въ отсутствіи, но доколѣ они въ тѣхъ должностяхъ находятся.“

„3) Въ случаѣ какого либо погрѣшенія, служители онаго Дома не должны судимы быть ни въ какомъ другомъ мѣстѣ; а есть ли куда и взяты будутъ, то присылать ихъ немедлѣнно въ оный Домъ, для разсмотрѣнія и надлежащаго штрафа, или для отсылки по тому въ учрежденныя присудственныя мѣста по важности дѣла.“

. . . . . .

„7) Есть ли у Воспитательнаго Дома съ кѣмъ либо какое судное дѣло случится, и о разныхъ касающихся по тому Дому дѣлахъ контракты заключать будетъ, то оный во всѣхъ приказахъ и судныхъ мѣстахъ имѣетъ пользоваться правомъ неимущихъ, то есть не платить никакихъ приказныхъ пошлинъ и прочаго.“

. . . . . .

„12) Дабы не имѣть приказныхъ хлопотъ Воспитательному Дому, дается право продавать всякія законноданныя ему отъ кого либо деревни, такожъ покупать и продавать домы, земли, мѣста, строенія и прочее.“

„13) Оному же дозволяется завести и содержать собственную Аптеку и Аптекаря, или привилегію ту другому отдавъ, и лѣкарства изъ оной не токмо для домовыхъ нуждъ употреблять, но и продавать въ народъ.“

„14) Такожъ дозволяется заводить при Воспитательномъ Домѣ всякія мастерства, рукодѣлія, фабрики и манифактуры, сколько для обученія и надобности надлежитъ, не требуя на то особливыхъ привилегій ни отъ какихъ мѣстъ.“

„15) На наличныя капитальныя деньги Воспитательному Дому дозволяется завести лоттерію

на основаніи иностранныхъ, съ крайнѣйшимъ наблюденіемъ ея кредита, получая отъ оной на содержаніе ея и въ прибавокъ себѣ осьмую часть."

„16) Отъ публичныхъ позорищъ, то есть комедій, оперъ, баловъ и всякихъ игралищъ за деньги, брать четвертую часть дохода въ Воспитательный Домъ."

„17) Воспитательному жъ Дому дозволяется имѣть печать казенную по апробованному образцу, и всѣ письма оною запечатанныя на всѣхъ почтахъ въ Россійскомъ Государствѣ имѣютъ принимаемы быть, какъ и изъ прочихъ Коллегій."

„18) Опекунскому Совѣту, для всякихъ нужнѣйшихъ по тому Дому потребъ имѣть нѣсколько человѣкъ Сержантовъ добрыхъ и постоянныхъ людей, которыхъ выбирать изъ отставныхъ заслуженныхъ полевыхъ полковъ, или изъ другихъ вольныхъ людей, и въ тотъ чинъ оныхъ производить, а для отмѣны на мундирахъ ихъ имѣть того Дома знакъ по разсужденію Главнаго Попечителя и Совѣта; по званію же ихъ во всѣхъ мѣстахъ чинить имъ почтеніе, и по требованіямъ по дѣламъ Воспитательнаго Дома самоскорѣйшее удовольствіе."

„19) Есть ли впредь для пользы и приращенія Воспитательнаго Дома, къ вышеизображеннымъ привилегіямъ потребно будетъ какое дополненіе, то Ея Императорское Величество всемилостивѣйше дозволяетъ Главному Попечителю и Совѣту всеподданнѣйше представлять о томъ собственно Ея Императорскому Величеству. Въ прочемъ есть ли они что сверхъ сего Плана, хотя и съ нѣкоторою отмѣною противъ онаго, токмо по обстоятельствамъ, къ очевидной пользѣ сего учрежденія изобрѣсти могутъ, то оное дозволяется ему съ согласія Опекунскаго Совѣта произвести въ дѣйство."

Разсматривавшіе Первую часть Плана кн. Шаховской, Панинъ и гр. Минихъ, въ докладѣ своемъ Императрицѣ испросили еще, чтобы „даруемое Воспитательному Дому право продавать свои деревни и покупать земли, мѣста, строенія, освободить отъ всѣхъ Государственныхъ пошлинъ, изъ чего не можетъ выйти злоупотребленій; ибо производство это будетъ не въ однихъ рукахъ, а у цѣлаго Правленія, то есть у Опекунскаго Совѣта."

Въ Именномъ указѣ, данномъ Сенату 1 сентября 1763 г., о обнародованіи тисненіемъ манифеста и Плана, повелѣно поднести къ Высочайшему подписанію жалованную грамоту на права и преимущества Воспитательнаго Дома, заготовя по государственной формѣ.

По поводу учрежденія при Воспитательномъ Домѣ Вдовьей, Ссудной и Сохранной Казны, Опекунскій Совѣтъ, для утвержденія довѣренности или кредита, испросилъ, въ Высочайше конфирмованномъ, 31 марта 1767 г., докладѣ своемъ, въ дополненіе данныхъ привилегій:

„1) Всѣ поручаемыя тому Дому отъ кого деньги Всемилостивѣйше исключить отъ конфискаціи, и сохранить ихъ въ надежной и совершенной безопасности для него самого, потомства его, или кому онъ добровольно завѣщаетъ."

„2) А дабы никто не уповалъ, что вышеписаннымъ для пользы Общества предписаніемъ защита быть можетъ хищникамъ; то въ пресѣченіе такого злоупотребленія, ежели кто чужія, ввѣренныя ему, или какимъ нибудь коварнымъ образомъ захваченныя деньги, называя своими, отдастъ въ сохраненіе, а по точному въ нихъ отъ какого судебнаго мѣста изобличенію, хозяинъ съ даннымъ при приемѣ денегъ билетомъ вынесетъ въ Опекунскій Совѣтъ свидѣтельство, что оныя ему принадлежатъ; то вкладчику и его наслѣдникамъ въ томъ никакого участія болѣе не имѣть: а по оставленіи изъ нихъ на Воспитательный Домъ двадцатой части, достальныя возвратить, кому по законамъ принадлежитъ (*)."

„3) Когда какимъ монетамъ хожденіе запрещено будетъ, или въ нихъ какая отмѣна послѣдуетъ; то Воспитательному Дому находящіяся у него въ наличности таковыя монеты вносить, для обмѣна безъ убытка на ходячія деньги, въ надлежащее мѣсто."

„4) Обстоятельства неминуемо требуютъ, при Воспитательномъ Домѣ, для разныхъ должно-

(*) Содержаніе сего пункта вошло въ ст. 1121-ю 1-й ч. XI Тома Св. Зак изд. 1842 г. со словъ устава Сохранныхъ Казенъ 2 октября 1838 года, но о вычетѣ въ пользу Восп. Дома 20-й части въ ст. 1121 ничего не упомянуто.

стей быть разнымъ чинамъ. И чтобъ должности свои исправно съ ревностію исполняли, а въ поощреніе имъ, поступая изъ одного въ другое званіе, почтеніе получать могли: Всемилостивѣйше не соизволено ль будетъ, опредѣляемымъ Опекунскимъ Совѣтомъ, смотря по достоинству, пользоваться почтеніемъ противъ государственнаго штата классами, доколѣ при дѣлахъ своихъ находиться будутъ, а именно:

Контролерамъ.	въ 8 классѣ
Экспедиторамъ	— 9 —
Надзирателямъ	— 10 —
Помощникамъ: Экономскимъ и Экспедиторскимъ.	въ 10 классѣ
Бухгалтерамъ	— 12 —
Регистраторамъ.	— 13 —
Актуаріусамъ и . . . . . Комисарамъ.	— 14 —

„Которые жъ должности свои ревностно и добропорядочно исправляли, а по законнымъ причинамъ или другимъ обстоятельствамъ, оныхъ далѣе продолжать не въ состояніи; таковымъ, по справедливому разсмотрѣнію, за хорошее ихъ поведеніе и поступки, по увольненіи, состоять навсегда въ вышеписанныхъ же достоинствахъ, на которыя свидѣтельства давать за подписаніемъ Совѣта и большею Печатью.“

Противъ этихъ пунктовъ сдѣланы Ея Величествомъ слѣдующія собственноручныя замѣчанія.

„1. Всѣ поручаемыя оному дому отъ кого деньги исключить отъ конфисканіи и сохранять ихъ въ надежной и совершенной безопасности для него самаго, потомство его, или кому онъ добровольно завѣщаетъ.“

„2. Опасно, что самое то, что сдѣлано къ выгодѣ, не служило къ утѣсненіе и не подало поводу къ оказаніи тысячи пороковъ.“

„3. Сей пунктъ изряденъ: только дѣйствительно четвертая часть велика; ибо двадцать пять за сто остается, и проценты болѣе шести почитается за *usure*.“

„4. „5. } говорить ничего.“

Упомянутыя дополнительныя привилегіи обнародованы указомъ Правительствующаго Сената, напечатаннымъ въ Москвѣ, въ Сенатской типографіи 12 апрѣля 1767 г; но приведенныя Высочайшія замѣчанія, при этомъ не были обнародованы (*).

22 іюля 1770 г. Высочайше утвержденъ докладъ графа Миниха о невзыскиваніи пошлинъ съ вывозимыхъ для Воспитательнаго Дома аптекарскихъ матеріаловъ.

„Докладъ: Въ прошломъ 1769 г. для Московскаго Воспитательнаго Дома выписаны были изъ за моря разные аптекарскіе матеріалы, съ которыхъ въ казну Вашего Императорскаго Величества С.Петербургской Портовой Таможнѣ принадлежитъ взять пошлинъ 491 р. 58 коп.“

„Сію пошлинную сумму помянутая Таможня требовала отъ Опекунскаго Совѣта, но Воспитательнаго Дома отъ Главнаго Попечителя, Тайнаго Дѣйствительнаго Совѣтника и Кавалера Бецкаго дано знать, что по силѣ конфирмованнаго Вашимъ Императорскимъ Величествомъ прошлаго 1763 г. Августа 26 дня, поднесеннаго отъ Тайныхъ Дѣйствительныхъ Совѣтниковъ: Князя Шаховскаго, Графа Никиты Ивановича Панина и отъ меня доклада, тѣхъ пошлинъ Воспитательному Дому платить не слѣдуетъ.“

„Въ оныхъ, докладѣ и въ планѣ, въ слѣдующихъ главахъ и пунктахъ напечатано: въ докладѣ въ 2 пунктѣ и планѣ Воспитательнаго Дома 6 гл. и 12 §: дается Воспитательному Дому право продавать всякія законно-данныя ему деревни, такожъ покупать и продавать земли, мѣста, строеніе и прочее. А какъ такое обращеніе имѣній употребляется единственно въ пользу благочестиваго дѣла, то весьма бъ было сходно съ христіанскою любовію Вашего Величества, еслибъ оное щедрою Монаршею рукою освобождено нашлось отъ всѣхъ Государственныхъ пошлинъ.“

„Той же главы въ § 7, если у Воспитательнаго Дома съ кѣмъ либо какое судное дѣло случится и о разныхъ касающихся по тому Дому дѣлахъ контракты заключать будетъ, то оный во всѣхъ Приказахъ и Судныхъ мѣстахъ имѣетъ пользоваться правомъ неимущихъ то, есть не платитъ никакихъ приказныхъ пошлинъ и проч.“

(*) Изъ дѣлъ Московской Дворцовой Конторы, сообщенныхъ М. П. Полуденскимъ въ выпискахъ.

„А какъ въ томъ уставѣ о Таможенныхъ пошлинахъ ничего не упомянуто, то Вашему Императорскому Величеству симъ всеподданнѣйше представить пріемлю смѣлость: повелите ль Ваше Величество съ помянутыхъ вывезенныхъ для Воспитательнаго Дома аптекарскихъ матеріаловъ пошлины 491 руб. 58 коп. требовать? Равнымъ образомъ и впредь вывозимыя для сего Дома вещи съ пошлиною ль отпускать или безъ пошлины прошу Вашего Императорскаго Величества указа."

„Резолюція:—„не взыскивать."

Поводомъ къ этому указу было слѣдующее обстоятельство: Опекунскій Совѣтъ, имѣя въ виду завести аптеку, въ 1768 г. прислалъ Бецкому реестръ медикаментовъ, которые нужно было выписать изъ за границы. 2 мая Бецкой обѣщалъ сдѣлать заказъ въ Амстердамѣ у г. Говія. 22 августа онъ увѣдомилъ Совѣтъ, что выписанные изъ Амстердама аптекарскіе матеріалы съ корабля приняты и будутъ отправлены въ Москву, а Говію онъ отошлетъ вексель. 23 декабря эти матеріалы отправлены въ Москву въ бочкахъ, ящикахъ и кипахъ, всего въ 41 мѣстѣ, по особому каталогу. 15 же мая 1769 г. Бецкой, сообщая, что Главная Канцелярія надъ таможенными сборами требуетъ, чтобы о привезенныхъ въ Домъ аптекарскихъ матеріалахъ, съ показаніемъ ихъ названій и количества о каждомъ сортѣ порознь, прислать въ Петербургскую Таможню извѣстіе или оригинальныя фактуры, для выкладки пошлинъ,—спрашивалъ, не согласится-ли Совѣтъ исполнить это требованіе.

Жалованная грамота доставлена была въ Воспитательный Домъ не прежде 1774 года.

11 октября 1770 года, первый разъ доложено (*) въ Сенатѣ о заготовленіи Московскому Воспитательному Дому жалованной грамоты. Приказано было доложить въ полномъ собраніи 1-го Департамента Сената, и согласно сему 1 ноября предложенъ былъ на апробацію его заготовленный формуляръ жалованой грамоты,—и опредѣлено: „помянутую Императорскому Воспитательному Дому грамоту написать такъ, чтобъ сверхъ находящихся въ конфирмованныхъ оному Дому учрежденіяхъ рѣчей никакихъ вновь въ оной прибавлено не было." Въ дѣлѣ противъ сего отмѣтка: „1 ноября остановленъ, потомъ рѣшилось 22 марта 1773 года."

Жалованная Грамота доставлена въ Московскій Опекунскій Совѣтъ, при письмѣ Бецкаго 21 мая 1774 г., такого содержанія: "Какова послѣдовала пожалованная отъ Ея Императорскаго Величества Всемилостивѣйшей Государыни Екатерины Вторыя грамота, въ удостовѣреніе непоколебимой твердости данныхъ правъ и преимуществъ основанному въ силу конфирмованнаго генеральнаго трехъ частей плана съ присоединеннымъ къ тому дополненіемъ Воспитательному Дому, при семъ Почтенному Совѣту въ оригиналѣ посылаю: не сумнѣваюсь же, что по приличеству достоинства оной и пристойная бережливость съ должною сохранностію къ соблюденію въ потомственные роды прилагаема будетъ."

Грамота озаглавлена полнымъ Императорскимъ титуломъ. Содержаніе ея слѣдующее:

„Всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ извѣстно, съ какимъ богоугоднымъ намѣреніемъ о умноженіи полезныхъ обществу жителей, восхотѣли Мы конфирмовать и учредить въ Москвѣ, какъ древней столицѣ Имперіи Нашей, поднесенные Намъ въ 1763-мъ, 1767 и 1772 годахъ три части генеральнаго плана Императорскаго воспитательнаго дома, для приносимыхъ несчастно рождающихся младенцовъ, съ госпиталемъ сирыхъ и неимущихъ родильницъ, со особливыми докладами, о заведеніи вдовьей ссудной и сохранной казны съ дополненіемъ."

„Какія-жъ сему дому всемилостивѣйше пожаловали Мы особливыя преимущества, основанныя на несумнительныхъ, непремѣнныхъ и непоколебимыхъ правахъ въ пользу всего общества и почитать оныя Нашимъ гражданскимъ узаконеніемъ, и что весь сей домъ и со всѣми отъ того зависящими мѣстами безпосредственно состоитъ подъ особливою Нашею всевысочайшею протекціею и покровительствомъ и содержанъ

(*) Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ директоромъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи Л. С. С. Петр. Ив. Ивановымъ.

будетъ отъ доброхотныхъ подаяній, управляемъ главнымъ попечителемъ и опекунами по собственному ихъ благоизобрѣтенію, и по ихъ совѣсти отвѣтствующей той довѣренности, которая отъ Насъ на нихъ полагается, не слѣдуя обыкновеннымъ приказнымъ обрядамъ, почему и ни какому мѣсту не подчиненъ и отчету дать не долженъ, и что всѣ вышнія и нижнія присутственныя мѣста во всемъ государствѣ имѣютъ оному показывать всякое защищеніе и вспомоществованіе, о томъ обо всѣмъ повелѣли Мы Сенату во всемъ Нашемъ государствѣ тисненіемъ обнародовать, что тогдажъ исполненіемъ и совершено."

„А какъ въ семъ домѣ заведеніе съ должностію христіанскою сравняемо, и есть дѣло Божіе и поставленое Нами учрежденіе узаконено; то нынѣ Мы еще наиторжественнѣйше всѣ конфирмованныя и тисненіемъ обнародованныя права и преимущества сею жалованною Нашею грамотою во всей ихъ силѣ безъ изъятія отъ слова до слова на будущія времена и на вѣки утверждаемъ."

„Того ради Мы Наше Императорское Величество симъ по самодержавной Нашей власти всемилостивѣйше жалуя, опредѣляемъ всему тому быть государственнымъ учрежденіемъ, и повелѣваемъ всемъ мѣстамъ правленія Нашей Имперіи онаго воспитательнаго Дома вышеписанные конфирмованные отъ Насъ права и преимущества принимать и почитать нашимъ гражданскимъ узаконеніемъ, и во всѣхъ потребныхъ и до нихъ касающихся случаяхъ дѣла отправлять и производить не токмо въ силу оныхъ, но есть ли впредь для пользы и приращенія онаго дому къ изображеннымъ привилегіямъ потребно будетъ какое дополненіе, всемилостивѣйше дозволяемъ главному Попечителю и Совѣту всеподданнѣйше представлять Намъ."

„Яко же Мы, симъ же и силою сей Нашей жалованной оному дому грамоты утверждаемъ и за себя и за Нашихъ преемниковъ Россійской Императорской Короны обнадеживаемъ, что сіе богоугодное и благочестивое общее государственное учрежденіе будетъ твердо и не нарушимо на вѣки подъ особливымъ Монаршимъ покровительствомъ и призрѣніемъ. Напротивъ того надѣемся, что прямые дѣти отечества Наши подданные, послѣдуя евангельской любви къ ближнему, гражданскому обязательству къ общей пользѣ, и Нашему собственному съ любезнымъ Нашимъ сыномъ и наслѣдникомъ примѣру, каждый по возможности своей потщится снабдѣвать боголюбивымъ подаяніемъ, какъ на строеніе сего дома, такъ и на содержаніе сего общаго добродѣтельнаго дѣла, дабы и самыя уже ближнія Наши потомки къ славѣ Нашего вѣка могли пользоваться изъ того дѣйствительными плодами. Во утвержденіе чего Мы сіе Нашею рукою подписали и государственную Нашу печать приложить повелѣли."

„Дано въ Санктъ Петербургѣ отъ Рождества Христова тысяща седмь сотъ семьдесятъ четвертаго года апрѣля двадесятъ седьмаго дня государствованія Нашего въ двѣнадцатое лѣто"

На подлинной собственною Ея Императорскаго Величества рукою начертано:

„Екатерина."

Контрасигнировано:

„Вицеканцлеръ К. Александръ Голицынъ."

На оборотѣ отмѣтка:

„Въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ запечатана 30 апрѣля 1774 года."

Грамота написана на пергаментѣ; слова, относящіяся до Высочайшей Особы, начертаны золотыми литерами; весь текстъ занимаетъ 5 страницъ. Къ грамотѣ привѣшена большая государственная печать въ металической вызолоченной коробкѣ.

Изъ сообщенія С. Петербургскаго Опекунскаго Совѣта, 29 апрѣля 1774 г., видно, что профессору Академіи Художествъ Гаврилѣ Козлову выдано за *исправленную* привилегію Воспитательнаго Дома 391 р. 33 к., въ томъ числѣ за живопись, пергаментъ и за золото—150 р., за письмо словописцу — 25 р., золотошвею Молнеру—130 р., г. Моргену за ковчегъ съ позолотою для печати—23 руб.

Опекунскій Совѣтъ, получивъ грамоту, 10 іюня 1774 г. положилъ: хранить ее съ подобающею честію, а на другой день партикулярно писалъ къ Бецкому, испрашивая согласія его на принесеніе Ея Величеству письменно, отъ лица всего Опекунскаго Совѣта, бла-

годарности за дарованную Воспитательному Дому отъ Ея Величества грамоту на права и преимущества онаго.

Печать Императорскаго Воспитательнаго Дома изображаетъ двуглаваго Россійской Имперіи орла, который въ посу держитъ девизъ Дома, то есть, „*и вы живи будете*", а на груди въ щитахъ, вмѣсто московскаго герба имѣетъ сидящую *Вѣру*, питающую сосцами своими двухъ младенцевъ (изд. Бецкаго 1774 г. т. I. стр. 16 дополненія). При письмѣ, 18 декабря 1767г., Бецкой прислалъ въ Совѣтъ большую стальную печать, за которую заплатилъ мастеру Муріелю 80 р.

Еще древнѣйшее извѣстіе, относящееся къ 1766 г., что въ печати Воспитательнаго Дома въ серединѣ двуглаваго орла находился Высочайшій вензель ℰ.

Гербомъ же Воспит. Дома считается изображеніе птицы (пеликана), кормящей своею грудью птенцовъ, съ надписью: *себя не жалѣя, питаетъ птенцовъ*. Этимъ гербомъ клеймились и клеймятся карты, также билеты прежней Сохранной Казны и контрамарки въ пріемѣ дѣтей; онъ же употребляется на пуговицахъ служащихъ.

Какъ разъясненіе привилегій Воспит. Дома, состоялся указъ Сената 4 октября 1793 г., о ходатайствѣ по дѣламъ Воспитательнаго Дома. Указъ этотъ сообщенъ Московскому Опекунскому Совѣту Петербургскимъ—16 марта 1794 г., при копіи съ письма графа Миниха, къ которому копія съ указа доставлена была генералъ прокуроромъ Самойловымъ.

Изъ Сенатскаго опредѣленія видно слѣдующее: „Московскій Опекунскій Совѣтъ имѣетъ спорное дѣло о взысканіи съ вдовы Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Прокофія Акинфіевича Демидова Татьяны Васильевой – 47.201 р. 49 к; оно производилось сначала въ Московскомъ Уѣздномъ Судѣ, но по неудовольствію на рѣшеніе онаго со стороны Совѣта отослано въ Верхній Земскій Судъ, въ которомъ и по нынѣ находится безъ разсмотрѣнія, потому что не подано апелляціоннаго прошенія, а какъ срокъ сего прошенія наступилъ 1-го Сентября, то Совѣтъ, не имѣя предписанія въ учрежденіи Воспитательнаго Дома подавать отъ имени своего апелляціонныхъ прошеній, за долгое до сроку время просилъ неоднократно Московское Губернское Правленіе, дабы препоручено было подать оное Казенныхъ дѣлъ Стряпчему, но Правленіе отзывалось, что оно не имѣетъ въ должности своей наряжать казеннаго стряпчаго, а прошеніе долженъ подать повѣренный отъ Совѣта. Но какъ по Манифесту 1-го Сентября 1763 г. Воспитательный Домъ есть Государственное узаконеніе, и по оному всѣ присутственныя мѣста должны оказывать Воспитательному Дому вспомоществованіе, то Графъ Минихъ письмомъ къ Генералъ-Прокурору просилъ о подтвержденіи Казенныхъ дѣлъ Стряпчимъ, дабы они, какъ по сему дѣлу съ Демидовымъ, такъ и по предъ будущимъ Воспитательнаго Дома дѣламъ имѣли не упустительное хожденіе. —Приказали: какъ изъ Учрежденія о Губерніяхъ 27 гл. 406 и 408 стт. по 3,4 и 5 отдѣленіямъ о должности Стряпчихъ по казеннымъ дѣламъ, Манифеста 1-го сентября 1763 г. и 1-й части Генеральнаго Плана гл. 6 п. 1-го, 7-го и 12, такъ и изъ всѣхъ частей явствуетъ, что Воспитательный Домъ и всѣ до него касающіяся дѣла суть не частный, а какъ казенный интересъ, касающійся прямо должности Казенныхъ дѣлъ Стряпчаго, а по Учрежд. о Губерніяхъ 2 ч. Гл. 29 ст. 429 отд. 6, они могутъ быть ходатаями по дѣламъ Приказа Общественнаго Призрѣнія, слѣдовательно отзывъ Московскаго Губернскаго Правленія Высочайшимъ узаконеніямъ не соотвѣтствуетъ, и для того тому Правленію предписать, дабы оно въ сходственность требованія Опекунскаго Совѣта вышеозначенное спорное дѣло поручило въ искъ Казенныхъ дѣлъ Стряпчему на такомъ точно основаніи и такимъ точно порядкомъ, какъ о томъ въ указахъ Сената 1792 г. декабря 31-го о подачѣ отъ нихъ апелляціонныхъ прошеній въ казенныхъ искахъ предписано, что самое и по предбудущимъ таковымъ Воспитательнаго Дома дѣламъ да послужитъ неупустительнымъ правиломъ, со стороны же Опекунскаго Совѣта сіи Стряпчіе по поручаемымъ имъ дѣламъ должны быть снабжены всѣми надлежащими и достаточ-

ными документами, о чемъ и послать указы и вѣдѣніе, куда слѣдуетъ, съ тѣмъ, что если и кромѣ Москвы и С. Петербурга подобныя дѣла случатся, то Опекунскій Совѣтъ уже прямо отъ тѣхъ Начальствъ, гдѣ оныя случатся, требовать можетъ исполненія съ прописаніемъ сего Сенатскаго опредѣленія."

26 октября 1798 г. послѣдовалъ Именной указъ Сенату о производствѣ не на гербовой, а на простой бумагѣ всѣхъ дѣлъ по Опекунскимъ Совѣтамъ, такъ какъ они не суть мѣста судебныя, а единственно учреждены для пользы общественной.

12 апрѣля 1820 г. Императрица Марія Ѳеодоровна Московскому Опекунскому Совѣту повелѣла: „По поводу новаго тарифа Императоръ Любезнѣйшій Сынъ Мой утвердить изволилъ дарованную Воспитательному Дому привилегію выписывать для своихъ потребностей товары безъ платежа пошлинъ, данными 10 сего мѣсяца Министру Финансовъ указами". По сему поводу упомянуто было, что сія привилегія дана Императрицею Екатериной II-й на докладъ графа Миниха, 1770 г. 22 іюля, и подтверждена Государемъ Императоромъ 24 іюля 1801 года.

5 мая 1826 года Именной указъ Сенату, объ освобожденіи принадлежащихъ почетнымъ опекунамъ домовъ, въ коихъ они сами жительствуютъ, за исключеніемъ отдаваемыхъ въ наемъ, отъ всякихъ городскихъ повинностей, по силѣ дарованной Воспит. Дому привилегіи.

Привилегіи Воспитательнаго Дома весьма строго охранялись главнымъ его начальствомъ. Приводимъ примѣры.

3 сентября 1773 г. Бецкой писалъ въ Московскій Опекунскій Совѣтъ: „Услыша, что отъ Юстицъ-Коллегіи учинена была присылка, состоящая изъ полицейской команды въ домъ принадлежащій Воспит. Дому, въ коемъ жилъ Г. Демидовъ и есть ли точно такое послѣдствіе могло случится, то неиначе оное почитатся должно какъ настоящимъ нарушеніемъ пожалованныхъ отъ Ея Величества Воспитательному Дому привилегій, и буде оное въ самомъ дѣлѣ такъ произошло, то какое Опекунскій Совѣтъ къ соблюденію своихъ правъ въ ненарушимости имѣть долженъ стараніе; и сколько не наблюденіе того отнюдь терпимо быть не должно, довольно явственно видѣть можно изъ генеральнаго плана, почему и надѣюсь, что во уваженіе того неумѣдлитъ о всѣхъ оныхъ обстоятельствахъ съ изъясненіемъ въ самой принадлежности того дома, какъ считается быть состоящимъ подъ Воспит. Домомъ, надлежащее сдѣлать ко мнѣ представленіе, со внесеніемъ такожде имѣющихся какъ въ генеральномъ планѣ такъ и изъ прочихъ мѣстъ приличествующихъ къ тому правъ, сверхъ же того о домѣ томъ, въ которой къ Г. Демидову та посылка была, почему какъ оной принадлежитъ Воспит. Дому, такъ Полиція была ли о томъ предуведумлена, прислать съ того дѣла исправную копію, почему бъ какъ точность того дѣйствія видима быть могла, и къ надлежащему изслѣдованію удобнѣе приступъ возымѣть, и нужное къ соблюденію нерушимости оныхъ привилегій ходатайство употребить возможно было, съ прошеніемъ удовольственнаго, потому отъ Ея Величества покровительства и защищенія."

Дѣло дошло до сношенія съ генералъ прокуроромъ. Князь Вяземскій писалъ къ Бецкому 8 февраля 1774 года: „По Высочайшему Ея Императорскаго Величества повелѣнію, производится въ Юстицъ-Коллегіи дѣло о битьѣ Секретаря Скорнякова въ домѣ Статскаго Сов. Прокофія Демидова, а нынѣ той Коллегіи Г. Прокуроръ Васильчиковъ рапортомъ отъ 27 января доноситъ, что къ тому слѣдствію требована была Демидова дѣвка Татьяна, находящаяся при Воспитательномъ Домѣ, но посланное туда сообщеніе возвращено съ тѣмъ, что по учрежденію Генеральнаго плана Воспитательнаго Дома таковое требованіе должно быть чрезъ меня; почему и прошу покорно Ваше Превосходительство предложить Опекунскому Совѣту, дабы та дѣвка немедленно въ Юстицъ-Коллегію отослана была; посредствомъ чего и дѣло начатое по Высочайшему Ея Императорскаго Величества повелѣнію къ скорѣйшему окончанію приведено будетъ."

Бецкой 18 февраля отвѣчалъ ему: „когдабъ Юстицъ-Коллегія по извѣстности ей законовъ, слѣдовательно и самыхъ данныхъ Императорскому Московскому Воспит. Дому при-

вилегій усмотрѣла въ генеральномъ планѣ въ 1-й части въ гл. 6-й § 3-мъ слѣдующее предписаніе: въ случаѣ какого либо погрѣшенія, служители онаго Дома не должны судимы быть ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, а ежели куда и взяты будутъ, то присылать ихъ немедленно въ оный Домъ, для разсмотрѣнія и надлежащаго штрафа, или для отсылки потому въ учрежденныя присудственныя мѣста, по важности дѣла, тобъ всходствіе того, есть-либъ сообщила чрезъ оный Воспитательный Домъ запросныя пункты, касающіяся до изъясненія требуемаго дѣла, то бъ конечно отъ того и имѣть къ свѣдѣнію своему надлежащій отвѣтъ могла и потому бъ не было причины не дѣльнымъ рапортомъ Ваше Сіятельство утруждать."

Подобный случай повторился въ 1781 году; въ октябрѣ того года Бецкой обратился къ главному начальнику Москвы князю Василію Михайловичу Долгорукому Крымскому, какъ къ почетному благотворителю Воспитательнаго Дома.

Въ этомъ письмѣ Бецкой поставляетъ на видъ князя, „какое никѣмъ и ни отъ кого не дѣланное оскорбительное нарушеніе правъ и преимуществъ Воспит. Дома, въ противность Всемилостивѣйше утвержденныхъ Плановъ учинено отъ Московскаго Банка единственно по причинѣ того, что ему показались сомнительными двѣ ассигнаціи изъ числа ветхихъ, присланныхъ Совѣтомъ для перемѣны на новыя: по этому сомнѣнію присланный съ ними сержантъ, нимало невиновный, безъ увѣдомленія Совѣта, отосланъ былъ въ Губернскую Канцелярію, съ такою строгостію, что тамъ содержанъ былъ цѣлыя сутки подъ карауломъ, между колодниками, чего безъ основанія, по одному сомнѣнію, ни съ кѣмъ нельзя было сдѣлать, безъ нарушенія правъ гражданскихъ, и тѣмъ менѣе съ тѣмъ, кто присланъ отъ Воспит. Дома." Хотя же Банкъ въ оправданіе свое и толковалъ привилегію Воспит. Дома такъ, что „отсылка служителей въ Домъ, буде окажутся виновными, относится къ тому случаю, когда это касается ихъ собственныхъ проступковъ," но такое толкованіе признано Бецкимъ „дерзновеннымъ и не сходнымъ съ благоразуміемъ." Поэтому онъ просилъ князя „довести Банкъ сдѣлать удовлетвореніе Воспит. Дому, дабы онъ въ противномъ случаѣ не былъ принужденъ принять другія мѣры."

Вообще Бецкой, при всякомъ случаѣ, защищалъ данныя Воспитательному Дому привилегіи, касательно независимости его отъ общей гражданской и полицейской власти.

Такъ онъ не соглашался на устройство зданія театра внутри владѣній Воспитательнаго Дома, потому что, во время дѣйствія, должна бы быть присылаема полицейская команда, а это бы оскорбило привилегію Воспитательнаго Дома.

Но, охраняя привилегіи Дома, Бецкой строго наблюдалъ, чтобы Опекунскій Совѣтъ не переступалъ ихъ предѣлы. Услышавъ, что многіе изъ разночинцевъ принимаются по Дому въ сержанты и выпускаются съ этими чинами, чѣмъ обижаются служащіе въ полкахъ, онъ писалъ 31 августа 1766 г., что хотя этому и не вѣритъ, зная, что Совѣту положено только ради нужнѣйшихъ потребъ ихъ имѣть, однако просилъ прислать свѣдѣніе, сколько съ начала заведенія такихъ людей принято. Получивъ это свѣдѣніе, онъ нашелъ, что бывшія разглашенія не имѣли основанія (18 сент. 1766 г.). Упомянемъ кстати, что Бецкой одѣвалъ сержантовъ нарядно: на сержантскіе мундиры требовалось сукно зеленое по 2 р., на камзолы и штаны алое по 2 р. 30 к., на прикладъ стамедъ алый, позументъ золотой (8 арш. вѣсомъ $18^{3}/_{8}$ золот.), на шляпы поярковыя черныя позументъ золотой.

Въ письмѣ, 25 мая 1781 года, Бецкой объясняетъ свое разномысліе съ Московскимъ Опекунскимъ Совѣтомъ, который произвелъ бухгалтера Шульца въ чинъ титулярнаго совѣтника. Вмѣстѣ съ С. Петербургскимъ Совѣтомъ онъ находилъ, что Совѣтъ имѣетъ право производить за службу въ классы, соотвѣтствующіе должностямъ, но не давать чины; а поправить ошибку Совѣта предлагалъ тѣмъ, чтобы сказать, что бухгалтеръ Шульцъ произведенъ въ классъ, соотвѣтствующій чину титулярнаго совѣтника.

Бецкой отклонялъ тѣ домогательства Совѣта, которыя казались ему неумѣренными. Хотя Домъ

имѣлъ право требовать для караула военную команду; но по военнымъ обстоятельствамъ число ея иногда уменьшалось. По этому поводу, 16 декабря 1768 г. Бецкой совѣтуетъ просить начальника Москвы графа Петра Семеновича Салтыкова, чтобы приказалъ оставить хотя нѣсколько человѣкъ въ необходимо нужныхъ мѣстахъ, прибавляя, что къ испрошенію Высочайшаго повелѣнія о командированіи изъ московскаго гарнизона приступить нынѣ нѣтъ возможности, и потому согласился на наборъ отставныхъ солдатъ, но съ соблюденіемъ при наймѣ ихъ экономіи.

Воспитательный Домъ, освобожденный, при заключеніи своихъ контрактовъ, отъ пошлинъ, хотѣлъ брать эти пошлины съ подрядчиковъ въ свою пользу. Противъ такого домогательства Бецкой писалъ, 29 декабря 1765 г., чтобы съ заключаемыхъ въ Экспедиціи Строенія контрактовъ Дому пошлинъ не брать, тѣмъ болѣе, что ихъ будутъ вычитать въ пользу Дома же, это будетъ напрасное затрудненіе, которое поведетъ только къ тому, что подрядчики станутъ возвышать цѣны.

Любопытно письмо Бецкаго, 17 іюля 1778 г. Изъ письма Московскаго Опекунскаго Совѣта въ С.Петербургскій, отъ 22 іюня, онъ увидѣлъ, что посланный, 12-го числа, Совѣтомъ на его имя пакетъ былъ распечатанъ и задержанъ Ямскою Конторою, по подозрѣнію въ немъ партикулярныхъ писемъ, по какому случаю Совѣтъ и объяснился по пристойности съ Конторою; но какъ тоже самое письмо, отправленное на нѣмецкой почтѣ, также было распечатано въ Москвѣ, то этотъ случай даетъ ему поводъ думать, не было-ли дѣйствительной причины къ распечатанію пересылкою постороннихъ писемъ. Въ этихъ мысляхъ Бецкой отнесся къ Алексѣю Логиновичу Щербатову и къ директору Петербургскаго Нѣмецкаго Почтамта Эку съ приличными объясненіями, на что ему было обѣщано въ тѣ мѣста отписать, а его обнадежили, что уже впредь таковыхъ послѣдствій не будетъ. Впрочемъ Бецкой, увидѣвшись съ ними, хотѣлъ еще лично переговорить. Съ своей стороны онъ не надѣется, чтобы могли вкладываться въ совѣтскіе пакеты письма постороннихъ людей или о дѣлахъ, до Воспитательнаго Дома не касающихся, поэтому приказываетъ истребовать изъ Ямской Конторы вынутыя изъ пакета письма.

Императрица Марія Ѳеодоровна, какъ главная начальница Воспитательныхъ Домовъ, также охраняла права ихъ.

6 августа 1803 года Ея Величество указала Московскому Опекунскому Совѣту „что Московская Управа Благочинія, требующая отъ Воспитательнаго Дома свѣдѣнія о числѣ обоего пола воспитанниковъ, находящихся въ его вѣдомствѣ, не имѣетъ права ожидать отъ него подобныхъ свѣдѣній, такъ какъ Воспитательный Домъ, въ силу пожалованныхъ ему привилегій, пользуется преимуществомъ непосредственнаго сношенія съ Императоромъ, и только Его Величеству подаетъ отчетъ о числѣ дѣтей и своемъ состояніи.“

Но 18 апрѣля 1821 года Высочайше повелѣно Совѣту „удовлетворить требованіе Канцеляріи московскаго военнаго генералъ-губернатора, касательно доставленія свѣдѣній о всѣхъ присутствующихъ и служащихъ въ Совѣтѣ и подвѣдомственныхъ ему заведеніяхъ чиновниковъ, съ означеніемъ должности каждаго, равно и о числѣ воспитанниковъ, съ показаніемъ вкратцѣ преподаваемыхъ имъ наукъ и ремеслъ, для помѣщенія сего въ Указателѣ Москвы, объяснивъ, что сіи свѣдѣнія сообщаются съ соизволенія Ея Величества.“

Въ 1823 г., также съ Высочайшаго разрѣшенія, дозволено было секретарю Общества Испытателей Природы Делаво, по порученію московскаго военнаго генералъ-губернатора, „сдѣлать подробное описаніе заведеніямъ, состоящимъ въ покровительствѣ Ея Величества, съ тѣмъ, чтобы составленное имъ описаніе предварительно представлено было Ея Величеству, такъ какъ онъ не можетъ знать всѣхъ подробностей сихъ учрежденій.“

Впослѣдствіи Воспитательный Домъ сдѣлался снисходительнѣе въ доставленіи постороннимъ вѣдомствамъ свѣдѣній о своихъ дѣлахъ. Такъ, 5 декабря 1829 года, по кончинѣ уже Императрицы, Московскій Опекунскій Совѣтъ разрѣшилъ доставить статистическія свѣдѣнія приставу мясницкой части.

Въ управленіе Императрицы Маріи Ѳеодоровны былъ особенно яркій случай подтвержденія привилегій Воспитательнаго Дома.

Изъ повелѣнія Московскому Опекунскому Совѣту, 6 сентября 1826 г., видно, что Ея Величество, „получивъ донесеніе Князя Голицына, съ прискорбіемъ видѣла изъ онаго поступокъ Московской Полиціи съ чиновникомъ, служащимъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ и живущимъ въ Воспитательномъ Домѣ, безъ предварительнаго сношенія съ Главнымъ Надзирателемъ, которое должно бы по крайней мѣрѣ быть личное, чтобы вмѣстѣ приступить къ арестованію сего чиновника. Со стороны Оберъ-Полиціймейстера и Полиціймейстера, исполнившаго полученное приказаніе, не могло тутъ дѣйствовать ни что иное, кромѣ недоразумѣнія, но какъ оно заключаетъ въ себѣ явное нарушеніе привилегій Воспитательнаго Дома, которыя всѣ управлявшіе дѣлами онаго обязывались клятвенно сохранять ненарушимо, каковую клятву произнесла и Ея Величество въ душѣ Своей, когда приняла начальство надъ Домами, то Ея Величество долгомъ Себѣ поставила довести о семъ обстоятельствѣ до свѣдѣнія Государя Императора и Его Величество изъявить изволилъ совершенное неодобреніе поступка Московской Полиціи, явно нарушающаго привилегіи Воспитательнаго Дома, о чемъ и воспослѣдуетъ отъ Его Величества кому слѣдуетъ замѣчаніе. Сей отвѣтъ Его Величества хранить въ дѣлахъ Опекунскаго Совѣта, какъ доказательство огражденія правъ и привилегій Воспитательнаго Дома.“

Такъ какъ по привилегіи Воспитательнаго Дома городская полиція не имѣетъ права входа въ него безъ приглашенія, то на случай пожаровъ, когда содѣйствіе полиціи необходимо Дому, установились слѣдующія правила: 1.) 17 декабря 1828 года постановлено Совѣтомъ, по предложенію московскаго оберъ-полиціймейстера, чтобы въ случаѣ сженія въ Воспитательномъ Домѣ алебастра или выжиганія трубъ давать знать въ мясницкую часть, дабы пожарныя команды отъ невѣдѣнія сего не дѣлали напрасной тревоги. 2.) По случаю пожара, бывшаго въ С.Петербургскомъ Воспитательномъ Домѣ, при чемъ замѣчена была со стороны полиціи сего Дома медленность въ извѣщеніи о томъ городской полиціи, Высочайше утверждены, 24 января 1830 года, правила на случай пожара въ учрежденіяхъ Императрицы Маріи. По силѣ сихъ правилъ, градская полиція должна быть извѣщена безъ замедленія, коль скоро замѣчено будетъ въ какой либо части Дома отъ неизвѣстной причины смрадъ, запахъ погорѣлаго или дымъ, хотя признаковъ пожара и не было бы. Главный надзиратель, получа о семъ донесеніе, немедленно увѣдомляетъ оберъ-полиціймейстера краткою запискою, съ означеніемъ часа ея посылки. 3.) 4 апрѣля 1832 г., по предложенію оберъ-полиціймейстера, положено Опекунскимъ Совѣтомъ, посылать таковую записку и въ ближайшую часть, для немедленнаго прибытія пожарной команды.

По кончинѣ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, Императоръ Николай I, указомъ отъ 26 октября 1828 года, принялъ Воспитательные Домы подъ непосредственное и особенное Свое покровительство, и повелѣлъ представлять на Свое усмотрѣніе всѣ дѣла, кои восходили на разрѣшеніе Императрицы Маріи Ѳеодоровны; указомъ же 6 декабря, по завѣщанію Своей Августѣйшей Матери, велѣлъ Воспитательнымъ Домамъ въ столицахъ состоять подъ покровительствомъ Супруги Своей — Императрицы Александры Ѳеодоровны.

20 декабря 1828 года исполнители завѣщанія Императрицы Маріи Ѳеодоровны: — Великій Князь Михаилъ Павловичъ, министръ Императорскаго Двора Князь Волконскій, дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Александръ Голицынъ, тайный совѣтникъ Григорій Вилламовъ и тайный совѣтникъ Николай Новосильцевъ, — препроводили въ Московскій Опекунскій Совѣтъ, по Высочайшему повелѣнію Его Императорскаго Величества, выписку изъ завѣщанія Императрицы статьи 20-й на французскомъ языкѣ. Инспекторъ надъ классами при Воспитательномъ Домѣ статскій совѣтникъ Юлій Ульрихсъ перевелъ эту статью на русскій языкъ въ слѣдующемъ видѣ:

„§ 20. Я благодарю всѣхъ тѣхъ особъ, которые состояли подъ Моимъ начальствомъ, какъ въ С.Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ,

за то усердіе и благонамѣренность, кои Я находила въ нихъ. Да вспоминаютъ они всегда то, что Я весьма часто имъ повторяла: что мы не инымъ чѣмъ должны быть одушевлены, какъ только желаніемъ исполнять наши обязанности во всѣхъ отношеніяхъ, соблюдая съ точнѣйшею справедливостію тотъ опредѣленный и неизмѣнный ходъ, который предписанъ Нашими установленіями, бдительно сохраняя Привиллегіи Дома, и соединяя всѣ наши попеченія, о томъ, чтобы сохранять младенчество, чтобы снова возбуждать, сколько возможно, материнское чувство, чтобы поспѣшать на помощь ко вдовѣ и сиротѣ, чтобы облегчать страждущую бѣдность;—и тогда только совершаемъ мы истинную благотворительность, которой высокій примѣръ преподалъ Господь нашъ,—и тогда только усвоиваемъ мы себѣ тѣ правила, на коихъ основано сіе заведеніе: *Домъ основанъ на благодѣяніи*; и тогда ни какой трудъ не будетъ для насъ тягостенъ, ниже покажется для насъ унизительнымъ."

Подлинная выписка изъ завѣщанія и переводъ съ нея слушаны Опекунскимъ Совѣтомъ, 28 января 1829 г., и вложены въ ковчегъ, въ коемъ хранится жалованная грамота Дома.

Въ 1841 году Московскій Опекунскій Совѣтъ имѣлъ случай исполнить волю покойной Государыни, въ охраненіе привилегій Дома. Московскій оберъ-полиціймейстеръ, замѣтивъ, что мясницкій частный приставъ, при полученіи требованій отъ начальства по дѣламъ лицъ, служащихъ или живущихъ въ Воспитательномъ Домѣ, передаетъ таковыя требованія и предписанія вмѣстѣ съ дѣлами прямо къ полиціймейстеру Дома и потомъ на вопросы о медленности въ исполненіи дѣлъ отзывается, что не возвращены дѣла отъ полиціймейстера Дома,—и имѣя въ виду, что за всѣ упущенія и промедленія полиція подвергается отвѣтственности по закону, для огражденія полиціи и чтобы она не могла отзываться неполученіемъ отвѣта отъ Воспитательнаго Дома, онъ полагаетъ предписать мясницкому частному приставу, чтобы онъ, при исполненіи получаемыхъ имъ требованій, касающихся до лицъ, живущихъ или служащихъ въ Воспитательномъ Домѣ, по собственнымъ ихъ дѣламъ, не предавая таковыхъ полиціймейстеру того Дома, требовалъ исполненія на основаніи общихъ правилъ, какъ по дѣламъ относящимся до прочихъ обывателей, во ввѣренной ему части живущихъ, и хотя онъ, оберъ-полиціймейстеръ, руководствуется въ семъ случаѣ общими правилами и тою необходимостію, въ которую поставлена полиція, однако, не приводя своего предположенія въ исполненіе, счелъ долгомъ увѣдомить Совѣтъ, не встрѣтится-ли съ его стороны къ тому какого либо препятствія. По сему запросу Московскій Опекунскій Совѣтъ, 18 августа, постановилъ слѣдующее заключеніе: „Основываясь на Высочайшемъ рескриптѣ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, на имя Князя С. М. Голицына 6 сентября 1826 года послѣдовавшемъ, Московскому Оберъ-Полиціймейстеру съ прописаніемъ справки сообщить, что Опекунскій Совѣтъ на предположеніе его, чтобы касающіяся до живущихъ и служащихъ въ Воспитательномъ Домѣ и подвѣдомственныхъ Совѣту заведеніяхъ разнородныя по разнымъ предметамъ дѣла, не передаваясь Начальству заведеній, исполнялись прямо Полицейскими чиновниками, согласиться не можетъ, ибо подобная мѣра была бы совершенно противна Высочайшему рескрипту, который хранится въ Совѣтѣ, какъ доказательство огражденія правъ и привилегій Воспитательнаго Дома. А дабы въ исполненіяхъ по требованію Московской Полиціи со стороны Экспедиціи о воспитанникахъ обоего пола не было медленности, предписать той Экспедиціи, дабы она по означеннымъ требованіямъ не укоснительно дѣлала исполненія; буде же по какимъ либо обстоятельствамъ исполненіе долго замедлится, то о томъ предварительно увѣдомляла кого слѣдуетъ; о каковомъ распоряженіи присовокупить и Московскому Оберъ-Полиціймейстеру."

5 ноября 1860 года, по кончинѣ Императрицы Александры Ѳеодоровны, Высочайшимъ рескриптомъ Государя Императора Государынѣ Императрицѣ Маріи Александровнѣ, Ея Величеству поручены всѣ учрежденія Императрицы Маріи.

Этотъ рескриптъ слѣдующаго содержанія:

„Ваше Императорское Величество,“

„Почившая въ Бозѣ Августѣйшая Родительница Наша, во время неоднократныхъ недуговъ Своихъ, постоянно ввѣряла попеченію Вашего Императорскаго Величества многочисленныя, одинаково близкія, какъ Вашему, такъ и Ея сердцу, учрежденія Императрицы Маріи.“

„Нынѣ, проводивъ Тѣло Незабвенной Матери Нашей до послѣдняго жилища, Мы желаемъ, чтобы оплакивающія Ее воспитательныя и благотворительныя заведенія, 32 года процвѣтавшія подъ кроткимъ и мудрымъ Ея попечительствомъ, не оставались долѣе безъ Покровительницы, и для сего поручаемъ ихъ Вашему Величеству со всѣми правами, принадлежавшими Блаженной памяти Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.“

„Мы твердо увѣрены, что непосредственное Ваше покровительство будетъ для означенныхъ учрежденій надежнѣйшимъ залогомъ къ дальнѣйшему ихъ преуспѣянію на пользу Россіи, и что въ попеченіи о постоянно возрастающей семьѣ воспитывающихся и призрѣваемыхъ, Вы найдете новую пищу для христіанской Вашей дѣятельности и высшую для материнскаго сердца отраду. Любезнѣйшая же Родительница Наша, изъ горней Обители, благословитъ заботы Вашего Величества о заведеніяхъ, кои Она столь много и нѣжно любила.“

Изложеніе о привилегіяхъ Воспитательнаго Дома не можемъ не пополнить позднѣйшимъ фактомъ. Управляющій Департаментомъ Внѣшней Торговли, въ отношеніи отъ 10 февраля 1862 г. за № 2355, сообщилъ Московскому Опекунскому Совѣту о Высочайшемъ утвержденіи, 6 января 1862 года, постановленія Комитета Финансовъ, который, разсмотрѣвъ представленіе бывшаго министра финансовъ, согласно съ его мнѣніемъ, постановилъ: „не допускать никакихъ изъятій въ пользу разныхъ мѣстъ и лицъ, въ отношеніи безпошлиннаго пропуска выписываемыхъ ими изъ за границы предметовъ, о чемъ объявить всѣмъ вѣдомствамъ.“

Важнѣйшею изъ всѣхъ привилегій была, конечно та, которая Высочайше утверждена 20 ноября 1772 года. Это учрежденіе Вдовьей, Ссудной и Сохранной Казны, начертанное Бецкимъ и составившее дополненіе къ 3-мъ частямъ Генеральнаго Плана Воспитательнаго Дома. Банковыя операціи Воспитательнаго Дома доставили ему впослѣдствіи огромныя прибыли. Этотъ доходъ не только обезпечивалъ содержаніе Дома, но и далъ средства къ расширенію всего вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи; изъ него же преимущественно образовались собственные капиталы многихъ заведеній этого вѣдомства и самого Воспитательнаго Дома. При отчисленіи упомянутыхъ кредитныхъ учрежденій въ вѣдомство министерства финансовъ, то есть, къ 1-му января 1861 года, этотъ послѣдній капиталъ составлялъ свыше 16 милл. рублей. Но историческое изложеніе развитія кредитныхъ установленій Воспитательнаго Дома можетъ быть предметомъ цѣлаго особаго сочиненія, въ которомъ необходимо было бы обозрѣть отношенія Сохранныхъ Казенъ къ другимъ государственнымъ или общественнымъ кредитнымъ учрежденіямъ Россійской Имперіи. Начальство Московскаго Воспитательнаго Дома не сочло своею задачею писать ко дню юбилея этого заведенія финансовые трактаты. Собирая къ этому празднику историческіе матеріалы, оно особенно имѣло въ виду извлечь изъ забвенія такіе, которые съ теченіемъ времени могли бы совершенно утратиться или сгруппировать тѣ, которые и нынѣ имѣютъ ближайшую связь съ прямою цѣлію заведенія. Ограничиваемся здѣсь изложеніемъ только тѣхъ привилегій, которыя испрошены были во всеподданнѣйшемъ докладѣ Комисіи, разсматривавшей „исполнительное учрежденіе Вдовьей, Ссудной и Сохранной Казны,“ въ дополненіе къ сему учрежденію, какъ недостатокъ онаго, по ея мнѣнію. Эти дополнительныя привилегіи заключаютъ въ себѣ слѣдующіе 7 пунктовъ.

„1) Чтобъ корпусъ Опекунскаго Совѣта, для общенароднаго уваженія, при всѣхъ государственныхъ церемоніальныхъ случаяхъ, на всегда мѣсто имѣлъ въ равенствѣ съ государственными Коллегіями.“

„2) Какъ Опекуны произвольно вступать имѣютъ самимъ дѣломъ въ сіе званіе, основанное на полномъ удостовѣреніи о ихъ честности, къ чему они и обязываются строгою присягою

для управленія ввѣренныхъ имъ дѣлъ по Дому Воспитательному: то не соизволите ли Ваше Императорское Величество, въ уваженіе столь отличнаго ихъ усердія къ пользѣ каждаго гражданина, всемилостивѣйше пожаловать въ награжденіе имъ право особенное слѣдующее, а именно: всѣмъ Опекунамъ Воспитательнаго Дома по дѣламъ своимъ внѣ онаго случающимся, ежели какое либо отъ кого случится притѣсненіе или нанесена будетъ обида, или какое либо иное наступательное гоненіе, и онъ въ надлежащемъ мѣстѣ удовольствія себѣ не получитъ, или получить надежды не имѣетъ: то прямо и безпосредственно дозволяется ему имѣть прибѣжище съ своею жалобою письменно или словесно къ Освященной Особѣ Монаршей, такъ какъ Члену мѣста состоящаго подъ единственною Монаршею защитою. Но сіе отличное право до тѣхъ только поръ Опекунъ имѣть можетъ, пока онъ членъ Опекунскаго Совѣта пребудетъ."

„3) Какъ сіе мѣсто есть благотворительное Обществу, то уповательно, что изъ человѣколюбія и христіанской добродѣтели къ сему богоугодному дѣлу, не отрекутся по письменнымъ требованіямъ, изъ знатнѣйшихъ особъ, принять на себя при Воспитательномъ Домѣ наименованіе *почетныхъ благотворителей*, и они бы по приглашенію отъ Совѣта, имѣли засѣданіе съ Опекунами, въ полезныхъ и нужныхъ Дому сему надобностяхъ. Они, какъ патріоты почтенные знатными достоинствами въ Государствѣ, охранять будутъ отъ всякаго вреднаго прикосновенія, твердость и непоколебимость сихъ Учрежденій, и по случающимся иногда нуждамъ, пользу Воспитательному Дому приносящимъ, а касающимся до рѣшенія Сенатскаго, Синодскаго или другихъ нижнихъ Правительствъ, одинъ изъ нихъ право и долгъ всегдабъ имѣлъ, по согласію Главнаго Попечителя съ Совѣтомъ, въ томъ или другомъ дѣлѣ, принявъ на себя имя Ходатая, у мѣста, въ которомъ дѣло производится, стараться съ домогательствомъ о рѣшеніи окончательномъ, поелику Правосудіе сходствующее съ Законами, допустить можетъ, получить скорорѣшимую пользу для Дома Воспитательнаго. Изъ нихъ яко извѣстныхъ уже хранителей всего утвержденнаго Постановленія, избираемъ быть можетъ заблаговременно балотированіемъ въ Главные Попечители преемникомъ, дабы таковый по своему желанію и усердію, извѣстенъ былъ для немедленнаго вступленія въ сіе достоинство, какъ скоро оное мѣсто сдѣлается упалымъ, или за какою либо неспособностію, настоящій Главный Попечитель отъ онаго откажется."

„4) Дабы Сенатъ и Синодъ нужды не имѣли насылать, въ Воспитательный Домъ указовъ, то Генералъ-Прокуроръ изъ Сената а Оберъ-Прокуроръ изъ Синода сообщать имѣютъ Главному Попечителю при партикулярныхъ своихъ письмахъ опредѣленія Сенатскія или Синодскія, о дѣлахъ касающихся иногда до Воспитательнаго Дома."

„5) Изъ единственнаго ко вдовамъ и сиротамъ христіанскаго милосердія, да и для безопасности въ сохраненіи ввѣряемаго отъ Общества имѣнія, чтобъ по вдовьей и сохранной казнамъ о выдаваемыхъ въ приращеніе капиталахъ, навсегда въ случающихся нечаянныхъ приключеніяхъ, Воспитательный Домъ первенствующее имѣлъ право въ платежѣ и полученіи возвратно раздаваемаго имѣнія, передъ всякими казенными и партикулярными по обязательствамъ долгами."

„6) Чтобъ о закладываемомъ въ Воспитательный Домъ недвижимомъ имѣніи, Каморъ, Вотчинная и Юстицъ-Коллегіи, или ихъ и Банковая Канторы, (какъ гдѣ случится по способности,) точно справками утверждали въ Воспитательный Домъ: 1. Подлинность количества душъ, 2. Собственное ли то имѣніе закладчиково? 3. Не заложено ли гдѣ и не состоитъ ли въ поручительствѣ? и 4. Не спорное ли какое или запрещенное? А за таковымъ письменнымъ увѣдомленіемъ Воспитательный Домъ предохранитъ себя отъ опасности, потерять отдаваемый капиталъ на закладъ; почему надежда и вѣрность въ соблюденіи того приумножится. Хотя же таковыя крѣпости совершаться будутъ въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ и нынѣ совершаются, почему и нужда бы не настояла оныя увѣдомлять; однакожъ Воспитательный Домъ долженъ каждый мѣсяцъ сообщать въ Вотчинную Коллегію о

вступающихъ, вышедшихъ и просроченныхъ закладныхъ недвижимыхъ имѣніяхъ. Впрочемъ хотя въ привилегіи Воспитательнаго Дома въ 12 пунктѣ и дается право оному, продавать всякія законно данныя ему отъ кого-либо деревни, но просроченныя долженствуетъ Домъ сей или отдавать на выкупъ, или, ежели законныхъ выкупщиковъ не случится, продавать неотмѣнно, безъ потери своего капитала и принадлежащаго къ оному интереса. Напослѣдокъ."

„7) Какъ сіе Учрежденіе вдовьей, ссудной и сохранной Казны, Главнымъ Попечителемъ Тайнымъ Дѣйствительнымъ Совѣтникомъ Бецкимъ, по свойству нуждъ и обстоятельствъ Россійскихъ подданныхъ Вашего Величества изобрѣтено, и во многихъ Сочинитель отмѣнное распоряженіе сдѣлалъ противу таковыхъ же Учрежденій находящихся въ иностранныхъ Государствахъ, и уповательно дѣйствіе исполнительное съ надеждою на него возложено быть можетъ; въ теченіи же времени и опытовъ, не востребуетъ ли иногда нужда что либо отмѣнить, исправить и пополнить съ единственной высочайшей воли Вашего Величества: то не соизволите ли, Всемилостивѣйшая Государыня, изъ особливой къ нему довѣренности, оставить ему одному, пока онъ Главнаго Попечителя достоинство на себѣ имѣетъ, власть сію особенно, которой будущіе по немъ Главные Попечители безъ общаго Совѣта Опекуновъ, по силѣ Привилегіи, имѣть уже не должны; и чтобъ всѣ отъ него Тайнаго Дѣйствительнаго Совѣтника Бецкаго данныя Инструкціи и Наставленія частныя, въ слѣдствіе сихъ Учрежденій, силу таковую же непоколебимости имѣли, каковая сему Учрежденію дозволяется, а по немъ никакая бы власть безъ особливой воли Монаршей отмѣнить того не могла."

Въ прошедшемъ же столѣтіи Воспитательный Домъ пріобрѣлъ еще одну немаловажную привилегію,—доходъ съ клейменія игральныхъ картъ. Объ этомъ предметѣ, какъ менѣе извѣстномъ, слѣдуетъ особая записка, въ которой заключаются разныя по этому предмету свѣдѣнія до передачи карточной операціи въ вѣдомство С.Петербургскаго Опекунскаго Совѣта.

О карточной привилегіи Воспитательнаго Дома.

21-го декабря 1765 года состоялся указъ Правительствующаго Сената по Высочайше утвержденному докладу учрежденной при Дворѣ Ея Величества Коммисіи о комерціи. „При сочиненіи новаго тарифа Коммисія усмотрѣла изъ таможенныхъ вѣдомостей, что каждый годъ привозится въ Россію картъ для игры изъ чужихъ государствъ на сумму отъ 15 до 18 т. рублей, почему хотя и не малая съ оныхъ собирается въ казну пошлина; однакожъ Коммисія думаетъ, что въ разсужденіи столь много употребляемаго, единственно для забавы и препровожденія времени, товара, можно свободно употреблять оный домашнихъ фабрикъ. Того ради, не соизволитъ ли Ея Императорское Величество повелѣть, иностранныя карты, въ новомъ тарифѣ, столь высокою обложить пошлиною, чтобы привозъ оныхъ самъ собою вовсе пресѣкся, къ чему Коммисія разсуждаетъ за довольно, вмѣсто нынѣшнихъ 78½ копѣекъ пошлинъ, наложить на дюжину по 2 рубли, сіе подастъ поводъ ко умноженію въ государствѣ своихъ карточныхъ фабрикъ и къ исправленію доброты ихъ противу иностранныхъ. А для награжденія могущаго отъ того со временемъ послѣдовать ущерба таможенныхъ доходовъ, наложить на каждую игру картъ, здѣшнихъ и привозныхъ, по гривнѣ на клеймо, повелѣвъ сдѣлать Сенату такое учрежденіе, чтобы по прошествіи нѣкотораго срока, никому не было дозволено играть незаклейменными картами; клеймо же класть на одной которой нибудь картѣ во всякой игрѣ, и потомъ дозволять оныя продавать оптомъ и въ раздробъ всѣмъ по прежнему. И какъ картъ привозится въ Россію до 13 т. дюжинъ и въ Россіи домашнихъ дѣлается до 10 т. дюжинъ, то сбора за клеймо съ оныхъ можетъ быть, въ разсужденіи сего количества, болѣе 37 т. р., оный можетъ быть употребленъ на такое дѣло, на какое благоугодно явится Ея Величеству. На томъ докладѣ сего же Декабря въ 7 день подписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако: на привозныя карты по гривнѣ, а на наши по 5 копѣекъ на игру, которыя деньги отпускать въ Воспитательный Домъ;

а въ прочемъ быть по сему.“ Во исполненіе сего Сенатомъ указано „велѣть Коммерцъ-и Мануфактуръ-Коллегіямъ сдѣлать общее въ дѣлѣ семъ неукоснительное распоряженіе, чтобъ съ 1-го мая 1766 года исполненіе Высочайшаго указа дѣйствительно бъ начало свое приняло, и какъ о семъ, такъ и для клейменія вывозимыхъ и здѣшнихъ картъ, сдѣлавъ же со изображеніемъ государственнаго герба штемпели, какіе по приличности слѣдуютъ, представить въ Сенатъ.“ По собраніи для сего новаго учрежденія потребныхъ свѣдѣній, указомъ Сената, 7-го августа 1766 года, объявленнымъ во всенародное извѣстіе, приказано:

„1) Оный денежной съ картъ сборъ начать отъ публикованія сего указа чрезъ три мѣсяца.“

„2) Находящіяся внутри Государства и распроданныя уже иностранныя карты, такъ равномѣрно и вышедшія въ народъ съ здѣшнихъ фабрикъ еще до изданія сего указа, позволяется употреблять отнынѣ впредь 6 мѣсяцовъ на прежнемъ основаніи и безъ клейма, дабы закупившіе оныя, симъ новымъ учрежденіемъ отягощены не были; а по минованіи сего времени, незаклейменныхъ картъ отнюдь не употреблять.“

„3) По прошествіи же назначеннаго къ начатію сего сбора трехъ-мѣсячнаго времени, всѣ карты, оставшіяся на лицо за продажею у купцовъ въ лавкахъ и домахъ, какъ привезенныя изъ чужихъ государствъ, такъ и сдѣланныя на здѣшнихъ фабрикахъ, тотчасъ переклеймить, и положенныя съ нихъ за клеймо деньги, съ иностранныхъ по 10, а съ Россійскихъ по 5 копѣекъ съ каждой игры взять, и впредь оныя клеймить, и положенныя за то деньги сбирать въ Москвѣ въ Мануфактуръ-Коллегіи, а въ Санктпетербургѣ въ Мануфактуръ-Конторѣ; и для того клейменія сдѣлать Коммерцъ-Коллегіи по апробованнымъ Сенатомъ рисункамъ, штемпели, для Россійскихъ представляющій Сирену, а для иностранныхъ удный крючекъ подъ радугою, и по сдѣланіи, розослать оныя той Коллегіи для клейменія, куда надлежитъ, немедленно. А если кто по прошествіи положеннаго трехъмѣсячнаго срока дерзнетъ неклейменыя карты продавать, или по истеченіи шестимѣсячнаго таковыми играть: то взыскивать съ таковыхъ безъ всякаго упущенія въ сумму Воспитательнаго Дома за каждую игру по 50 копѣекъ. Клейма же во всякой картъ игрѣ класть на червонномъ тузѣ красною краскою такою-жъ, какая бываетъ на картахъ.“

„4) Вывозимыя впредь изъ чужихъ государствъ карты клеймить; и съ нихъ вышеписанной положенной сборъ сбирать въ трехъ только мѣстахъ, а именно: въ Санктпетербургѣ, въ городѣ Архангельскомъ и въ Ригѣ, куда и пристойное число штемпелей отправить; почему и карты изъ чужихъ краевъ ввозить въ Россію позволить только чрезъ оные три порта, сдѣлавъ въ привозѣ оныхъ чрезъ другіе порты и пограничныя Таможни запрещеніе; и сей новоустановленный пошлинный съ картъ сборъ поручить Таможнѣ, а клейменіе и взятье за клеймо денегъ Губернскимъ Канцеляріямъ; чего ради изъ Таможенъ по взятьѣ въ оныхъ съ привозныхъ картъ пошлинъ, не отдавая тѣхъ картъ купцамъ, отсылать ихъ къ клейменію въ Санктпетербургъ въ Мануфактуръ-Контору, а въ городѣ Архангельскомъ и въ Ригѣ въ Губернскія Канцеляріи“.

„5) Положенныя за клеймо картъ и взыскиваемыя съ тѣхъ, кто будетъ послѣ предписанныхъ сроковъ въ неклейменыя играть, деньги, по силѣ означеннаго Именнаго Ея Императорскаго Величества указа, отсылать въ Воспитательный Домъ.“

„6) Хотя Сенатъ и не надѣется, чтобъ кто похотѣлъ по прошествіи назначеннаго срока, употребляя неклейменныя карты, обращать положенной съ клеймовъ сборъ въ собственную свою корысть, и лишать тѣмъ бѣдныхъ сиротъ опредѣленнаго на воспитаніе ихъ изъ матерьняго Ея Императорскаго Величества милосердія дохода, почему на таковой случай особаго штрафа, кромѣ вышеписаннаго, и не полагаетъ, оставляя сіе каждому на собственную его честь и совѣсть; однако приличившіеся въ томъ, сверхъ сопряженнаго съ таковымъ преступленіемъ стыда, не избѣгнутъ и подлежащаго по законамъ штрафованія, какъ превратители сиротскаго дохода въ собственную свою корысть.“

„7) А чтобъ съ вышеписаннаго срока никто

неклейменыхъ картъ продавать не дерзалъ, то за купцами и фабрикантами имѣть тѣмъ мѣстамъ, гдѣ кто изъ нихъ въ вѣдомствѣ состоитъ, прилежное смотрѣніе; если же кто объявитъ о купленныхъ послѣ того времени отъ кого именно неклейменыхъ картахъ, тому изъ положенныхъ за то штрафныхъ денегъ отдавать въ награжденіе половину."

1-го мая 1766 года Бецкой, препровождая въ Московскій Опекунскій Совѣтъ сенатскій указъ, писалъ: „что какъ онымъ указомъ положено опредѣлить къ клейменію въ Москвѣ и С. Петербургѣ при Мануфактуръ-Коллегіи и ея Конторѣ особыхъ офицеровъ и прочихъ либо отъ Воспитательнаго Дома или поручить это состоящимъ при клейменіи гербовой бумаги, то опредѣленіе о семъ должно учинить Коллегіи обще съ Опекунами." Мануфактуръ-Коллегія находилась въ то время въ Москвѣ, въ Нѣмецкой слободѣ въ сенатскомъ домѣ.

Въ подлинныхъ дѣлахъ конца прошедшаго столѣтія, именно въ бумагахъ Коммисіи 1796 года для разсмотрѣнія происшествій по Воспитательнымъ Домамъ усматривается, что отъ клейменія картъ Воспитательный Домъ получилъ изъ Мануфактуръ-Коллегіи дохода:

Въ 1767 году. . .	2.282 р.	40 к.
— 1768 — . . .	2.941 —	87¾ к.
— 1769 — . . .	3.947 —	47¾ к.

Еще 30 сентября 1768 г. Московскій Опекунскій Совѣтъ просилъ Мануфактуръ-Коллегію, чтобы она предоставила клейменіе картъ Воспитательному Дому; и въ тоже время, представляя Бецкому, что клейменіе при Коллегіи происходитъ съ большимъ упущеніемъ, спрашивалъ его, нельзя-ли клеймить ихъ при Воспитательномъ Домѣ; а 5 января 1769 г. представлено было Бецкому, что за клейменіе картъ въ 1768 году Воспитательный Домъ ни откуда денегъ не получилъ, а слѣдовало получить изъ С. Петербурга 3247 руб. 47¾, а въ Москвѣ до 750 руб.—Убѣдясь изъ счетовъ, представленныхъ содержателями въ Москвѣ карточныхъ фабрикъ, что въ Москвѣ играютъ большею частію неклейменными картами, число коихъ часъ отъ часу умножается, противъ чего полиція мѣръ не принимала,—Опекунскій Совѣтъ вторично представилъ Бецкому объ испрошеніи, чтобъ клейменіе ихъ было при Воспитательномъ Домѣ, а не при Мануфактуръ-Коллегіи.

Бецкой, желая устроить клейменіе выгоднѣйшимъ образомъ, представлялъ объ этомъ въ Сенатъ, но послѣдній далъ указъ не въ пользу Дома. Бецкой полагалъ войти къ Ея Императорскому Величеству со всеподданнѣйшимъ докладомъ и съ этою цѣлію въ августѣ 1769 г. требовалъ свѣдѣнія, сколько съ начала наложенія на карты пошлинъ поступило ихъ въ Домъ, а 6-го ноября, возвращая въ Совѣтъ объявленіе карточныхъ фабрикантовъ, просилъ „развѣдать всѣ подробности, отъ чего происходятъ такія противности, а съ Членами Мануфактуръ-Коллегіи переговорить, какимъ бы образомъ ихъ отвратить можно было; собравъ же свѣдѣнія обо всѣхъ обстоятельствахъ, его увѣдомить, дабы можно было приступить къ дальнѣйшему дѣйствію надлежащимъ порядкомъ."

Настоянія Московскаго Опекунскаго Совѣта большаго однако успѣха не имѣли. Мануфактуръ-Коллегія, 30 апрѣля 1770 г., приглашала Членовъ Опекунскаго Совѣта прибыть на общую конференцію „о предоставленіи клейменія картъ при Воспитательномъ Домѣ"; тѣмъ не менѣе послѣдовавшимъ того года указомъ Сената, какъ видно изъ письма Бецкаго въ Совѣтъ 1770 г. 17 октября, клейменіе картъ оставлено при Мануфактуръ-Коллегіи; возвышена только пошлина на привозныя карты и подтверждено о томъ, чтобы клейменными картами не торговали.

Въ томъ же году Сенатъ (*), утверждая представленіе Главной надъ таможенными сборами Канцеляріи, 30 сентября и 11 октября указалъ: „1, чтобъ конфискованныя карты въ С. Петербургской пограничной таможнѣ 1767 дюж., коихъ съ платежемъ за клейменіе положенныхъ на Воспитательный Домъ по 10 коп. съ игры никто не покупаетъ, а поимщиковъ безъ награжденія оставить не можно, половину отдать въ пользу Воспитательнаго Дома, а дру-

(*) Изъ свѣдѣній, отысканныхъ дѣйств. ст. сов. Ивановымъ въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи.

тую въ награжденіе поимщикамъ, не требуя таможенной пошлины, и 2) привезенныя къ Петербургскому порту ошибкою на голландскомъ кораблѣ 2364 игры, которыя хозяева оставляютъ за слѣдующую таможнѣ пошлину отдать въ пользу Воспитательнаго Дома, не требуя таможенной пошлины."

Доходъ съ клейменія картъ уменьшился. Мануфактуръ-Коллегія доставила его въ Воспитательный Домъ:

въ 1770 г.	17 р.	87	к.
„ 1771 г.	1582 „	10	„
„ 1773 г.	568 „	95	„

а въ 1772 г. вовсе ничего не присылала.

Это побудило Воспит. Домъ учредить свою собственную карточную фабрику. Бецкой въ ноябрѣ 1774 г. къ генералъ-прокурору князю Александру Алексѣевичу Вяземскому, который былъ и почетнымъ благотворителемъ Дома, писалъ, между прочимъ: Хотя и сдѣланы Сенатомъ строгія предписанія о неимѣніи неклейменныхъ картъ, однако нашлись „превратители сиротскаго дохода въ собственную свою корысть," ибо оный столь годъ отъ году умаляется, что даже по извѣстному употребленію въ Россіи картъ сборъ съ нихъ можетъ почитаться невѣроятнымъ; приписывая это подлогамъ, Опекунскій Совѣтъ проситъ Сенатъ о подтвержденіи непремѣннаго исполненія указовъ, и представляетъ его вниманію слѣдующее: 1. Воспитательный Домъ, заведя по своей привилегіи карточныя фабрики въ С.Петербургѣ и Москвѣ, проситъ, чтобы карты, кромѣ Москвы и Петербурга, дѣлать нигдѣ не дозволять, а какъ можно удовольствовать всю Имперію картами, только въ столицахъ дѣлаемыми, привозъ иностранныхъ картъ отмѣнить. 2. Кромѣ клейма на червонномъ тузѣ клеймить и винновую краль, по образцу, отпечатывая для нихъ листъ при Воспитат. Домѣ, такъ чтобы частные фабриканты винновыхъ краль и тузовъ червонныхъ не отпечатывали, а доставляли бы доски для нихъ въ Домъ, гдѣ и печатали бы, платя пошлину. При семъ всѣ испорченные листы принимаетъ Воспитательный Домъ на себя." 3. Для картъ, прежде клейменныхъ, опредѣлить срокъ для переклейменія ихъ вновь. 4. О сихъ распоряженіяхъ произвести надлежащія публикаціи. 5. Открывателямъ злоупотребленій Домъ обѣщаетъ не только половину изъ конфискованныхъ картъ, не дожидаясь продажи, но изъ штрафныхъ часть будетъ выдана тотчасъ же изъ Воспитат. Дома, кромѣ еще особаго награжденія отъ Опекунскаго Совѣта. 6. О подтвержденіи вообще всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, чтобы способствовали Воспитат. Дому въ семъ „преимуществѣ."

По сему письму предложено было Сенату генералъ-прокуроромъ, что Бецкой „прислалъ къ нему сдѣланные при Воспитательномъ Домѣ съ новымъ клеймомъ карты, и по причинѣ, чтобы тѣ, кои уже надѣланы, отъ долгаго лежанія не могли повредиться, требуетъ увѣдомленія, можно ли оныя въ продажу выпустить съ припечатаніемъ о томъ и въ вѣдомостяхъ." Сенатъ такъ и разрѣшилъ, о чемъ князь Вяземской увѣдомилъ Бецкаго 3-го декабря 1774 года.

Во всемъ этомъ пользы было мало: доходъ Дома отъ клейменія картъ составлялъ:

Въ 1774 г. . . .	1047 р.	56	к.
„ 1775 г. . . .	605 „	50	„
„ 1776 г. . . .	601 „	60	„
„ 1777 г. . . .	250	—	—
„ 1779 г. . . .	200	—	—

а въ 1778 г. доходу не было.

Опекунскій Совѣтъ продолжалъ ходатайствовать, чтобы клеймо было предоставлено Воспитательному Дому. Въ письмѣ, отъ 16 іюня 1775 г., Бецкой говоритъ, что „содержатели карточныхъ фабрикъ, не страшась Указа Ея Величества, продаютъ карты безъ всякаго заклейменія."

Наконецъ по Именному указу Сенату, 22 ноября 1779 г., упразднена Мануфактуръ-Коллегія и С.Петербургская ея Контора; клейменіе же картъ, какъ доходъ установленный въ пользу Воспит. Дома, отдано въ полное распоряженіе Дома. Объ этомъ указъ Сената состоялся, 13 января 1780 года, и Московскій Опекунскій Совѣтъ тогда же сдѣлалъ такую публикацію:

„Клейменіе будетъ производиться въ Опекунскомъ Совѣтѣ слѣдующимъ образомъ:

„1) Вмѣсто прежнихъ клеймъ Мануфактуръ-

Коллегіи, по присылкѣ изъ оной уже уничтоженныхъ, отнынѣ учреждено клеймо Воспитательнаго Дома, означающее птицу съ подписью вокругъ: *„себя не жалѣя питаетъ птенцовъ.“*

„2) Для назначенія предѣла картамъ съ прежнимъ клеймомъ, всѣ имѣющіяся на фабрикахъ или лавкахъ здѣшнія или вывозныя карты въ теченіи 2-хъ мѣсяцевъ объявить въ Совѣтъ, для наложенія на нихъ новаго клейма безъ пошлины..“

„3) Съ незаклейменныхъ до нынѣ картъ, по наложеніи клейма на червонномъ тузѣ взято будетъ по публикаціи 7 Августа 1766 г. съ каждой игры русскихъ картъ по 5 коп., а съ иностранныхъ по 10 к.“

„4) Вмѣсто бывшей за открытіе неклейменныхъ картъ награды половины изъ штрафныхъ денегъ, назначается впредь награда не только половина изъ конфискованныхъ картъ, не дожидаясь продажи, но и половина изъ штрафа, какой положится; всякій работникъ фабрики или посторонній, если онъ достовѣрно докажетъ на мастеровъ или за кѣмъ усмотритъ поддѣлываніе штемпелей или поддѣлываніе ими, получитъ награжденіе 50 р. и имя его будетъ скрыто.“

„5) Послѣ двухъ-мѣсячнаго срока карты съ прежнимъ клеймомъ, какъ фальшивыя, будутъ конфискованы.“

„6) Хотя Воспитательный Домъ и не надѣется, чтобы кто захотѣлъ послѣ назначеннаго срока употреблять неклейменныя карты или подложныя на нихъ клейма въ собственную корысть, лишая бѣдныхъ сиротъ столь маловажной прибыли, но съ провинившихся въ томъ будетъ поступлено по всей строгости законовъ.“

Доходъ съ клейменія картъ не тотчасъ увеличился. Поступило его:

Въ 1780 году.	. . .	1794 р. 49 к.
— 1781 —	. . .	2477 — 80 к.
— 1782 —	. . .	3794 — 76 к.

Опекунскій Совѣтъ рѣшился ввести бандероли, и 7 марта 1782 г. объявилъ:

„Какъ со времени Указа 22-го ноября 1779 г. по нынѣ оказалось не малое число такихъ преступниковъ, кои производили торгъ неклейменными картами, то въ отвращеніе впредь подобныхъ преступленій и наносимаго тѣмъ убытка Дому, Опекунскій Совѣтъ изобрѣлъ новое средство, по заклейменіи тузовъ обвертывать каждую игру и полдюжину игръ бандеролемъ или лентою, на которой поставленъ *эрбъ* Ея Императорскаго Величества съ надписью вокругъ, посему всѣмъ фабрикантамъ и купцамъ объявляется, дабы всѣ представили карты, не исключая и прежнихъ для полученія бандеролей безъ платы, срокомъ по 1-е Апрѣля, съ тѣмъ, что если послѣ сего у кого окажутся карты не переклейменныя, съ тѣмъ поступлено будетъ по всей строгости законовъ.“

Эта мѣра имѣла свое дѣйствіе: доходъ увеличился.

Въ 1783 г.	получено:	6129 р. 32 к.
— 1784 —	—	7593 — 50 к.
— 1785 —	—	9163 — 45 к.
— 1786 —	—	8298 — 30 к.
— 1787 —	—	9625 — 40 к.
— 1788 —	—	8194 — 85 к.
— 1789 —	—	7515 — 80 к.

Пониженіе дохода въ два послѣдніе года побудило Опекунскій Совѣтъ вновь просить полицію о дѣятельнѣйшемъ наблюденіи за карточными фабрикантами и установить новые бандероли.

Съ первою цѣлію Совѣтъ отнесся къ почетному благотворителю Дома князю Александру Михайловичу Голицыну, 27-го ноября 1789 г. Препроводивъ къ нему выписку о доходѣ съ клейменія картъ въ разные годы, доставлявшемся прежде изъ Мануфактуръ-Коллегіи, а потомъ получавшемся прямо самимъ Совѣтомъ, по передачѣ въ него клейма, Опекунскій Совѣтъ указывалъ на возвышеніе дохода отъ клейменія, приписывая это дѣятельности бывшаго оберъ-полиціймейстера, а потомъ губернатора въ Москвѣ Николая Петровича Архарова, приказавшаго частнымъ приставамъ „дабы они съ являющимися отъ Совѣта немедленно шли на фабрику ли или къ торгующему картами и по-

могали бы; нынѣшній же годъ,—писалъ Совѣтъ,—увеличенія дохода нѣтъ, хотя по пространству города и умноженію фабрикъ надо было бы его ожидать, изъ чего заключить должно, что вырабатываемыхъ на фабрикахъ картъ всѣхъ клеймить въ Совѣтъ не приносятъ, а употребляютъ подъ фальшивымъ клеймомъ въ продажу," почему Опекунскій Совѣтъ просилъ князя, какъ почетнаго благотворителя и ходатая, снестись съ главнокомандующимъ, чтобы онъ приказалъ частнымъ приставамъ оказывать Воспитательному Дому всякое содѣйствіе.

Князь Голицынъ прислалъ въ Опекунскій Совѣтъ копіи, какъ съ своихъ писемъ къ начальнику столицы Еропкину и оберъ-полиціймейстеру Толю, такъ и съ ихъ отзывовъ. Онъ обѣщалъ Толю поощрять полицейскихъ служителей въ обыскѣ фальшивыхъ клеймъ награжденіемъ отъ Воспитательнаго Дома, въ томъ предположеніи, что не должно жалѣть нѣсколькихъ сотъ рублей, гдѣ можно получать нѣсколько тысячь прибыли, „ибо такого рода люди во всѣхъ случаяхъ съ лучшею пользою двигаются и дѣйствуютъ тамъ, гдѣ они ожидаютъ себѣ награжденія." Князь Голицынъ предлагалъ Совѣту безотлагательно произвести генеральный обыскъ всѣхъ карточныхъ фабрихъ.

Ходатайство князя Еропкинымъ и Толемъ вполнѣ было удовлетворено.

Вотъ объявленіе, сдѣланное Совѣтомъ, 24 декабря 1789 года, о наложеніи новыхъ бандеролей:

„Не смотря на неоднократныя объявленія, къ крайнему сожалѣнію оказалось не мало такихъ преступниковъ, кои производили торгъ неклеймеными картами и подъ фальшивыми бандеролями, почему въ отвлеченіе отъ подобныхъ преступленій, Совѣтъ разсудилъ помянутые бандероли съ 1-го января 1790 г. вовсе уничтожить и вмѣсто нихъ подъ тѣмъ же названіемъ по новому изобрѣтенію выпускать другіе на каждую полдюжину и игру картъ, почему и объявляется всѣмъ фабрикантамъ, чтобы приносили карты для наложенія новыхъ бандеролей вмѣсто старыхъ."

Совѣтъ разсуждалъ такъ: „Опекунскій Совѣтъ, убѣждаясь въ необходимости измѣнить бандероли съ новаго года, нашелъ, что для тисненія ихъ должно имѣть также новыя доски и притомъ содержимыя въ крайней тайнѣ, дабы уже за тѣмъ никто изъ постороннихъ не могъ ихъ поддѣлывать, а предохранить отъ сего нѣтъ другаго способа какъ имѣть при Домѣ особыхъ и честныхъ мастеровъ, которые для сего Оберъ-Директоромъ и пріисканы иностранцы, для вырѣзанія досокъ—Никола́, съ обязательствомъ всякій разъ выдумывать разные манеры, такъ чтобы никто поддѣлать не могъ, а для тисненія типографщикъ Леманъ,—положилъ означенныхъ мастеровъ опредѣлить съ жалованьемъ 400 и 250 руб. и привести ихъ къ присягѣ, о введеніи новыхъ бандеролей объявить въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, и напослѣдокъ всѣхъ содержателей карточныхъ фабрикъ пригласить въ Совѣтъ и стараться согласить ихъ, чтобы установили одинаковую и такую картамъ цѣну, которая бы достаточна была на платежъ и за матеріалы съ работою и за клеймо Воспитательному Дому, ибо примѣняясь къ собственной Дома фабрикѣ нынѣшнія цѣны картъ крайне недостаточны, и если они согласятся на установленіе такой цѣны, тогда обязавъ ихъ не понижать цѣны, въ подрывъ другъ другу подъ опасеніемъ штрафа и Воспитательному Дому продавать свои карты за туже цѣну." Все это записано въ журналѣ Совѣта, 28 декабря 1789 г.

Для достиженія своей цѣли, Совѣтъ относился въ Управу Благочинія объ описи у фабрикантовъ картъ съ прежними бандеролями и сообщилъ во всѣ Намѣстническія Правленія объ уничтоженіи прежнихъ бандеролей и составленіи описей картъ съ прежними бандеролями, въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ, при чемъ пояснилъ, что „новые бандероли будутъ накладываемы на карты Воспитательнаго Дома по двѣ красныя съ чернымъ гербомъ, а на карты партикулярныхъ фабрикъ черныя съ краснымъ гербомъ."

Обо всѣхъ своихъ распоряженіяхъ Московскій Опекунскій Совѣтъ сообщилъ С. Петербургскому съ тѣмъ, чтобы сей послѣдній отнесся въ ближайшія къ нему Намѣстническія

Правленія. А какъ Московскому Совѣту сдѣлалось извѣстно, что по заведенной въ г. Харьковѣ Изюмской округи помѣщикомъ секундъ-маіоромъ Василіемъ Донецъ Захаръ-Ржевскимъ карточной фабрикѣ происходятъ въ клейменіи картъ злоупотребленія, то С.Петербургскому Совѣту, въ отвращеніе того, было сообщено, чтобы истребовалъ назадъ изъ Харьковскаго Правленія штемпель, съ тѣмъ, чтобы Захаръ-Ржевскій клеймилъ свои карты лишь въ Воспитательныхъ Домахъ.

Съ содержателями карточныхъ фабрикъ въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ заключено, 22 января 1790 г., условіе, въ которомъ сказано: „1. Какъ нынѣшняя продажная картамъ цѣна, въ разсужденіи чрезвычайной во всемъ дороговизны едва достаточна на потребные къ тому матеріалы, на содержаніе фабрики и проч., а за тѣмъ на платежъ за клеймо оныхъ Воспитательному Дому почти ничего уже не остается, и для того, какъ опому Воспитательному Дому, такъ и намъ всѣмъ содержателямъ продавать вырабатываемыя обыкновенныя игральныя карты каждую дюжину не ниже 1-й по три руб., 2-й по два руб. пятидесяти коп., 3-й по два руб., 4-й по одному руб. и 5-й руки по восьмидесяти коп., вистовыя 1-й по четыре руб., 2-й сорты по три руб., польскія по одному рублю пятидесяти коп., дабы симъ способомъ доставлено было каждому къ содержанію тѣхъ фабрикъ надлежащее удовлетвореніе и въ платежѣ за клеймо Воспитательному Дому дохода въ силу Высочайшаго Ея Императорскаго Величества Указа не отяготительно; 2. Если паче чаянія мы содержатели ниже сей полагаемой цѣны продавать будемъ сказанныя по сортамъ карты и то подлинно найдено будетъ, въ такомъ случаѣ всякій нарушившій сіе постановленіе подастъ на себя подозрѣніе, что чинилъ продажу картъ съ фальшивымъ клеймомъ и бандеролями, или и совсѣмъ не клейменыя и безъ бандеролей, слѣдовательно подвергнетъ себя неминуемо строгому сужденію и взысканію по законамъ, а при томъ какъ для каждаго изъ помянутыхъ картъ номера должны быть особливыя сорочки и съ особливыми знаками, то къ разсужденіе сего и обязуемся мы, чтобъ тѣ карты продаваемы были посортно каждой съ своими сорочками и знаками непремѣнно; когда же кто изъ насъ вопреки сему положенію поступитъ, разумѣя, продастъ карты съ сорочкою 1-го номера 2-й № и такъ далѣе, тотъ заплатитъ въ пользу воспитывающихся въ семъ домѣ сиротъ штрафу пятьсотъ руб; 3. Не безъ извѣстно, что многіе, снимая съ новыхъ картъ бандероли, продаютъ оные тѣмъ, которыя скупая игранныя карты и обрѣзавъ ихъ съ тѣми бандеролями, не позволительнымъ образомъ продаютъ за новые, то въ пресѣченіе таковыхъ подрывовъ обязуемся мы получаемыя отъ Опекунскаго Совѣта бандероли на новыхъ картахъ наклеивать рыбьимъ клеемъ, а не клестеромъ, какъ нынѣ у всѣхъ обыкновенно дѣлается, такъ, чтобъ ни подъ какимъ видомъ цѣлыми сняты быть не могли. 4. Каждый изъ насъ фабрикантъ долженъ представить въ Опекунскій Совѣтъ образцы сорочкамъ на продаваемыя нами карты, хотя бы и перемѣнялись они и какъ бы не часто, во избѣжаніе отъ кого какого либо предлога, ко всегдашнему сличенію; напротивъ же того и Опекунскій Совѣтъ съ своей стороны удостовѣряетъ, что сдѣланныя на фабрикѣ Воспитат: Дома карты по означеннымъ цѣнамъ продаваться будутъ непремѣнно; къ тому же обѣщаетъ всѣмъ содержателямъ карточныхъ фабрикъ въ облегченіе ихъ, однако жъ если они будутъ какъ честные люди безъ утайки клеймить всѣ ими выработываемыя карты, одиннадцатый тузъ клеймить безденежно, буде же кто изъ нихъ и за симъ снисхожденіемъ сдѣлаетъ въ томъ какую фальшь, то и болѣе за то всякій подвергнетъ себя строгому по законамъ наказанію, въ заключеніе чего сіе условіе въ вѣрномъ его наблюденіи подписали Опекунскій Совѣтъ и мы всѣ содержатели карточныхъ фабрикъ.“

Условіе это *подписали*: Князь Херхеулидзевъ, Иванъ Симонъ, Иванъ Грандмезонъ, Францоа Деберъ, Брюно Лемеръ, Василій Богалдинъ Таишевъ, Дидрихъ Венедиктъ Шеръ, Александръ Дедопъ, бригадиръ Александръ Протасовъ, секундъ-маіоръ Иванъ Ивановъ сынъ Давыдовъ, флота капитанъ-лейтенантъ Алексѣй Яковлевъ сынъ Плюсковъ, надворный со-

вѣтникъ Сергѣй Хитровъ, воспитанникъ Семенъ Петровъ сынъ Сомовъ, Люизъ Ванъ Хооброшъ.

Съ боку противъ нихъ подписались опекуны: Гейнрихъ Гогель, Михаилъ Ладыженской, Иванъ Арсеньевъ, Гаврила Боголюбовъ, а скрѣпилъ условіе контролеръ Гордѣй Бачмановъ.

Фабрикантъ Сарторій одинъ не согласился на это условіе и жаловался главнокомандующему, князу Александру Александровичу Прозоровскому; Совѣтъ же далъ князю 28 февраля такое объясненіе: „Въ сохраненіе дохода съ картъ и въ отвращеніе на фабрикахъ и въ продажѣ злоупотребленій употребляемы были разные способы перемѣною краски и бандеролей, и наконецъ, по соглашенію со всѣми фабрикантами, кромѣ Сарторія, возвышена на карты цѣна, сдѣланная по расчету собственной фабрики, которой отъ продажной цѣны за всѣми расходами ничего не осталось бы за клеймо, болѣе же всего къ тому побудило подозрѣніе, которое подтвердить никто не отречется, а именно что если Воспитательный Домъ на своей фабрикѣ вырабатываетъ и продаетъ отъ 30 до 40 т. дюжинъ картъ, то смѣло положить можно, что нынѣ существующія въ Москвѣ 16 карточныхъ фабрикъ, при ровномъ числѣ работниковъ, должны продать по крайней мѣрѣ 200 т. дюжинъ, за клейменіе которыхъ слѣдовало бы получить по 60 коп. съ дюжины, всего 120 т. руб.“ Совѣтъ полагалъ, что „жалобу приносить могутъ лишь одни въ домахъ служители потому, что у нихъ противъ прежняго отымется 50 коп. дохода съ дюжины, ибо прежде они покупали дюжину по 2 руб. 50 коп., а получали за нее во время игры по 6 руб., теперь же должны покупать по 3 руб.“ За тѣмъ Опекунскій Совѣтъ опровергаетъ разсчеты Сарторія и доказываетъ, что еслибы они были справедливы, то вся его прибыль отъ фабрики составляла бы до 218 р. 40 к., на которые онъ долженъ былъ бы содержать себя съ квартирою и прислугою. Совѣтъ заключаетъ, что Сарторій большую часть картъ продаетъ противно порядку и проситъ закрыть его фабрику, если онъ не подпишетъ постановленія.

Князь Прозоровскій далъ полиціи приказаніе, но Сарторій вошелъ къ нему съ новой просьбой. Онъ „свидѣтельствовался Всемогущимъ Богомъ, что Воспитательный Домъ никогда прежде такой цѣны картамъ не ставилъ, что фабриканты платили указной акцизъ и что Воспитательный Домъ сдѣлалъ надбавку, безъ повелѣнія Государыни;“ онъ же съ своей стороны „желаетъ продавать въ розницу по той цѣнѣ, по которой Воспитательный Домъ продаетъ купцамъ гуртомъ, даже дешевле.“—Князь Прозоровскій далъ резолюцію: „При всей неясности сей просьбы, видно однакожъ, что Сарторій будучи въ зависимости по своей фабрикѣ отъ Императорскаго Воспитательнаго Дома, не хочетъ повиноваться постановленію онаго, подтвержденному уже согласіемъ всѣхъ другихъ фабрикантовъ, и сдѣланному для общей ихъ и Воспитательнаго Дома пользы, дабы продажею по одинаковой цѣнѣ картъ не могли фабриканты одинъ другаго подрывать. Вся же отговорка Сарторія состоитъ въ томъ, для чего Воспитательный Домъ безъ Высочайшаго повелѣнія сдѣлалъ прибавку на карты, но возможно ль было сему Дому о такой малости утруждать своимъ докладомъ Ея Императорское Величество, да и карты не есть продуктъ нужный и необходимый для народа, а относящійся къ единой роскоши; сіе всякій благоразумный человѣкъ можетъ принять за неоспоримую истину. Напротивъ неосновательное отрицаніе Сарторія даетъ поводъ заключать объ немъ, что онъ намѣренъ сохранять единственно свои только выгоды съ нарушеніемъ вѣрнаго правила торга, ибо ни какой торгъ безъ вѣры процвѣтать не можетъ, или во вредъ другимъ, наконецъ непремѣннымъ почитаю правиломъ, чтобъ Сарторій согласился съ вышеозначеннымъ постановленіемъ Воспитательнаго Дома, если же онъ и за симъ останется въ своемъ упорствѣ, тогда принужденъ я буду принять другія, можетъ быть для него непріятныя, мѣры.“

Для усиленія сбыта своихъ картъ, Опекунскій Совѣтъ 1 апрѣля разрѣшилъ дѣлать служителямъ, приходящимъ покупать карты, такую же уступку, какую дѣлаютъ въ ихъ пользу частные фабриканты.

Все это соглашеніе было безполезно. Самъ

Опекунскій Совѣтъ его отмѣнилъ, дабы доставить каждому вольную по его разсужденію продажу картъ; а фабрикантамъ объявилъ, что они съ тѣмъ вмѣстѣ лишаются уступки одиннадцатаго туза и должны платить по прежнему. Опекунскій Совѣтъ былъ вынужденъ это сдѣлать, потому что карточные фабриканты подписаннаго ими постановленія не исполняли и не смотря на штрафъ продавали карты дешевле Воспитательнаго Дома.

Время отъ времени Совѣтъ мѣнялъ бандероли. 22-го іюня 1792 г. онъ сообщилъ въ Московское Губернское Правленіе и во всѣ Намѣстническія Правленія о перемѣнѣ съ 1-го іюля бандеролей, извѣщая что краски по временамъ будутъ измѣняться. Въ іюлѣ того же года Опекунскій Совѣтъ приказалъ бухгалтеру Оловсону „отправиться по всѣмъ извѣстнымъ въ Москвѣ карточнымъ фабрикантамъ и къ купцамъ, торгующимъ картами въ рядахъ для взятія съ нихъ подписки или сдѣланія описи о количествѣ находящихся у нихъ картъ съ прежними бандеролями для представленія въ Совѣтъ къ наложенію новыхъ.“

О бандеролях Московскій Опекунскій Совѣтъ писалъ С.Петербургскому, что на нихъ годъ всегда будетъ черный, а гербъ—зеленый на картахъ съ собственной фабрики Дома, и красный на картахъ партикулярныхъ фабрикъ; впрочемъ цвѣтъ послѣдняго герба предполагалось время отъ времени перемѣнять.

Клейму подлежали и гадательныя карты. Въ мартѣ 1795 г. заклеймено 47 коробокъ такихъ картъ съ фабрики Иванова, а въ маѣ того же года 25 коробокъ съ фабрики Пановскаго, съ платою по 5 коп. съ коробки.

Въ инструкціи, поручику Наказину, данной Совѣтомъ, 14 марта 1796 г., между прочимъ, сказано: „Поручается надзоръ надъ всѣми находящимися въ Москвѣ партикулярными карточными фабриками и торгующими картами, чтобы первыя не выпускали, а послѣдніе не продавали картъ иначе, какъ съ клеймами на червонныхъ тузахъ и бандеролями или перевязками на каждой полдюжинѣ и колодѣ отъ Воспитательнаго Дома, если же усмотрится подлогъ или клеймы и бандероли не отъ Воспитательнаго Дома, то безъ упущенія времени, не давая замѣтить, кто это сдѣлалъ, явиться по мѣсту жительства виновнаго къ Частному Приставу и требовать у него, по силѣ данныхъ имъ предписаній Главнокомандующихъ въ Москвѣ Еропкина 1 декабря 1789 и князя Прозоровскаго 26 марта 1790 г., въ помощь себѣ чиновника, съ которымъ описавъ все непозволенное, опись и карты фальшивыя представить Совѣту, а виновнаго предоставить надзору того чиновника, въ ожиданіи резолюціи. По частому объѣзду фабрикъ замѣчать по числу лощильныхъ камней и работниковъ, то ли число дѣлается и выпускается, которое они присылаютъ для клейменія въ Совѣтъ. Поступать со всѣми безъ грубости, вѣжливо. Ежемѣсячно представлять Совѣту о состояніи фабрикъ.“

Съ клейменія картъ получено:

Въ 1790 г. . . .	16.081 р. 26 к.
— 1791 — . . .	18.075 — 90 —
— 1792 — . . .	16.707 — 60 —
— 1793 — . . .	16.391 — 40 —
— 1794 — . . .	15.814 — 80 —
— 1795 — . . .	20.105 — 46 —
— 1796 — . . .	21.212 — 43 —

О штрафахъ въ пользу Воспитательнаго Дома за неклейменныя карты съ 1774—1796 г. виденъ въ дѣлахъ какой нибудь десятокъ случаевъ. Штрафы присылались изъ разныхъ мѣстъ: изъ Московской Губернской Канцеляріи, Московскаго Магистрата, изъ Нѣжинской Таможни 26 р. за конфискованныя ею провезенныя „окольною дорогою“ карты, изъ Азовской Губернской Канцеляріи 36 р., взысканные съ одного донскаго казака, изъ Калужскаго Намѣстничества 276 р., взысканные съ купца Билибина за продажу имъ картъ съ фальшивыми бандеролями и клеймами, изъ Московскаго Губернскаго Правленія 24 р. съ купца Зуева за продажу имъ иностранныхъ картъ съ фальшивыми клеймами, оттуда же съ крестьянъ за сдѣланіе ими неклейменныхъ *шубныхъ* картъ и проч.

Первое извѣстіе объ учрежденіи при Москов-

скомъ Воспитательномъ Домѣ карточной фабрики относится къ 1774 году. Бецкой извѣщаетъ, что онъ отправилъ изъ Петербурга въ Воспитательный Домъ фабриканта для дѣланія при немъ картъ. Это былъ Иванъ Матье съ сыномъ Николаемъ. Они, по кондиціямъ, заключеннымъ съ Бецкимъ, какъ видно изъ журнала Совѣта, 29 января 1775 г., обязались учредить при Воспитательномъ Домѣ карточную фабрику и работать на ней своими людьми самымъ наилучшимъ мастерствомъ, въ теченіе 5 лѣтъ, получая отъ Дома потребные матеріалы и нужныя къ тому *снасти*, бумагу и краски. Обязались они также обучать тому мастерству 20 человѣкъ воспитанниковъ обоего пола, не утаивая отъ нихъ ничего; при умноженіи же работъ на фабрикѣ брать имъ воспитанниковъ сколько нужно.

Изъ письма Бецкаго, 7 апрѣля того же года, видно, что карточная фабрика заведена и при С.Петербургскомъ отдѣленіи Воспитательнаго Дома.

Были выписаны заграничные образцы картъ изъ Страсбурга и Амстердама еще въ 1771 году, за что коммисіонеру Мишейлю заплачено 80 р. 29 к.

Въ мартѣ 1775 г. Бецкой уже спрашивалъ „продается ли дюжина картъ съ домашней фабрики по 1 р. 80 к. и по 1 р. 30 к., такъ какъ и на прочихъ фабрикахъ добротою еще лучше дюжина по 2 руб.“

Вѣроятно, вслѣдствіе этого, цѣна картамъ была понижена. Въ 1776 г. публиковано въ газетахъ, „что будутъ при Воспитательномъ Домѣ продаваться дѣлаемыя на *точной* его фабрикѣ карты: хорошія вмѣсто 1 р. 94 к. по 1 р. 50 к., а посредственныя вмѣсто 1 р. 64 к. по 1 руб. дюжина.“

Въ 1780 году донесено было Бецкому, что фабрика усилена 30-ю воспитанниками, что работающіе на ней питомцы содержатъ сами себя, не получая ни пищи, ни одежды, подобно 12-ти питомцамъ на чулочной фабрикѣ. Изъ дѣлъ же 1781 г. видно, что карточныхъ фабрикъ двѣ, на одной 21 воспитанникъ, на другой ихъ 18.

Съ продажи картъ получено:

Въ 1775 г.	. . .	979 р. 60 к.
— — 76 —	. . .	3649 — 96 к.
— — 77 —	. . .	9804 — 25 к.
— — 78 —	. . .	23.861 — 11 к.
— — 79 —	. . .	15.908 — 02 к.

Сохранился балансъ по *фабрикантской* конторѣ съ 1780—1796 г., бывшій въ разсмотрѣніи Слѣдственной Коммисіи, въ которомъ сказано: „счеты по фабрикантской конторѣ ведены были прежде 1780 года бывшимъ при оной конторѣ бухгалтеромъ Делеромъ, находившимся при главномъ надзирателѣ Эссигѣ, который за упущеніе и замѣшательство оныхъ и отрѣшенъ былъ, посему до 1780 г. и невозможно выбрать по фабрикамъ точныхъ и вѣрныхъ счетовъ, ибо выдачи денегъ производились для фабрики изъ Экономіи и въ экономскихъ счетахъ означены.“

Изъ баланса извлекаемъ слѣдующія свѣдѣнія. На домовой карточной фабрикѣ сработано, въ теченіе означеннаго времени, 442. 744 р. дюжины продано картъ на 680.400 р. 94½ коп.; прибыли всей получено 118.649 р. 78 к.; если же присоединить прибыль отъ приписанныхъ къ векселямъ процентовъ и проч. 7.501 р. 84 коп., то вся прибыль составитъ 126,151 р. 62 к. Въ заключеніе баланса сказано:

„Если же бы карточная фабрика платила за клеймо, то съ проданныхъ картъ 414.116 дюжинъ по 60 к., пришлось бы заплатить 248 469 р. 60 к., такъ что, если изъ этой суммы вычесть прибыль 126.151 р. 62 к., то фабрика была бы въ убыткѣ на 122.317 р. 98 коп.“

Это показываетъ, что домовая фабрика не могла конкурировать съ частными фабрикантами, что подтверждается и опытомъ соглашенія съ ними Опекунскаго Совѣта; Воспитательному Дому оставалось только понижать цѣны картъ и продавать ихъ на векселя.

Булгалтеры Шульцъ и Таннауеръ, въ 1791 году, доносили Совѣту, что купцамъ, за дѣлаемою имъ уступкою 10%, карты изъ Воспитательнаго Дома обходятся по 1 р. 26 коп. за

дюжину, между тѣмъ какъ частные фабриканты продаютъ по 1 р. 20 к. и ниже; продажа картъ поэтому остановилась, хотя ихъ на фабрикѣ готово до 8 т. дюжинъ. Бухгалтеры представляли о сбавкѣ цѣны. Опекунскій Совѣтъ, 9 октября, рѣшилъ понизить цѣну на 10 коп. съ дюжины.

Въ замѣчаніяхъ графа Миниха, вызвавшихъ учрежденіе особой Коммисіи для разсмотрѣнія происшествій по Воспитательнымъ Домамъ, весьма рѣзко выражена невыгода продажи картъ на векселя и вообще несостоятельность карточной фабрики.

Обвиняя Опекунскій Совѣтъ, графъ говоритъ: „Карточную фабрику попустилъ разстроиться до того, что вмѣсто 13 тысячъ рублей (прежде получавшагося дохода) нынѣ получаетъ только около 4 т. р. не деньгами, а векселями. Такихъ векселей на 41.994 р. 27 коп., изъ коихъ едва ли можно будетъ получить 16.467 р. 80¾ к.“

На это опекунъ Гогель отвѣчалъ:

„Фабрика карточная нисколько не разстроена, уменьшеніе же дохода произошло отъ малой продажи, которая почти остановилась послѣ запрещенія Графа продавать карты на векселя, и хотя это запрещеніе отмѣнено было 28 Февраля 1793 г., но поздно, ибо всѣ люди, пользовавшіеся до того времени кредитомъ, обратились къ другимъ партикулярнымъ фабрикамъ.“ Опекунъ *Ладыженской* признавалъ за лучшее всѣ карты продать по уменьшенной цѣнѣ; а опекунъ Арсеньевъ отозвался, что фабрикой управлялъ Гогель, по представленію котораго опредѣленъ особый чиновникъ для взысканія по векселямъ; и что его, Арсеньева, предложеніе противъ векселей—было отринуто.

Въ предписаніи своемъ опекуну полковнику Гаврилову, управлявшему послѣ оберъ-директора Гогеля должностью главнаго надзирателя, графъ Минихъ по карточной фабрикѣ отозвался: „при прежнемъ мастерѣ Жанъ Матье карты были негодныя по дурной ихъ склейкѣ и обрѣзу, и расходы въ убытокъ. Продажа картъ была на векселя.“ Гавриловъ донесъ на это: „мастеръ Матье уволенъ съ іюля 1795 года, у нынѣшняго мастера карты лучше и съ него строго взыскивается; со времени запрещенія графомъ продажи въ долгъ не бываетъ, взысканіе же долговъ прежнихъ возложено на бухгалтера Оловсона, коимъ взыскано 9. 311 р. 57¾ коп.“

Стараніе улучшить карточную фабрику видно изъ публикаціи, 11 октября 1795 года, что дюжина картъ прежней выдѣлки будетъ продаваться: 1-го сорта 2 р. 50 к., 2-го сорта 2 р. и 3-го 1 р. 50 к. за дюжину, а вновь сдѣланныя,— 1-го сорта 3 р., 2-го 2 р. 50 к., 3-го 2 р. и 4-го 1 р. 50 к. тоже за дюжину.

Замѣчанія графа Миниха повторилъ впослѣдствіи графъ Сиверсъ, Главный Попечитель и членъ Слѣдственной Коммисіи. Указывая вообще на безпорядки *фабрикантской* конторы, бухгалтеріи и аукціонной камеры и на трехъ старшихъ опекуновъ Ладыженскаго, Гогеля и Арсеньева, какъ на участниковъ въ томъ, графъ Сиверсъ говоритъ, „что по одной карточной фабрикѣ въ наличности оказалось картъ на 51 т. и векселей за взятыя карты на 34.600 руб., изъ коихъ только 2600 р. надежными оказались, по приходу отъ клейменія Домъ имѣлъ убытку болѣе 130 т. р., что видно было послѣ первыхъ 5 лѣтъ, но фабрика продолжалась болѣе 20 лѣтъ.“

Ладыженскій и Арсеньевъ все относили къ одному Гогелю, отвѣтъ котораго былъ слѣдующій: „Карточная фабрика продолжала существовать по предписаніямъ Бецкаго, а остановка въ продажѣ картъ произошла отъ предписанія Графа Миниха, которое хотя и было отмѣнено, но уже поздно, ибо упавшая торговля почти никогда не возстановляется. Прежде купцы иногородные уплачивали часть суммы, а на остальную платили проценты на сроки; симъ способомъ продавалось ежегодно отъ 40 до 50 т. дюжинъ картъ. Разсчетъ же о клейменіи не вѣренъ, ибо если бы Воспитательный Домъ то количество картъ не выработалъ и не выпустилъ, то оныя были бы куплены у частныхъ фабрикантовъ и клейменіе тузовъ не умножилось бы, ибо выпускаемыя ими во внутренніе города карты съ клеймами фальшивыми или во-

все безъ клеймъ. Противъ сего зла Опекунскій Совѣтъ посылалъ особыхъ *истцовъ* на ярмарки, фигуру клейма перемѣняли раза четыре въ годъ, приготовлялась особая краска для клейменія, изобрѣтенъ былъ и способъ вырѣзыванія на мѣдныхъ доскахъ бандеролей, которыя накладывались на каждую игру или полудюжину, на каждой бандероли члены Совѣта подписывали свои имена, наконецъ выписанъ былъ изъ Лейпцига типографщикъ, дѣлавшій литыя бандероли, каковымъ способомъ почти доведено до желаемой цѣли, такъ что Графъ Минихъ, видѣвши это, истребовалъ этотъ способъ и для С.Петербургскаго Совѣта.“ Гогель заключаетъ, что до вступленія его въ управленіе съ 1763 по 1779 г. получено доходу 13.845 р. 34¾ к., а съ 1780 по 1794 г. 138.104 р. 31¼ к.

Въ Высочайшемъ указѣ Слѣдственной Коммисіи, 28 октября 1796 г., въ §. 14-мъ сказано: „уставить клейменіе картъ такимъ образомъ, чтобы положена была преграда злоупотребленій и къ выгодѣ Воспитательнаго Дома изыскать средство тотъ доходъ возвысить.“

Графъ Сиверсъ, убѣдившись въ неудобности и невыгодности содержанія собственной фабрики, предписалъ (что заслушано Совѣтомъ 14 апрѣля 1797 г.) уничтожить состоящую при Домѣ фабрику, карточные матеріалы продать вмѣстѣ съ другими шерстяными, шелковыми и золотопрядильными товарами, бывшими въ фабрикантской лавкѣ Воспитательнаго Дома; всего было по цѣнамъ на 12 т. р.

По уничтоженіи московской карточной фабрики, карточная привилегія передана, 4 марта 1798 г., въ распоряженіе С.Петербургскаго Воспитательнаго Дома, который отдалъ ее на откупъ.

Еще 15 марта 1783 г. С.Петербургскій Опекунскій Совѣтъ писалъ въ Московскій Совѣтъ, что армянскій купецъ Петръ Бабасиновъ предлагаетъ отдать ему клейменіе на откупъ съ платою Воспитательному Дому по 1200 руб. ежегодно и отдачею за конфискованныя неклейменыя карты половины суммы. С. Петербургскій Совѣтъ, находя это выгоднымъ, положилъ съ Бабасиновымъ заключить условіе на 2 года. Въ этомъ условіи, между прочимъ, было сказано: „клеймить ему карты на червонномъ тузѣ, даннымъ отъ Опекунскаго Совѣта штемпелемъ, изображающимъ птицу (пеликана) съ надписью вокругъ:—„себя не жалѣя питаетъ птенцовъ.“— Если же въ теченіе 2-лѣтняго времени заведена будетъ при С.Петербургскомъ Домѣ карточная фабрика, то дѣлаемыя на оной карты клеймены будутъ отъ Опекунскаго Совѣта, а ему Бабасинову до того дѣла нѣтъ.“

Въ 1790 году дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Бутурлинъ и статскій совѣтникъ Василій Нелидовъ просили объ отдачѣ имъ привилегіи клейменія картъ въ С.Петербургѣ и Москвѣ на 4 года за 2000 р. въ годъ. С.Петербургскій Опекунскій Совѣтъ отказалъ имъ, на томъ основаніи, что „какъ сборъ съ клейменія картъ предоставленъ Воспитательному Дому, не какъ привилегія, а какъ подаяніе, то и неприлично ввѣрять оное частнымъ лицамъ.“

Въ 1797 г. графъ Сиверсъ дозволилъ „отдать карточную продажу на откупъ только тѣмъ, которые въ городахъ, гдѣ карточныя фабрики, казенный винный откупъ на себя взяли.“

27 апрѣля того же года, Императрица Марія Ѳеодоровна повелѣла: „Гофмейстеру Почетному Члену и Опекуну С.Петербургскаго Опекунскаго Совѣта Дмитрію Александровичу Гурьеву имѣть въ вѣдѣніи Экспедицію о картахъ, а при немъ по сей части быть коллежскому совѣтнику Скванчи, съ тѣмъ, чтобъ они постановили условія на отдачу картъ на откупъ.“

Членъ Московскаго Опекунскаго Совѣта князь Лобановъ Ростовскій, между прочимъ, предлагалъ, „что какъ и безъ откупа отъ клейменія картъ въ Москвѣ доходъ простираться долженъ, судя по прежнимъ годамъ, отъ 30 до 40 т. руб., то по откупу на четыре года требовать не менѣе 170 т. р.“—Въ маѣ С.Петербургскій Совѣтъ публиковалъ въ вѣдомостяхъ объ отдачѣ карточной продажи на откупъ на 4 года, начиная съ 4 марта 1799 г. Сначала карточные фабриканты предлагали по 30 тыс. руб. въ годъ; но явившіеся въ октябрѣ въ С.Петербургскій Совѣтъ именитый гражданинъ Рюминъ и купцы Чоблоковъ и Кусовниковъ объ-

явили 100 т. руб. въ годъ; осталась цѣна за ними 140 т. р. Въ февралѣ 1799 г. заключенъ С.Петербургскимъ Опекунскимъ Совѣтомъ съ именитыми гражданами—рязанскимъ: Рюминымъ, петербургскими — Чоблоковымъ, Кусовниковымъ, Ольхинымъ и съ софійскимъ купцомъ и петербургскимъ гостемъ Юферовымъ, контрактъ на содержаніе карточнаго откупа во всей Россійской Имперіи съ 1-го апрѣля 1799 г. по 1-е апрѣля 1803 г., съ платою ежегодно по 140 т. руб. Воспитательному Дому. Продавать имъ карты: 1-го разбора въ С. Петербургѣ и Москвѣ дюжина по 5 руб., а игру по 42 коп., 2-го дюжину по 3 руб. 80 к., игру 32 коп., 3-го дюжину 2 р. 40 к., игру 20 к., въ Тобольской и Иркутской губерніяхъ: 1-го сорта дюжину 7 р., игру 59 к., 2-го дюж. 5 р. 80 к., игру 49 коп., 3-го дюж. 4 руб. 40 к., игру 37 к.; во всѣхъ же прочихъ губерніяхъ и уѣздныхъ городахъ С.Петербургской и Московской— 1-го сорта по 6 р., 2-го по 4 руб. 80 коп., 3-го по 3 р. дюжина.

Поднесенный о семъ С. Петербургскимъ Совѣтомъ, 14 мая, докладъ утвержденъ Императрицей.

Оба Опекунскіе Совѣты до 1831 года вели между собою по доходу съ картъ разсчеты; въ этомъ же году, 30 мая, Высочайше утвержденъ докладъ С. Петербургскаго Опекунскаго Совѣта объ обращеніи всего дохода отъ продажи картъ въ пользу одного С. Петербургскаго Воспитательнаго Дома, „такъ какъ сей послѣдній получаетъ доходу менѣе, а расходовъ имѣетъ болѣе, чѣмъ Московскій Домъ, и притомъ все дѣлопроизводство о продажѣ картъ состоитъ въ завѣдываніи С. Петербургскаго Опекунскаго Совѣта.“

Въ Москвѣ карточный магазинъ помѣщался въ домѣ Семеновой, который въ 1818 г. былъ купленъ для Московскаго Воспитательнаго Дома, а въ 1840 году этотъ магазинъ выведенъ въ наемное помѣщеніе.

АПТЕКА МОСКОВСКАГО ВОСПИТАТЕЛЬНАГО ДОМА.

Уже упомянуто въ числѣ привилегій Дома, что ему предоставлено имѣть свою аптеку съ правомъ продавать лекарства въ публику.

Сначала лекарства для Воспитательнаго Дома брали, по дешевизнѣ, изъ Главной Аптеки чрезъ Контору Медицинской Канцеляріи; но главный надзиратель Миллеръ въ 1765 г., „по представленію медиковъ, въ нечаянныхъ припадкахъ, по отдаленности той аптеки, сталъ брать изъ частныхъ аптекъ, которая ближе,“ особенно изъ аптеки Майера и Таненберга. 19 октября 1767 г. Опекунскій Совѣтъ дозволилъ покупать лекарства и въ рядахъ.

По представленію главнаго надзирателя Вакергакена „о необходимости заведенія для перваго случая небольшой аптеки, съ употребленіемъ на разные инструменты и посуду до 300 р.“, Опекунскій Совѣтъ разрѣшилъ, 25 августа 1767 г., „учредить также аптеку съ докторомъ и, пріискавъ потребнаго къ тому аптекаря, заключить съ нимъ контрактъ.“ 17 ноября, Опекунскій Совѣтъ, „разсуждая, что по заключеннымъ съ докторомъ Мертенсомъ кондиціямъ, обязанъ онъ всѣмъ неимущимъ и бѣднымъ людямъ, какого бы званія и пола они ни были, давать наставленія и рецепты безденежно, о чемъ и дано знать обществу въ августѣ мѣсяцѣ печатными объявленіями, вслѣдствіе чего къ нему не малое число весьма бѣдныхъ и неимущихъ приходитъ и въ томъ числѣ такихъ множество, которые не въ состояніи по даваемымъ рецептамъ купить лекарства, почему онъ и долженъ былъ купить медикаментовъ на свои деньги,“—положилъ—„выдавать ему эти деньги, а

впредь такого рода медикаменты брать изъ домовой аптеки, гдѣ вести имъ особый счетъ."

Въ маѣ 1768 г. положено было: „медикаменты служащимъ въ Домѣ выдавать изъ домовой аптеки, а при выдачѣ жалованья у служащихъ вычитать 2%. Впрочемъ такой вычетъ продолжался недолго; 21 мая 1772 г. положено производить его только у получающихъ болѣе 100 р., а 11 мая 1775 г. прекращенъ и у послѣднихъ вычетъ изъ жалованья, какъ несоставляющій большаго дохода для Дома.

Относительно учрежденія своей аптеки Опекунскій Совѣтъ еще въ іюнѣ 1765 г. писалъ къ Бецкому „чтобы при Воспитательномъ Домѣ завести небольшую аптеку, какія бываютъ при полкахъ и госпиталяхъ, а лекарства для нея брать изъ казенной Главной Аптеки по истинной цѣнѣ, отчего не малая будетъ прибыль." А въ мартѣ 1768 года Совѣтъ уже представлялъ Бецкому о необходимости для Дома и пользѣ для общества, учредить при ономъ публичную аптеку, для чего потребно до 4 т. р., присовокупивъ, что въ находящейся при Домѣ небольшой аптекѣ продается въ годъ лекарства на 1800 и 2000 р.; по указамъ же велѣно аптекамъ брать за всѣми расходами 40%. Апрѣля 7-го Бецкой согласился на учрежденіе аптеки.

Для помѣщенія публичной аптеки были отдѣланы, состоявшіе на болверкѣ близь Варварскихъ воротъ, каменные старые покои съ пристройкою небольшой деревянной связи. Открыть аптеку предполагали 21 апрѣля 1769 г.; но дѣло замедлилось за неполученіемъ таксы медикаментамъ, а потомъ—ожиданіемъ осмотра аптеки Медицинскою Конторою, неполучавшей указа о томъ изъ Медицинской Коллегіи. Аптека была открыта лишь 6-го августа, и о продажѣ въ ней лекарствъ для публики, было напечатано въ газетахъ; а 14 ноября дана была инструкція о продажѣ лекарствъ аптекарю Виллишу. Въ январѣ 1770 г., Опекунскій Совѣтъ положилъ, чтобы лица безвозмездно пользующіяся лекарствами возвращали въ аптеку *стклянки* и банки; за разбитую же посуду производить вычетъ изъ жалованья."

Въ 1773 году аптека переведена изъ стараго помѣщенія близь Варварскихъ воротъ въ деревянное зданіе богадѣльни, въ которомъ до того времени помѣщался Опекунскій Совѣтъ.

Въ 1776 году предполагалось отдать аптеку на откупъ; но въ октябрѣ того года Опекунскій Совѣтъ донесъ Бецкому, что „отдавать на откупъ аптеку онъ находитъ за безполезное; къ сему вызвался одинъ аптекарь Виллишъ, прося 1000 руб. въ годъ за снабженіе медикаментами всего Воспитательнаго Дома; но это убыточно, ибо оныхъ выходитъ неболѣе какъ до 700 рублей."

Есть соображеніе Совѣта 1788 г. о томъ, „что съ учрежденія аптеки капитала Воспитательнаго Дома по 1787 г. употреблено 20344 р. 9¼ к., медикаментовъ ежегодно употреблялось отъ 7500 до 8 т. р., которые еслибы покупать въ постороннихъ аптекахъ, то стоили бы отъ 19 до 20 т. р., сверхъ того она продаетъ лекарствъ отъ 1700 до 2 т. р. въ годъ, принося прибыли отъ 1 до 1200 р. При ней аптекарь съ жалованьемъ 500 р., гезель 100 р., 7 учениковъ и 6 работниковъ; также два ботаническихъ сада, одинъ на Скотномъ Дворѣ, а другой при ней въ Москвѣ."

4 января 1794 г. данъ былъ Опекунскимъ Совѣтомъ аптекарю наказъ слѣдующаго содержаніе: 1. „Должность аптекаря состоитъ въ томъ, чтобы вести порядочную жизнь, сколько возможно оставаться дома, содержать аптеку въ наилучшемъ порядкѣ, надзирать за гезелями и учениками, отпускать лекарства по рецептамъ для питомцевъ Дома, начальниковъ и служащихъ, такъ и для публики хорошо, вѣрно и скоро; безъ предписаній Доктора или Штабъ-Лекарей медикаментовъ безденежно ни подъ какимъ видомъ ни для кого, кромѣ Оберъ-Директора, не отпускать. 2. Отданныхъ въ аптеку питомцевъ обучать аптекарскому искуству и смотрѣть за ихъ поведеніемъ. 3. Припасамъ, кои нужно выписать изъ чужихъ земель, составить роспись на апробацію медику Дома, который представляетъ ее Оберъ-Директору. 4. Приходъ аптеки составляется изъ денегъ по рецептамъ для публики и изъ выручаемыхъ ручною продажею. На каждомъ рецептѣ обозначать цѣну; со всѣхъ рецептовъ вписывать копіи въ книгу съ цѣною ежедневно; въ другую книгу

вносить выручку отъ ручной продажи, дабы всегда можно было Оберъ-Директору освидѣтельствовать аптеку; но вообще состоитъ она подъ отчетомъ Фабрикантской Конторы Дома, которой и подается по аптекѣ годовой отчетъ."

На требованіе графомъ Минихомъ свѣдѣній о положеніи аптеки и о томъ—даетъ-ли она доходъ, главный надзиратель Гавриловъ отвѣчалъ, что „о положеніи аптеки подаются въ Совѣтъ ежемѣсячныя вѣдомости; по балансу же 1795 г. видно, что расходъ безденежныхъ медикаментовъ превышаетъ прибыль; нынѣ этотъ расходъ уменьшился, а особенно по словесному представленію моему объ уничтоженіи излишнихъ медикаментовъ."

Графъ Сиверсъ въ замѣчаніяхъ, представленныхъ въ Коммисію разсмотрѣнія происшествій, въ пунктѣ 9-мъ, объ аптекѣ выразился такъ: „Аптека найдена въ непристойно сыромъ и дурномъ видѣ, почему посторонніе весьма мало покупаютъ лекарства и для дѣтей они безъ плода; старые опекуны употребили въ 10 л., кромѣ мелочи безъ записки на себя, болѣе 1800 руб. лекарства, и,что безстыднѣе, почти до 800 руб. зельтерской воды; сію сумму полагаю съ нихъ взыскать, ибо они брали фунтами такія лекарства, которыя употребляются золотниками; брали они лекарства и для всѣхъ своихъ знакомыхъ."

Въ отвѣтъ на это замѣчаніе представлены слѣдующія объясненія:

1) *Гогелемъ*: „Аптеку, сколько позволяло дурное мѣстоположеніе, исправлялъ, представлялъ Бецкому, чтобы перевести аптеку въ другой домъ, но этотъ планъ, хотя и былъ утвержденъ, не былъ приведенъ въ исполненіе. Графу Миниху также было представляемо, и онъ рѣшился было купить домъ на углу Солянки, но этотъ домъ былъ подъ запрещеніемъ. По опредѣленію Опекунскаго Совѣта я имѣлъ право подписывать прописанія, по которымъ отпускались лекарства, но никогда власть свою во зло не употреблялъ; давалъ лекарства и бѣднымъ; господа опекуны по отсутствію докторовъ тоже просили меня подписывать ихъ рецепты, и вся сумма составила 1.800 р. въ 10 лѣтъ, что составитъ въ годъ 180 руб., сумму неразорительную для Дома. Зельтерскую воду употреблялъ я не изъ тщеславія или лакомства, а по предписанію докторовъ отъ каменной болѣзни. Аптекарь поставлялъ мнѣ ее не кувшинами, а ящиками, въ которыхъ рѣдко половина бутылокъ была годна къ употребленію. Если же ее употреблено на 800 р., то это составитъ въ годъ по 80 руб., считая тутъ и протухлую воду. Между тѣмъ полагается взыскать съ меня за тѣ лекарства, которыя употреблялъ для излеченія жестокой болѣзни, при которой не могъ бы исправлять свою должность." Въ заключеніе Гогель проситъ разсмотрѣть существо его поступковъ и взысканіе съ него сложить.

2) *Ладыженскимъ*: Аптека оставлена на прежнемъ мѣстѣ, потому что лабораторія, гдѣ и запасныя лекарства, находится въ сухомъ мѣстѣ, частная же продажа мала потому, что аптекарь продаетъ лекарства очень дорого. Лекарства брали всѣ опекуны, и сумму надо раздѣлить потому, кто чаще былъ болѣнъ, меня же отъ сего Богъ сохранилъ; для излеченія отъ лихорадки, которою страдалъ, лекарствъ не много нужно; отъ ревматизма въ рукахъ отпускался мнѣ шафгаузенскій пластырь, можетъ быть и по фунту, для облегченія же аптеки, потому что намазывалъ я этотъ пластырь на лайку, которую покупалъ въ лавкѣ; рецептомъ этого пластыря аптекарь обязанъ мнѣ, потому что, получа его первый въ Москвѣ отъ особы, которая секретъ его открыла, я отдалъ сему вѣроломному аптекарю; всѣмъ знакомымъ совѣтовалъ брать лекарства въ аптекѣ Дома; мелочныхъ же лекарствъ я никакихъ не бралъ, удивительнѣе же всего, что написали на меня зельтерскую воду, которой я ни одной капли не бралъ: для дочери же моей я покупалъ эту воду въ Яблочномъ ряду въ лавкѣ, которую и указать могу."

1) *Арсеньевымъ*: „О неудобствѣ аптеки неоднократно было представляемо Главному Попечителю и преемнику его, но никакого предписанія не послѣдовало; лекарства же бралъ во время болѣзни, скрупулами и золотниками, а зельтерской воды не бралъ."

Опекунскій Совѣтъ, 24 сентября 1796 г., „имѣя сужденіе о томъ, что съ давняго времени

отпускаются изъ аптеки для бѣдныхъ людей лекарства безденежно по рецептамъ служащихъ при Домѣ врачей, и что таковыхъ выходитъ въ годъ на сумму значительную, кромѣ того, что бѣдные служащіе при Домѣ лечатся безденежно въ людской больницѣ,"—положилъ:—„какъ по возрастающимъ чрезмѣрно издержкамъ отъ возвысившихся цѣнъ расходы превышаютъ приходъ Дома, то впредь такой отпускъ для чужихъ бѣдныхъ лекарствъ уничтожить; впредь же отпускать безденежно лекарства только служащимъ, за ихъ подписью, не исключая и Гг. Опекуновъ, и съ утвержденія Главнаго Надзирателя, которому ежемѣсячно съ докторомъ свидѣтельствовать аптеку."

20 апрѣля 1797 г., по предложенію Главнаго Попечителя о большихъ расходахъ по аптекѣ, происходившихъ отъ того, что прежде опекуны брали дорогія лекарства и капли безденежно цѣлыми фунтами, общимъ согласіемъ опекуновъ положено: „не отпускать изъ Аптеки лекарствъ безденежно Опекунамъ, прочимъ же служащимъ въ отпускѣ лекарствъ поступать по прежнимъ положеніямъ." 1-го марта 1799 г. Опекунскій Совѣтъ, соображая согласно Высочайшаго повелѣнія, отъ 25 января, на имя почетнаго опекуна Протасова, не ограничить-ли дѣйствія аптеки по примѣру С.Петербургскаго Дома покупкою и отпускомъ лекарствъ только для воспитанниковъ и служащихъ, или же продавать оныя и въ публику,—положилъ: „составить новый штатъ аптеки Почетному Опекуну Протасову, который, находя при ней много лишнихъ людей, надѣялся сократить ея содержаніе на половину."

6 апрѣля, составленный Протасовымъ, вмѣстѣ съ главнымъ надзирателемъ, штатъ аптеки представленъ былъ на Высочайшее усмотрѣніе. При этомъ Совѣтъ утвердилъ такія правила: „1. Домовая аптека отпускаетъ питомцамъ и служащимъ лекарства безденежно по рецептамъ докторовъ сего Дома, Штабъ-Лекарей Отдѣленнаго Госпиталя и Оспеннаго Дома на время прививанія оспы. 2. Продажу лекарствъ для публики производить по казенной таксѣ. 3. Лекарства покупать по цѣнамъ одобреннымъ докторомъ. 4. Каждую треть докторамъ свидѣтельствовать аптеку въ отношеніи къ лекарствамъ, матеріаламъ и успѣхамъ учениковъ. 5. Получаемыя съ вольной продажи деньги хранить въ особомъ запечатанномъ ящикѣ и ежемѣсячно высыпать при Главномъ Надзирателѣ и докторахъ. 6. Отпускаемыя въ Домъ лекарства записывать въ особую книгу."

16 іюня Совѣтомъ опредѣлено: „деньги за проданныя публикѣ лекарства, по высыпкѣ ежемѣсячно изъ кружки, по счетѣ ихъ и запискѣ въ книгу, оставлять аптекарю на расходы, а Совѣту подавать рапорты о ежемѣсячной выручкѣ по продажѣ;" а 17 ноября 1801-го года предписано Главному Надзирателю съ докторами свидѣтельствовать ежемѣсячно приходы и расходы по аптекѣ.

Въ 1804 г. домовая аптека отдана въ содержаніе аптекарю Буттеру (*) на слѣдующихъ условіяхъ: „1. На покупку лекарствъ 1500 р. отпускать ему впередъ. 2. Лекарства въ Больницу бѣдныхъ отпускать по откупной цѣнѣ. 3. Отпускать ему казеннаго вина отъ 400 до 500 ведеръ. 4. Рецептурную и ручную продажу поручить ему безотчетно. 5. Жалованье производить ему по штату."

7 августа 1808 г. прибавлено аптекарю 35 коп. на рубль, вслѣдствіе возвышенія аптекарской таксы на такой же процентъ, что составило 525 руб.; а 26 февраля 1811 года добавлено еще 975 руб. по дороговизнѣ ревеня, цѣна коего возвысилась до 265 р. за пудъ. Министромъ полиціи отпущено было въ домовую аптеку Воспитательнаго Дома 6 пудовъ его по 130 руб. пудъ; при этомъ министръ увѣдомлялъ, что впредь не будетъ возможности отпускать ревень по этой цѣнѣ.

При учрежденіи Вдовьяго Дома въ 1803г. (**), лекарства для него отпускались изъ аптеки Воспитательнаго Дома.

Во врачебно-полицейскомъ отношеніи аптека Воспитательнаго Дома была подчинена общимъ узаконеніямъ.

Въ 1812 году аптека сгорѣла; заботы Императрицы Маріи Ѳеодоровны по снабженію заве-

(*) Высоч. утв. докладъ Моск. Опек. Совѣта 5 февраля.
(**) Высоч. повелѣніе 29 іюня.

денія лекарствами изложены въ запискѣ о 1812 годѣ. Въ началѣ 1813 года начальство Дома было того мнѣнія, чтобы вновь аптеки не заводить; но рѣшеніе этого дѣла отложено до возвращенія въ Москву Опекунскаго Совѣта. 2-го іюля утвержденъ докладъ Совѣта о томъ, чтобы дѣло поручить прежнему аптекарю Буттеру, на слѣдующихъ условіяхъ: „1. На наемъ дома для аптеки и для служащихъ при ней выдавать ему ежегодно по 4000 р. съ тѣмъ, чтобы онъ нанялъ помѣщеніе, какъ можно ближе къ Воспитательному Дому. 2. Вмѣсто бывшей сгорѣвшей казенной аптечной посуды, инструментовъ и матеріаловъ выдать ему единовременно 8.815 р. 34 коп. съ тѣмъ, чтобы онъ на посуду и инструменты употребилъ не менѣе 3.057 руб. 60 коп., а остальное на медикаменты и чтобы впредь не требовалъ уже никакого вознагражденія. 3. По устроеніи аптеки выдавать ему ежегодно положенные по штату 1.500 руб. и добавочныхъ 1.500 руб., пока такса на лекарства не понизится, равно дрова, вино и проч. по прежнему положенію. 4. Отпускать лекарства въ больницы Дома и чиновникамъ, по точной силѣ Высочайше утвержденнаго съ нимъ условія.

При неоднократныхъ свидѣтельствахъ аптеки Буттера, находимы были въ ней разные безпорядки, вслѣдствіе чего, 8 іюля 1815 г., Опекунскій Совѣтъ положилъ представить на Высочайшее усмотрѣніе о передачѣ аптеки другому лицу; 31 августа послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ устройствѣ аптеки на томъ же основаніи, какъ при С.Петербургскомъ Воспитательномъ Домѣ. Посему Совѣтъ положилъ составить смѣту на постройку для аптеки дома или покупку его для аптеки у частныхъ лицъ; а между тѣмъ заключить условіе на поставку лекарствъ съ однимъ изъ московскихъ аптекарей. 10-го сентября утвержденъ докладъ Совѣта о прекращеніи выписки лекарствъ изъ аптеки Буттера, по продолжающейся его неисправности (*), и о заключеніи контракта, въ видѣ опыта, на годъ съ аптекаремъ Шиллингомъ съ такими условіями:

1. Аптеку Шиллинга считать аптекою Воспитательнаго Дома и состоять ей подъ покровительствомъ Дома. 2. Шиллингу считаться наслужбѣ Воспитательнаго Дома со всѣми правами для прочихъ въ немъ служащихъ установленными. 3. Выдаваемое Буттеру по штату жалованье, равно гезелю, ученикамъ и работникамъ выдавать Шиллингу въ свое время. 4. На содержаніе аптеки, до пониженія на медикаменты и матеріалы цѣнъ, 3000 руб. и на наемъ для аптеки дома 4000 руб., отпускавшіеся Буттеру, отпускать и Шиллингу, также пользоваться ему покупкою хлѣбнаго вина по казенной цѣнѣ отъ 400 до 500 ведеръ, возкою отъ Воспитательнаго Дома воды и безденежнымъ отъ него полученіемъ 200 сажень дровъ, съ тѣмъ, что со всѣми сими правами онъ принимаетъ и обязанность Буттера; кромѣ того онъ обязывается не требовать отъ Воспитательнаго Дома пособій, какъ это дѣлалъ Буттеръ, ибо онъ имѣетъ достаточный кредитъ.—Хотя же другой содержатель аптеки на Полянкѣ Кубе и уступалъ 100 саж. дровъ, но по отдаленности его аптеки отъ Дома, Опекунскій Совѣтъ полагалъ Шиллингу дать преимущество, тѣмъ болѣе, что онъ представилъ за себя поручителей. Въ тоже время отъ Медицинской Конторы былъ командированъ чиновникъ для свидѣтельства медикаментовъ, посуды и матеріаловъ, которые Шиллингъ принималъ отъ Буттера.

13 марта 1816 г. Опекунскій Совѣтъ представилъ было докладъ, объ устройствѣ особой для Дома аптеки; но этотъ докладъ оставался безъ утвержденія,—и 12 іюля Ея Величество, изволила отозваться, что по чрезмѣрно высокой исчисленной на то суммы никогда Высочайшаго соизволенія не послѣдуетъ.

Съ Шиллингомъ возобновлены условія въ 1816 и 1817 г. (*).

2 ноября 1817 г. утвержденъ докладъ Совѣта объ оставленіи Шиллинга, согласно его жела-

(*) Въ 1826 г., по ходатайству вдовы Буттера, въ уваженіе долговременной службы мужа ея и крайне несчастнаго положенія ея семейства, положено сложить числившійся на Буттерѣ долгъ, въ количествѣ 3800 р. 67½ коп.

(*) Выс. утвержд. доклады Совѣта, 30 ноября 1816 г. и 24 апрѣля 1817 г.

нію, въ службѣ Дома на безсрочное время на прежнемъ положеніи, но съ тѣмъ, что если когда разсуждено будетъ Совѣтомъ условія съ нимъ прекратить, то предварительно объявить ему за 3 мѣсяца, равно если и онъ не пожелаетъ на тѣхъ условіяхъ снабжать Домъ и другія заведенія лекарствами, долженъ также объявить за 3 мѣсяца.

6 августа 1819 г. разрѣшено прибавить Шиллингу къ получаемымъ имъ 3000 руб. на содержаніе аптеки 1.500 руб. въ годъ, что и продолжать въ теченіе 3 лѣтъ; въ случаѣ же пониженія цѣнъ къ тому времени на аптекарскіе матеріалы и вещи, означенную прибавку прекратить.

По докладу Совѣта о вознагражденіи Шиллинга за убытки отъ возвышенія цѣнъ на вино, 31 декабря 1820 г., Высочайше повелѣно Совѣту—представить мнѣніе о количествѣ употребленнаго аптекаремъ Шиллингомъ въ 1819 и 1820 годахъ собственно на лекарства для Дома вина и слѣдуемомъ ему вознагражденіи, такъ какъ невозможно, чтобы все количество, 500 ведеръ, было употреблено на лекарства для одного Дома, ибо это составило бы $1^1/_2$ ведра въ день; но что вѣроятно значительнѣйшая часть этого количества употреблена имъ на лекарства, продаваемыя по вольной цѣнѣ, за которыя онъ получалъ и соразмѣрныя выгоды. Согласно сему утвержденъ, 4 марта 1821 г., докладъ Совѣта о выдачѣ аптекарю Шиллингу денегъ переплаченныхъ имъ противъ бывшей казенной цѣны, за вино употребленное на лекарства въ 1819 и 1820 годахъ, въ количествѣ 460 ведеръ, всего 1056 руб. и о производствѣ ему платы и впредь на семъ же основаніи.

По сломкѣ для нынѣшняго зданія Совѣта дома кн. Гагарина, гдѣ помѣщалась аптека, она перемѣщена въ домъ де-Брогліо; выдача квартирныхъ денегъ аптекарю сохранена, но въ вознагражденіи его за перемѣщеніе отказано (*).

28 марта 1823 года, послѣдовало Высочайшее замѣчаніе, что аптекарю Шиллингу еще въ октябрѣ 1822 года слѣдовало бы прекратить прибавку 1.500 руб., потому что изъ отчетовъ всѣхъ больницъ видно пониженіе цѣнъ на аптекарскіе матеріалы. Но Совѣтъ представилъ о продолженіи производства аптекарю Шиллингу, по случаю продолжающихся высокихъ цѣнъ на аптекарскую посуду, прибавочныхъ 1.500 руб. къ 3,000 руб. по истеченіи 3-лѣтняго срока, до тѣхъ поръ, пока цѣны на посуду не понизятся. Этотъ докладъ утвержденъ 21 августа. Такое же распоряженіе было въ 1824, 1826, 1827 и 1829 годахъ. Въ послѣднемъ изъ этихъ годовъ основаніемъ, для рѣшенія Совѣта, послужили: во 1-хъ, увѣдомленіе Медицинской Конторы, что выгоды содержателей аптекъ въ то время противъ 1815 г. уменьшились $^1/_4$ частію и что цѣны на лекарства по таксѣ 1826 г. вообще можно почитать равными цѣнамъ по таксѣ 1815 года; во 2-хъ то, что число пользующихся медикаментами изъ аптеки Воспитательнаго Дома съ 1815 г. увеличилось. При этомъ постановленіи кромѣ того заключено ежегодно собирать справки о цѣнахъ на аптекарскіе матеріалы, медикаменты и посуду, и въ случаѣ непониженія ихъ, производить, по истеченіи года, и впредь Шиллингу прибавку по 1500 руб.

Въ 1840 г. хотя цѣны на аптекарскіе матеріалы и понизились, но добавочныя деньги аптекарю уплачены по уваженію дороговизны съѣстныхъ припасовъ (*).

Въ 1843 г. положено Шиллингу, какъ находящемуся въ службѣ Дома со всѣми правами прочихъ служащихъ, производить 5-лѣтнія прибавки къ жалованью, со времени класснаго званія его на службѣ, не удовлетворяя однако его прибавочною суммою за прошлые года (**).

Въ 1845 году, Шиллингъ обратился въ Совѣтъ съ просьбою объ оказаніи ему нѣкотораго вспомоществованія, вслѣдствіе возраставшаго годъ отъ году отпуска изъ его аптеки лекарствъ въ Воспитательный Домъ, по случаю увеличившагося числа родильницъ въ Родильныхъ Госпиталяхъ, числа кроватей въ больницахъ, а также числа чиновниковъ и приставницъ въ Воспитательномъ Домѣ. Вслѣдствіе

(*) Высочайше утверж. докладъ Совѣта 22 октября 1821 года.

(*) 25 ноября 1840 г., журн. Моск. Оп. Сов.

(**) 22 мая 1843 г., журн. Моск. Оп. Сов.

чего положено было, въ вознагражденіе долговременной службы Шиллинга, трудовъ его и увеличившагося расхода по аптекѣ, прибавить къ производившемуся ему жалованью 250 р. сер. еще 250 руб. сер., не распространяя только права на 5-лѣтнія прибавки за прошедшее время съ сего новаго прибавленія (*).

Въ 1849 году, по смерти Шиллинга, заключено было съ сыномъ его провизоромъ Шиллингомъ, новое условіе, на основаніи коего, вмѣсто отпускавшихся отцу его на содержаніе аптеки, наемъ дома, покупку медикаментовъ и вина 2.460 руб., положено платить ему 3,500 руб. ежегодно, и сверхъ того, какъ и прежде, отпускать на отопленіе аптеки въ годъ 200 саж. дровъ; съ своей же стороны Шиллингъ обязался снабжать медикаментами лучшаго качества всѣ больницы Воспитательнаго Дома, Родильнаго Госпиталя и Повивальнаго Института, равно отпускать лекарства для чиновниковъ и нижнихъ служителей съ ихъ семействами (**).

По журналу Совѣта 7 іюня 1843 г., отпускъ лекарствъ для Вдовьяго Дома изъ аптеки Воспитательнаго Дома прекращенъ, съ тѣмъ, чтобы лекарства отпускались изъ аптеки Маріинской больницы, въ которой сердобольныя вдовы исправляютъ дежурства.

Въ 1858 году возобновилъ условіе съ Воспитательнымъ Домомъ аптекарь Ланге, купившій аптеку у Шиллинга. Но уже 2-го октября того же года, онъ просилъ о прибавкѣ ему платы и заключеніи съ нимъ условія на новыхъ основаніяхъ, потому что цѣны на жизненные припасы и аптекарскіе матеріалы возвысились, расходъ лекарствъ въ больницахъ удвоился, и наконецъ увеличился пріемъ грудныхъ младенцевъ и составъ служащихъ. Основаніе предполагаемаго новаго условія заключалось въ томъ, чтобы за лекарства, отпускаемыя по рецептамъ врачей Воспитательнаго Дома, для всѣхъ служащихъ, производить Ланге плату по аптекарской таксѣ, изъ которой онъ уступалъ 30%, а за лекарства патентованныя платить ему по цѣнамъ, существующимъ у матеріалистовъ.

Главный докторъ, съ своей стороны, ходатайствовалъ о заключеніи съ Ланге контракта, болѣе соотвѣтствующаго настоящимъ потребностямъ заведенія, такъ какъ сумма, назначенная на содержаніе аптеки, далеко не покрываетъ собственныхъ расходовъ аптекаря. Инспекторъ по медицинской части также отозвался, что просьбу Ланге слѣдуетъ уважить.

По представленію о семъ Опекунскаго Совѣта, послѣдовало Высочайшее соизволеніе (*) на то „чтобы заключенный въ 1858 году съ аптекаремъ Ланге контрактъ на поставку лекарствъ для здѣшняго Воспитательнаго Дома и подвѣдомственныхъ ему заведеній, равно для состоящихъ въ Совѣтѣ чиновниковъ, нижнихъ служителей и ихъ семействъ, продолженъ былъ до 1861 года и чтобы сверхъ опредѣленной въ томъ контрактѣ суммы 3.500 руб. производима была ему за приготовляемыя въ аптекѣ лекарства, которыми будутъ пользоваться чиновники, особая отъ Воспитательнаго Дома плата по аптекарской таксѣ за вычетомъ 30%, а за патентованныя лекарства по торговой цѣнѣ, каковая прибавка составитъ въ годъ примѣрно до 3 т. руб., съ отпускомъ сихъ денегъ изъ общихъ Воспитательнаго Дома доходовъ.“

24 сентября 1859 по возбужденному вопросу, Совѣтомъ пояснено, что „къ семействамъ служащихъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ и Воспитательномъ Домѣ, пользующихся правомъ безденежнаго полученія лекарствъ изъ аптеки Ланге, по заключенному съ нимъ условію, слѣдуетъ отнести не только жену и дѣтей, а при служащихъ лицахъ женскаго пола мужа съ дѣтьми, но также родныхъ братьевъ и сестеръ ихъ, составляющихъ семейство служащаго лица, и живущихъ вмѣстѣ съ нимъ, не распространяя права безденежнаго пользованія лекарствами на прислугу, которая обязана имѣть адресные билеты и въ случаѣ болѣзни лечиться безденежно въ учрежденныхъ для чернорабочаго класса больницахъ; чтоже касается учителей, изъ ко-

(*) Высочайше утвержд. докладъ Московск. Опекунскаго Совѣта, 15 мая 1845 г.

(**) Журн. Моск. Опек. Совѣта, 19 января 1849.

(*) Журналъ Моск. Опек. Совѣта 22-го марта 1859 года.

ихъ многіе сверхъ службы при Воспитательномъ Домѣ состоятъ еще въ другихъ вѣдомствахъ, съ полученіемъ отъ оныхъ и содержанія, то на семъ основаніи, право безвозмезднаго пользованія лекарствами, предоставить только тѣмъ изъ нихъ, которые служатъ исключительно при одномъ Воспитательномъ Домѣ, принимая ихъ семейства въ вышеобъясненномъ объемѣ и значеніи."

На основаніи отзывовъ гг. главнаго доктора и главнаго акушера, о неимѣніи надобности въ измѣненіи условій контракта, начальство Московскаго Воспитательнаго Дома полагало заключить съ аптекаремъ Ланге условіе еще на два года на прежнихъ основаніяхъ, такъ какъ онѣ выгодны для Воспитательнаго Дома, тѣмъ болѣе, что за отдѣленіемъ отъ вѣдомства Опекунскаго Совѣта Сохранной и Ссудной Казны и Сберегательной Кассы число чиновниковъ, пользующихся изъ аптеки Г. Ланге, уменьшилось, о чемъ и представлено было Совѣту 23 ноября 1860 года.

Его Величеству благоугодно было Всемилостивѣйше соизволить на отпускъ, изъ общихъ доходовъ Воспитательнаго Дома, потребной для сего ежегодно суммы, которая за отдѣленіемъ отъ вѣдомства Совѣта кредитныхъ учрежденій и уменьшеніемъ за тѣмъ числа пользующихся изъ аптеки чиновниковъ должна быть ниже цифры, употреблявшейся Совѣтомъ на тотъ же предметъ суммы до 6.500 руб., ежегодно (*).

По истеченіи срока сему контракту, когда Совѣтъ испрашивалъ разрѣшенія продлить оный еще на годъ, Государю Императору благоугодно было предоставить Совѣту право утверждать на будущее время условія для поставки лекарствъ, на прежнемъ основаніи, не испрашивая на сіе каждый разъ Высочайшаго соизволенія (**).

(*) Журналъ Моск. Опек. Совѣта 9-го января 1861 года.
(**) Журналъ Московскаго Опекунскаго Совѣта 15 апрѣля 1862 г.

О ПРИНОШЕНІЯХЪ ВЪ ПОЛЬЗУ ВОСПИТАТЕЛЬНАГО ДОМА И НѢКОТОРЫХЪ ДРУГИХЪ ЕГО ДОХОДАХЪ.

При учрежденіи Воспитательнаго Дома имѣлось въ виду не обременять Казны его содержаніемъ: надѣялись найти достаточныя для того средства въ „общемъ подаяніи" благотворительныхъ лицъ. Первыя приношенія сдѣланы Императрицею Екатериною II-ю—100 т. р., и Наслѣдникомъ Престола Павломъ Петровичемъ—50 т. р. За пожертвованія, смотря по значительности ихъ, предоставлялись разныя льготы и раздавались благодарственные листы, почетныя званія, медали и даже чины, что безъ сомнѣнія служило поощреніемъ.

Воспитательный Домъ принималъ съ признательностью всякое даяніе и не только деньгами, но съѣстными припасами и другими предметами.

Въ 1-й Части Плана Воспитательнаго Дома, главѣ 4-й, о средствахъ учрежденія, говорится:

1. Возлагается упованіе на щедрыя подаянія публики по примѣру Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества.

2. Подаянія могутъ состоять не въ однихъ деньгахъ, но и въ съѣстныхъ припасахъ, матеріалахъ и выработанныхъ вещахъ.

3. Для отчета во всѣхъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ доходахъ, Экономъ содержитъ генеральную приходную книгу, въ которую записываются всѣ доходы, въ чемъ бы они ни состояли.

4. Для отвращенія же похищенія и поощренія общенародства къ милосердію: 1, принесшему подаяніе выдается росписка за рукою Главнаго Надзирателя и Эконома; 2, ежемѣсячно публикуются извѣстія о полученныхъ подаяніяхъ, а въ концѣ года генеральный реэстръ.....

Помогали собирать пожертвованія попечители и почетные благотворители. Объ учрежденіи

званія попечителя говорится въ 1-й главѣ 1-й части Плана въ § 3. Они назначались для сбора подаяній и для защиты питомцевъ по выходѣ изъ Дома и избирались „изъ знатнѣйшихъ жителей духовныхъ и свѣтскихъ.“ Имена попечителей записывались въ Опекунскомъ Совѣтѣ въ особую книгу, печатались въ вѣдомостяхъ и имъ выдавались благодарственные листы. Кромѣ того выставлялись портреты попечителей, сдѣлавшихъ значительныя пожертвованія. О почетныхъ благотворителяхъ упоминается въ изданіи Бецкаго 1789 г., гдѣ въ предварительномъ объясненіи сказано, что въ крайнихъ случаяхъ собирается генеральное собраніе, которое составляется изъ главнаго попечителя, *почетныхъ благотворителей*, оберъ-директора, опекуновъ и контролеровъ. Въ почетные благотворители приглашались 12 человѣкъ изъ знатнѣйшихъ въ государствѣ особъ, въ томъ числѣ духовникъ Ея Императорскаго Величества и два архіепископа. Обязанности ихъ изложены въ письмѣ къ нимъ Бецкаго, напечатанномъ во 2-мъ томѣ извѣстій.

Благодарственные листы на званіе попечителей и почетныхъ благотворителей выдавались за подписью Главнаго Попечителя и Опекунскаго Совѣта по формѣ, напечатанной въ изданіи Бецкаго 1774 г., т. 1-й дополн. стр. 16 и 17. Вызовъ почетныхъ благотворителей, письмо Бецкаго и подписи на немъ изъявившихъ согласіе принять на себя обязанности этого званія напечатаны въ томъ же изданіи стр. 38—42.

Бецкой желалъ имѣть попечителей по всей Имперіи; почему, въ ноябрѣ 1765 года, писано было отъ Опекунскаго Совѣта ко всѣмъ губернаторамъ о приглашеніи въ попечители дворянства и купечества. При выборѣ попечителей Бецкой совѣтывалъ крайнюю разборчивость: „въ носящихъ это званіе,—говорилъ онъ,—должна быть извѣданная честность, дабы на Домъ не пало какого безславія.“

Члены Опекунскаго Совѣта, по сложеніи съ себя этого званія, оставались попечителями.

Благотворителямъ и попечителямъ раздавались медали, выбитыя въ память основанія Дома. Медали эти были золотыя, серебряныя и бронзовыя. На выдачу медалей положительныхъ правилъ установлено не было: онѣ раздавались по усмотрѣнію Бецкаго, который руководился при этомъ конечно количествомъ пожертвованія, а также другими соображеніями. 11 мая 1766 г. Бецкой прислалъ въ Совѣтъ для храненія 6 мѣдныхъ и одну серебряную медаль, а 23 февраля 1767 г.—20 золотыхъ, 142 серебряныхъ и 664 бронзовыхъ.

При медали обыкновенно выдавались и объяснительные къ ней листочки (письмо Бецкаго 19 апрѣля 1771 г.).

Въ брошюрѣ „Исторія основанія и открытія Воспитательнаго Дома“ 1836 г. сказано, что золотыя медали сначала розданы были только 11 лицамъ: гр. А. П. Бестужеву-Рюмину, гр. А. Г. Разумовскому, гр. Г. Г. Орлову, гр. А. Г. Орлову, кн. Я. П. Шаховскому, Н. И. Панину, гр. Эрнсту фонъ-Миниху, графинѣ П. А. Брюсъ, И. И. Козлову, кн. Д. М. Голицыну и кн. Д. А. Голицыну. Въ послѣдствіи въ 1765 г. даны были золотыя медали: 3 февраля Московскому купечеству 1-й гильдіи (2-й гильдіи дана серебряная медаль); 25 апрѣля благотворителю въ Амстердамѣ Логину Говію; 16 іюня опекуну Ѳ. И. Бобарыкину; 11 марта 1767 г. попечителю Бахметеву и 20 апрѣля 1772 г. П. А. Демидову.—Золотыя медали получали и члены Опекунскаго Совѣта; это видно изъ письма членовъ Московскаго Совѣта къ Бецкому отъ 10 апрѣля 1775 г., въ которомъ они ссылаясь на прежнихъ членовъ Совѣта, получавшихъ золотыя медали при вступленіи ихъ въ это званіе, просили снабдить ихъ такими же медалями. По представленію Опекунскаго Совѣта, отъ 19 августа 1779 г., была выдана золотая медаль благодѣтелю, директору заводовъ Я. Б. Твердышеву.—12 іюня поднесена золотая медаль графу Фалькенштейну (Императору Іосифу II) при посѣщеніи имъ Московскаго Воспитательнаго Дома (*).

Бронзовыя медали выдавались сначала попечителямъ: такъ надо заключить изъ распоряженія Бецкаго, 4 февраля 1765 г., а 26 октя-

(*) С.Петербургскій Вѣстникъ ч. V. іюнь, стр. 479.

бря 1766 г. Бецкой назначилъ выдавать такія медали за подаянія не менѣе 50 рублей (*).

Воззваніе къ благотворительности не было тщетнымъ. Списокъ приносившихъ пожертвованія въ пользу Воспитательнаго Дома весьма длиненъ. Въ предлагаемомъ изданіи помѣщенъ особый списокъ всѣхъ благотворителей Воспитательнаго Дома, съ указаніемъ количества пожертвованій съ основанія Воспитательнаго Дома, до настоящаго времени. Приношенія были раздѣлены на окладныя и не окладныя. Къ числу первыхъ принадлежатъ всемилостивѣйшія пожалованія Императрицы Екатерины II-й и Цесаревича Павла Петровича. Въ пользу Московскаго Воспитательнаго Дома ежегодно назначаемыя пожалованія Ея Величествомъ поступали до 1782 г.; а съ этого времени отпускъ этихъ денегъ прекращенъ и назначенъ на содержаніе С.Петербургскаго Воспитательнаго Дома. Самая выдача всемилостивѣйшихъ подаяній производилась изъ Кабинета Ея Величества, но не всегда въ назначенный срокъ, такъ что Бецкой вынужденъ былъ иногда дѣлать Кабинету напоминовенія. Не всегда исправны были и частныя лица, подписавшіяся на окладное подаяніе: въ апрѣлѣ 1775 г. Бецкой предлагалъ Опекунскому Совѣту воспользоваться присутствіемъ Двора въ Москвѣ, чтобы получить окладныя пожертвованія, изъ коихъ многія не были внесены до того времени.

Съ теченіемъ времени пожертвованія стали рѣже. Бецкой относилъ это въ письмѣ своемъ Московскому Опекунскому Совѣту къ неумѣреннымъ издержкамъ начальства Воспитательнаго Дома, возбуждавшимъ ропотъ благотворителей.

Въ слѣдующей таблицѣ исчислены пожертвованія, поступившія въ пользу Воспитательнаго Дома отъ Императрицы Екатерины II-й и Цесаревича Павла Петровича.

годы.	отъ Императрицы.	отъ Государя наслѣдника.
1763	20.000 р.	20.000 р.
1764	11.000 —	— —
1765	70.000 —	33.333 — 33 к.
1766	50.000 —	19.999 — 99½
1767	75.000 —	19.999 — 99½
1768	38.321 — 91½ к.	19.999 — 99½
1769	41.333 — 33 —	19.999 — 99½
1770	89.899 — 99 —	19.999 — 99½
1771	52.099 — 99½ —	19.999 — 99½
1772	35.999 — 99½ —	19.999 — 99½
1773	63.999 — 99½ —	19.999 — 99½
1774	49.999 — 99½ —	19.974 — 99½
1775	85.466 — 66— —	26.666 — 66—
1776	74.999 — 99½ —	19.999 — 99½
1777	33.333 — 33½ —	13.333 — 33—
1778	49.999 — 99½ —	19.999 — 99½
1779	49.399 — —— —	19.999 — 99½
1780	49.999 — 99½ —	19.999 — 99½
1781	16.666 — 66½ —	19.999 — 99½
1782		26.666 — 67—
1783		20.000
1784		20.000
1785		20.000
1786		20.000
1787		20.000
1788		20.000
1789		20.000
1790		20.000
1791		20.000
1792		20.000
1793		20.000
1794		20.000
1795		20.000
1796		20.000

До открытія Сохранной Казны нѣкоторыя лица уже закладывали свои имѣнія Воспитательному Дому и при полученіи ссудъ, назначали, по своему усмотрѣнію, извѣстный процентъ со всего займа или общую сумму, какую они желали пожертвовать въ пользу Воспитательнаго Дома.

Въ пользу Дома учрежденъ былъ еще кружечный сборъ. Кружки выставлялись въ са-

(*) 29 апрѣля 1802 года Императрица Марія Ѳеодоровна повелѣла прислать Ея Величеству, если есть при Московскомъ Воспитательномъ Домѣ, золотыя и серебряныя медали, обыкновенно даваемыя за какія либо Дому оказываемыя услуги. Ея Величество, избравъ изъ сихъ медалей 5 золотыхъ, 65 серебряныхъ и 85 бронзовыхъ, изволила отослать ихъ въ С.Петербургскій Опекунскій Совѣтъ для употребленія по назначенію Ея Величества; остальныя медали возвращены обратно при повелѣніи, 14 мая, хранить для равнаго употребленія; прочія же медали и монеты, пожертвованныя Дому въ разное время, повелѣно было хранить при Московскомъ Восп. Домѣ, какъ собственность его, въ память усердія подарившихъ оныя.

момъ заведеніи и при церквахъ, какъ православныхъ, такъ и иновѣрческихъ. У поставленныхъ для подаянія кружекъ была надпись, которая напечатана въ изданіи Бецкаго 1774 г. (Т. I-й дополн. стр. 15). Она взываетъ къ милосердію проходящихъ, напоминая Евангельскія событія—благословеніе дѣтей Спасителемъ и наставленіе, данное Имъ богачу для наслѣдованія царствія небеснаго; а также указывая на человѣколюбіе Государыни.

Учрежденію кружекъ при церквахъ и монастыряхъ содѣйствовалъ Амвросій, архіепископъ московскій и калужскій, бывшій членомъ Московскаго Опекунскаго Совѣта.

Въ Воспитательномъ Домѣ кружки стояли при входѣ въ „квадратъ," въ экономской конторѣ и въ „Китайскомъ" домѣ. Иногда, во время экзаменовъ воспитанниковъ, кружки подносимы были посѣтителямъ, для сбора пожертвованій; такъ въ апрѣлѣ 1771 г., кружки съ этою цѣлію носили генералъ-аншефъ Петръ Ивановичъ Панинъ и его супруга.

Деньги изъ церковныхъ кружекъ, доставлялись Московскою Духовною Консисторіею, а иногда Преосвященнымъ Амвросіемъ. Кружечный сборъ, доставлялся и изъ другихъ епархій, какъ-то: отъ Аѳанасія, епископа ростовскаго, Геннадія, епископа переяславскаго и дмитровскаго (1773), изъ Алатырской Духовной Консисторіи (1778), Нижегородской и Ростовской Консисторія (1779) и Корниліева Казанскаго Монастыря. Такой же сборъ поступалъ изъ церквей Армянской, старо и ново-Лютеранской, Реформатской, Голландской и Римско-Католической (1772). Сборъ этотъ изъ Армянской церкви доставлялъ оберъ-директоръ коммерцій и попечитель Воспитательнаго Дома В. М. Хастатовъ, въ домѣ котораго находилась и самая церковь.

Лишь одинъ 1768-й годъ особенно былъ счастливъ по количеству кружечнаго сбора и то потому только, что 15 января этого года Государыня Императрица, въ бытность свою въ Воспитательномъ Домѣ, положила въ кружку собственноручную записку на имя Адама Васильевича Олсуфьева объ отпускѣ Воспитательному Дому 10 т. рублей.

Всего въ 1768 г. высыпано изъ кружекъ 10108 р. 18¼ к., а въ 1767 г. 1371 р. 55½ коп., за тѣмъ съ 1769 по 1796 г. включительно поступило во все время только 915 р. 88 к.

Генеральнаго плана, части 1 й, главы 6-й о привилегіяхъ Дома сказано въ пунктахъ:

10. Кто изъ дворянства опредѣлитъ Дому отъ 600 р. и болѣе ежегоднаго по жизнь свою дохода, такого имя въ книгахъ сего Дома и портретъ хранится должны. Если же кто сдѣлаетъ такое пожертвованіе изъ купечества и другихъ чиновъ, кромѣ крѣпостныхъ, то пользуется чиномъ Камерира отъ Коллегіи, имя его и портретъ также будутъ хранимы. Кто же дастъ единовременно 1000 руб., тотъ получаетъ чинъ коммисара коллегіи, (*) письменное въ томъ свидѣтельство и по желанію его публикуется въ вѣдомостяхъ. (**) Если же кто свыше того наличными деньгами, деревнями, дворами и прочимъ, знатную въ тотъ Домъ отдачу учинитъ; того не только вышеписаннымъ почтить, ежели онъ того по званію своему пожелаетъ, но яко благодѣтеля, въ церквахъ сего Дома въ жизнь и по кончинѣ въ молитвахъ поминать, должно.

11. Если кто не изъ дворянъ дастъ въ подаяніе отъ 25 р., то за безчестіе получаетъ противъ подаянія, а за увѣчье вдвое, во свидѣтельство чего выдается ему видъ отъ Опекунскаго Совѣта и публикуется въ вѣдомостяхъ; если же при обидѣ не получитъ черезъ недѣлю удовлетворенія, то вступаются за него опекуны и попечители, а при неуспѣхѣ Главный Попечитель доноситъ Ея Императорскому Величеству.

Отъ лицъ, получившихъ коммисарскіе чины, внесено:

(*) Право Восп. Дома награждать за денежныя пожертвованія чинами отмѣнено установленіемъ по Восп. Домамъ 23 декабря 1797 г. п. 10.

(**) Кромѣ свидѣтельства на чинъ выдавались отъ В. Дома шпаги, которыя въ первое время покупались французскія, цѣною по 10 рублей.

Въ 1766	4000 р.	Въ 1781	1000 р.
— 1769	2000	— 1782	2250
— 1770	3000	— 1783	1000
— 1771	3000	— 1785	2000
— 1772	3000	— 1787	1000
— 1773	1000	— 1788	4000
— 1776	2000	— 1791	4000
— 1777	1000	— 1794	3000
— 1778	1000	— 1795	2000
— 1779	1000	— 1796	1000
— 1780	1000		43.250 р.

Деньги эти внесли неслужащій дворянинъ, 2 канцеляриста, 7 мѣщанъ, 2 казака, 2 фабриканта, пѣвчій Московскаго митрополита, нѣсколько свободныхъ и вольныхъ людей.

Вольноотпущенные, приносившіе пожертвованія, принимались сначала на службу въ Воспитательный Домъ сержантами. Такъ наприм. уволенный отъ кн. Долгоруковой Лапшинъ принятъ на службу въ Домъ сержантомъ, по письму Бецкаго 29 августа 1771 г. Сержантскіе же чины получили Сердюковъ и Порываевъ, по письму Бецкаго 21 октября того же года. Но 13 мая 1776 г. Бецкой писалъ, что не находитъ препятствія къ производству въ чины получающихъ вѣчную свободу людей, желающихъ пользоваться чиномъ и почтеніемъ противъ коммисара, почему дозволялъ производить въ сіи званія прямо, безъ всякихъ другихъ обрядовъ. Съ согласія же Бецкаго награжденъ чиномъ пѣвчій митрополита Тимоѳея, дьяконскій сынъ Иванъ Аѳанасьевъ, женившійся на вдовѣ маіора А. Г. Васильчикова, хотя по проискамъ родственниковъ своей жены, умершей въ чуму, онъ и находился подъ судомъ. 22 мая 1766 г. Бецкой писалъ, что если Аѳанасьевъ, по учиненной въ Консисторіи справкѣ, не крѣпостной и не записанъ въ подушный окладъ, то въ награжденіи его коммисарскимъ чиномъ онъ сомнѣнія не находитъ; слѣдствіе же о его женидьбѣ до плана Воспитательнаго Дома не принадлежитъ; а если есть какія другія обстоятельства, то передаетъ благоусмотрѣнію Совѣта. Аѳанасьевъ, попавшись въ послѣдствіи въ тюрьму, просилъ выручки у Опекунскаго Совѣта, который ему въ томъ отказалъ, возвративъ и прошеніе. Бецкой нашелъ (9 мая 1774 г.) такое распоряженіе Совѣта предосудительнымъ, полагая, что „въ потребномъ случаѣ, въ соблюденіи долга благотворенія, заступленіемъ или пристойною помощію по благоусмотрѣнію Совѣта похвально бъ было, чтобъ не былъ оставленъ.“

Давать какіе либо другія права, кромѣ чина, вносившимъ по 1000 руб., Бецкой не находилъ возможнымъ и въ подобной просьбѣ прямо отказалъ двоимъ Бородкинымъ и Сафонову (5 января 1766 г.).

Впрочемъ и самъ Бецкой находилъ, что заступничество Воспитательнаго Дома должно было имѣть свои предѣлы. Такъ, въ письмѣ 29 мая 1776 г., онъ, говоря о имѣющемъ чинъ коммисара Арсеньевѣ, котораго полиція, „по его неисправимой невоздержности, требовала или прислать въ Совѣтъ или предать суду,“ объяснилъ, что „покровительство Воспитательнаго Дома должно быть оказываемо единственно вслучаѣ дѣлаемаго такимъ лицамъ притѣсненія, а не въ отмѣну полагаемаго закономъ справедливаго осужденія; поэтому, преступающіе законы, какъ нерадящіе о себѣ, въ томъ числѣ и Арсеньевъ, какъ непоправляемый ни прежнею защитою, ни увѣщаніями Совѣта, долженъ подлежать тому мѣсту, до котораго касается осужденіе или оправданіе такихъ людей.“

Въ дѣлахъ 1780 г. сохранилась жалоба коммисара острогожскаго жителя Бородкина о томъ, что онъ непризнается начальствомъ и судами за чиновника, подвергается насмѣшкамъ и презрительнымъ утѣсненіямъ и, вмѣсто прежней казацкой службы, платитъ положенную бывшимъ харьковскимъ губернаторомъ Щербининымъ годовую подушную подать въ 95 коп. По сему поводу представлено было Бецкимъ на разсужденіе Генеральнаго Собранія почетныхъ благотворителей, происходившаго 10 августа 1781 года, слѣдующее: „въ силу Генеральнаго Плана положено давать благодѣтельствующимъ вносителямъ по 1.000 р. свидѣтельства на комисарскіе чины; но какъ изъ опытовъ по принесеннымъ жалобамъ видно, что въ противность того Плана показываются препятствія къ ихъ

неудовольствію, то и положено единогласно Генеральнымъ Собраніемъ въ тѣхъ свидѣтельствахъ прописывать: *такой-то награждается чиномъ и почтеніемъ противъ коммисара отъ Коллегій въ 14 классъ*, что точно назначая его достоинство, уже не можетъ впредь навлекать никакихъ противныхъ толковъ."(*)

По случаю пожертвованія смоленскаго мѣщанина Филиппа Щедрина, произошли различныя затрудненія и обстоятельства этого дѣла восходили на рѣшеніе Сената. Со стороны родственниковъ Щедрина началась тяжба о его имѣніи еще прежде уступки его Воспитательному Дому и по спору этихъ родственниковъ просьба Щедрина о взятіи имѣнія его въ сохраненіе Дома не могла имѣть дѣйствія и капиталъ въ Воспитательный Домъ не поступилъ, тѣмъ болѣе, что Филиппъ Щедринъ былъ несовершеннолѣтній, а по указу 23 марта 1714 года никакимъ актамъ отъ имени малолѣтныхъ вѣрить не велѣно. Почему Сенатомъ въ ходайствѣ по сему дѣлу было отказано.

Къ числу прежнихъ доходовъ Воспитательнаго Дома должно отнести штрафы, поступавшіе въ пользу его, или съ отдѣльныхъ лицъ, или съ цѣлыхъ обществъ.

О взысканіи такихъ штрафовъ, въ Планѣ Дома ничего не говорится. Всѣ штрафы, о коихъ упоминается въ дѣлахъ, поступали или по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ, или по опредѣленію правительственныхъ мѣстъ.

Поэтому предмету найдено только одно опредѣлительное узаконеніе. Это именной указъ Генералъ Полиціймейстеру 25 мая 1771 г. (№ 13611 пол. соб. зак.) о строжайшемъ запрещеніи ѣздить и ходить на пожаръ изъ одного любопытства. Съ преступниковъ сего повелѣно взыскивать на Воспитательный Домъ треть оклада жалованья съ имѣющихъ чины. Но поступали ли штрафы этого рода, свѣдѣній въ дѣлахъ нѣтъ; да и вообще съ 1774 года ни о какихъ штрафахъ уже не упоминается, кромѣ развѣ по продажѣ картъ, о чемъ изложено въ статьѣ о привилегіяхъ Дома.

Въ 1765 г., по опредѣленію Государственной Коллегіи, изъ штрафовъ съ Войска Донскаго 10 т. руб., назначено на Воспитательный Домъ 2 т. руб.

По Высочайшему повелѣнію наложенъ былъ на Орловское купечество штрафъ 7,200 р. за чинимые имъ раздоры и прочіе проступки. Въ это число поступило 21 ноября 1765 г. съ купца Дубровина 1000 р., 6 апрѣля 1766 г. вообще 2 т. р., 12 іюня—906 р. 71½ к., 22 іюня—550 р., 20 іюля—300 р., 29 ноября—съ Орловскаго купечества и ратмана Болховскаго Магистрата Медынцева 105 р., 11 декабря—50 р. и 13 іюля съ Орловскаго воеводы Черкасова 200 р.

При письмѣ Бецкаго, 16 февраля 1766 г., сообщенъ указъ Сената о взысканіи въ штрафъ въ пользу Воспитательнаго Дома съ присутствующихъ и секретаря Мануфактуръ Конторы мѣсячнаго жалованья.

Въ томъ же году, 15 мая, изъ учрежденной по именному Ея Императорскаго Величества указу Коммисіи о происшедшей въ с. Петровскомъ дракѣ, присланъ штрафъ съ виновныхъ 9 рублей; а 11 декабря 1766 г. съ кн. Долгорукова поступило въ штрафъ 300 руб.

Въ 1768 г., по Высочайшему повелѣнію, прощенъ былъ купецъ Неручевъ и возвращенъ изъ ссылки въ Оренбургъ, со взысканіемъ съ него въ пользу Воспитательнаго Дома 1500 р. Повелѣніе это объявлено Бецкому тайнымъ совѣтникомъ Г. П. Тепловымъ и сообщено имъ Совѣту 7 февраля.

Въ 1769 г., по указу Сената, поступило въ штрафъ съ московскаго 1-й гильдіи купца Ѳедотова 1,000 р.,—съ Бѣлгородскаго губернатора дѣйствит. ст. сов. Г. И. Шаховскаго—500 р., и наконецъ въ декабрѣ Бецкой извѣстилъ о 50 руб., присланныхъ къ нему изъ Государственной Коммерцъ-Коллегіи въ штрафъ съ браковщиковъ, отлучившихся съ дежурства.

Изъ денегъ, „данныхъ во взятку", поступило въ доходъ Воспитательнаго Дома: 26 ноября 1763 г., изъ Коллегіи Экономіи 70 р., принесенные прокурору ея Зыбину премьеръ-маіоромъ Петрищевымъ; 19 апрѣля 1769 г., изъ Московской Полиціймейстерской Канцеляріи 30 руб., данные архитектору В. Яковлеву под-

(*) *Извѣст. Восп. Дома Т. II. 1791 г. стр. 244 и 245.*

рядчикомъ крестьяниномъ Никитинымъ и 10 руб., данные поручику Бабаеву ямщикомъ Тихоновымъ.

5 августа 1765 г. прислано изъ Конторы Государственной Военной Коллегіи, принесенные лекарю Коризнѣ въ подарокъ за представленнаго въ рекруты крестьянина отъ отдатчика Знайкина 5 руб.

8 іюля 1767 г. сенатскіе курьеры и сторожа прислали къ заводчику П. А. Демидову письмо, въ коемъ, поздравляя его со днемъ ангела, просили на всю сенатскую команду денегъ 20 руб., которые Демидовъ и далъ посланному. При допросѣ же въ Сенатѣ Демидовъ показалъ, „что къ нему въ домъ, Сенатскихъ ротъ приходилъ нѣкто, поздравлялъ его съ именинами, подалъ письмо; но послѣдняго онъ не взялъ и далъ 20 руб. на всю команду.“ Сенатъ опредѣлилъ: „какъ поступокъ и отзывъ Демидова не только весьма непристоенъ, но и поводомъ служить могутъ къ прельщенію и лакомству такихъ людей, то, дабы впредь ему и другимъ того чинить было не повадно, взыскать съ Демидова въ штрафъ 200 руб. и отдать Воспитательному Дому.“ 27 сентября изъ Канцеляріи конфискаціи присланы были 20 руб., данные Демидовымъ сенатскому курьеру съ товарищами; а 15 октября и наложенный на него Сенатомъ штрафъ—200 р.

Въ томъ же году присланы были въ Воспитательный Домъ взысканные по дѣлу бригадира князя С. Кантемира съ извѣстныхъ особъ 2848 р. 60 коп.

По указу Сената 21 августа 1773 г. взыскано съ московскаго купца Семена Спѣсивцева въ штрафъ 250 р., за то, что, будучи подрядчикомъ провіанта, принесъ подпоручику Шишкину 50 рублевую ассигнацію въ подарокъ, для склоненія его къ принятію негоднаго провіанта.

Къ доходамъ Воспитательнаго Дома также должны быть причислены: аукціонъ, лотереи, и принятіе на себя ходатайства по дѣламъ частныхъ лицъ.

Аукціонъ при Воспитательномъ Домѣ учрежденъ былъ еще до открытія Ссудной и Сохранной Казны. Продавались вещи, пожертвованныя разными благотворителями, но не нужныя для Дома, а также нѣкоторыя вещи по коммисіи отъ частныхъ лицъ, за что взимаемо было по 2 коп. съ рубля. Такимъ исполненіемъ коммисій получено въ 3 года только 37 руб. Почему Бецкой, 2 апрѣля 1770 г., писалъ Совѣту, что „онъ полагалъ бы оставить такую продажу, ибо отъ ней ни чести, ни пользы Дому нѣтъ.“ Однако такая продажа производилась и послѣ того; въ 1781 году продавалась по коммисіи камчатская мягкая рухлядь, бобры и проч. Вещи для продажи съ аукціона присылались и изъ Академіи Художествъ. Въ 1766 г., присланъ былъ, въ числѣ прочихъ вещей, бюстъ камеръ-юнгферы Настасьи Ивановны Соколовой, дочери Бецкаго (*). Графъ Минихъ окончательно отмѣнилъ продажу по коммисіи и писалъ Совѣту 2 мая 1795 г., „постороннихъ вещей, не стоющихъ вниманія и безобразящихъ только аукціонную палату, не принимать и не держать; таковыхъ я множество видѣлъ; а по чрезмѣрнымъ цѣнамъ, они никогда и проданы быть не могутъ, поэтому таковыя возвратить ихъ хозяевамъ.“

О назначеніи аукціоновъ публиковалось въ газетахъ; оцѣнку вещей дѣлали купцы рядовъ—холщеваго, серебрянаго, сайдашнаго, астраханскаго что на хорахъ, маслянаго, кафтаннаго и пр.

Изъ журнала Опекунскаго Совѣта 10 декабря 1766 г. видно, что для пріѣзжавшихъ на аукціонъ знатныхъ лицъ куплено было по дюжинѣ крашеныхъ дубовыхъ и орѣховыхъ стульевъ; для угощенія ихъ чаемъ и кофеемъ 2 жаровни, 2 чайника для согрѣванія воды, чаю жулану 2 ф. по 3 р. 40 к., цыбишнаго 1 ф. въ 2 р. 80 к., кофе 11 ф. по 25 к., сахару пекарскаго $39^1/_2$ ф. по 22 к., спирту для нагрѣванія чаю на 16 к., и пр.

На лотереи, какъ средство дохода, указано было въ привилегіяхъ Дома.

На сообщенный Бецкому планъ лотереи, онъ отвѣчалъ: „о розыгрышѣ въ лотъ по желанію Его сіятельства князя Якова Петровича Шаховскаго вещей съ пользою Дому я согла-

(*) Изъ свѣдѣній, доставленныхъ П. В. Шереметевскимъ.

суюсь, а притомъ объявить имѣю не лучше ли вмѣсто назначаемыхъ для подписокъ лотовъ тетрадей, учинить на картахъ номеры съ приложеніемъ печати Дома и съ подписаніемъ одного изъ господъ опекуновъ, коимъ, принявъ на себя трудъ по нѣскольку оныхъ и описаніе вещамъ, имѣвъ при себѣ въ случаяхъ свиданія, кто сколько тѣхъ номеровъ пожелаетъ раздавать, принимая деньги почему за лотъ положено будетъ; а нѣсколько для раздачи здѣсь охотникамъ и ко мнѣ переслать и когда все число лотовъ, сколько оныхъ быть разсуждено будетъ, раздадутся, тогда печатнымъ объявленіемъ назначить день, въ который розыгрышъ быть имѣетъ."

Князь Я. П. Шаховской представилъ для розыгрыванія верховую лошадь нормандской породы съ богатымъ приборомъ, пару пистолетовъ французскаго мастера Фромерія, фузею итальянскаго мастера Лазарисса Коминація и телескопъ англійскаго мастера Шарта.

18 апрѣля 1771 г, Совѣтъ сообщилъ Бецкому, что всѣхъ лотерейныхъ билетовъ было 582, по 2 р. каждый; изъ нихъ 100 билетовъ послано 13 февраля Бецкому, который увѣдомилъ, что нѣсколько билетовъ изволила взять Ея Величество. 16 марта назначено было разыгрываніе лошади съ приборомъ, которая послѣ продана съ аукціона за 221 руб., что сдѣлано вѣроятно съ согласія выигравшаго.

Можно полагать, что къ этому источнику дохода болѣе не обращались; потому что уже въ 1775 году Опекунскій Совѣтъ отвергнулъ предложенный иностранцемъ Веберомъ планъ разыгрыванія лотереи при Воспитательномъ Домѣ „не предвидя отъ нея никакой пользы для Дома." А Бецкой въ 1778 году не согласился даже на розыгрышъ въ лотерею накопившихся въ Ссудной Казнѣ ручныхъ закладовъ, которые долгое время не могли быть проданы съ аукціона, находя „невозможностію и неудобнымъ посредствомъ къ чистому возвращенію недосмотрѣнной потери."

Въ 1801 году маіорша Шефъ получила отъ Воспитательнаго Дома дозволеніе розыграть въ залѣ Петровскаго Театра лотерею на 200 т. р. съ уплатою за то въ пользу Дома 4 т. р. Въ число этой суммы было внесено 3050 р; по случаю же смерти маіорши Шефъ и несчастнаго хода лотереи, дочь ея Алѣева просила Совѣтъ возвратить деньги, но послѣдній въ этомъ отказалъ.

24 марта 1822 г. Высочайше дозволено было пріобрѣсти, по примѣру С.Петербургскаго Опекунскаго Совѣта, 8 билетовъ лотереи, учрежденной по дѣламъ покойнаго оберъ-шенка графа Головина. Изъ этихъ билетовъ 4 взяты для Воспитательнаго Дома, и по 2 для Вдовьяго Дома и Больницы для бѣдныхъ.

О ходатайствахъ Воспитательнаго Дома по дѣламъ частныхъ лицъ свѣдѣнія заключаются въ письмахъ Бецкаго, отъ котораго шли по сему предмету предложенія Опекунскому Совѣту. При Совѣтѣ состояли для этого стряпчіе: сержантъ Казанцевъ съ 1778 г. по день смерти его, т. е. по февраль 1782 г; послѣ него упоминается въ 1784 г. о стряпчемъ Ѳедосѣевѣ, произведенномъ въ коллежскіе коммисары. Сохранилась его просьба о назначеніи ему, по бѣдности, жалованья. Въ 1805 г. еще былъ стряпчимъ при Опекунскомъ Совѣтѣ титулярный совѣтникъ Ильинъ.

Бецкой предлагалъ Опекунскому Совѣту принимать ходатайство по разнымъ дѣламъ, какъ наприм. 27 октября 1768 г.—дѣвицы Бестужевой о 10 т. р. пожилыхъ денегъ за бѣглаго ея крестьянина; по этому иску Бестужева уступала Дому половину слѣдующихъ ей денегъ; 13, 24 марта, 20 ноября 1769 г.—жены олонецкаго купца Шестаго, о взысканіи капитала и прибыльныхъ денегъ по обязательству мужа ея и купцовъ Яковлева и Старцева;—придворнаго коммисара Конрадія, о взысканіи денегъ съ гр. Апраксина и купца Грена;—титулярнаго совѣтника Иванова, о разныхъ дѣлахъ, ходатайство по коимъ Бецкой предоставлялъ усмотрѣнію Опекунскаго Совѣта, такъ какъ не было извѣстно, справедливы ли иски Иванова; „не будетъ ли,—писалъ онъ,—соперникамъ его безвинно какихъ притѣсненій и обидъ, знать не можно; да чтобъ и другимъ таковымъ же въ тяжебныхъ дѣлахъ искамъ не подать поводу и тѣмъ не нанесть Дому безславія, чего весьма остерегаться должно; ибо пользы Дому отъ

того быть не уповательно, то и отдаю на благоразсмотрѣніе Совѣта."

Какъ ни разнообразны были источники доходовъ Воспитательнаго Дома, но при необходимости значительныхъ издержекъ, въ первые годы существованія этого учрежденія, оно очень нуждалось въ деньгахъ. Доходы Дома установились не вдругъ: въ отпускѣ самаго Высочайшаго подаянія, какъ объяснено выше, происходили задержки. Причины этого были разныя; такъ наприм. въ 1764 году Бергъ-Конторы Московскій Департаментъ по монетнымъ дѣламъ увѣдомлялъ Опекунскій Совѣтъ, что „въ число назначенныхъ для Воспитательнаго Дома отъ Ея Величества 50 т. р. отпущено будетъ новою серебряною монетою по мѣрѣ выдѣлки ея изъ 100 пудовъ колыванскаго серебра."

Деньги Воспитательнаго Дома отдавались въ Государственный Банкъ для дворянства. Въ 1766 г., было ихъ тамъ до 150 т. р. Въ наличныхъ деньгахъ иногда ощущался большой недостатокъ; такъ къ 1 января 1766 г. принято было отъ казначея Молчанова наличной суммы 2 десятирублевыхъ золотыхъ имперіала, 2 золотыхъ червонца, 594 р. 75 к. серебряною монетою и 21.169 р. 64½ мѣдью. Въ мартѣ же мѣсяцѣ Опекунскій Совѣтъ уже жаловался Бецкому, что наличныхъ денегъ только 3400 р., а расходовъ предстоитъ много.

Процентовъ съ капитала, хранившагося въ Банкѣ, не доставало для покрытія всѣхъ расходовъ, почему выбиралась часть капитала. Наприм. въ 1768 году взято было капитала 17 т. р. Между тѣмъ и Банкъ не могъ отпускать денегъ по первому требованію; такъ въ августѣ въ Совѣтѣ денегъ почти не было, а Банкъ отвѣчалъ, что прежде трехъ мѣсяцевъ выслать не можетъ.

Хотя впослѣдствіи, особенно когда начали приниматься вклады и выдаваться ссуды еще до полнаго открытія кредитныхъ учрежденій, денежный балансъ Воспитательнаго Дома установился; за всѣмъ тѣмъ прежніе случаи безденежья повторялись. Изъ письма Бецкаго 5 іюля 1775 г. видно, что Совѣтъ, какъ и прежде, обращался съ просьбою о ссудѣ къ Демидову, который далъ было 60 т. р., но, по неудовольствію на Совѣтъ, взялъ обратно.

Касса Воспитательнаго Дома находилась первоначально въ Колычевскомъ домѣ въ Китай-городѣ, откуда переведена была въ кладовую въ Васильевскомъ саду. Деньги получались изъ Штатсъ-Конторы отъ Каменнаго моста большею частію мѣдною монетою. Такъ въ февралѣ 1766 г. привезено было 6666 р. 66½ к. на 18 подводахъ съ платою за каждую по 13 коп.

По введеніи ассигнацій, довѣріе къ нимъ утвердилось не скоро 10 іюля 1788 г. Опекунскій Совѣтъ писалъ Бецкому: „съ давняго времени хотя Воспитательный Домъ и претерпѣвалъ иногда недостатокъ въ мѣдной монетѣ на мелочныя издержки, но болѣе нуждался въ платежѣ за воспитаніе дѣтей по деревнямъ и даже служащимъ жалованья, поелику никто не хотѣлъ брать онаго ассигнаціями, опасаясь убытка, по причинѣ платежа на нихъ лажныхъ. По отношеніямъ Опекунскаго Совѣта главнокомандующій въ Москвѣ изъ Казенной Палаты по 700 р. въ недѣлю присылалъ, а старый директоръ Банка по небольшому числу; нынѣ же все сіе пресѣклось и Опекунскій Совѣтъ долженъ вымѣнивать у частныхъ людей, платя по 5 к. на рубль лажныхъ."

БЛАГОТВОРИТЕЛИ ВОСПИТАТЕЛЬНАГО ДОМА.

По Генеральному Плану должны были сохраняться въ Воспитательномъ Домѣ портреты опекуновъ, главныхъ надзирателей и благотворителей.

Въ іюлѣ 1787 г. Бецкой, заботясь объ окончательномъ убранствѣ залъ С.Петербургскаго Опекунскаго Совѣта, требовалъ отъ Московскаго Совѣта списка всѣхъ благотворителей Дома.

Въ „Извѣстіяхъ же Воспитательнаго Дома", изданныхъ въ 1791 году, сказано, что Бецкой предполагалъ увѣковѣчить всѣхъ благодѣтелей Воспитательнаго Дома „представленіемъ ихъ въ барельефахъ въ нарочно приготовляемыхъ для сего залахъ въ С.Петербургѣ и Москвѣ, съ приложеніемъ описаній ихъ усердія къ пользѣ человѣчества."

Сохранилась опись имущества Воспитательнаго Дома за 1808 годъ, составленная главнымъ надзирателемъ Тутолминымъ, для представленія Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Въ этой описи поименованы портреты и бюсты, украшавшіе портретный залъ въ Корделожи. Названы портреты Императрицы Екатерины II, Бецкаго, „преемника Главнаго Попечителя" фельдмаршала князя Голицына, Главнаго Попечителя Маслова; благотворителей: Демидова, Шубскаго, дѣвицы Кашкадамовой, казанскаго ландрихтера Кашкадамова, архіепископа Амвросія и крестьянина Сеземова; опекуновъ: Умскаго, Тютчева, князя Гагарина, Вырубова и Дурново. Въ описи упоминается о мраморныхъ бюстахъ Бецкаго и благотворителей: князя Шаховскаго и Демидова. Въ присутственной комнатѣ Опекунскаго Совѣта были въ то время портреты: Императрицъ Екатерины II и Маріи Ѳеодоровны, а также Бецкаго и принцессы Гессенъ-Гомбургской.

По повелѣніямъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, 24 октября 1815 г. и 25 іюля 1816 г., поставлены въ Домѣ портреты главнаго надзирателя Тутолмина и почетнаго опекуна Лунина.

При капитальныхъ перестройкахъ въ Воспитательномъ Домѣ, происходившихъ въ 1854—1857 годахъ, по мысли главнаго надзирателя Багдадова, обращенъ въ портретную галлерею переходъ изъ церкви Дома въ рекреаціонную залу Николаевскаго Института. Въ это время поновлены сохранившіеся портреты, а вмѣсто утратившагося портрета крестьянина Сеземова прислана была копія Ѳ. И. Прянишниковымъ.

Съ Высочайшаго соизволенія, записаннаго въ журналѣ Совѣта 1 декабря 1855 г., поставлены портретъ почетнаго опекуна князя Оболенскаго и бюстъ главной надзирательницы фонъ-Цеймернъ.

По Высочайшему же соизволенію, послѣдовавшему 19 сентября 1856 г., поставленъ портретъ главнаго попечителя графа Сиверса. Этотъ портретъ, черезъ посредство почетнаго опекуна М. К. Цеймерна, доставленъ дочерью Сиверса, баронессою Икскуль.

Въ 1857 году праздновался пятидесятилѣтній

юбилей службы князя С. М. Голицына въ званіи почетнаго опекуна. По этому случаю, также съ Высочайшаго соизволенія, галлерея украсилась портретомъ князя, работы г. Зарянки.

По смерти князя, принадлежавшій ему портретъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, племянникомъ его М. А. Голицынымъ пожертвованъ Воспитательному Дому. Это было доведено до Высочайшаго свѣдѣнія (*).

При устройствѣ портретной галлереи поставлены двѣ мраморныя доски съ именами благотворителей. Разумѣется, что на доскахъ можно было помѣстить лишь немногія, важнѣйшія имена. Управленіе Воспитательнаго Дома, ко дню столѣтняго юбилея своего заведенія, желало составить полный списокъ благотворителей и возобновить въ памяти потомства дѣянія истекшаго столѣтія, столь легко изглаживаемыя впечатлѣніями ближайшихъ событій, или шумомъ и интересами современности.

Основаніемъ этому списку послужилъ тотъ, который представленъ былъ Бецкому въ 1787 году; употреблено всякое стараніе для дополненія онаго свѣдѣніями, извлеченными изъ позднѣйшихъ дѣлъ, и довести списокъ до настоящаго времени. Въ первоначальномъ спискѣ различаются: 1. почетные благотворители, 2. попечители и воспитатели, 3. „благодѣтели, оказавшіе Дому одолженіе опредѣленіемъ ежегоднаго окладнаго подаянія,“ и 4. „благодѣтели, оказавшіе Дому одолженіе неокладными подаяніями.“

Во главѣ списка должно бы, конечно, стоять имя Бецкаго; но подвиги его усердія предполагается изложить впослѣдствіи въ особой статьѣ, для которой не всѣ матеріалы еще собраны.

ПОЧЕТНЫЕ БЛАГОТВОРИТЕЛИ.

Приглашенные въ маѣ 1773 года.

1. Генералъ-фельдмаршалъ графъ Кирила Григорьевичъ Разумовскій.

2. Генералъ-фельдмаршалъ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ.

3. Генералъ-фельдмаршалъ графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышовъ. Онъ разъ отказался было отъ этого званія, но 23 января 1778 г. опять принялъ его.

4. Въ рангѣ генералъ-фельдмаршала графъ Никита Ивановичъ Панинъ.

5. Дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Эрнстъ фонъ-Минихъ.

6. Оберъ-каммергеръ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ. Въ 1792 г., онъ внесъ 40 т. р. съ тѣмъ, чтобы пожизненно получать ему съ нихъ по 6%, а по смерти его употребить „на богоугодное употребленіе по его назначенію.“

7. Дѣйствительный тайный совѣтникъ, генералъ-прокуроръ князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій.

8. Государственной Адмиралтействъ-Коллегіи вице-президентъ графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышовъ.

9. Генералъ-аншефъ князь Михаилъ Никитичъ Волконскій.

10. Генералъ кригсъ-коммисаръ Александръ Ивановичъ Глѣбовъ.

11. Дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Яковъ Петровичъ Шаховской.

12 Тайный совѣтникъ, сенаторъ Григорій Николаевичъ Тепловъ.

Въ маѣ же 1773 г. Бецкой писалъ Совѣту о приглашеніи въ почетные благотворители и начальника Москвы Петра Дмитріевича Еропкина, котораго однако нѣтъ въ сохранившемся спискѣ благотворителей.

По смерти князя Шаховскаго, 24 іюня 1777 г., и Теплова, въ 1779 г. избраны:

13. Генералъ-фельдмаршалъ князь Григорій Александровичъ Потемкинъ въ маѣ 1778 г.

14. Генералъ-аншефъ князь Василій Михайловичъ Долгоруковъ-Крымскій въ августѣ 1781 г. По смерти его, 10 января 1782 г., избранъ:

15. Генералъ-фельдмаршалъ графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ-Задунайскій, съ августа 1782 г.

(*) Журналъ Моск. Опек. Совѣта, 5-го октября 1839 года.

16. Генералъ-аншефъ графъ Яковъ Александровичъ Брюсъ, съ сентября 1784 г.

17. Генералъ-аншефъ Николай Ивановичъ Салтыковъ, съ сентября 1784 г.

18. Генералъ-аншефъ князь Николай Васильевичъ Репнинъ, съ августа 1783 г.

19. Генералъ-аншефъ графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ, съ августа 1783 г.

20. Митрополитъ кіевскій Самуилъ, съ апрѣля 1778 г.

21. Епископъ смоленскій Парѳеній, съ 1 мая 1779 г.

Изъ сообщенія С.Петербургскаго Опекунскаго Совѣта Московскому, отъ 31 октября 1793 г., видно, что въ генеральномъ собраніи избраны были въ почетные благотворители:

22. Дѣйствительный тайный совѣтникъ, вице-канцлеръ графъ Иванъ Андреевичъ Остерманъ.

23. Дѣйствительный тайный совѣтникъ, оберъ-гофмейстеръ графъ Александръ Андреевичъ Безбородко.

24. Дѣйствительный тайный совѣтникъ, генералъ-прокуроръ графъ Александръ Николаевичъ Самойловъ.

25. Генералъ-фельдцейхмейстеръ, Екатеринославскаго Намѣстничества и Таврической Области генералъ-губернаторъ, графъ Платонъ Александровичъ Зубовъ.

ПОПЕЧИТЕЛИ.

1763 г.

1. Почетный благотворитель князь Шаховской.

2. Почетный благотворитель графъ Панинъ.

3. Супруга почетнаго благотворителя, статсъ-дама графиня Прасковья Александровна Брюсъ.

4. Почетный благотворитель графъ фонъ-Минихъ.

5. Генералъ-аншефъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій.

1764 г.

6. Дѣйствительный тайный совѣтникъ и полномочный министръ въ Вѣнѣ, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ.

7. Дѣйствительный тайный совѣтникъ сенаторъ Козловъ.

8. Тайный совѣтникъ, полномочный министръ при французскомъ дворѣ, князь Дмитрій Алексѣевичъ Голицынъ.

Подъ 11 числомъ ноября 1764 г. въ книгѣ входящихъ записаны прошенія о желаніи принять на себя званіе попечителей гор. Острогожска острогожскаго слободскаго полку подпрапорщика Игнатія Путилова и маіора, города Корачева воеводскаго товарища Данилы Похвиснева. Вмѣстѣ съ тѣмъ они просили себѣ и книги для сбора подаяній. Но ихъ нѣтъ въ спискѣ попечителей Опекунскаго Совѣта 1787 г.

1765 г.

9. Генералъ-поручикъ Загряжскій.

10. Полковникъ Кошелевъ.

11. Дѣйствительный каммергеръ графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ.

12. Города Переяславля Рязанскаго полотняной фабрики содержатель Ипатьевъ.

1766 г.

Острогожскіе жители коммисары:

13. Бородкинъ и

14. Тюльпинъ.

15. Вологодскій купецъ и фабрикантъ Желубцевъ.

16. Новогородскій губернаторъ генералъ-маіоръ графъ фонъ-Сиверсъ, впослѣдствіи Главный Попечитель Воспитательнаго Дома.

17. Оренбургскій губернаторъ тайный совѣтникъ князь Путятинъ.

18. Иркутскій губернаторъ генералъ-маіоръ фонъ-Фрауендорфъ.

19. Иркутскій купецъ Глазуновъ.

1767 г.

20. Коллежскій совѣтникъ Натальинъ.

21. Дѣйствительный каммергеръ Похвисневъ, по увольненіи отъ званія опекуна.

1768 г.

22. Каргопольскій купецъ и сельдянаго промысла коронный повѣренный Марковъ.

1770 г.

23. Статскій совѣтникъ Тютчевъ, по увольненіи отъ званія опекуна.

24. Дѣвица Елизавета Никитична Шепелева.

25. Генералъ-поручикъ князь Сергій Васильевичъ Гагаринъ, по увольненіи отъ званія опекуна.

26. Коллежскій совѣтникъ Веревкинъ.

1771 г.

27. Губернскій секретарь Алферовъ.

28. Ея Императорскаго Величества духовникъ, Московскаго Благовѣщенскаго собора протопресвитеръ Иванъ Ивановичъ Памфиловъ.

Ему слѣдуетъ приписать письмо съ подписью— С. Д. П. І. І. (то есть Смиренный Духовникъ Протоіерей Іоаннъ Іоанновъ). Это письмо сообщено Бецкимъ Опекунскому Совѣту 21 іюня 1771 г. Новый „недостойный" попечитель, признавая себя виновнымъ, что не посѣтилъ любезныхъ младенцевъ Воспитательнаго Дома, увѣряетъ, что онъ посѣщаетъ ихъ духомъ и впредь посѣщать обѣщается; въ знакъ же къ нимъ усердія и любви посылаетъ вмѣсто хлѣба-соли 100 рублей.—

1773 г.

29. Коммерціи оберъ-директоръ и шелковой мануфактуры содержатель Хастатовъ.

1774 г.

30. Дѣйствительный статскій совѣтникъ Дурново, по выбытіи изъ опекуновъ, впослѣдствіи членъ Коммисіи разсмотрѣнія происшествій по Воспитательнымъ Домамъ.

31. Надворный совѣтникъ Крокъ.

32. Надворный совѣтникъ Аничковъ.

33. Архитекторъ Фельтенъ, впослѣдствіи членъ С.Петербургскаго Опекунскаго Совѣта и архитекторъ Дома.

34. Бѣлорусской губерніи повѣта Ошмянскаго ротмистръ Ушаковскій.

1777 г.

35. Надворный совѣтникъ Ильинъ, членъ С.Петербургскаго Опекунскаго Совѣта.

36. Секундъ-маіоръ Бѣлавинъ.

1778 г.

37. Президентъ Главнаго Магистрата, дѣйствительный статскій совѣтникъ Дурасовъ.

38. Коллежская совѣтница Елена Сергѣевна Алфимова.

39. Коллежскій ассесоръ Прокудинъ.

40. Контролеръ Насоновъ, по выбытіи изъ опекуновъ. Началъ службу при Воспитательномъ Домѣ въ званіи поручика казначеемъ, исправлялъ должность главнаго надзирателя, съ 23 августа 1768 г. по 21 апрѣля 1774 г.; а потомъ былъ опекуномъ.

1779 г.

41. Надворный совѣтникъ Нащокинъ, по выбытіи изъ опекуновъ.

42. Статскій совѣтникъ Красильниковъ, какъ членъ Главной Канцеляріи надъ таможенными сборами, содѣйствовалъ подаяніямъ въ пользу Дома.

43. Коллежскій прокуроръ Кашинцовъ.

44. Вакансовый сотенный атаманъ Хоменко.

45. Генералъ-поручикъ Архаровъ, бывшій московскій оберъ-полиціймейстеръ и потомъ губернаторъ.

1780 г.

46. Коллежскій совѣтникъ Бобарыкинъ.

47. Коллежскій совѣтникъ Бантышъ-Каменскій.

Оба по выбытіи изъ опекуновъ.

48. Олонецкій купецъ Кузнецовъ.

49. Московскаго Архангельскаго собора протоіерей Петръ Алексѣевичъ.

Московскій Опекунскій Совѣтъ писалъ Бецкому, 1 мая 1780 г., что по ходатайству этого протоіерея внесено „отъ нехотящихъ открыть своего имени" въ Сохранную Казну 25.700 р., изъ коихъ 10.000 руб. вѣчно. Это едва-ли не первый взносъ вѣчныхъ капиталовъ.

50. Премьеръ-маіоръ графъ Толстой.

51. Оренбургскій губернаторъ генералъ-поручикъ Рейнсдорпъ. Московскій Совѣтъ писалъ Бецкому, что Рейнсдорпъ купилъ на Оренбургской ярмаркѣ для Дома изъ первыхъ рукъ са-

мою дешевою цѣною бумагу хлопчатую непряденную по 7 р., а верблюжью шерсть по 1 р. 20 к. за пудъ, съ платою за провозъ по 55 к. съ пуда; всего съ провозомъ на 235 руб., а по цѣнамъ въ Москвѣ это стоило бы болѣе 400 руб.

1781 г.

52. Полковникъ московскій оберъ-полиціймейстеръ Островской.

53. Полковникъ князь Ухтомскій.

54. Тульскій купецъ Солодовниковъ.

1784 г.

55. Коллежскій совѣтникъ армянинъ Иванъ Лазаревичъ Лазаревъ. Лазаревъ былъ душеприкащикомъ армянина Вемьянова, который внесъ въ 1778 году въ Сохранную Казну 7.000р. съ тѣмъ, чтобы ему пользоваться процентами, а по смерти предоставлялъ капиталъ въ подаяніе Воспитательному Дому. Вемьяновъ въ завѣщаніи своемъ обязывался изъ этихъ денегъ „никому, ни сродникамъ, ни для души своей не дѣлить ни копѣйки, ни полукопѣйки, хотя бы и родитель мой, который многіе годы умре, изъ мертвыхъ воскресъ, я и ему отъ оныхъ 7.000 руб. капитала конечно ни полукопѣйки дѣлить не стану.“

1786 г.

56. Малороссійскаго переяславскаго полку сотенный атаманъ Кандиба.

Малороссійскіе помѣщики:

57. Бунчуковый товарищъ Макаровичъ.

58. Войсковой товарищъ Соломаха.

59. Статскій совѣтникъ Вишневскій.

1797 г.

60. Докторъ Воспитательнаго Дома надворный совѣтникъ Янишъ.

Сверхъ того были попечителями два иностранца:

61. „Денисъ Дидро“ членъ академій наукъ Берлинской и С.Петербургской, съ 24 февраля 1774 г.

62. Іосифъ Даллоліо (Dall'Oglio), агентъ Его Величества короля Польскаго при Республикѣ Венеціанской, съ 8 января 1774 г.

ВОСПИТАТЕЛИ.

1766 г.

1. Нижегородскій губернскій прокуроръ Бахметевъ,—устроилъ въ своемъ домѣ въ Нижнемъ пріемъ несчастнорожденныхъ младенцевъ для воспитанія до извѣстнаго возраста и отправленія за тѣмъ въ Московскій Воспитательный Домъ.

1771 г.

2. Олонецкій купецъ Вашкаловъ.

1773 г.

3. Воронежскій купецъ и суконный фабрикантъ Михаилъ Сахаровъ.

4. Воронежскій купецъ и суконный фабрикантъ Петръ Сахаровъ.

5. „Мѣщанство города Осташкова.“

6. „Юрьевскаго уѣзда Повольскаго“ крестьянинъ Прямиловъ.

1774 г.

7. Города „Бѣлаозера“ купецъ Макарьевъ.

1775 г.

8. Переяславской епархіи села Капустинецъ протоіерей Василій Тимковскій,—устроилъ въ своемъ селѣ воспитательный домъ, изъ котораго доставилъ въ Москву 73 воспитанника, большею частію собственнымъ коштомъ, и отдалъ Дому все, по смерти своей, движимое и недвижимое имѣніе, въ числѣ 38 душъ.

1776 г.

9. Коллежскій ассесоръ Кандиба, помощникъ Тимковскаго.

10. Архангелогородскаго Намѣстничества Губернскаго Магистрата, стряпчій казенныхъ дѣлъ Буренинъ,—прислалъ въ Домъ 46 дѣтей, которыхъ содержалъ на свой счетъ.

Въ „Извѣстіяхъ Воспитательнаго Дома“ за 1779 г. (Том. II, стр. 162—170) напечатано, что стараніемъ Буренина, „Общество города Архангельска, 20 января 1778 года, послѣ благодарственнаго молебствія о рожденіи Великаго Князя Александра Павловича, въ приговорѣ

своемъ, подписанномъ 70-ю гражданами, постановило: ежегодно 30 числа мая, въ память дня рожденія Государя Императора Петра Великаго, учредить по всѣмъ посадамъ Имперіи „добровольнымъ согласіемъ гражданъ торжественное, на мѣстѣ общихъ гражданскихъ совѣтовъ, предводительствуемыхъ старостами, собираніе добровольныхъ подаяній въ пользу злосчастныхъ младенцевъ, принадлежащихъ къ воспитанію въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ; изъ собираемаго подаянія часть отправлять въ Воспитательный Домъ, а на остальныя содержать въ Архангельскомъ городѣ несчастныхъ младенцевъ до урочныхъ лѣтъ, въ надеждѣ будущаго отправленія ихъ въ Москву для совершеннѣйшаго воспитанія въ Императорскій Воспитательный Домъ.“ Мнѣніе Архангельскаго посада объявлено было приглашеніемъ „каждому Россійскому Посаду“ съ просьбою, чтобы „на ожидаемое рѣшеніе благоволили сообщить въ спискѣ въ Опекунскій Совѣтъ Московскаго Воспитательнаго Дома.“ Бецкой, узнавъ объ этомъ, благодарилъ архангельскихъ гражданъ, а Опекунскому Совѣту поручилъ послать главнымъ участникамъ медали.

1777 г.

11. Переяславской епархіи села Оржанецъ священникъ Шеневскій.

1778 г.

12. Малороссійскаго стародубскаго полку „абшитованный“ сотенный атаманъ Солодковскій.

13. Малороссійскаго переяславскаго полку уволенный полковой атаманъ Зубковскій.

1780 г.

14. Полковникъ Вишневскій.

1781 г.

15. Генералъ-поручикъ Кречетниковъ,—въ бытность калужскимъ генералъ-губернаторомъ устроилъ въ Калугѣ домъ для несчастнорожденныхъ младенцевъ.

1782 г.

16. Титулярный совѣтникъ Сумароковъ.

1785 г.

17. Енисейскій купецъ Тельныхъ. Устроилъ воспитательный домъ въ Енисейскѣ.

«БЛАГОДѢТЕЛИ, ОПРЕДѢЛИВШІЕ ДОМУ ЕЖЕГОДНОЕ ОКЛАДНОЕ ПОДАЯНІЕ.»

1763 г.

	Рубли.
Генералъ-фельдмаршалъ гр. Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ. .	7.421(*)
Оберъ-гофмейстерина, дѣйствительная штатсъ-дама графиня Марья Андреевна Румянцова	180
Генералъ-аншефъ Александръ Ивановичъ Глѣбовъ, изъ получаемаго жалованья десятую часть.	2.326
Графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышовъ	350
Генералъ-аншефъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ на 5 лѣтъ. .	2.500
Оберъ-шталмейстеръ Сумароковъ .	50
Графъ Брюсъ.	566
Гофмейстерина Елена Александровна Нарышкина.	90
Генералъ-аншефъ князь Волконскій	600
Генералъ-аншефъ оберъ-гофмаршалъ графъ Карлъ Ефимовичъ Сиверсъ.	1.000
Генералъ-фельдцейхмейстеръ Вильбоа.	50
Графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышовъ.	480
Генералъ-полиціймейстеръ Дивовъ.	488
Генералъ-фельдмаршалъ князь Голицынъ.	350
Дѣйствительный каммергеръ графъ Головинъ.	200
Графъ Никита Ивановичъ Панинъ.	1.466
Генералъ-аншефъ Нарышкинъ. .	1.307
Генералъ-аншефъ гр. Скавронскій.	1.300

(*) Противъ каждаго жертвователя обозначена общая сумма поступившаго отъ него окладнаго подаянія.

	Рубли.
Дмитрій, митрополитъ новгородскій.	600
Гавріилъ, митрополитъ санктпетербургскій и новгородскій.	900
Лаврентій, архимандритъ Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.	100
Симонъ, архимандритъ новоспасскій, потомъ кирило-бѣлозерскій. .	250
Оберъ-прокуроръ Синода, впослѣдствіи кураторъ московскаго университета и опекунъ Мелиссино. . . .	120
Вице-адмиралъ Мордвиновъ . . .	219
Дѣйствительный тайный совѣтникъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ.	2.300
Оберъ-шенкъ Нарышкинъ. . . .	1.050
Вице-адмиралъ, санктпетербургскій губернаторъ князь Несвицкій. . .	40
Генералъ-поручикъ Овцынъ. . .	483
Генералъ-аншефъ Вадковскій. . .	806

1764 г.

Каммергеръ Пассекъ	420
Каммергеръ князь Василій Борисовичъ Голицынъ.	90
Генералъ-аншефъ и директоръ надъ всѣми полиціями Корфъ	347
Аѳанасій, епископъ ростовскій .	300
Лейбъ-гвардіи маіоръ князь Гагаринъ	133
Архитекторъ Кокориновъ. . . .	70
Адмиралъ Талызинъ	886
Оберъ-каммергеръ кн. Александръ Михайловичъ Голицынъ.	800
Ротмистръ Ушаковскій.	50
Каммеръ-юнкеръ, при французскомъ дворѣ полномочный министръ князь Дмитрій Алексѣевичъ Голицынъ . .	2.300
Лейбъ-гвардіи капитанъ-поручикъ князь Кантеміръ	500
Дѣйствительный статскій совѣтникъ Щербачевъ.	5
Генералъ-аншефъ князь Долгоруковъ-Крымскій.	1.800
Секундъ-маіоръ Матюшкинъ. . .	40
Генералъ-аншефъ графъ Петръ Ивановичъ Панинъ.	1.200
Генералъ-аншефъ Леонтьевъ. . .	994
Тайный совѣтникъ Веселовскій. .	160

1765 г.

Генералъ-поручикъ Загряжскій. .	375
Полковникъ Кошелевъ	200
Секундъ-маіоръ Вепрейскій . . .	110
Лейбъ-гвардіи капитанъ князь Щербатовъ	30
Профессоръ Ростъ, бывшій первымъ главнымъ надзирателемъ Воспитательнаго Дома	144
Г-жа Иванова	91
Сверхъ того вычтено изъ жалованья у разныхъ лицъ подписавшихся въ книгѣ подаяній.	755

Всего же окладныхъ подаяній по 1787 годъ 39.397 р. Видно, что двое изъ знатныхъ лицъ своего обѣщанія не исполняли.

«БЛАГОДѢТЕЛИ, ОКАЗАВШІЕ ДОМУ ОДОЛЖЕНІЕ ДАЧЕЮ ДЕНЕЖНЫХЪ СУММЪ ВЪ НЕОКЛАДНОЕ ПОДАЯНІЕ».

1763 г.

Генералъ-маіоръ Измайловъ. . .	100
Неизвѣстный.	70

1764 г.

Генералъ-фельдмаршалъ, гр. Петръ Семеновичъ Салтыковъ.	100
Генералъ-поручикъ князь Борисъ Александровичъ Куракинъ. . . .	120
Оберъ-шталмейстеръ Левъ Александровичъ Нарышкинъ, въ разное время.	500
Графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій.	3.000
Генералъ-фельдмаршалъ, гр. фонъ-Минихъ.	1.000
Московской суконной фабрики содержатель Сериковъ.	100

Онъ же подарилъ Дому своихъ крестьянъ и дворъ, купленный у Ассесора Чебышева, въ приходѣ Николая Чудотворца, что въ Мыльникахъ.

	Рубли.
Чрезвычайный и полномочный посолъ въ Вѣнѣ князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ.	1.000
Генералъ-фельдцейхмейстеръ князь Григорій Григорьевичъ Орловъ. . .	1.000
Амвросій, архіепископъ сарскій и подонскій.	300
Отъ него же въ санѣ архіепископа крутицкаго и можайскаго. . . .	100
Имъ же Амвросіемъ въ 1768 г. .	1.000

Опекунскій Совѣтъ писалъ Бецкому 8 марта: „въ субботу посѣтилъ Воспитательный Домъ Амвросій, архіепископъ московскій и калужскій, далъ въ подаяніе 1000 р., окрестилъ младенца Василія Богданова № 1081, подарилъ ему имперіялъ, а бывшіе при немъ архимандриты, монахи и священники клали въ кружку; архимандриты же Богоявленскій Пахомій и Златоустовскій Іосифъ были воспріемниками двухъ дѣвочекъ, которымъ имена обѣимъ дали Дарья.“

20 ноября отъ него же Амвросія.	100
Въ 1770 г. послѣ богослуженія въ вербное воскресенье въ Воспитательномъ Домѣ.	200
14 мая въ возвратъ употребленныхъ на угощеніе по богослуженіи его.	66
9 апрѣля 1771 г.	100
Тимоѳей, митрополитъ московскій и сѣвскій.	400
Коллежскій ассесоръ и содержатель мѣдныхъ и желѣзныхъ заводовъ Иванъ Твердышевъ.	1.000
„Добродѣтельный человѣкъ“ 100 червонныхъ,—промѣняны.	235

Въ изданіи Бецкаго 1774 г. (том. I. дополн. стр. 22—26) напечатано, что неизвѣстный филантропъ, въ письмѣ отъ 1 апрѣля къ Бецкому, сочувствуя учрежденію Воспитательнаго Дома, обѣщалъ выслать вексель на 100 червонныхъ черезъ г. Клифорта. Двѣ недѣли спустя англійскій купецъ Гоммъ, по полученному имъ отъ Клифорта векселю, принесъ означенные сто голландскихъ червонцевъ Бецкому, который въ иностранныхъ вѣдомостяхъ благодарилъ его на французскомъ языкѣ, а Клифорту въ Амстердамъ послалъ благодарственное свидѣтельство Опекунскаго Совѣта и двѣ медали бронзовую и серебряную, для доставленія неизвѣстному благодѣтелю, а если не знаетъ послѣдняго, то для извѣщенія о семъ въ вѣдомостяхъ.

	Рубли.
Иностранный купецъ Вейнахтъ. .	400
Гавріилъ, епископъ тверской и кашинскій.	100
Неизвѣстный черезъ опекуна Умскаго.	300
Изъ Амстердама Поль и Этьенъ Реноердъ	250
Изъ Женевы Жанъ-Жакъ Потардъ и мастеръ Позье.	500
Изъ Берлина Феронсъ	250
Изъ Вѣны отъ доброхотныхъ подателей, чрезъ князя Дмитрія Михайловича Голицына 100 червонныхъ, — промѣняны за	225
Изъ С.Петербурга отъ преосвященныхъ.	740
Каммеръ-юнкеръ князь Дашковъ. .	100
Тайный совѣтникъ Всеволожскій. .	100
Отъ него же въ 1775 г. . . .	1.375
Генералъ-аншефъ Карлъ Сиверсъ. .	100
Дѣйствительный каммергеръ графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ.	100

Въ 1766 году графъ подарилъ Воспитательному Дому каменное строеніе съ порожнею землею, прикосновенное къ „Китайскому Воспитательному Дому,“ бывшему Колычева; по другую его сторону по Ипатьевскому переулку былъ домъ княгини Грузинской. Графу поднесены бронзовая и серебряная медали.

Генералъ-аншефъ, оберъ-каммергеръ графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ	500
Отъ него же, при совершеніи займовъ съ 1774—1778 г., сверхъ опредѣленнаго процента.	3.500
Орловское купечество, вмѣсто подписаннаго имъ хлѣба 100 четвертей.	100

	Рубли.
Московскій губернаторъ Юшковъ.	100
Димитрій, митрополитъ новогородскій.	300
Гавріилъ, епископъ петербургскій.	250
Аѳанасій, епископъ ростовскій. .	200
Архимандритъ Лаврентій. . . .	150
Генералъ-поручикъ и бывшій губернаторъ бѣлогородскій Нарышкинъ. .	100
Иностранные купцы Риттеръ, Тортонъ и Кали.	250
У нихъ же вычтено въ 1767 г. изъ денегъ, слѣдовавшихъ имъ за взятый для Ея Величества „угодности" большой бриллiантъ.	250
Отъ нихъ же въ 1774 г. . . .	250
Отъ разныхъ лицъ по малымъ суммамъ.	989

Дочь комнатнаго стольника Собакина дѣвица Татьяна Петровна при кончинѣ отказала Воспитательному Дому посуду серебряную, мѣдную, оловянную и нѣсколько платья.

1765 г.

Князь Мещерскій	100
Баронъ Черкасовъ.	100
Московской суконной мануфактуры содержатель Суровщиковъ	100
Московское купечество первой гильдіи.	3.000
Второй гильдіи	500
Фабрикантъ Журавлевъ	100
Шелковой фабрикантъ Бабушкинъ.	100
Дворяне Никита и Алексѣй Никитичи Демидовы.	1.000
Коллежскій ассесоръ Савва Яковлевъ	1.000
С.Петербургскій фабрикантъ Володиміровъ.	1.000
Михаилъ Гусятниковъ.	200
Полковникъ опекунъ Бобарыкинъ.	1.000
Логинъ Говій, коммисіонеръ Воспит. Дома въ Амстердамѣ.	1.000

Въ 1772 г. Говій прислалъ въ даръ 24 голландскія коровы.

	Рубли.
Петербургскій купецъ Озеровъ. .	500
Тульское купечество.	2.300
Астраханское купечество. . . .	1.000
Серпуховское купечество. . . .	145
Іоасафъ, епископъ архангелогородскій и холмогорскій	300
Новоторжское купечество . . .	205
Калужское купечество	1.000
Лейбъ-гвардіи вицъ-вахмистръ Колычевъ	200
Вологодское купечество. . . .	142
Полотняной фабрики содержатель Ипатьевъ	100
По малымъ суммамъ	1.057

Заводчики Александръ, Павелъ и Петръ Демидовы 3.000 пудъ желѣза.

Статскій совѣтникъ Никита Акинфіевичъ Демидовъ 2.000 листовъ чернаго аршиннаго кровельнаго желѣза.

Въ январѣ 1765 г. Опекунскій Совѣтъ писалъ Бецкому о желаніи статскаго совѣтника Якова Алексѣевича Шубскаго пожертвовать Воспитательному Дому свое имѣніе. Бецкой 3 февраля отвѣчалъ: „надлежитъ получить всѣ предосторожности и очистки, дабы впредь къ Дому, который наипаче правдѣ слѣдовать долженъ, никакой привязки и другимъ обиды быть не могло, и потому, разсмотря пользу, принять." Жертвуемое имѣніе находилось въ Рославскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи и заключало въ себѣ деревни: Горенову, или Троицкое, въ Лабушевскомъ стану и въ Ветлицкомъ—Будище, Творожкову и Шибкову.

Въ имѣніи было душъ 407, пахотной земли, сѣнныхъ покосовъ и лѣсныхъ угодій 11.940 десятинъ.

Жертвуя имѣніе, Шубскій полагалъ условіемъ, чтобы Опекунскій Совѣтъ производилъ ему на содержаніе,—на первый годъ 800 руб., а въ послѣдующіе за тѣмъ годы по 600 р., по день смерти. Опекунскій Совѣтъ, соображая, что при хорошемъ хозяйствѣ можно получать съ имѣнія доходу до 1.000 р., и что Шубскій первый дѣлаетъ такого рода подаяніе, согласился принять имѣніе съ благодарностію. Условленныя

деньги получалъ Шубскій и въ монашествѣ. Въ 1788 г. онъ былъ игуменомъ Сумскаго монастыря. Совѣтъ приказалъ написать портретъ Шубскаго живописцу Паризіену и заплатилъ за него 25 руб.

По переводѣ имѣнія въ вѣдомство Воспитательнаго Дома, бургомистръ и староста имѣнія просили Опекунскій Совѣтъ о выводѣ отъ нихъ роты карабинеровъ, стоявшей съ 1762 г., а также о предоставленіи имъ помѣщичьей земли, съ тѣмъ, чтобы обложить ихъ оброкомъ по $1^1/_2$ р. съ души. Изъ письма Совѣта Бецкому, отъ 23 января 1766 г., видно, что Совѣтъ соглашался на просьбу крестьянъ, съ тѣмъ, чтобы они платили оброку по 2 руб. съ души, что составило бы 814 р. въ годъ. Но рѣшеніе этого дѣла остановилось за предположеніемъ Совѣта продать это имѣніе въ частныя руки. Имѣніе продано Совѣтомъ въ 1768 году маіору Тютчеву за 26.200 руб. (*).

1766 г.

	Рубли.
Мѣщанинъ Сафоновъ	1.000
Мѣщане Бородкины.	2.000
Петербургскій купецъ Калитинъ .	100
Петербургскій купецъ Борминъ .	100
Стальнаго и желѣзнаго завода содержатель Иванъ Борминъ.	100
Бѣлильной и красильной фабрики содержатель Ямщиковъ	200
Суконной фабрики содержатель Струговщиковъ	1.000
Вяземскій купецъ Барышниковъ .	100
Ахтырскій житель и бывшій при пограничныхъ таможняхъ директоромъ Нахимовъ	1.000
Изъ Юстицъ-Конторы, по завѣщанію лейбъ-гвардіи капитанъ-поручика Захара Ѳедоровича Дубянскаго. . .	6.000
Генералъ-фельдмаршалъ графъ Никита Ивановичъ Панинъ.	400
Графъ Чернышовъ.	100
Неизвѣстный въ двухъ мѣшкахъ по счету.	1.800
Неизвѣстный 8 имперіяловъ и 8 червонцевъ россійскихъ на.	108
Неизвѣстный.	85
По малымъ суммамъ	1.080

1767 г.

Курское купечество	500
Собрано воеводою Кашталинскимъ съ Бѣлевскаго купечества. . . .	200
Неизвѣстный.	1.000
По завѣщанію главнаго директора надъ полиціями барона Николая Андреевича фонъ-Корфа.	1.000
По малымъ суммамъ	1.710
Свѣтлѣйшая ландъ-графиня и наслѣдная принцесса гессенъ-гомбургская, Анастасія Ивановна, рожденная княжна Трубецкая	10.000

Въ изданіи Бецкаго 1774 г. (т. I. доп. стр. 26 и слѣд.) напечатано: 31 августа 1767 г. привратнику Дома подано неизвѣстнымъ человѣкомъ письмо, адресованное членамъ Совѣта Воспитательнаго Дома. Въ письмѣ, отъ 24 іюля, неизвѣстная особа изъяснила, что покойная принцесса, передъ кончиной своей, поручила ей нѣкоторую сумму денегъ съ завѣщаніемъ употребить ихъ въ память ея, для призрѣнія бѣдныхъ. Для этого деньги тѣ были отдаваемы въ ростъ и съ 1755 г. ихъ накопилось 10 тыс. руб. Для исполненія благочестивой воли авторъ письма находитъ лучше всего „опредѣлить ихъ въ такое мѣсто, гдѣ первой предметъ состраданье къ ближнему и которое не имѣетъ другаго дохода, кромѣ подаянія,“ посему и просилъ Опекунскій Совѣтъ, принявъ деньги по векселю, отдать ихъ въ Банкъ, а получаемые съ нихъ каждый годъ 600 руб. процентовъ употреблять на воспитаніе такого числа младенцевъ, на сколько сихъ денегъ стать можетъ, а дабы сіе благодѣяніе осталось незабвеннымъ, то называть тѣхъ воспитанниковъ *Гомбургцами*; согласно же Генеральному Плану, поставить въ Совѣтѣ портретъ принцессы.

„Въ октябрѣ мѣсяцѣ того года, отъ Воспитательнаго Дома въ вѣдомостяхъ объявлено, что по векселю приложенному при помянутомъ

(*) Въ 1823 г. оно вновь поступило въ вѣдомство Моск. Опек. Совѣта, коимъ было куплено для устройства земледѣльческой колоніи питомцевъ Воспит. Дома.

письмѣ десять тысячь рублей серебренною монетою получены, и по желанію неизвѣстныя сея особы, точное учинено исполненіе: изъ получаемыхъ ежегодно шести сотъ руб. процентныхъ денегъ, содержатся обоего пола двадцать питомцевъ, что дѣлаетъ по 30 руб. въ годъ на каждаго: названы они отнынѣ впредь во вѣчные роды *Гомбургцами*: въ одѣяніи отъ другихъ нѣсколько отличены, и въ память толь великія добродѣтели портретъ Ея Свѣтлости покойной Ландграфини, наслѣдной Принцессы Гессенгомбургской Анастасіи Ивановны, въ залѣ Совѣта поставленъ."

Въ 1774 г. Опекунскій Совѣтъ, на запросъ Бецкаго, отвѣчалъ: „именующіеся Гомбургцами питомцы 10 мальчиковъ и 10 дѣвочекъ воспитываются на извѣстное подаяніе въ 10 т. руб.; въ отмѣтку носятъ: мальчики на кафтанахъ знаки на подобіе бантиковъ изъ зеленой ленты, а дѣвочки на головахъ изъ того же на подобіе вѣночковъ; процентовъ на содержаніе каждаго причитается по 30 р. въ годъ." 26 іюля того же года С.Петербургское Отдѣленіе сообщило Московскому Опекунскому Совѣту, что въ засѣданіи его московскій опекунъ князь Михаилъ Ивановичъ Долгорукій и члены засѣданія имѣли разсужденіе: „какъ питомцамъ, именующимся Гомбургцами, такъ и впослѣдствіи другимъ на такомъ же основаніи нашивать на платьяхъ знаки шелками." Въ одномъ дѣлѣ 1800 г. найденъ аттестатъ, выданный отъ 7 августа 1785 г., за подписаніемъ бухгалтера Таннауера, находившемуся при немъ воспитаннику, Михайлу Михайлову Гомбургцу; однако прозвище это долгое время не употреблялось, ибо 13 августа 1800 г. Московскій Совѣтъ на запросъ С.Петербургскаго—„отъ чего означенный Михаилъ Михайловъ, какъ служащій въ С.Петербургскомъ Совѣтѣ по спискамъ служащихъ въ Московскомъ Совѣтѣ не значится Гомбургцевымъ, отвѣчалъ—„что для Совѣта все равно, ктобъ какъ не назывался. Но 9 сего Августа имъ постановлено, чтобы воспитаннику здѣшняго Дома Губернскому Секретарю Михайлу Михайлову именоваться Гамбургцевымъ, хотя до сихъ поръ ни кто съ такою фамиліею не выпускался." 9 іюля 1806 г. послѣдовало повелѣніе Императрицы Маріи, коимъ возстановленъ „обычай давать фамиліи благотворителей тѣмъ питомцамъ, кои были содержимы на ихъ пожертвованія и потому изъ процентовъ внесенныхъ ими капиталовъ, содержать нѣкоторое число питомцевъ обоего пола сверхъ комплекта 600, съ повязкою на рукахъ, какъ у пансіонеровъ съ тѣмъ отличіемъ, что на оныхъ повязкахъ изображена должна быть первая или двѣ литеры того благотворителя, на счетъ подаянія котораго оные питомцы содержатся, а питомцевъ называть по имени того вкладчика." —Повелѣніе это касается впрочемъ до пенсіонеровъ Собакина, Логинова, Кашкадамовой и кн. Кантеміра, но о пенсіонерахъ принцессы гессенъ-гомбургской въ немъ не упоминается; изъ чего заключить можно, что обычай давать фамилію Гамбургцевыхъ, согласно приведенному положенію Опекунскаго Совѣта, сохранялся. Такъ фамилія „Гомбургцовъ" измѣнилась на „Гамбурцевыхъ."

1768 г.

	Рубли.
Дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ.	1.000
Коммерціи оберъ-директоръ и шелковой мануфактуры содержатель Хастатовъ.	766
Хастатовъ просилъ за это подаяніе свидѣтельства. Опекунскій Совѣтъ, 5 мая, писалъ Бецкому о присылкѣ формы, ибо это былъ первый случай.	
Ржевскій купецъ Созоновъ. . .	200
Вѣдомства Коллегіи-Экономіи Ярославскаго уѣзда Черемужскаго стана деревни Пироговой крестьянинъ Павелъ Ильинъ.	200
Статскій совѣтникъ Никита Акинфіевичъ Демидовъ.	1.000
Московское купечество, по случаю освобожденія Ея Величества отъ оспы.	500
Дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Яковъ Петровичъ Шаховской, 9 ноября по тому же случаю. . .	500

Въ томъ же году, 22 августа, князь предоставилъ въ пользу Воспитательнаго Дома при-

сужденные ему за безчестіе съ подполковника Милославскаго 3600 р., о присылкѣ коихъ Опекунскій Совѣтъ писалъ въ Судный приказъ 16 іюля 1769 г.

Отъ него же въ другіе годы . . 1.150 р.

Въ „Извѣстіяхъ Воспитательнаго Дома“ 1791 г. (стр. 54—63) о князѣ Шаховскомъ сказано, что онъ не пропускалъ ни одного случая, чтобы не принести пользу Воспитательному Дому,—увеличивать его доходы разными средствами, особенно значительными для того времени сборами приношеній; по званію же сенатора подкрѣплялъ своими мнѣніями „основанія Воспитательнаго Дома;“ въ память благодѣяній князя, Бецкой положилъ поставить въ Домѣ мраморный бюстъ его.

	Рубли.
По малымъ суммамъ.	1.121

1769 г.

Смоленскій мѣщанинъ Филиппъ Щедринъ.	1.000
Самуилъ, епископъ бѣлградскій и обоянскій, въ бытность въ Воспитательномъ Домѣ, по совершеніи имъ литургіи и по обозрѣніи заведенія . .	100
Дѣйствит. тайн. совѣт. Никита Михайловичъ Желябовскій.	100
Олонецкій купецъ Шестаго . . .	100
По малымъ суммамъ.	544

Бецкой прислалъ, 11 декабря, малиновый кроватный уборъ, отданный въ пользу Дома.

Декабря 31 изъ Астрахани отъ индійскихъ купцовъ Амардаса Малтанѣева и Менгра Чантрипалова.	100

Эти деньги присланы при такомъ объявленіи: „Когда я Амардасъ Малтанѣевъ, по нѣкоторымъ корыстолюбивыхъ людей нападкамъ былъ везенъ въ г. Москву и проѣхалъ мимо Богоугодно учрежденнаго Императорскаго Воспитательнаго Дома, случилось мнѣ видѣть смотрящихъ изъ оконъ того Дома многихъ младенцевъ, тогда я положилъ въ сердцѣ своемъ твердое намѣреніе по освобожденіи своемъ отъ напасти для сихъ питомцевъ внесть въ оный Домъ 100 руб. Но какъ въ самой вещи правосудіемъ Правительствующаго Сената со мной сіе и учинилось, то признаю, что не инако я отъ бѣдственнаго моего приключенія освободился, какъ единственно молитвами оныхъ питомцевъ, потому наипаче, что по иностранству моему въ Москвѣ никогда я не бывалъ; знакомцевъ и помогателей не имѣлъ, слѣдовательно за долгъ мой признаю обѣщаніе мое теперь исполнить и вышепомянутую сумму при семъ въ предписанный Совѣтъ высокопочтенный и вношу.“ На подлинномъ объявленіи жертвователи имена свои подписали по-индійски.

Княгиня Екатерина Дмитріевна Голицына, рожденная княжна Кантеміръ, супруга дѣйствит. тайн. совѣтника князя Дмитрія Михайловича Голицына, русскаго посла въ Вѣнѣ. 22.000 р.

По завѣщанію ея, сдѣланному въ Парижѣ, въ присутствіи Бецкаго, эта сумма внесена съ тѣмъ, чтобъ изъ получаемыхъ на нее процентовъ употреблять на посылку въ чужія государства молодыхъ русскихъ недостаточнаго состоянія, каждыя 6 лѣтъ по три человѣка, для обученія „медицинѣ, хирургіи, повивальному искуству, докторству и другимъ потребнымъ къ тому наукамъ.“ О пожертвованіи княгини Голицыной подробно напечатано въ „Извѣстіяхъ Воспитательнаго Дома“ за августъ 1778 г. (изд. Бецкаго, 1791 г., т. II, стр. 99—111.) Тамъ сказано, что 22 августа неизвѣстный подалъ въ Совѣтъ письмо, отъ 3 іюля, съ надписью Ч. Л. Въ письмѣ означено желаніе благодѣтеля подарить Воспитательному Дому 20 т. руб., на проценты коихъ воспитывать сиротъ.

Въ августѣ мѣсяцѣ и самыя деньги присланы въ Совѣтъ, при письмѣ князя Дмитрія Голицына изъ Вѣны 2 августа 1769 г.

Въ этомъ письмѣ, также напечатанномъ въ „Извѣстіяхъ,“ воля завѣщательницы княгини Голицыной изъяснена подробно. Опекунскій Совѣтъ благодарилъ князя Голицына; а 24 ноября Бецкой просилъ Совѣтъ,—назначить трехъ молодыхъ надежныхъ людей, которыхъ полагалъ послать въ Страсбургъ весною 1770 г. Іюня 11-го 1770 г. отправлены изъ Петербурга на кораблѣ въ Страсбургъ три студента: Мартынъ Тереховскій (лекарь), Несторъ Максимовичъ Амбодикъ и Яковъ Ривдеръ, съ жа-

лованьемъ на ихъ содержаніе и обученіе. По 6-лѣтнемъ пребываніи за границею—они учились и въ Вѣнѣ—„первые двое возвратились съ аттестатами знаменитыхъ професоровъ о великомъ ихъ знаніи въ медицынѣ, удостоены тамошнимъ Университетомъ званія докторовъ, а третій по отзыву професора Коха долженъ былъ возвратиться въ концѣ года (1778 г.).“ На мѣсто этихъ молодыхъ людей посланы за границу другіе.

Въ заграничные пенсіонеры Дома просились: иностранецъ Витбергъ, о которомъ Бецкой, въ письмѣ отъ 31 января 1776 г., поручалъ Совѣту развѣдать;—придворный лейбъ-хирургъ Иванъ Филипповичъ Бекъ ходатайствовалъ о 18-лѣтнемъ сиротѣ Фридрихѣ Волгерѣ, продолжавшемъ ученіе уже два года въ страсбургскомъ университетѣ, единственно по своей склонности, сборомъ отъ доброхотныхъ людей нѣкоторой суммы. Но приняты были въ число пенсіонеровъ княгини Голицыной: Волгеръ, студентъ Александръ Шумлянскій и Фелькнеръ, отецъ котораго служилъ въ Петербургскомъ Воспитательномъ Домѣ. Въ 1780 г., упоминается и о студентѣ Карпинскомъ, на двугодичное содержаніе котораго отправлено было въ Страсбургъ 446 р. 68 коп. (1718 ливровъ). На мѣсто Александра Шумлянскаго отправленъ въ 1784 г. лекарь Павелъ Шумлянскій, а на мѣсто Волгера въ томъ же году подлекарь Колбе; „хотя и сказано, чтобы отправлять молодыхъ людей отъ 15 до 20 лѣтъ, но въ немъ довольно усмотрѣно отличныхъ способностей и остроты разума.“ Въ 1787 посланъ въ Страсбургъ лекарь Григорій Базилевичъ, а въ 1789 г. лекарь Штренге. Это была послѣдняя посылка молодыхъ людей за-границу (*). 17 іюня 1798 г., по Высочайшему повелѣнію, приказано всѣхъ обучающихся за-границей возвратить, „на томъ основаніи, что живущіе за границей Россіяне подъ видомъ писемъ и счетовъ къ родственникамъ въ Россію пересылаютъ запрещенныя сочиненія.“

3 декабря 1800 г., Главный Попечитель Масловъ поднесъ Государынѣ докладъ: „какъ теперь въ чужіе края никого посылать, за силою Указа, не возможно, то выбравъ изъ воспитанниковъ Московскаго Воспитательнаго Дома троихъ отличнѣйшихъ по наукамъ и по поведенію, отдать ихъ въ находящійся при Университетѣ на Моховой пансіонъ съ платою за содержаніе каждаго по 150 руб. въ годъ“. Докладъ утвержденъ 10 декабря; вслѣдствіе сего выбраны изъ портнаго класса Иванъ Петровъ, № 687, 12 лѣтъ, и Иванъ Сергѣевъ, № 1070—1796 г., 11 лѣтъ, и башмачнаго—Иванъ Александровъ, № 1063—1790 г. 10 лѣтъ. Изъ Петербургскаго Воспитательнаго Дома отправлены въ пансіонъ въ 1801 году два питомца, оба 13 лѣтъ, а въ 1804 г., еще трое, 12, 13 и 16 лѣтъ. Тогда же изъ мастерскихъ классовъ Московскаго Дома восемь питомцевъ помѣщены въ Университетѣ, согласно Высочайшей резолюціи на докладѣ Совѣта, отъ 5 декабря:—„изъ процентовъ съ капитала Кн. Голицыной содержать въ Университетѣ сверхъ находящихся уже тамъ трехъ еще шесть питомцевъ.“

1770 г.

Вологодскій купецъ и содержатель фабрикъ Турунтаевскій, взысканные имъ въ безчестіе съ купца и фабриканта Желобцова. 120 р.

По завѣщанію золотыхъ дѣлъ мастера въ Москвѣ Ивана Оріота, отъ душеприкащиковъ его англійскихъ купцовъ Жоржа Томсона, Жамесъ Рованда и Франца Гарднера 1.000

Объ этомъ завѣщаніи напечатано во 2-мъ томѣ „Извѣстій Воспитательнаго Дома,“ изд. 1791 г. (стр. 207—212). Сверхъ 1000 р., въ пользу Воспитательнаго Дома, Оріотъ отказалъ остальной капиталъ 5.000 руб. племяннику своей жены, Ивану Яковлеву Комисарову, который, оставшись въ бѣдности и сиротствѣ еще младенцемъ, отданъ былъ въ Воспитательный Домъ, подъ № 1., а въ 1767 г. переведенъ въ Ака-

(*) Изъ сообщеній С.Петербургскаго Опекунскаго Совѣта Московскому, 16 мая 1777 г., 14 мая 1778, 17 іюля 1780, 16 марта 1781, 13 августа 1782, 23 января и 13 сентября 1784, 5 марта 1785, 3 іюня 1787, г., 16 іюля 1789 и 29 декабря 1793 гг.

демію Художествъ. Завѣщатель просилъ душеприкащиковъ не объявлять его воспитаннику о предоставленномъ ему капиталѣ до совершеннолѣтія, чтобы онъ не надѣялся на ожидаемое наслѣдство; наставнику же его дѣлать небольшой подарокъ, „для поощренія любви къ младенцу". Въ случаѣ смерти Комисарова, капиталъ долженъ былъ поступить въ пользу Академіи Художествъ. Комисаровъ выпущенъ изъ Академіи въ 1779 году, съ аттестатомъ по архитектурной части, и такъ какъ по уставу онъ не былъ включенъ въ число пенсіонеровъ, которыхъ Академія посылала въ иностранныя государства для усовершенствованія, то его послали на проценты съ завѣщаннаго ему капитала; за вычетомъ для этой цѣли 600 р., капиталъ его съ процентами, въ числѣ 7.200 р., отданъ на приращеніе въ С.Петербургское Отдѣленіе Воспитательнаго Дома.

	Рубли
Бригадиръ князь Сергій Дмитріевичъ Кантеміръ	4.000
По смерти князя Кантеміра, прислано въ 1774 г.	390
По егоже завѣщанію изъ внесенныхъ имъ въ разное время въ Сохранную Казну, на имя дочери его статской совѣтницы Елены Сергѣевны Алфимовой, по смерти ея, въ неокладное подаяніе питомцамъ Дома.	24.652

1806 г. 9 іюля, Высочайше повелѣно на проценты съ капитала князя Кантеміра содержать двухъ мальчиковъ и двухъ дѣвочекъ, съ фамиліями „Кантеміровыхъ."

Крестьянинъ графа Шереметева села Выхони Никифоръ Артемьевъ Сеземовъ обѣщалъ въ подаяніе 20 т. р.

Изъ дѣлъ видно, что Сеземовъ въ 1770 и 1774 годахъ прислалъ. . .	14.788

Бецкой приказалъ, въ знакъ благодарности, хранить портретъ Сеземова; самый портретъ заказанъ за 50 р. художнику Левицкому и присланъ, 1 марта 1771 г., въ Москву.

	Рубли
Супруга князя Барятинскаго Екатерина Петровна, рожденная принцесса фонъ-Гольдштейнбекъ.	2.500
Нижегородскій губернскій прокуроръ Бахметьевъ.	378
По смерти Ѳеофила, игумена Крестовоздвиженскаго монастыря, прислано Московскою Духовною Консисторіею.	232
Принцъ Прусскій, при посѣщеніи имъ Воспитательнаго Дома. . .	200
По малымъ суммамъ.	560

Въ 1770 г., 26 января, подано привратнику въ 9 часу утра отъ неизвѣстнаго 20 руб., при стихахъ, подъ заглавіемъ—„Къ безсмертію Имени Второй Екатерины."

Въ 1770 г., какъ видно изъ письма Бецкаго, поступали приношенія на учрежденіе въ Петербургѣ Отдѣленія Воспитательнаго Дома. На этотъ предметъ дали:

Оберъ-каммергеръ Петръ Борисовичъ Шереметевъ.	3.000
Оберъ-шенкъ Александръ Александровичъ Нарышкинъ.	1.500
Дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Петръ Григорьевичъ Чернышовъ.	2.400
Генералъ-фельдмаршалъ графъ Кирила Григорьевичъ Разумовскій. .	1.500

1771 г.

Казанскій купецъ Крюковъ. . .	188
По малымъ суммамъ.	717

Бецкой, 24 мая, увѣдомилъ Совѣтъ, что въ С.Петербургскій Воспитательный Домъ содержателемъ игольной фабрики Рюминымъ пожертвовано 100.000 иголъ, „сдѣланныхъ на россійской его фабрикѣ и россійскими людьми;" а вслѣдъ за тѣмъ Бецкой сообщилъ, что Рюминъ пожертвовалъ и Московскому Воспитательному Дому 600.000 иголъ. Бецкой поручалъ Совѣту продать ихъ въ Москвѣ, такъ какъ въ Петербургѣ охотниковъ на нихъ не нашлось.

Въ письмахъ, 31-го мая и 28 іюня, Бецкой извѣщаетъ, что отъ неизвѣстныхъ подателей прислано въ С.Петербургскій Воспитательный Домъ: „1. Кабинетъ съ ящиками и съ мѣдною опра-

вою и внутренними замками, хорошей работы, подъ цвѣтъ краснаго дерева. 2. Портретъ Ея Величества въ золоченой рамѣ съ зеленою тафтяною завѣскою. 3. Одноколка въ исправной оковѣ на ходу, обитая зеленымъ сукномъ съ подушкою, обложенною бахрамой. 4. Ширмы изъ бѣлаго желѣза. 5. Два аршина пунцоваго бархату. 6. Два пуда свинцу. 7. Мраморные солнечные часы. 8. Двѣ головы канарскаго сахару—и 9. Большая пожарная заливная труба съ принадлежностями."

Въ іюлѣ 1771 года, Бецкой писалъ въ Совѣтъ о полковникѣ Алексѣѣ Алексѣевичѣ Юровѣ, который, по волѣ бабки своей Ирины Козьминичны Кормилицыной, завѣщалъ Воспитательному Дому до 500 душъ въ разныхъ уѣздахъ. Объ этомъ подаяніи Бецкой получилъ извѣстіе отъ поручика Кушникова, который вслѣдъ за тѣмъ предъявилъ, выданную ему 11 іюля 1768 г., копію съ опредѣленія Юстицъ-Коллегіи, о томъ, чтобы Московскій Опекунскій Совѣтъ „благоволилъ предостеречь отъ себя, дабы означенное отданное въ тотъ Домъ недвижимое имѣніе было въ цѣлости и до рѣшенія по духовной раззорено и расхищено не было."

Къ этому же времени относятся подаянія извѣстнаго Демидова;—но о нихъ особо.

1772 г.

	Рубли.
По завѣщанію капитана Николая Карловича фонъ-Лиліенфельда, по взысканіи векселей.	4.000
Неизвѣстный „оставшимся послѣ смерти родителей сиротствующимъ дѣтямъ."	100
Дѣвица Мареа Дмитріевна Кашкадамова завѣщала Дому, для своего поминовенія.	2.000

И недвижимое казанское имѣніе 535 душъ. По этому случаю Бецкой подносилъ всеподданнѣйшій докладъ:

„Покойная дѣвица Мареа Дмитріева дочь Кашкадамова при смерти своей завѣщала оставшія отца ея деревни, состоящія въ Казанской губерніи, продать и деньги отдать въ Воспитательный Домъ для поминовенія души ея; о чемъ получа отъ статскаго совѣтника Василья Толстова письменное свѣдѣніе какъ отъ Опекунскаго Совѣта, такъ и отъ Государственной Вотчинной Коллегіи, чтобъ явились наслѣдники, публиковано, но никого не нашлось, почему та Коллегія опредѣленіемъ утвердила, что оная дѣвица осталась въ фамиліи Кашкадамовыхъ послѣдняя въ родѣ; то все оное ея выморочное имѣніе, въ силу Имянныхъ 1712 и 1714 годовъ указовъ, отписать на Ваше Императорское Величество, а дабы воля завѣщательницы по желанію ея исполниться могла, то Ваше Императорское Величество всеподданнѣйше прошу объ отдачѣ изъ вѣденія Канцеляріи Конфискаціи завѣщаннаго покойною дѣвицею Кашкадамовою собственнаго ея недвижимаго имѣнія съ доходами со дня смерти ея во владѣніе Императорскаго Воспитательнаго Дома опредѣлить Вашего Императорскаго Величества Всемилостивѣйшимъ указомъ."—Докладъ утвержденъ 6 мая 1771 г. Препровождая его, 10 мая, въ Московскій Опекунскій Совѣтъ, Бецкой писалъ: „мною представлено о семъ въ Сенатъ съ приложеніемъ копіи и съ требованіемъ, дабы о исполненіи по тому Государственную Вотчинную Коллегію, Канцелярію Конфискаціи и куда надлежитъ опредѣлить указами." Сенатъ это исполнилъ.

Совѣтъ представилъ было, 18 іюля, о продажѣ Кашкадамовскихъ деревень, но Бецкой отозвался: „спѣшить публикаціею о продажѣ не для чего, потому что достоинство и цѣна имѣнія неизвѣстны, не лучше ли поступить такъ, какъ было сдѣлано съ деревнями Шубскаго. А какъ Василій Борисовичъ Толстой довольно показалъ своего усердія къ Воспитательному Дому, то надѣюсь, что онъ не отречется присмотрѣть нѣкоторое время за Кашкадамовскими деревнями и сообщить нужныя Совѣту извѣстія; сынъ его Толстаго отозвался мнѣ, что отецъ его охотно приметъ на себя этотъ трудъ." Бецкой предлагалъ Совѣту написать объ этомъ самому Толстому.

По поводу просьбы Толстаго, отдать ему, находившуюся при покойной Кашкадамовой, кормилицу ея съ мужемъ и за то принять отъ него

50 руб., Бецкой, 5 августа, писалъ: „Когда почтеннѣйшій Совѣтъ во уваженіе принять изволитъ, колико оная покойная дѣвица человѣколюбивымъ и благотворительнымъ своимъ завѣщаніемъ учинила Воспитательному Дому благодѣянія, не менѣе жъ и Его Высокородіе усердствуя къ дѣтямъ великодушнымъ объявленіемъ того завѣщанія соблагодѣтельствовалъ; то не токмо за сіи добродѣтели отъ него Г. Толстова за ту кормилицу деньги взять не подлежитъ; но въ знакъ нашей благодарности должно намъ всѣ мѣры употребить волю ея покойницы во всемъ исполнить, такъ, дабы не токмо кормилица съ мужемъ (и съ дѣтьми буде есть) по смерть ихъ во всякомъ удовольствіи изжить могли, но и всѣмъ тѣмъ, которые ей служили, а паче которыхъ она любила, а Г. Толстой хотя бы не имѣлъ такого случая себя оказать, то довольно того, что онъ ей покойницѣ былъ дядя, и потому мы уже ему въ двое обязаны, къ тому жъ въ церквахъ нашихъ по ней всегдашнее поминовеніе быть надлежитъ и стараться хорошо портретъ ея написать для поставленія съ прочими; объявя вышеписанное мнѣніе оставляю на благоразсужденіе Совѣта.“

Бецкой согласился съ Совѣтомъ, чтобы для управленія деревнями Кашкадамовой отправить пріисканнаго Совѣтомъ Еврейнова, давъ ему достаточное наставленіе. „Для поощренія хорошо дать ему,—писалъ Бецкой, 21 октября,—на первое время сержантскій чинъ, но только временно, до усмотрѣнія исправнаго его въ той должности исполненія, а за услуги свои онъ всегда надѣяться можетъ на Опекунскій Совѣтъ, что отъ него самого и зависить будетъ.“ Мѣсто Еврейнова заступилъ коллежскій протоколистъ Боженовъ, которому въ 1774 г. выдано свидѣтельство, что за усердіе его и полезныя услуги по управленію имѣніемъ Воспитательнаго Дома въ Казанскомъ уѣздѣ онъ награжденъ отъ Опекунскаго Совѣта чиномъ экспедитора.

Когда же Совѣтъ донесъ, что портретъ Кашкадамовой поставленъ и поминовеніе дѣлается, тогда Бецкой, 22 ноября 1773 г., отвѣчалъ: „усматриваю о сдѣланной Домомъ благодарности, что и портретъ благодѣтельствующей персоны въ Домѣ постановленъ, и поминовеніе дѣлается, очень изрядно; да что нужнѣе, то я нахожу недокончено; то есть съ тѣми, которые при жизни ея были, вѣрно служили, ею любимы, въ бытность же ея довольствованы, остались безъ всякаго вспамятованія, кромѣ что отпущены на волю; почтенный Совѣтъ я чаю самъ легко въ оное войти можетъ; воля или свободность, еще не совсѣмъ человѣку дѣлаетъ за услугу награжденіе, а особливо или престарѣлому въ лѣтахъ, или неимѣющему рукодѣлія и немогущему тѣмъ себя пропитать; стало быть, и самая та воля принуждена сдѣлаться должна неволею, то есть, таковымъ людямъ должно будетъ итти или по миру или приняться къ другому Господину, и вмѣсто ожидаемаго спокойствія сносить можетъ быть случится ни по лѣтамъ ни по заслугамъ прежней своей Госпожѣ, полагаемую работу, а чрезъ то почувствовать худо заплаченными за услуги: и такъ надѣюсь, что почтенный Совѣтъ сего благотворительнаго случая не оставитъ безъ удовлетворительнаго исполненія, то есть тѣмъ ея любимымъ людямъ непреминетъ въ возможной скорости сыскавъ ихъ, хотя бъ гдѣ они находились и въ отдаленности опредѣлить имъ такое къ пропитанію по смерть ихъ удовольствіе, чтобъ прямо могли быть и съ дѣтками своими, буде у нихъ есть, беззаботны, въ защитѣ, въ спокойствіи, и подъ опекою отъ Воспитательнаго Дома, не думая, ни о чемъ нужномъ, дабы видя то чувствовали добродѣтель и по смерти благодѣтельствующей госпожи своей, и что человѣколюбіе въ Воспитательномъ Домѣ прямо въ своей силѣ наблюдается. Также и прочимъ соучаствующимъ добродѣтелямъ сей благотворительницы соотвѣтствуя самой той благодарности, непремѣнно въ память того всегда знакъ особаго почитанія оказываемъ быть долженъ или приглашеніемъ въ Домѣ или почестью рукодѣлія воспитанниковъ съ протчимъ удобопредразсужденіемъ о томъ.“

Въ 1777 г. Московскій Опекунскій Совѣтъ выдалъ 200 руб. людямъ, служившимъ Кашкадамовой; къ родственнику ея Толстому двое членовъ Совѣта ѣздили изъявлять благодарность, а питомцы поднесли ему камзолъ и золотыя

пуговицы своего рукодѣлья; Бецкой всѣ эти дѣйствія Совѣта нашелъ „весьма пристойными“;— „что жъ принадлежитъ,—продолжалъ онъ,—до увѣдомленія публики, для напечатанія въ издаваемыхъ ежемѣсячныхъ извѣстіяхъ, то оное писано изрядно, только какъ водится пространно сказано, что въ издаваемыхъ въ печать подвержено быть можетъ критикѣ и для того сократя на будущей почтѣ прислать имѣю.“

Въ 1774 году имѣніе продано полковнику Зубову, съ разсрочкою платежа, за 32.200 р.

Въ 1809 г., 23 февраля, Высочайше повелѣно на проценты съ капитала Кашкадамовой содержать 3-хъ воспитанниковъ и 2-хъ воспитанницъ, съ фамиліей „Кашкадамовыхъ.“

1773 г.

„Оренбургской подгородной Сейтовой слободы торговый татаринъ Искандеръ-Бекъ Чентѣевъ изъ Оренбурга, съ тѣмъ чтобы его не выбирали въ старшины“. . . . . 300 р.

Ѳеофанъ, епископъ нижегородскій и алатырскій. 100

Статскій совѣтникъ Ермолаевъ, на построеніе Корделожи. 600

По малымъ суммамъ 281

Баронъ Фридрихсъ подарилъ Воспитательному Дому станокъ для позументной фабрики съ принадлежностями. По этому случаю Бецкой обѣщалъ прислать и мастера, для установки станка.

1774 г.

По завѣщанію сенатора Михаила Григорьевича Собакина, отъ главнокомандующаго въ Москвѣ Петра Дмитріевича Еропкина, внесено. . . . 2.500 р.

14 мая 1773 г. предписано Бецкимъ, чтобъ на получаемые проценты, во всегдашнюю его память, содержать 4 или 5 воспитанниковъ, съ особымъ на ихъ платьѣ знакомъ.

Въ 1806 г., 9 іюля, Высочайше повелѣно на проценты съ капитала Собакина содержать одного воспитанника и называть его Собакинскимъ.

Титулярный совѣтникъ Нечаевъ, за взысканіе по векселямъ его денегъ. 1.228 р.

Опекунъ Нащокинъ уступилъ свое жалованье, объявивъ, что объ употребленіи онаго впредь дастъ знать; всего получено отъ Нащокина. . . . . 1.000 р.

Проценты съ этихъ денегъ, по желанію Нащокина, должно было раздавать отличившимся на экзаменѣ воспитаннику и воспитанницѣ. При увольненіи, въ 1799 г., Нащокина отъ званія почетнаго опекуна, Императрица Марія Ѳеодоровна приказала: „дать ему просимое имъ (о сдѣланномъ имъ приношеніи) свидѣтельство, объявить ему Мое благоволеніе, а съ процентами внесеннаго имъ капитала поступать по его желанію, отдавая оные ежегодно пополамъ воспитаннику и воспитанницѣ, которые наиболѣе отличатся въ добромъ поведеніи и успѣхахъ въ ремеслахъ.“

Рубли.

Опекунъ князь Долгоруковъ, изъ жалованья своего. 1.000

Проценты съ этихъ денегъ выдавались отличившимся воспитанникамъ.

Лаврентій, епископъ вятскій и великопермскій 100

По увѣщанію князя Шаховскаго, генералъ-аншефъ графъ Иванъ Степановичъ Гендриковъ 1.115

Московскимъ откупщикомъ Логиновымъ 3.000

Неизвѣстнымъ. 50

присланоБецкому при запискѣ: „На воспитаніе сиротъ въ Главномъ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ спасаемыхъ щедротою и человѣколюбіемъ безсмертныя Екатерины посылаетъ включенную при семъ маловажную сумму въ торжественный день, освященный въ сердцахъ жителей Лифляндскихъ и всѣхъ истинныхъ патріотовъ (т: е: въ 24 число Ноября 1774 года новаго стиля) истинной набожности преданный и къ благодарности обязанный Лифляндскій старикъ и патріотъ:“

По малымъ суммамъ. 828

1775 г.

Артиллеріи капитанъ Кожинъ. . . 105

Московскій 1-й гильдіи купецъ и публичный нотаріусъ Татариновъ. . . 150

Рубли.

25 апрѣля, Императрица Екатерина II посѣтила Воспитательный Домъ и пожаловала. 2.000

Неизвѣстный. 50.000

Это тѣ деньги, которыя получены Главнымъ Попечителемъ, при письмѣ, отъ 3 марта 1774 г.; тогда же доставлено было 10.000 р., а 3 іюня остальныя 40.000 р. Все это неизвѣстный благотворитель предоставилъ въ полное распоряженіе Бецкаго. Письмо было прислано ночью съ ящикомъ, запечатаннымъ печатью, изображающею солнце, освѣщающее шаръ земной, съ надписью: „non sibi sed populi.“ Неизвѣстный писалъ: „я родился не въ Россіи, но отечеству обязанъ только рожденіемъ, а Россіи тысячью несравненно превосходнѣйшихъ выгодъ.“

По малымъ суммамъ. . . . . 391 р.

1776 г.

Неизвѣстный. 100

По малымъ суммамъ. 245

1777 г.

По малымъ суммамъ. 310

1778 г.

По завѣщанію секундъ-маіора Хлопова. 500

Коллежскій совѣтникъ и опекунъ Павелъ Григорьевичъ Демидовъ за двѣ трети жалованья. 666

Бецкой, 2 марта, писалъ: „это благодѣяніе тѣмъ болѣе достойно возблагодаренія, что онъ *равнодушно* трудясь съ прочими членами желаетъ быть незаплатимымъ.“ Демидову даны свидѣтельство и медаль.

Генералъ-поручикъ Кречетниковъ. 100

Неизвѣстнымъ подано швейцару. . 200

Собрано попечителемъ Красильниковымъ. 157

„Содержатель С.Петербургскихъ и Московскихъ питейныхъ сборовъ купецъ Иванъ Власовичъ Логиновъ для всеобщей радости дарованной Россіи рожденіемъ Великаго князя Александра Павловича, 12 декабря 1777 г.; на содержаніе умножающагося числа воспитанниковъ.“ . . . . . 10.000 р.

Велѣно содержать 5 мальчиковъ и 5 дѣвочекъ „подъ именемъ и отмѣннымъ знакомъ благотворителя.“

Въ 1806 г., 9 іюля, Высочайше повелѣно на проценты съ капитала Логинова содержать одного воспитанника и одну воспитанницу, съ фамиліями „Логиновскихъ.“

По малымъ суммамъ. . . . . 126 р.

Въ „Извѣстіяхъ Воспитательнаго Дома,“ упоминается: 16 августа препровождены въ Московскій Опекунскій Совѣтъ 200 р., съ тѣмъ, чтобы деньги эти раздѣлить между воспитанниками, для поощренія къ трудамъ. Изъ журнала Совѣта, 23 августа, видно, что деньги далъ Самуилъ, архіепископъ ростовскій. Совѣтъ положилъ раздавать эти деньги отличившимся воспитанникамъ.

24 іюня попечитель Петръ Борисовичъ Бѣлавинъ, по случаю назначенія Опекунскимъ Совѣтомъ одного изъ питомцевъ, по одобренію мастера, въ должность подмастерья волочильнаго дѣла золота и серебра, подарилъ ему 100 р., а жена его прислала въ подарокъ воспитанницѣ большаго возраста Аннѣ Антоновой, №2501—1766 г., гродетуровую пару платья съ серебряною накладкою.

17 іюля почетный благотворитель графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій, при посѣщеніи Воспитательнаго Дома въ Москвѣ, разсматривалъ работы питомцевъ, былъ въ Коммерческомъ при Домѣ Училищѣ, и на представленіи русской комической оперы и балета; въ знакъ своего удовольствія подарилъ 500 руб., для раздачи лучшимъ питомцамъ.

19 декабря 1777 г. С.Петербургское Отдѣленіе Воспитательнаго Дома сообщило Московскому Опекунскому Совѣту, что чрезвычайный посланникъ при Саксонскомъ дворѣ, князь Андрей Михайловичъ Бѣлосельскій, предоставилъ Воспитательному Дому безвозвратно въ Нижегородской губ. 642 души, оцѣня оное имѣніе въ 40.000 р., съ тѣмъ, чтобы ему платить по смерть по 12% съ рубля.

Изъ Высочайшаго повелѣнія 25 августа 1807 г. видно, что въ 1778 г. пожертвовано г. Бурав-

цевымъ 1000 р. съ тѣмъ, чтобы проценты съ этого капитала раздавать въ милостыню, или выкупать бѣднаго или выдать съ помощію ихъ въ замужство сироту несчастную, что и дѣлать 8 мая. Это во́-время не исполнялось, такъ что накопилось въ 1807 г. процентовъ 300 р. Посему, повелѣно, выдавать проценты, согласно завѣщанію, съ 1300 р.

1779 г.

	Рубли.
По завѣщанію прокурора Ларіонова	150
Дѣвица Машкова.	100
По малымъ суммамъ.	468

Пожертвованія Американской Компаніи для промысловъ въ Сѣверо-Восточномъ морѣ и Камчаткѣ:

Въ 1776 г. Московскій 2-й гильдіи купецъ Серебренниковъ увѣдомилъ Опекунскій Совѣтъ, что онъ заключилъ договоръ съ Компаніей о пожертвованіи въ пользу Воспитательнаго Дома пая съ судна св. Александръ Невскій. Продажу этого пая, состоявшаго въ бобрахъ и прочей мягкой рухляди и высылку денегъ принялъ на себя, по приглашенію Совѣта, иркутскій губернаторъ Нѣмцовъ, который полагалъ продавать ихъ на китайской границѣ (*).

Деньгами и за проданные мѣха, въ особенности за бобры, получено съ 1779 г. всего въ разное время. . 1.975 р.

Въ 1776 г. купцы соликамскій Лапинъ, великоустюжскій Шиловъ и тульскій оружейникъ Орѣховъ назначили въ подаяніе Воспитательному Дому по полупаю съ судовъ своихъ св. Павла и Владиміра. Эти приношенія доставили въ 1781 и 1783 годахъ. . . . 2.900

Въ „Извѣстіяхъ" за 1779 г. упоминается, что 23 апрѣля, при празднованіи дня рожденія Императрицы, графъ П. И. Панинъ, архіепископъ московскій и калужскій Платонъ, княгиня Барятинская и проч. дали въ пользу питомцевъ. 110

(*) Письма Совѣта Бецкому, отъ 11 апрѣля и 15 декабря 1776 года.

1780 г.

	Рубли.
Премьеръ-маіоръ и опекунъ графъ Борисъ Ивановичъ Толстой. . . .	100
Неизвѣстный.	500
По малымъ суммамъ.	211

1781 г.

Княгиня Анна Ѳедоровна Бѣлосельская.	1.000
По малымъ суммамъ.	24

1782 г.

Поручикъ Николай Ивановичъ Новиковъ.	200
По завѣщанію англійскаго купца Томсона.	100
Отъ Оренбургскаго татарина Ахмета Бабкаева, при выдачѣ ему денегъ за поставленныя на фабрику бумагу и кумачь.	111
По малымъ суммамъ.	6

Опекунскій Совѣтъ выдалъ одобрительное свидѣтельство доктору Янишу, который изъ получаемаго имъ жалованья, 1800 р., ежегодно съ 1773 года уступалъ 800 р. въ пользу Дома; а въ 1785 г. уступилъ и еще 400 р.

Въ 1797 году, Янишъ подалъ въ Опекунскій Совѣтъ прошеніе, и ссылаясь на свою 39-лѣтнюю службу и 24-лѣтнія занятія по Воспитательному Дому, куда Бецкой назначилъ его главнымъ докторомъ, между прочимъ по уваженію заслугъ его по оспопрививанію въ Академіи Художествъ и Кадетскомъ Корпусѣ,— просилъ званія попечителя Воспитательнаго Дома, котораго и былъ удостоенъ.

Въ бумагахъ 1782 г. есть извѣстія о пожертвованіяхъ имѣній Протопоповымъ и Ивановымъ. О Протопоповѣ видно только, что онъ дарилъ 40 душъ въ Краснокутскомъ уѣздѣ Харьковскаго намѣстничества. По поводу завѣщаннаго Ивановымъ имѣнія въ Медынскомъ уѣздѣ, калужскій генералъ-губернаторъ Кречетниковъ писалъ Бецкому, что полезно было бы прислать чиновника въ помощь казенныхъ дѣлъ стряпчему, для хожденія по этому дѣлу,

такъ какъ Уѣздный Судъ уничтожалъ завѣщаніе. Споръ съ наслѣдниками кончился тѣмъ, что Воспитательному Дому предоставлены лишь благопріобрѣтенныя Ивановымъ шесть пустошей. Эти пустоши, всего 264 десятины, Опекунскій Совѣтъ продалъ въ 1800 г. за 2.376 р.

1783 г.

	Рубли.
По завѣщанію княгини Натальи Ѳедоровны Долгорукой.	1.000
По завѣщанію подполковницы Елизаветы Петровны Елчаниновой, по отцѣ Хлоповой.	500
По малымъ суммамъ.	20

1784 г.

Архимандритъ Златоустовскаго монастыря, Воспитательнаго Дома катихизаторъ Варлаамъ Барановичъ. . .	7.020

Барановичъ желалъ, чтобы изъ процентовъ на эту сумму выдавать ежегодно пяти воспитанницамъ, выходящимъ въ замужство, по 100 р. Воля Барановича была исполнена тогда, когда накопилось достаточно процентовъ.

По поводу выданнаго Совѣтомъ изъ денегъ Барановича одной воспитанницѣ награжденія, Императрица Марія Ѳеодоровна, въ 1801 г. 5 ноября, замѣтила: „этой выдачи не слѣдовало, потому что по завѣщанію выдачи сіи простираются на воспитывающихся въ Домѣ 5 дѣвицъ, поступками и поведеніемъ добропорядочныхъ, при выходѣ въ замужество, каждый годъ, а не на тѣхъ, которыя давно не токмо изъ Дому выпущены, но уже и замужъ вышли, при томъ и Совѣтомъ положено сію выдачу производить только прямо изъ Воспитательнаго Дома выходящимъ замужъ воспитанницамъ.“

Барановичъ умеръ 15 мая 1784 года, ничего по себѣ не оставилъ, такъ что Опекунскій Совѣтъ принялъ на свой счетъ погребеніе, на которое и употребилъ 287 руб. 18 к.

Княгиня Варвара Александровна Шаховская.	3.705 р.

Въ Высочайшемъ повелѣніи, 26 іюля 1806 года, упоминается о капиталѣ княгини Шаховской, какъ такомъ, проценты съ котораго назначены на выдачу въ приданое воспитанницамъ.

	Рубли
Отъ продажи имѣнія Бобарыкина. .	500

Гвардіи капитанъ-поручикъ Бобарыкинъ, въ началѣ 1778 года, сообщилъ главному надзирателю Коваленскому о желаніи своемъ отдать въ пользу Дома имѣніе въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ 26 душъ. Совѣтъ писалъ объ этомъ Бецкому, который приказалъ выдать Бобарыкину свидѣтельство и медаль.

По малымъ суммамъ.	60

1785 г.

Директоръ мѣдныхъ и желѣзныхъ заводовъ коллежскій ассесоръ Яковъ Борисовичъ Твердышовъ внесъ въ Московскую Сохранную Казну 180.000 р., съ тѣмъ, чтобы Опекунскій Совѣтъ возвратилъ эти деньги въ Банкъ, въ уплату такой же суммы, занятой Твердышовымъ изъ Оренбургской Банковой Экспедиціи. Этимъ оборотомъ Домъ пріобрѣталъ четыре процента со всей суммы,—и полученная имъ выгода показана по бумагамъ въ . . . 37.800 р.

Бывшая по этому поводу переписка доказываетъ осмотрительность Бецкаго. Получивъ увѣдомленіе отъ Московскаго Опекунскаго Совѣта „о желаніи неизвѣстнаго сдѣлать знатную прибыль Воспитательному Дому отдачею на 7 лѣтъ 180.000 р., за что бы дать ему чинъ ассесорскій,“—Бецкой отвѣчалъ 21 сентября 1778 года, что „желалъ бы приступить къ старанію о томъ, но напередъ нужно знать, нѣтъ ли въ разсужденіи обязанностей его съ казеннымъ мѣстомъ какихъ неудобствъ, которыя въ продолженіи семи лѣтъ могли бы произвести препятствія разрушающія воображаемую прибыль Воспитательному Дому?“ Извѣстясь потомъ о предложенномъ Твердышовымъ оборотѣ, Бецкой предложилъ взять съ него письменное обязательство: „что по учиненной имъ съ Опекунскимъ Совѣтомъ сдѣлкѣ вноситъ тѣ деньги съ тѣмъ, дабы должная имъ такому то мѣсту вся та сумма въ такомъ то году, мѣсяцѣ и числѣ заплачена была отъ Воспитательнаго Дома, а до тѣхъ поръ на весь оный капиталъ по данному имъ обязательству по три процента, а всего по пяти тысячь четыре ста рублей на каждый годъ

платимо было отъ Воспитательнаго Дома оному мѣсту, въ назначенный срокъ непремѣнно, и дабы онъ какъ болѣе должнымъ тому мѣсту не былъ и не почитался, какъ и въ закладѣ состоящее его недвижимое имѣніе изъ того залога и запрещенія исключено было, доставить ему разрѣшеніе и сіе оказываемое Воспитательному Дому доброжелательство, принять залогомъ истиннаго его къ сему мѣсту почитанія.“ Когда Твердышовъ далъ такую подписку, то Бецкой разрѣшилъ принять отъ него деньги.

Благодарность же Бецкой согласился изъявить Твердышову лишь тогда, когда все это дѣло было окончено, именно въ 1780 году. Твердышовъ получилъ свидѣтельство и золотую медаль; послѣ чего Твердышовъ подарилъ на строеніе Петербургскаго Воспитательнаго Дома. . . . . 14.000 р.

Царевичъ Георгій Грузинскій. . 10.000 р.

Деньги эти назначены въ пользу Дома, Высочайше утвержденнымъ 28 января 1785 г., распредѣленіемъ недвижимаго имѣнія, которое царевичъ написалъ на случай своей смерти. Сумму 10.000 р. должны были внести наслѣдники царевича князья Циціановы. Этимъ же актомъ царевичъ предоставлялъ Государынѣ село Всесвятское и сельцо Егорьевское, но съ тѣмъ, чтобы жившіе тамъ родственницы его пользовались по прежнему своими домами и покровительствомъ Императрицы. Объ этихъ распоряженіяхъ былъ указъ Сената, отъ 30 января 1785 года (*).

1786 г.

Рубли.

Въ „Извѣстіяхъ“ за этотъ годъ (**) напечатано: „1 апрѣля по завѣщанію коллежскаго ассесора Саввы Яковлевича доставлено изъ имѣнія его въ пользу Воспитательнаго Дома.“ 20.000

Отъ неизвѣстнаго. 200

По малымъ суммамъ. 73

(*) Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ П. И. Ивановымъ.

(**) Сборн. Изв. 1791 г. ч. II. стр. 283.

1790 г.

Рубли.

По завѣщанію статскаго совѣтника, графа Ѳедора Алексѣевича Толстаго, закладными на. 4.000

Завѣщаніе внесено въ Опекунскій Совѣтъ въ 1781 г.; графъ умеръ въ 1789 г. Исполняли завѣщаніе члены Опекунскаго Совѣта. Все имущество графа стоило болѣе 647.000 р., въ томъ числѣ была закладная въ 15.000 р. на шестьдесятъ бриллiантовыхъ кафтанныхъ и камзольныхъ пуговицъ.

Московскій именитый гражданинъ Никита Павловъ, по уплатѣ ему Опекунскимъ Совѣтомъ по 3-мъ векселямъ за содержателя театра Медокса, подарилъ Дому. 5.000

1792 г.

Московскій купецъ Иванъ Кузьмичъ Щуровъ о каменномъ своемъ домѣ въ Лефортовѣ съ суконнымъ заводомъ завѣщалъ, чтобы этимъ имуществомъ владѣла его жена, подъ покровительствомъ Опекунскаго Совѣта; по смерти же ея домъ предоставлялся въ собственность Воспитательнаго Дома на богоугодное употребленіе. Вдова Щурова умерла въ 1804 году. Завѣщанное имущество въ 1807 г. продано Опекунскимъ Совѣтомъ за. . 4.250 р.

28 октября того же года, Высочайше повелѣно: „сумму эту причислить къ капиталу Воспитательнаго Дома для содержанія изъ процентовъ одного воспитанника изъ несчастнорожденныхъ, назвавши его именемъ благотворителя; остатокъ отъ процентовъ выдавать ему въ награжденіе при выпускѣ.“

Попечитель Дома графъ Мусинъ-Пушкинъ и супруга его дали для награды двухъ воспитанниковъ и двухъ воспитанницъ. . . . . 1.000 р.

1793 г.

Княжна Наталья Алексѣевна Голицына, въ пользу воспитанницъ Воспитательнаго Дома. 6.000

1794 г.

	Рубли.
Неизвѣстные.	463

Такъ какъ изъ этого капитала не дѣлалось употребленія до 1863 года, то его накопилось 2438 руб. Въ 1863 г. 6-го февраля, Высочайше повелѣно проценты ежегодно раздавать бѣднымъ, 21 апрѣля, въ память основанія Воспитательнаго Дома.

1796 г.

Князь Петръ Ивановичъ Гагаринъ.	500
Епископъ Дамаскинъ, въ награду лучшимъ воспитанникамъ.	50
Графъ Ѳедоръ Григорьевичъ Орловъ.	500

1797 г.

По завѣщанію маіора Вуича табакерка, пожалованная ему Екатериной II-й, и деньгами.	1.000
Надворный совѣтникъ Яцынъ съ дочерью.	500
Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна, въ пользу дѣтей, у кормилицъ находящихся.	9.000

От Ея Величества жалуемы были и другія суммы.

Въ этомъ же году, Государыня присоединила къ пенсіонному капиталу.	2.000
Въ іюлѣ 1800 г., прислано отъ Ея Величества на устройство садовъ для воспитанниковъ.	1.000
Въ мартѣ 1801 г., на тотъ же предметъ и на книги для Повивальнаго Института	500

На докладѣ Опекунскаго Совѣта о предположеніи засадить липами и акаціями главный проспектъ и сдѣлать по немъ каменные тротуары, на что требовалось болѣе . 7.000 р. Государыня написать изволила: „издержка сія будетъ произведена изъ Моей казны.“

Императрица приняла на Свой счетъ содержаніе Законнаго Отдѣленія Родильнаго Госпиталя. Въ 1817 году, января 11, Она прислала въ Совѣтъ . . . . . 13.000 р.

И повелѣла, присоединивъ къ нимъ другія, принадлежащія Законно-Родильному Госпиталю деньги, составить особый капиталъ, проценты съ котораго употреблять на содержаніе Госпиталя.

Императрица желала, чтобы Родильный Госпиталь замужнихъ женщинъ содержался единственно на Ея иждивеніи, и потому, въ рескриптѣ отъ 9 октября 1826 г., изъявила волю платить отъ Себя Воспитательному Дому по 800 р., какъ бы за наемъ покоевъ, занимаемыхъ Госпиталемъ, и даже внести такую плату за прошедшее время. Вмѣстѣ съ этимъ были присланы деньги за 1825 г; а въ 1827 г. 11 января, Императрица прислала 30.698 р. 14 к., то есть всѣ деньги, которыя слѣдовали за наемъ помѣщенія съ основанія Госпиталя, принимая въ разсчетъ проценты такъ, какъ если бы деньги вносились ежегодно въ Сохранную Кассу, слѣдовательно и съ процентами на проценты.

Въ 1829 г., капиталъ Законно-Родильнаго Госпиталя, за обращеніемъ въ Сохранной Казнѣ, составлялъ 21.286 р. 23 к.

По кончинѣ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, Высочайше повелѣно (*) отпускать изъ Государственнаго Казначейства тѣ деньги, 800 р., которые Императрица вносила за помѣщеніе Госпиталя.

При отдѣленіи Сохранныхъ Казенъ отъ вѣдомства Опекунскихъ Совѣтовъ, на капиталы Законно-Родильнаго Госпиталя даны два непрерывно-доходные билета, одинъ въ 6.082 р., а другой въ 3.918 р. По Высочайшему повелѣнію 18-го ноября 1859 года, проценты съ этого капитала назначены на содержаніе въ Законно-Родильномъ Госпиталѣ, сверхъ положенныхъ по штату, кроватей, подъ наименованіемъ учрежденныхъ на капиталъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Капиталъ на содержаніе воспитанниковъ въ городской богадѣльнѣ составился также преимущественно изъ суммъ, пожалованныхъ Императрицею. По 4% непрерывно-доходному билету капитала этого числится нынѣ. . 8.872 р.

(*) Журналъ Моск. Опек. Совѣта, 13 мая 1829 г.

Рубли.

Проценты съ него назначены вообще на содержаніе увѣчныхъ питомцевъ Воспитательнаго Дома.

Игуменъ Порфирій Симантовскій, на выдачу приданаго, въ день основанія Воспитательнаго Дома, бѣдной дѣвицѣ дворянскаго происхожденія. . . . 3.000

Въ 1807 г. такую дѣвицу велѣно выбирать изъ недостаточныхъ воспитанницъ Екатерининскаго Института.

1798 г.

Князь Гавріилъ Петровичъ Гагаринъ 1.000

По завѣщанію премьеръ-маіора Птицына 2.000

Секундъ-маіоръ Таишевъ-Багалдинъ. 731

Марья Петровна Шереметева . . 300

1799 г.

Отъ щедротъ Государя Императора Александра Павловича на часть Московскаго Воспитательнаго Дома. . . . . 200.000 руб.

Проценты съ этой суммы 12.000 р. привезены были въ Московскій Опекунскій Совѣтъ главнымъ надзирателемъ Тутолминымъ. Императрица Марія Ѳеодоровна по этому случаю писала (журналъ Моск. Опек. Сов., 1 марта) почетному опекуну Маслову:

„Отъѣздъ въ Москву Главнаго Надзирателя Тутолмина подаетъ Мнѣ случай увѣдомить Васъ, что Вы получите черезъ него двѣнадцать тысячъ рублей процентныхъ денегъ съ двухъ сотъ тысячъ рублей на часть Московскаго Воспитательнаго Дома доставшихся отъ щедротъ Государя Императора. Я поздравляю Васъ съ симъ первымъ опытомъ Монаршей милости и благоволенія къ Дому Нашему.“

Въ 1810-мъ году 15 августа, Высочайше повелѣно: „съ оставшагося послѣ вышедшихъ 11 пенсіонеровъ Его Величества капитала 2.200 р. проценты употреблять на награжденіе воспитанниковъ, оказавшихъ отличные успѣхи въ наукахъ.“

1800 г.

Г. Всеволожскимъ пожертвовано Воспитательному Дому 1000 сажень дровъ, въ 40 верстахъ отъ Москвы; издержки по доставкѣ дровъ жертвователь на себя не принялъ.

1803 г.

Поручица Екатерина Норова уволила своихъ крестьянъ въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ, съ тѣмъ, чтобы вносили ежегодно, въ продолженіе 18 лѣтъ, по 1.000 р. до составленія капитала 18.000 руб., для призрѣнія сиротъ. Когда такой капиталъ составился, то по докладу о семъ, въ 1820 году, Московскаго Опекунскаго Совѣта, 5 мая Высочайше назначено: „капиталъ причислить къ собственному капиталу Воспитательнаго Дома, но подъ именованіемъ „вклада Норовой,“ а проценты употреблять на обученіе питомцевъ въ деревняхъ. Нынѣ капиталъ этотъ составляетъ. . . . . 6.523 р.

По завѣщанію премьеръ-маіора Григорія Тугаринова, на оставшійся по смерти его капиталъ, асс. 10.175 руб., обращавшійся въ Московской Сохранной Казнѣ, данъ вѣчный билетъ. По условію вклада, капиталъ долженъ былъ обратиться въ пользу Дома, по смерти вдовы вкладчика и ея брата, а до того времени предоставлено Дому пользоваться лишь однимъ процентомъ съ капитала.

Въ 1832 г., Высочайше повелѣно: „употребить этотъ капиталъ на содержаніе пансіонеровъ въ училищѣ глухонѣмыхъ.“ Въ 1859 году соединенъ съ пожертвованіями Дроздова и Бочарнакова. Всего составилось. . . 11.524 р.

1804 г.

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова (*). . . . . 250 р.

1807 г.

Въ октябрѣ, Высочайше утвержденъ докладъ Московскаго Опекунскаго Совѣта о завѣщаніи Марьи Петровны Шереметевой. Изъ ея по-

(*) Эти деньги повелѣно обратить на покупку книгъ для классическихъ воспитанницъ. Такое же назначеніе дано и нѣкоторымъ другимъ пожертвованіямъ, противу которыхъ въ текстѣ отмѣчено: *на книги*. Изъ всѣхъ этихъ пожертвованій составился капиталъ въ 5.590 р., который въ 1859 году назначенъ на учебныя пособія Николаевскаго Сиротскаго Института.

жертвованія велѣно отдѣлить 25.000 р. на отстройку, для помѣщенія инвалидовъ того дома, который занимаемъ былъ прежде Опекунскимъ Совѣтомъ. Проценты съ остальнаго капитала 294.844 р. 60 к. назначены на содержаніе Инвалиднаго Дома и призрѣніе сиротъ.

Положено имѣть шесть пенсіонерокъ въ Екатерининскомъ Училищѣ, шесть—въ Александровскомъ и двѣнадцать пенсіонеровъ въ Воспитательномъ Домѣ. Послѣднимъ, согласно докладу почетнаго опекуна Лунина, дано именованіе Шереметевскихъ.

1808 г.

Бригадиръ Бибиковъ, на книги. 200 р.

1809 г.

Высочайше повелѣно 9 марта: „съ обращающагося въ Петербургской Сохранной Казнѣ капитала внесеннаго въ пользу Дома Генералъ-Маіоромъ Толстымъ, отчислить процентовъ 2740 р., и перевесть въ Московскую Сохранную Казну; эти деньги назначены на снабженіе приготовляемыхъ въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ лекарей хирургическими инструментами.“ Въ 1859 году, такими инструментами велѣно снабжать фельдшеровъ, служащихъ въ округахъ деревенскихъ питомцевъ. Нынѣ этого капитала серебромъ. . . . . 1.216 р.

Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, въ память своего воспитанника барона Сердобина, внесъ, по смерти его, въ Московскій и Петербургскій Воспитательные Домы по 5000 р. Согласно желанію князя Куракина, 14 іюня 1809 г. Высочайше повелѣно, на проценты съ его пожертвованія, воспитывать двухъ дѣвочекъ и 1 мальчика въ Московскомъ Домѣ, а въ Петербургскомъ 1 дѣвочку и 2 мальчиковъ. Этихъ пенсіонеровъ приказано называть Сердобинскими.

1810 г.

По завѣщанію подполковника Неймана проценты съ его капитала, на книги. . . . . 138 р.

Юрьевскій купецъ Василій Яковлевъ Телѣгинъ. 4.200

Телѣгинъ назначилъ проценты съ 4000 р. употреблять на содержаніе двухъ воспитанниковъ, изъ которыхъ одного называть Телѣгинымъ, а другаго Карцевымъ, въ память его, Телѣгина, воспитателя. Проценты съ остальныхъ 200 р. назначались для награжденія воспитанниковъ. Въ 1838 году, Телѣгинъ уже дослужившійся чина штабсъ-капитана, потребовалъ вкладъ свой обратно и ссылался на состоявшееся въ то время узаконеніе, чтобы приносныхъ младенцамъ не давать „классическаго“ образованія, отъ чего его, Телѣгина, воля не могла быть выполняема. Телѣгину было отказано, по той причинѣ, что, при взносѣ капитала, онъ не предоставилъ себѣ права получить его обратно. Такое рѣшеніе Высочайше было утверждено и объявлено Телѣгину, въ отвѣтъ на неоднократныя его домогательства. Поводомъ къ отказу было еще и то обстоятельство, что воспитанники Дома, поступившіе въ классы до 1837 г., курсъ ученія продолжали. Когда же, послѣ перевода ихъ въ Александринскій Сиротскій Институтъ, и это послѣднее заведеніе, въ 1850 году, было преобразовано въ кадетскій корпусъ, тогда пожертвованіе Телѣгина ему возвращено, за исключеніемъ 200 р., о которыхъ онъ не просилъ. Проценты съ этой послѣдней суммы, составлявшей, въ 1859 году, 88 р., назначены на преміи для приготовительной прислуги.

Въ 1810 г., Опекунскій Совѣтъ продалъ завѣщанное протоіереемъ Тимковскимъ имѣніе (*) за. . . . . 9.000 р.

3 ноября Высочайше повелѣно изъ процентовъ содержать воспитанниковъ и называть ихъ Тимковскими. Въ 1814 г. опредѣлено и число ихъ; велѣно воспитывать двухъ мальчиковъ и трехъ дѣвочекъ. Замѣтимъ, что въ 1811 г. соединены въ одинъ капиталъ всѣ пожертвованія, назначенныя на воспитаніе питомцевъ. Поводомъ къ этому распоряженію было желаніе упростить счеты, а также необходимость дополнить такіе капиталы, которые, съ теченіемъ времени, стали недостаточны, для исполненія воли жертвователей. При этомъ повелѣно, чтобы по

(*) См. стр. 40.

выходѣ пенсіонеровъ, носившихъ фамиліи того или другаго благотворителя, замѣщать ихъ новыми воспитанниками и давать этимъ послѣднимъ тѣже прозванія.

1811 г.

	Рубли.
Дѣвица Бѣльская (*).	1.000

1812 г.

Тайная совѣтница Екатерина Маслова, на книги.	4.000

Въ февралѣ 1808 года, секундъ-маіоръ Трушеневскій внесъ, въ пользу двухъ воспитанницъ Плировыхъ 1.000р. и разныя серебряныя вещи, предоставивъ, въ случаѣ смерти ихъ, все это въ пользу Дома. По смерти этихъ воспитанницъ, Опекунскій Совѣтъ поднесъ докладъ о назначеніи этого капитала, накопившагося до 1.200

Въ августѣ разрѣшено: „Проценты съ сего капитала по продажѣ серебра и вещей употреблять на награжденіе равными частями при выпускѣ одного воспитанника Латинскаго класса и воспитанницы изъ приготовляемыхъ къ званію наставницъ.“

1813 г.

Купчиха Архарова, на книги . .	100

1814 г.

Коллежскій ассесоръ Беклемишевъ, на награды	450

1815 г.

За сохраненіе завѣщанія генерала отъ инфантеріи Ивана Петровича Архарова, внесено зятемъ его надворнымъ совѣтникомъ Кокошкинымъ, въ пользу Дома, на награды. 1.000

(*) Эти деньги повелѣно обратить на награжденіе, при выпускѣ воспитанницъ, приготовлявшихся къ званію наставницъ. Такое же назначеніе дано и нѣкоторымъ другимъ пожертвованіямъ, противъ которыхъ въ текстѣ означено: на награды. Изъ всѣхъ этихъ пожертвованій составился капиталъ 2.010 р., который, въ 1859 г, назначенъ на сверхъ-штатныя награды воспитанницъ Московскаго Николаевскаго Института.

1816 г.

Наслѣдный принцъ Саксенъ-Веймарскій, супругъ Великой Княгини Маріи Павловны, при посѣщеніи Дома и поднесеніи Его Высочеству рисунковъ трудовъ воспитанницъ, пожаловалъ въ пользу воспитанницъ, приготовляемыхъ къ званію наставницъ. . 600

Деньги эти повелѣно раздѣлить между воспитанницами поровну.

Въ 1816 г. Кокошкинъ подарилъ 500 экземпляровъ переведенной имъ комедіи „Мизантропъ.“ Часть этихъ книгъ была продана; деньги причислены къ наградному капиталу.

1817 г.

Губернскій секретарь Бородинъ внесъ.	15.000

Жертвователь назначилъ употреблять проценты на приданое шести „ремесленнымъ“ воспитанницамъ.

Надворный совѣтникъ Кокошкинъ, въ два раза.	1.015

Эти деньги Высочайше обращены на награды учащимся.

1819 г.

Нѣжинскіе греки братья Бубы, на книги.	500
Купчиха Квасникова	1.000

Повелѣно обратить на награды питомцевъ, назначенныхъ въ фельдшера. Впослѣдствіи эти деньги, которыхъ накопилась 1740 р. сер., переданы въ Правленіе Фельдшерской Школы Московскаго Воспитательнаго Дома.

1821 г.

По завѣщанію Ивана Баташова, на книги.	200 р.

1823 г.

	Рубли.
Г-жа Маслова, на книги. . . .	50
По словесному завѣщанію служителя Дроздова, о которомъ Совѣтъ былъ извѣщенъ титулярнымъ совѣтникомъ Бѣляевымъ, поступили въ пользу Дома проценты, по принадлежавшему Дроздову билету Сохранной Казны. Это приношеніе доставило Дому (*). . . .	991

1824 г.

Поручикъ Скрипицынъ, на книги.	200

1825 г.

Мѣщанка Критская.	300
Высочайше повелѣно 4 февраля: „проценты назначать по волѣ вкладчицы въ Великій пятокъ тѣмъ дѣтямъ, которыя отличались въ ученіи и поведеніи и вносить на имена ихъ въ Сохранную Казну до выпуска изъ Дома.“	

1826 г.

Губернская секретарша Лосева. .	161
Деньги эти, по Высочайшей волѣ, назначены на четыре награды, при ближайшемъ выпускѣ, лучшимъ воспитанникамъ.	
Грекъ Зосима, на книги. . . .	10

1827 г.

Статскій совѣтникъ Яснопольскій, на книги.	200
Неизвѣстный, на книги. . . .	25
Надворная совѣтница Леонтьева, на книги.	200

1828 г.

Неизвѣстный, на книги. . . .	25
Дѣйствительный статскій совѣтникъ Петрово-Соловово, на книги. . .	200

1729 г.

Ольга Ивановна Чаплыгина. . .	5.000

(*) См. стр. 64.

	Рубли.
Деньги внесены были въ Сохранную Казну на имя одной двухлѣтней питомки и предоставлялись Дому въ случаѣ ея смерти. Питомка умерла въ 1832 г.	
Игуменъ Михаилъ Джуревскій, на книги.	300

1830 г.

Тайный совѣтникъ Алексѣй Алексѣевичъ Акинфіевъ завѣщалъ. . .	5.000
Высочайше повелѣно: „сумму сію причислить къ капиталу Повивальнаго Института.“	

1836 г.

Вдова корнета Александра Звегинцева завѣщала въ пользу обоихъ Воспитательныхъ Домовъ по	10.000
Московскій Опекунскій Совѣтъ, примѣняясь къ волѣ завѣщательницы, обратилъ проценты на содержаніе въ Воспитательномъ Домѣ двухъ воспитанниковъ или воспитанницъ, которыхъ положено называть Звегинцовскими.	
Графъ Остерманъ для Воспитательнаго Дома, на награды.	100

1839 г.

Мѣщанка Бочина, на книги . . .	100
Коллежскій совѣтникъ Старовъ, въ пользу Воспитательнаго Дома, завѣщалъ	3.000
Это пожертвованіе Высочайше повелѣно употребить на денежныя награды питомцамъ.	

1840 г.

Оцѣнщикъ Московской Ссудной Казны Щербининъ годовое свое жалованье (*).	600

(*) Эти деньги повелѣно присоединить къ капиталу на выдачу приданаго питомкамъ. Такое же назначеніе дано и нѣкоторымъ другимъ пожертвованіямъ, противу которыхъ въ текстѣ отмѣчено: на приданое. Нынѣ капитала на приданое питомкамъ Дома состоитъ 17.324 р.

Рубли.

Вдова унтеръ-офицера Шкарина, на приданое. 200

1843 г.

Гречанка Деманжи, на приданое. 200

1844 г.

Правительствующій Сенатъ, согласно просьбѣ фрейлины Е. А. Челищевой, опредѣлилъ взыскать съ одного лица, взятые имъ у г-жи Челищевой, деньги, и обратить оные въ распоряженіе московскаго военнаго генералъ-губернатора на благотворительное употребленіе. За тѣмъ деньги, по желанію г-жи Челищевой, присланы въ Опекунскій Совѣтъ, для взноса пенсіонерской платы за одного питомца. Поступило въ пользу Дома (*). . . . 908 р.

1846 г.

Гречанка Хаджи-Конста, на приданое. 500

1850 г.

По завѣщанію коллежской совѣтницы Варвары Александровны Клаузенъ, рожденной Луниной, отъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Андрея Васильевича Богдановскаго, на вѣчное время. 2.150

(*) Въ 1859 г. Высочайше повелѣно: всѣ капиталы благотворителей, назначенные на воспитаніе питомцевъ Дома, соединить вмѣстѣ, съ тѣмъ, чтобы по измѣнившемуся положенію и въ возможное соотвѣтствіе воли жертвователей, на проценты съ нихъ содержать въ Николаевскомъ Сиротскомъ Институтѣ сверхъ штата пенсіонеровъ сихъ благотворителей, изъ числа полусиротъ. Сюда отнесены капиталы, составлявшіе до 1 января 1859 года, слѣдующія суммы: 1.) Капиталъ княгини Голицыной, принцессы Гессенъ Гомбургской, дѣвицы Кашкадамовой, Ивана Логинова, князя Кантемира, Михаила Собакина и купца Щурова . . 106.606 р. 95 к.
2.) Капиталъ Кн. Куракина. . . . . 2.391 р. 41 к.
3.) Протоіерея Тимковскаго. . . . . 6.534 р. 24 к.
4.) Г-жи Звегинцевой . . . . . 3.458 р. 02 к.
5.) Фрейлины Челищевой. . . . . 934 р. 80 к.
Сумма всѣхъ сихъ капиталовъ въ докладѣ Совѣта означена въ 138,889 р 42 к., а нынѣ по непрерывно-доходному билету ихъ числится 163.796 руб. 2-го мая 1863 года Высочайше повелѣно; «проценты съ сего капитала впредь до возможности открытія на нихъ пенсіонерскихъ вакансій обращать вообще на содержаніе Воспитательнаго Дома, вслѣдствіе чего сократится цифра пособія, отпускаемаго сему заведенію изъ суммъ вѣдомства.

Рубли.

На эти деньги учреждена пенсіонерская вакансія имени г-жи Клаузенъ, въ Московскомъ Николаевскомъ Сиротскомъ Институтѣ (*).

1851 г.

Коммерціи совѣтникъ Маркъ, на приданое. 85

1852 г.

Штабсъ-капитанъ Григорьевъ, для содержанія бѣдныхъ благородныхъ дѣвицъ. 100

19 января Высочайше повелѣно: сумму сію присоединить къ капиталу, отчисленному для содержанія процентами оберъ-офицерскихъ сиротъ женскаго пола при Московскомъ Воспитательномъ Домѣ. Нынѣ это пожертвованіе въ суммѣ 134 р. состоитъ особымъ капиталомъ.

1853 г.

По смерти начальницы Николаевскаго Сиротскаго Института фонъ-Цеймернъ, осталось „экономической суммы“ 1700 р. Начальство Московскаго Воспитательнаго Дома, въ память достойной начальницы, ходатайствовало обратить эту сумму въ неприкосновенный капиталъ и, усиливъ ее до 2143 р. сборомъ добровольныхъ приношеній, на проценты съ сего капитала воспитывать постоянно въ Институтѣ одну дѣвицу, подъ названіемъ „пенсіонерки бывшей начальницы фонъ-Цеймернъ.“ Ихъ Императорскія Величества, вполнѣ раздѣляя общія воспоминанія долговременной примѣрной дѣятельности г-жи Цеймернъ, для пользы воспитывавшихся подъ руководствомъ ея сиротъ, изволили признать, что составленіе особаго капитала на содержаніе, въ память ея, одной пенсіонерки, дѣйствительно будетъ справедливымъ воздаяніемъ отличныхъ ея заслугъ; но вмѣсто сбора добровольныхъ приношеній, для пополненія недостающихъ 443 рублей Высочайше повелѣно: сумму эту отпустить изъ общихъ доходовъ Воспитательнаго Дома (*).

(*) Журн. Москов. Опек. Совѣта, 16 января 1856 года.

(*) Отношеніе статсъ секретаря А. Л. Гофмана къ князю Оболенскому, отъ 29 мая 1853 г.

1857 г.

Въ 1857 году, по случаю празднованія пятидесятилѣтняго юбилея службы князя С. М. Голицына въ званіи почетнаго опекуна, пожертвовано почетными опекунами обоихъ Совѣтовъ и главнымъ надзирателемъ Московскаго Воспитательнаго Дома. . . . . 3.400 р.

На эти деньги, съ Высочайшаго соизволенія, учреждена пенсіонерская вакансія имени князя въ Московскомъ Николаевскомъ Сиротскомъ Институтѣ.

1858 г.

По завѣщанію дочери маіора дѣвицы Елизаветы Ѳедоровны Спечинской. . . 84.000 р.

На эти деньги учреждены въ Московскомъ Николаевскомъ Сиротскомъ Институтѣ 4 пенсіонерскія вакансіи имени Спечинской.

1859 г.

Изъ числа завѣщанныхъ на благотворительное употребленіе бѣлгородскимъ купцомъ Иваномъ Алексѣевичемъ Сорокинымъ, отчислено въ неприкосновенный капиталъ Воспитательнаго Дома. . . . . 42.484 р.

Проценты съ сего капитала, по Высочайшему повелѣнію, записанному въ журналѣ Московскаго Опекунскаго Совѣта назначены для вспомоществованія родильницамъ и для награжденія воспитателей увѣчныхъ питомцевъ Московскаго Воспитательнаго Дома.

1861 г.

По завѣщанію доктора медицины статскаго совѣтника Александра Рябчикова предоставленъ Московскому Воспитательному Дому, въ пользу его воспитанниковъ и воспитанницъ, билетъ Московской Сохранной Казны 23 января 1851 года, суммою въ. . . . . 10.000 р.

1862 г.

Архимандритъ Троицкаго Каменецкаго монастыря, Соритъ. . . . . 375 р.

8-го августа Высочайше повелѣно: „проценты съ сей суммы присоединить къ 450 р., назначеннымъ по штату 1857 года, на ежегодную раздачу бѣднымъ милостыни въ память основанія сего заведенія.“—

БЛАГОТВОРИТЕЛЬ ДОМА ДЕМИДОВЪ.

Прокофій Акинфіевичъ Демидовъ, одинъ изъ главныхъ благодѣтелей Воспитательнаго Дома былъ внукомъ Никиты Демидова Антуфьева, который въ грамотѣ на пожалованіе ему дворянства, названъ Демидовымъ,—фамиліею, перешедшею и къ его потомкамъ (*).

Сколько видно изъ старыхъ дѣлъ, первое отношеніе Демидова къ Воспитательному Дому было то, что онъ, по рѣшенію Сената, заплатилъ въ пользу Дома штрафъ (см. стр.42). Въ 1768 году Демидовъ, по своимъ векселямъ, предоставилъ Опекунскому Совѣту, взыскать деньги съ князя Оболенскаго, за что уступалъ три процента со всей суммы—20 т. р.

Въ томъ же году, Демидовъ подарилъ Дому собраніе древнихъ монетъ, преимущественно русскихъ. Въ 1769 г., когда Опекунскій Совѣтъ не имѣлъ въ наличности денегъ, Демидовъ предложилъ свои 9.000 р., которые Совѣтъ и отдалъ взаймы князю Волконскому, подъ залогъ недвижимаго имѣнія.

Демидовъ путешествовалъ за-границей. Возвратясь оттуда, онъ въ письмѣ, отъ 12 августа 1771 г., изложилъ Бецкому свои благотворительныя намѣренія. Письмо это напечатано въ „Изданіи“ Бецкаго, 1774 г. (т. I. дополн., стр. 35 и слѣд.). Признавая, что учрежденіемъ Воспитательнаго Дома, Екатерина II „многія беззаконія и звѣрскія злодѣйства предупредила и отвратила“, и принимая за образецъ подобныя заведенія въ чужихъ краяхъ, Демидовъ выразилъ „желаніе имѣть о несчастныхъ всякое попеченіе.“ Онъ обѣщалъ: 1. Начатое въ Москвѣ каменное строеніе Воспитательнаго Дома достроить по утвержденнымъ чертежамъ, своимъ иждивеніемъ, „для чего и чтобъ слѣдующій годъ втуне пропущенъ не былъ“, внесъ тогда же

(*) Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ П. В. Шереметевскимъ.

100 т. р. 2. Вспомоществовать открытію Ссудной Казны. 3. Внести сумму на открытіе Родильнаго Госпиталя при С.Петербургскомъ Воспитательномъ Домѣ. 4. „На основаніи Генеральнаго Плана и привилегій Дома не переставать оказывать благотворенія и услуги во вѣки, доколѣ могъ пользоваться преимуществами и защищеніемъ Дома.“

Госпиталь въ С.Петербургѣ не былъ открытъ за „малоимѣніемъ“ собираемой суммы; Демидовъ 2 сентября прислалъ 20 т. р., съ просьбою открыть Госпиталь. Желаніе Демидова было исполнено и надъ дверями Госпиталя при входѣ на мраморной доскѣ сдѣлана надпись: „Госпиталь для родильницъ, отворена человѣколюбіемъ Господина Прокофія Акинфіевича Демидова въ 1-й день Октября 1771 года.“

Бецкой, извѣщая Опекунскій Совѣтъ о благотвореніяхъ Демидова писалъ: „такова благодѣтеля мы не только въ сообщество свое въ силу генеральнаго плана принять, но отмѣнно почтить, защищать во всякихъ случаяхъ и весьма чувствительно благодарить должны, и портретъ его въ залѣ Совѣта поставленъ быть имѣетъ.“ На счетъ строенія Бецкой въ томъ же письмѣ проситъ: „дабы время втунѣ не потерять всѣ приготовленія начинать, и какъ нынѣшнія въ Москвѣ сумнительства (касательно распространенія моровой язвы) утихнутъ, то работниковъ къ рытью рвовъ и прочимъ работамъ нанимать, и какъ строить должно въ будущемъ лѣтѣ корделожь и прочее строеніе, оному учиня всѣ потребные чертежи ко мнѣ прислать.“ Вслѣдъ за тѣмъ Бецкой прислалъ полученныя отъ Демидова ассигнацію на англійскаго купца Томсона въ 60 т. р., два векселя, одинъ въ 4 т. р., а другой въ 3.090 р. съ протестами ихъ и закладную отъ графа Сергѣя Павловича Ягужинскаго въ 8 т. р.“—Бецкой присовокупилъ, что портретъ Демидова онъ заказалъ. Объ открытіи Госпиталя публика была извѣщена особыми печатными объявленіями; а Демидову, при посѣщеніи имъ Воспитательнаго Дома, 20 апрѣля 1772 г., Опекунскій Совѣтъ поднесъ золотую медаль и благодарственное свидѣтельство. Это свидѣтельство находится нынѣ въ портретной галлереѣ Дома. Оно писано на пергаментѣ: украшено миніатюрною живописью, за которую въ то время было заплачено 50 рублей академику Козлову.

По этому же поводу, по распоряженію Опекунскаго Совѣта, напечатаны въ газетахъ плохіе вирши, подъ заглавіемъ: „*Вывѣска къ жилищу* Прокофія Акинфіевича *Демидова.*“

Опекунскій Совѣтъ, въ 1772 г., писалъ Бецкому: „Сверхъ всякаго чаянія достойный всякаго прославленія и неумолкаемой благодарности Дворянинъ и Воспитательнаго Дома чрезвычайный Благодѣтель Прокофій Акинфіевичъ Демидовъ, будучи 23 октября въ собраніи Опекунскаго Совѣта, подарилъ Воспитательному Дому собственный свой каменный домъ.“ Домъ этотъ находился на Донской улицѣ, въ приходѣ церкви Ризъ Положенія. Демидовъ самъ жилъ въ этомъ домѣ.

Въ томъ же году, Демидовъ письменно изъявилъ Бецкому желаніе завести на своемъ иждивеніи Коммерческое Училище, и опредѣлилъ вѣчный капиталъ на содержаніе ста мальчиковъ изъ купеческихъ дѣтей—205.000 р. Планъ „Воспитательнаго Училища изъ купеческихъ дѣтей для Коммерціи“ съ докладами Бецкаго о пожертвованіи Демидова и Коммисіи, разсматривавшей Планъ, Высочайше конфирмованы 6 декабря 1772 г. Коммисія „подвергала и виновника полезнаго учрежденія“ особенному Монаршему воззрѣнію и милости. Въ тотъ-же день данъ именной указъ Сенату о пожалованіи дворянина Прокофія Демидова въ статскіе совѣтники.

Благотворенія Демидова Воспитательному Дому нисколько не доказываютъ добрыхъ отношеній его къ Опекунскому Совѣту: были частыя размолвки. Въ 1769 г., 3 января Демидовъ, узнавъ, что Совѣтъ крайне нуждается въ деньгахъ, обѣщалъ дать взаймы 20.000 рублей;—но вмѣсто денегъ онъ, въ іюлѣ, прислалъ въ Совѣтъ четыре скрипки, по числу его членовъ—князей Гагарина и Голицына и г.г. Вырубова и Умскаго.

Демидовъ, по своенравію, всѣмъ былъ недоволенъ. Постройку Корделожи онъ хотѣлъ вести по собственному усмотрѣнію, не подчиняясь Экспедиціи строенія; въ строители взялъ титулярнаго совѣтника Ананьева, котораго въ

оффиціальныхъ бумагахъ называлъ „Ананьевичемъ,“ и самъ входилъ съ жалобами къ Бецкому; обѣщанныя же пожертвованія вносилъ съ большими задержками. Изъ бумагъ, относящихся къ 1772 г., ясно, что въ счетъ денегъ, слѣдующихъ на строеніе, Демидовъ передалъ Совѣту свою претензію на заводчика Попова, суммою въ 23.961 р. 71½ к. Совѣтъ взялъ закладную на заводы Попова. Наличными Демидовъ внесъ было только 60.000 р., но потомъ взялъ ихъ обратно.

Желая прекратить эти неудовольствія, Бецкой, въ 1774 году, отдалъ Экспедицію строенія въ полное распоряженіе Демидова и всячески старался сохранить добрыя съ нимъ отношенія. Не только въ дѣлахъ, касавшихся строенія и устройства Коммерческаго Училища, но и въ другихъ Бецкой просилъ опекуновъ ничего не дѣлать безъ предварительныхъ совѣщаній съ Демидовымъ.

Вопросъ объ устройствѣ аптеки и Загороднаго Двора былъ разсмотрѣнъ сообща съ Демидовымъ. Вѣроятно по этому поводу и сочинена имъ пространная и до чрезвычайности оригинальная инструкція скотнику и коровницамъ Загороднаго Двора.

Но вниманіе, какое оказывалось Демидову, не всегда достигало цѣли. Вотъ что, 31 января 1773 г., Демидовъ писалъ въ Совѣтъ: „Вчерашній день я получилъ писанную отъ 25 Января 1773 года отъ Главнаго Попечителя Его Высокопревосходительства Ивана Ивановича Бецкаго копію, а оригинальное въ высокопочтенный Совѣтъ послано, въ которой копіи велѣно меня допросить. Для чего почтенно прошу пожаловать ко мнѣ, ежели непротивно, назначить день: я бы велѣлъ рыбки да блинковъ изготовить, а вы бы пожаловали пріѣхали покушали, а тамъ бы меня допросили, или по достоинству моему и далѣе учинили, на что съ почтеніемъ моимъ ожидать буду повелѣнія.“—За тѣмъ отъ Демидова подано было въ Совѣтъ представленіе, подъ заглавіемъ:

„Отъ колодника Государственной Юстицъ-Коллегіи Прокофія Демидова покорнѣйшее извѣстіе.“ О такихъ странностяхъ Демидова Совѣтъ „съ прискорбіемъ“ увѣдомлялъ Бецкаго.

Въ 1775 г., 6-го февраля, Бецкой писалъ въ Совѣтъ: „Объ отпускѣ жъ каменнаго мастера въ такой силѣ, я писалъ и къ Прокофію Акинфіевичу, что буде нынѣшняго ему хочется уволить, то состоитъ въ его волѣ; но какъ необходимо будетъ надобно мнѣ пріискавъ искуснаго въ томъ дѣлѣ человѣка прислать другаго дабы такое зданіе, какъ въ Воспитательномъ Домѣ производится, не могло оставаться, да и ни коимъ образомъ не можно обойтиться, чтобъ не былъ хорошій каменный мастеръ и на котораго бы по извѣданному же искуству нельзя было положиться; ибо безъ того мы современемъ много претерпѣть будемъ принуждены отъ невоображаемаго вреда и во всемъ построенномъ зданіи, какъ порчу, такъ и большой убытокъ, или же и совсѣмъ разрушеніе; и такъ когда уже неотмѣняемымъ его намѣреніе будетъ чтобъ уволить, то и аттестатъ пристойной по службѣ, поведенію и трудамъ соотвѣтственной, надлежитъ быть данъ.“

При взносѣ Демидовымъ въ Совѣтъ капитала, назначеннаго для Коммерческаго Училища, вышло недоразумѣніе въ лажѣ и по этому случаю Бецкой замѣчалъ Совѣту, что въ дѣлахъ съ Демидовымъ нужно было бы остерегаться и имѣть предусмотрительность.

Въ письмѣ, отъ 11 мая 1778 года, Бецкой сообщилъ Совѣту о своемъ докладѣ Императрицѣ дѣла Демидова съ Сахаровымъ, приложивъ и копію съ даннаго повелѣнія, въ надеждѣ, что „Опекунскій Совѣтъ не оставитъ ходатайствомъ своимъ и просьбою гдѣ надлежитъ, о всегдашнемъ Дому благодѣтелѣ стараніе употребить, дабы съ желаемою во удовольствіе его пользою могла рѣшимость произведена быть.“ Дѣло состояло въ томъ, что Демидовъ продалъ въ 1772 г. свои деревни бывшему при Государынѣ каммердинеру Александру Игнатьевичу Сахарову и вмѣсто уплаты взялъ векселя, по которымъ Сахаровъ обязывался уплатить Демидову въ 6 лѣтъ 151 т. р. При наступленіи срока платежа въ 1778 году Сахаровъ тайно продалъ деревни за 10 т. р. брату своему владимірскому провинціальному прокурору Семену Игнатьевичу Сахарову. По докладу Бецкаго, Императрица повелѣла генералъ-маіору Архарову и президенту

Главнаго Магистрата Дурасову разобрать споръ „по справедливости безъ продолженія.“ Изъ списка приношеній, составленнаго въ прошедшемъ столѣтіи, видно, что изъ спорныхъ между Демидовымъ и Сахаровымъ денегъ уступлено Дому 11.493 р. и въ этой суммѣ Опекунскимъ Совѣтомъ взята съ Сахарова закладная на домъ его въ Москвѣ.

Но въ томъ же 1778 г., 17 августа, Московскій Опекунскій Совѣтъ просилъ у Бецкаго „защиты отъ причиняемыхъ ему Демидовымъ огорченій и обидъ, при распространеніи имъ сомнительныхъ толковъ, на счетъ справедливости и честности членовъ Совѣта;“ а 6 іюня 1780 г. Совѣтъ доносилъ Бецкому, что „Демидовъ крѣпко настаиваетъ установить медаль особую для раздачи при экзаменѣ отличившимся воспитанникамъ Коммерческаго училища, которой и рисунокъ показывалъ въ Совѣтѣ: на одной сторонѣ портретъ Императрицы Екатерины, а на другой надпись: *училище основано Прокофьемъ Демидовымъ*, въ противность Высочайше конфирмованнаго плана.“

Тѣмъ не менѣе Бецкой ублажалъ Демидова всякими почестями. По его заказу, написанъ академикомъ Левицкимъ портретъ Демидова во весь ростъ; заплачено 400 р.

Въ 1800 году, Рожжети дѣлалъ мраморный бюстъ Демидова; цѣна бюста была 500 рублей; а въ слѣдующемъ году отлитъ бюстъ бронзовый, за 200 рублей.—Но и здѣсь не обошлось безъ неудовольствій со стороны Демидова.—С.Петербургскій Опекунскій Совѣтъ, исполняя приказаніе Бецкаго, отъ 5 февраля 1781 г., сообщилъ Московскому, чтобы бюсты Демидова мраморный и бронзовый показать ему, съ тѣмъ, чтобы онъ выбралъ для себя одинъ изъ нихъ. Но изъ отношенія С.Петербургскаго Опекунскаго Совѣта отъ 16 марта видно, что Демидовъ бюста не принялъ. Московскій Опекунскій Совѣтъ, 8 апрѣля, послалъ къ Бецкому такой отзывъ Демидова:

“Отъ Московскаго Воспитательнаго Дома объявлено мнѣ писанное въ мартѣ изъ С.Петербургскаго Дома, чтобы я отъ Господъ Опекуновъ взялъ бюстъ и за оное приношу нижайшую благодарность, а паче за милость Его Высокопревосходительства Ивана Ивановича Бецкаго. Въ третьемъ году, какъ я былъ въ Питерѣ у Ивана Ивановича при мнѣ сдѣланъ гипсовой бюстъ, а сказывалъ онъ, что многимъ мраморные дѣлаются и потому мнѣ не надобно; о чемъ съ моею благодарностію хошь сіе, хошь напишите высокопочтенному Опекунскому Совѣту, а паче Иванъ Ивановичъ въ оное не входитъ и ко мнѣ не пишетъ: какой изъ того планъ сдѣлать хочетъ? Для того ли, что живущій мой домъ, по смерти моей считаться будетъ къ Воспитательному Дому? я же скоро умру и объ этомъ Его Высокопревосходительству сказывалъ. Онъ смѣялся: кто прежде умретъ? И такъ съ высокопочитаніемъ и съ моею преданностію остаюсь всегда готовымъ.“

По указу 1765 г. матеріалы изъ разобранной городской стѣны отданы по равнымъ частямъ Воспитательному Дому и Арсеналу. Демидовъ, взявшій на свою обязанность строеніе Дома, позаимствовался матеріалами, принадлежавшими Арсеналу. Воспитательный Домъ за возвращеніе матеріаловъ поручился и самыя матеріалы перевозилъ на свой счетъ. Но при требованіи строителемъ Арсенала генераломъ Бауеромъ этого матеріала, не обошлось безъ непріятностей (*).

Бецкаго не могло не озабочивать то обстоятельство, что у Демидова постройки затянулись. Въ письмѣ къ оберъ-директору Гогелю, отъ 19-го мая 1780 года, Бецкой поручаетъ ему убѣдить Демидова, чтобы въ архитекторы взялъ Бланка, который выстроилъ Квадратъ; самому Демидову—продолжаетъ Бецкой,—выгоднѣе употребить художника знающаго нежели молодаго и не опытнаго человѣка, который при такихъ обширныхъ работахъ можетъ вовлечь его въ безполезныя издержки, заставивъ его передѣлывать, что съ самаго начала будетъ дурно направлено или худо исполнено; если,—писалъ Бецкой,—вы уговорите его взять Бланка, то вамъ удобно будетъ наблюдать за постройками, а въ прочемъ, не надоѣдайте Демидову, будьте къ нему по возможности внимательны, и не

(*) Письмо Бецкаго въ Моск. Опек. Сов., отъ 18 декабря 1779 г.

оглашайте того, что я Вамъ пишу; пусть Демидовъ и не подозрѣваетъ, что я Вамъ писалъ.“ Въ припискѣ Бецкой еще поясняетъ Гогелю: „хотя я и прошу Васъ рекомендовать архитектора Бланка, но вѣроятно, Бланкъ самъ не возьмется за строеніе, а кого нибудь порекомендуетъ. Тогда уже не входите въ дѣло, а предоставьте дѣйствовать Демидову.“

Въ октябрѣ 1781 г., секретарь Бецкаго Княжнинъ писалъ Гогелю: „такъ какъ нѣтъ средствъ побудить Демидова къ исполненію обѣщаннаго имъ, то дѣлать тутъ нечего, пусть слѣдуетъ совѣтамъ тѣхъ людей, которымъ онъ вѣритъ слѣпо.“

Не смотря однако на явную неисправность Демидова, Бецкой продолжаетъ поступать съ нимъ очень деликатно. Въ письмѣ къ Гогелю, отъ 24 мая 1783 г., онъ очень сожалѣетъ, „что съ Демидовымъ поступлено по приказному порядку, къ чему онъ ни мало не привыкъ, и терпѣть не можетъ. Если онъ иногда въ словахъ своихъ не воздерженъ бываетъ, то ужъ обыкновенно всѣ, вмѣстѣ того, чтобъ тѣмъ огорчаться, только смѣются и предаютъ забвенію. Зная Ваше благоразуміе и представляя себѣ, что онъ еще быть можетъ полезенъ для Дома, прошу какъ Васъ, такъ и прочихъ Вашихъ сотоварищей перемѣнить прежніе противъ него поступки, которые его отвращаютъ.“

Къ числу построекъ, взятыхъ на себя Демидовымъ, относился и Родильный Госпиталь. Поэтому, когда Родильный Госпиталь при С.Петербургскомъ Воспитательномъ Домѣ, съ „учрежденнымъ при немъ училищемъ повивальнаго искусства и операторства“ поступилъ на иждивеніе Бецкаго, то С.Петербургскій Опекунскій Совѣтъ, въ 1784 году, по приказанію Бецкаго, снялъ съ своего Родильнаго Госпиталя доску объ учрежденіи его Демидовымъ, и переслалъ ее въ Москву „для поставленія надъ Московскимъ Госпиталемъ.“

Въ 1786 году Опекунскій Совѣтъ относился къДемидову о томъ, что „кровля надъ Корделожи не чинится, отъ чего въ продолженіе многихъ лѣтъ происходитъ течь.“

Въ тоже время, усматривая что въ силу манифеста отъ 28 іюня, велѣно производить на капиталы, обращавшіеся въ Сохранной Казнѣ вмѣсто 6% только 5%; капитала же Демидовскаго Училища было тогда 315.009 р. 48½ к. Совѣтъ просилъ Демидова, чтобы онъ для „славолюбія своего въ пользу своихъ воспитанниковъ прибавилъ еще 60 т. р., такъ, чтобы прибыль составляла 18 т. р., слѣдовавшіе на годовое ихъ содержаніе.“ Демидовъ не только не отвѣчалъ на это предложеніе, но и отказался отъ постройки зданій Воспитательнаго Дома. По этому поводу Бецкой писалъ Совѣту 29 марта: „А какъ Прокофій Акинфіевичъ Демидовъ обязался на свой счетъ докончить всѣ строенія, то по полученіи сего во первыхъ начать должно тѣмъ чтобы почтенный Совѣтъ отписалъ къ нему, намѣренъ ли онъ исполнять свое обѣщаніе о коемъ не только здѣсь но и въ чужихъ краяхъ публиковано въ печати и притомъ просить его чтобъ онъ письменно же отвѣчалъ Совѣту, дабы намъ не теряя времени, если онъ откажется, можно было начать самимъ, то что онъ для своей славы въ пользу Дома сдѣлать не хотѣлъ.“

Посылая копію съ объясненія Демидова въ Совѣтъ, Бецкой писалъ 15 мая: „Какъ изъ онаго вы увидѣть изволите, что онъ отказывается отъ обѣщаннаго имъ, изображая подробно все сдѣланное въ пользу Воспитательнаго Дома, то прошу васъ изчислить во первыхъ сколько, за долговременно продолжавшеюся отстройкою корделожи, Домъ потерпѣлъ убытку, за перестройки и переправки деревянныхъ связей, гдѣ помѣщалися разныя Дому принадлежащія люди и за прочія издержки, которыхъ бы не было есть ли бы вмѣсто 10-ти лѣтъ строеніе въ три года кончилось, что весьма было бы возможно. Также сколько въ оное употреблено нашихъ собственныхъ матеріаловъ, а при томъ ежели по осмотрѣ, о которомъ отъ меня писано найдется, что корделожи можетъ устоять, то сколько надобно будетъ употребить еще на него для исправленія кровли, стропилъ, подъѣзда, сѣней, лѣстницы и прочаго, что передѣлать должно будетъ; во вторыхъ сколько употреблено имъ на упоминаемыя въ его письмѣ подѣлки какъ то на ограду, на оранжерею, на засыпку будто бы половины Воспитательнаго

Дома землею, на каналъ со сводами, на сдѣланіе противъ родильной и крестной двориковъ и на все прочее въ его письмѣ изображенное и по сдѣланіи о всемъ томъ подробнаго исчисленія, прошу оное ко мнѣ прислать, дабы я въ случаѣ какихъ противныхъ поступокъ въ оправданіе Воспитательнаго Дома и къ опроверженію его жалобы могъ принять мои мѣры."

Перечислимъ (*) постройки Демидова: 1) Ограда по проспекту на протяженіи 124 саж. съ обѣихъ сторонъ и около двориковъ Родильнаго Госпиталя и Крестовой; по оцѣнкѣ архитектора Бланка на 5 т. р. 2) Оранжерея о двухъ этажахъ со сводами, въ 11 т. р. 3) Въ ямѣ, находившейся противъ оранжереи, сдѣланъ прудъ и обложенъ бѣлымъ камнемъ,—на 1.000 р. 4) На готовомъ фундаментѣ поставленъ Родильный Госпиталь и Крестовая,—на 14 т. р. 5) Корделожи о 5 этажахъ съ подъѣздомъ и со всею отдѣлкою—на 170.609 р. Итого всего построено на 201.609 руб. Забрано Демидовымъ матеріаловъ, принадлежащихъ Воспитательному Дому на 80.486 р. 75 к.,—изъ Артиллерійской Конторы до 35.000 руб.

Но и при неудовольствіи на Демидова, Бецкой воздавалъ ему должную справедливость. При выпускѣ изъ Коммерческаго Училища, въ іюлѣ 1786 г., Бецкой, черезъ Московскій Опекунскій Совѣтъ, прислалъ отъ своего имени Демидову выбитую, по этому случаю, золотую медаль. Медаль не застала Демидова въ живыхъ и отдана была его наслѣднику. Бецкой былъ очень доволенъ этимъ распоряженіемъ.

Желая кончить дѣло съ наслѣдниками Демидова, 12 ноября, онъ писалъ Совѣту: „Съ домомъ его надо поступить такъ, какъ было сдѣлано еще при жизни его, то есть, какъ съ своею принадлежностію. Сверхъ того покойникъ долженъ намъ за употребленные имъ наши матеріалы, равно и за взятые изъ артиллеріи, за поручительствомъ Совѣта; поэтому надо сдѣлать разсчетъ того и другаго, но дѣло это окончить тихо, спокойно и дружелюбно съ обѣихъ сторонъ, чтобы не произошло какой огласки, предосудительной для Дома. Можно добровольно склонить наслѣдника, представя ему благосклонно справедливость нашихъ требованій, противъ которыхъ ничто не поможетъ. Если же бы онъ сталъ настаивать на неисполненіи того, что долженъ его отецъ, то объявить ему, что онъ можетъ всего лишиться, потому что у насъ въ рукахъ неопровержимыя доказательства; напротивъ въ полюбовной сдѣлкѣ могутъ быть оказаны ему всевозможныя снисхожденія; и что будетъ положено, о томъ сообщить здѣшнему Совѣту и мнѣ, объявя и наслѣднику." Встрѣченныя Совѣтомъ по этому случаю недоразумѣнія, Бецкой объяснилъ въ письмѣ, отъ 27 числа: „можетъ быть не внятно показалось вамъ мое письмо отъ 12 числа Ноября, котораго сила состояла въ томъ, чтобы по нашимъ претензіямъ на покойномъ Демидовѣ съ его наслѣдниками раздѣлаться въ освобожденіи себя отъ поручительства въ Артиллеріи и по забраннымъ имъ у насъ матеріаламъ тихо, миролюбиво и безъ всякаго предосудительнаго разбора; имъ въ случаѣ нужды можно бы сказать, что и домъ его останется за нами, если принуждены будемъ воспользоваться правами, которыя мы имѣемъ; а сверхъ того по вѣрнымъ расчетамъ, какъ то и вамъ извѣстно, могутъ выйти многія другія основательныя претензіи: но все сіе образомъ дружелюбія и съ осторожностію окончить употребляя разныя посредства чрезъ себя и чрезъ постороннихъ; дабы съ непотеряніемъ принадлежащаго Воспитательному Дому сохранить его честь, и недопустить ни до малѣйшаго безславія. Вотъ въ чемъ состояла моя мысль; а какъ сіе сдѣлать, зависитъ отъ вашего благоусмотрѣнія и искусства, поступать такимъ образомъ, чтобы наслѣдники не имѣли никакой причины къ жалобамъ." Въ апрѣлѣ 1787 г. Бецкой, все еще надѣясь окончить съ наслѣдниками Демидова миролюбиво, писалъ Совѣту: „почитая послѣднимъ способомъ приступить судебнымъ порядкомъ къ изысканію себѣ удовольствія отъ наслѣдниковъ покойнаго Господина Демидова, я думаю для прекращенія сего миролюбно, не послужитъ ли посредство Его Пре-

(*) Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ надв. сов. П. В. Шереметевскимъ.

восходительства Петра Дмитріевича Еропкина. И для того при семъ препровождаю къ нему письмо, съ котораго для свѣдѣнія вамъ копію сообщаю. Я надѣюсь, что оное и съ нимъ вмѣстѣ запечатанные печатные планы Воспитательнаго Дома съ прочимъ кто нибудь изъ Господъ Членовъ приметъ на себя трудъ ему самолично вручить, дабы тѣмъ какъ такому достойному градоначальнику оказать почтеніе, такъ и въ случаѣ нужды подать ему достаточныя по сему дѣлу на словахъ изъясненія. О томъ же писалъ я и Князю Александру Михайловичу прося его употребить свое ходатайство по долгу званія почетнаго благотворителя."

Посредничество Еропкина и кн. Голицына, вѣроятно, не имѣло успѣха, потому что Бецкой писалъ Еропкину другой разъ (*): „не взирая на снисхожденіе къ наслѣдникамъ Прокофья Акинфіевича Демидова отъ Воспитательнаго Дома хотѣвшаго лутче съ потеряніемъ собственнаго прекратить тяжебныя хлопоты, въ которыхъ бы они безъ сомнѣнія въ разсужденіи ихъ несправедливости проиграли, теперь кажется, что своими безразсудными требованіями, они хотятъ принудить помянутый Домъ поступить съ ними не съ обыкновеннымъ ему человѣколюбіемъ; не довольствуясь что ихъ освобождаютъ отъ окончанія строенія по обязательству ихъ отца обнародованному въ печати и уступаютъ его домъ, который онъ при жизни своей отдалъ, требуютъ они еще чтобъ изъ числа 132.711 рублей отданныхъ отцемъ ихъ за забранныя Воспитательнаго Дома матеріалы 60.000 рублей, за оставленіемъ съ ихъ стороны изключая мачиху ихъ 39.533 р. Но какъ сверхъ забранныхъ покойнымъ Демидовымъ на его счетъ изъ Артиллерійской Канцеляріи на 34.774 руб., за которые Воспитательный Домъ по смерти его платить обязанъ, взялъ онъ матеріалы и сего дома на свой же счетъ въ 1772-мъ году на 80.486 руб. съ обѣщаніемъ въ скорости заплатить сію сумму, но вмѣсто того отбывая разными отговорками отъ платежа оставался онъ долженъ безъ всякой пользы каковую бы Домъ пріобрѣсть могъ, если бы имъ была сія сумма внесена въ свое время, почему и должно положить на сей капиталъ считая отъ 1772-го по 1781, то есть по полученіи съ Яковлева 132.711 рублей, проценты которыхъ выходитъ 72.100 рублей, съ капиталомъ же составитъ всего 152.586 рублей; къ чему прибавя упоминаемые артиллерійскіе матеріялы 34.774 рубля всего за матеріялы 187.350 рублей слѣдовательно по сему одному отъ нихъ донять надлежало бы 55639 руб: а какъ за долговремянною отстройкою корделожи, которую десять лѣтъ покойный Демидовъ продолжалъ, дабы, употребленіемъ своихъ крестьянъ вмѣсто наемныхъ каменщиковъ работа сего зданія ему ничего нестоила, а между тѣмъ Воспитательный Домъ на выстройку и переправку деревянныхъ связей для помѣщенія разныхъ служителей издержалъ 35.000 руб. по окончаніижъ сего корделожи по притчинѣ оказавшихся многихъ трещинъ и другихъ непрочностей прошедшаго лѣта на поправленіе онаго издержано 40.000 рублей, а сверхъ того окружное по длинѣ на пятидесяти шести саженяхъ строеніе, которое покойнымъ ихъ отцемъ было выстроено и по дурному фундаменту вовсе развалилось, такъ что при жизни его по собственному его признанію негоднымъ почтено, на перестройку онаго 56.156 руб: итого Воспитательный Домъ претерпѣлъ безвозвратнаго убытка 188.805 руб., чего бы не было, еслибы покойный Демидовъ заплатилъ вскорости за упоминаемые матеріялы равно и отстроилъ бы по обязательству своему корделожи въ три года вмѣсто десяти лѣтъ, который уже развалился бы совсѣмъ еслибы помянутымъ для Дома убыточнымъ поправленіемъ подкрѣпленъ не былъ. Ваше Высокопревосходительство изъ толь явныхъ причинъ изволите усмотрѣть что Воспитательный Домъ имѣетъ неоспоримое право за всѣ таковые убытки требовать по справедливости удовольствія отъ помянутыхъ наслѣдниковъ: ибо еслибъ отецъ ихъ сего зданія выстроить не обязался и взирая только на свои пользы а не на выгоды Дома не упустилъ бы тогдашнего удобнаго времени, въ которое матеріялы несравненно де-

(*) Копія съ этого письма сообщена была Гогелю Княжниным 20 декабря 1787 г., частнымъ образомъ.

шевле нынѣшняго были, то все сіе строеніе и безъ малѣйшей его помощи Дому гораздо бы дешевле обошлося, нежели какъ оно теперь стоитъ въ разсужденіи перестроекъ и поправокъ онаго. Почему и слѣдуетъ, что нынѣшнее требованіе дѣтей его не только никакова основанія не имѣетъ но и показываетъ безстыдное притязаніе чужова, не говоря уже о помраченіи памяти родительской неисполненіемъ его торжественнаго и не только Россіи но и всей Европѣ объявленнаго обязательства за полученные имъ отъ Дома важныя одолженія. Я еще въ послѣдній разъ обращаюсь къ принятому вашею добродѣтелью посредству по сему дѣлу, прося покорно единственно въ разсужденіи только того, чтобы Воспитательный Домъ не могъ быть принужденнымъ противъ обыкновенныхъ своихъ обращеній, основанныхъ всегда на одной кротости, быть вреднымъ помянутымъ наслѣдникамъ, привесть ихъ въ чувствіе, чтобы они соображая всѣ снисхожденія, которыя имъ Воспитательный Домъ намѣренъ оказать, даже съ ущербомъ своимъ, пришли въ разсудокъ для собственныхъ же своихъ пользъ и оставили бы нескладныя требованія; въ противномъ же случаѣ, буде они продолжатъ неблагодарность свою тогда Воспитательный Домъ почтетъ себя обязаннымъ взыскать по своимъ привиллегіямъ съ помощію правосудія, возвращенія всѣхъ вышеизображенныхъ убытковъ и сверхъ того предать ихъ предосужденію чрезъ объявленіе въ печати ихъ поступокъ несходный ни съ честію ни съ совѣстію."

Дополненіемъ выведенныхъ Бецкимъ разсчетовъ, служитъ выписка изъ списка благотворителей 1787 года, гдѣ подъ апрѣлемъ 1783 г. сказано: „въ бухгалтерскихъ книгахъ хотя и показано въ прибыльномъ счетѣ отъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Прокофія Акинфіевича Демидова, по претензіямъ его на Коллежскаго Ассесора Савву Яковлева получено 132.711 р. 18¾ к., но какъ весь оный искъ отданъ отъ него Дому въ намѣреніи чинимаго платежа за забранные имъ изъ принадлежащихъ Московскому Дому матеріалы, посему и полагается не подаяніемъ а заплатою долга." Объявленная сумма принята въ С.Петербургскомъ Совѣтѣ февраля 24 и 26 числъ 1781 года и какъ изъ опредѣленія его видно, слѣдуетъ донять по той же претензіи и по тогдашнему разсчету еще болѣе 50.000 руб."

Относительно дома Демидова, наслѣдники подали въ Опекунскій Совѣтъ, въ январѣ 1787 г., объявленіе, что земля подъ домомъ, который былъ отданъ ихъ отцомъ временно на воспитаніе младенцевъ, принадлежитъ ихъ матери. Далѣе они писали, что отецъ ихъ еще въ 1785 г. просилъ Бецкаго о возвращеніи ему того дома и что Совѣтъ, по смерти Демидова, обѣщалъ домъ возвратить.

Наконецъ, 13 марта 1788 г., сыновья Демидова, лейбъ-гвардіи прапорщики Акакій, Левъ и Аммосъ Прокофьевичи, сдѣлали съ Московскимъ Опекунскимъ Совѣтомъ, по денежнымъ претензіямъ на отца ихъ, окончательный расчетъ, предоставивъ Воспитательному Дому изъ принадлежавшихъ отцу ихъ по векселю заводчика Яковлева 132.700 р. всѣ свои три части, т. е. 99.535 руб. съ процентами, съ прекращеніемъ уже за тѣмъ всѣхъ требованій съ нихъ по этому иску. Но дѣло со вдовою Демидова, Татьяной Васильевной, продолжалось. Совѣтъ считалъ на ней долгу 47.201 р. 49 к.; по неудовольствію Совѣта на рѣшеніе этого дѣла Московскимъ Уѣзднымъ Судомъ, оно отослано было въ Верхній Земскій Судъ. Въ 1794 г. Сенатъ указалъ (*) Московскому Губернскому Правленію передать дѣло въ искъ казенныхъ дѣлъ стряпчему.

На докладѣ (*) Московскаго Опекунскаго Совѣта 1799 г., о долговой претензіи на часть вдовы Демидова, Императрица Марія Ѳеодоровна соизволила написать: „Вдова благотворителя Дома должна очищена быть и выключить сей долгъ изъ описи."—Когда же Опекунскій Совѣтъ донесъ Императрицѣ, что пособіемъ главнокомандовавшаго тогда въ Москвѣ генерала П. Д. Еропкина, дѣти Демидова примирены съ Совѣтомъ, но жена его уклонилась отъ примиренія, то Государыня приказала подать апел-

(*) См. стр. 6.

(*) Изъ записки, сообщенной П. В. Шереметевскимъ.

ляцію въ Сенатъ. Прошеніе подалъ стряпчій Федосѣевъ.

Въ 1800 году, на докладной запискѣ Московскаго Опекунскаго Совѣта, о взысканіи съ вдовы П. А. Демидова, по обязательствамъ мужа на 4-ю часть, 47.201 р. 49 к., Императрица Марія Ѳеодоровна изволила написать: „сіе дѣло полюбовнымъ образомъ окончено будетъ.“— И дѣйствительно Государыня, убѣдивъ вдову Демидову къ примиренію, за полученіемъ Опекунскимъ Совѣтомъ слѣдовавшихъ съ заводчика Яковлева по векселю 132.000 р., прислала ей 1.000 р. и бриллiантовый перстень, прекративъ и дѣло о взысканіи съ нея 47.000 рублей. Въ маѣ мѣсяцѣ того же года, Демидова во всеподданнѣйшемъ прошеніи Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, объяснивъ, что выдаетъ внуку свою Анну Хозикову за чиновника 8-го класса Дмитрія Левшина и, въ крайности, закладываетъ подмосковную свою деревню 154 души, просила выдать ей 7.700 рублей безъ очереди.—На прошеніи Ея Величество въ 1-й день іюня написала: „Ежели всѣ документы въ готовности, то выдать ей безъ очереди.“

УГОДЬЯ, ОБРОЧНЫЯ СТАТЬИ И ВЕЩИ, ЖАЛОВАННЫЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОМУ ДОМУ.

Для сооруженія Воспитательнаго Дома Бецкой просилъ дать мѣсто, называемое *Гранатный дворъ съ Васильевскимъ садомъ*, подлѣ Москвы рѣки, со всею окололежащею землею и строеніемъ „купно съ отданною отъ Адмиралтейства мельницею, что на Яузѣ;“ а старую городскую стѣну (*)—употребить въ строеніе. При учрежденіи Дома, объявлено Бецкимъ и о пожалованіи на строенія Воспитательнаго Дома каменныхъ матеріаловъ, находившихся въ с. Люберцахъ.

Всѣ эти строенія и земли пожалованы Дому 26 августа 1763 года. Первымъ постановленіемъ Опекунскаго Совѣта, 9 октября 1763 г., опредѣлено:

1. Требовать объ отдачѣ Гранатнаго двора отъ Конторы Канцеляріи Главной Артиллеріи и Фортификаціи; Васильевскаго сада, торговыхъ бань и всей около нихъ лежащей земли со строеніемъ—отъ Конторы собственной Ея Величества Вотчинной Канцеляріи; состоящей на Яузѣ мельницы—отъ Адмиралтейской Конторы; торговыхъ бань и кабака Лихонина, съ показаніемъ доходовъ съ нихъ—отъ Государственной Каммеръ-Коллегіи. 2. Отнестись въ Губернскую Канцелярію о принадлежащихъ Дому земляхъ, по обѣ стороны Яузскаго моста, внизъ Яузы, гдѣ построены постоялые дворы, пивоварни, лавка и мельница; о кузницахъ, находящихся во рву и у Варварскихъ воротъ и о допущеніи къ сломкѣ городовой стѣны.

Въ старыхъ дѣлахъ находимъ слѣдующія отрывочныя свѣдѣнія о Васильевскомъ садѣ.

1. Въ 201 году (1693) Царь Петръ I, слушавъ выписки и смотрѣвъ чертежи въ своемъ государскомъ походѣ, указалъ: по Бѣлому городу, за Яузскими воротами, вышедъ изъ города на правой сторонѣ всякихъ чиновъ людей дворы, построенные отъ Яузской Проѣзжей башни, подлѣ городовой стѣны и противъ Васильевскаго лужка, до круглой Наугольной башни, что у Москвы рѣки, и торговыя бани—отломать и мѣсто очистить и впредь на тѣхъ мѣстахъ двороваго никакого строенія никому не строить, потому что тѣ дворы строены по близь Бѣлгорода и противъ нихъ и торговыхъ бань на Васильевскомъ лужкѣ стоитъ Пороховая Казна и тѣмъ дворамъ отъ пожарнаго времени въ близости той Казны быть опасно. И по тому указу за Яузскими воротами на загородной сторонѣ противъ Васильевскаго лужка отломаны дворы: противъ круглой башни боярина Головина отъ города въ 10 саженяхъ; стольниковъ Чирикова въ 5 и Нечаева въ 7 саж. А въ 203 г. (1695) по указу Его Величества, велѣно кругъ Бѣлаго города дворы, лавки и торговыя бани, которыя построены вновь, отломать и мѣсто очистить, учиня отъ городовой стѣны площадь какъ было прежде по 20, 30 и по 40 сажень. Мѣсто на берегу Москвы рѣки, близь круглой Наугольной башни, что на Васильевскомъ лужку, отдано

(*) Стѣна Бѣлаго города.

садовнику Сенькѣ Викулину, съ платою оброчныхъ денегъ въ Пушкарской Приказъ, для каменной и лѣсной кладки. Тамъ былъ прудъ, ручей и огородъ, въ смежности съ дворомъ стольника князя Волконскаго. Въ 1699 году велѣно всѣ тѣ дворы сломать, на основаніи указа 1693 г.

2. По указу Царя Петра I-го, марта 1711 года велѣно Васильевскій садъ и въ томъ саду всякое садовое деревье и съ землею, которая въ томъ саду и подъ садовничьи и въ наемъ отдаточнымъ дворовымъ и хоромнымъ строеніемъ вѣдать у хоромъ сестры Его, Государевы, Великія Государыни Благовѣрныя Царевны Великія Княжны Наталіи Алексѣевны; а за то имать въ Приказъ Большаго Дворца, изъ хоромъ Ея, по 100 рублей на всякій годъ, а за прошлый 1710 г. съ оброчниковъ, которые въ томъ саду живутъ у садовниковъ оброчныя деньги допрашивать въ Приказъ Большаго Дворца.

3. Въ 1757 году торговыя бани съ Васильевскимъ садомъ отданы были на 20 лѣтъ купцу Гордѣеву за 402 р. въ годъ; за несостоятельностью же его переданы отставному солдату Гайдукову, который построилъ ихъ на другомъ мѣстѣ.

Въ Васильевскомъ же саду былъ загородный дворъ Императрицы Елизаветы Петровны.

Васильевскій садъ находился въ Бѣломъ городѣ у Яузскихъ воротъ и былъ мѣрою: отъ двора стольника Бутурлина подлѣ рва до Бѣлаго города 154, ото рва по Бѣлому городу къ Наугольной башнѣ, что у пороховыхъ палатъ, 90, отъ Наугольной башни по Бѣлому городу къ Яузскимъ воротамъ 160, отъ Яузскихъ воротъ подлѣ дворовъ всякихъ чиновъ къ Яузѣ до рва 223 сажени. Въ саду насажено было болѣе 2000 яблонь и грушъ, нѣсколько грядъ смородины и малины. Земли подъ садомъ безъ малаго 8 десятинъ, въ томъ числѣ садовничьихъ дворовъ и огородовъ съ небольшимъ десятина и впустѣ около 6 десятинъ.

Гранатнымъ дворомъ называлось мѣсто въ Васильевскомъ саду, гдѣ находился каменный магазинъ съ двумя отдѣленіями, изъ коихъ въ одномъ былъ складъ селитры, а изъ другаго продавался порохъ. При магазинѣ были устроены деревянные сараи и каменная караульня. Здѣсь же, на берегу Москвы рѣки, на дворахъ кн. Волконскаго и садовника Купріянова, противъ круглой башни находился магазинъ, построенный въ 1762 г., для склада провіанта.

Въ ноябрѣ 1763 г., зданія на Гранатномъ дворѣ уже очищались, для передачи въ вѣдѣніе Воспитательнаго Дома.

Постройки на больверкѣ, близь Варварскихъ воротъ, состояли изъ 6 свѣтлицъ съ 3 сѣньми, покрытыми по лубу тесомъ. Зданіи эти занимались школою для солдатскихъ дѣтей и были деревянныя и ветхія.

О земляхъ по берегу р. Яузы есть свѣдѣнія, что по указу Петра и Іоанна Алексѣевичей въ 1682 г., земли эти и дворъ думнаго дьяка Богданова, состоящія въ приходѣ церкви Николая Чудотворца, что въ Старыхъ Кошеляхъ, близь кладбища за Яузскими воротами, отданы надворныя пѣхоты полка стольника и полковника Рославлева капитанамъ Ворахѣеву, Филатову, Селецкому и Клишевымъ.

Изъ переписки съ полиціей въ 1765 г. видно, что до пожалованія Дому Васильевскаго сада, въ немъ нѣкоторыя частныя лица поставили дома, которыя было предназначено снести. На землѣ Васильевскаго сада стояло 16 дворовъ крѣпостныхъ людей, вносившихъ оброкъ въ пользу Воспитательнаго Дома. Въ казну же до того времени они платили оброка 39 р. 70 к. Изъ приходныхъ книгъ видно, что 22 ноября 1763 года поземельныхъ денегъ съ живущихъ въ Васильевскомъ саду въ 14 собственныхъ домахъ получено 32 р. 80 к.

Близь Гранатнаго магазина, на берегу Москвы рѣки, было харчевенное мѣсто. Оно отдавалось въ наемъ, вѣроятно до тѣхъ поръ, пока не было застроено зданіями Воспитательнаго Дома. Въ 1764 г. получено за него 5 р., въ 1766 г.—10 р. Берегъ Москвы рѣки также приносилъ Дому доходъ; такъ напр. въ 1765 г. съ приставшихъ къ берегу струговъ собрано 44 р., отъ 2 до 5 р., съ каждаго. Сборъ этотъ продолжался въ 1766 и 1767 годахъ.

Отдавалось изъ оброка и право содержанія катальныхъ горъ на Москвѣ рѣкѣ. Въ 1765 г. вызывались желающіе взять ихъ въ содержаніе, но никого не явилось. Въ 1774 году содержа-

телемъ былъ крестьянинъ Воробьевъ, платившій 50 руб.

Съ 8 кузницъ у Варварскаго моста получено дохода въ 1764 и 1765 г. по 5 р. съ каждой; въ 1768 г.—всего 100 рублей.

Поступившая во владѣніе Воспитательнаго Дома земля у Яузскихъ воротъ занята была шалашами рабочихъ людей и харчевенными мѣстами, отдававшимися въ содержаніе съ 1768 г. по 20 руб.

Въ 1772 г., по публикаціи Опекунскаго Совѣта, купецъ Терентьевъ взялъ въ содержаніе мѣста съ деревянными ветхими строеніями у Яузскихъ воротъ, на 20 лѣтъ съ платою по 100 р. въ годъ. Терентьевъ устроилъ здѣсь трактиръ съ жилыми покоями для „благороднаго общества." Крестьянинъ гр. Шереметева Абросимовъ взялъ мѣсто и порожнюю землю на устьѣ Яузы на 15 лѣтъ за 50 р. съ выстройкой пивоварни и трактира.

Пивоварня на берегу р. Яузы занимала землю, длиною по рѣкѣ $17^1/_2$ саж., шириною $7^1/_2$ саж.; Воспитательный Домъ отдалъ ее въ 1786 г. въ содержаніе изъ выстройки деревяннаго строенія на 5 лѣтъ, съ платою по 25 руб. въ годъ.

Изъ журнала Опекунскаго Совѣта 29 декабря 1792 г., видно, что купецъ Павловъ взялся построить на берегу Яузы, на землѣ Воспитательнаго Дома, вмѣсто ветхой деревянной, каменную пивоварню, съ тѣмъ, чтобы ему пользоваться ею 17 лѣтъ, а потомъ отдать Дому безденежно. Да 1822 г. земля эта нѣсколько разъ была отдаваема въ аренду; въ 1822-мъ же году она продана купцу Золотареву.

О лавкахъ у Яузкихъ воротъ упоминается въ 1780 г., когда получено за нихъ оброка 292 р.

О мельницѣ на Яузѣ, отданной во владѣніе Воспитательнаго Дома, извѣстно:

Вверхъ по Яузѣ, подъ селомъ Богородскимъ, при бывшей вотчинѣ Чудова монастыря, находилась мучная мельница, состоявшая въ окладѣ около 90 р. въ годъ. Съ 1705 года устроенъ тамъ отъ Монастырскаго Приказа бумажный заводъ, который, въ 1722 г., по изустному Петра I указу обновленъ и отъ Мануфактурной Коллегіи отданъ въ содержаніе купцу Короткову. Съ 1740 г. заводъ оставленъ. Въ 1744 и 1745 гг. Высочайше повелѣно отпустить Короткову на возобновленіе завода 10 т. р. на 5 лѣтъ безъ процентовъ. Нѣкоторые фабриканты объ отдачѣ этого мѣста въ содержаніе, подавали прошенія въ Мануфактурную Коллегію. Московскіе купцы Ушаковы просили Опекунскій Совѣтъ позволить имъ завести на томъ мѣстѣ вновь мучную мельницу. Они обязывались внести единовременно Воспитательному Дому 1.000 р. и каждый годъ оброка 90 р., муки крупичатой по 100 и манныхъ крупъ по 50 пудовъ. Годовой оброкъ съ мельницы былъ прежде 325 р.; въ 1783 г. плата возрасла до 2.200 р.; въ 1795 г. мельница отдана на 10 л. за 4.400 р.

Въ 1788 году, когда мельница приносила дохода 2.200 р., Опекунскій Совѣтъ отдалъ ее роднымъ умершаго купца Павлова, подъ предлогомъ бѣдности ихъ, безъ всякаго платежа; при чемъ были запущены и прежнія недоимки. Члены Опекунскаго Совѣта дали слѣдующія объясненія Слѣдственной Коммисіи о причинѣ такого распоряженія: „оберъ-директоръ *Гогель*—мельница отдана всѣмъ Совѣтомъ, 6 іюня 1788 г., Ѳедору Павлову, сверхъ 10 лѣтъ по контракту за деньги, еще на 2 года безденежно, въ уваженіе оказанныхъ Никитою Павловымъ Дому многихъ услугъ уступками по подрядамъ и отдачею денегъ въ Сохранную Казну, во времена случавшихся нуждъ, безъ процентовъ. Опекуны *Ладыженскій и Арсеньевъ*—мельница отдана Ѳедору Павлову, 18 августа 1783 г., съ торгу за 2.200 р. въ годъ на 10 лѣтъ; три года платилъ онъ исправно, но перестройкою оной и неполученьемъ, въ теченіе 2-хъ лѣтъ прибыли, пришелъ въ изнеможеніе и въ 1787 г. умеръ, оставя жену и малолѣтныхъ дѣтей не въ состояніи. Совѣтъ, уважая положеніе вдовы его и разстройство ея дѣлъ и одолженія Дому отъ Никиты Павлова, въ 1788 г. положилъ прибавить къ сроку 2 года безъ платежа, съ тѣмъ, чтобы Никита Павловъ поручился въ платежѣ и чтобы уплатилъ недоимку и прежнихъ лѣтъ съ процентами 5.533 р. 56 к. Все это сдѣлано уповательно съ позволенія Главнаго Попечителя, которое оберъ-директоръ имѣлъ

словесно или письменно, о чемъ онѣ долженъ лучше знать."

Когда, въ 1797 году, послѣдовалъ, на имя московскаго военнаго генералъ-губернатора кн. Долгорукова, Высочайшій указъ — „стараться р. Яузу привести въ то состояніе, чтобы она, гнилостію и испареніями, немогла впредь причинять жителямъ болѣзней,"—княземъ предложено было, какъ частнымъ владѣльцамъ, такъ и Воспитательному Дому спустить воду у мельницъ; такъ какъ причину болѣзней, и именно упорнѣйшихъ лихорадокъ, медики приписывали застою воды у мельничныхъ плотинъ, заваливаемыхъ навозомъ и разными нечистотами. Взамѣнъ уничтожаемой мельницы, Его Величество соизволилъ предоставить Воспитательному Дому сыскать въ Москвѣ изъ оброчныхъ статей, или лавокъ, такія, которыя могли бы дать тотъ же доходъ, какъ и мельница, или еще лучшій. Кн. Долгоруковъ предлагалъ 9 лавокъ въ хрустальномъ ряду, что противъ вновь выстроеннаго гостиннаго двора. А указомъ 5 декабря 1797 г., велѣно отпускать съ 1798 г. Воспитательному Дому изъ Московскаго Статнаго Казначейства ежегодно, по третямъ, по 4.400 р. Главный Попечитель графъ Сиверсъ, увѣдомивъ объ этомъ Высочайшемъ повелѣніи, предложилъ продать мельницу на свозъ. Послѣ чего мельничный анбаръ перевезенъ въ Воспитательный Домъ, для храненія пожарныхъ инструментовъ, а прочее дерево на дрова.

Кромѣ этихъ пожалованій, во владѣніе Воспитательнаго Дома поступили бани Васильевскія, Островскія и Устьинскія.

Васильевскія находились у Васильевскаго сада, на берегу р. Москвы. До 1763 года онѣ отдавались на откупъ отъ собственной Ея Величества Вотчинной Конторы. Въ 1764 г. онѣ были уже во владѣніи Воспитательнаго Дома и тогда же отданы, вмѣстѣ съ порожнею подъ огородъ землею, за 680 р. въ годъ. Въ 1766 г. встрѣчается извѣстіе, что Васильевскихъ бань было двое,—однѣ отданы крестьянину Болдыреву за 680 р., а другія солдату Гайдукову и крестьянамъ Хотяинцеву и Голованову. Съ сентября 1767 г. бани отданы въ 10-лѣтнее содержаніе купцу Павлову, съ платою по 256 р. А какъ въ теченіе года и $8^1/_2$ мѣсяцевъ бани, по случаю моровой язвы, были запечатаны, то срокъ содержанія ихъ Павлову продолженъ до марта 1779 г. Бани, по близости ихъ къ Квадрату, предполагалось снести еще въ 1777 году; но предположеніе это не приведено въ исполненіе,—и онѣ вновь отданы еще на 10 лѣтъ прапорщику Данилову, за 1286 р. въ годъ; въ 1789 же году—переданы безъ торговъ купцу Часовникову на 15 лѣтъ, съ платою 1300 р. ежегодно. Наконецъ Васильевскія бани сломаны, какъ по ветхости, такъ и по необходимости очистить мѣсто, для проведенія новой улицы и устройства набережной Москвы рѣки отъ Неглинной до устья Яузы (*). Изъ журнала Совѣта 31 октября 1791 г., видно, что вмѣсто этихъ бань Воспитательному Дому предоставлены другія съ каменнымъ строеніемъ и дворомъ, на берегу Москвы рѣки, въ Роушкахъ. Эти бани и были отданы въ 20-лѣтнее содержаніе купцу Часовникову. Потомъ онѣ отдавались съ торговъ на разные сроки; въ 1816 же году, по ветхости, отданы крестьянину Саламатину на 10 лѣтъ изъ выстройки новыхъ и съ платою 6205 р. въ годъ. Съ перестройкою бань арендная плата возвысилась, и въ 1826 г. дошла до 17815 р. въ годъ; въ 1833 году за нихъ платили 33200 р. Въ 1842 году Москворѣцкія бани были въ такомъ положеніи, что не стоило и исправлять ихъ и онѣ не были въ то время закрыты лишь потому, что срокъ контракта на ихъ содержаніе оканчивался въ 1846 году. Предполагалось устроить новыя каменныя бани, на что по смѣтѣ исчислено слишкомъ 90 т. руб. Между тѣмъ, впредь до выстройки новыхъ, старыя бани, вмѣсто закрытія ихъ, были отданы Опекунскимъ Совѣтомъ прежнему арендатору купцу Смирнову по 285 р. $71^1/_2$ коп. въ мѣсяцъ. Пока происходила переписка о постройкѣ новыхъ бань, въ передбанникѣ старыхъ, въ 1851 году, обрушился потолокъ и ушибъ нѣсколько человѣкъ. Тогда бани были закрыты. Бани эти въ томъ же году проданы на свозъ за 2000 р. Проэктъ же о постройкѣ новыхъ бань не со-

(*) Журналъ Опекунскаго Совѣта, 17 іюня 1790 г.

столся и самая земля, на которой стояли бани, продана почетному гражданину Мамонтову въ 1858 году за 17200 рублей.

Въ 1768 году, приняты были въ вѣдомство Воспитательнаго Дома, находившіяся при устьѣ Яузы и на островкахъ, бани, подъ названіемъ Устьинскихъ и Островскихъ, также кабакъ компанейщика Лихонина.

Хотя Каммеръ-Коллегія и полагала, до окончанія откупнаго термина съ 1767 года, оставить бани и питейный домъ въ вѣдѣніи откупа, съ платою Опекунскому Совѣту за кабакъ 300 р. и за бани—по 151 р. съ копѣйками; но Сенатъ, на разсмотрѣніе коего восходило это дѣло, отказалъ Коллегіи, распорядившись, чтобы бани и питейный домъ были немедленно отданы Воспитательному Дому, а питейная продажа отъ откупа прекращена.

Сначала бани были отданы столяру Еремѣеву, за 1105 р. въ годъ; въ 1773 году—въ 10-лѣтнее содержаніе московскаго купца Плавильщикова, съ платою по 900 р. въ годъ; съ 1787 г. онѣ отданы на тотъ же срокъ, за 1808 руб., купцу Мастникову.

Въ 1795 г. выдано Мастникову за выстройку Устьинскихъ бань его коштомъ съ процентами 7084 р. 50 к.

Съ 1 августа 1807 года Устьинскія и Островскія бани отданы на 10 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы содержатель исправлялъ при нихъ и мостовыя.

Въ іюлѣ 1817 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе: „отдать навсегда въ полное владѣніе городу принадлежащія Воспитательному Дому Устьинскія и Островскія бани съ лодочнымъ черезъ Москву рѣку перевозомъ и распоряженіемъ сею рѣкою, въ границахъ Воспитательнаго Дома протекающею, на условіяхъ Высочайше утвержденныхъ Государемъ Императоромъ 28 Іюля, а именно: 1. Какъ упомянутыя бани съ перевозомъ отданы въ 10-лѣтнее содержаніе изъ выстройки съ платою по 3800 р. въ годъ, то Дума: a) должна условія съ наемщиками сохранить въ точности, не доводя Воспитательнаго Дома ни до какой отвѣтственности. b) Платить Дому до окончанія срока по 3800 р., а по истеченіи сего срока по 5540 р. т. е. ту сумму, которую получалъ съ нихъ Воспитательный Домъ до отрѣзки отъ земли сихъ бань части земли Коммисіей Строенія въ Москвѣ, отъ чего и произошелъ споръ съ Думою и доходъ Дома уменьшился, въ тѣ же сроки, по третямъ впередъ и сей платежъ производить Дому вѣчно. c) За отрѣзанную землю не просить никакого вознагражденія и себѣ не присвоивать изъ пожалованнаго Воспитательному Дому и никакихъ о томъ споровъ не производить. 2. Городъ обязанъ всегда на свой счетъ и въ совершенной исправности набивать каждогодно и въ удобное время льдомъ всѣ погреба въ Воспитательномъ Домѣ, коихъ нынѣ счетомъ до 70, не вводя сей Домъ ни въ какія издержки и затрудненія. 3. Наемщикамъ лабазовъ у Воспитательнаго Дома никакихъ притѣсненій и налоговъ, относительно причала къ берегу судовъ и выгрузки изъ оныхъ въ лабазы не дѣлать. 4. Чтобы содержимый на иждивеніи Воспитательнаго Дома плотъ у съѣзда къ рѣкѣ противъ воротъ Дома всегда оставался въ пользу его для ежедневной возки въ Домъ воды и поставленія 1-го августа Іордана для хожденія изъ церкви Дома съ крестомъ и освященія воды, и чтобы на семъ мѣстѣ Дума никогда не учреждала ни перевоза, ни платьемойни, дабы не затруднять возки воды. 5. Сборъ съ поставляемыхъ зимою на рѣкѣ катальныхъ горъ, шалашей, каруселей и другихъ увеселеній, принадлежащій Воспитательному Дому по его привиллегіямъ, остается въ своей силѣ. 6. Отдаваемая Воспитательнымъ Домомъ изъ оброка платьемойня на Москвѣ рѣкѣ близъ устья Яузы, противъ прачечной Дома, поступаетъ въ пользу города по истеченіи нынѣшняго контракта, т. е. съ 23 февраля 1819 г., съ тѣмъ, что на самомъ томъ же мѣстѣ Домъ имѣть всегда будетъ свой плотъ, который содержать будетъ своимъ иждивеніемъ, а зимою проруби, для мытья бѣлья единственно вѣдомства Дома и чтобы Дума никакого препятствія въ томъ Дому не дѣлала.

Такимъ образомъ 5 іюня 1816 года отдана купцу Гордѣеву на 10 лѣтъ въ содержаніе земля при рѣкѣ Яузѣ съ перевозомъ на ней и выстройкою бань за 3.800 руб. въ годъ.

За содержаніе перевозовъ получено: въ

1775 г. 30 руб., въ 1776 г. 20 руб., въ 1780 г. 60 руб., въ 1786 г. 50 руб. въ годъ.

Со времени пріема въ вѣдѣніе Воспитательнаго Дома по 1783 годъ, за Устьинскій питейный домъ (кабакъ Лихонина) изъ Каммеръ-Коллегіи не было получено поземельныхъ денегъ. Дѣло о взысканіи этихъ денегъ, въ количествѣ 3600 р.,поступило въ Сенатъ, который сложилъ эту недоимку съ членовъ Коллегіи. А 23 іюля 1808 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе о томъ, что за силою Всемилостивѣйшаго манифеста, Ея Величество считаетъ рѣшеніе Сената неправымъ, потому что взысканіе это должно почитаться не казеннымъ дѣломъ , а принадлежащимъ Воспитательному Дому, какъ особенному лицу. Опекунскій Совѣтъ, не возражавшій на рѣшеніе Сената, долженъ былъ вновь войти по этому предмету съ докладомъ. Но 31 августа Высочайше повелѣно: дѣло о взысканіи 3.600 руб. за Устьинскій питейный домъ считать конченнымъ и рѣшеннымъ.

Устьинскій питейный домъ , переходя отъ одного содержателя къ другому, вообще мало давалъ дохода Дому, и Совѣтъ испросилъ 30 января 1843 года, Высочайшее соизволеніе о продажѣ его съ публичнаго торга.

Въ 1792 году Воспитательный Домъ предполагалъ, вмѣсто Васильевскихъ бань, открыть новый источникъ дохода устройствомъ лабазовъ, согласно указанію графа Миниха, въ предписаніи его,Опекунскому Совѣту отъ 27 мая 1792 г., по поводу очистки мѣста, принадлежавшаго Дому, для проведенія,поВысочайшему повелѣнію,улицы отъ Москвы рѣки къ Варварскимъ воротамъ. „Отъ проведенія той улицы,—писалъ онъ,—не можетъ быть вреда Дому но послѣдуетъ и польза, когда къ стѣнѣ, отдѣляющей предѣлы Дома, сдѣланы будутъ лавки и анбары для складки въ нихъ привознаго по рѣкѣ хлѣба.“ При этомъ вышина стѣны назначена въ 12 арш., а пристройки къ ней графъ предполагалъ производить по временамъ.

Въ іюлѣ Совѣтъ послалъ графу Миниху планъ мѣсту и проэктированныхъ лабазовъ, съ предположеніемъ начать постройку безотлагательно, такъ какъ бутовый камень для фундамента былъ готовъ; при этомъ Опекунскій Совѣтъ замѣтилъ, что передняя къ рѣкѣ стѣна, назначенная на фасадѣ столбами, вышиною въ 12 аршинъ, кажется ему безмѣрною и потому если графъ согласится на ея уменьшеніе, то должна будетъ уменьшиться и смѣта (цѣна каменныхъ матеріаловъ по смѣтѣ—43868 руб.)

Графъ Минихъ, 26 іюля, прислалъ въ Совѣтъ свой планъ строеній, составленный статскимъ совѣтникомъ Фельтеномъ. Планъ этотъ былъ разсмотрѣнъ графомъ обще съ С.Петербургскимъ Совѣтомъ и найденъ выгоднѣе въ издержкахъ матеріаловъ, помѣстительнѣе и даже красивѣе въ фасадѣ. Графъ Минихъ предполагалъ немедленно приступить къ строенію, если Совѣтъ будетъ на то согласенъ.

Послѣ переписки сначала съ главнокомандующимъ кн. Прозоровскимъ, потомъ съ губернаторомъ Лопухинымъ о назначеніи линіи, по которой по тому плану можно было бы вести строеніе, Опекунскій Совѣтъ наконецъ въ августѣ послалъ два представленія къ попечителю. Первымъ, 12 числа, увѣдомилъ, что линія указана и на постройки произведены торги, по которымъ уже заключаются контракты. Вторымъ, 23 числа, что контракты заключены, работы начались и подъ фундаментъ вырыто до 80 саженъ.

Въ сентябрѣ Совѣтъ извѣстилъ графа Миниха, съ приложеніемъ смѣты, что каменная стѣна, полагаемая на 264 саж., для закрытія Воспитательнаго Дома по берегу Москвы рѣки, будетъ стоить 22.628 р. 40 к., а пристройки къ ней во внутрь, лавки и лабазы 26.952 р., а вообще 49.580 руб. 40 коп. Изъ смѣты между прочимъ видно, что употреблено было на обѣ постройки бутоваго камня 560 саж., по 16 руб., бѣлаго камня 16.200, по 15 р. за 100, кирпича городоваго 1.600.000, по 5 руб. 80 коп. за 1.000, песку 480 саж., по 4 руб., листоваго желѣза на крышу 1.600 пуд., по 3 р. 50 к. пудъ, каменьщикамъ заплачено за работу съ сажени по 4 р.

На запросъ гр. Миниха 4 іюля 1793 г., о неизвѣстности хода построекъ по Воспитательному Дому, Опекунскій Совѣтъ 14 іюля донесъ, что „производится строеніе только то, которое въ прошломъ году по апробованному Его Сія-

тельствомъ плану назначено и началась, т. е. лавки или лабазы по берегу Москвы рѣки, которые нынѣшнимъ же лѣтомъ и окончены будутъ, кромѣ крыши и половъ."

Тогда еще не отказывались отъ мысли возвести другой квадратъ, что видно изъ контракта, заключеннаго на каменныя работы по устройству лабазовъ. Въ этомъ контрактѣ сказано: „лабазы и лавки на обѣ стороны, надъ выведенными трубами изъ подъ квадрату подбутя подлѣ стѣнъ, сдѣлать перемычки изъ бѣлаго камня или кирпичемъ, тоже и на другой сторонѣ противъ будущаго квадрата хотя еще и нѣтъ оныхъ трубъ, то на тѣхъ мѣстахъ сдѣлать каменные столбы ниже фундамента, такъ какъ и сдѣланныя трубы и перекинуть полуциркульныя перемычки, дабы не ломая стѣнъ въ предбудущее время подъ оное строеніе можно сдѣлать таковыя же трубы."

Каменныя строенія по берегу Москвы рѣки лавокъ и лабазовъ съ заборами и съ разрывомъ въ двухъ линіяхъ, каждая по 75 сажень, были шириною $4^1/_2$ саж; вышиною по фасаду передней стороны отъ цоколя—$10^1/_4$ арш., задней стороны —$6^1/_2$ арш.; стѣны были толщиною въ 3 кирпича. Во всемъ строеніи помѣщались 22 лавки и 10 ледниковъ съ перегородками.

Лабазы съ продольными стѣнами и съ поперечными простѣнками тянулись на 396 сажень; подъ ними фундаментъ былъ глубиною отъ 3 до 10 аршинъ, шириною внизу—$2^1/_2$ арш., а вверху—2 арш. Между лабазами шелъ заборъ на 60 саж., вышиною $4^1/_2$ арш., толщиною со столбами въ $3^1/_2$ кирпича. При заборѣ сдѣланы погреба длиною съ простѣнками 36 саж, вышиною отъ погребнаго фундамента—$8^1/_2$ арш., стѣны въ ямникахъ изъ дикаго камня съ бѣлымъ, а для лучшей крѣпости въ перевязь черезъ 4 ряда желѣзнякомъ. При лабазахъ же, по обѣ стороны всей линіи Воспитательнаго Дома, заборы длиною на 38 саж., вышиною $4^1/_2$ арш. Все же это строеніе съ заборами, простѣнками и погребами тянулось на 530 саженяхъ.

Заплачено за матеріалы и рабочимъ на строеніе съ 1792 по 1796 г. 111.957 р. $18^1/_2$ коп. и въ наличности разныхъ матеріаловъ на 15.000 р.

Всего 126.957 р. $18^1/_2$ к.

Вотъ сравнительная вѣдомость смѣтнаго и дѣйствительнаго расхода.

1) Полагалось вести фундаментъ на лежняхъ, рыть рвы глубиною въ 3 арш., а на низкихъ мѣстахъ и менѣе, почему и полагалось по смѣтѣ на работы и матеріалы 6.600 р.

Во время же работъ мѣсто оказалось гористое и косогорное; вырыто земли на засыпку набережной до 2 аршинъ, а въ ширину—во все строеніе; почему и велѣно вести фундаментъ не на лежняхъ, а рыть рвы до настоящаго материка, глубиною отъ 4, 5 и до 10 арш., почему и вышло на работы и матеріалы 24.748 р. $28^3/_4$ к.

2) Стѣны полагались въ $2^1/_2$ кирпича, что стоило бы 17.630 р.

По фасаду же графа Миниха стѣны пущены въ 3 кирпича, притомъ приказано было наблюдать прочность въ фундаментѣ, на случай надѣлать другой этажъ, поэтому за работы и матеріалы заплачено 20.481 р. 50 к.

3) Бѣлаго камня полагалось на 5.120 р., а вышло на 9.453. р. 52 к.

4) Желѣзныхъ матеріаловъ полагалось на 450 р., а вышло на 8.363 р. 68 к.

5) Лѣсныхъ матеріаловъ полагалось на 3.500 р., а вышло на 12.455 р.

6) Листоваго желѣза полагалось на 5.368 р., а вышло на 11.990 р.

7) Каменьщикамъ полагалось 4.000 р., а заплачено 15.932 р. $41^3/_4$ к.

8) Плотникамъ полагалось 600 р., а заплачено 1.300 р.

9) За земляную работу полагалось 600 р., а заплачено 2.554 р. 50 к.

Показано еще какого-то расходу на 2.553 р.

Всего по прежней смѣтѣ полагалось 43.868 р., а издержано 109.831 р. 90 к.

Распоряженіями Опекунскаго Совѣта по устройству лабазовъ графъ Минихъ остался недоволенъ. Въ замѣчаніяхъ своихъ о неустройствахъ по Московскому Воспитательному Дому, представленныхъ Императрицѣ, въ пунктѣ IX онъ говоритъ: „Приславши мнѣ смѣту на постройку по берегу Москвы рѣки лавокъ на 43 т.р., по которой, съ доклада моего, получилъ Вашего Императорскаго Величества со-

изволеніе, издержалъ на постройку 112 т. р. безъ всякаго разрѣшенія."

Отвѣтъ данъ былъ такой: *Гогелемъ*—строеніе начато по волѣ Его С-ва, по плану съ великими отмѣнами противъ посланнаго, безъ требованія отъ Совѣта другой смѣты, потому что не только увеличились цѣны на всѣ предметы, но прибавлены ледники и погреба, о чемъ сообщено Его С-ву мною.

Ладыженскимъ — смѣта была сдѣлана примѣрная, полагая для фундамента копать рвы не глубокіе и класть фундаментъ на лежни, а какъ графъ перемѣнилъ планъ и фасадъ, приказавши строить безъ основательной смѣты, почему и стали копать рвы втрое глубже по слабости грунта; а между тѣмъ цѣны на матеріалы увеличились почти вдвое и къ тому же прибавлены ледники и погреба. Самое строеніе производилось по распоряженію Гогеля, какъ опекуновъ было только двое, а когда и я былъ боленъ лѣтомъ, то нѣсколько дней одинъ Оберъ-Директоръ оставался въ Совѣтѣ.

Арсеньевымъ — постройки производились съ торговъ, самое же распоряженіе зависѣло отъ Оберъ-Директора, который требовалъ изъ Совѣта деньги, но окончательнаго о нихъ счета не подавалъ до пріѣзда Его С-ва.

Графъ Сиверсъ, въ 7-мъ параграфѣ своихъ замѣчаній, представленныхъ въ Слѣдственную Коммисію, повторяетъ мнѣніе графа Миниха о томъ, что суммы Дома тратятся на безполезныя и чрезвычайно дорогія постройки и починки, безъ всякаго порядка, вреднѣйшая же постройка лабазы, на которыя издержано болѣе 126 т. р.

Гогель, въ дополненіе прежнихъ объясненій, предлагалъ, исключивъ изъ общей суммы лабазовъ, стоимость окружной стѣны и погребовъ, какъ необходимыхъ, отдать ему лабазы въ аренду на 50 лѣтъ изъ 6% съ остающагося капитала.

Ладыженской писалъ, что ему неизвѣстно о какихъ дорогихъ починкахъ и постройкахъ говоритъ графъ. Онъ знаетъ только одну необходимую починку подземныхъ каналовъ; капиталъ же, употребляемый на починки, всегда бываетъ невозвратимъ. Во время постройки лабазовъ онъ по болѣзни не присутствовалъ. При обсужденіи же вопроса объ ихъ постройкѣ имѣлось въ виду, что одна стѣна на 300 с. и на жидкомъ грунтѣ стоила бы 40 т. р., а потому и почли за лучшее, чтобы не напрасно дѣлать такой расходъ, пристроить лабазы, а потомъ и погреба, которыхъ отдѣльная постройка обошлась бы гораздо дороже.

Арсеньевъ объяснилъ, что всѣ постройки и починки производились по установленному порядку, надъ самыми же работами завѣдывалъ Гогель. Предвидѣть доходъ отъ лабазовъ, конечно, было нельзя; тѣмъ не менѣе полагали, что если частныя лица могутъ получать выгоды отъ мучныхъ лавокъ, то и отъ лабазовъ можно было бы имѣть выгоды, если бы они отдавались за настоящую цѣну.

Въ указаніяхъ своихъ главному надзирателю Гаврилову, 20 апрѣля 1795 г., графъ Минихъ въ §. 17 говоритъ: „чтобы лавки, построенныя по берегу Москвы рѣки, отдавались въ наемъ съ вѣдома Совѣта, дабы издержанный на нихъ значительный капиталъ не остался мертвымъ." Гавриловъ отозвался, что съ іюня 1795 г. онѣ отданы, съ вѣдома Совѣта, каждая по 125 р., а въ 1796 г. по 150 р.; деньги собираются Экономскою Конторою и представляются въ Опекунскій Совѣтъ."

Опекунскій Совѣтъ припечаталъ въ 1795 г. объявленіе о вызовѣ желающихъ торговать хлѣбнымъ, щепнымъ и тому подобнымъ товаромъ въ лабазахъ Воспитательнаго Дома. Этимъ же временемъ прекращенъ доходъ Дома съ судовъ, пристающихъ къ берегу, потому что набережная устроена была на счетъ казны.

По предложенію Московской Провіантской Коммисіи, въ апрѣлѣ 1797 г., Опекунскимъ Совѣтомъ отданы внаймы всѣ 23 лабаза за 5000 р. въ годъ. Впрочемъ Коммисія, за гнилостію половъ и балокъ въ 4 лабазахъ, отказалась отъ послѣднихъ и плату производила по расчету за остальныя.

Въ 1799 г., по предложенію Камеральнаго Д-та Московскаго Градскаго Правленія, 4 лабаза отданы по 20 руб. въ мѣсяцъ за каждый, для поклажи книгъ должника поручика Новикова.

Въ апрѣлѣ 1801 г., еще одинъ лабазъ отданъ Камеральному Д-ту, для поклажи остальныхъ

книгъ и типографскихъ инструментовъ. Хотя въ 1802 г. Московскій Приказъ Общ. Пр. увѣдомилъ, что за отдачею повѣренному Походяшину Новиковскихъ книгъ, лабазы не нужны, но книги хранились еще тамъ по просьбѣ Походяшина, который и вносилъ за нихъ плату.

Дохода отъ найма лабазовъ съ 1795 г. по октябрь 1798 г. получено 6018 р. Въ томъ числѣ отъ Провіантской Коммисіи 1609 руб.

Въ апрѣлѣ 1799 г. Высочайше повелѣно: „поелику прибыль отъ лабазовъ на берегу Москвы рѣки построенныхъ, не можетъ замѣнить капитальной суммы на нихъ издержанной, стараться о продажѣ ихъ за выгодную цѣну, дабы убытокъ отъ нихъ день ото дня не возрасталъ, продажа же по частямъ или въ однѣ руки предоставляется почетному опекуну Баранову.“

По Высочайшему повелѣнію 19-го сентября 1810 года, на счетъ Воспитательнаго Дома передѣлана мостовая на набережной, и въ вознагражденіе за издержки по этому случаю прибавлено на каждый лабазъ по 5 руб. въ мѣсяцъ.

Въ 1826 г., по докладу Совѣта объ отдачѣ лабазовъ въ содержаніе купцу Окорокову на 4 года за 6.210 р., съ прибавкою имъ добровольно, по усердію къ Дому, 290 р., 1 ноября 1826 г. Высочайше повелѣно: „позволяю съ сожалѣніемъ о большой потерѣ Дома, но въ теченіе сего четырехлѣтія обдумать средство сіи лабазы выгоднѣе употребить.“ Въ іюнѣ 1830 г., 18 каменныхъ лабазовъ отданы были въ содержаніе купцу Окорокову на 4 года, за 5.086 р. 48 к. въ годъ.

Въ сентябрѣ 1842 года, 9 лабазовъ отданы Окорокову по 1-е мая, за 400 р.; 12 іюля 1843 года, тѣже лабазы отданы ему на 4 года за 680 р; а 5 мая 1847 г. ихъ взялъ въ содержаніе надворный совѣтникъ Цитовичь-Щипановскій, за 780 р. въ годъ

Число нанимаемыхъ лабазовъ постоянно уменьшалось, и—4 іюня 1851 года отдано въ оброчное содержаніе купцу Обухову только 4 лабаза, за 301 р.

При бывшихъ въ пятидесятыхъ годахъ большихъ перестройкахъ, лабазы обращены на хозяйственныя принадлежности самого Дома. Нынѣ въ нихъ помѣщаются: водоподъемная машина, кормиличная баня и прачечная; нѣкоторые изъ лабазовъ обращены въ подвалы, погреба и анбары. Число лабазовъ уменьшилось и отъ проведенія по землѣ Воспитательнаго Дома новой улицы,—отъ Варварскихъ воротъ къ Москвѣ рѣкѣ.

Въ мартѣ 1816 года состоялось Высочайшее повелѣніе объ отрѣзкѣ у Воспитательнаго Дома земель на открытіе проѣзда между Домомъ и Китай-городомъ, на постройку лавокъ, и для открытія и регулированія проѣздовъ къ рр. Яузѣ и Москвѣ. Землю эту предполагалось уступить съ вознагражденіемъ Воспитательнаго Дома 58.600 р.

Въ 1825 году планъ проѣзда отъ Варварскихъ воротъ на набережную Москвы рѣки измѣненъ, и отъ Воспитательнаго Дома предполагалось уступить на этотъ предметъ Коммисіи Строеній въ Москвѣ только 777 кв. саж. Въ вознагражденіе за эту уступку Опекунскій Совѣтъ полагалъ просить Коммисію доставить въ Совѣтъ на постройку каменной стѣны отъ Варварскихъ воротъ до набережной 29.366 р. 55 к., и на построеніе такой же стѣны отъ угла близь Варварскихъ воротъ до дома купца Колосова на 40 саж. 5.978 р. $17^3/_4$ к., а всего 35.344 р. $72^3/_4$ к., не требуя уже особаго вознагражденія за сломку аптеки 1000 р. На докладъ Совѣта по этому дѣлу повелѣно, 1 го іюня 1826 г., „апробовано, ибо уступка сей земли уже разрѣшена была съ согласія блаженной памяти Любезнаго Сына Моего Императора Александра Павловича.“

О мѣстѣ, занятомъ лабазами, составлялись разныя предположенія.

Въ 1826 году Высочайше повелѣно разсмотрѣть смѣты на примѣненіе лабазовъ для помѣщенія чиновниковъ, получавшихъ квартирныя деньги, равно конюшнямъ и сараямъ вдоль по стѣнѣ, которую Коммисія Строеній полагаетъ выстроить противъ стѣнъ Китай-города. Въ предположеніи, что проэктъ будетъ утвержденъ, заключенъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, 7 марта, контрактъ на поставку для построекъ каменныхъ матеріаловъ. Когда же поднесенъ былъ докладъ объ отпускѣ, потребной за выставлен-

ные матеріалы суммы, то 21 апрѣля состоялась Высочайшая резолюція: „слѣдуетъ отпустить по необходимости, но надо поспѣшить представленіемъ плановъ и смѣты.“ По представленіи же смѣтъ на постройку надъ лабазами двухъ флигелей, для квартиръ служащихъ, и обращенія остальныхъ подъ погреба, конюшни и сараи на сумму 678 т. р.,—въ маѣ мѣсяцѣ смѣты были возвращены Совѣту, съ отзывомъ, что Высочайшаго соизволенія на постройку флигелей надъ лабазами не послѣдовало, потому что выгоднѣе производить квартирныя деньги; а планы и смѣты велѣно составить только на необходимыя строенія, какъ то: казенныя конюшни и пр.

Выставленные же матеріалы пошли, частію на постройку коннаго двора и ограды, частію проданы.

Кромѣ недвижимой собственности и арендныхъ статей, о коихъ упомянуто выше, Всемилостивѣйше пожалованы были Воспитательному Дому: домъ гр. Чернышева, Архіерейскій домъ въ Нижнемъ Новгородѣ, для Загороднаго Двора дача за Дорогомиловской заставой и Слободской дворецъ.

Домъ гр. Чернышева, бывшій Ревизіонной Коллегіи, пожалованъ Воспитательному Дому, по неимѣнію удобнаго мѣста для перваго помѣщенія дѣтей.

На вопросъ генералъ-прокурора князя Вяземскаго, о купленномъ для Коллегіи Чернышевскомъ домѣ—„какими дѣлами нынѣ онъ занятъ и весь ли или нѣсколько покоевъ, такожъ и на будущее время онъ Коллегіи потребенъ ли и для какихъ надобностей, равно и о томъ, когда онъ купленъ и что за него изъ казны заплачено и изъ какой суммы и нынѣ онъ въ какомъ состояніи находится,“ прокуроръ Тутолминъ донесъ, что „1754 года Сентября 28 числа, по указу Правительствующаго Сената Конторы, Ревизіонъ-Коллегія изъ бывшаго аптекарскаго дому, гдѣ нынѣ находится Московскій Императорскій Университетъ, перебралась съ дѣлами и съ денежною казною въ купленный Канцеляріею Конфискаціи покойнаго графа Чернышева домъ и находилась 759 года іюня по 26 число, а съ того числа за ветхостію того дома покоевъ по представленіямъ отъ оной Коллегіи въ Правительствующій Сенатъ; а по указу отъ того Сената оная уже была въ наемномъ капитана Колычева домѣ, а изъ того дома по указу жъ Правительствующаго Сената въ 763 году помѣщена въ Кремлевскомъ Дворцѣ въ отведенныхъ покояхъ и для того въ означенномъ Чернышевскомъ домѣ какъ нынѣ, такъ и на будущее время оной Коллегіи надобности никакой нѣтъ; ибо оный домъ безъ всякаго поправленія и нынѣ состоитъ въ крайней ветхости, а нѣкоторые покои и совсѣмъ развалились и дѣлами никакими отъ оной Коллегіи не занятъ; а какою цѣною тотъ домъ купленъ, Коллегіи неизвѣстно, а справкою отъ Канцеляріи Конфискаціи въ оную Коллегію отвѣтствовано, что означенный домъ купленъ по указу Правительствующаго Сената 754 года цѣною безъ пошлинъ за десять тысячь семь сотъ руб., и деньги выданы изъ той Канцеляріи Конфискаціи по силѣ тогожъ указа на счетъ Статсъ-Конторы, и нынѣ никакими дѣлами оной за ветхостію не занятъ и впредь въ томъ домѣ за тою ветхостію его безъ починки Канцеляріи Конфискаціи быть не можно; о чемъ Правительствующаго Сената въ первой и пятой Департаменты и представленія отъ Канцеляріи Конфискаціи чинены были.“

Послѣ сего, 31 января, князь Вяземскій далъ Ревизіонъ-Коллегіи предложеніе, что „Ея Величество всевысочайше указать соизволила купленной подъ Ревизіонъ-Коллегію графа Чернышева домъ отдать со всѣми къ нему принадлежностями въ вѣдомство Сиротопитательнаго дома.“

На это Ревизіонъ-Коллегія донесла, 7 февраля, что „оный Чернышевской домъ купленъ былъ по указу Правительствующаго Сената отъ Канцеляріи Конфискаціи, а не отъ Ревизіонъ-Коллегіи, которой и по нынѣ въ вѣдомствѣ состоитъ оной Канцеляріи, для чего по резолюціи Коллегіи сего жъ числа въ Канцелярію Конфискаціи промеморія и послана съ тѣмъ, чтобы оный домъ въ силу Высочайшаго Ея Императорскаго Величества соизволенія отданъ былъ отъ той Канцеляріи Конфискаціи.“

Опекунскій Совѣтъ получилъ о семъ увѣдомленіе отъ Канцеляріи Конфискаціи 15-го февраля.

Въ іюнѣ 1760 г. Сенатъ сообщилъ, что указомъ Ея Величества, въ 6 день мая, на докладъ онаго послѣдовавшимъ, повелѣно: „за построеніемъ квадрата, назначенные отъ Воспитательнаго Дома къ продажѣ дома: Колычевской, Чернышевской, княгини Сибирской и графа Строганова за 40.000 р. купить, для помѣщенія въ оныхъ Коллегій, слѣдуемыхъ къ выводу изъ Кремля, какъ за совершенною нѣкоторыхъ покоевъ ветхостію, такъ за назначеннымъ въ Кремлѣ строеніемъ Юстицъ и Вотчинной Коллегій и Суднаго Приказа.

Въ 1767 г. Ея Величество повелѣла состоящій въ Нижнемъ Новгородѣ, на нижнемъ базарѣ, прежде бывшій Архіерейскій домъ, съ церковью и покоями подъ оными, отдать Воспитательному Дому, для пріема и воспитанія приносимыхъ тамъ дѣтей.

Въ 1766 г., въ ожиданіи холмогорскаго скота, купленнаго для Воспитательнаго Дома архангельскимъ губернаторомъ Головцынымъ, отысканы луга вверхъ по Москвѣ рѣкѣ по урочищу отъ Дорогомиловской Ямской слободы, внизъ по Москвѣ рѣкѣ до устья рѣки Сѣтуни, наз. Красный Лугъ. Мѣсто при устьѣ р. Сѣтуни высокое и сухое, въ длину и поперечникѣ составляетъ ровную площадь по 300 саж. и луга поемные. Это мѣсто и луга предполагалось испросить во владѣніе Дома, для постройки Скотнаго Двора.

Въ іюлѣ Опекунскій Совѣтъ писалъ въ Государственную Коллегію Экономіи, объ отдачѣ въ наймы на одинъ годъ Красиаго Луга, а 8 іюля, о наймѣ кромѣ того и садовъ въ селахъ Голенищевѣ, Владычинѣ и въ Озерецкой волости съ сѣнными покосами, за 331 р. въ годъ.

Въ августѣ 1766 г. Бецкой писалъ Совѣту о пріобрѣтеніи Краснаго Луга, для пастьбы, присланныхъ изъ Холмогоръ для Воспитательнаго Дома, коровъ.

Совѣтъ отвѣчалъ, что одинъ Красный Лугъ Коллегія Экономіи въ наймы Воспитательному Дому не отдавала, а съ помянутыми садами, въ коихъ фруктовыхъ деревьевъ и прочаго овоща нѣтъ. Воспитательный Домъ вызывалъ желающихъ, но никто ихъ не взялъ.

Въ октябрѣ же 1766 г. Опекунскій Совѣтъ писалъ Бецкому, что 17 числа былъ на вновь строющемся коровьемъ дворѣ, и ходатайствовалъ объ испрошеніи прилегающей къ нему патріаршей пашенной земли, для того, чтобы, по множеству отъ коровъ навоза, засѣвать ее каждый годъ хлѣбомъ и другими овощами.

Въ апрѣлѣ 1767 г. состоялся Высочайшій указъ Коллегіи Экономіи, чтобы состоящій при Синодальномъ селѣ Троицкомъ-Голенищевѣ, называемый Красный Лугъ, выключить изъ оброчныхъ статей и отдать въ вѣчное владѣніе Московскому Воспитательному Дому, а лежащую близь онаго на вышинѣ, при рѣчкѣ Сѣтуни землю 20 десятинъ, состоящую во владѣніи крестьянъ того села, также отдать Опекунскому Совѣту.

Изъ сообщенныхъ Воспитательному Дому выписокъ писцовыхъ и межевыхъ книгъ 1627 и 1628 гг. о мѣстности Загороднаго Двора видно, что здѣсь, на рѣчькѣ Сѣтуни, была вотчина патріарха Филарета Никитича село Троицкое, Голенищево тожъ, съ деревянною церковью во имя Св. Троицы съ придѣломъ Леонтія Ростов. Чудотв., пять мельницъ, село, деревня, слободка и 26 пустошей. Къ этому же селу принадлежали, на рѣкѣ Москвѣ у Воробьевскихъ кручъ три печи, гдѣ обжигали кирпичи на обиходъ патріарха, съ 6-ю сараями, что изстари бывала Лужниковская слобода; въ ней живутъ оброчники, платящіе оброкъ патріарху, большею частію рыбники и овчинники; позади слободы земля, что прежде пахивали лужники, а нынѣ наѣздомъ крестьяне села Троицкаго. Лужниковскій лугъ по Москвѣ рѣкѣ простирался на двѣ версты, отъ рва Земл. города, за Арбатскими воротами, перейдя черезъ Москву р. сквозь Ямскую Дорогомиловскую слободу по Можайской дорогѣ; вправо находились дворцовое село Фили, деревня Мазилова и Государева Мазиловская заповѣдная роща.

Красный Лугъ и 20 дес. пашенной земли, пожалованные Воспитательному Дому, написаны

къ селу Троицкому-Голенищеву и къ Бережковской слободкѣ по писцовымъ 1627 и 1628 гг. Ѳеодора Пушкина книгамъ, въ которыхъ четвертныя дачи показаны: пашни 842 четверти въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 1121 коппа, лѣсу 32 десятины, въ томъ числѣ и вышеотведенная земля 20 дес.; а въ Красномъ Лугу, который именовался по тѣмъ книгамъ Лужниковскимъ, 500 копенъ. Данная на этотъ Лугъ писана въ 1768 году.

Изъ книги входящихъ бумагъ Совѣта 1781 г. іюня 2-го видно, что въ 1769 г. заключено было условіе съ Конторою Коллегіи Экономіи объ отдачѣ Воспитательному Дому въ 4-лѣтнее содержаніе вотчины Синодальнаго вѣдомства при селѣ Троицкомъ, Голенищевѣ тожъ, при Красномъ Лугу казеннаго сѣннаго покоса, называемаго *кочежникъ*, съ платою по 6 р. 50 коп. въ годъ.

Изъ отчета и баланса по Скотному Двору, представленнаго въ Слѣдственную Коммисію, видно:

„Подъ Скотнымъ Дворомъ и лугомъ земли, по межевымъ книгамъ и плану, значится: Московскаго уѣзда Сѣтунскаго стану, называемой Красный Лугъ, въ коемъ земли пашенной 14 десятинъ 384 саж., сѣннаго покоса 74 десятины 595 саж., подъ Скотнымъ Дворомъ и садомъ 3 десятины и 900 саж. Итого 91 десятина 1879 саж., неудобной земли 15 десятинъ 1095 с.; а всей 107 десят. 572 сажени.“

По малому доходу думали было отдать Скотный Дворъ въ аренду, но въ 1776 г. Бецкой не согласился. Первоначально Загородный Дворъ Воспитательнаго Дома назначался для содержанія на немъ коровъ хорошаго качества, для вскармливанія и привитія тамъ оспы младенцамъ, которые даже иногда и содержались здѣсь, въ замѣнъ раздачи по деревнямъ. Поэтому сначала выстроены были только деревянныя зданія, а въ 1783 г. каменное, которое обошлось въ 23 т. р., и было окончено лѣтомъ 1786 года.

Въ 1797 году, лѣсъ, отъ уничтоженной на Яузѣ мельницы, употребленъ на пристройку связи на Загородномъ Дворѣ, для больныхъ прилипчивыми болѣзнями и слабыхъ питомцевъ.

Въ 1818 г. разрѣшено устроить на Загородномъ Дворѣ, для помѣщенія въ лѣтнее время воспитанниковъ обоего пола, каменное строеніе по смѣтѣ на 82.048 р. 50 коп. Позднѣйшія постройки на Загородномъ Дворѣ имѣли цѣлью расширить и увеличить помѣщеніе на немъ, для воспитанниковъ Дома.

Съ 1849 г. въ немъ живутъ лѣтомъ однѣ лишь воспитанницы Николаевскаго Сиротскаго Института.

Въ настоящее время доходы съ Загороднаго Двора представляются въ слѣдующемъ видѣ:

1) Молочные скопы частію продаются, частію употребляются для Заведенія.

2) Огородная земля отдается въ аренду; въ послѣднее время—за 320 руб.

3) Береговая земля у рѣчки Сѣтуни отдается въ арендное содержаніе, для складки дровъ, и нынѣ приноситъ доходу 1.200 р.

4) Сѣно съ луговъ идетъ на продовольствіе скота.

Въ октябрѣ 1826 года Всемилостивѣйше пожалованы Государемъ Императоромъ Московскому Воспитательному Дому каменные корпуса, оставшіеся послѣ пожара отъ бывшаго Слободскаго дворца.

Зданія эти перестроены были для Ремесленнаго Учебнаго Заведенія, съ прикупкою части смежной земли у сосѣднихъ владѣльцевъ.

Жалована была Воспитательному Дому и разная движимость. Такъ въ 1763 году пожалованы были остатки отъ празднествъ Высочайшей Коронаціи.

Въ ноябрѣ 1763 г. Опекунскій Совѣтъ писалъ въ Гофъ-Интендантскую Контору о сдачѣ подаренной Ея Величествомъ Воспитательному Дому, построенной на Царицынскомъ лугу, галлереи, для смотрѣнія фейерверка, съ бывшими въ ней уборами.

Въ числѣ вещей, присланныхъ въ Воспитательный Домъ въ томъ же году изъ Конторы Конфискаціи были: какая-то книжка кіевской печати; множество азіатскихъ монетъ большихъ и малыхъ и нѣсколько мѣдныхъ посеребренныхъ талеровъ; фигура въ коробочкѣ, съ надписью: „въ мирѣ и въ войнѣ слава;“ какіе-то футляры и другія.

Въ мартѣ 1764 года, Московская Гофъ-Интендантская Контора доставила въ Воспита-

тельный Домъ, вслѣдствіе предложенія Бецкаго, оставшееся отъ придворнаго маскарада платье, также купленные изъ Университета сукно, стамеды, китайку и проч.

Въ предложеніи по этому предмету Конторѣ, отъ 19 февраля (*), Бецкой писалъ: „сдѣланное отъ оной Конторы къ бывшему въ прошломъ году въ Москвѣ маскараду и купленное изъ Университета платье, которое отъ употребленія измарано, и нѣсколько изодрано и впредь въ маскарады негодно, отъ лежанія же тлѣть, мышами вредиться и втуне пропасть можетъ, но какъ по Всемилостивѣйшему Ея Императорскаго Величества соизволенію и щедротамъ Ея Величества учреждается Воспитательный Домъ, въ которомъ упомянутое платье по вымытіи и вычищеніи, на платье дѣтямъ и другія надобности употребится съ пользою, нежели партикулярнымъ людямъ по ненадобности за малую цѣну продать. Въ разсужденіи чего то платье отдать въ Воспитательный Домъ, по надлежащей описи.“

Въ мартѣ Бецкой приказалъ Конторѣ отдать въ Воспитательный Домъ и оставшіяся отъ постройки маскараднаго платья сукно, стамеды, китайку и проч.

Въ томъ же году приняты въ Воспитательный Домъ товары изъ Сибирскаго Приказа, проданные за 93 руб.

Въ февралѣ 1766 г., Бецкой писалъ Совѣту: „Ея Императорское Величество всемилостивѣйше и заустно повелѣть соизволила: изъ имѣющихся въ вѣдѣніи Московской Гофъ-Интендантской Конторы въ кладовыхъ Кремлевскаго дворца вещей и прочаго, нѣкоторыя отослать въ разныя мѣста какъ подъ симъ въ реэстрѣ значитъ, а за тѣмъ достальныя по приложенной при семъ оной Конторы описи всемилостивѣйше пожаловала Воспитательному Дому, о чемъ отъ меня въ ту Контору предложено, того ради прошу по объявленной описи принять и разсмотря надобные нынѣ и впредь въ Домѣ оставя хранить, а конечно непотребное съ аукціона продать.“

Изъ числа вещей, хранившихся въ Кремлевскомъ Дворцѣ, пожалованы Воспитательному Дому: 4 блюда серебряныхъ панихидныхъ, данныхъ Императрицею Анною Іоанновною на гробы Государынь—Великой Княжны Натальи Алексѣевны, и Царевенъ—Ѳеодосіи и Маріи Іоанновнъ въ Вознесенскій монастырь, и Петра II—въ Архангельскій соборъ, вѣсомъ 12 фунтовъ $63^1/_4$ золотника, къ нимъ серебряныхъ шандаловъ 8, вѣсомъ 26 фунт. $4^7/_8$ зол. Въ числѣ книгъ, были письменныя: молитвенникъ, о покаяніи и исповѣди, хрисмологіонъ о пророчествѣ Даніиловѣ;—печатныя: Ѳеотронъ, отосланная въ Синодальную Контору вмѣстѣ съ 4 блюдами, Евангеліе съ толкованіемъ на французскомъ языкѣ, Литургія Іоанна Златоустаго, Новый Завѣтъ на латинскомъ и греческомъ языкахъ и Библія китайская;—патентъ Датскаго Короля кн. Долгорукову на кавалерскій орденъ Слона; портреты: Петра I на желтомъ атласѣ и Екатерины I, сидящей въ креслахъ. Прочія вещи заключались въ латахъ, щитахъ, ножахъ, кольчугахъ, охотничьихъ рогахъ, костяныхъ и черепаховыхъ фигурахъ.

Въ мартѣ 1766 г. получено отъ Бецкаго увѣдомленіе, что „Ея Императорское Величество всемилостивѣйше пожаловать соизволила имѣющіяся въ Камеръ-Цальмейстерской Конторѣ разныя тафтяныя, камчатныя и другія штуки, изъ коихъ сего числа за печатью той Конторы два сундука, расположенныя въ нихъ по реэстру (каковъ съ копіею съ росписки при семъ прилагается) отправлены баталіона строеній съ каптенармусомъ Егоромъ Владимировымъ на наемныхъ 6 подводахъ, которыя по привозѣ должно разбирать по укладкѣ противъ того реэстра, не примѣшивая по мелочи ихъ и надобные нынѣ и впредь для Дома оставить, а прочіе продать и унтеръ-офицера, давъ подводу, сюда отправить.“

Въ 1767 г. пожалованы Ея Величествомъ и присланы въ Воспитательный Домъ изъ Главной Комендантской Конторы 153 серебряныхъ герба съ гренадерскихъ шапокъ и 80 задниковъ, которые обращены въ слитки, вѣсомъ 38 ф. 72 золотника.

Въ 1768 г. Ея Величество повелѣла: „имѣвшіяся при Главной Интендантской Конторѣ и

(*) Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ М. И. Полуденскимъ.

въ Преображенскомъ Дворцѣ Св. Образа и прочія вещи роздать въ церкви, въ Мастерскую и Оружейную Палаты и другія мѣста, въ томъ числѣ и въ Воспитательный Домъ."

Въ числѣ вещей показаны: математическіе, плотническіе и столярные инструменты, глобусъ маленькій, 3 флага корабельныхъ и три вымпела стамедные, гора Сіонская изъ каменьевъ, модель галерная деревянная, два подъемные моста и проч.; всѣ вещи болѣе или менѣе ветхія.

Вслѣдствіе сего, въ 1770 г., Бецкой писалъ, что „имѣющіяся въ Преображенскомъ Дворцѣ отъ давнихъ лѣтъ разныя хрустальныя и другія вещи, за непріемомъ въ Оружейную Палату предоставлено принять отъ Московскаго при Дворцахъ командира Ассесора Дивова въ Воспитательный Домъ и, какъ ихъ имѣть изволилъ Петръ Великій, то, не продавая, оставить впредь для незабвенной памяти." Въ числѣ вещей также были: рюмка и братинка съ фонтанами, двѣ волторны, пара пистолетовъ съ тисками, стеклянная чаша Измайловскаго дѣла, корабль и корабликъ зеленые вощаные изъ свѣчь, и другія.

Въ іюлѣ 1771 г. послано въ газеты объявленіе, что „недавно поставлены въ Воспитательномъ Домѣ древнія вещи, присланныя изъ Азіи къ Царю Алексѣю Михайловичу—кресла и Его Царскаго Величества столъ; нѣкоторые сосуды Императора Петра I, употреблявшіеся имъ въ бытность въ Преображенскомъ; кабинетъ натуральной исторіи, недавно привезенный изъ заграницы, заключающій въ себѣ рѣдкихъ птицъ и звѣрей. Почему публика приглашалась, для обозрѣнія этихъ вещей, каждый день отъ 8 часовъ утра до 6 по полудни. Плата за входъ съ персоны полагалась по 25 копѣекъ."

Въ 1772 г. Ея Величество повелѣла: купленныя во время заразы у ремесленниковъ на казенныя деньги вещи, всего на 9.496 р. 31 к., отдать въ Воспитательный Домъ для употребленія. Товары эти заключались въ разныхъ, большею частію, галантерейныхъ и платяныхъ женскихъ и мужскихъ вещахъ, газахъ, позументахъ, блондахъ, склаважахъ, крестикахъ и кольцахъ. Всѣ эти товары и вещи П. А. Демидовъ взялъ за себя за 5.000 р.

Въ первые годы учрежденія Воспитательнаго Дома доставлялись въ него сельскіе продукты изъ собственной Ея Величества Епифанской вотчины села Бобрикъ, а именно въ 1764 г. доставлено муки ржаной 200 и крупъ гречневыхъ 50 четвертей; а въ 1765 г. муки ржаной 196 четвертей, крупы гречневой—49 ч.

Въ 1764 году предоставлены въ пользу дома конфискованные пожитки барона Шемберга; по продажѣ за нихъ получено 4.488 р. 80 к.

Въ пользу же Дома обращены были выморочныя вещи и имущество послѣ графа Миниха, придворнаго арапа Купидона, генерала Фаста, купца Дроздова и барона фонъ-Швейца.

Въ мартѣ 1764 г., Опекунскій Совѣтъ требовалъ отъ Московской Гофъ-Интендантской Конторы, по предложенію той Конторѣ Бецкаго, доставить въ Воспитательный Домъ 1000 р., принятыхъ въ Канцелярію Строеній отъ дому фельдмаршала графа Миниха. Деньги эти и были присланы изъ Конторы въ Домъ съ поручикомъ Венидиктовымъ.

Доставлены были въ Воспитательный Домъ и пожитки графа. Въ декабрѣ 1768 г. Бецкой спрашивалъ Совѣтъ: нѣтъ ли въ отданныхъ Воспитательному Дому, послѣ покойнаго генералъ-фельдмаршала графа Миниха, пожиткахъ какихъ либо, во время бытности его въ Турецкомъ и другихъ походахъ, ландкартъ, чертежей и описаній. Въ пожиткахъ оказалась только одна карта Россійской Имперіи, которая и отослана къ Бецкому.

Въ декабрѣ 1765 года опекуномъ кн. Гагаринымъ привезено изъ С.Петербурга, оставшееся послѣ умершаго, бывшаго при дворѣ Ея Величества, малолѣтнаго арапа Купидона, значительное количество платья нѣмецкаго, арабскаго и арлекинскаго.

Изъ Юстицъ-Коллегіи Лифляндскихъ и Эстляндскихъ дѣлъ принято, изъ пожалованнаго Дому имѣнія покойнаго генерала Фаста въ 1765 г. въ первый разъ—7396 р 39 к., во 2 й—52 р. 75 коп., въ 1766 г.—1830 р. 79½ к., а всего—9279 р. 93½ коп.

О пожалованномъ Воспитательному Дому вы-

морочномъ имѣніи петербургскаго купца Ивана Матвѣева Дроздова, умершаго въ іюлѣ 1761 г., въ письмахъ Бецкаго находятся слѣдующія свѣдѣнія:

1. Отъ 2 октября 1766 года, что „за проданный послѣ покойнаго купца Дроздова дворъ пятнадцать тыс. руб. положено заплатить въ три года, по прошествіи каждаго, а проценты на предь за всю сумму приняты.“

2. Отъ 30-го же октября Бецкой писалъ: „При семъ прилагаю о пожалованномъ послѣ покойнаго купца Дроздова имѣніи оригинальные—вѣдомость конфискацкую, векселя, справки, книгу о продажѣ и проч. документы, изъ которыхъ по пяти векселямъ во сто пятьдесятъ шесть рублей двадцать копѣекъ должники сысканы, но въ крайней бѣдности находятся, а Воспитательный Домъ на человѣколюбіи основанъ; почему съ нихъ, равно какъ и съ другихъ, коихъ по посылкамъ отъ Гильдейскаго дома сыскать не могли, а засвидѣтельствовано о ихъ бѣдности, что черною работою кормятся, взысканіе оставлено. Прочіе жъ должники не здѣшніе, а другихъ городовъ; и для того разсуждается мнѣ не лучшель имъ напередъ отъ Совѣта чрезъ знаемыхъ и другими способами объявить, чтобы заплатили, когда по протестованнымъ векселямъ добровольно платить не будутъ, а въ состояніи и законныхъ причинъ не докажутъ, тогда можно черезъ Присутственныя мѣста требовать, однакожь бы безъ взысканія процентовъ, дабы честь Дому наипаче утверждалась; и на послѣдокъ о здѣшнихъ и ежели еще не имущіе явятся, коимъ по разсмотрѣнію Совѣта взысканіе остановится въ вѣдомостяхъ публиковать.“

3. Отъ 28 декабря Бецкой прислалъ доношеніе бывшихъ людей покойнаго купца Дроздова, которые „для Дома не способны и подаяніе учинили сорокъ рублей, для того объ нихъ въ Магистратскую Контору сообщено.“ Эти крѣпостные люди куплены Дроздовымъ у адмиралтейскаго работника Козмина въ 1755 г. и у лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка капенармуса Травина.

30 сентября 1768 г. Бецкой писалъ Совѣту: „Ярославскаго уѣзда экономическій крестьянинъ Павелъ Ильинъ прошеніемъ объявляя, что Главный Магистратъ, по сообщенію онаго Совѣта взыскиваетъ съ него и съ брата его Степана Ильина, по даннымъ отъ нихъ покойному купцу Дроздову въ 754 и 756 годахъ тремъ платежнымъ и непротестованнымъ векселямъ восемь сотъ рублей, которыхъ де они платить не должны, проситъ по справедливости, о не взысканіи; а какъ тѣ векселя не протестованы, то и предаю на разсмотрѣніе Совѣта.“

Въ числѣ описаннаго выморочнаго имѣнія купца Дроздова значится книга Азовская Исторія въ 8 долю; столъ небольшой, а по срединѣ онаго вставлено 15 изразцевъ нѣмецкихъ, и разныя матеріи.

Имѣніе Дроздова доставило Воспитательному Дому деньгами за проданные пожитки, домъ лавки и прочее—56.246 р. 85 к.

Въ мартѣ 1771 г. Бецкой прислалъ для свѣдѣнія и храненія въ Совѣтѣ полученное имъ отъ генералъ-полиціймейстера Чичерина письмо съ описью оставшимся послѣ покойнаго подполковника барона фонъ-Швейца пожиткамъ и разнымъ вещамъ, съ объявленіемъ Высочайшаго повелѣнія, объ отдачѣ тѣхъ пожитковъ и вещей въ Воспитательный Домъ.

Поступившія въ пользу Воспитательнаго Дома вещи, или хранились, въ память Всемилостивѣйшаго пожалованія, или продавались съ аукціона; а золотыя и серебряныя вещи отсылались для переливки на Монетный Дворъ. Такъ 17 августа 1767 г. Бергъ-Конторы Монетный Департаментъ увѣдомилъ, что изъ присланныхъ Опекунскимъ Совѣтомъ, серебряныхъ вещей, золотыхъ и серебряныхъ позументовъ вышло серебра 1 пудъ 23 фунта 8 золот., въ коемъ чистаго золота 56 золот. $^{26}/_{96}$ долей, за что и отпущено деньгами 1152 р. $3^{1}/_{4}$ к.; а 22 августа тотъ же Департаментъ сообщилъ, что изъ присланнаго въ іюнѣ серебра 21 фун. 46 золот. отпущено деньгами 279 рублей.

ИВАНЪ АКИНФІЕВИЧЪ ТУТОЛМИНЪ.

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ДОМЪ ВЪ 1812 ГОДУ (*)

Императрица Марія Ѳеодоровна, въ рескриптѣ 7-го августа 1812 года, на имя почетнаго опекуна Александра Михайловича Лунина, высказывая сомнѣніе, чтобы непріятель могъ овладѣть Москвой, вмѣстѣ съ тѣмъ, на всякій случай, предложила слѣдующія мѣры:— 1. Сохранную и Ссудную Казны закрыть и перевести въ Казань; но предварительно—изъ Сохранной оставить денегъ на издержки; а касательно Ссудной Казны повѣстить, чтобы залогодатели спѣшили выкупать свои вещи. Послѣ того всѣ оставшіяся вещи, деньги и документы, въ сопровожденіи директоровъ и оберъ-секретаря съ нужнымъ числомъ чиновниковъ, отправить въ Казань. При этомъ Государыня изъявляетъ надежду, что Лунинъ, если здоровье позволитъ, не покинетъ своего поста—отправится въ Казань; въ противномъ случаѣ, его мѣсто заступитъ другой опекунъ—князь Сергій Михайловичъ Голицынъ. Изъ числа документовъ и дѣлъ, Императрица положила оставить только нужныя для храненія въ архивѣ.

2). Экспедицію о воспитанникахъ, вмѣстѣ съ питомцами и приставниками, предполагалось сначала оставить въ Домѣ, въ той надеждѣ, что такое милосердое учрежденіе, какъ Воспитательный Домъ, будетъ уважено непріятелемъ. Рѣшили только прекратить пріемъ дѣтей, на тотъ конецъ, что, по военному времени, окрестные крестьяне, страшась непріятеля, оставятъ свои деревни,—и потому Домъ, конечно, будетъ терпѣть недостатокъ въ кормилицахъ. О всемъ этомъ—извѣстить публику и увѣщевать матерей, хотя на это трудное время, держать при себѣ младенцевъ. Главнаго надзирателя, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Акинфіевича Тутолмина, снабдить деньгами на одинъ, или на два мѣсяца, и уполномочить его чрезвычайною властью увольнять всякаго, кто нарушитъ долгъ и присягу.

3). Въ Больницу для бѣдныхъ вновь больныхъ не принимать. Приходящимъ же давать совѣты и лекарства, пока возможно будетъ. Излишнихъ лекарей положено отправить въ Казань.

4). Вдовъ, которыя еще въ силахъ, распустить изъ Вдовьяго Дома, съ пенсіономъ во 100 руб. Слабыхъ же и дряхлыхъ перевести въ

(*) Два любопытнѣйшіе документа, относящіеся къ происшествіямъ въ Воспитательномъ Домѣ, во время взятія Москвы непріятелемъ уже извѣстны любителямъ историческихъ свѣдѣній; они напечатаны во 2-й книгѣ за 1860 г. «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ.» Это донесенія главнаго надзирателя Воспитательнаго Дома Тутолмина Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, отъ 11-го ноября 1812 года, и главнаго лекаря Маріинской Больницы Оппеля, въ Октябрѣ 1812 г.

Изъ перваго донесенія весьма многое въ настоящей статьѣ заимствовано, но многое и пополнено изъ другихъ бумагъ, еще нигдѣ ненапечатанныхъ. При изданіи матеріаловъ Воспитательнаго Дома имѣлось преимущественно въ виду выбрать изъ старыхъ дѣлъ такія свѣдѣнія, которыя или вовсе забыты, или съ теченіемъ времени легко могутъ совсѣмъ утратиться. Извѣстія уже напечатанныя повторяются лишь въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо по связи предметовъ. По этимъ причинамъ не перепечатываются здѣсь и упомянутыя выше донесенія Тутолмина и Оппеля.

Инвалидное Заведеніе Шереметевой, состоящее подъ покровительствомъ Дома.

Содержаніе этого рескрипта было сообщено главнокомандующему въ Москвѣ, графу Ѳ. В. Растопчину. Послѣ того, 15-го августа, Московскій Опекунскій Совѣтъ и Совѣтъ Училищъ Екатерининскаго и Александровскаго, имѣли чрезвычайное собраніе. Выслушанъ былъ рескриптъ Императрицы — и собраніе положило: отправить къ графу Растопчину депутацію изъ почетныхъ опекуновъ и главнаго надзирателя, и просить его содѣйствія къ выполненію Высочайшихъ мѣръ.—Растопчинъ далъ обѣщаніе.—Вмѣстѣ съ тѣмъ писано было казанскому губернатору о пріисканіи квартиръ, для помѣщенія Опекунскаго Совѣта и воспитанницъ Екатерининскаго и Александровскаго Училищъ. Родители и родственники институтокъ были повѣщены, что желающіе могутъ брать ихъ на свое попеченіе; многія и были взяты. Воспитанницы должны были ѣхать въ Казань, подъ надзоромъ члена Совѣта, Николая Ивановича Барапова, снабженнаго на издержки 30-ю тысячами рублей. Учителей уволили съ 15-го августа. О доставленіи подводъ собраніе просило графа Растопчина.

Рескриптами Императрицы Маріи,— 19-го августа, Домъ сданъ главному надзирателю Тутолмину,—а 22-го августа, объ отправленіи въ Казань, повелѣно оставить въ Домѣ только малолѣтныхъ воспитанниковъ.—„Дошедшія до Меня извѣстія о свирѣпостяхъ непріятеля,—говоритъ Государыня въ Своемъ рескриптѣ 22 августа,—подаютъ мнѣ поводъ къ опасенію въ разсужденіе взрослыхъ нашихъ питомцевъ обоего пола, въ томъ числѣ воспитанницъ, приготовляемыхъ къ званію наставницъ и воспитанниковъ *латинскихъ* классовъ. Помышляя, что жизнь, честь, невинность и правы ихъ могутъ подвергнуться опасности, Я почитаю необходимымъ удалить изъ Москвы всѣхъ воспитанницъ свыше 11 лѣтъ и воспитанниковъ свыше 12 лѣтъ. Посему оставшимся въ Москвѣ почетнымъ опекунамъ съѣхаться въ Совѣтъ и сдѣлать постановленіе объ отправленіи сихъ воспитанниковъ въ Казань; мальчики кажется могутъ идти пѣшкомъ до Владиміра и Коломны, а для воспитанницъ нужны повозки до того или другаго мѣста, откуда могутъ слѣдовать водою.“

Снаряжались къ отъѣзду; роздали дѣтямъ, на случай, теплую одежду; но такъ какъ въ Домѣ не хватало одежды на всѣхъ, то поручено первому бухгалтеру Шредеру закупить тулупы дорогой. Шредеръ, какъ начальникъ поѣзда, снабженъ былъ 40-тысячью рублями и шнуровой книгой, для записки расходовъ.

Передъ отъѣздомъ, служащимъ при Домѣ и взрослымъ питомцамъ предложено: не пожелаетъ-ли кто изъ нихъ поступить въ военную службу?—Имъ положено выдать по 25 руб. и письменныя свидѣтельства. Изъ питомцевъ выискалось желающихъ 5 человѣкъ(*). Изъ служащихъ двое: Алексѣй *Сарынчаръ*, смотритель Окружнаго строенія, и лекарь *Варжанскій*.

21-го августа, въ 4 часа утра, двинулся изъ Москвы первый поѣздъ,—дѣла, вещи и деньги,—подъ надзоромъ почетнаго опекуна Лунина и другихъ чиновниковъ. Ихъ сопровождалъ конвой, изъ 50 рядовыхъ, 4 унтеръ и 2 оберъ-офицеровъ. Везли сухимъ путемъ до Коломны, а оттуда на баркахъ.

Того же 21-го числа, въ 6 часовъ утра, выѣхали и воспитанницы Училищъ Екатерининскаго и Александровскаго, въ сопровожденіи чиновниковъ и сержантовъ Экспедиціи о воспитанникахъ. Ихъ отправляли на простыхъ телѣгахъ, потому что экипажей достать было негдѣ—всѣ достаточные люди уже выѣхали изъ Москвы со всѣмъ своимъ имуществомъ. Членъ Совѣта Училищъ Юрій Александр. Нелединскій-Мелецкій, князь Никол. Борис. Юсуповъ, княжна Хаванская, г-жа Анненкова и генералъ-маіоръ Шепелевъ предложили свои экипажи институткамъ; но ихъ достало на очень немногихъ.

Въ рескриптѣ, отъ 26-го августа, на имя члена Совѣта Юрія Александровича Нелединъ-

(*) 16 воспитанниковъ изъ домашнихъ ремесленныхъ и 1 изъ аптеки изъявили желаніе быть опредѣленными въ Московское ополченіе. Они отвезены самимъ Тутолминымъ къ графу Маркову и опредѣлены унтеръ-офицерами. (Донес. Тутолмина Императрицѣ 7 августа 22 дня 1812 г.) Изъ нихъ трое оставлены были отрядомъ, возвратились въ Домъ и были приняты Тутолминымъ.

каго-Милецкаго, Императрица Марія, отдавая справедливость дѣятельности при отправленіи изъ Москвы институтокъ, замѣчаетъ однако нѣкоторую поспѣшность въ ихъ отправленіи.— „Какъ могли допустить,—говоритъ она,—чтобъ благородныхъ дѣвицъ отправить на телѣгахъ? Уже довольно прискорбно, если необходимость заставила возить на телѣгахъ воспитанницъ Александровскаго Училища, которыя изъ нижнихъ офицерскихъ, мѣщанскихъ и тому подобнаго состоянія дѣтей, а дочерей лучшаго дворянства на телѣгахъ не могу себѣ представить безъ огорченія и прямо сказать стыда, даже слезъ. Не ужели въ обширной, изобильной всѣмъ Москвѣ нельзя было, если не ссудою, то наймомъ достать потребнаго числа каретъ? Или Совѣтъ могъ остановиться незначущимъ на то расходомъ.“

Опекуну Баранову предписано было на пути нанимать кареты. Кромѣ того Государыня неодобрила, что учителя, инспекторъ и духовникъ оставлены въ Москвѣ, и также предписывала принять мѣры къ исправленію такой ошибки.

Питомцы выѣхали изъ Москвы 31 августа, подъ надзоромъ перваго бухгалтера Шредера. Въ числѣ воспитанниковъ были и тѣ, которые обучались въ Московскомъ Университетѣ. Ихъ взяли по отношенію ректора Гейма, который писалъ, что „Университетъ отправляется изъ Москвы и не имѣетъ средствъ куда либо сихъ воспитанниковъ отправить.“ (Питомцевъ Воспитательнаго Дома было 143 человѣка, питомокъ — 190 и служащихъ—83). Помощниками Шредера въ этой экспедиціи состояли: первый надзиратель Шумовъ и экономскіе помощники Сибиряковъ и Берхгофъ. Изъ 40.000 руб., назначенныхъ Шредеру на издержки, выдано 30.709 р. 50 $^{3}/_{4}$ к.; остальныя деньги употреблены на покупку необходимыхъ вещей для питомцевъ. Вся же поѣздка стоила 12.096 р. 84 $^{1}/_{4}$ к., какъ значится по шнуровой книгѣ; оставшіяся деньги внесены Шредеромъ въ Совѣтъ, уже въ Казани. Вмѣсто 300 подводъ, графъ Растопчинъ прислалъ только 200,— и такимъ образомъ на каждой подводѣ ѣхало по 5 и по 6 человѣкъ; иные питомцы шли пѣшкомъ. Шредеру не разъ приходилось нанимать дорогой телѣги и кибитки; кромѣ того онъ купилъ нѣсколько лошадей, повозокъ и телѣгъ; эти лошади были необходимы для объѣздовъ вокругъ поѣзда, который тянулся болѣе чѣмъ на полторы версты. Лишнія повозки и телѣги употреблялись для разсылки за провіантомъ, иногда верстъ за 16 въ сторону.

Это путешествіе въ Казань совершилось благополучно.—Правда, случались больные, но за то очень незначительными болѣзнями, которыя скоро проходили отъ пособія лекарей, командированныхъ къ поѣзду. Былъ только одинъ смертный случай: 1-го октября умеръ одинъ питомецъ, который и похороненъ въ Васильсурскѣ; кромѣ того — двѣ ремесленныя воспитанницы привезены въ Казань очень слабыми.

Тутолминъ, уже уполномоченный чрезвычайной властью, готовый пожертвовать собой, чтобъ съ честью исполнить свой долгъ, естественно хотѣлъ видѣть такуюже готовность и рѣшительность въ своихъ подчиненныхъ. Онъ предложилъ желающимъ оставить Домъ, преимущественно людямъ семейнымъ. Выѣхали: акушеръ Таненбергъ, отецъ трехъ взрослыхъ дочерей и пяти малолѣтковъ, аптекарь Буттеръ, также семьянинъ, архитекторскіе помощники, сынъ архитектора Жилярди и Григорьевъ, смотритель Загороднаго Двора Машковъ и смотрительницы, и помощницы повивальной бабки Андреевой. Уволена была, по нездоровью, старшая бабка Бергеръ.—Безъ спроса отлучились два домовые священника и дьяконъ (*); мы увидимъ впослѣдствіи, до какой степени была милосерда къ нимъ Императрица. Скрылись также два окружные надзирателя, Сушковъ и Черепановъ.

Примѣровъ ослушанія Тутолмину и измѣны мы знаемъ только два. Совѣтскій писарь Сапниковъ не хотѣлъ ѣхать въ Казань, и былъ уволенъ съ однимъ паспортомъ,—да еще лекарь Науманъ, предъ вступленіемъ французовъ, объявилъ, что принятъ на службу Наполеона, и потому былъ исключенъ.

(*) Въ сохранившихся бумагахъ есть такое указаніе: «а какъ усердіе многихъ было пріобщиться св. Тайнъ, то главный надзиратель приказалъ изъ сосѣдскихъ священниковъ, которые отъ пожару прибыли къ Дому, отправлять въ церкви служеніе.»

Въ вѣдѣніе Тутолмина, кромѣ Воспитательнаго Дома, поступили и другія московскія заведенія Императрицы, какъ-то: зданія Екатерининскаго и Александровскаго Училищъ, Вдовій Кудринскій Домъ, Больница для бѣдныхъ. Подъ его начальствомъ находились: главный лекарь Больницы для бѣдныхъ—Оппель, смотритель Вдовьяго Дома—Мирицкій, смотритель Павловской больницы—Носковъ и Инвалиднаго Дома Шереметевой—Ивановъ. Изъ Вдовьяго Дома 52 вдовы распущены по домамъ, снабжены пенсіей и разными вещами; девять же вдовъ съ бывшею при нихъ сиротою, по дряхлости и болѣзнямъ, переведены въ Воспитательный Домъ, гдѣ помѣщены были въ Законно-Родильномъ Госпиталѣ. Послѣ вывода воспитанницъ Институтовъ и вдовъ Вдовьяго Дома, зданія заведеній отданы въ распоряженіе графа Растопчина, для помѣщенія въ нихъ русскихъ раненыхъ. Эта мѣра была приведена въ исполненіе такъ быстро, что многія вещи изъ Институтовъ и Вдовьяго Дома не могли быть переведены. Считаемъ не лишнимъ замѣтить, что аптекарская посуда и медикаменты изъ Военнаго Госпиталя также перевезены на сохраненіе въ аптеку Воспитательнаго Дома.

Въ самомъ Воспитательномъ Домѣ осталось до 350 питомцевъ обоего пола, съ большею частію надежныхъ чиновниковъ, на которыхъ могъ разсчитывать Тутолминъ—и, какъ увидимъ ниже, онъ не ошибся.

Тутолминъ, сдѣлавши нужныя распоряженія, касательно заведеній, временно ввѣренныхъ его главному надзору, въ ожиданіи непріятеля приступилъ 1-го сентября къ перемѣщенію Отдѣленной больницы въ Квадратъ. На другой день получено извѣстіе, что непріятель уже въ Москвѣ. Это извѣстіе было такъ внезапно, что Тутолминъ не успѣлъ даже перевести въ Квадратъ вещей, принадлежащихъ Отдѣленной больницѣ.

Еще 31-го августа дали знать въ Воспитательный Домъ, что передовыми казачьими отрядами разграбленъ Скотный Дворъ. Тутолминъ оставшійся скотъ велѣлъ переслать въ Домъ, для заготовки солонины, на случай недостатка въ продовольствіи. 1-го сентября вступили наши войска въ Москву. Они разбили нѣсколько питейныхъ домовъ и по близости Воспитательнаго Дома. Это обстоятельство надѣлало Тутолмину хлопотъ: рабочіе люди обоего пола и караульщики кинулись въ разбитые кабаки, нахватали вина ведрами, горшками, кувшинами и. т. п. и перепились—въ то время, когда болѣе нежели когда нибудь нужны были рабочіе руки. Тутолминъ ходилъ по Дому, билъ посуду съ виномъ, или выливалъ его на землю.

Наконецъ 2-го сентября, вслѣдъ за русской арміей, въ 4 часа по полудни, вступила непріятельская. Двѣ арміи шли такъ близко одна отъ другой, что когда русская шла по набережной Воспитательнаго Дома, французы были уже въ Кремлѣ (*).

Боясь насилій и жестокостей со стороны непріятеля, главный надзиратель отправился въ Кремль съ двумя чиновниками къ губернатору города графу Дюронелю, назначенному Наполеономъ. Тутолминъ взялъ съ собою экономскаго помощника Зейпеля и для перевода (онъ не говорилъ по-французски) экономскаго сына, коллежскаго регистратора Петра Христіани, служившаго въ Канцеляріи Московскаго Военнаго Губернатора переводчикомъ. Дюронель назначилъ караулъ изъ 12 человѣкъ конной гвардіи съ однимъ офицеромъ. Имъ отвели помѣщеніе въ Корделожи и содержали на счетъ Дома.

Съ перваго дня занятія французами Москвы начались пожары. Вмѣстѣ съ пожарами начались убійства и грабежи. Воспитательный Домъ тоже не мало пострадалъ этимъ несчастнымъ временемъ. 4-го сентября, при сильномъ вѣтрѣ, пожаръ былъ особенно великъ: горѣли дома, церкви, мосты, даже барки на рѣкѣ. Непріятель, видя въ пожарѣ свою гибель, цѣль русскихъ обезсилить его, преслѣдовалъ поджигателей. Изъ нихъ многіе были пойманы—одни казнены, другіе посажены въ тюрьмы. 6-го сентября, въ два часа по полудни, Наполеонъ, обозрѣвая городъ, ѣхалъ набережной Воспитательнаго Дома. Его удивило, что Домъ

(*) Донес. Тутолмина, 11 ноября 1812 года.

сохранен отъ пожара. Ему сказали, что зданіе спасено отъ гибели начальникомъ его съ подчиненными. Императоръ тотчасъ же послалъ генералъ-интенданта Дюмаса ѣхать въ Домъ, найти достойнаго начальника и объявить ему отъ его лица привѣтствіе. „Я присланъ къ вашему превосходительству отъ Императора,— сказалъ Дюмасъ Тутолмину.—Императоръ приказалъ благодарить васъ за трудъ и за спасеніе отъ огня вашего Дома. Его Величеству угодно съ вами лично познакомиться.“ Тутолминъ равнодушно принялъ привѣтствіе, но утѣшился тѣмъ, „что весь Домъ отъ него былъ приведенъ въ окураживаніе,“ какъ выразился онъ въ своемъ донесеніи Императрицѣ, отъ 11-го ноября. Наполеонъ прислалъ за Тутолминымъ своего секретаря де-Лорна съ приказаніемъ явиться во дворецъ.

Вотъ подлинное донесеніе Тутолмина Государю Императору, отъ 7 сентября 1812 года, въ которомъ описывается свиданіе Наполеона съ Тутолминымъ.

„По Высочайшему повелѣнію Императрицы, Дрожайшей Родительницы Вашего Величества, остался я въ Москвѣ, я Главный Надзиратель Воспитательнаго Дома для попеченія о невинныхъ младенцахъ и малолѣтныхъ дѣтяхъ, кои оставлены въ ономъ Домѣ, взрослыя же всѣ вывезены. Сентября 2-го числа когда войска Вашего Императорскаго Величества проходили чрезъ Москву въ слѣдъ за оными въ 4 часа пополудни вступили въ оную войска Его Величества Французскаго Императора. А какъ Главнокомандующій Москвы и всѣ городскіе начальники, также и жители выѣхали изъ оной, а остались въ домахъ одни караульщики и не имущіе, я же по долгу моему будучи обязанъ пещись о спокойствіи онаго человѣколюбиваго заведенія, почему по вшествіи Французскихъ войскъ тотчасъ пошелъ въ Кремль съ двумя чиновниками для испрошенія защиты Воспитательному Дому, гдѣ чрезъ Французскихъ офицеровъ достигъ къ опредѣленному отъ Императора Наполеона Губернатору, который и далъ мнѣ для предохраненія 12 человѣкъ Французской гвардіи съ однимъ офицеромъ, въ тотъ же вечеръ 2 го Сентября показались въ городѣ пожары, а на другой день оные весьма были увеличены зажигателями, 4-го же Сентября жестокости и ужасовъ пожара я не могу Вашему Императорскому Величеству достаточно описать, вся Москва была объята пламенемъ при самомъ сильномъ вѣтрѣ, который еще болѣе распространялъ огонь, и къ тому весьма разоренъ городъ. Воспитательнаго Дома квадратъ съ корделожемъ, воспитанники обоего пола, служащіе онымъ остались невредимы.“

„Ввѣренные моему надзору домы Екатерининскаго и Александровскаго Институтовъ и оба Вдовьи по сношенію Главнокомандующаго Графа Растопчина взяты для помѣщенія раненыхъ, въ коихъ Всемилостивѣйшій Государь, раненые остались безъ пищи и безъ помощи, которымъ сколько могъ давалъ помощь своими лекарями, а предписаніе далъ Больницы бѣдныхъ Главному Лекарю, такъ какъ оная Больница среди тѣхъ Институтскихъ домовъ.“

„6 Сентября отъ Императора Французскаго присланъ за мною Его Величества Секретарь де-Лорнъ съ повелѣніемъ чтобъ я явился къ Его Величеству въ Кремлевскій дворецъ, гдѣ бывъ представленъ, Его Величество изволилъ меня принять благосклонно, и я ему изъявилъ тотчасъ мою благодарность отъ имени всѣхъ несчастныхъ спасенныхъ защитою сдѣланною Воспитательному Дому. Императоръ Наполеонъ изволилъ сказать мнѣ на то: „намѣреніе мое было сдѣлать для всего города то, что я теперь только могу сдѣлать для одного вашего заведенія. Я же желалъ поступить съ вашимъ городомъ такъ, какъ поступалъ съ Вѣною и Берлиномъ, которые и понынѣ не разрушены; но Россіяне оставивши сей городъ почти пустымъ сдѣлали безпримѣрное дѣло. Они сами хотѣли предать пламени свою столицу, и чтобы причинить мнѣ временное зло разрушили созиданіе многихъ вѣковъ. Я могу оставить Москву и весь вредъ самимъ себѣ причиненный останется не возвратнымъ. Всѣ рапорты, которые я ежечасно получаю и зажигатели, кои пойманы на самомъ дѣлѣ доказываютъ достаточно, откуда происходятъ варварскія повелѣнія чинить таковые ужасы. Внушите о томъ Императору Александру, которому безъ сомнѣнія не-

извѣстны таковыя злодѣянія. Я никогда подобнымъ образомъ не воевалъ. Воины мои умѣютъ сражаться, но не жгутъ. Отъ самого Смоленска я болѣе ничего не находилъ какъ пепелъ."

„Потомъ спросилъ меня Императоръ Наполеонъ: „извѣстно ли мнѣ, что въ день вшествія французскаго войска въ столицу выпущены были изъ темницъ колодники и правдали, что увезены изъ столицы пожарныя трубы."

„На сіе имѣлъ я честь донести Его Величеству, что я слышалъ о выпущеніи колодниковъ и о увезеніи трубъ полиціею."

„Императоръ отвѣчалъ мнѣ на сіе: „что дѣло это не подлежитъ ни какому сомнѣнію." Отпуская меня Императоръ Наполеонъ изволилъ подтвердить еще, чтобы я о семъ донесъ Вашему Императорскому Величеству, и послалъ бы рапортъ; и чтобы оный отправилъ чрезъ одного изъ своихъ чиновниковъ, котораго повелитъ онъ препроводить до своихъ форпостовъ, и чрезъ котораго можно мнѣ получить отвѣтъ, если Ваше Императорское Величество на сіе волю Свою изъявить изволите (*).

„Чего не имѣя возможности не исполнить осмѣливаюсь Вашему Императорскому Величеству о всемъ вышеписанномъ всеподданнѣйше донести, повергая себя къ Священнымъ стопамъ Вашимъ."

Это донесеніе къ Императору Александру было послано съ коммисаромъ Рухинымъ.

Когда Москва представляла картину пожара, убійствъ и грабежей, Воспитательный Домъ, по видимому и огражденный отъ всѣхъ этихъ несчастій, также долженъ былъ отчасти подвергнуться ужасамъ войны.

Чтобъ оградить Домъ отъ грабежа и насилій мародеровъ и отъ зажигателей, Тутолминъ учредилъ непрестанные обходы изъ чиновниковъ и служителей. У воротъ и по угламъ прибилъ доски съ французскою надписью, что Домъ есть заведеніе несчастныхъ и сирыхъ дѣтей; по главнымъ пунктамъ вездѣ стояла вода. И многомного нужно было убѣжденій со стороны охранной стражи, чтобы удалить отъ Дома мародеровъ и зажигателей, которые, не смотря на французскій караулъ, силились ворваться. Тѣмъ не менѣе 4-го сентября, въ самый разгаръ пожара, искры и головни окрестныхъ горѣвшихъ строеній понесло къ Дому. Въ Квадратѣ и въ Окружномъ строеніи загорѣлись рамы. Испепелились до-тла аптека съ медикаментами и домъ, въ которомъ жилъ акушеръ Таненбергъ (*).

У Инвалиднаго Дома сгорѣлъ одинъ уголъ. Дѣти съ приставниками и кормилицы съ младенцами на время пожара переведены были на квадратскій дворъ. Первая надзирательница г-жа Ликфетъ успокоивала дѣтей, ввѣренныхъ ея попеченію, и ободряла женщинъ, упадавшихъ духомъ. Самъ Тутолминъ нѣсколько ночей не спалъ съ своими подчиненными, и всегда былъ тамъ, гдѣ грозила большая опасность. Лучшими помощниками его были: полиціймейстеръ Звѣревъ, охранявшій деревянныя строенія и пристройки позади Квадрата, и помощникъ эконома Зейпель, оберегавшій сторону Дома, обращенную къ китайской стѣнѣ. Какъ и теперь, здѣсь былъ конный дворъ и мѣсто для складки дровъ. На этомъ пунктѣ сильно приступалъ огонь, такъ что стеклы трескались отъ жару и загорались дрова. У Зейпеля обгорѣло лицо и платье. Надзиратель Страшниковъ разставилъ своихъ малолѣтныхъ питомцевъ на дровахъ съ вѣниками и шайками съ водою. Такимъ образомъ и дѣти, подъ его руководствомъ, помогали взрослымъ въ охраненіи Дома.

3-го сентября пріѣхалъ генералъ-интендантъ Дюмасъ осматривать Домъ. Онъ приказалъ сломать деревянныя строенія по правую сторону

(*) «Сентября 6 отъ Его Величества Французскаго Императора присланъ былъ за мною секретарь де-Лоренъ, почему я тотчасъ явился въ Кремлевскій дворецъ, гдѣ Его Величество спрашивалъ меня: кто причиною зажигательства Москвы? продолжая, я не приказалъ моимъ воинамъ дѣлать зажигательствъ, а по рапортамъ ко мнѣ, что русскіе зажигаютъ. На сіе и донесъ Его Величеству, что можетъ быть начально зажигали русскіе, а впослѣдствіи отъ французскихъ войскъ. На что Его Величество отозвался: не правда!.....» Слова Тутолмина въ донесеніяхъ Императрицѣ отъ 7 сентября 1812 года, и Императору Александру, которыхъ нѣтъ въ донесеніи отъ 11 ноября 1812 г.

(*) Этотъ домъ, называемый Гогельскій, или домъ Оберъ-Директора, находился позади Инвалиднаго Дома Шереметевой, по линіи, гдѣ теперь проспектъ къ Китай-городу.

Корделожи, примыкавшія къ лабазамъ, въ которыхъ намѣревался устроить хлѣбни для французской арміи. На другой день непріятельскими солдатами отобраны были у нашихъ рабочихъ ломы и топоры, и сломаны квартиры директоровъ, оберъ-секретаря и другихъ служащихъ. Изъ сломаныхъ конюшенъ, принадлежащихъ къ квартирамъ, выброшены экипажи; одни изъ нихъ тайно увезены, другіе остались ободранные.

3-го же сентября Тутолминъ получилъ извѣстіе, что наши раненые въ госпиталяхъ, временно помѣщенные во ввѣренныхъ ему зданіяхъ, остались безъ пищи и присмотра,—мертвые валялись рядомъ съ живыми. Но что онъ могъ сдѣлать, когда уже его заведенію предстояло почти тоже самое. Что непріятель нецеремонно обходился съ нашими ранеными, можно видѣть изъ прошенія штабсъ-капитана Буафоло о принятіи его въ Инвалидный Домъ. Онъ говоритъ, что при очищеніи госпиталя самъ былъ выброшенъ вмѣстѣ съ мертвыми со 2-го этажа и только чрезъ нѣсколько дней его подняли и перенесли обратно въ госпитальныя палаты.

6-го сентября пріѣхали въ Домъ 300 французскихъ жандармовъ съ офицерами и полковникомъ. Тутолминъ, не смѣя отказать, отвелъ имъ помѣщеніе въ Корделожи. Для нихъ устроенъ былъ особый столъ. Французскіе коммисары, осматривая Домъ, нашли въ Квадратѣ отдѣленія взрослыхъ питомцевъ, отправленныхъ въ Казань, пустыми. Это подало имъ мысль учредить въ порожнихъ палатахъ Квадрата лазаретъ. Тутолминъ, опасаясь близкаго сосѣдства непріятеля и поэтому вѣроятія насилій съ его стороны, обратился съ прошеніемъ къ Наполеону(*). Предоставляя во власть французовъ Корделожи и Окружное строеніе, онъ выставлялъ на видъ тѣсноту помѣщенія въ Квадратѣ, въ которомъ, кромѣ постоянно живущихъ, были призрѣны посторонія женщины съ грудными дѣтьми, лишенныя крова и имущества, во время пожара,—говорилъ, что отъ тѣсноты и нездороваго воздуха могла произойти зараза. Но какъ видно изъ позднѣйшаго донесенія Тутолмина графу Растопчину, все было тщетно. Непріятель, въ числѣ 3.000 человѣкъ, занялъ половину Квадрата и все Окружное строеніе. Подъ караульню взяты были Крестовая Палата и докторская (*). Крестовая Палата была переведена въ комнату швейцара Родильнаго Госпиталя.

осматривали внутренность квадрата Воспитательнаго Дома, и нашедши оный удобнымъ къ ихъ назначенію, опредѣлили помѣстить въ немъ больныхъ, предоставляя половину онаго на помѣщеніе дѣтей и живущихъ чиновниковъ, если на то есть Вашего Императорскаго Величества соизволеніе, то я оному по долгу моему подвергаюсь; но если позволено отцу несчастныхъ дѣтей повергнуть къ стопамъ Августѣйшаго ихъ покровителя просьбу, касающуюся до благосостоянія ихъ, то я надѣюсь снискать себѣ милостиваго въ поступкѣ моемъ прощенія, удостовѣренъ будучи въ милосердіи и великодушіи свойственныхъ высокой Вашего Величества особѣ.»

«Очистивши уже все Окружное строеніе и перемѣстивъ изъ онаго въ квадратъ всѣхъ тамъ находившихся чиновниковъ и служителей, нахожу теперь квадратъ слишкомъ стѣсненнымъ людьми, тѣмъ паче, что многія несчастныя женщины съ малолѣтными дѣтьми, не имѣвшія дневнаго пропитанія нашли себѣ въ ономъ спасеніе отъ пламени. Мущинамъ же не могъ я по тѣснотѣ дать убѣжище.»

«Сіи обстоятельства и не здоровый воздухъ, который по худому мѣстоположенію имѣетъ Воспитательный Домъ, заставляютъ меня страшиться заразительныхъ болѣзней, которыя въ осеннее время бываютъ опасными.»

«Всемилостивѣйшій Государь! Ваше Императорское и Королевское Величество изволили удостоить невинныхъ и несчастныхъ дѣтей Вашего Всеавгустѣйшаго покровительства.»

«Я повергаюсь къ стопамъ Вашимъ, прося о продолженіи онаго, представляя впрочемъ Всеавгустѣйшей Вашей волѣ. Но если возможно, Всемилостивѣйшій Государь! то умоляю Ваше Величество не допустить до того, чтобъ заведеніе основанное на человѣколюбіи и состоящее подъ Высочайшимъ Вашего Императорскаго и Королевскаго Величества покровительствомъ, приведено было въ разстройство чрезъ раздѣленіе главнаго корпуса квадрата; я униженно прошу Ваше Величество повелѣть помѣстить больныхъ въ большое окружное строеніе и корделожи, въ которомъ находится теперь Вашего Императорскаго Величества гвардія.»

(*) Вотъ переводъ письма Тутолмина къ Наполеону, отъ 10 сентября 1812 года: «Ваше Императорское и Королевское Величество даровали Воспитательному Дому все Августѣйшее Ваше покровительство. Въ твердомъ упованіи на оное, имѣю я дерзновеніе повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго и Королевскаго Величества униженную просьбу мою, относящуюся до сохраненія сиротъ, въ благоденствіи которыхъ участвую я, какъ по дѣлу моему такъ и по врожденнымъ мнѣ чувствованіямъ.»

«Коммисары Вашего Императорскаго и Королевскаго Величества

(*) Въ то время Крестовая Палата и докторская находились въ правомъ 2-этажномъ зданіи, примыкающемъ къ Квадрату со стороны проспекта. Въ противоположномъ 2-этажномъ зданіи по другую сторону проспекта, помѣщался Секретно-Родильный Госпиталь; Законный находился тогда въ Квадратѣ.

Мы уже сказали, что Воспитательный Домъ, кромѣ постоянныхъ жителей, призрѣлъ многихъ; между ними достаточно указать на княжну Екатерину Михайловну Голицыну, г-жу Боуеръ, тайнаго совѣтника Повалишина; даже двѣнадцать человѣкъ рядовыхъ и 2 офицера нашли въ немъ прибѣжище. Впослѣдствіи они письменно благодарили Императрицу Марію Ѳеодоровну. Кромѣ этихъ лицъ, въ стѣнахъ Дома находились нѣкоторыя воспитанницы московскихъ институтовъ, деревенскіе питомцы, оставленные своими воспитателями, вдовы Вдовьяго Дома и многія другія, о которыхъ говорено было.

Тутолминъ, оберегая жизнь этихъ лицъ, заботился и о чести ихъ; нужно было опасаться всякаго сношенія съ непріятелемъ. По его ходатайству, Квадратъ и квадратскій дворъ раздѣлены на двѣ совершенно отдѣльныя половины. Каждая имѣла свою стражу. При входѣ на русскую половину вмѣстѣ съ караульными чередовались переводчики изъ служащихъ и постороннихъ, призрѣнныхъ Домомъ. Привозимымъ французскимъ раненымъ они указывали дорогу и учтиво удерживали всѣхъ тѣхъ, которые покушались войти на половину Воспитательнаго Дома; желающихъ видѣть заведеніе они провожали прямо къ Тутолмину. Помощникъ эконома Зейпель болѣе другихъ помогалъ Тутолмину. Онъ особенно много сносилъ отъ капризовъ французскихъ приставниковъ. Въ бумагахъ тогдашнихъ сказано, что швейцары, при Квадратѣ—Ивановъ и при Родильномъ Госпиталѣ—Степановъ, строго берегли свои посты. Послѣднимъ никто изъ непріятелей не былъ впущенъ въ Родильный Госпиталь. Во избѣжаніе опасности отъ пожара, соблюденія спокойствія и для удаленія злоумышленниковъ заведены обходы изъ чиновниковъ Дома съ переводчиками. Они три раза въ ночь обходили Квадратъ.

Тутолминъ размѣстилъ дѣтей и подчиненныхъ своихъ въ половинѣ Квадрата, оставленной ему французами. Въ его донесеніи Императрицѣ отъ 11-го ноября, подробно описано это размѣщеніе.

Чтобы дать болѣе близкое понятія о населеніи Дома, представимъ въ подлинникѣ вѣдомость Тутолмина отъ 6-го сентября, поданную Наполеону.

ВѢДОМОСТЬ

о числѣ воспитанниковъ обоего пола и служащихъ въ Воспитательномъ Домѣ находящихся. Сентября 6 дня 1812 года.

	муж.	женщ.	Итого.
Дѣтей:			
Грудныхъ.	123	152	275
Возрастныхъ отъ 1 года до 12 лѣтъ здоровыхъ. . . .	93	114	207
Возрастныхъ отъ 1 года до 18 лѣтъ больныхъ. . . .	49	55	104
Итого дѣтей.	265	321	586
Въ Родильныхъ Госпиталяхъ:			
Беременныхъ.	»	9	20
Родильницъ.	»	11	
Вдовъ съ сиротою.	»	10	10
	»	30	30
Служащихъ.	42	36	78
Кормилицъ.	»	214	214
Нянекъ.	»	85	85
Рабочихъ людей.	88	44	132
Итого служащихъ.	130	379	509
Всего. . .	395	730	1125

Теперь представимъ именной списокъ дѣтямъ, присланнымъ въ Московскій Воспитательный Домъ отъ французскаго начальства. Въ графѣ, назначенной для именъ, выставлено также время приноса дѣтей.

	Имена.		годы	№	Сколько отъ роду.	Отъ кого присланы.
	1812-го года.					
	Сентября 12.					
1	Алексѣй Михайловъ	Наполеоновы.	1812	2337	7 лѣтъ.	Отъ Императора Наполеона.
2	Василій Михайловъ		»	2338	4. —	
	Сентября 16.					
3	Петръ Аѳанасьевъ.		»	2345	5 дн.	Отъ французскаго начальства.
	Сентября 17.					
4	Михаилъ Ѳедоровъ Миліевъ.		»	2348	17 —	Отъ французскаго коммендaнта графа де-Милліо.
	Сентября 30.					
5	Марфа Григорьева.		»	2359	21 —	Отъ французскаго начальства.
	Октября 1.					
6	Сергѣй Андреевъ Миліевъ.		»	2360	8 —	Отъ французскаго коммендaнта графа де-Милліо.
	Октября 2.					
7	Наталья Егорова Миліева.		»	2363	1 года.	
	Октября 4.					Отъ французскаго генералъ-губернатора герцога Тревизскаго.
8	Вѣра Григорьева Тревизская.		»	2366	1 мѣс.	Отъ французскаго коммендaнта графа де-Милліо.
9	Василій Павловъ Миліевъ.		»	2367	3 —	
	Октября 5.					Отъ французскаго генералъ-губернатора герцога Тревизскаго.
10	Алексѣй Петровъ Тревизскій		»	2371	21 дня	
11	Василій Ивановъ Миліевъ.		»	2372	4 лѣтъ.	Отъ французскаго коммендaнта
	Октября 6.					
12	Пелагея Петрова Миліева.		»	2373	10 дней.	графа де-Милліо.
13	Александра Богданова Тревизская.		»	2374	4 лѣтъ.	Отъ французскаго генералъ-губернартора герцога Тревизскаго.
14	Сергѣй Ивановъ Миліевъ.		»	2375	6 лѣтъ.	
15	Елизавета Иванова Миліева.		»	2376	7 мѣс.	Отъ французскаго коменданта
	Октября 7.					
16	Алексѣй Ѳедоровъ Миліевъ.		»	2378	1 года.	графа де-Милліо.
	Октября 9.					Отъ французскаго
17	Александръ Ивановъ Тревизскій.		»	2381	7 лѣтъ.	
18	Иванъ Ивановъ Тревизскій.		»	2382	6. —	
19	Анна Кирилова Тревизская.		»	2383	2. —	генералъ-губернатора
	Октября 10.					
20	Ѳедоръ Ивановъ Тревизскій.		»	2384	6 мѣс.	
21	Елизавета Иванова Тревизская.		»	2385	9 лѣтъ.	герцога Тревизскаго.
22	Николай Николаевъ Тревизскій.		»	2386	7. —	

Подписали: Главный Надзиратель *Иванъ Тутолминъ*. Коммисаръ *Филиппъ Рухинъ*.

Прочіе младенцы, поступившіе этимъ временемъ на попеченіе Дома, были большею частію подкинуты. Ихъ находили на дворахъ, въ коридорахъ и проч.

Воспитательный Домъ очень затруднялся продовольствіемъ помѣщенныхъ въ немъ жителей, тѣмъ болѣе, что многіе изъ французовъ были на его содержаніи; хлѣба запасено было только на одинъ мѣсяцъ, и то—собственно для дѣтей. Передъ вступленіемъ непріятеля Тутолминъ хотѣлъ перевести обывательскій хлѣбъ изъ лабазовъ; но не успѣлъ, за недостаткомъ лошадей. Французы, провѣдавъ объ этомъ обстоятельствѣ и, сами не имѣя достаточнаго продовольствія, взяли лабазы въ свою пользу. Потомъ въ распоряженіи Дома были коровы, въ числѣ 41, пригнанныя съ ограбленнаго Скотнаго Двора и уцѣлѣвшія отъ наѣздничества казаковъ. Тутолминъ велѣлъ убить 35 коровъ; нѣкоторое время кормили и дѣтей, и французовъ свѣжимъ мясомъ, потомъ солониной. 6 коровъ, оставленныхъ для кормленія рожковыхъ дѣтей, скрыты были отъ непріятеля въ подвалахъ и садахъ. Ихъ кормили рубленой соломой изъ матрасовъ кормилицъ и дѣтей, съ подсыпкой муки.

Наконецъ запасы изсякли. Тутолминъ обратился за помощью къ французскому правительству. Генералъ-интендантъ Дюмасъ прислалъ ему слѣдующее письмо:

„Изъ большой арміи отъ Генералъ-Интенданта.„ „Москва 23 сентября 1812 г.“

„Господинъ Генералъ!

Имѣю честь Васъ увѣдомить, что по просьбѣ Вашей, касательной учиненія вамъ помощи, предписалъ я, чтобъ Вамъ изъ магазиновъ состоящихъ при арміи отпущена была слѣдующая провизія:

100 центнеровъ пшеницы
20 — крупъ гречневыхъ.

Я писалъ Г-ну Главному Коммиссару въ Москвѣ, чтобъ сія провизія въ Воспитательный Домъ препровождена была.“

Кромѣ этого интендантъ города Лессепсъ прислалъ въ разное время: 20 пудъ пшеницы, 13 коровъ, 4 барана и 4 куля соли.

Экономъ Христіани успѣлъ отыскать двѣ мельницы, для перемолки муки, выданной французами.

Припасы выходили. Тутолминъ вторично возобновилъ свои просьбы, по которымъ позволено ему покупать хлѣбъ внутри своихъ форпостовъ. Но какъ все было забрано французами, то онъ приступилъ съ новыми просьбами къ генералъ-интенданту, который отозвался, что удовлетворить его можетъ интендантъ города Лессепсъ. Лессепсъ съ своей стороны обѣщался доложить о требованіяхъ Тутолмина герцогу тревизскому, маршалу Мортье. Герцогъ, отозвавшись невозможностью исполненія такихъ требованій, наконецъ позволилъ Тутолмину послать своихъ чиновниковъ по деревнямъ, для отысканія хлѣба, снабдивъ ихъ письменнымъ видомъ. При этомъ Лессепсъ совѣтовалъ Тутолмину взять отъ французскаго начальства *ассигнацій*, для своихъ расходовъ. Тутолминъ полагалъ, что эти ассигнаціи были фальшивыя. Точно такія же сторублевыя ассигнаціи и въ большомъ количествѣ приносилъ Тутолмину, стоявшій въ Воспитательномъ Домѣ, французскій жандармскій полковникъ, съ просьбою размѣнять ихъ на двадцатипяти-рублевыя. Тутолминъ, отзываясь неимѣніемъ ихъ, размѣнялъ однакоже одну. Впослѣдствіи эта бумажка передана была генералъ-адъютанту Павлу Васильевичу Кутузову, для отправленія къ Государю Императору. 2-го октября отправилъ Тутолминъ окружнаго надзирателя Данилевскаго съ тремя чиновниками, переводчикомъ, двумя унтеръ-офицерами и тремя работниками, для отысканія по деревнямъ хлѣба. Вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлось въ виду дать извѣстіе нашимъ войскамъ о дѣлахъ московскихъ и о томъ, что французы значительнымъ числомъ стали выходить и отпускать обозы. Выѣхавъ на Петербургскую дорогу, въ 12 верстахъ отъ Москвы, они встрѣтились съ казачьимъ отрядомъ, подъ командою генералъ-маіора Иловайскаго, который въ то время имѣлъ съ непріятелемъ перестрѣлку. Подъ однимъ казакомъ была убита лошадь. Казаки, взамѣнъ убитой, взяли лошадь у одного изъ чиновниковъ, сопровождавшихъ обозъ.

Не смотря на видимое оставленіе французами

Москвы, затруднительность въ добываніи съѣстныхъ припасовъ, принудила Тутолмина убавить число рабочихъ, прачекъ и пянекъ; а кормилицъ, которыя пожелаютъ съ дѣтьми идти въ свои деревни, отпускать съ награжденіемъ по 10 р. Кормилицъ, желающихъ отправиться въ деревни, было 35. Между же тѣмъ и сами рабочіе люди въ Домѣ хотѣли оставить свои должности. Чтобы удержать ихъ, хоть на это смутное время, и вмѣстѣ наградить за понесенные уже труды, Тутолминъ выдалъ имъ двойное жалованье за сентябрь мѣсяцъ.

Съ 3-го октября началось очищеніе Москвы отъ французовъ: вывели изъ Воспитательнаго Дома легко раненыхъ и выздоравливающихъ и отправили по Можайскому тракту. На мѣсто ихъ въ Домъ переведены раненые французы изъ другихъ московскихъ лазаретовъ. 7-го октября, въ 5 часовъ утра, отправился Наполеонъ съ большей частью своей арміи по Калужской дорогѣ; тяжелые обозы шли Смоленскимъ трактомъ. Въ Москвѣ осталось французовъ только 3.000, подъ начальствомъ маршала Мортье.

Наполеонъ передъ отъѣздомъ далъ приказаніе маршалу, 10-го или 11-го числа въ два часа утра, зажечь кремлевскій дворецъ, казармы и всѣ общественныя зданія, кромѣ Воспитательнаго Дома, и взорвать кремлевскія стѣны (*).

Передъ выступленіемъ жандармовъ изъ Воспитательнаго Дома, Тутолминъ 7-го октября письменно обратился къ герцогу тревизскому маршалу Мортье о назначеніи новаго караула (**). Какъ видно изъ втораго письма Тутолмина отъ 8 октября къ интенданту Лессепсу, Мортье *только* обѣщалъ прислать 10 человѣкъ съ офицеромъ. Тутолминъ просилъ Лессепса о ходатайствѣ передъ маршаломъ о караулѣ, а если нельзя прислать его, то по крайней мѣрѣ дозволилъ бы находившемуся при больницахъ французскому караулу смотрѣть и за Воспитательнымъ Домомъ. При этомъ онъ упоминаетъ о только-что случившемся дурномъ поступкѣ нѣкоторыхъ неблагомыслящихъ людей съ однимъ изъ его подчиненныхъ.

Этотъ поступокъ состоялъ вотъ въ чемъ: исправляющій должность полиціймейстера въ Воспитательномъ Домѣ Звѣревъ вступился за служащихъ въ Домѣ, которыхъ на набережной грабили мародеры. Въ него кидали камнями и хотѣли бросить въ рѣку.

9 октября Лессепсъ прислалъ къ Тутолмину съ письмомъ своего адъютанта, для устройства караула. Онъ просилъ принять раненыхъ и больныхъ, также и оставшихся всѣхъ французовъ въ Москвѣ, на свое попеченіе. По тогдашнимъ обстоятельствамъ просьба была уважена.

10 октября французскій караулъ въ Домѣ снятъ. Въ ночь послѣдовалъ взрывъ въ Кремлѣ.

Сохранилось въ черновыхъ бумагахъ донесеніе, въ которомъ о взрывѣ Кремля говорится такъ: „Въ 11 часовъ ночи загорѣлся кремлевскій дворецъ, а во второмъ часу вдругъ раздался ужасный и съ величайшимъ трескомъ ударъ, взорвавшій Арсеналъ, послѣ чего въ продолженіи двухъ часовъ еще четыре было таковыхъ жесточайшихъ удара, разрушившіе пристройку къ Ивановской колокольнѣ, нѣкоторыя башни (коихъ каменья перелетѣли на другую сторону рѣки) и часть Кремлевской стѣны. Во всю ночь шелъ сильный дождь и промысломъ Божьимъ не совершилось злодѣйство врага въ полномъ его намѣреніи; всѣ другія зданія въ Кремлѣ не повреждены оными. Въ Воспитательномъ Домѣ отъ сихъ ударовъ, кои слышны были за 70 верстъ, было величайшее потрясеніе; нѣкоторыя окны и двери совсѣмъ выбились, штукатурка со стѣнъ мѣстами обвалилась и перегородки въ покояхъ отъ сильнаго сотрясенія отъ стѣнъ

(*) Исторія Отечественной войны 1812 г. соч. Богдановича, Т. III стр. 8.

(**) Вотъ самое письмо:

«Monseigneur,

L' Hospice des enfans trouvès a la tête duquel je me trouve par les ordres de S. M. Impériale, l'Imperatrice douairière a joui jusqu'ici de la plus parfaite sûreté, bonheur qu'il doit à la magnanime protection de S. M. Impériale, l' Empereur et Roi, qui a bien voulu lui accorder une Sauve-garde de Gensd'armes de l'éxactitude de laquelle cet hospice n'a qu'à se louer. Cette sauve-garde va nous quitter aujourd'hui et quoiqu'il y ait une garde auprès de l'hôpital de l'armeé françoise, placé dans l'interieur du carrè de l'hospice, celle-ci ne regarde que l'hôpital seul. Me fondant sur la magnanime protection de S. M. Impériale l'Empereur et Roi j'ose supplier V. Altesse de vouloir bien continuer Vos grâces à cet institut en lui accordant une sauve-garde chargée de le mettre à l'abri du désordre, qui pourroit résulter de la retraite de la sauve-garde, à laquelle nous devons jusqu'ici le repos de l'hospice.

отстали; но благодареніе Всевышнему, что всѣ дѣти и служащіе остались невредимы. Оставленные французскимъ правительствомъ раненые, пріобыкшіе къ безначалію въ сію ночь 10-го октября надѣлали въ Домѣ величайшую тревогу; однако я принявъ надлежащія мѣры усмирилъ ихъ. Какъ же при нѣкоторыхъ изъ нихъ оставались орудіи, то я приказалъ оные отъ нихъ отобрать."

11-го октября вступили въ Москву казаки, подъ начальствомъ генералъ-маіора Иловайскаго. Тутолминъ послалъ ему письмо съ просьбой о караулѣ. Между тѣмъ казаки ворвались въ Окружное строеніе съ толпами крестьянъ, которыхъ успѣли заманить въ Москву французы, обѣщаясь дать имъ соли; на самомъ же дѣлѣ они только отняли у нихъ лошадей. Казаки съ крестьянами, обобравъ у раненыхъ французовъ оружіе и вещи, также ограбили служащихъ, жившихъ въ Окружномъ строеніи, и похитили многія вещи изъ Отдѣленной больницы. Черезъ 4 дня Тутолминъ свидѣлся съ Иловайскимъ и, при полковникѣ Бенкендорфѣ и генералъ-маіорѣ Чернышевѣ, разсказывалъ ему о поступкѣ казаковъ. Иловайскій извинялся за свою команду и обѣщалъ наказать виновныхъ.

11-го же октября вечеромъ вошелъ въ Москву съ гусарскимъ полкомъ полковникъ Бенкендорфъ. Онъ, принявши должность коменданта, снабдилъ Воспитательный Домъ карауломъ и во всемъ оказывалъ ему пособіе(*). 22-го октября гусарскій караулъ снятъ въ Домѣ, потому что Бенкендорфъ съ своими гусарами выступилъ въ походъ. Вслѣдъ за тѣмъ пріѣхалъ оберъ-полиціймейстеръ Ивашкинъ. Воспитательный Домъ снабженъ имъ полицейскимъ карауломъ.

Съ 11 октября, вмѣстѣ съ отступленіемъ непріятеля изъ Москвы, французскіе раненые, въ числѣ 1.500 рядовыхъ и 16 офицеровъ, остались на попеченіи Дома. Непріятность такого сосѣдства и недостатокъ средствъ понудили Тутолмина просить оберъ-полиціймейстера о выводѣ французовъ изъ Дома. 25 октября ихъ начали выводить изъ Квадрата и Окружнаго строенія въ другія больницы. Оставалось только 10 офицеровъ. Тутолминъ докладывалъ было объ нихъ графу Растопчину, но тотъ велѣлъ оставить ихъ въ Домѣ. Впослѣдствіи Императрица Марія Ѳеодоровна взяла ихъ подъ свое покровительство.

Пребываніе французовъ въ Воспитательномъ Домѣ оставило по себѣ вредныя и продолжительныя послѣдствія. Ихъ стояло во все время пребыванія непріятеля въ Москвѣ 8 тысячъ. Печи и полы въ палатахъ они оставили послѣ себя вездѣ попорченными. Перегородки вездѣ выломаны, мебель казенная и служащихъ пошла большею частію на топливо, даже въ Окружномъ строеніи цѣлый заборъ сожженъ. Печи топили они, не закрывая трубы; печныя вьюшки и тарелки были выкиданы ими. Гдѣ лежали французы, тутъ же и производили естественныя испражненія. Отчего, не говоря уже о вообще нездоровомъ воздухѣ даже въ благоустроенныхъ госпиталяхъ, здѣсь оставался особенно заразительный воздухъ, такъ что не было возможности жить въ этихъ палатахъ безъ предварительнаго и долгаго очищенія. Всякаго рода нечистоты протекали сквозь полы, распространялись по корридорамъ и сообщали повсемѣстную заразу. Тутолминъ предположилъ, кромѣ окуриванія, въ тѣхъ отдѣленіяхъ всю зиму оставить окна и двери открытыми.

Но это все еще ничего, въ сравненіи съ заразою, которая могла произойти отъ большой смертности французскихъ больныхъ и близости погребенія умершихъ. Въ Квадратѣ умирало ежедневно отъ 20 до 50 человѣкъ. Ихъ хоронили на пустырѣ у Китайской стѣны, въ числѣ 1.500 человѣкъ, и хотя сыпали известь на могилы, но, за недостаткомъ ея, въ чрезвычайно маломъ количествѣ,—такъ что съ наступленіемъ весны можно было опасаться заразы. Тоже самое происходило и въ Окружномъ строеніи. Тамъ умирало отъ 15 до 30 чело-

(*) Бенкедорфъ отправился въ Воспитательный Домъ, гдѣ томились безъ пищи женщины, сироты и множество раненыхъ какъ нашихъ, такъ и непріятельскихъ, оставленныхъ, при выступленіи Мортье, на попеченіи Тутолмина, неимѣвшаго никакихъ средствъ помочь имъ. (Исторія отечественной войны, Соч. Богдановича. Т. III стр. 24).

вѣкъ въ день. 1000 тѣлъ и здѣсь также похоронили по близости строенія.

Аптека съ медикаментами, какъ уже замѣчено, сгорѣла до основанія. Пропало множество казенныхъ вещей. Деревянныя пристройки къ лабазамъ сломаны непріятелемъ, для устройства предполагаемыхъ печей; нѣкоторыя зданія деревянныя и заборы также разобраны. Отъ пожара сгорѣли деревянныя ворота съ улицы Солянки на проспектъ и мостъ на проспектѣ черезъ канаву; надолбы и березки поломаны. Отъ взрыва Кремля перебито множество стеколъ, и мѣстами на стѣнахъ обвалилась штукатурка; въ Корделожи съ угла прибавились трещины.

Кромѣ того сгорѣли, принадлежавшія Воспитательному Дому, Москворѣцкія, Устьинскія и Островскія бани, приносившія за содержаніе ихъ доходъ. Отъ того Домъ не могъ получить съ содержателей за нихъ оброка. Также не взысканъ оброкъ съ содержателей Устьинскаго питейнаго дома, пустопорожней земли и лабазовъ.

Въ бумагахъ того времени высчитаны и другіе маловажные убытки:—по занятіи Квадрата французами, библіотека оставалась на ихъ половинѣ. Ее нельзя было перенести скоро; къ тому же генералъ-интендантъ гр. Дюмасъ увѣрялъ въ ея сохранности. Впослѣдствіи оказалось, что печати сняты, замокъ сбитъ, нѣсколько книгъ, геометрическихъ инструментовъ и глобусовъ попорчено и расхищено. Архивъ и дѣла Совѣта и Экспедиціи также оставались въ Корделожи, гдѣ стояли жандармы, въ особой запертой комнатѣ. По удаленіи ихъ, двери нашли отбитыми, книги и бумаги разбросанными, такъ что не было возможности указать, которыя изъ нихъ утратились, потому что дѣламъ не было составлено описи. Кромѣ того многія вещи переломаны и истреблены; въ томъ числѣ ящикъ за стекломъ разбитъ и находившіяся въ немъ медали расхищены.

Скотный Дворъ, принадлежащій Дому, не тронутъ пожаромъ; но строенія попорчены, заборы сожжены, роща мѣстами вырублена и всѣ огородныя овощи истреблены.

Отъ всѣхъ этихъ убытковъ Тутолминъ не могъ спасти Воспитательный Домъ. На за то онъ много успѣлъ въ болѣе важномъ: жизнь дѣтей была сохранена, честь и невинность взрослыхъ воспитанницъ и стороннихъ дѣвицъ и молодыхъ женщинъ ограждена отъ насилій непріятеля; всѣ живущія нашли въ немъ и кормильца, и защитника. Не смотря на всѣ невзгоды, постигнувшія Домъ, даже обычное классное ученье и рукодѣлія воспитанниковъ не прекращались. Всѣ иностранцы, посѣщавшіе Воспитательный Домъ дивились порядку и благоустройству, сохранившемуся въ немъ, — и ставили его выше образцоваго тогда вѣнскаго воспитательнаго дома.

Изъ подробнаго счета, представленнаго Тутолминымъ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, при донесеніи, отъ 11 ноября 1812 г., видно, что содержаніе Дома, во все время пребыванія непріятеля въ Москвѣ, обошлось 14.560 р. 57½ к. 2 тысячи употреблено на экстраординарные расходы, преимущественно на подарки французскимъ чиновникамъ, что Дому принесло, по словамъ Тутолмина, также не малую пользу.

Императрица утвердила всѣ расходы главнаго надзирателя. Такъ какъ рабочимъ выдано двойное жалованье, то она повелѣла выдать и кормилицамъ. (Кормилицамъ выдано 333 р. 82½ к.). Что касается расходованія 2.000 руб. на подарки, то Государыня изъявила даже удивленіе, чтобы могла удовлетворить французовъ такая ничтожная сумма.

Когда у Тутолмина издержаны были всѣ деньги, выданныя ему на расходъ Опекунскимъ Совѣтомъ, то Ея Величество предписала ихъ требовать обыкновеннымъ порядкомъ изъ Совѣта, но какъ это оказалось неудобнымъ, то на удовлетвореніе крайнихъ необходимостей занято было 10 т. у графа Растопчина, которыя и возвращены изъ присланныхъ по Высочайшему повелѣнію изъ С.Петербургскаго Опекунскаго Совѣта 50.000 рублей.

По очищеніи Москвы непріятелемъ и установленіи сношеній, чрезвычайная власть Тутолмина прекращена. Ему Высочайше предписано было ничего чрезвычайнаго, выходящаго изъ круга обыкновенныхъ дѣлъ, не дѣлать безъ доклада Ея Величеству,—потому что сношеніе съ Опекунскимъ Совѣтомъ въ Казани предста-

вляло болѣе затрудненій, чѣмъ прямыя сношенія съ Императрицей. Тѣмъ не менѣе Тутолминъ представилъ Опекунскому Совѣту, отъ 18 октября 1812-го года, о состояніи Воспитательнаго Дома и ввѣренныхъ ему заведеній, во время занятія Москвы непріятелемъ.

Почти ежедневная переписка Маріи Ѳеодоровны, сначала съ Тутолминымъ, потомъ съ княземъ Сергіемъ Михайловичемъ Голицынымъ и другими почетными опекунами, и безчисленные рескрипты Ея останутся вѣчными памятниками Ея неутомимой дѣятельности и любви къ заведеніямъ.

Какъ Воспитательный Домъ, такъ и прочія заведенія Императрицы Маріи остались послѣ непріятеля въ самомъ раззоренномъ видѣ.

Попеченіе о возобновленіи и о составленіи смѣтъ Высочайше поручено было почетному опекуну Нечаеву. Немедленно осмотрѣлъ онъ всѣ зданія и приступилъ къ составленію смѣтъ всѣмъ починкамъ и поправкамъ.

Изъ нихъ Александровскій Институтъ занятъ былъ русскими ранеными, въ числѣ 337 человѣкъ; Екатерининскій Институтъ, Вдовій Лефортовскій Домъ и Инвалидный Шереметевой никѣмъ незаняты. Дѣйствительно многія вещи въ нихъ расхищены непріятелемъ; но замѣчательно то, что, судя по описямъ, немногія изъ нихъ поломаны съ умысломъ. Въ Кудринскомъ же Вдовьемъ Домѣ было великое несчастіе. Вотъ подлинный рапортъ смотрителя его Мирицкаго къ Тутолмину. Курсивомъ напечатаны вставки, сдѣланныя въ черновомъ донесеніи.

„По приказанію Вашего Превосходительства на слѣдующіе пункты по Вдовьему Кудринскому Дому 1-е какія были приняты мѣры и употреблены способы къ сохраненію того дома отъ пожара? 2-е были-ли въ ономъ пожарные инструменты? 3-е кто имѣлъ о распоряженіяхъ въ семъ печальномъ случаѣ—попеченіе? 4-е сколько спаслось нещастныхъ бывшихъ въ домѣ? и словомъ обо всѣхъ обстоятельствахъ сего жалостнаго приключенія поколику извѣстно,—имѣю честь *Вашему Превосходительству* объяснить на 1-й, что отъ сожженія онаго дома съ имѣющимся въ немъ имуществомъ никакихъ принять мѣръ къ сохраненію было невозможно потому, что всѣ сосѣдскіе домы, постоялые дворы и насопротивъ кудринскія лавки *со всѣхъ сторонъ* сентября 3-го числа непріятелемъ были зажжены а вмѣстѣ и оный Вдовій Домъ. На 2-й пожарныхъ инструментовъ въ томъ домѣ никакихъ послѣ переведенія Александровскаго Училища не оставалось. На 3-й попеченіе въ нещастномъ случаѣ имѣлъ я и при мнѣ были писарь и одинъ инвалидной солдатъ, а прочіе вольнонанятые караульщики по вступленіи непріятеля отъ страху разошлись: при раненыхъ же и больныхъ никакихъ чиновниковъ и служителей не оставалось и никакихъ невозможно было приложить способовъ къ сбереженію дома по великому числу зажигателей, которые не только вмѣстѣ *съ зажигательствомъ* грабили, *но и смерть наносили противящимся, сверхъ коихъ непрестанныя толпы грабителей и кровожаждущихъ непріятелей шатались по всемъ мѣстамъ*; причемъ и я съ семействомъ лишился всего моего имущества, *подвергался опасности жизни* и въ правую ногу въ двухъ мѣстахъ тесакомъ проколанъ, равномѣрно горестную участь имѣлъ и писарь Матвѣй Антоновъ съ инвалиднымъ солдатомъ Макаровымъ. На 4-й—*такъ какъ никакихъ приставниковъ не было при раненыхъ и больныхъ, то и неизвѣстно какое число оныхъ оставалось во Вдовьемъ Домѣ, а примѣрно можно положить въ 1.500 человѣкъ, изъ коихъ 800 имѣвшіе малыя силы* спаслись отъ гибели при пожарѣ кои во время пожара вышли на дворъ и въ садъ и въ продоженіи нѣсколькихъ дней разошлись въ разныя стороны поелику они оставались безъ всякаго пропитанія, *а остальныя до 700 человѣкъ сдѣлались жертвою пламени, будучи не въ силахъ спастися*. Все сіе объяснивъ во оныхъ пунктахъ честь имѣю Вашему Превосходительству рапортовать.“

Рапортъ этотъ подписанъ 27 ноября. Тутолминъ въ подлинникѣ переслалъ его Императрицѣ.

Исключая сгорѣвшаго Вдовьяго Дома, поправки въ другихъ заведеніяхъ, сверхъ ожиданія, оказались не такъ значительными. Почетному опекуну Нечаеву поставлено на видъ пользоваться временемъ для заготовленія матеріаловъ, пока не начались въ Москвѣ большія постройки. Покупка матеріаловъ произведена была хозяй-

ственнымъ образомъ вмѣстѣ съ архитекторомъ, безъ торговъ и публикацій, иногда даже съ выдачею задатковъ. При недостаткѣ рабочихъ людей повелѣно обращаться съ просьбою къ городскому начальству. Но не смотря на значительные расходы, предстоявшіе Воспитательному Дому, Ея Величество не дозволила дѣлать что-либо хуже прежняго, даже не утвердила представленія Нечаева, чтобы для вдовъ Вдовьяго Дома сдѣлать деревянныя ложки, вмѣсто оловянныхъ. Смѣты были составлены къ началу 1813-го года Нечаевымъ вмѣстѣ съ архитекторомъ Жилярди и представлены на утвержденіе Ея Величества. Въ запискѣ Ея, поданной Государю Императору и утвержденной Имъ, между прочимъ, объяснено:

1) На поправки Воспитательнаго Дома— 25.321 р. 90 к., что Домъ можетъ сдѣлать своими средствами.

2) Выстройка аптеки стоитъ 50 т. руб., что съ возстановленіемъ Вдовьяго Кудринскаго Дома, Воспитательный Домъ произвесть не въ состояніи; ибо Вдовій Домъ, отданный главнокомандующему для помѣщенія раненыхъ, стоилъ Дому 335.000 руб., такъ какъ полученъ въ замѣнъ зданія, отданнаго Александровскому Училищу и стоившаго такую же сумму. Исправленіе его обойдется въ 94.313 р. 25 коп.

3) Сумма на исправленіе зданій Училищъ простирается до 24.956 руб. 7 коп., а заготовленіе расхищенныхъ вещей 30 т. руб. Посему Ея Величество испрашиваетъ 200 т. руб., съ тѣмъ, чтобы ихъ отдать заимообразно Государственному Казначейству, которое имѣетъ ихъ выплатить въ 8 лѣтъ. Высочайшій указъ объ этомъ отпускѣ данъ 21 ноября 1813 г., во Франкфуртѣ на Майнѣ.

О происшествіяхъ въ Больницѣ для бѣдныхъ сохранился рапортъ главнаго лекаря Оппеля Государынѣ Императрицѣ. Этотъ документъ напечатанъ въ „Чтеніяхъ общества исторіи и древностей Россійскихъ. 1860 г.“, вмѣстѣ съ донесеніемъ Тутолмина, отъ 12 ноября.

Отъ зараженія покоевъ французами, число больныхъ и умирающихъ въ Домѣ увеличилось. Погребеніе мертвыхъ близь зданій готовило сильную заразу къ веснѣ. Къ этому присоединилось еще зараженіе воды. Пробовали вырывать новые колодцы; но безъ успѣха. Императрица приказала процѣживать воду черезъ уголья. По морозамъ, при содѣйствіи графа Растопчина, мертвыя тѣла были вывезены изъ Воспитательнаго Дома. Для уничтоженія же смрадныхъ испареній, оставшихся отъ лежавшихъ труповъ, земля была посыпана негашеною известью, по способу Крейтона. Покои всѣми мѣрами были вывѣтриваемы; окна и двери въ покояхъ, занимавшихся непріятелемъ, оставлены на всю зиму отворенными.

Въ бытность французовъ, лекарства безвозмездно поставлялъ въ Домъ аптекарь Покровской аптеки Шильдкнехтъ. Онъ получилъ Высочайшую благодарность; но предложеніе его и на будущее время ставить лекарства безвозмездно, не принято; а заключено съ нимъ условіе, чтобы до возстановленія домовой аптеки, онъ ставилъ лекарства съ уступкою цѣны. Ея Величество, предполагая возстановленіе аптеки, истребовала отъ Тутолмина реэстръ самыхъ нужныхъ лекарствъ, которыя и прислала, съ тѣмъ, чтобы часть ихъ была отдѣлена для Больницы бѣдныхъ. Также присланы Ею бочка лучшаго портвейна и 100 бутылокъ мадеры, но также съ отдѣленіемъ части для Больницы бѣдныхъ.

По желанію Императрицы, фамиліи, данныя младенцамъ, принесеннымъ отъ французовъ,— *Наполеоновы, Миліевы, Тревизскіе*,—уничтожены въ книгахъ.

За недостаткомъ помѣщенія и скудостью продовольствія, пребываніе постороннихъ лицъ было стѣснительно для Дома. Императрицею сдѣланы были такія распоряженія:—дѣтей отъ погорѣвшихъ матерей велѣно принимать и на будущее время, матерей съ грудными дѣтьми также принимать, но только на положеніи кормилицъ. Изъ Дома выведены тѣ, которые сами могли себя содержать, другимъ Императрица прислала на обзаведеніе 500 р. Третьимъ найдены были мѣста, въ томъ числѣ вдовамъ Вдовьяго Дома и бывшимъ воспитанницамъ Воспитательнаго Дома. Наконецъ тѣ, которые совершенно не

могли имѣть пристанища, еще долго пользовались благодѣяніями Дома.

Много заботилась Государыня и о французскихъ раненыхъ. Ихъ оставалось въ Домѣ: 9 человѣкъ офицеровъ, полковой лекарь и при нихъ 10 приставниковъ. Когда гр. Растопчинъ, по донесенію Тутолмина, не перевелъ ихъ изъ Дома, Императрица взяла ихъ подъ Свое покровительство. Она присылала имъ медикаменты, нѣсколько разъ по 500 р. и приказала Тутолмину доносить Ей о ходѣ леченія каждаго больнаго. Только предъ прибытіемъ Опекунскаго Совѣта изъ Казани, Государыня разрѣшила, за тѣснотою помѣщенія, перенести ихъ со всею осторожностью въ Павловскую больницу. Плѣнный лекарь Бонуръ изъявилъ желаніе служить по вѣдомству Императрицы Маріи; но такъ какъ онъ былъ военный, ему предложено поступить по военному вѣдомству, которое терпѣло большой недостатокъ въ лекаряхъ.

Императрица оказала такое же неизмѣнное милосердіе къ тѣмъ служащимъ Дома, которые оставили свой постъ единственно изъ страха и робости. Объ отлучкѣ двухъ священниковъ и дьякона Она первоначально приказала Тутолмину довести до свѣдѣнія викарія. Но когда старшій священникъ и дьяконъ явились въ Домъ, Она отмѣнила свое предписаніе, и только, въ видѣ наказанія, велѣла лишить ихъ жалованья за то время, когда не было ихъ въ Домѣ; мало того—приказала Тутолмину лично свидѣться съ викаріемъ и оправдать ихъ передъ нимъ. Объ отлучкѣ окружныхъ Сушкова и Черепанова, княземъ Сергіемъ Михайловичемъ Голицынымъ было публиковано въ вѣдомостяхъ, чтобы они явились къ должности въ мѣсячный срокъ. Они воротились—и были оставлены.

По отступленіи французовъ, многіе воспитатели, раззоренные ими, приводили обратно питомцевъ въ Домъ—Тутолминъ принималъ ихъ. Императрица вполнѣ одобрила это распоряженіе и на будущее время приказала принимать такихъ питомцевъ и еслибы даже не хватило для такихъ питомцевъ помѣщенія въ Домѣ, то Она отдавала для нихъ зданія институтовъ. Однако до этого не дошло. Чтобы привести въ извѣстность число питомцевъ и опредѣлить мѣсто пребыванія ихъ, приступлено къ усиленнымъ объѣздамъ по деревнямъ. Окружнымъ надзирателямъ прибавлено жалованье за ноябрь мѣсяцъ; за отсутствіемъ нѣкоторыхъ, пополненъ комплектъ ихъ посторонними лицами. Для нихъ на казенный счетъ нанимали и даже покупали лошадей. Окружнымъ надзирателямъ приказано было уговаривать тѣхъ воспитателей, у которыхъ было хоть какое-либо пристанище, оставлять у себя питомцевъ, хотя съ надбавкою платы. Опредѣлена была мѣра награжденія раззореннымъ крестьянамъ, по сохранившимъ у себя питомцевъ.

Передъ занятіемъ Москвы французами, многіе городскіе воспитатели оставили Москву вмѣстѣ съ своими питомцами; по крайней мѣрѣ извѣстно, что послѣ очищенія Москвы, очень немногіе явились за полученіемъ платы. Приступлено было къ розыскамъ ихъ. Оказалось, что изъ 291 воспитанника къ 1 декабрю найдено 124; нашлись и другіе, но многихъ не отыскано. Изъ 66 питомцевъ, призрѣнныхъ въ Городской богадѣльнѣ, на счетъ Дома, всѣ оказались на лицо, кромѣ двухъ. Ихъ Высочайше запрещено принимать опять въ богадѣльню, такъ какъ они своимъ отсутствіемъ доказали, что могутъ сами себѣ снискивать пропитаніе.

Неутомимая дѣятельность, безпрерывныя опасенія и безпокойство не могли не имѣть вліянія на здоровье Тутолмина. Онъ занемогъ нервной горячкой. Едва почувствовавъ облегченіе и сознавая необходимость личнаго своего надзора и распоряженія въ дѣлахъ Дома, онъ съ прежнею ревностью принялся за труды. Но противодѣйствіе природѣ было для него губительно. Прежняя его болѣзнь возвратилась, и съ тѣхъ поръ до самой смерти здоровье его болѣе не поправлялось. Тутолминъ сдалъ свою должность помощнику своему Янишу, а главное управленіе Дома князю Сергію Михайловичу Голицыну. Онъ просилъ Императрицу отпустить его на излеченіе къ кавказскимъ минеральнымъ водамъ. Императрица отпустила его на 8 мѣсяцевъ съ сохраненіемъ жало-

ванья. Вотъ что пишетъ, между прочимъ, Государыня въ рескриптѣ на его имя, отъ 26 ноября 1812 года:—„Я съ чувствительнѣйшимъ сожалѣніемъ узнала о болѣзни Вашей и не только позволяю Вамъ, но прошу Васъ и даже предписываю Вамъ имѣть возможное о здоровьѣ Вашемъ попеченіе и пользоваться потребнымъ спокойствіемъ для скорѣйшаго возстановленія онаго. Сохраненіе Ваше Мнѣ драгоцѣнно и для ввѣреннаго Вамъ заведенія нужно, и Я совершенно предоставляю Вамъ свободу по возвращеніи помощника Вашего, передать ему исправленіе Вашей должности, поколику Вами разсудится. Увольненіе же Ваше вовсе отъ службы есть такое слово, о которомъ Я и помыслить не хочу; тотъ который, какъ нѣжный отецъ пекся о питомцахъ не долженъ покидать ихъ, и не щадившій въ самыя смертныя обстоятельства ни силъ ни здоровья для службы, не долженъ ее оставить. Будьте увѣрены, что Я умѣю цѣнить такія достоинства въ полной мѣрѣ и съ отличающимися оными никакъ не разлучаюсь. Но облегчить Ваши заботы, дать Вамъ отдыхъ для исправленія Вашего здоровья поставляю Я себѣ обязанностію.“

Въ рескриптѣ декабря 2-го: — „Безпокоясь о состояніи Вашего здоровья, Я съ удовольствіемъ увидѣла подъ донесеніемъ Вашимъ и вѣдомостями Вашу подпись, удостовѣряющую Меня, что болѣзнь Ваша не усилилась и подающую Мнѣ надежду вскорѣ получить еще утѣшительнѣе вѣсти, чего усердно желаю.“

Рескриптомъ на имя князя Голицына, отъ декабря 27-го, Ея Величество, получивъ извѣстіе о возобновившейся болѣзни Тутолмина, предписываетъ князю извѣщать Ее о состояніи его здоровья и попросить Тутолмина именемъ Ея Величества, чтобы, при воспослѣдующемъ облегченіи, онъ берегъ себя.

Еще 21 ноября прибылъ изъ Казани въ Москву князь Сергій Михайловичъ Голицынъ. Онъ пріѣхалъ главнымъ образомъ для приведенія въ порядокъ своей Голицынской больницы. Узнавъ же о болѣзни Тутолмина, онъ принялъ на себя, съ Высочайшаго соизволенія, управленіе Воспитательнымъ Домомъ. Должность его въ Казани возложена на почетнаго опекуна Алексѣя Ильича Муханова. 20 декабря княземъ Сергіемъ Михайловичемъ, во исполненіе Высочайшей воли, открыто Отдѣленіе Московской Сохранной Казны и принято управленіе имъ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ принялъ на себя управленіе и Временнымъ Отдѣленіемъ Ссудной Казны, послѣ почетнаго опекуна Нечаева. Это Отдѣленіе открыто по правиламъ С.Петербургской Ссудной Казны, съ тою разницею, что для облегченія раззоренныхъ заимщиковъ, съ нихъ взыскивались проценты по числу просроченныхъ дней, а не за весь мѣсяцъ. При выдачѣ ссудъ, было обращаемо вниманіе на дѣйствительно нуждающихся. Для оборотовъ Отдѣленія деньги присылались изъ С.Петербургскаго Совѣта. Этимъ временемъ ссуды такъ были велики, что кн. Голицыну келейно замѣчено было, чтобы въ мѣсяцъ не выдавать болѣе 100.000 р. Временное Отдѣленіе существовало и по прибытіи въ Москву Ссудной Казны, съ той цѣлью, чтобы узнать мнѣніе публики, какія правила, прежнія или новыя, она предпочитаетъ. Въ томъ же году, декабря 7-го, послѣдовало Высочайшее повелѣніе Императрицы Опекунскимъ Совѣтамъ о разсрочкѣ желающимъ на 8 лѣтъ займовъ подъ тѣ имѣнія, которыя состояли въ губерніяхъ, наиболѣе пострадавшихъ отъ войны, а именно: въ Московской, Смоленской, Калужской, Могилевской, Минской, Витебской, Гродненской, Виленской, Курляндской и Псковской. Означенная льгота, Высочайшимъ повелѣніемъ декабря 20-го, распространена и на заложенные дома, сгорѣвшіе, во время пребыванія непріятеля въ Москвѣ. Наконецъ, 1813-го года мая 15, состоялось Высочайшее повелѣніе Московскому Опекунскому Совѣту о выдачѣ московскимъ жителямъ ссуды подъ сгорѣвшіе въ 12-мъ году дома, противъ обыкновенныхъ ссудъ, на выгоднѣйшихъ условіяхъ.

Князь Сергій Михайловичъ Голицынъ управлялъ Воспитательнымъ Домомъ и по возвращеніи воспитанниковъ изъ Казани, за увольненіемъ почетнаго опекуна Баранова въ отпускъ. Князь, какъ и Тутолминъ, по дѣламъ имѣлъ сношеніе съ Императрицей, помимо Опекунскаго Совѣта. На него преимущественно пала забота о продовольствіи не только Воспитательнаго Дома,

но и всѣхъ заведеній вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. Не смотря на то, что въ раззоренной Москвѣ торговля еще не установилась, князь свое дѣло выполнилъ съ успѣхомъ. Кромѣ управленія Домомъ, князю поручаемо было собирать свѣдѣнія о жителяхъ Москвы, просившихъ пособія Ея Величества, и раздавать такія пособія.

Извѣстно, что на время занятія французами Москвы, пріемъ дѣтей въ Воспитательный Домъ прекращенъ; мы встрѣчаемъ только исключенія въ пользу присланныхъ отъ французскаго правительства и для младенцевъ, оставшихся послѣ сгорѣвшихъ матерей. Зараженіе французскими плѣнными половины Квадрата, а вслѣдствіе того и недостатокъ помѣщенія въ Домѣ, вновь отсрочили пріемъ приносныхъ дѣтей. Между тѣмъ число подкидышей возрастало. Это заставило Императрицу понудить начальство Дома къ скорѣйшему отысканію помѣщенія для дѣтей. Такимъ образомъ приносъ открытъ съ 1-го января 1813-го года.

Перейдемъ къ описанію пребыванія Московскаго Опекунскаго Совѣта и воспитанниковъ Воспитательнаго Дома въ Казани.

Воспитанники прибыли въ Казань 11 октября и заняли два дома, назначенные тамошнимъ губернаторомъ; воспитанники—домъ Приказа Общественнаго Призрѣнія, а воспитанницы—Военно-Сиротское отдѣленіе. На меблировку, на наемъ нисшихъ служителей и на разныя поправки употреблено 800 руб. Исправленіе должности главнаго надзирателя на обѣихъ половинахъ поручено первому надзирателю и инспектору классовъ Шумову; хозяйственная часть на мужской половинѣ—помощнику эконома Сибирякову; а на женской—объѣзжему надзирателю Каменскому. Производствомъ письменныхъ дѣлъ, за неимѣніемъ экспедитора и писарей, оставленныхъ въ Москвѣ, занялся объѣзжій надзиратель Матвѣевъ; въ помощь ему даны два писаря изъ ремесленныхъ воспитанниковъ. Медицинская часть поручена была главному доктору Саблеру, умершему въ Казани 3-го декабря. Помощникомъ его состоялъ лекарь Павловской больницы Охерналь. Поставку лекарствъ для воспитанниковъ Дома и въ оба Института принялъ на себя аптекарь Далке, съ уступкою третьей части цѣны противъ таксы.

2-го ноября можно было начать ученье у воспитанниковъ. Многіе учителя отправились съ ними въ Казань; недоставало только законоучителя. Эту должность взялъ на себя прибывшій въ Казань законоучитель Институтовъ священникъ Богдановъ.

Заготовленіе припасовъ по торгамъ не имѣло успѣха въ Казани. Явился лишь одинъ на торги, и за тѣмъ, по неоднократнымъ вызовамъ, никто не приходилъ. Запасовъ, по времени, сдѣлать также невозможно было,—пришлось покупать припасы по рыночнымъ цѣнамъ. Вмѣсто 3-хъ блюдъ, которыя подавались на столъ воспитанникамъ въ Москвѣ, — щей, картофельнаго соуса и каши,—въ Казани приготовляли только два блюда: щи и кашу, но съ прибавленіемъ говядины. Вмѣсто одного фунта на троихъ, какъ выдавалось въ Москвѣ, давали по полуфунту на каждаго.

Московскаго Опекунскаго Совѣта Сохранная и Ссудная Казны были открыты и въ Казани. Для облегченія сношеній Сохранной Казны съ Экспедиціей о воспитанникахъ обоего пола въ Москвѣ, сдѣланы были нѣкоторыя отступленія отъ обыкновенныхъ правилъ. Такимъ образомъ отпускъ и взносъ нѣкоторыхъ капиталовъ, напримѣръ,—капиталовъ усыновленныхъ воспитанниковъ, наградныхъ, ремесленныхъ и крышеваго (*) капитала,—для избѣжанія двойной пересылки изъ одного мѣста въ другое,—совершались только по счетнымъ книгамъ.

Высочайшимъ рескриптомъ 6 февраля 1813 года, почетному опекуну Лупину предписано было: дѣла и вещи Совѣта съ Ломбардомъ и со всѣми при нихъ чиновниками перевести въ Москву, и дѣйствія обѣихъ Казенъ закрыть впредь до прибытія въ Москву. Воспитанникамъ обоего пола и обоимъ Институтамъ остаться въ Казани подъ надзоромъ почетныхъ опекуновъ Муханова и Баранова. Опекунскій Совѣтъ 17 февраля положилъ: разныя вещи, взятыя Совѣтомъ у постороннихъ лицъ, возвратить; закупить достаточное число дровней для

(*) На окраску крышъ.

пути; лекарю Охерпалю опять сопровождать чиновниковъ Совѣта; а на содержаніе воспитанниковъ и институтокъ оставить почетному опекуну Баранову сумму на 6 мѣсяцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно князю Голицыну приготовить въ Москвѣ помѣщеніе для Совѣта, хотя бы въ квартирахъ чиновниковъ, оставшихся въ Казани. Во вниманіе къ особымъ заслугамъ почетнаго опекуна Лунина, лишившагося своего дома въ Москвѣ, нанята ему попеченіемъ князя Голицына удобная квартира въ домѣ бригадира Сытина за 3000 р. въ годъ съ омеблированіемъ за 2000 р. изъ собственныхъ суммъ Ея Величества. Высочайшій рескриптъ по этому обстоятельству былъ врученъ ему при самомъ въѣздѣ его въ Москву. Опекунскій Совѣтъ, подъ надзоромъ Лунина, благополучно прибылъ 17 марта. Первое присутствіе съ открытіемъ обѣихъ Казенъ было 20 марта.

Институты переведены были въ послѣднихъ числахъ іюля 1813 г., а воспитанники 3-го августа; въ первыхъ же числахъ августа началось у нихъ и ученье.

Дѣятельность и заслуги, можно сказать подвиги, Ивана Акинфіевича Тутолмина были достойно награждены Государемъ Императоромъ. Со смертію Тутолмина Высочайшія милости перешли и на вдову его. Стоитъ того, чтобы мы перечислили ихъ:

1) Орденъ св. Анны 1-й степени.

2) Опекунскій Совѣтъ объявилъ ему благодарность, а подвиги его вписаны въ книгу, въ которую вносятся имена главныхъ надзирателей,—„за тѣмъ, чтобы память о немъ не умирала въ позднѣйшей исторіи Дома.“

3) Онъ уволенъ къ кавказскимъ цѣлительнымъ водамъ на 8 мѣсяцевъ, съ оставленіемъ полнаго жалованья,—по Высочайшему повелѣнію Опекунскому Совѣту, отъ 20 февраля 1813 года.

4) И по возвращеніи съ кавказскихъ водъ здоровье Тутолмина не поправилось, почему онъ и не могъ исправлять свою должность. Не смотря на то, Высочайше повелѣно было производить не только получаемое имъ жалованье, но и пенсіонъ съ 1813 г., по 1500 р. въ годъ, съ оставленіемъ этого пенсіона, въ случаѣ смерти, вдовѣ его. Въ Высочайшемъ повелѣніи, по этому предмету, данномъ Опекунскому Совѣту 1814 года августа 22, сказано; „засвидѣтельствовавъ въ свое время передъ Императоромъ, любезнѣйшимъ Моимъ сыномъ, объ отличныхъ заслугахъ главнымъ надзирателемъ Тутолминымъ при бывшихъ несчастныхъ обстоятельствахъ оказанныхъ за что и удостоился знака особливой Монаршей Его Величества милости, Я ожидала только представленія отчетовъ за 1812 и 1813 годы, чтобы присовокупить къ тому и со стороны Воспитательнаго Дома изъявленіе признательности, которой достоинъ чиновникъ посреди ужасовъ и бѣдствій непріятельскаго нашествія сохранившій ввѣренный ему Домъ и питомцевъ отъ раззоренія и погибели и усердіемъ своимъ и дѣятельностію своею во время несчастія, которому никогда примѣра не было, и съ помощію Божіею болѣе не будетъ, доведенный до жалостнаго состоянія здоровья. Такое изъявленіе благодарности Дома должно быть столь же необыкновенное, сколько обстоятельства были чрезвычайны и Я увѣрена, что Опекунскій Совѣтъ съ удовольствіемъ пріемлетъ Мое о семъ предписаніе, которое основано на безпримѣрной причинѣ и для другихъ примѣромъ служить не можетъ.“

5) Высочайшимъ повелѣніемъ Опекунскому Совѣту, 1815 г. октября 2, предписано: по смерти достойнаго главнаго надзирателя Тутолмина, сдѣлавшагося жертвою усердія своего, при спасеніи Московскаго Воспитательнаго Дома и ввѣренныхъ ему питомцевъ, въ изъявленіе послѣдняго доказательства признательности своей и уваженія къ заслугамъ покойнаго, Воспитательному Дому принять похороны его на свой счетъ; а вдовѣ его, производя пенсію, выдать единовременно полный годовой окладъ покойнаго мужа, т. е. жалованье и пенсію.

6) Высочайше утвержденнымъ 1815 г. октября 24 докладомъ, Московскій Опекунскій Совѣтъ, выдавъ вдовѣ Тутолмина годовой окладъ покойнаго 1800 руб. и пенсію 1.500 руб., всего 3.300 руб., принося всеподданнѣйшую благодарность за Всемилостивѣйшее вниманіе къ заслугамъ покойнаго, испрашивалъ Высочайшаго соизволенія, въ незабвенную память за-

слугъ покойнаго, который при нашествіи непріятеля, для спасенія Дома и ввѣренныхъ ему питомцевъ, не щадилъ ни здоровья, ни жизни, и впослѣдствіи сдѣлался жертвою такого рвенія своего, поставить его портретъ обще съ тѣми портретами, которые въ Домѣ съ уваженіемъ сохраняются и, на основаніи учрежденія Дома, поминать его въ здѣшней церкви, какъ благодѣтеля Дома.

7) 1817-го года октября 23 Вилламовъ увѣдомилъ почетнаго опекуна Львова, что Государыня Императрица, усмотрѣвъ съ прискорбіемъ изъ меморіи Московскаго Опекунскаго Совѣта, что имѣніе покойнаго главнаго надзирателя Тутолмина назначено въ продажу, изъявить изволила Всемилостивѣйшее сожалѣніе о томъ, что положеніе его займа не ранѣе дошло до Высочайшаго свѣдѣнія и хотя неизвѣстны Ея Величеству наслѣдники его, упущеніемъ коихъ имѣніе доведено до продажи, однако Ея Императорское Величество не соизволяетъ, чтобы до сей крайности дошло заложенное Воспитательному Дому имѣніе того достойнаго чиновника, которому сей Домъ толико обязанъ и который сдѣлался жертвою своего усердія. Вслѣдствіе чего Ея Величествомъ Всемилостивѣйше пожалована сумма, потребная на заплату всего долга съ процентами и просрочкою, всего 2059 руб. 90 коп.

8) Высочайшимъ повелѣніемъ Московскому Совѣту, 1823 года іюля 17-го, предписано: во уваженіе заслугъ Тутолмина и недостаточнаго состоянія его вдовы, выдавать ей по 1500 руб. на наемъ квартиры,— и наконецъ

9) Московскій Опекунскій Совѣтъ, вслѣдствіе всеподданнѣйшаго прошенія вдовы покойнаго главнаго надзирателя Тутолмина, Анны Степановны Тутолминой, журналомъ 8 февраля 1826 года положилъ: въ уваженіе заслугъ покойнаго главнаго надзирателя Тутолмина, оказать еще послѣднюю милость вдовѣ его, выдавъ ей 12.000 руб. на уплату долговъ, обязавъ ее подпискою заплатить тѣми деньгами долги свои и впредь подобными просьбами не утруждать Ея Императорское Величество; о чемъ и поднесенъ Ея Величеству всеподданнѣйшій докладъ. Но какъ выдача такого значительнаго единовременнаго пособія выходила изъ круга обыкновеннаго теченія дѣлъ, то Ея Императорское Величество къ исходатайствованію его вдовѣ Тутолмина поднесла 19 февраля 1826 года Его Императорскому Величеству особую записку, на которой Его Императорское Величество собственноручно подписать изволилъ: „Милость Вашего Императорскаго Величества кажется Мнѣ совершенно справедливою.“

Всѣ чиновники оказали должную ревность къ службѣ въ тяжкій 1812 годъ,—и усердіе ихъ не оставлено безъ вознагражденія.

Чиновникамъ, сопровождавшимъ воспитанниковъ въ Казань—Шредеру, Шумову и помощникамъ эконома Сибирякову и Берхгофу объявлена Высочайшая благодарность; прочимъ же чиновникамъ и приставникамъ выдано не въ зачетъ третное жалованье. Всѣмъ чиновникамъ, бывшимъ при Домѣ, выдано въ пособіе жалованье за все время пребыванія непріятеля въ Москвѣ. Священникамъ постороннимъ, исправлявшимъ должность самовольно отлучившихся домовыхъ священниковъ, выдано за нихъ жалованье.

При годовомъ награжденіи чиновниковъ Экспедиціи къ назначенной суммѣ 4.000 р. прибавлено еще 1000, и сверхъ того, по уваженію особыхъ обстоятельствъ 12-го года, прибавлено 555 руб. на этотъ только разъ.

Посторонніе лица, оказавшія услуги Дому, также получили должное награжденіе.

Ея Императорскимъ Величествомъ внесено въ Сохранную Казну 7000 руб., для приращенія процентами. Сумму эту предположено раздать чиновникамъ Дома, потерпѣвшимъ отъ непріятельскаго нашествія, когда убытки ихъ приведены будутъ въ извѣстность. Въ 1815 году, по Высочайше утвержденному февраля 22-го докладу Московскаго Совѣта, 7735 р. 35 к. роздано было въ пособіе чиновникамъ. Весь же убытокъ, понесенный ими, оцѣненъ въ 514.762 р. 10 коп.

Многіе чиновники были награждены чинами, орденами, подарками, или, по увольненіи отъ службы, получали разныя льготы.

Первая надзирательница Ликфетъ получила бриллiантовый перстень. Экономъ Христіани—чинъ коллежскаго совѣтника. Помощникъ эко-

вома Зейпель—орденъ св. Владиміра 4-й ст. и годовое жалованье, а при увольненіи получилъ за 10 л. половинную пенсію по закону и сверхъ того годовой окладъ; наконецъ, въ уваженіе къ его службѣ, по смерти его, вдова Зейпель принята во Вдовій Домъ, хотя по лѣтамъ и не имѣла на то права.

Заключимъ нашу статью выпискою изъ записки Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, поднесенной въ 1814 г., Его Императорскому Величеству.

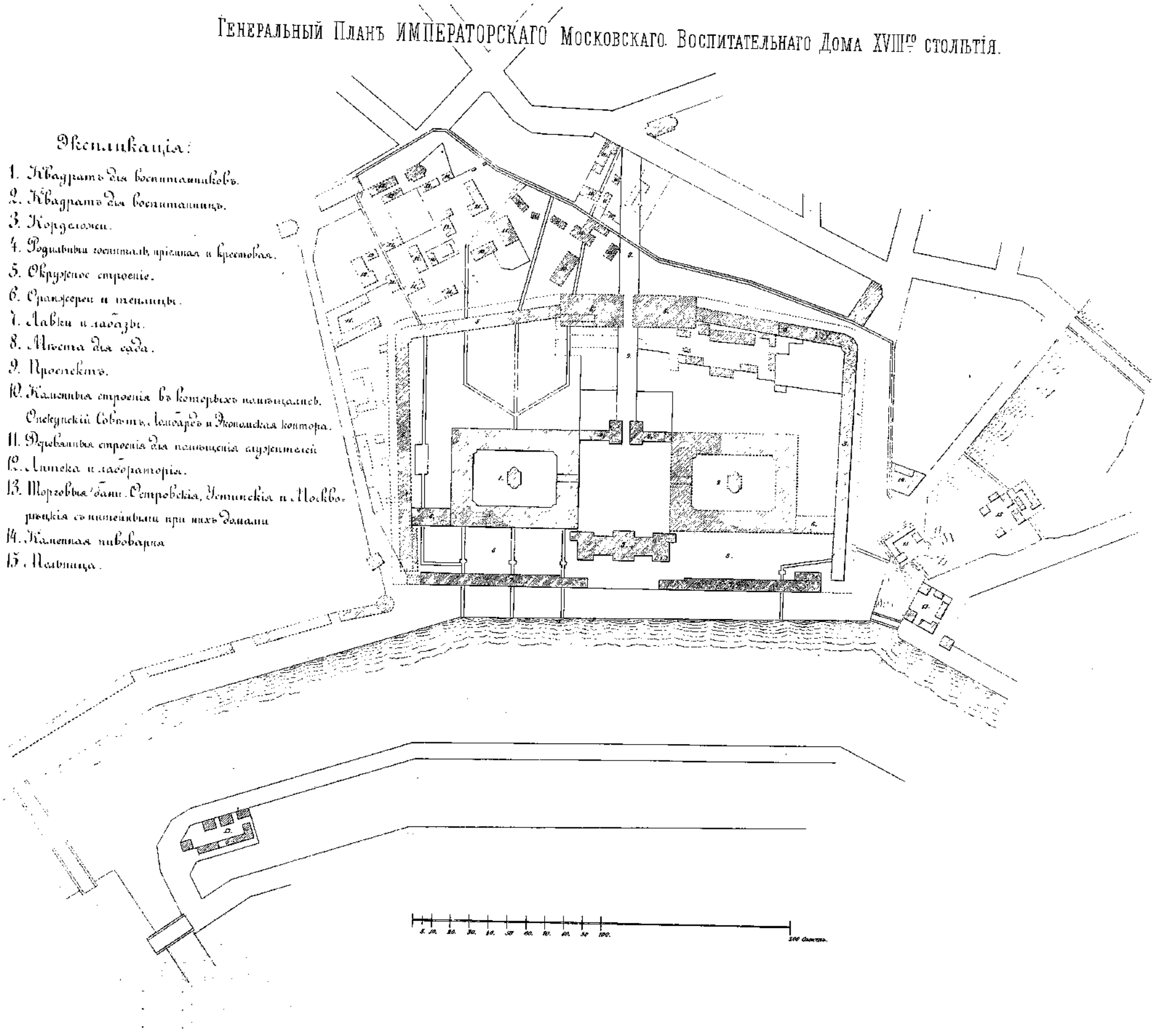
Въ запискѣ Ея Величества изображено:

„Не съ толикимъ какъ прежде удовольствіемъ подношу Я Вашему Императорскому Величеству нынѣ за истекшій 1812 г. отчеты по обоимъ Воспитательнымъ Домамъ и подвѣдомственнымъ заведеніямъ, ибо ни по числу сбереженныхъ питомцевъ, ни по оборотамъ и доходамъ не увидите въ нихъ тѣхъ утѣшительныхъ извлеченій, какіе въ прежнихъ усматривали. Но хотя бывшія несчастныя обстоятельства, превращенныя десницею Всевышняго во славу и спасеніе, имѣли ощутительное вліяніе на благосостояніе Воспитательныхъ Домовъ, какъ въ отношеніи къ питомцамъ, коихъ число прекращеніемъ пріема въ Московскій Воспитательный Домъ въ теченіи 4-хъ мѣсяцевъ значительно уменьшилось, такъ и къ капиталамъ и доходамъ, въ коихъ остановка дѣйствій Сохранной и Ссудной Казны въ Москвѣ отъ перевоза въ Казань и отъ затрудненія, произведеннаго чрезвычайными требованіями вкладчиковъ, причинили важный ущербъ въ прибыляхъ и доходахъ, не говоря о раззореніяхъ, о которыхъ особо представляется; однакожъ если привести на память, какимъ жребіемъ сіи заведенія угрожались, то остается только съ благоговѣніемъ приносить благодарность Всевышнему Промыслу, сохранившему оныя отъ вящшихъ бѣдъ и покровительствовавшему имъ во спасеніи питомцевъ своихъ и имущества нѣсколькихъ тысячь семействъ на многіе милліоны рублей.“

Высочайшій отзывъ Государя Императора на записку Ея Величества былъ слѣдующій:

„Ваше Императорское Величество, сообщивъ мнѣ за 1812 годъ свѣдѣнія о состояніи обоихъ Воспитательныхъ Домовъ и подвѣдомственныхъ имъ заведеній, хотя и изъяснили, что по обстоятельствамъ того времени не могутъ они быть въ нѣкоторыхъ частяхъ столь удовлетворительными, какъ въ прежніе годы, но я съ истиннымъ удовольствіемъ видѣлъ всѣтѣ распоряженія, какія къ пользѣ ихъ сообразно съ обстоятельствами учинены тогда были. Особливо не могу довольно признать всей дѣятельности и усердія оказанныхъ чиновниками Московскихъ заведеній въ столь трудныхъ обстоятельствахъ, случившихся при вторженіи врага, нынѣ помощію Всевышняго покореннаго. Изъ полученныхъ же отъ Вашего Императорскаго Величества Мною свѣдѣній за 1813 годъ еще пріятнѣе мнѣ было усмотрѣть цвѣтущее паки благосостояніе сихъ заведеній. Относя все сіе къ непоколебимому Вашего Императорскаго Величества о нихъ попеченію, поставляю Себѣ обязанностію повторить при семъ случаѣ мою чувствительнѣйшую за оное благодарность. Раздѣляя съ Вашимъ Величествомъ вниманіе Ваше, которое обратили на себя усердіемъ и трудами Гг. Почетные Опекуны, Оберъ-Директоръ и его Помощникъ, Члены Совѣтовъ и Правленія и другіе подчиненные, прошу Васъ воспріять на Себя трудъ изъявить имъ Мою совершенную признательность. На вѣкъ преданный сынъ Вашъ Александръ. Въ С.Петербургѣ 14-го Августа 1814-го года.“

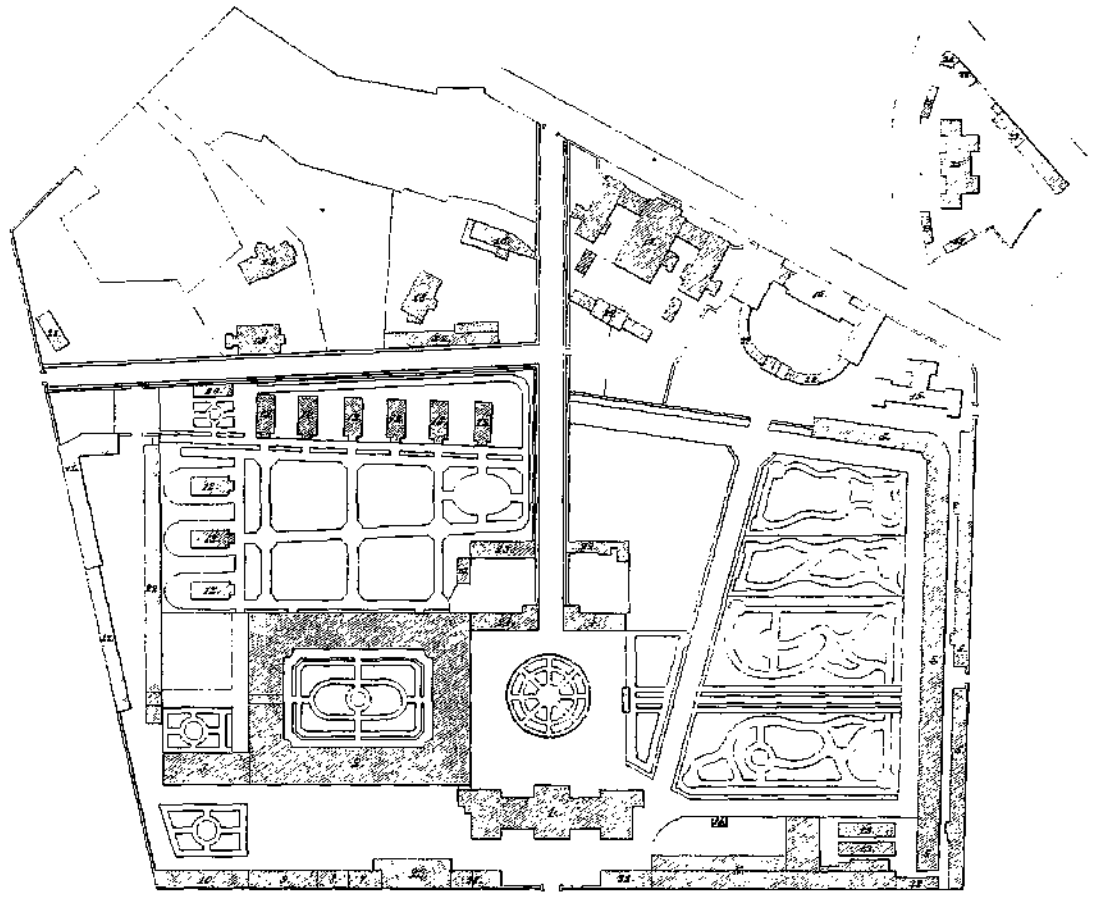
Генеральный Планъ ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Воспитательнаго Дома XVIII^го столѣтія.

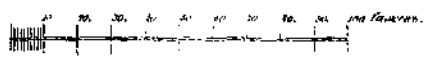


Генеральный Планъ ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Воспитательнаго Дома 1863го года.

Экспликація.

1. Корпусъ.
2. Квадратъ.
3. Институтская больница.
4. Деревенская экспедиція.
5. Сборное строеніе съ принадлежащими къ нему помѣщеніями
6. Большая прачешная.
7. Водоподъемная машина.
8. Корпусная баня.
9. Малая прачешная
10. Лабазы.
11. Казарма крупноотпитанной женской прислуги.
12. Лютка палаты грудныхъ отдѣленій.
13. Лютка купальни
14. Часовня
15. Лютка палаты Родовспомогательнаго заведенія
16. Бывшій домъ Сенонова, съ квартирами служащихъ
17. Опекунскій Совѣтъ.
18. Бывшій домъ Марской, съ квартирами служащихъ.
19. Инвалидный домъ
20. Оранжерея
21. Каменное строеніе съ погребъ для сжиганія дѣлъ.
22. Хлѣвныя строенія.
23. Квартиры рабочихъ
24. Корпусъ для пріѣзжихъ воспитанницъ.
25. Бывшій домъ Свитина, съ квартирами служащихъ.



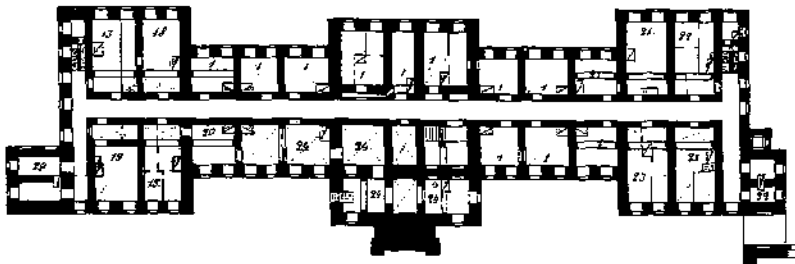


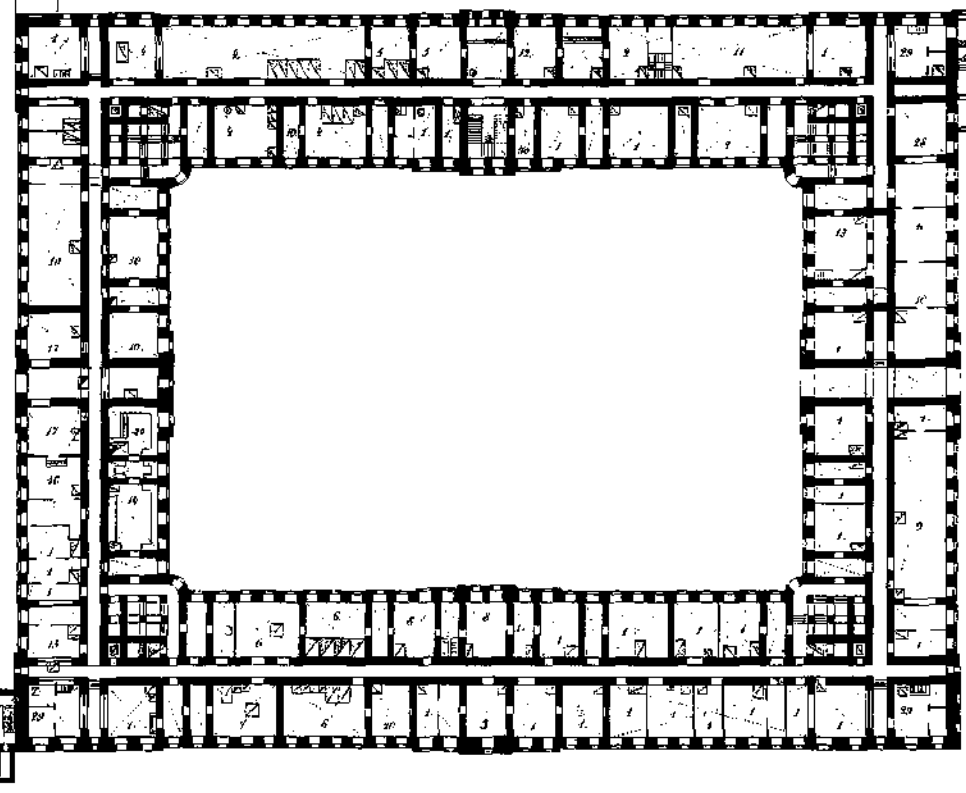
1й Этажъ.

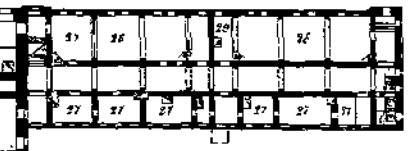
Корделожи

Квадратъ.

Больница Института



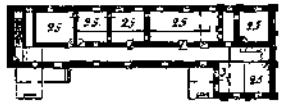


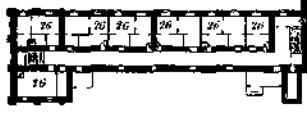


Экспликація.

1 Казармы служащихъ.
2. Квартиры Аудиторовъ.
3 Казармы нижнихъ.
4 Кухня кормильная.
5. Пекарная.
6 Кухня Институтская.
7 ——— Практическая.
8 Буфетъ.
9 Казарма
10 Кладовыя
11. Запасная казарма для кормилицъ
12 Оспенная.
13 Квасная.
14 Баня Институтская.
15. Кухня Начальницы

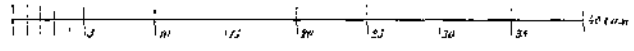
Деревенская Экспедиція.



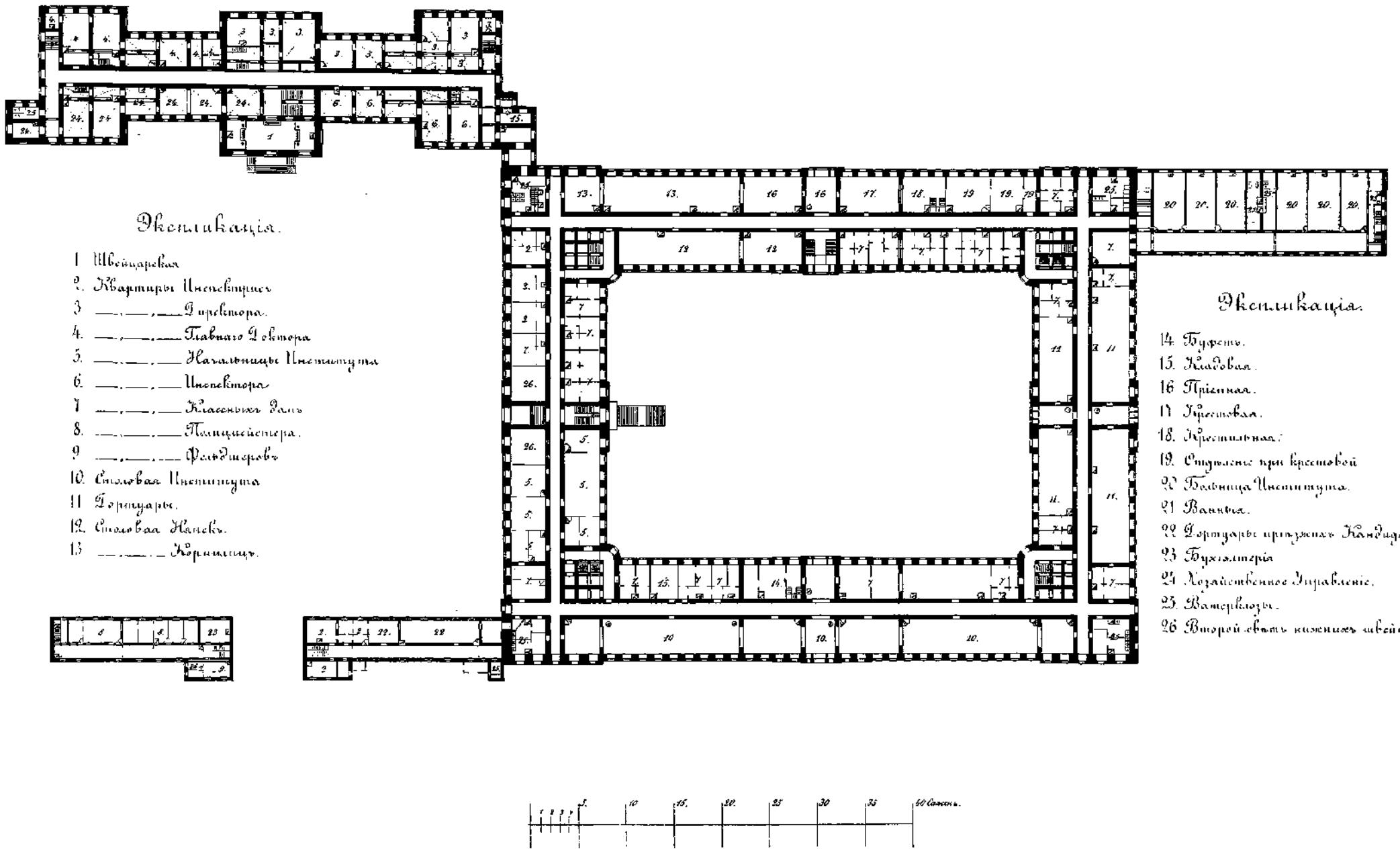


Экспликація.

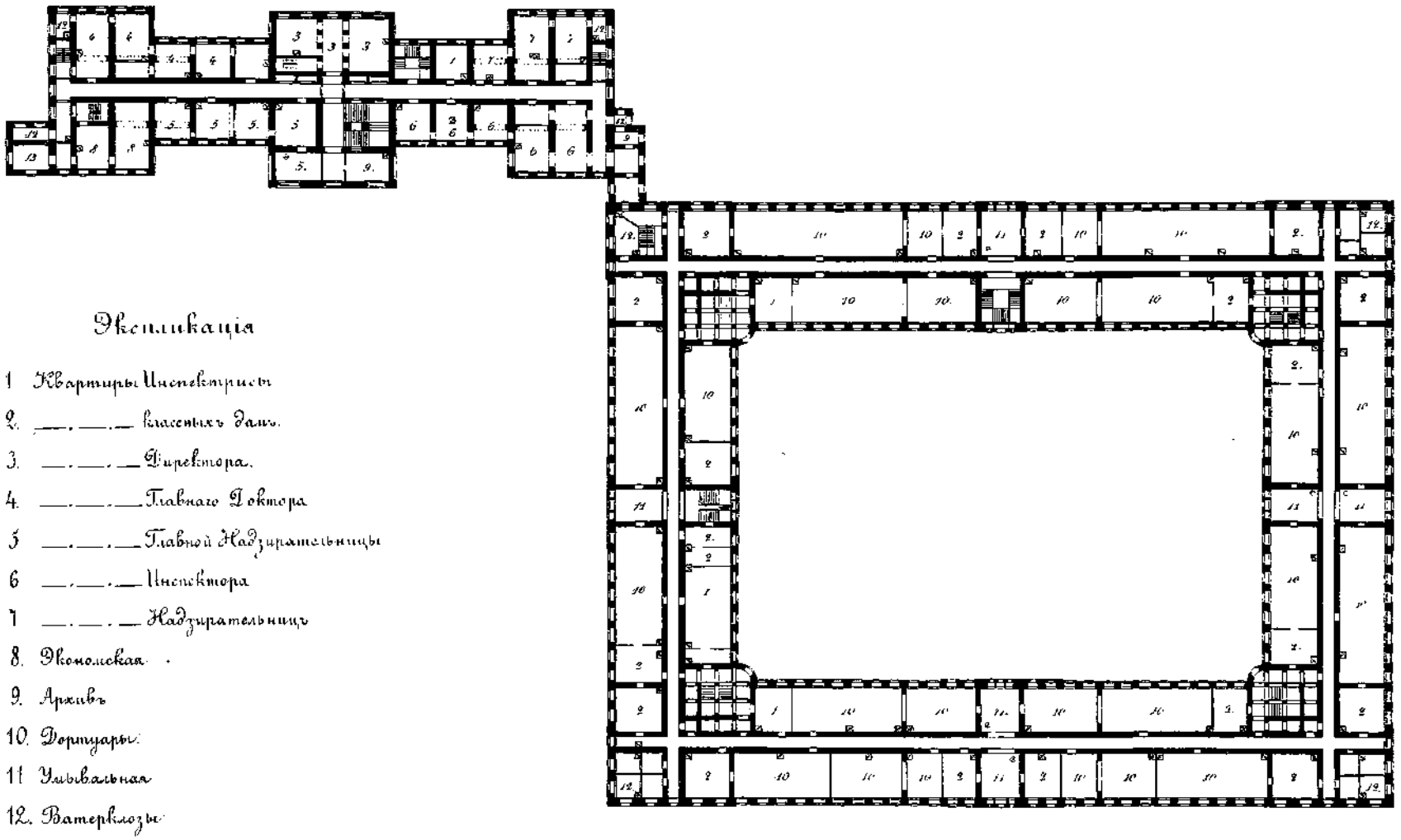
16. Инспекторская комната.
17. Швейцарская.
18. Кухня и прачешная Главнаго Доктора.
19. ——— . ——— Главной Надзирательницы.
20 Казарма рабочихъ.
21 Кухня и прачешная Директора
22 ——— . ——— Инспектора
23 Квартира надзирательницы.
24 Аптечная
25 Деревенская экспедиція.
26 Квартиры классныхъ дамъ.
27 ——— . ——— лазаретныхъ дамъ.
28. Баня
29. Ватерклозеты.



2-й Этажъ

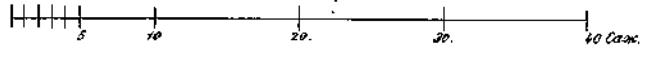

Экспликація.
1 Швейцарская
2. Квартиры Инспектора
3 —,—,— Директора.
4. —,—,— Главнаго Доктора
5. —,—,— Начальницы Института
6. —,—,— Инспектора
7 —,—,— Классныхъ Дамъ
8. —,—,— Полицейскаго.
9 —,—,— Фельдшеровъ
10. Столовая Института
11 Гардеробы.
12. Столовая Нянекъ.
13 —,—,— Кормилицъ.
Экспликація.
14 Буфетъ.
15. Кладовая.
16 Пріемная.
17 Крестовая.
18. Крестильная.
19. Отдѣленіе при крестовой
20 Больница Института.
21 Ванны.
22 Гардеробы принятыхъ Кандидатокъ.
23 Бухгалтерія
24 Хозяйственное Управленіе.
25. Ватерклозеты.
26 Второй этажъ нижнихъ швейцарскихъ.
5. 10 15. 20. 25 30 35 40 Саженъ.

3й Этажъ

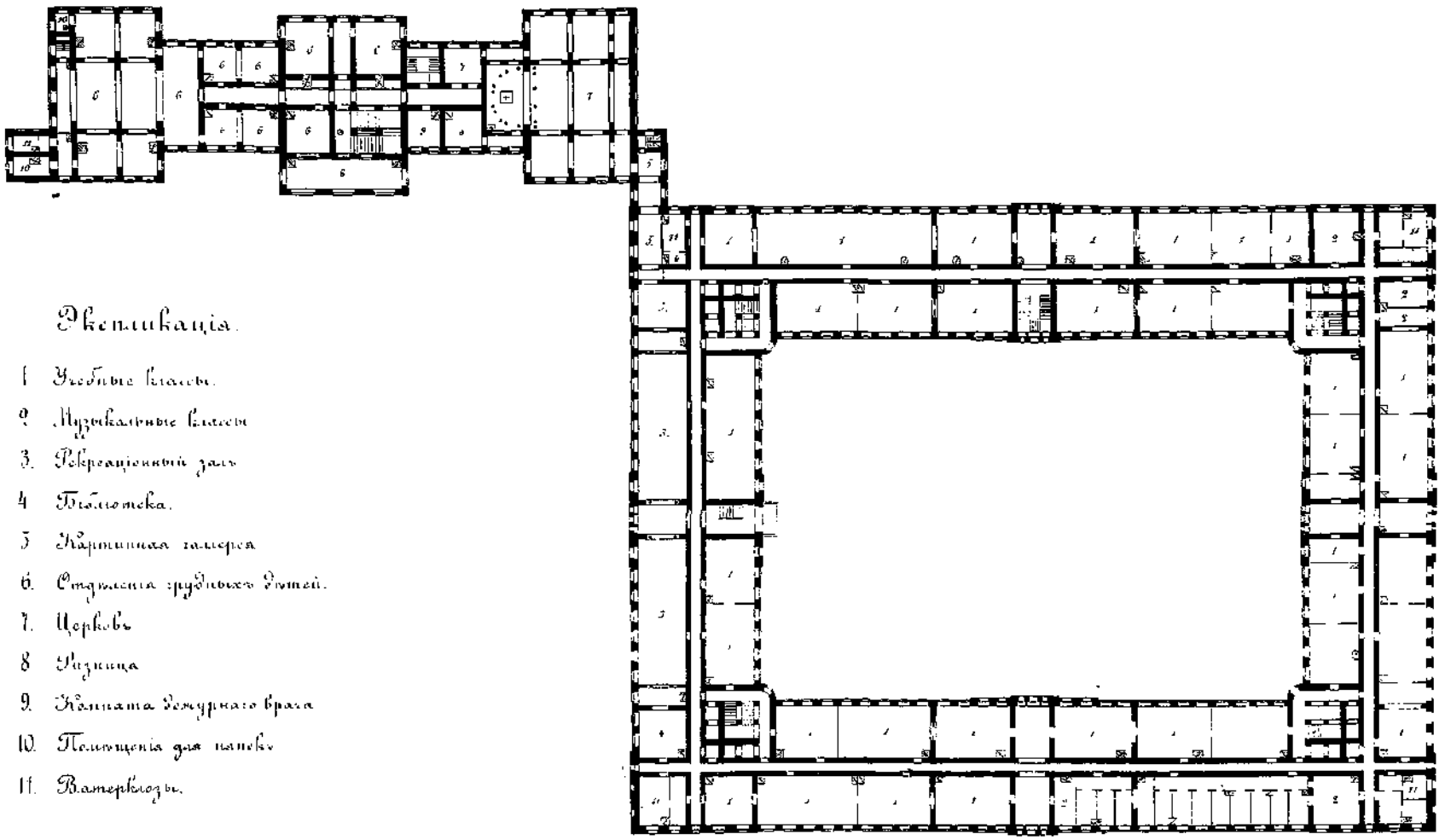


Экспликація

1 Квартиры Инспектрисы
2. —.—.— классныхъ дамъ.
3. —.—.— Директора.
4. —.—.— Главнаго Доктора
5 —.—.— Главной Надзирательницы
6 —.—.— Инспектора
7 —.—.— Надзирательницъ
8. Экономская
9. Архивъ
10. Дортуары
11 Умывальная
12. Ватерклозы
13. Кладовая

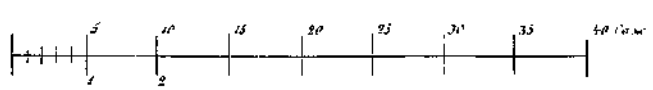


4-й Этажъ.

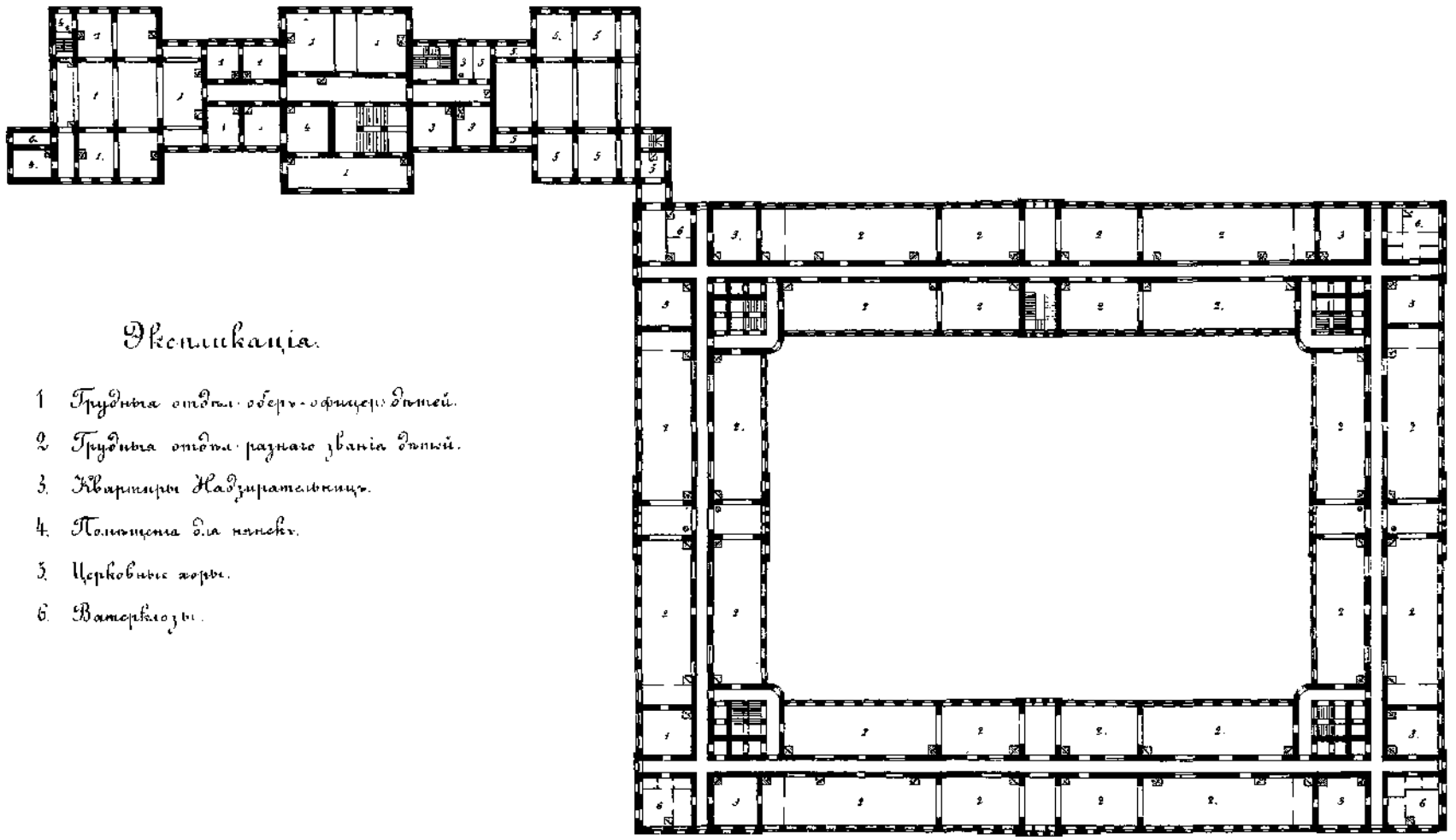


Экспликація.

1. Учебные классы.
2. Музыкальные классы
3. Рекреаціонный залъ
4. Библіотека.
5. Картинная галерея
6. Отдѣленія грудныхъ дѣтей.
7. Церковь
8. Рѣзница
9. Квартира дежурнаго врача
10. Помѣщенія для няекъ
11. Ватерклозы.

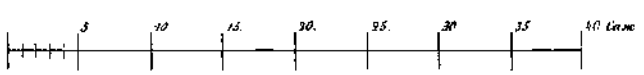


5й Этажъ.



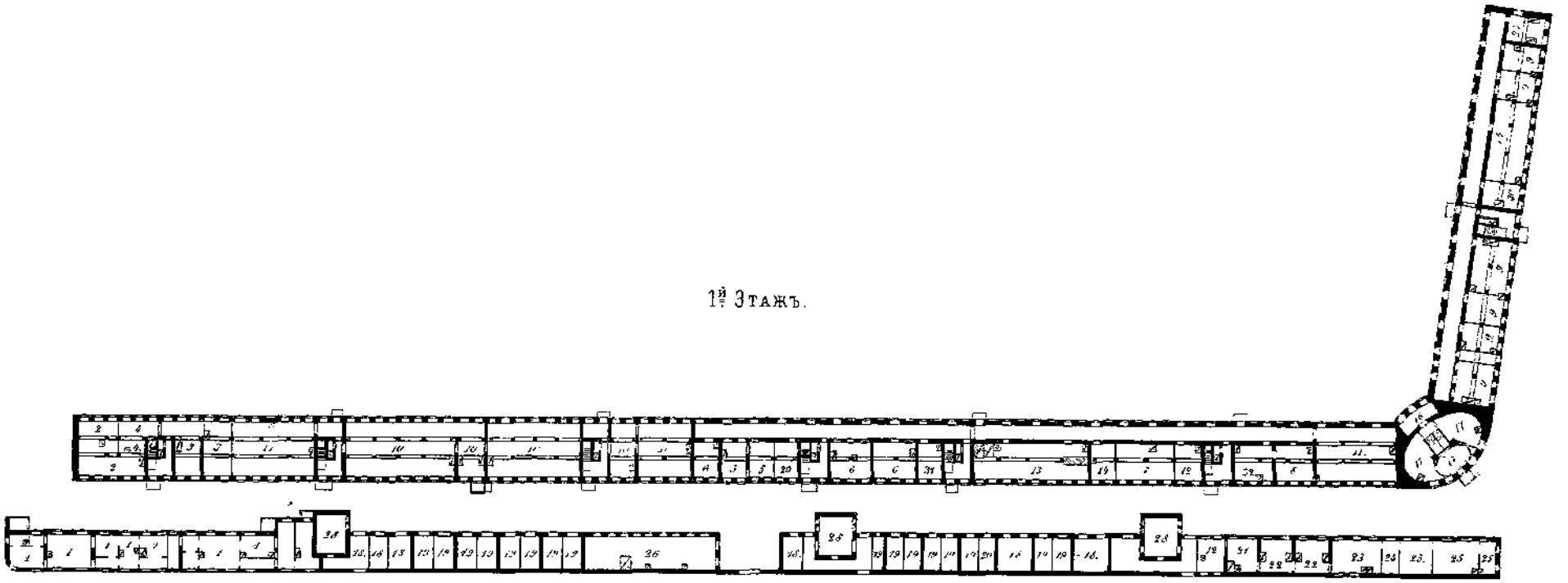
Экспликація.

1 Трудныя отдѣл. обер-офицерскихъ дѣтей.
2 Трудныя отдѣл. разнаго званія дѣтей.
3. Квартиры Надзирательницъ.
4. Помѣщенія для кассы.
5. Церковныя хоры.
6. Ватерклозеты.



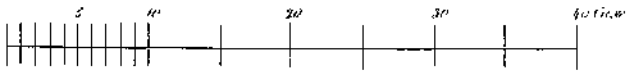
Окружное Строеніе

1й Этажъ.



Экспликація

1. Квартиры Священниковъ
2. — — — — Дьякона.
3. — — — — Дьяковъ
4. — — — — Сторожа
5. — — — Надзирателей мужской больницы
6. — — — — Надзирательницы.
7. — — — — Кухмейстерши
8. — — — — Баскы закон больницы
9. — — — — Акушерокъ
10. Казармы нижнихъ служителей
11. — — — — Нянекъ
12. — — — — Рабочихъ
13. Кухня
14. Судомойная
15. Палаты деревенскихъ родильницъ
16. Швейцарская

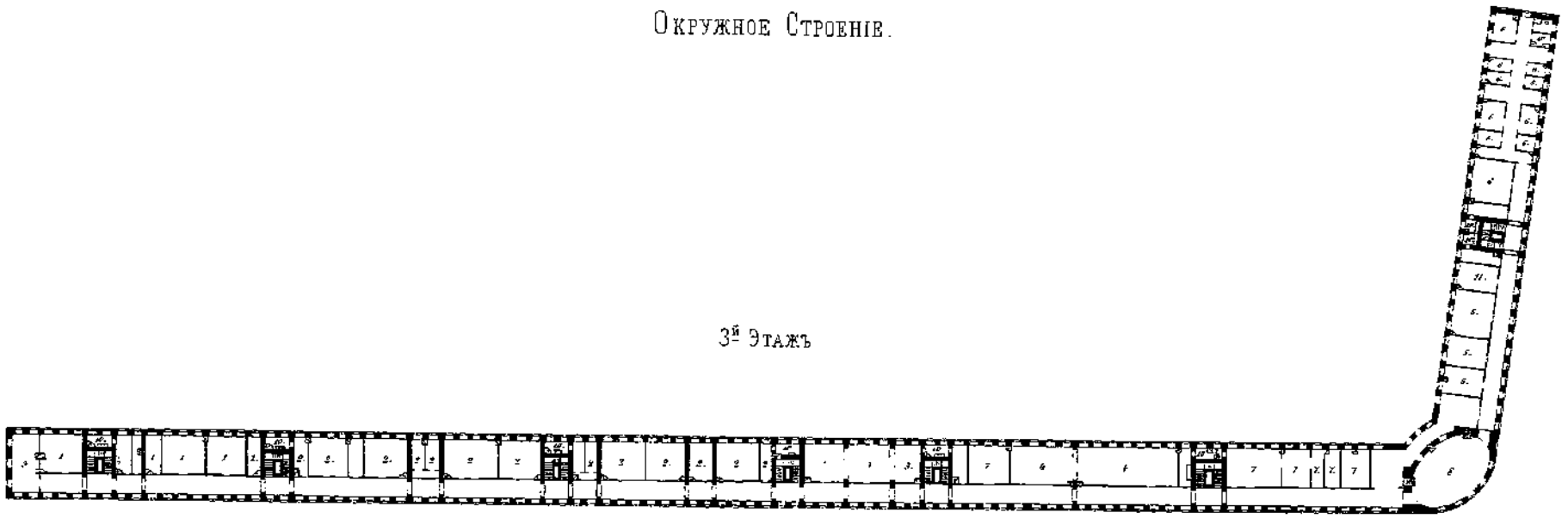


Экспликація.

17. Сени.
18. Сараи.
19. Погреба
20. Конюшня
21. Прачешная.
22. Винная сторожка
23. Каталежная
24. Бѣлевая
25. Часовня
26. Баня
27. Ватерклозы
28. Ретирады
29. Бѣлевая
30. Квартира повитухъ.
31. — — — — прачекъ.
32. — — — — швейцара

Окружное Строеніе.

3й Этажъ



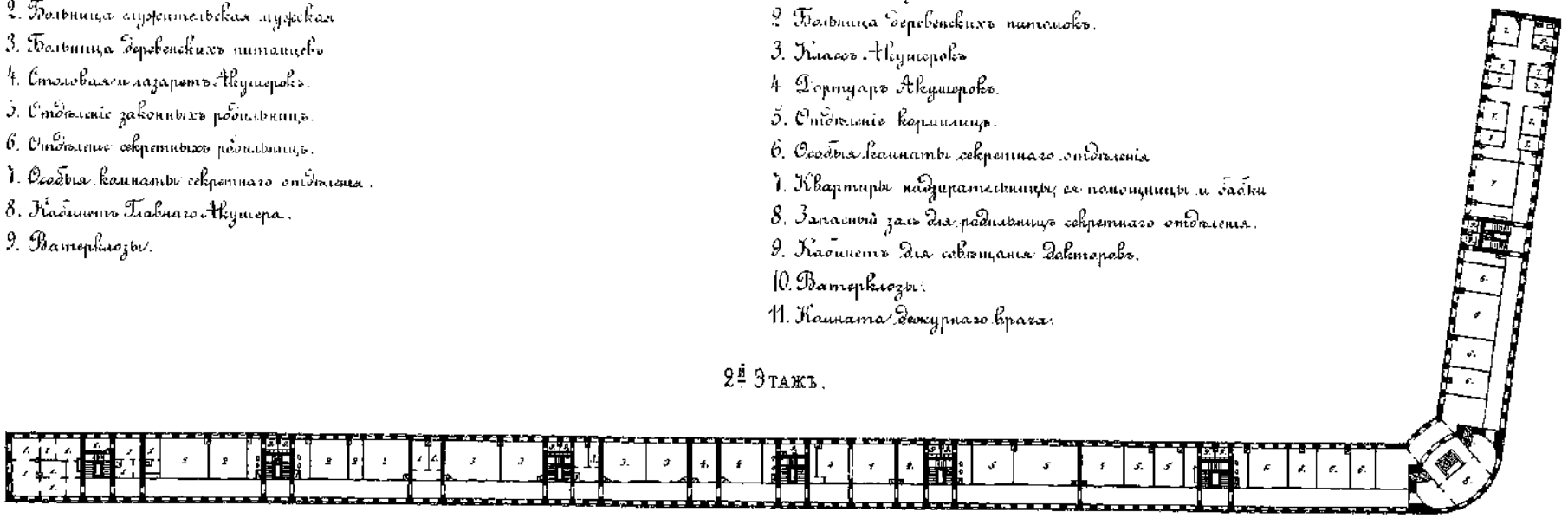
Экспликація 2го этажа:

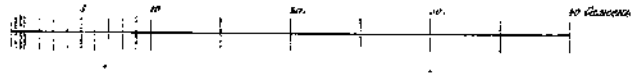
1. Квартиры Смотрителя и Надзирательницъ.
2. Больница акушерская мужская
3. Больница деревенскихъ питомцевъ
4. Столовая и лазаретъ Акушеровъ.
5. Отдѣленіе законныхъ родильницъ.
6. Отдѣленіе секретныхъ родильницъ.
7. Особыя комнаты секретнаго отдѣленія.
8. Кабинетъ Главнаго Акушера.
9. Ватерклозы.

Экспликація 3го этажа.

1. Больница акушерская женская.
2. Больница деревенскихъ питомцевъ.
3. Классъ Акушеровъ
4. Фортуаръ Акушеровъ.
5. Отдѣленіе корпилицъ.
6. Особыя комнаты секретнаго отдѣленія
7. Квартиры надзирательницы съ помощницы и бабки
8. Запасный залъ для родильницъ секретнаго отдѣленія.
9. Кабинетъ для совѣщанія докторовъ.
10. Ватерклозы.
11. Комната дежурнаго врача.

2й Этажъ.





ВИДЪ ВОСПИТАТЕЛЬНАГО ДОМА ОТЪ МОСКВОРѢЦКАГО МОСТА.

МОСКОВСКІЙ ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ДОМЪ

со стороны большаго подъѣзда.

ЦЕРКОВЬ МОСКОВСКАГО ВОСПИТАТЕЛЬНАГО ДОМА.

БОЛЬШОЙ КОРРИДОРЪ ВЪ ОКРУЖНОМЪ СТРОЕНІИ.

LIBRARY OF CONGRESS
0 022 042 940 4